ISSN 2221-2558

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 10

Минск
Издательский центр БГУ
2017

УДК 34(082)
ББК 67я43
П78

Рекомендовано
Ученым советом Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь
18 декабря 2017 г., протокол № 6

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. В. Марчук [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – Вып. 10. – 394 с.

П78

УДК 34(082)
ББК 67я43

© Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2017
© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2017

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Конюк Александр Владимирович – Генеральный прокурор Республики Беларусь, государственный советник юстиции 1 класса

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Гучок Александр Евгеньевич – заместитель Председателя Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент

Козаченко Иван Яковлевич – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Мартинович Изабелла Ивановна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор

Навроцкий Вячеслав Александрович – профессор кафедры уголовного права и криминологии Львовского государственного университета внутренних дел МВД Украины, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины

Семашко Елена Валентиновна – заместитель руководителя – начальник отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор

Шестаков Дмитрий Анатольевич – президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия

Марчук Василий Васильевич – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – председатель

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь – заместитель председателя

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – научный редактор

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Винокуров Александр Юрьевич – директор Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный работник прокуратуры Российской Федерации (в качестве стороннего члена)

Лосев Владимир Владимирович – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Русецкий Олег Валерьевич – начальник отдела криминологических исследований ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Сащеко Павел Иванович – начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Сидоренко Дарья Олеговна – ведущий специалист отдела отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» – технический редактор

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ

Афонченко Т.П.

Правовые последствия мер постпенального контроля, осуществляемых в отношении осужденных 11

Ескендиров А.А.

Ювенальная юстиция в Казахстане: состояние и перспективы 17

Катушонок О.В.

Понятие и формы внутрисемейного геронтологического насилия 23

Колесников В.В.

Об экономико-правовых предпосылках «цветных революций» 30

Кузьменкова С.В.

Отдельные особенности мер взыскания и поощрения как карательно-воспитательных средств воздействия на осужденных к аресту 39

Куница Е.В.

Некоторые вопросы применения термина «государственное должностное лицо» в практике деятельности по противодействию коррупции 44

Маков Б.В.

Философский анализ феномена криминала на постсоветском пространстве 50

Мартыненко И.Э.

Особенности обеспечения субъектами правоохранительной деятельности национальной безопасности в сфере историко-культурного наследия 53

Нечаев А.Д.

К вопросу о понятии и уголовно-политическом значении (де)криминализационного повода, причин и условий (де)криминализации 62

Тюнин В.А.

Проблемы реализации антикоррупционного законодательства государственными организациями, предприятиями и учреждениями 70

Хватик Ю.А., Колевич С.А.

Правовые условия для внедрения в Республике Беларусь финансовых инструментов краудэкономики с целью предотвращения возникновения преступлений в условиях цифровизации экономики 76

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Безбородов Д.А.

Объективные признаки уклонения от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (ст.ст. 199.3, 199.4 УК РФ)..... 83

Дубко М.А.

Отдельные вопросы уголовно-правовой защиты компьютерной информации от неправомерного завладения..... 90

Игнатюк А.З.

Проблемы квалификации контрабанды в уголовном законе Республики Беларусь..... 96

Ильина А.Н.

Уголовно-правовые меры имущественного воздействия в законодательстве стран – участников СНГ 102

Коротич Е.А.

Разглашение врачебной тайны: к вопросу совершенствования ст. 178 и уточнения ее места в системе особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь..... 107

Кукштель В.А.

Предмет преступления «уклонение от погашения кредиторской задолженности» в уголовном праве Республики Беларусь..... 114

Лосев В.В.

Взяточничество: предмет подкупа, неправомерная выгода и предмет взятки в международном праве и в уголовном законодательстве Беларуси, России и Украины..... 119

Любавина М.А.

Сбыт наркотиков в несколько приемов: проблемы квалификации..... 125

Мелешко Д.А.

Преступная халатность как обязательное условие для непосредственного причинения смерти..... 132

Павловская Н.В.

Ответственность за подкуп свидетелей и иных участников судопроизводства в Российской Федерации 137

Резюк В.И.

Уголовно-правовой, криминалистический и криминологический аспекты способа совершения преступления: унификация и обособление..... 142

Федышина П.В.

Некоторые вопросы квалификации убийств по п. «а» и п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ 149

Рыцерски М.

О понятии и сущности документа в праве Польши 154

Филипец О.Б.

Кратный штраф как одно из средств противодействия коррупционным преступлениям в Республике Казахстан 159

Халиуллин А.И.

Противодействие киберпреступности в России как элемент международной информационной безопасности 165

Шекк Е.А.

Некоторые вопросы совершенствования уголовно-правовых признаков состава организации либо содержания притонов или систематического предоставления помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов 172

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Богданович Н.А.

К вопросу о совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего выемку документов, содержащих банковскую тайну 178

Бурый В.Е.

Порядок и условия содержания заключенных под стражу (осужденных) на территории белорусских земель в дореволюционный период 183

Жидких А.А.

Правовая оценка и средства реагирования прокурора на злоупотребление процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты в досудебных стадиях уголовного процесса России 191

Каратаев Т.Ж.

Социально-правовые предпосылки формирования института защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса 197

Серова Е.Б.

Повышение качества предварительного расследования как основа успешного поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей 203

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Артеменков В.К.

Информационно-аналитическое обеспечение как средство повышения эффективности прокурорского надзора в сфере исполнения законодательства администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания 210

Бильдейко А.А.

Некоторые аспекты организации системы управления в органах прокуратуры в условиях совершенствования подходов по защите экономических интересов государства 216

Бодакова О.В.

Совершенствование процессуально-правового положения прокурора в хозяйственном судопроизводстве 222

Винокуров А.Ю.

Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина: новые подходы 229

Диканова Т.А.

О прокурорском надзоре за исполнением законов о безопасности дорожного движения в Российской Федерации 234

Добрецов Д.Г.

Проблемы повышения эффективности применения лесного законодательства и прокурорского надзора за его исполнением 240

Ережипалиев Д.И.

Актуальные вопросы организации прокурорского надзора и обеспечения законности в Российской Федерации в сфере долевого строительства 249

Никитин Е.Л.

Предмет прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: сравнительно-правовой аспект 255

Протасевич А.В., Игнатюк А.З.

Прокурорский надзор как фактор влияния на конкурентоспособность белорусской экономики 262

Сасенов А.Б.

Прокуратура как элемент системы сдержек и противовесов в судебной системе Казахстана: историко-правовой аспект 269

Семенов А.С.

Правовой механизм предупреждения средствами прокурорского надзора преступных деяний террористической направленности, обстоятельств, причин и условий, способствующих их совершению 277

Сенько А.С.

Сущность мер прокурорского реагирования в административно-процессуальных правоотношениях 282

Скобелев В.П.

О совершенствовании правового статуса должностных лиц прокуратуры в судопроизводстве по гражданским делам 290

Ступаченко Е.В.

О некоторых вопросах повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов о контрактной системе 297

Шобухин В.Ю.

О конституционно-правовом регулировании организации и деятельности прокуратур Российской Федерации и Республики Беларусь 304

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Хлус А.М.

Криминалистическое противодействие развитию коррупции в условиях глобализации 311

Швед А.И.

Проблема классификации судебных экспертиз в аспекте совершенствования правового обеспечения судебно-экспертной деятельности 317

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

Головко И.И., Исламова Э.Р.

Противодействие коррупции путем обращения имущества служащих в доход государства в СНГ: сравнительно-правовой аспект 323

Дытченко Г.В.

Особенности обеспечения органами прокуратуры законности оперативно-розыскной деятельности на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой анализ) 332

Залужный А.Г., Бойко П.А.

Проблемы эффективности борьбы с транснациональной преступностью 339

Шакель Н.В.

Новые направления борьбы с киберпреступностью в Европейском Союзе 345

Швед Н.А.

Гармонизация уголовного законодательства стран – участниц ЕАЭС в сфере противодействия преступлениям против информационной безопасности 350

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Хомич В.М.

Криминологическая оценка правового регулирования или к вопросу криминологической экспертизы правовых актов 358

Полящук Н.А., Хиревич М.Л.

Осуществление прокурорского надзора за законностью приостановления и возобновления производства предварительного следствия по уголовным делам 366

Наши авторы 389

Требования к оформлению материалов статей 394

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МЕР ПОСТПЕНАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ

Афонченко Т.П.

Постпенальный контроль, предусмотренный в действующем законодательстве Республики Беларусь в виде профилактического наблюдения и превентивного надзора, представляет собой совокупность уголовно-правовых ограничений, распространяющихся на лицо в силу прямых указаний закона (ст. 81 и ч. 3 ст. 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) либо на основании решения суда (ч. 4 ст. 80 УК).

Решением суда по мере возможности в рамках, закрепленных ч.ч. 7 и 8 ст. 80 УК, также дифференцируется комплекс мер-обязанностей, возлагаемых на осужденного в целях оказания на него режимно-ограничительного и исправительного воздействия. Будучи установленным в нормативно-императивном либо в судебном порядке, этот комплекс мер постпенального контроля становится обязательным для лица, отбывшего наказание, но пребывающего в режиме осуждения.

Правовые последствия осуществления мер постпенального контроля, в первую очередь, связаны с тем, насколько благоприятно с точки зрения закона можно оценить поведение лица в период реализации соответствующей меры. По общему правилу, нарушение императива сопровождается привлечением лица к соответствующей ответственности, что выступает своеобразным обеспечительным фактором, подчеркивающим актуальность системности подконтрольного поведения в соответствующих ситуациях. Иными словами, наряду с организационно-правовыми мерами в обеспечении требований профилактического наблюдения и превентивного надзора важное значение имеют правовые меры, применяемые к лицам, допустившим их нарушение.

Несмотря на вышеуказанное, механизм принудительного воздействия на лицо, находящееся под профилактическим наблюдением, и нарушающее его предписания, в настоящее время отсутствует. Установленные ограничительные меры превентивного надзора во многом аналогичны обязанностям, налагаемым в рамках профилактического наблюдения, но в более «жестком» их проявлении, что дает основания рассматривать превентивный надзор в качестве квалифицированного вида профилактического наблюдения. Нам представляется, что режим профилактического наблюдения в необходимых случаях может быть усилен избранием в качестве профилактического средства мер превентивного надзора. В указанных целях ст. 81 УК следовало бы дополнить частью следующего содержания: «Несоблюдение требований профилактического наблюдения по решению суда может повлечь установление за осужденным превентивного надзора».

Статьей 203 УИК предусмотрено, что осужденные, в отношении которых установлен превентивный надзор, за несоблюдение его требований привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Угроза привлечения к ответственности (административной, уголовной) является

дополнительным фактором воздействия на осужденного. Административная ответственность, согласно ст. 24.12 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), наступает за несоблюдение требований превентивного надзора без уважительных причин, что влечет наложение штрафа в размере от шести до десяти базовых величин. То же деяние, совершенное повторно в течение одного года после наложения административного взыскания, может повлечь применение таких взысканий, как штраф в размере от восьми до пятидесяти базовых величин или административный арест (ч. 2 ст. 24.12 КоАП). Несоблюдение требований превентивного надзора поднадзорным, который дважды в течение года привлекался к административной ответственности за несоблюдение таких требований, влечет уголовную ответственность (ст. 221 УК).

Обязанность составления протокола об административном правонарушении рассматриваемой категории возложена на уполномоченных должностных лиц органов внутренних дел (п. 1 ч. 1 ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, далее – ПИКоАП). Инструкцией об организации работы органов внутренних дел по осуществлению превентивного надзора предусмотрено, что в случае привлечения поднадзорного к административной ответственности за несоблюдение требований превентивного надзора на соответствующих сотрудников возлагается ряд организационных обязанностей. В частности, при разбирательстве в отношении лиц, доставленных за совершение правонарушений, сотрудники органов внутренних дел обязаны проверить наличие сведений о них по автоматизированным банкам данных информационного центра МВД Республики Беларусь в целях выявления среди них поднадзорных (п. 18 Инструкции) [1]. По свидетельству сотрудников, данная работа является весьма энергоемкой. Поэтому целесообразно видоизменить имеющиеся автоматизированные программы учета таким образом, чтобы при внесении персональных данных о лице, совершившем правонарушение, не только осуществлялся поиск имеющейся информации о нем, но и автоматически генерировалось сообщение в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства поднадзорного лица. С технической точки зрения подобное сопоставление имеющейся информации и отправка уведомлений не представляет сложности, но позволит существенно упростить работу и сэкономить время, которое высвободится для проведения профилактической работы. Уклонение от превентивного надзора изначально признается преступлением (ст. 422 УК).

Таким образом, деяния, посягающие на общественные отношения в сфере организации осуществления превентивного надзора, криминализированы. В условиях уголовно-правового запрета превентивный надзор становится важной предупредительной мерой только при условии правильной его организации, то есть когда его установление и исполнение проводится в точном соответствии с законом [2, с. 134]. В подобном случае легче добиться целей ресоциализации осужденного и добровольно-осознаваемого восприятия поднадзорным требований превентивного надзора, а, следовательно, и их исполнения. По этой причине при привлечении лица к уголовной ответственности по ст. 421 и 422 УК основополагающим является требование обязательной и тщательной проверки соответствия принципу законности всех элементов, составляющих процедуру осуществления превентивного надзора. Подробные разъяснения по указанному вопросу были даны еще в постановлениях Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда БССР применительно к институту административного надзора. Так, п. 1 постановления

Пленума Верховного Суда СССР 5 июля 1974 г. № 6 «О практике применения судами законодательства об ответственности за нарушение правил административного надзора» обращал внимание судов на то, что «правильное применение законодательства об ответственности за нарушение правил административного надзора имеет важное значение в предупреждении преступлений и оказании на состоящих под надзором лиц необходимого воспитательного воздействия» [3, с. 721]. Обобщив практику применения требований законодательства об административном надзоре, Пленум Верховного Суда БССР в постановлении 1 октября 1980 г. № 9 «О выполнении судами республики закона и постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 июля 1974 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за нарушение правил административного надзора» постановлял следующее: «При решении вопроса… об ответственности в каждом случае проверять обоснованность установления надзора, нет ли обстоятельств, которые препятствовали его установлению, данные о судимостях, поведении лица, законность и правильность установления ограничений, характер допущенных нарушений, имелась ли у лица возможность выполнить установленные ограничения, преследовал ли нарушитель цель уклонения от надзора и т.д.» [4, с. 165]. На необходимость судов обращать внимание на правомерность действий государственных органов в отношении поднадзорных указывал и Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении 24 июня 1999 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за нарушение правил административного надзора» [5, с. 11]. Однако на практике надзирающие сотрудники органов внутренних дел стремились любым способом избавиться от находящихся под административным надзором осужденных, освобожденных из мест лишения свободы, перенаправив их опять в места лишения свободы. В конечном итоге это дискредитировало институт административного надзора, который был ликвидирован незадолго до распада СССР.

В Республике Беларусь институт административного надзора возрожден в принципиально иной форме – в виде превентивного надзора в качестве особой постпенальной меры уголовной ответственности, обусловленной осуждением лица за совершенное преступление и установленным риском рецидива преступлений после отбытия наказания в виде лишения свободы. В связи с этим изменен на исключительно судебный порядок установления превентивного надзора. Повысилась для суда значимость проверки материалов исправительного учреждения и органов внутренних дел, подтверждающих нежелание освобожденных становиться на путь исправления, а равно обстоятельств, подтверждающих несоблюдение требований превентивного надзора или уклонение от надзора. В компетенции суда при привлечении к уголовной ответственности, таким образом, остается анализ соблюдения требований законности при оценке фактов, подтверждающих несоблюдение требований надзора либо уклонение от надзора.

С точки зрения УК наказуемыми являются следующие деяния:

1) **несоблюдение требований превентивного надзора** без уважительных причин при наличии двукратной административной преюдиции за такие же нарушения (предусмотрено применение уголовного наказания в виде ареста или ограничения свободы на срок до одного года (ст. 421 УК). Привлечение к уголовной ответственности по ст. 421 УК может иметь место при наличии

следующих обстоятельств. Поднадзорный **не соблюдает** те обязанности, обусловленные превентивным надзором, которые перечислены в ч.ч. 7 и 8 ст. 80 УК и соответственно в ст. 201 УИК. Следует обратить внимание, что обязанности, перечисленные в ч.ч. 7 и 8 ст. 80 УК, возлагаются судом при установлении превентивного надзора в обязательном порядке и их невыполнение без уважительных причин может расцениваться как несоблюдение требований превентивного надзора лишь при отсутствии обстоятельств (доказательств), что это было сделано с целью уклониться от превентивного надзора. К числу таких обязанностей следует отнести и обязанность (запрет) не выезжать за пределы Республики Беларусь (п. 4 ч. 8 ст. 80 УК). Что касается других обязанностей, предусмотренных ч. 8 ст. 80 УК (не посещать определенные места; не покидать свое жилище в определенное время суток; являться в орган внутренних дел от одного до четырех раз в месяц для регистрации), то они устанавливаются для поднадзорных по усмотрению суда и при их невыполнении поднадзорный не выходит за пределы заданной (установленной) зоны контроля за его поведением со стороны уполномоченного (надзирающего) органа. Поэтому, если эти обязанности поднадзорным не выполняются при отсутствии уважительных причин, все равно достаточных оснований рассматривать это как уклонение от превентивного надзора нет. Поднадзорный пребывает в персонифицируемой зоне контроля. В этих случаях всегда констатируется несоблюдение требований превентивного надзора как административное правонарушение (ст. ст. 24.12 КоАП) или соответствующее преступление (ст. 421 УК). Отметим, что ст. 421 – единственная норма в УК, требующая двукратной административной преюдиции;

2) **уклонение от превентивного надзора** предполагает невыполнение поднадзорным возлагаемых на него обязанностей и запретов при отсутствии уважительных причин и при наличии обстоятельств, свидетельствующих о том, что сделано это было с целью уклониться от превентивного надзора. Перечень таких деяний (нарушений обязанностей или запретов) исчерпывающе перечислен в ст. 422 УК. Это: неприбытие лица, за которым при освобождении из ИУ установлен превентивный надзор, без уважительных причин в установленный срок к избранному месту жительства; выезд лица, за которым установлен превентивный надзор, за пределы района (города) без согласия орган внутренних дел; перемена им места жительства в пределах района (города) без уведомления органа внутренних дел; выезд поднадзорного за пределы Республики Беларусь.

Любое из перечисленных деяний должно быть совершено со специальной целью – уклониться от превентивного надзора, что с субъективной стороны проявляется наличием исключительно прямого умысла на уклонение от превентивного надзора. Если поднадзорный самовольно покинул место жительства, но по обстоятельствам дела было установлено, что он намеревался вернуться, следует говорить о несоблюдении требований превентивного надзора. То есть при разграничении административного правонарушения и преступления названная специальная цель совершения хотя бы одного (или нескольких одновременно) из альтернативных деяний имеет определяющее значение при проверке объяснений поднадзорного в этой части.

Проведенный нами анализ практики правоприменительной деятельности позволяет раскрыть содержание цели уклонения от надзора. В своем крайнем выражении эта цель характеризуется стремлением субъекта вообще избежать превентивного надзора. В подобном случае лицо рассчитывает уйти из поля зрения

органов внутренних дел и таким образом не подвергаться ограничениям, обусловленным установлением превентивного надзора. Уклонение может выражаться также в попытке избежать на какой-то период нежелательных ограничений, не выполнять требования надзора, временно освободиться от них. Установление цели представляет наибольшую сложность при расследовании преступлений данного вида, зачастую не позволяя возбудить уголовное дело в силу невозможности объективно подкрепить ее наличие достаточной доказательственной базой.

Уважительными причинами неприбытия к избранному месту жительства поднадзорные часто называют следующие обстоятельства: сложные метеорологические условия, отсутствие должного транспортного сообщения, болезнь поднадзорного или близкого ему человека, а равно иные обстоятельства, объективно препятствовавшие его прибытию к избранному месту жительства в определенный срок [6, с. 11].

Поднадзорный, своевременно прибывший к избранному месту жительства, не может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 422 УК за неявку в орган внутренних дел для регистрации и постановки на учет. В этом случае он может нести ответственность только по ст. 24.12 КоАП за нарушение обязанности зарегистрироваться по прибытии к месту жительства в органе внутренних дел.

Теория уголовного права [7, с. 503-505] позволяет нам сделать вывод, что уклонение от превентивного надзора – длящееся преступление Поскольку данное преступление начинается с действия, то уклонение от превентивного надзора следует в уголовно-правовом смысле считать оконченным преступлением со дня (вернее, с нуля часов следующих суток), когда истек срок, указанный в постановлении начальника ИУ, для прибытия к избранному месту жительства либо со дня самовольного оставления поднадзорным места жительства либо пересечения Государственной границы Республики Беларусь. С этого момента следует исчислять и срок давности привлечения к уголовной ответственности. Фактически оконченным уклонение от превентивного надзора будет со дня задержания поднадзорного либо со дня явки его с повинной [8, с. 795].

Действия поднадзорного, который дважды в течение года привлекался к административной ответственности за несоблюдение правил надзора и вновь совершил такое же нарушение, а затем, например, оставил место жительства с целью уклонения от превентивного надзора, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 421 и 422 УК. В подобных случаях имеет место реальная совокупность деяний, образующих разные по характеру преступления и предусмотренные различными статьями УК. В свою очередь, если же третье нарушение выразилось в одном из деяний, предусмотренных диспозицией ст. 422 УК, и совершено при обстоятельствах, свидетельствующих о цели уклониться от превентивного надзора, то содеянное в целом следует квалифицировать только по ст. 422 УК.

В этой связи нельзя не обратить внимание на отмечаемую тревожную тенденцию превалирования криминализации деяний над их декриминализацией, а также на расширение дифференциации уголовной ответственности за счет выделения из общих норм новых специальных видов конкурирующих преступлений [9, с. 79, 85]. К числу таких нежелательных конкуренций относятся и рассмотренные нами преступления. С учетом незначительной степени тяжести преступлений, предусмотренных ст. 421 и 422 УК (они относятся к преступлениям,

не представляющим большой общественной опасности), действующая конструкция наказуемых деяний представляется излишне сложной для правоприменительной практики. Квалификация данных деяний по совокупности провоцирует применение более значительной уголовно-правовой репрессии. Санкция ст. 421 УК – лишение свободы на срок до одного года, преследует единственную цель – изолировать поднадзорного осужденного от общества и избавить систему надзора от ненужных клиентов, с которыми надо работать, а не просто надзирать. С точки зрения эффективности социальной реабилитации подобное крайне непродуктивно и требует применения иной схемы исправительного воздействия. Во-первых, необходимо декриминализовать несоблюдение требований превентивного надзора. Во-вторых, чтобы не создавалась иллюзия безнаказанности, обеспечить ее нейтрализацию принудительной трудотерапией путем установления за лицами, допускающими факты несоблюдения требований надзора, обязанности трудоустроиться, в том числе в принудительном порядке. В-третьих, принять наконец-то Закон о социальной адаптации осужденных.

По результатам проведенных исследований предлагаются следующие решения.

1. Нарушение предписаний профилактического наблюдения в необходимых случаях может и должно сопровождаться усилением уголовно-правового воздействия путем установления для таких осужденных превентивного надзора. В этих целях ст. 81 УК следует дополнить частью второй следующего содержания: «В случае несоблюдения осужденным требований профилактического наблюдения суд по представлению органа внутренних дел может установить в отношении такого осужденного превентивный надзор продолжительностью от шести месяцев до одного года».

2. В целях исключения избыточной криминализации системы обеспечения и осуществления превентивного надзора, а также оптимизации функций и процесса социальной реабилитации и адаптации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы со стороны надзирающих органов, декриминализовать «Несоблюдение требований превентивного надзора».

Список использованных источников

1. Инструкция об организации работы органов внутренних дел по осуществлению превентивного надзора: утв. приказом Министра внутренних дел Республики Беларусь от 21 сентября 2011 г. № 313 // Управление внутренних дел Гомельского облисполкома. – Гомель, 2017.

2. Серегин, А.В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления / А.В. Серегин / Академия М-ва внутр. дел СССР. – М., 1975. – 195 с.

3. О практике применения судами законодательства об ответственности за нарушение правил административного надзора: Постановление Пленума Верхов. Суда СССР, 5 июля 1974 г., № 6 // Сборник постановлений Пленума Верхов. Суда СССР (1924 – 1986 гг.) / Под общ. ред. В.И. Теребилова. – М.: Изв. Советов нар. депутатов СССР, 1987. – С. 720-724.

4. О выполнении судами республики закона и постановления Пленума Верховного Суда СССР, 5 июля 1974 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за нарушение правил административного надзора»: Постановление Пленума Верхов. Суда БССР, 1 окт. 1980 г., № 9, с изм., внесенными постановлением

Пленума Верхов. Суда БССР, 5 июня 1985 г., № 8 // Сборник постановлений Пленума Верхов. Суда Бел. ССР (1961-1986) / Отв. ред. В.С. Кондратьев. – 3-е изд., доп. – Минск: Беларусь, 1986. – С. 164-166.

5. О практике применения судами законодательства об ответственности за нарушение правил административного надзора: Пост. Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 24 июня 1999 г., № 5 // Судовы весн. – 1999. – № 3. – С. 10-12.

6. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Мн.: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

7. Курс уголовного права: Общая часть: Учеб. для юрид. вузов: В 2 т. / Моск. гос. ун-т; Под ред.: Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. – Т. 1: Учение о преступлении. – 592 с.

8. Уголовное право Республики Беларусь: Особенная часть: Учеб. пособие / Н.Ф. Ахраменка, Н.А. Бабий, В.В. Борода и др.; Под ред.: Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. – Минск: Новое знание, 2002. – 912 с.

9. Голик, Ю.В. Преступность – планетарная проблема (К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию) / Ю.В. Голик, А.И. Коробеев. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 215 с.

Дата поступления статьи – 11.08.2017.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с установлением и реализацией ответственности за нарушение требований постпенального контроля. Вносятся предложения об изменении системы уголовно-правового обеспечения системы реабилитационного контроля за осужденными, осуществляемого в виде профилактического наблюдения и превентивного надзора.

In the presented article, the author made an attempt to analyze the problems associated with the establishment and implementation of responsibility for violating the requirements of postpinal control in statutory forms. An opinion is expressed about the advisability of mitigating criminal repression in certain positions.

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ескендиров А.А.

За последние пятнадцать лет вопросы развития ювенальной юстиции стали предметом активных дискуссий в научном мире стран СНГ и постсоветского пространства: Беларусь (В.А. Ананич, В.М. Хомич, В.Б. Шабанов, Е.Н. Ярмоц и др.), Казахстан (С.Ф. Бычкова, Б.А. Жетписбаев, А.О. Кусаинова, Г. Сулейменова и др.), Россия (О.Х. Галимов, А.И. Долгова, Э.Б. Мельникова, В.В. Панкратов, Е.Г. Тарло и др.), Украина (В.И. Хомлюк, Л.В. Чуприй и др.).

В мировой юридической доктрине «ювенальная юстиция» как понятие включает систему судебных и правоохранительных органов, специализированных государственных учреждений, социальных служб и общественных организаций, осуществляющих защиту прав детей и подростков, производство по делам о правонарушениях и преступлениях несовершеннолетних, ювенальное правосудие, пенитенциарную практику и ресоциализацию подростков, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

Целями системы ювенальной юстиции являются повышение уровня правовой защиты интересов детей и подростков, снижение уровня преступности несовершеннолетних и детской безнадзорности, повышение ответственности государства и общества на фоне создания условий для благоприятного развития подрастающего поколения [1, с. 17].

На сегодняшний день в большинстве стран мира функционируют органы и учреждения ювенальной юстиции (Австралия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, США, страны Западной Европы и др.):

1) ювенальные подразделения (коллегии, палаты) общих судов;

2) система специализированных судебных учреждений, являющихся частью судебной системы. При этом, название суда, как и его компетенция, отличаются, начиная от рассмотрения исключительно дел о правонарушении и преступлениях несовершеннолетних и заканчивая разрешением широкого перечня гражданских и уголовных дел, по которым одной из сторон является несовершеннолетний, а также семейных споров;

3) несудебные органы со специальной компетенцией (например, социальные службы и т.п.).

Особенностью мировой ювенальной юстиции является активное привлечение неправительственных и общественных организаций к процессу разрешения дел в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Кроме того, на всех стадиях производства по делам несовершеннолетних к участию в нем привлекаются психологи, педагоги, сотрудники социальных служб, что делает эти процедуры более «дружественными» для ребенка [1, с. 57; 2, с. 124–129].

Формирование национальной системы ювенальной юстиции стало одним из приоритетных направлений в социально-правовой политике нашей страны.

28 августа 2008 года был принят Указ Президента Республики Казахстан № 646 «О Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009–2011 годы». Необходимость разработки и принятия Концепции была продиктована актуальностью создания особых процедур уголовного и судебного следствия по делам о преступлениях несовершеннолетних, проблемами соблюдения законности в деятельности государственных органов и учреждений (органы образования, опеки и попечительства, полиция, уголовная юстиция), где основной фигурой выступает несовершеннолетний.

При этом планомерной реализации Концепции предшествовал долгий период поиска перспективных программ и проектов.

Так, 17.11.2001 года официальными представителями Администрации Президента Республики Казахстан, Генеральной прокуратуры, Верховного Суда, МВД и МЮ Республики Казахстан, Фонда «Сорос-Казахстан», Института конституционной и правовой политики (г. Будапешт, Венгрия) был подписан «Протокол о намерениях», который определил цели, задачи и принципы реализации пилотного проекта «Ювенальная юстиция в Казахстане» (2003-2006 г.г.).

Основополагающими целями проекта стали:

- обеспечение соблюдения законодательства Республики Казахстан в области защиты прав ребенка в соответствии с Конвенцией ООН «О правах ребенка»;

- создание специализированной модели правосудия для лиц, не достигших 18-летнего возраста;

- выделение несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности, в качестве особой группы дополнительной правовой защиты;

- подготовка специализированных кадров по работе с малолетними и несовершеннолетними как с группой, требующей особого внимания.

Пилотный проект реализовывался в четыре этапа (2003–2006 г.г.):

1) разработка проекта;
2) разработка методологических основ для обучения персонала проекта;
3) реализация модели системы ювенальной юстиции в пилотных районах;
4) кампания по повышению общественной осведомленности.

Образованные в рамках пилотного проекта «Ювенальная юстиция в Казахстане» в г. Алматы (Ауэзовский район) и Алматинской области (Карасайский район) экспериментальные специализированные суды по делам несовершеннолетних показали свою эффективность и практическую востребованность, тем самым подтвердив необходимость активного внедрения института ювенальной юстиции в Казахстане.

Положительные результаты проекта были нормативно закреплены в актах законодательной власти.

Так, Указом Президента Республики Казахстан № 385 «Об образовании специализированных межрайонных судов по делам несовершеннолетних» от 23.08.2007 года в г. Астане и г. Алматы были организованы специализированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних, уполномоченные рассматривать уголовные дела, дела об административные правонарушениях несовершеннолетних и гражданские дела, затрагивающие их интересы.

В настоящий момент практически в каждом областном центре Казахстана функционируют специализированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних.

Продолжением реализации Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан определено, что «…важным звеном системы ювенальной юстиции должен стать специализированный (ювенальный) суд, тесно взаимодействующий со специализированными структурами в правоохранительных органах, учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, адвокатуре и правозащитных организациях, причем как до того, как подросток окажется в орбите судопроизводства, так и после вынесения приговора» [3, с. 3].

На сегодня казахстанскую систему ювенальной юстиции составляют:

- Уполномоченный по правам ребенка в Республике Казахстан;
- региональные департаменты по охране прав детей;
- специализированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних (т.н. ювенальные суды);
- ювенальная полиция местной полицейской службы ДВД;
- отделы прокуратуры по надзору за применением законодательства о несовершеннолетних;
- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (при акимате города, района, области);
- специализированные ювенальные юридические консультации городских и областных коллегий адвокатов (т.н. ювенальные адвокаты);
- социальные службы (органы опеки и попечительства, детские психологи, социальные педагоги);

- специализированные учебно-воспитательные, лечебно-воспитательные и медико-социальные учреждения (детские дома, школы-интернаты, специальные школы);

- органы и учреждения пенитенциарной системы (служба пробации, воспитательная колония).

Профильные министерства активно действуют в сфере оказания правовой и медико-социальной помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Так, в рамках Государственной программы развития здравоохранения Республики Казахстан «Саламатты Қазақстан» на 2011–2015 гг. МВД, МОН, Министерство здравоохранения и социального развития Республики Казахстан разработали и обеспечили реализацию следующих проектов [4]:

- обучение сотрудников ювенальной полиции технологиям раннего выявления групп риска по наркологическому профилю среди детей и подростков;

- разработка комплексной программы для школьных психологов и социальных педагогов по оказанию медико-социальной и психологической помощи обучающимся;

- обучение педагогического коллектива общеобразовательных учреждений технологиям раннего выявления групп риска, информационной и психосоциальной работы с группами риска по наркологическому профилю среди детей и подростков;

- оснащение общеобразовательных учреждений видеоматериалами и компьютерными программами раннего выявления риска вовлечения в табачную, алкогольную и наркотическую зависимость, а также нехимическую зависимость, игроманию, интернет-зависимость у детей и подростков;

- разработка методики опознавания родителями и педагогами первых сигналов психического стресса у детей и подростков;

- разработка мер межсекторального взаимодействия по вопросам организации мероприятий по реабилитации и ресоциализации подростков и детей, совершивших суицидальную попытку и т.д.

Таким образом, идеи и новации по совершенствованию казахстанской системы ювенальной юстиции создали оптимальные условия для эффективного функционирования как репрессивного элемента, так и социального блока мероприятий, что, в конечном итоге, существенно влияет на процесс исправления и успешной ресоциализации подростков, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации.

Однако, казахстанская система ювенальной юстиции требует дальнейшей модернизации, т.к. некоторые положения международных стандартов в области защиты прав ребенка не имплементированы в национальное законодательство.

К примеру, в рамках республиканской программы «Дети Казахстана» (2007–2011 гг.) были определены следующие приоритетные цели [5]:

- совершенствование национального законодательства в области охраны прав и защиты интересов детей;

- обеспечение условий для получения качественных образовательных, медицинских и социальных услуг детьми всех категорий;

- формирование комплексной системы мер охраны прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации;

- совершенствование системы предупреждения детской безнадзорности, беспризорности и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних;

- предупреждение социального сиротства;

- создание условий, способствующих реализации прав детей на отдых, досуг, участие в культурной и творческой жизни.

По завершению Программы должна была быть сформирована эффективно функционирующая казахстанская система охраны прав и защиты интересов детей, которая создаст условия для улучшения качества жизни и развития детского населения всех категорий, отвечающая международным нормам и стандартам.

Однако, так и остались не реализованы некоторые пункты Программы:

- открытие 3-х специальных коррекционных организаций образования для детей с ограниченными возможностями и детей-инвалидов (лимит – до 750 чел.);
- открытие 2-х реабилитационных центров для подростков, нуждающихся в социальной адаптации и реабилитации (лимит – до 250 чел.);
- открытие 3-х детских деревень семейного типа для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (лимит – до 300 чел.);
- открытие 9-ти домов юношества для социальной адаптации выпускников детских домов.

Неразрешенными остаются проблемы социальной защиты детей-беженцев и семей вынужденных переселенцев, медицинской профилактики подросткового алкоголизма и наркомании (*прим. авт.* – отсутствие медицинских учреждений с условиями принудительной диспансеризации несовершеннолетних наркоманов и алкоголиков), искоренение наихудших форм детского труда (*прим. авт.* – использование школьников при уборке урожая на чайных, табачных и хлопковых плантациях), противодействия информации, наносящей вред нравственному и духовному развитию ребенка.

Государство должно обеспечить доступ ребенка к материалам из различных национальных и международных источников, особенно к таким материалам, которые направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию, а также здоровому физическому и психическому развитию ребенка, т.е. необходимо:

1) поощрять средства массовой информации к распространению информации и материалов, полезных для ребенка в социальном и культурном отношениях;

2) развивать международное сотрудничество в области подготовки, обмена и распространения такой информации и материалов из различных культурных, национальных и международных источников;

3) обеспечить массовый выпуск и распространение детской литературы.

Отметим особое значение государственной поддержки семьи и лиц, заменяющих родителей (опекуны, усыновители), посредством разработки социальных программ и эффективных процедур их реализации (выплаты пособий, льготное кредитование, льготный проезд в общественном транспорте, сеть социальных магазинов и т.д.).

Необходимо активизировать деятельность органов местной исполнительной власти и социальных служб по сокращению числа детей в возрасте до 3-х лет, содержащихся в интернатных учреждениях.

Практика показывает, что мозговая активность ребенка, воспитанного в доме малютки, намного ниже, чем мозговая активность ребенка, окруженного семейной заботой. Различия в мозговой активности возникают из-за недостаточности стимуляции и ограниченности социального взаимодействия между ребенком и лицом, занимающимся уходом за ним. Дети, лишенные заботы постоянного и любящего взрослого человека, будут иметь существенные и разнообразные

отклонения в развитии, т.е. дефекты физического развития и развития головного мозга, когнитивные проблемы, отставание в развитии речевых и языковых навыков, трудности в сенсорной интеграции, социальные и поведенческие отклонения (невнимательность, гиперактивность, нарушения привязанности, а также синдром имитированного аутизма) [6, с. 6].

Иначе говоря, в областных центрах и городах республиканского значения необходимо расширить сеть центров поддержки семьи, оказывающих социально-правовую помощь малоимущим семьям и женщинам, воспитывающим детей в неполной семье. Рассмотреть вопрос о редакции ряда нормативных правовых актов (ЗРК № 345-II «О правах ребенка в Республике Казахстан», Кодекс Республики Казахстан № 518-IV «О браке (супружестве) и семье»**)** либо же принятии нового закона, устанавливающего перечень социальных, правовых и финансовых преференций для усыновителей (удочерителей) и патронатных семей.

Список использованных источников

1. Мельникова, Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии: учеб. пособ. / Э. Б. Мельникова. – М.: Дело, 2000. – 272 с.

2. Ювенальна юстиція: практика судочинства, форми взаємодії держави та громадськості в реагуванні на правопорушення неповнолітніх: матеріали семінару / упоряд.: Ф.В. Гриценко, Г.Б. Овчарова, Т.П. Печерських. – Харків, 2004. – 79 с.

3. Комментарий к Указу Президента Республики Казахстан № 646 «О Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы» от 19.08.2008 года // Казахстанская правда. – Алматы. 28.08.2008.

4. Постановление Правительства Республики Казахстан № 41 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Государственной программы развития здравоохранения Республики Казахстан «Саламатты Қазақстан» на 2011-2015 г.г.» от 29.01.2011 года. – Астана.

5. Постановление Правительства Республики Казахстан № 245 «Об утверждении Программы «Дети Казахстана» на 2007-2011 годы» от 21.12.2007 года. – Астана.

6. Кейс-менеджмент в социальной работе на местном уровне // Справочник для работников системы здравоохранения, образования и социальной защиты. – Астана: ЮНИСЕФ, 2012. – 56 с.

Дата поступления статьи – 22.08.2017.

Мировая практика показывает, что реализация задач по охране и защите прав ребенка невозможна без проведения всесторонних и глубоких исследований закономерностей развития современного общества, без объективного анализа социальных условий и процессов, оказывающих влияние на формирование сознания и поведение подрастающего поколения, их образ жизни. И немаловажную роль в этом играют инициативы государства и общества, должностных лиц и общественности в обеспечении здорового будущего наших детей. Автор проанализировал исторические, социальные, правовые, экономические и организационные предпосылки развития национальной системы органов и учреждений ювенальной юстиции (ювенальный суд, ювенальная полиция, система социальных служб и т.д.), рассмотрел перспективы ювенальной политики в стране, определил некоторые аспекты профилактики преступности среди несовершеннолетних, изучил проблемы пенитенциарной практики в отношении несовершеннолетних осужденных, обозначил социально-правовую сущность и роль ювенальных судов в реализации положений Концепции правовой политики Республики Казахстан на 2010–2020 гг. В научной статье также исследованы новеллы

законодательства, касающиеся отправления юридических процедур с участием малолетних и несовершеннолетних.

World practice shows that the implementation of tasks to protect and protect the rights of the child is impossible without comprehensive and in-depth studies of the laws of the development of modern society, without an objective analysis of social conditions and processes that affect the formation of consciousness and behavior of the younger generation, their way of life. And an important role in this is played by the initiatives of the state and society, officials and the public in ensuring the healthy future of our children. The author analyzed the historical, social, legal, economic and organizational prerequisites for the development of the national system of juvenile justice bodies and institutions (juvenile court, juvenile police, social services, etc.), examined the prospects for juvenile policy in the country, identified some aspects of crime prevention among Minors, studied the problems of penitentiary practice with regard to juvenile convicts, outlined the social and legal nature and role of juvenile courts in the implementation of The Concepts of the Legal Policy of the Republic of Kazakhstan for 2010–2020. The scientific article also examined the novelties of legislation relating to the administration of legal procedures involving minors and minors.

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Катушонок О.В.

Пожилые люди, или, как принято их называть в зарубежных исследованиях, «люди третьего возраста» [1] – это лица в возрасте 60–65 лет и старше, как правило, после выхода на пенсию. Пожилой человек как никто иной нуждается в общении, в помощи, в необходимости организации ухода за ним и поддерживания его должного уровня жизни. Все это могут и должны обеспечить близкие родственники. Однако, несмотря на это, родные лица склонны к применению насилия над стариками.

Насилие над пожилыми людьми, как и другие формы насилия, является неприемлемой реакцией на возникающие семейные проблемы или конфликтные ситуации [2; 3; 4].

Жестокое обращение с пожилыми людьми – одна из наименее исследованных форм внутрисемейного насилия. Проблема жестокого обращения с пожилыми лицами не является новой. Впервые она была описана в британских научных журналах в 1975 г. А.Бейкером и Г.Берстоном под термином «granny battering» [5, с. 125] и в 1980 г. выделено в самостоятельное направление для исследования.

Несмотря на то, что жестокое обращение со стариками в семье постоянно растет, о таком явлении известно мало в силу отсутствия официальных эмпирических данных и отечественных научных разработок.

В той связи Всемирная организация здравоохранения для уяснения сущности рассматриваемого явления предложила определение, которое содержится в Акте о плохом обращении с престарелыми в Великобритании (UK's Action on Elder Abuse). Согласно этому определнию «elder abuse» – это совершение каких-либо разовых или повторяющихся актов или отсутствие надлежащих действий в рамках любых отношений, предполагающих доверие, что причиняет вред пожилому человеку или вызывает у него стресс [6].

В русскоязычных исследованиях данной проблемы для уяснения сущности жестокого обращения со стариками авторы оперируют понятием «геронтологическое насилие». Но и данный термин наполняется различным содержанием. Так, Э.К. Турдубаева насилие в отношении пожилых людей определяет как внешнее воздействие на пожилого человека или группу пожилых людей с целью подчинить их воле тех, кто осуществляет такое воздействие (ограничение их свободы, принуждение пожилых людей к определенным поступкам или удерживание от них с помощью прямого воздействия) [7, с. 16]. П.В. Пучков «геронтологическое насилие» понимает как противоправное действие, расходящееся с общепринятыми социокультурными нормами, социальными образцами поведения в отношении пожилых людей, результатом которых является нанесение им физического, экономического, психологического вреда, ограничивающего пожилых людей в выборе и возможностях приемлемого уровня жизни [8, с. 11].

На наш взгляд, геронтологическое внутрисемейное насилие можно определить как реальное деяние-воздействие или угроза физического, психического, экономического, социального либо иного воздействия со стороны члена семьи по отношению к престарелому родственнику, осуществляемого помимо воли последнего, причиняющие либо могущие причинить ему физические и (или) психические страдания.

П.В. Пучков полагает, что понятие «elderly abuse» тесно связано как по семантике, так и по содержательному наполнению с понятием «геронтологическое насилие» [8, с. 12]. По нашему мнению, данный термин не отражает в полной мере ту суть, которой наполнено понятие «elder abuse», а является более узким по смыслу и содержанию. В зарубежной литературе понятие «elder abuse» охватывает две самостоятельные формы воздействия на пожилых: «abuse» и «neglect» [2; 3]. Категория «neglect» определяется как пренебрежение, невнимание, пренебрежительное отношение и т.д. [9, с. 416]. В данном определении речь о насилии как таковом не идет, в то время как «abuse» непосредственно переводится как злоупотребление, жестокое или плохое обращение, оскорбление, брань и т.д. [9, с. 16]. Категория «abuse» охватывает четыре формы: психологическое или эмоциональное, физическое, финансовое (или материальное) и сексуальное злоупотребление [4], а «neglect» является самостоятельной формой.

В русскоязычных исследованиях насилия над пожилыми людьми, в том числе и в семье, категории «геронтологическое насилие» и «геронтологический эбьюзинг» употребляются как синонимы. При этом другая составляющая – «neglect» - отдельно не выделяется, а рассматривается как форма эбьюзинга, что, по-нашему, не является верным. На основании изложенного считаем целесообразным в криминологических и социологических исследованиях жестокого обращения с престарелыми наряду с понятием «геронтологический эбьюзинг» использовать и понятие «геронтологический неглектинг», наполняя данные термины различным содержанием.

Ранее нами уже указывалось на необоснованность выделения сексуального внутрисемейного насилия, так как оно является комплексным и полностью охватывается категориями физического и психического насилия. Также обстоит и с экономическим насилием, которое полностью подпадает под понятие психического насилия [10, с. 217].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие формы воздействия на пожилых родственников, причиняющего им физические и (или) психические страдания:

1. Физическое воздействие. Такое воздействие практически ничем не отличается от физического воздействия в отношении других членов семьи и проявляется в следующих формах: побои, избиения; физические наказания; удары руками и (или) ногами, при помощи орудий и подручных средств; ограничение пространства (например, запирание в комнате, доме); принуждение к выполнению физической или иной непосильной работы и т.д.

2. Психическое воздействие. Как разновидности психического воздействия следует рассматривать:

– эмоциональное или моральное воздействие: эмоциональное подавление, унижение достоинства, воздействие на стариков путем причинения вреда другим членам семьи, животным либо вещам, которые им дороги; угроза оружием или иными средствами и др.;

– вербальное воздействие: посредством брани, ругательств, сквернословия, обзывания, оскорбления, клеветы, непристойных замечаний, упреков, совершенные как наедине с жертвой, так и в присутствии посторонних лиц.

3. Экономическое воздействие. Содержание такого ущемления, на наш взгляд, наиболее полно раскрыто в Докладе Генерального секретаря ООН «Ущемление интересов пожилых людей: выявление практики ущемления интересов пожилых людей и борьба с ней в глобальном контексте». В частности, финансовая эксплуатация, или материальное ущемление, включает:

– незаконное или ненадлежащее использование или неправомерное присвоение имущества и (или) финансовых средств престарелого лица;

– принуждение престарелого к изменению завещания или других юридических документов;

– отказ в праве доступа к личным средствам или контроле над ними;

– финансовое жульничество и мошеннические махинации [11].

На наш взгляд, данный перечень можно дополнить следующими формами: лишение жизненно необходимых вещей, лишение или ограничение средств к существованию, запрет или ограничение возможности использования определенного имущества, создание полной экономической зависимости и др.

4. Сексуальное (половое) воздействие в литературе, посвященной защите пожилых людей от насилия, определяется как сексуальный контакт любого рода с пожилым человеком без его согласия [12, с. 133].

Рассмотренные действия в целом можно обозначить как применение физического и (или) психического насилия в отношении престарелых родственников. Указанные формы полностью охватывается таким понятием как геронтологический эбьюзинг.

Однако воздействие на престарелых родственников этими формами не ограничивается. В частности, можно выделить следующие формы воздействия на пожилых родственников, причиняющие им физические и (или) психические страдания, которые в целом охватываются понятием «геронтологический неглектинг»:

1) социальное воздействие:

– отсутствие должного ухода за престарелыми либо неспособность (нежелание) осуществлять уход, невнимание к основным нуждам, игнорирование интересов;

– отсутствие проявления нежных чувств и заботы;

– исключение пожилого человека из общественной жизни (ограничение его социального пространства и социальной деятельности) [13];

– оставление его на длительное время в одиночестве (без признаков ограничения свободы и передвижения) без присмотра и поддержки;

– лишение общения, запрет или ограничение общения с другими родственниками или друзьями;

– отсутствие смены постельного и нательного белья, гигиенического ухода, стрижки и т.д., непредставление чистой одежды;

– отсутствие уборки в жилище стариков, если они сами не в состоянии ее обеспечить;

– лишение или ограничение престарелых пищи, питья, сознательное нарушение диеты, если такова требуется и др.

Применяя указанные формы воздействия, родственники не всегда осознают, что в результате старикам причиняется какой-либо вред. Как правило, это приводит к психическим переживаниям, чувству беспомощности и одиночества, повышенной раздражительности, а возможно и депрессии стариков. Как следствие – увеличение противоречий и конфликтов в общении между членами семьи.

Осуществление ухода за стариками требует определенного психологического состояния, терпимости, настроя, понимания границ дозволенного, что, как правило, отсутствует у участников межличностного общения [14, с. 73]. В конечном итоге, это может перерасти в открытые формы как психического, так и физического насилия с обеих сторон.

Одной из самых сложных проблем членов семьи является установление грани между относительной самостоятельностью пожилых людей и социальным неглектингом. Конечно, случаи пренебрежительного отношения к пожилым членам семьи встречаются. Но, как правило, грань между нормальными межличностными отношениями и пренебрежением не всегда можно провести. Общественность не признает или не воспринимает всерьез признаки жестокого обращения с пожилыми людьми в виде социального неглектинга, если последствия не видны.

В некоторых случаях отсутствие правильного ухода может привести и к физическим повреждениям. Как отмечается в Докладе Генерального секретаря ООН, об отсутствии ухода свидетельствует бледность, недостаточный вес, грязная одежда, дрожь, негигиеничное состояние тела, недержание мочи или кала, открытое поражение кожи или слизистой оболочки рта [11] и другие показатели. В результате увеличивается риск появления всевозможных заболеваний, опухолей, в том числе и злокачественных.

2. Медицинское воздействие:

– неоказание медицинской помощи;

– неправильное использование лекарственных средств;

– не предоставление необходимых лекарственных средств;

– предоставление лекарственных средств, которые могут нанести физический и психологический вред;

– не предоставление вспомогательных медицинских средств (очки, ходунки, слуховые аппараты) и другие формы.

3. Религиозное воздействие:

– запрет на исповедание определенной религии;

– запрет/ограничение посещения религиозных мест;

– высмеивание религиозных взглядов;

– принуждение к вероисповеданию, принуждение посещения религиозных мест и др.

Все указанные формы воздействия характеризуют пренебрежительное отношение к присмотру за пожилыми людьми либо нежелание родных выполнять обязанности по уходу за ними, что полностью соответствует понятию «геронтологический неглектинг».

Геронтологический неглектинг может быть как намеренным, так и ненамеренным, основываясь на таких факторах, как невежество или отрицание того, что пожилой член семьи должен получать столько же ухода, сколько он дал своим детям и другим родным.

Формы геронтологического неглектинга характеризуются более высокой степенью латентности, нежели чем формы эбьюзинга. Как уже отмечалось, пренебрежительное отношение к пожилым родственникам не рассматривается как насилие, если результатом такого воздействия не стали физические повреждения. Сами же люди преклонного возраста считают, что любая семья лучше социальных учреждений, не хотят утратить хоть какое внимание и любовь своих родственников и стараются оградить их от общественного порицания. Кроме того, старикам может быть стыдно, что их дети ведут себя оскорбительно, либо винить себя в том, что были плохими родителями, и именно поэтому их дети не желают должным образом о них заботиться. В связи с этим большинство случаев о ненадлежащем обращении с пожилыми не доходят до компетентных органов, а сами старики не получают требуемой помощи и защиты.

Таким образом, внутрисемейное геронтологическое насилие состоит из двух самостоятельных, но взаимосвязанных категорий: геронтологический эбьюзинг и геронтологический неглектинг. Данные составляющие геронтологического насилия отличаются по формам проявления, активности воздействия родственников, последствиям и другим параметрам.

Геронтологический эбьюзинг включает формы насилия, предполагающие активные действия в отношении стариков, направленные на причинение им какого-либо вреда либо страданий. В частности, сюда относятся все формы проявления физического, психического, экономического и сексуального воздействия. Это могут быть как однократные, так и систематические действия. При этом, если следствием физического воздействия являются синяки, кровоподтеки, шрамы, рубцы, а также более тяжкие последствия – растяжения связок, вывихи, повреждения внутренних органов, переломы и др., то последствия психологического и экономического воздействия визуально, как правило, не заметны, что еще больше повышает латентность геронтологического внутрисемейного насилия.

Форма внутрисемейного насилия «геронтологический неглектинг» включают в себя социальное, медицинское, религиозное воздействие. Формы геронтологического неглектинга могут выражаться как в активном, так и в пассивном поведении родных по отношению к престарелым родственникам. Этим неглектинг отличается от геронтологического эбьюзинга, формы которого предполагают активное воздействие на стариков. При этом родственники, применяя одну из форм неглектинга, как правило, не ставят своей непосредственной целью причинение физического и (или) психического вреда

старикам. Однако, в результате такого поведения старики все же испытывают психические страдания от того, что указанные действия совершаются близким лицом, и у них возникает чувство незащищенности, отчаяния, обиды на родного человека. Следствием неглектинга также могут быть и телесные повреждения при отсутствии надлежащего ухода.

В целом геронтологическое насилие является противоправным действием, расходящееся с нормами и социальными образцами поведения в отношении пожилых людей, результатом которых является нанесение им физического, экономического, психологического и иного вреда, ограничивающего пожилых людей в выборе и возможностях приемлемого уровня жизни.

Список использованных источников

1. Gerino, E. Quality of Life in the Third Age: A Research on Risk and Protective Factors [Electronic resource] / E. Gerino [et al.] // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2015. – V. 187. – P. 217–222 // Scientific Electronic Library Science Direct. – Mode of access: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815018340. – Date of access: 21.03.2017.

2. Jamaluddin, S.Z. Strategies in the prevention or reduction of Elder Abuse in Bangladesh and Malaysia [Electronic resource] / S.Z. Jamaluddin, G.C. Chuanb, M. Abu Taher // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – V. 172. – P. 42–48 // Scientific Electronic Library Science Direct. – Mode of access: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815003705. – Date of access: 08.12.2016.

3. Learning to Detect and Prevent Elder Abuse: The Need for a Valid Risk Assessment Instrument [Electronic resource] / L. De Donder [et al.] // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2015. – V. 191. – P. 1483–1488 // Scientific Electronic Library ScienceDirect. – Mode of access: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815028438. – Date of access: 08.03.2017.

4. A Literature Review of Findings in Physical Elder Abuse [Electronic resource] / K. Murphy [et al.] // Canadian Association of Radiologists Journal. – 2013. – V. 64. – P. 10–14 // Scientific Electronic Library Science Direct. – Mode of access: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0846537112001192. – Date of access: 01.03.2017.

6. Abuse of the elderly // World report on violence and health / E.G. Krug [et al.] ; World Health Organization ; edited by Etienne G. Krug. – Geneva, 2002. – Chapter 5. – P. 123–146.

7. What is elder abuse? [Electronic resource] // Official site of World Health Organization. – Mode of access: http://www.who.int/ageing/projects/elder_abuse/en/. – Date of access: 12.11.2016.

8. Турдубаева, Е.К. Социальное противодействие насилию над пожилыми людьми в современном Кыргызстане : автореф. дисс… канд. социол. наук 22.00.04 / Е.К.Турдубаева. – М., 2009. – 27 с.

9. Пучков, П.В. Концептуальные основы превенции геронтологического насилия в современном российском обществе : автореф. дисс… д-ра социол. наук: 22.00.04 / П.В.Пучков. – Саратов, 2009. – 34 с.

10. Англо-русский словарь В.К.Мюллера. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 736 с.

11. Катушонок, О.В. Понятие и сущность насилия в семье // Катушонок О.В. Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2016. – № 5. – С. 216–219.

12. Доклад Генерального секретаря ООН «Ущемление интересов пожилых людей: выявление практики ущемления интересов пожилых людей и борьба с ней в глобальном

контексте» [Электронный ресурс] // Всемирный экологический вестник Весна-лето. – 2002. – № 4. – С. 13–16 // World Information Transfer promoting health and environmental literacy. – Режим доступа: http://worldinfo.org/wp-content/uploads/library/wer/russian/ru2002_Spring_Summer_XIII_No4.pdf. – Дата доступа: 13.11.2016.

13. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире / Под ред. Этьенна Г. Круга и др. / Пер. с англ. – М: Издательство «Весь Мир», 2003. – 376 с.

14. Неваева, Д.А. Особенности социальной эксклюзии лиц пожилого возраста (по материалам социологического опроса) [Электронный ресурс] / Д.А. Неваева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – Т. 2. – С. 141-146 // Официальный сайт Вестника Кемеровского государственного университета. – Режим доступа: http://vestnik.kemsu.ru/jour/article/view/1313/0. – Дата доступа: 13.11.2016.

15. Катушонок, О.В. Криминогенные факторы геронтологического насилия в семье / О.В.Катушонок // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28-29 окт. 2016 г.: в 3 т. / Полоцк. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр; редкол.: И.В.Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2016. – Т. 2. – 328 с. – С. 71-75.

Дата поступления статьи – 23.06.2017.

Проводится анализ понятийного аппарата, используемого в зарубежных странах при обращении к исследованию геронтологического насилия, указывается на необходимость выделения в структуре такого насилия двух самостоятельных, но взаимосвязанных компонентов: геронтологического эбьюзинга и геронтологического неглектинга. Данные компоненты выделяются в зависимости от поведения семейных агрессоров, форм воздействия на стариков, наступивших последствий. Определено, что эбьюзинг проявляется в форме физического, психического, экономического и сексуального воздействия, а неглектинг в форме социального, медицинского и религиозного воздействия. Рассматриваются основные формы внутрисемейного геронтологического насилия, проводится разграничение между геронтологическим эбьюзингом и неглектингом. Указывается на необходимость самостоятельного исследования жестокого обращения с пожилыми лицами в семье в форме неглектинга, так как именно данная форма является наиболее латентной.

The problem of gerontological violence is poorly understood in modern science. The concept of gerontological violence in foreign studies is analyzed. The author gives a definition of gerontological violence. Indicates that it is necessary to allocate two components: elderly abuse and elderly neglect. These components are highlighted on the following factors: the behavior of family aggressors, impacts on the elderly, the consequences. There are forms of gerontological violence: physical, mental, economic, sexual abuse and social, medical, religious neglect. The article describes the main forms of family elderly abuse. Distinctions are made between gerontological abuse and neglect. Indicates that it is necessary to examine elder neglect because this form is the most latent.

ОБ ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

Колесников В.В.

Современная ситуация в мире характеризуется крайне непростой военно-политической, политико-экономической и криминальной обстановкой в связи со значительным возрастанием так называемых процессов хаотизации в жизни ряда государств и даже отдельных регионов. Все это обуславливает катастрофическое возрастание угроз и рисков как для государственных образований (дезинтеграция макроуправления, утрата суверенитета и т.п.), так и для социумов, и отдельных граждан, и их семей, и требует серьезного внимания к изучению истоков и причин этих деструктивных явлений. Особое место должно быть отведено анализу экономико-правовых предпосылок «цветных революций». Феномен таких революций крайне непрост, поскольку сочетает в себе совокупность объективных условий и факторов ослабления политических режимов и обострения социально-экономических кризисов, с одной стороны, и целенаправленной – в отношении конкретного государства – деятельности подрывного характера, осуществляемой преимущественно извне. При этом следует признать, что механизм совершения «цветных революций» разработан «в теории» и уже хорошо апробирован на практике, отточены методы так называемых ненасильственных действий со стороны оппозиции и протестующих, в том числе методы экономического характера, о которых речь пойдет ниже.

В связи с этим должен быть не менее теоретически и стратегически продуманным, практически и тактически отработанным и механизм противодействия «цветным революциям». Чтобы он стал действительно эффективным, нужно не только хорошо изучить подходы и методы тех, кто их планирует, финансирует и осуществляет, но и самим (и специалистам, включая правоохранителей, и структурам власти) крайне серьезно отнестись к формированию адекватной системы противодействия, начав с честного, непредвзятого и не ангажированного политическими, идеологическими или какими-либо иными субъективными интересами анализа социально-экономических, экономико-правовых и политико-экономических предпосылок, которые при определенных обстоятельствах могут стать благоприятной почвой для активной агитации людей со стороны революционно настроенной оппозиции и благоприятствовать последующим деструктивным событиям.

Из истории известна одна аксиома, которая кажется жесткой по методам исполнения, но на самом деле выражающая определенную волю и мудрость правителей: мятеж следует быстро подавить, зачинщиков – устранить, но затем реализовать их требования… Последнее как раз крайне важно для минимизации и (или) элиминирования условий и причин, обусловивших народные волнения, приведшие к мятежу (читай – «цветным революциям»). Игнорирование необходимости таких изменений, – а они касаются, прежде всего, условий и качества жизни людей, их благополучия, безопасности, защиты от криминальных и иных угроз, реализации прав и свобод – означает консервацию предпосылок «революций» и сохранение возможностей для их совершения в будущем. Следует понимать, что эффект противодействия (в том числе предупреждения, превенции) будет достигнут, если истеблишмент готов идти на не паллиативные, а реальные

реформы, которые в чем-то и ущемят, затронут интересы свехбогатой элиты, но зато при этом принесут ощутимые перемены в распределении национального богатства и роста общественного благосостояния. Вряд ли такое изменение приоритетов в социально-экономической политике государства можно считать высокой ценой, ведь в итоге будет получена социальная и политическая стабильность, экономическое процветание нации и удовлетворенность граждан качеством своей жизни. Представители же элит, пойдя на определенные материальные потери, получат значительно больше – определенную социальную легитимизацию собственности, гарантии от возможной ее экспроприации, стабильность положения и уверенность в завтрашнем дне.

Стоит вспомнить выдающиеся реформы Людвига Эрхарда, которые были проведены в послевоенной Германии (ФРГ) под лозунгом «Благосостояние для всех!». Это так называемое «немецкое чудо», принесшее стране процветание, а ее жителям – высокий уровень и качество жизни. Отечественным реформаторам не мешало бы отказаться от ангажированности неолиберальными идеями и проштудировать книгу Эрхарда, опубликованную (впервые в 1956 году) под одноименным названием [1]. В ней есть подробное описание не только предпринятых им реформ – хозяйственной, денежной и финансовой, но и показаны принципиально важные политико-правовые шаги в области определения роли и места государства в экономике, жесткого отделения интересов общества от интересов бизнеса, отстранения бизнеса от разработки экономической политики государства, и одновременно – мощной поддержки конкуренции и свободы предпринимательства, материального стимулирования наемного труда и т.д. Как известно, эти реформы за исторически короткий промежуток времени привели к формированию эффективной модели социальной рыночной экономики, получившей всемирное признание и горячее одобрение и поддержку самих немцев. При этом дифференциация населения по уровню доходов многие десятилетия остается у них в пределах социальной нормы – децильный коэффициент находится в параметрах 1:5 – 1:7, т.е. доходы 10% самого бедного населения в 5-7 раз меньше доходов 10% самого богатого населения. Для сравнения: в России сегодня по официальным данным он равен примерно 1:17 – это уровень США начала XX века, а до реформ в 1990 году составлял 1:4, как и при царском режиме.

История многих «цветных революций» в ряде стран, в том числе на постсоветском пространстве, показывает, что они проходили на фоне крайнего обострения социально-экономических противоречий, что находило свое выражение в заметном падении жизненного уровня граждан страны, обеднении и люмпенизации значительных слоев населения, опасном усилении его дифференциации по уровню доходов и качеству жизни, поляризации жизненных стандартов «верхов» и «низов» и т.д. Глубокие деструктивные деформации в системе социально-экономических отношений, вопиющий разрыв между представлениями людей о социальной справедливости и реалиями их жизни, явное несоответствие этих представлений и тех возможностей, которые способен дать господствующий хозяйственный уклад и система нормативно-правового регулирования. Последнее, как правило, связано с низким качеством базовых политико-правовых и экономических институтов. Все это в совокупности может, видимо, рассматриваться в качестве потенциальных экономико-правовых предпосылок «цветных революций» [2]. В приведенном источнике дается, например, информация о неудавшихся попытках «цветных революций» в России – так

называемая «белоленточная революция» (2011–2013 гг.) и Республике Беларусь – «васильковая революция» (2005 г.).

Французский экономист Тома Пикетти (его называют современным К. Марксом), автор книги «Капитал в XXI веке», утверждает, что по показателю социального неравенства мир вернулся на исходный 1910 год [3]. По данным Global Wealth Report, на долю самого богатого одного процента россиян приходится 71% всех личных активов в России. Для сравнения: в США одному проценту населения принадлежит 37% активов, в Китае и Европе – 32%, в Японии – 17%. В мире в целом этот показатель равен 46%, в Африке – 44%, в Индии – 49%, Индонезии – 46% [4].

Ситуация требует выправления, привлечения для этого механизмов государственного управления, поскольку свободный рынок не только не способен сам решить данную проблему, но и в силу своей природы он постоянно ее усугубляет. Пикетти в связи с этим справедливо замечает: «…Мы не можем полагаться исключительно на силы рынка, когда говорим о распределении богатства в обществе. Главный урок нашего исторического развития состоит в том, что нам нужны сильные демократические институты, налоговые институты, институты образования, чтобы двигать силы рынка в сторону общественного интереса, удерживать распределение богатства и доходов в справедливых рамках» [3].

Российское государство знает о наличии данной проблемы. Недавно принятая «Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208) к числу основных вызовов и угроз экономической безопасности относит «*усиление дифференциации населения по уровню доходов*» (п. 12, пп. 20). В свою очередь, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683) содержит важное положение: «Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, *снижение уровня социального и имущественного неравенства населения, прежде всего за счет роста его доходов*» (п. 50) (здесь и далее по тексту *курсив* – наш, В.К.).

Истоки высокого уровня социального, в том числе имущественного неравенства населения следует искать в событиях 1990-х годов – он обусловлен, прежде всего, специфически проведенной приватизацией, позволившей уже к середине названного десятилетия перераспределить активы в пользу 5% населения, ставших обладателями 85% национального богатства [5, с. 291]. Вот как эти события и факты квалифицирует Председатель Конституционного суда Российской Федерации д.ю.н., профессор В.Д. Зорькин: «…вопиюще неправовое приватизационное распределение крупной собственности, созданной трудом многих поколений, узкому кругу лиц, приближенных к новой власти или связанных с криминальной и субкриминальной средой. …Результаты таких реформ воспринимались (и воспринимаются) российским массовым сознанием как глубоко несправедливые. …Все это вызывало и воспроизводило массовое глубокое недоверие к «рыночным реформам», к власти, которая проводила такие реформы, и к системе законодательных норм, которые кодифицировали новую постсоветскую реальность. …Массовое сознание считает главной причиной столь вопиющего

неравенства доходов незаконность и несправедливость постсоветского «стартового» распределения общенародной собственности. Мне уже приходилось говорить и писать о том, что адекватной политической и юридической реакции на эти факты нет, и что она необходима» [6].

И далее В. Д. орькин резюмирует: «Российский и мировой опыт … показывает, что *несправедливое распределение тягот реформ и кризисов между различными группами населения – приводит в лучшем случае к остановке развития и реформ, и затягиванию кризиса, а в худшем к революционным эксцессам*» [6]. Эти выводы очень точно определяют области анализа рассматриваемой темы экономико-правовых предпосылок «цветных революций» и дают специалистам важные ориентиры.

Еще в мае 2006 года, выступая на годовом собрании Европейского банка реконструкции и развития в Лондоне, лауреат Нобелевской премии в области экономики Джозеф Стиглиц, подтвердил крайнюю противоречивость экономических преобразований 1990-х годов на постсоветском пространстве и заявил, что один из крупнейших экспериментов последнего столетия – переход к рыночной модели экономики в странах бывшего СССР – фактически провалился. Этот процесс *должен был привести к беспрецедентному росту благосостояния, а вместо этого вылился в беспрецедентный рост бедности и неравенства*. По его мнению, полноценному переходу к рыночной экономике на постсоветском пространстве препятствуют два фактора: *отсутствие «власти закона» и плохо проведенная приватизация* [7].

Результаты исследования взаимосвязи проблем неравенства и низкого качества институтов, которые провел Институт национальной стратегии (М. Ремизов, М. Восканян) показали, что: «В условиях *деградации базовых институтов и инфраструктур* в сверхполяризованном обществе разрастаются инфраструктуры ограниченного доступа «приватизированная безопасность» огороженных элитных поселков, «приватизированное правосудие» коррумпированных правоохранителей и юстиции и т.д. *Сверхполяризация создает эффект «дискомфортной страны».* Дискомфортной – для самих выгодоприобретателей экономики неравенства. Такие страны оказываются дискомфортными для жизни и малоинтересными для долгосрочных инвестиций» [8].

Изменить ситуацию можно, отказавшись от дискредитировавшей себя системы экономических отношений при смене модели экономического развития на ту, которая будет способна обеспечить достойный уровень благосостояния для всего населения и не будет воспроизводить социальное неравенство в качестве основной доминанты. Это потребует адекватных изменений и в системе правовых отношений. В таких условиях, – подчеркивает В.Д. Зорькин, – остро стоит вопрос *о необходимости социальной легитимности права*, в особенности экономического права. «…Разрывы между массовыми представлениями о справедливом и должном и кодифицированной правовой нормативностью – всегда и везде снижают или даже обрушивают действенность права. А вослед за этим грозят обрушить и устойчивую экономику, и устойчивую социальность, и государственность…» [6]. Зорькин В.Д. обращает внимание на наличие фактора, стабилизирующего ситуацию в условиях ослабления государства и его правовой основы, «…право и правоприменение может быть эффективным лишь в том случае, если закон и норма его юридического толкования созвучны общественным представлениям о

справедливости. То есть, массовые морально-этические представления, укорененные в религиозной традиции конкретного народа, в его исторической культуре и опыте, в его специфическом менталитете, – это не мелочи, на которые правоустановитель вправе не обращать внимание. Это – сфера таких социальных ценностей, которые не могут быть «отменены» правовыми актами или быстро подвергнуты волюнтаристской «перековке». И, главное, именно в «эпохи перемен», когда неизбежно слабеет система правового регулирования со стороны писаного закона, эта сфера социальных ценностей нередко оказывается ключевым регулятором, спасающим общество и государство от погружения в неправовой хаос "войны всех против всех"» [9].

С высоким уровнем дифференциации населения по доходам и имуществу коррелирует наличие значительного числа граждан, находящихся за чертой бедности, в том числе лиц, имеющих легальную занятость, работу. По данным вице-премьера Правительства РФ О.Ю. Голодец, у нас 4,9 млн. работников получают зарплату на уровне МРОТ, т.е. не выше 7,5 тыс. руб. (по состоянию на начало 2017 года) [10]. Более того, до сих пор почти весь квалифицированный и высококвалифицированный труд «продается» по крайне заниженным ценам – размер оплаты такого труда настолько мал, что часто не позволяет осуществлять даже простое воспроизводство рабочей силы (восстановление физических и духовных способностей к труду), не говоря уже о ее расширенном воспроизводстве.

Вице-премьер О.Ю. Голодец на Российском инвестиционном форуме в Сочи заявила, что в России стоимость рабочей силы занижена, не соответствует ее квалификации (следует уточнить, что в данном случае речь должна идти не о стоимости рабочей силы, а о ее цене, складывающейся на рынке труда; стоимость же рабочей силы у нас объективно достаточно велика и, соответственно, складывается на основе совокупности факторов – уровня образования, профессиональной подготовки, квалификации, опыта работы и др.). «Абсолютно дешевая» рабочая сила – отметила она, – подталкивает предпринимателей к снижению инвестиций в перевооружение предприятий; в совокупности это является одним из факторов слабого роста производительности труда [11]. Низкие зарплаты в космическом ракетостроении (10–15 тыс. руб.) другой вице-премьер, Д.О. Рогозин назвал «диверсией» [12].

Заниженная оплата труда обуславливает и соответствующий уровень жизни – доходы ниже прожиточного уровня, т.е. в пределах до 10 тысяч рублей в месяц, в 2016 году составляли у нас у 19,8 млн. чел., причем в 2013 году граждан, живущих за чертой бедности, было около 15,5 млн. чел., а происшедший прирост (на 28%) специалисты ООН объясняют введением антироссийских санкций [13]. Очевидно, что факт получения доходов ниже прожиточного уровня для более чем 13% населения наряду с высоким уровнем социальной дифференциации и заниженной ценой рабочей силы нельзя не принимать во внимание при анализе потенциальных социально-экономических предпосылок «цветных революций». Это крайне чувствительные потенциальные факторы детерминации, требующие не просто изучения, но исправления. И они должны быть учтены в первую очередь при разработке стратегии новой реформы экономического устройства жизни общества и программы преобразования правовой системы для полноценной реализации системообразующих принципов права – свободы, равенства, справедливости,

поскольку именно «право выражает общеобязательную форму равенства, свободы и справедливости» [14, с.75].

Советник Президента Российской Федерации академик РАН С.Ю. Глазьев утверждает, что для национального хозяйства сегодня жизненно важно как можно быстрее обеспечить смену модели экономического роста и сформировать новый (вслед за Китаем, Индией, Японией, Кореей и др.) технологический уклад [15].

Недаром лауреат Нобелевской премии по экономике Гэрри Беккер к концу своей жизни пришел к гениальному и простому выводу о том, что *экономика* – это не просто рынок, инфляция, безработица и т.д., а *это то, как люди и организации реагируют на изменения в стимулах* [16]. Есть такие стимулы, есть мотивация – и экономика развивается. Нет их – экономика стагнирует. Судя по всему, существующая модель экономики таких стимулов дает мало [17]. Поэтому формирование нового подхода к экономике, принципиальная смена экономического курса имеют особое значения для обеспечения национальной безопасности, общественного прогресса и лидерства в глобальной конкуренции [18].

Сложно предугадать, как может происходить активизация совокупности рисков и угроз, о которых кратко мы сказали выше, какие события могут стать катализаторами «цветных революций». Однако следует иметь ввиду, что экономические, экономико-правовые предпосылки выступают в качестве некой объективной почвы, способной вызвать мощные социальные сдвиги и катаклизмы, а катализатором могут стать как случайные события, так и заранее спланированные действия определенных организованных групп. Мировая история «цветных революций» насчитывает множество вариантов подобных действий – от «голодных бунтов» и маршей домохозяек с кастрюлями до вооруженного сопротивления с забрасыванием правоохранителей «коктейлями Молотова», захватом правительственных зданий или парламента, с «сокральными» жертвами стрельбы неизвестных снайперов и т.п.

При этом уже существуют и широко применяются методики протестной борьбы для оппозиционного движения. Наиболее известными рекомендациями для субъектов такого протеста против власти являются работы американского специалиста Джина Шарпа, в первую очередь его книга «От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения» [19]. Книга в Приложении содержит «Методы ненасильственных действий» (с. 76–82), которые, судя по всему, были сформулированы Д. Шарпом еще два десятилетия до этого в книге «Политика ненасильственных действий» (1973) – «198 METHODS OF NON VIOLENT ACTION» from The Politics of Nonviolent Action by Gene Sharp Boston, Porter Sargent, 1973 [20]. Но не следует думать, что Д. Шарп или А. Даллес были первыми, кто разрабатывал тематику дезинтеграции чужих государств изнутри. Александр Парвус, который давал деньги большевикам на революцию, еще в 1915 году подготовил для германских властей отпечатанный на 20 страницах Меморандум о подготовке революции в России, который намечал план действий по выведению русских из войны и приведению к власти в стране радикалов, которые заключат с Берлином сепаратный мир; этот бизнес-план Парвуса был осуществлен на германские же деньги – и обошелся, по его же оценке, в сумму 20 млн. руб. [21].

В аннотации к русскому изданию (2005) книги Д. Шарпа говорится буквально следующее: «Демократы не могут противостоять диктатуре и защищать политическую свободу, если они не способны действенно применять собственную

силу. Как это сделать? Отвечающая на этот вопрос книга сотрудника Института Альберта Эйнштейна Джина Шарпа «От диктатуры к демократии» сыграла большую роль в свержении авторитарных режимов Сербии, Грузии, Украины и других стран и на сегодняшний день стала классическим руководством по тактике и стратегии ненасильственного политического сопротивления. Она актуальна всюду, где власть ведет наступление на свободы и права человека и подминает под себя демократические институты» [19].

Наиболее ранняя работа Джина Шарпа – «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью» (Оксфорд, 1968). В ней были сформулированы начальные положения идеологии управляемого хаоса применительно к сфере политического управления. Дальнейшее развитие этих положений получило в работах Стивена Манна. Так, в своей статье «Теория хаоса и стратегическая мысль» (журнал Национального военного колледжа в Вашингтоне, 1992 г.) он применил теорию управляемого хаоса к новым геополитическим установкам США на глобальное доминирование и описал потенциальные возможности нового «оружия». Манн рассматривает управляемый хаос как инструмент обеспечения национальных интересов США за счет усиления критических состояний и создания обстановки управляемой нестабильности [22]. Хаотизации подлежат структуры политического и военного управления, духовная, экономическая и социальная жизнь страны-мишени. Для самодезорганизации и самодезориентации государства-мишени С. Манн предложил механизмы создания хаоса:

- содействие либеральной демократии и рыночным реформам;
- повышение экономических стандартов и ресурсных потребностей;
- преимущественное повышение жизненных стандартов у так называемых элит общества;
- вытеснение из общественного сознания традиционных ценностей и идеологии и переформатирование культурно-цивилизационного кода населения (Заметим, что данная установка давно находится в арсенале недругов России. Стоит вспомнить хотя бы «План Алена Даллеса», подготовленный для подрыва российского общества изнутри и рассчитанный на долгосрочный период – сразу после окончания Второй мировой войны. Надо ли говорить, что многое из этого плана уже реализовано?!);
- создание среды, в которой комфортно чувствуют себя различные экстремистские движения.

Первые две из них, например, кажутся вполне безобидны, поскольку скрываются за внешне невинными формулировками. Однако цели, которые они преследуют в совокупности с другими, откровенно подрывными механизмами, не оставляют сомнений в истинном смысле их формирования и реализации (ограниченный объем работы, к сожалению, не позволяет привести их развернутую характеристику).

У Д. Шарпа 198 методов ненасильственного протеста разделены на три больших категории: 1) ненасильственный протест и убеждение; 2) отказ от сотрудничества (социального, экономического и политического); 3) ненасильственное вмешательство. В их числе есть целый ряд методов, которые имеют отношение к экономике, экономическим отношениям, а также к правам и свободам человека. Специалисты сами могут ознакомиться с этим перечнем методов и пояснениями к ним, если обратятся к русскому переводу работы

Д. Шарпа. А мы, завершая небольшое эссе, посвященное экономико-правовым предпосылкам «цветных революций», отметим, что в нем в силу ограничений по объему тема раскрыта тезисно и в определенном смысле фрагментарно, а проблематика собственно вопросов противодействия осталась за рамками публикации и является основанием для отдельного подробного освещения.

В заключение можем рекомендовать читателю ознакомиться с редкой на рассматриваемую тему книгой Г.М. Сапожниковой [23]. По словам автора книги, это ценное документальное свидетельство того, как Литва первой из советских республик превратилась в полигон для «цветных революций», с помощью которых был разрушен Советский Союз, а киевские события 2014 года очень напоминают вильнюсские 1991-го. То, что 25 лет назад люди поначалу расценили как долгожданные перемены, на самом деле явилось отработанным сценарием, который многократно «прокатывают» на разных площадках…

Список использованных источников

1. Эрхард, Л. Благосостояние для всех / Л. Эрхард . Репринт. воспроизведение: Пер. с нем. / Вступит. ст. Б. Б. Багаряцкого, В. Г. Гребенникова. – М. : Дело, 2001. – 352 с.
2. «Цветные революции»: Удачные и неудачные попытки свержения государственного строя в разных странах, от начала 2000-х до наших дней. Инфографика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://greenchelman-3.livejournal.com/2348201.html (https://centercigr.livejournal.com/41827.html). – Дата доступа: 30.08.2017.
3. Экономист Тома Пикетти: уровень неравенства в России запредельный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/business/2015/11/151127_thomas_piketty_interview. – Дата доступа: 27 ноября 2015.
4. Россия – лидер по неравенству распределения богатства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2012/11/06/pervaya_sredi_neravnyh. – Дата доступа: 06.11.2012.
5. Волженкин, Б. В. Экономическая преступность и политическая коррупция / Б. В. Волженкин, В. В. Колесников // Политический режим и преступность. Монография / Под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. – СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. – С. 260–308.
6. Зорькин, В. Экономика и право: новый контекст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/05/21/zorkin-site.html. – Дата доступа: 21.05.2014. Российская газета – Федеральный выпуск № 6385 (113).
7. Страны бывшего СССР не смогли перейти к рыночной экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vz.ru/news/2006/5/23/34718.html. – Дата доступа: 17.03.2011.
8. Ремизов М., Восканян М. Патология неравенства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://expert.ru/2016/12/6/patologiya-neravenstva/. – Дата доступа: 15.01.2017.
9. Зорькин, В.Д. Право силы и сила права: лекция для участников V Международного юридического форума / Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2015/05/28/zorkin-site.html. – Дата доступа: 29.05.2015.
10. Зубков, И. Голодец: Зарплату на уровне МРОТ получают 4,9 млн. человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2017/02/27/reg-ufo/golodec-zarplatu-na-urovne-mrot-poluchaiut-pochti-5-millionov-chelovek.htm. – Дата доступа: 27.02.2017.

11. Никитин, А. Вице-премьер Голодец: Рабочая сила в России недооценена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vz.ru/news/2017/2/27/859606.html. – Дата доступа: 27.02.2017.

12. Калюков, Е. Рогозин сравнил с диверсией зарплаты сборщиков космических двигателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rbc.ru/society/31/01/2017/5890aa139a79478471b7fcfa. – Дата доступа: 31.01.2017.

13. Россия ежегодно теряет из-за санкций 15 млрд. долларов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.newsru.com/finance/13sep2017/sanctionsdamage.html. – Дата доступа: 13.09.2017.

14. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства : учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 552 с.

15. Сергей Глазьев предупредил о риске «полного разрыва» экономики России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.glazev.ru/articles/6-ekonomika/54317-sergei-glazev-predupredil-o-riske-polnogo-razryva-ekonomiki-rossii?print. – Дата доступа: 02.06.2017; Глазьев предупредил о «полном разрыве» экономики России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/news/2017/06/02/n_10124759.shtml. – Дата доступа: 02.06.2017.

16. «Нетривиальный взгляд» Г. Беккера : Uncommon Sense: Economic Insights, from Marriage to Terrorism. By Gary Becker and Richard Posner. – Chicago, 2009. – 384 p.

17. Колесников В.В. Модель экономики и уголовно-правовое регулирование / В.В. Колесников // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1 (2). – С. 186–195.

18. Петров, А. Стратегия экономической безопасности-2030: проблемы, задачи и решения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rueconomics.ru/211458-strategiya-ekonomicheskoi-bezopasnosti-2030-problemy-zadachi-i-resheniya. – Дата доступа: 06.12.2016.

19. Шарп, Д. От диктатуры к демократии : Стратегия и тактика освобождения / Д. Шарп / Пер. с англ. Н. Козловской. – М. : Новое издательство, 2005. – 84 с. (Gene Sharp. From Dictatorship to Democracy: A Conceptual Framework for Liberation. The Albert Einstein Institution, 1993).

20. Джин Шарп. Теория ненасильственной борьбы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://biblionmd.tripod.com/civ/04. – Дата доступа: 11.03.2017.

21. Истомин, Ю. Кукловод революции. Александр Парвус и Ленин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nasledie77.wordpress.com/2014/12/21/кукловод - революции - александр - парвус/. – Дата доступа: 21.12.2014.

22. Бартош, А. Цель и механизмы модели управляемого хаоса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nvo.ng.ru/nvo/2013-09-27/6_chaos.html. – Дата доступа: 28.09.2013.

23. Сапожникова, Г. М. Кто кого предал. Как убивали Советский Союз и что стало с теми, кто пытался его спасти / Г. М. Сапожникова. – М. : АО «ИД "Комсомольская правда"», 2016. (Адрес в Интернете см. – Режим доступа: https://www.litres.ru/galina-sapozhnikova/kto-kogo-predal/).

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

Статья посвящена изложению представлений об экономико-правовых предпосылках «цветных революций». В ней предпринята попытка показать связь таких предпосылок с состоянием хозяйственного уклада и спецификой правового регулирования. Акцент сделан на наличии наиболее острых противоречий, связанных с высоким уровнем неравенства и социального расслоения – бедности, усиления дифференциации населения по уровню доходов и качеству жизни, а также обусловивших

их системных недостатках рыночных реформ. Затронут вопрос о формировании механизма противодействия «цветным революциям». Разрешение острых противоречий в системе социально-экономических и правовых отношений как объективных предпосылок радикальных событий выступает в качестве способа минимизации вероятности их наступления. Отказ от таких преобразований чреват консервацией предпосылок «цветных революций» и сохранением возможностей для их совершения в будущем. К числу других предпосылок относятся активные действия против политического режима со стороны организованных групп, направляемых и финансируемых, как правило, из-за рубежа. Говорится о так называемых ненасильственных методах протестной деятельности и рекомендациях по их использованию, разработанных американскими специалистами для подготовки «цветных революций».

The article is devoted to analysis of economic and legal reasons "colour revolutions". It provides a link with these preconditions economic way and the legal system. Refers to the high levels of inequality and social stratification, poverty-related problems, shortcomings of market reforms. Showing methods of dealing with "colored revolutions". Need socio-economic and legal transformation as a guarantee of "color revolutions" in the future. The second group includes prerequisites for active action against the political regime by organized groups, who are briefed and are financed from abroad. Showing the so-called nonviolent protest techniques developed by American experts for the preparation of the "colored revolutions".

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕР ВЗЫСКАНИЯ И ПООЩРЕНИЯ КАК КАРАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННЫХ К АРЕСТУ

Кузьменкова С.В.

Сущность строгой изоляции при отбывании уголовного наказания в виде ареста определяется множеством ограничений, которые выступают в качестве основных средств исправления осужденных. Целесообразно отметить, что режим исполнения и отбывания ареста имеет существенную карательную и исправительную направленность, поскольку в строгости и краткосрочности изоляции от общества находит свое проявление шоковый элемент кары, присущий аресту, в отличие от изоляции, свойственной лишению свободы.

Немаловажное значение среди требований режима в арестном доме занимает выполнение осужденными возложенных на них обязанностей, предусмотренных п. 57 гл. 12 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и выступающих гарантией того, что осужденные, выполняя свои обязанности, в полной мере почувствуют на себе карательно-воспитательное влияние наказания в виде ареста [1]. Именно комплекс правил внутреннего распорядка не наказывает, а воспитывает, дисциплинирует и служит задаче управления определенным кругом лиц, находящихся в замкнутом пространстве [2, с. 65].

Важно отметить, что в случае невыполнения осужденными возложенных на них обязанностей и несоблюдения режима, к ним применяются взыскания, а в случае его добросовестного соблюдения и выполнения обязанностей администрация арестного дома вправе применить к осужденному меры поощрения. Эти меры, безусловно, оказывают огромное воспитательное влияние, которое формирует у осужденных к аресту дисциплинированность.

Меры взыскания являются не только карающим, но и воспитательным средством воздействия на осужденного к аресту. Представляется, что дисциплинарные взыскания выполняют воспитательную функцию режима только в том случае, если они являются законными, педагогически необходимыми и понятными. Правильное применение взысканий имеет большое профилактическое значение, а неправильное, наоборот, повлечет только вред, создав у осужденного мнение, что справедливости не существует, и может способствовать формированию у него тех или иных негативных качеств.

Система поощрений выступает как мера закрепления положительных качеств. Поощрения повышают усилия и энергию осужденных, закрепляют их волю к дальнейшему улучшению собственного поведения и предоставляют возможность направлять поведение других осужденных, а также оказывают влияние на сознательное соблюдение правил режима, на воспитание положительных черт характера [3, с. 17].

Целесообразно отметить, что важность применения мер поощрений и взысканий для определения эффективности карательно-воспитательного воздействия на осужденных не стоит недооценивать.

За добросовестное поведение к лицам, осужденным к аресту, могут применяться меры поощрения в виде благодарности, досрочного снятия ранее наложенного взыскания или разрешения на телефонный разговор продолжительностью до 15 минут с оплатой из личных средств осужденного (ст. 61 УИК Республики Беларусь (далее – УИК)) [4]. Благодарность объявляется в устной или письменной форме, остальные поощрения – только в письменной форме. К осужденному, имеющему неснятое или непогашенное взыскание, может быть применено поощрение только в виде досрочного снятия ранее наложенного взыскания. Однако, на наш взгляд, система мер поощрения осужденных к аресту продумана недостаточно.

Следует отметить, что до 2015 г. предусмотренная уголовно-исполнительным законодательством мера поощрения в виде объявления благодарности способствовала расширению правовых возможностей осужденных к аресту, поскольку данная мера поощрения учитывалась при представлении осужденного к замене неотбытой части наказания более мягким наказанием или к условно-досрочному освобождению от наказания. Согласно принятому Закону Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З осужденные, отбывающие наказание в виде ареста, не могут быть представлены к замене неотбытой части наказания более мягким наказанием или к условно-досрочному освобождению от наказания.

В связи с этим становится очевидным, что в настоящее время объявление благодарности не оказывает благотворного влияния на осужденных к аресту, а частое применение поощрения в виде разрешения на телефонный разговор снижает его значение в качестве исключительного права, закрепленного в ст. 59 УИК [4].

Проведенное анкетирование сотрудников арестных домов и осужденных к аресту показало, что такую меру поощрения, как благодарность, не считают значимой более 90 % опрошенных осужденных и большинство сотрудников арестных домов.

Целесообразно отметить, что согласно ст. 58 УИК Республики Армения в отношении осужденных к аресту может применяться такая мера поощрения, как разрешение на получение посылки, передачи или бандероли [5].

Результаты эмпирического исследования показали, что разрешение на получение дополнительной посылки или передачи является желанной мерой поощрения для 78 % опрошенных осужденных, которая стимулирует их правопослушное поведение.

В связи с этим из ч. 1 ст. 61 УИК меру поощрения в виде объявления благодарности предлагается исключить, одновременно предусмотрев разрешение на получение посылки, передачи или бандероли [4].

Поощрение в разных видах должно выступать как средство, способствующее убеждению правонарушителя в правильности его нравственной позиции и поведения, а также необходимости и в дальнейшем поддерживать и укреплять свое престижное положение, оправдывать высокую оценку, которая дается ему сотрудником арестного дома. Основой эффективности использования мер поощрения в качестве дисциплинарного воздействия является их обоснованность и понятность для осужденного. В этом случае поощрение будет побуждать осужденных к позитивной активности в определенных ситуациях, областях деятельности и поведении, что будет направлено не только на закрепление и развитие своих положительных действий и поступков, но и на преодоление имеющихся недостатков в своем поведении и развитии.

За нарушение порядка отбывания наказания к лицам, осужденным к аресту, могут применяться меры взыскания в виде выговора или водворения в штрафной изолятор сроком до десяти суток. Меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, объявляются постановлениями должностных лиц, имеющих право на их применение.

При применении к осужденному мер взыскания учитываются обстоятельства совершения нарушения, личность осужденного и его предыдущее поведение. Налагаемое взыскание должно соответствовать тяжести и характеру нарушения. Не допускается наложение нескольких взысканий за одно нарушение. За несколько нарушений, совершенных одновременно или в течение одних суток, также может налагаться только одно взыскание.

Взыскание налагается не позднее десяти суток со дня обнаружения нарушения, а если в связи с нарушением проводилась проверка, – со дня ее окончания, но не позднее 30 суток со дня совершения нарушения. Взыскание исполняется немедленно, а в случае невозможности немедленного исполнения – не позднее 15 суток со дня его наложения. Осужденный не может быть подвергнут взысканию, не получив возможности высказаться и дать письменное объяснение в свое оправдание. Должностные лица, применяющие к осужденным меры взыскания, должны всесторонне и полно учитывать обстоятельства совершения нарушения, степень вины осужденного, его оправдания и налагать взыскание после личной беседы с ним. Водворение осужденных в штрафной изолятор производится с указанием срока содержания в нем.

Применение меры взыскания в виде водворения в штрафной изолятор осуществляется только после осмотра осужденного врачом, который должен письменно подтвердить, что осужденный способен перенести такое взыскание. Врач ежедневно навещает осужденных, отбывающих указанное взыскание. Он обязан незамедлительно сообщать письменно начальнику арестного дома или начальнику учреждения уголовно-исполнительной системы, на территории которого расположен арестный дом, о необходимости приостановления

исполнения данного взыскания по причине физического или психического состояния осужденного.

Исполнение взыскания в виде водворения в штрафной изолятор приостанавливается и возобновляется по медицинским показаниям решением должностного лица, наложившего такое взыскание. При этом данное должностное лицо вправе сократить оставшийся срок взыскания либо принять решение о прекращении его исполнения.

Осужденный имеет право обжаловать решение должностного лица о наложении взыскания вышестоящему должностному лицу, прокурору или в суд. В случае обжалования осужденным решения о наложении взыскания его исполнение не приостанавливается. При наличии оснований взыскание может быть отменено или заменено должностным лицом, применившим его, или вышестоящим должностным лицом, имеющим на это право, либо отменено прокурором или судом.

Анализируя меры взыскания и поощрения, которые налагаются на осужденных к аресту, можно сделать вывод, что их количество невелико, что обусловлено особенностями данного наказания. Полагаем, что законодатель умышленно не предусмотрел виды взысканий, воздействующих на материальную и духовную сторону осужденных (например, запрещение расходовать денежные средства на приобретение продуктов питания), считая, что уже само наказание в виде ареста является достаточно суровым. Однако при постоянном, хотя и кратковременном, нахождении в камере в достаточно жестких режимных условиях осужденные так или иначе совершают нарушения, поэтому применение мер дисциплинарного воздействия в комплексе является средством карательно-воспитательного влияния на осужденных к аресту. Наиболее эффективно применение мер поощрения и взыскания действует на лиц, ранее не отбывавших наказание в виде лишения свободы. Именно для данной категории осужденных характерно интуитивное чувство боязни наказания. И наоборот, лица, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы, как правило, не испытывают страха перед наказанием.

Анализ дисциплинарной практики в арестных домах Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь за 2013–2016 гг. показал, что в 2013 г. показатель количества совершенных нарушений превышал среднесписочную численность осужденных к аресту в среднем на 32 %, при этом наложено всего 61 % взысканий от общего количества нарушений, из них 30 % – в виде водворения в штрафной изолятор (далее – ШИЗО). В 2014 г. превышение уже составило 37 %, за которые наложено 58 % взысканий, из них 26 % – в виде водворения в ШИЗО. В 2015 г. превышение составило около 13 %, при этом наложено 51 % взысканий, из них около 33 % – в виде водворения в ШИЗО. В 2016 г. количество нарушений практически соответствовало среднесписочной численности осужденных и разница составляла всего 2 % в сторону увеличения, наложено было 64 % взысканий, из которых около 31 % – в виде водворения в ШИЗО.

Таким образом, становится очевидным, что количество совершаемых нарушений превышает среднесписочную численность содержащихся в них осужденных. В большинстве случаев к нарушителям применяются меры дисциплинарного воздействия. Такое значительное количество налагаемых взысканий свидетельствует об их недостаточной эффективности, поскольку у

осужденных часто отсутствует чувство опасения перед применением мер дисциплинарного воздействия. Взыскание в виде объявления выговора не влечет правоограничений в отношении наказанного лица и не воспринимается осужденными как мера воздействия. Ограниченное количество камер ШИЗО в арестных домах также не позволяет шире применять взыскание в виде водворения в ШИЗО. Таким образом, отсутствие альтернативы указанным видам наказания снижает их исправительное воздействие на личность осужденного.

От разумного и взвешенного применения стимулирующих и карающих санкций зависит восприятие осужденными не только режима отбывания наказания, но и других средств исправления и ресоциализации. Кроме того, они способны стимулировать правопослушное поведение осужденного или, наоборот, настроить против администрации учреждения, тем самым подталкивая осужденного к игнорированию и невыполнению требований режима отбывания наказания.

Таким образом, сведения о взысканиях и поощрениях осужденного являются одним из важных элементов уголовно-исполнительной характеристики. От количества и характера взысканий и поощрений зависит эффективность процесса исполнения уголовного наказания, поскольку поведение осужденного во многом выражает его отношение к отбыванию наказания, правильности применения основных средств исправления и ресоциализации.

Список использованных источников

1. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: постановление МВД Республики Беларусь, 20.10.2000, № 174 : в ред. постановления МВД Республики Беларусь, 30.12.2016, № 349 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2017.

2. Рябинин, А. А. Основы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права Российской Федерации / А. А. Рябинин. – М. : Юристъ, 1995. – 208 с.

3. Ласточкин, В. А. Особенности исправления и перевоспитания впервые осужденных к лишению свободы / В. А. Ласточкин. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1976. – 45 с.

4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : 11.01.2000, № 365-З : в ред. закона Республики Беларусь, 09.01.2017, № 331-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2017.

5. Уголовный кодекс Республики Армения / науч. ред. докт. юрид. наук Е. Р. Азаряна, канд. юрид. наук. Н. И. Мацнева; предисл. докт. юрид. наук Е. Р. Азаряна; пер. с арм. канд. юрид. наук, проф. Р. З. Авакяна. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. – 450 с.

Дата поступления статьи – 23.08.2017.

В статье рассматриваются некоторые особенности мер взыскания и поощрения как карательно-воспитательного средства воздействия на осужденных к аресту. На основе анализа нормативных правовых актов, мнений ученых, данных опроса сотрудников и осужденных арестных домов разработаны предложения по совершенствованию норм законодательства Республики Беларусь о наказании в виде ареста.

The article examines some peculiarities of the measures of recovery and encouragement as punitive-educational means of influencing convicts to arrest. Based on the analysis of normative legal acts, opinions of scientists, interviews with employees and convicted arrest houses, proposals have been developed to improve the legislation of the Republic of Belarus on punishment in the form of arrest.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕРМИНА «ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО» В ПРАКТИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

Куница Е.В.

Белорусский законодатель определяет коррупцию с позиции умышленного использования государственным должностным или приравненным к нему лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды, а также как подкуп таких лиц.

Учитывая публично-властную природу коррупции и коррупционного поведения, законодательство о борьбе с коррупцией исходит из того, что коррупционное поведение потенциально заложено в особом правовом статусе (полномочиях, положении) должностных лиц [1, с. 123].

В этой связи в настоящее время одним из основных направлений повышения эффективности противодействия коррупции выступают разработка и введение механизма антикоррупционных стандартов, т.е. установление для определенных категорий лиц единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в сфере деятельности таких лиц.

Указанные антикоррупционные ограничения (запреты) на отдельные действия в профессиональной и частной сферах устанавливаются для лиц, обладающих определенным правовым статусом, деятельность которых сопряжена с особой ответственностью перед личностью, обществом, государством [2, с. 25].

В качестве таких лиц Закон Республики Беларусь от 15.06.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» [3] (далее – Закон о борьбе с коррупцией) рассматривает, в частности, государственных должностных лиц.

Термин «государственное должностное лицо» является одним из наиболее упоминаемых в законодательстве о борьбе с коррупцией. Его определение содержится в ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией.

Согласно указанной норме, к государственным должностным лицам относятся Президент Республики Беларусь, депутаты Палаты представителей Национального собрания, члены Совета Республики Национального собрания, депутаты местных Советов депутатов, осуществляющие свои полномочия на профессиональной основе, а также иные государственные служащие; сотрудники Следственного комитета; сотрудники Государственного комитета судебных экспертиз; лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, в том числе воинские, в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях, органах внутренних дел, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям, органах финансовых расследований Комитета государственного контроля и относящиеся в соответствии с законодательными актами к должностным лицам; заместители руководителей

местных Советов депутатов; лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и организациях, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц.

Анализ практики применения термина «государственное должностное лицо» за весь период действия Закона о борьбе с коррупцией свидетельствует о выработке субъектами, осуществляющими борьбу с коррупцией, а также участвующими в такой борьбе схожих верных подходов к трактовке данного понятия.

Как правило, отсутствуют сложности при решении вопроса об отнесении определенного лица к государственным должностным лицам в случаях, когда занимаемая им должность прямо или косвенно упоминается в абз. 3 ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией.

Вместе с тем, определенные трудности возникают у правоприменителей в ситуациях отнесения к рассматриваемой категории лиц по признаку выполнения организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей. Данные трудности обусловлены, прежде всего, бланкетным характером нормы абз. 3 ст. 1, отсутствием в Законе о борьбе с коррупцией определения терминов «организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности».

Как следует из обращений, поступающих для рассмотрения в Генеральную прокуратуру, такое положение вещей создает сложности для юридических лиц, граждан в толковании и применении основополагающих положений антикоррупционного законодательства, и, как следствие, является условием для нарушения иных норм Закона о борьбе с коррупцией, сформулированных с использованием термина «государственное должностное лицо».

В настоящее время вариантом решения обозначенной проблемы является использование при определении правового статуса лица подходов к содержанию организационно-распорядительных и административно-хозяйственных обязанностей, закрепленных в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16.12.2004 № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)» [4] (далее – Постановление Пленума Верховного Суда № 12).

Так, согласно п.6 Постановления Пленума Верховного Суда №12 к занимающим должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных обязанностей, относятся лица, осуществляющие руководство деятельностью учреждения, организации или предприятия, их структурных подразделений, расстановку и подбор кадров, организацию труда или службы работников, поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий и т.п.

Занимающими должности, связанные с выполнением административно-хозяйственных обязанностей, признаются, в частности, лица, осуществляющие полномочия по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами, а также организацию учета и контроля за отпуском и реализацией материальных ценностей (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда №12).

В целях обеспечения комплексного подхода к изложению антикоррупционного законодательства в дальнейшем предлагается дополнить ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией аналогичными по содержанию определениями обозначенных понятий.

Некоторые затруднения возникают также при принятии решений об отнесении конкретного работника к категории государственных должностных лиц на основании анализа документов, которыми регламентированы его должностные обязанности.

Соответствующий вывод не всегда возможно сделать по результатам изучения должностных инструкций, приказов и подобных документов, поскольку должностные обязанности в них могут излагаться обобщенно, неконкретно и содержать общие формулировки («обеспечивает», «контролирует» и т.п.).

В этой связи при принятии решения об отнесении работника к государственным должностным лицам нередко возникает необходимость в установлении истинного круга полномочий лица. В этих целях, в частности, проводятся дополнительные опросы граждан, направляются запросы в организации, изучаются дополнительные документы (положения о структурных подразделениях, типовые положения, и т.д.).

Например, юрисконсульт ОАО «Л» был отнесён работодателем к категории государственных должностных лиц по признаку выполнения организационно-распорядительных обязанностей. Из должностной инструкции юрисконсульта предприятия усматривается, что на него возложена организация договорной работы общества.

В ходе опросов юрисконсульта ОАО Л., директора общества установлено, что данный работник производит правовую экспертизу проектов договоров, осуществляет учет заключенных договоров, готовит тексты разногласий, т.е. управления договорной работой не осуществляет, организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей не имеет. По результатам проведенной проверки прокуратурой района внесено предписание об аннулировании обязательства по соблюдению аникоррупционных ограничений юрисконсульта ОАО Л.

Имеются случаи отнесения к категории государственных должностных лиц работников, занимающих должности, которые, согласно общегосударственному классификатору Республики Беларусь «Профессии рабочих и должности служащих» (далее – ЕТКС), относятся к категории «руководители», однако фактически не наделены ни организационно-распорядительными, ни административно-хозяйственными обязанностями.

Например, к категории государственных должностных лиц в КУП ЖКХ был отнесен художественный руководитель К. ввиду того, что в соответствии с ЕТКС указанная должность относится к категории руководителей (руководит хором самодеятельности).

Согласно действующему законодательству, признание наличия статуса государственного должностного лица влечет для такого лица наступление ряда правовых последствий, имеющих определенный ограничительный характер. В числе них подписание обязательства по соблюдению антикоррупционных ограничений (ст. 16), передача в доверительное управление находящихся в собственности долей в уставных фондах (акций) коммерческих организаций (ст. 20) и иные антикоррупционные механизмы.

В этой связи неверное применение термина «государственное должностное лицо», в частности, распространение данного статуса на лиц, которые исходя из абз. 3 ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией им не обладают, создает условия для ущемления прав и законных интересов таких лиц.

В целях формирования единых подходов к применению рассматриваемого термина, а также упорядочения порядка реализации установленных в законодательстве антикоррупционных ограничений представляется целесообразным рекомендовать руководителям государственных органов, организаций и организаций, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц, разработать и утвердить примерные перечни должностей возглавляемых ими органов, организации, относящихся к категории государственных должностных лиц.

Определенные трудности вызывают вопросы отнесения к категории государственных должностных лиц работников субъектов хозяйствования, учредителями которых являются государственные организации.

Как уже упоминалось ранее, Законом о борьбе с коррупцией к государственным должностным лицам отнесены, в том числе, лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей в государственных организациях и организациях, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц.

При этом государственной является организация, имущество которой находится в собственности государства или его административно-территориальной единицы и закреплено за такой организацией на праве хозяйственного ведения или оперативного управления.

Вместе с тем вопрос об отнесении к государственным должностным лицам должностных лиц дочерних организаций, учрежденных государственными организациями (организациями, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц), вызывает дискуссии в правоприменительной практике.

Прежде всего, это обусловлено тем обстоятельством, что имущество дочернего юридического лица хоть и имеет фактическую связь с государственным (имуществом административно-территориальной единицы), однако исходя из норм гражданского законодательства, находится в собственности учредителя, а не в собственности государства или его административно-территориальной единицы.

На этом основании на работников дочерних организаций в большинстве случаев не распространяется статус государственного должностного лица.

Исключением являются ситуации, в которых дочерняя организация учреждена унитарным предприятием.

Согласно п. 3 ст. 114 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) унитарное предприятие, основанное на праве хозяйственного ведения, вправе с согласия собственника имущества создать в качестве юридического лица другое унитарное предприятие путем передачи ему в установленном порядке части своего имущества в хозяйственное ведение (дочернее предприятие). Таким образом, унитарное предприятие, имущество которого находится в собственности

государства или его административно-территориальной единицы вправе создать другое унитарное предприятие путем передачи части своего имущества, находящегося в собственности государства или его административно-территориальной единицы. Следовательно, имущество дочернего предприятия также находится в собственности государства или его административно-территориальной единицы, а отдельные должностные лица таких организаций в соответствии с абз. 3 ст. 1 Закона о борьбе с коррупцией обладают статусом государственного должностного лица.

Аналогичным образом из сферы действия Закона о борьбе с коррупцией (в части применения норм об антикоррупционных ограничениях, правонарушениях, создающих условия для коррупции, коррупционных правонарушениях) исключены должностные лица, занимающие должности, в т.ч. руководящие, в филиалах и иных обособленных подразделениях государственных организаций и организаций, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц.

Согласно п. 2 ст. 51 ГК филиалом является обособленное подразделение юридического лица, расположенное вне места его нахождения и осуществляющее все или часть его функций, в том числе функции представительства.

Статус филиала зачастую имеют ранее самостоятельные юридические лица, преобразованные в рамках оптимизации деятельности, или созданные при крупных субъектах хозяйствования сельскохозяйственные производства. Руководители действуют на основании доверенности, выданной руководителем организации, и зачастую наделяются широким кругом полномочий, который фактически соответствует полномочиям руководителя организации. В числе таких полномочий – право заключать с работниками филиала трудовые договоры, прекращать трудовые отношения; привлекать работников к дисциплинарной и материальной ответственности; издавать приказы, распоряжения и указания; распоряжаться имуществом филиала; проводить государственные закупки и закупки за счет собственных средств; заключать и исполнять гражданско-правовые договоры, и т.д.

Однако с позиции гражданского законодательства руководители филиалов руководителями организации не являются (ч. 3 ст. 51 ГК). В этой связи перечень профилактических антакоррупционных механизмов, которые применяются в отношении указанной категории руководителей филиалов и руководителей организаций также имеет существенные отличия.

В частности, на руководителей филиалов не распространяются положения ст. 43 Закона о борьбе с коррупцией в части обязанностей и ответственности за непринятие мер по борьбе с коррупцией, отдельные антикоррупционные ограничения, установленные для государственных должностных лиц, и т.д.

В то же время в основу построения системы антикоррупционных запретов и ограничений, определения их перечня законодателем положен принцип минимизации коррупционных рисков, которые обусловлены сферой деятельности и особым правовым статусом того или иного лица.

Поскольку руководители филиалов в ряде случаев фактически обладают полномочиями руководителей организаций, их деятельность сопряжена с аналогичными коррупционными рисками.

В этой связи представляется необходимым рассмотреть вопрос о внесении изменений в законодательство о борьбе с коррупцией в части распространения статуса государственных должностных лиц на руководителей филиалов государственных организаций и организаций, в уставных фондах которых 50 и более процентов долей (акций) находится в собственности государства и (или) его административно-территориальных единиц.

Список использованных источников

1. Противодействие коррупции: учеб. пособие / Н.А. Бабий [и др.]; под общ. ред. А.В. Конюка. – Минск, 2016. - 498 с.

2. Хабибуллина, О.В. К вопросу о видах запретов для государственных служащих Российской Федерации / О.В.Хабибулина // Административное право и процесс. – 2016. – №3, С. 24–31.

3. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424 - 428 УК): Пост. Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004г., № 12 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Об утверждении общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 006-2009 «Профессии рабочих и должности служащих»: пост. Совета Министров Респ. Беларусь, 22 окт. 2009 г. № 125 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Гражданский кодекс Республики Беларусь, 07 дек. 1998 г. № 218-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

Статья посвящена вопросам применения термина «государственное должностное лицо» в практике деятельности по противодействию коррупции. На основе отдельных примеров рассматриваются имеющиеся проблемные аспекты использования данного термина. Анализируются случаи необоснованного распространения статуса государственного должностного лица на отдельных работников, а также ситуации неприменения данного статуса к лицам, которые обладают аналогичными с государственными должностными лицами полномочиями. Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства о борьбе с коррупцией.

The article is devoted to the use of the term "public official" in the practice of corruption. On the basis of specific examples of existing problematic aspects of the use of the term. Analyzed the cases of unjustified distribution of status of state officials on individual workers and the situation of non-use this status to persons who have the same with state officials authority. Proposals are made to improve the existing legislation on the fight against corruption.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА КРИМИНАЛА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Маков Б.В.

Феномен криминализации общества существенно трансформировал систему моральных и государственных ценностей не только в Российской Федерации в 90-е годы прошлого века, но и оставил свой негативный отпечаток на внутриполитический микроклимат большинства государств постсоветского пространства. Транснациональная и национальная преступность (глобальный наркобизнес, международный терроризм) стали оказывать существенное влияние на мировой процесс в целом. Общепланетарный характер криминализации сделал её одной из глобальных угроз человечества на международном, национальном и региональном уровнях. Криминальные структуры сегодня являются одним из элементов современного мирового порядка, существенной характеристикой которого является жесткая борьба за ресурсы, за рынки, за власть, за лидерство. Можно говорить о существовании «длинных волн криминализации» в обществе, совпадающих с кондратьевскими длинными циклами в экономике.

Говоря о существующих традициях понимания природы криминалитета, можно выделить два подхода: первый, редукционистский, сводит природу преступности к отклонениям (от социально-биологической нормы, от психической нормы здорового человека, от социально-этических и государственно-правовых норм) и понимает преступность как девиантное поведение в результате деформации социально значимых ценностей. Другая традиция, социально-политическая, усматривала генезис криминала в частнособственническом начале и социальной детерминации поведения человека несправедливым устройством общества. Считается, что для утверждения идеалов справедливости необходимо построить гражданское общество, обладающее рычагами воздействия на государственный механизм. В 90-ые годы государственные власти вынуждены были мириться с иностранными агентами на политической арене, с независимым бизнесом, рыночной экономикой и преступностью. Многие сферы деятельности, выпущенные из–под государственного контроля и отданные на откуп рыночному самоуправлению, дали мощный импульс развитию криминала [1].

Противостояние организованной преступности и легального общества – это не абстрактная борьба государства с социальным злом. Оно происходит в отношениях вполне реальных людей, так называемых «криминальных субъектов». Пониманию и объяснению феномена преступности на уровне личности посвящены произведения русских писателей И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.Н. Писарева, Ф.М. Достоевского, философов В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, И.А. Ильина. В их работах содержится предвосхищение феномена отрицания ценностей и социальных норм субъектом, возникшим в Новое время в европейской культуре и получившим название «нигилизм» как форма разочарования в идеалах романтизма. Слово «нигилизм» вошло в русский язык благодаря книгам И.С. Тургенева, как воззрение людей, отрицавших все, что основано на власти, традиции и авторитете. В русской культуре это явление, по мнению Ф.М. Достоевского, впервые отметил «своим глубоко прозорливым и гениальным умом А.С. Пушкин». Сам Достоевский исследовал феномен и предсказал будущий размах российского нигилизма в своих

романах «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы». Большой вклад в осмысление экзистенциальных корней индивидуального бунта, противления государству привнесло творчество русских мыслителей Л. Толстого, Ф. Достоевского, В. Соловьева, Д. Мережковского, С. Франка, Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Розанова, Вяч. Иванова и западных: Э. Гусерля, М. Хайдеггера, М. Бубера, Л. Леви-Брюля и др.

Проблеме добра и зла, нигилизма, способам устройства жизни с Богом и без Бога посвящено всё творчество русского экзистенциалиста Л. Шестова. Он подверг сомнению учение И. Канта о том, что всякое разумное существо всегда будет чувствовать неразрывную связь своей жизни со своими моральными принципами, что всякий человек на этом основании хочет уважать себя и больше всего на свете боится испытать отвращение к самому себе, не следуя моральным принципам: «Я спрашиваю, кто дал право Канту делать все эти его обобщения и антиципации, в которых, как известно, заключается сущность всех его критик, откуда он знает, что испытывает каждый человек? Откуда он знает, что будет с ним завтра?» [2]. В этих вопросах подспудно звучит философско-антропологическая посылка о неисчерпаемости как положительных, так и отрицательных свойств человека. Шестов говорит, что основная мысль Ф. Достоевского состоит в том, что величайший грех – стремиться устроиться на земле без Бога, против Бога. Отсюда происходит «сообщество в заблуждении» и существует оно, пока само не разрушится. Все, что представляется Достоевскому не соборным единением душ, но «механической кооперацией личностей», условившейся во имя самоутверждения каждой и в целях общей выгоды работников сообща, подлежит осуждению как демоническое притязание устроиться на земле без Бога. Отсюда следует, что для Достоевского не существует особой разницы между сообществом «социалистов», объединяющихся в этих целях без Бога, и криминальным сообществом, также объединяющегося без Бога ради общей выгоды и во имя личного самоутверждения. Шестов отмечает, что Вяч. Иванов, вслед за Достоевским, осуждает попытку устроиться на земле без Бога и идет дальше – хочет помочь людям устроиться на земле с Богом. Здесь Л. Шестов формирует свою позицию: если хотите устраиваться – устраивайтесь, Господь с вами, но Бога оставьте в покое. Если «Бог умер», то к нему уже не «пристроишься», и у нигилиста не остаётся выбора, кроме как либо самому головой в омут, либо других…

Н.А. Бердяев в работе «Философская истина и интеллигентская правда», указывал на то, что ценностным догматом большей части русской интеллигенции рубежа веков стало поклонение «Народу» – то крестьянству, то пролетариату, на которых стали распространять ореол христианского мученичества. «Любовь к уравнительной справедливости и общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине» [3]. Бердяев делает вывод: основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если народу от гибели ее будет лучше житься, если люди будут счастливее, если она (истина) стоит на пути заветного клича «долой самодержавие». Далее логика проста: если закон и право – это форма диктата политической воли правящего класса, которая мешает благу народа, то долой эту истину, закон, право, государство. Такая же логика национал-социализма приводит Германию к фашизму, со всеми вытекающими трагическими последствиями для сотен миллионов людей. Бердяев считал, что фальшивое обожествление

«страдальцев» (сидельцев) не позволило понять рассудочный патриотизм Чаадаева, а В. Соловьев, философ европейского уровня, оказался невостребованным русским обществом потому, что его идеи были чужды и народничеству, и марксизму.

Сам В.С. Соловьев в своей философии был воодушевлён идеей всеединства народов в человечестве. Высшими социальными ценностями для Соловьева были: равноправие, существование высшей истины «Софии», добра как правды и права, как транспортера этих ценностей в общество. В.С. Соловьев считал истоком преступности злую волю «лихих людей», «настолько сильной и решительной, что они ее прямо практически осуществляют во вред своим ближним и с опасностью для целого общежития» [4]. Русский мыслитель, квалифицируя преступника в состоянии преступления как заведомо ненормальном состоянии, выступал против наказания и «образумления» преступников с помощью полицейско-судебно-пенитенциарной системы. Европейская традиция, выраженная в работах Гегеля, исходила из того, что государство берет на себя защиту граждан. Преступления против личности и имущества рассматриваются как враждебные действия против государства и общественного целого и подлежат отмщению (вместо родовой кровной мести) самим государством. В.С. Соловьев показывает внутреннее бессмыслие доктрины возмездия или «мстительной справедливости», следующее из того, что месть и устрашение есть рудименты «зверочеловечества», идущего по пути превращения в «богочеловечество». Поэтому путь исправления виделся в общественной опеке над преступником компетентными людьми (юристы, психиатры и священники) и это единственное положительное противодействие преступлению, допускаемое нравственным началом (а не местью и устрашением) с точки зрения безусловного Добра, ибо насильно, извне заставить человека иметь идущее изнутри расположение к добру не может быть достигнуто.

Следует отметить, что социология как «позитивная наука об обществе» XIX–XX веков удивительно мало внимания уделяла преступности. Основоположники российской социологической мысли М. Ковалевский и П. Сорокин, будучи увлеченными идеей прогресса и конструированием равновесных состояний человеческого общества, относились к проблеме криминализации общества как к болезням роста, естественным образом проходящих. Показательна утопия раннего Питирима Сорокина, рассматривавшего в работе «Преступление и кара, подвиг и награда» 1913 года преступление как конфликт разнородных шаблонов поведения. Когда мир будет составлять единую, «замирённую» общность, тогда преступлений, по Сорокину, не будет, не будет и подвигов.

Подытоживая, отметим, что волна криминализации в конце XX века заставила задуматься о феномене криминала как подструктуры социальной системы, активно трансформирующейся и видоизменяющейся, симметрично подстраивающейся к изменениям внешней среды – политического режима и государственного строя на локальном уровне и макроэкономических трендов на глобальном. Исследование данного сложносистемного, многофакторного и многоуровневого феномена требует специфического подхода, который можно было бы назвать философской криминометрикой.

Список использованных источников

1. Дубнов, А. П., Дубовцев, В. А. Философия преступности: проблемы криминализации российского общества. – Екатеринбург, «Ява», 1999.

2. Лев Шестов Сочинения в 2-х томах. – Томск, Водолей, 1996.
3. Бердяев, Н. А. «Философская истина и интеллигентская правда» http://berdyaev.filosoff.org/tvorchestvo/filosofskaya-istina-i-intelligentskaya-pravda/.
4. Соловьев, В.С. «Оправдание добра» http://www.vehi.net/soloviev/oprav/index.html.

Дата поступления статьи – 13.09.2017.

В работе освещены российские традиции в рассмотрении проблемы преступников и преступления, связь с идеологией нигилизма, отражение феномена криминала в работах русских мыслителей.

The paper deals with the Russian tradition in addressing the problem of criminals and crime, the link with the ideology of nihilism, a reflection of the phenomenon of crime in the works of Russian thinkers.

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУБЪЕКТАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ*

Мартыненко И.Э.

Вступление в силу 3 февраля 2017 г. Кодекса Республики Беларусь о культуре [1] вызывает необходимость уточнения задач субъектов правоохранительной деятельности по защите национальных интересов в социальной сфере. В XXI в. бурное развитие технократических процессов приводит к обострению проблемы антропогенного и техногенного разрушения исторических и культурных элементов наследия человечества. Историко-культурное наследие приобретает все большую политическую силу и значение как надежный гарант сохранения идентичности и самобытности народа, ценнейшее конкурентное преимущество в условиях глобализации. Именно поэтому сохранение историко-культурного наследия земли белорусской – существенный элемент нашей национальной безопасности. Не случайно *Концепция национальной безопасности Республики Беларусь*, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 [2], к числу жизненно важных интересов Республики Беларусь в социальной сфере относит сохранение и приумножение культурного наследия (п. 12).

Аналогичного подхода придерживаются и другие государства-члены ОДКБ: например, в Республике Казахстан Закон «О национальной безопасности Республики Казахстан» [3] в числе основных угроз национальной безопасности называет *утрату культурного и духовного наследия* народа Республики Казахстан (ст. 6). В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 [4], одним из направлений укрепления национальной безопасности в области культуры выступает усиление государственного контроля за состоянием объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), повышение

* Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.

ответственности за нарушение требований их сохранения, использования и государственной охраны.

Итак, обеспечение национальной безопасности включает защиту культурного, духовно-нравственного наследия, исторических традиций и преемственно-цивилизационных норм общественной жизни. Национальная безопасность в первую очередь связывается с состоянием защищенности личности, общества и государства от разнообразных угроз и опасностей внутреннего и внешнего характера в различных сферах жизнедеятельности [5, с. 4; 6, с. 3–6]. Как отмечается в выступлении Президента Республики Беларусь, обеспечение национальной безопасности включает защиту культурного, духовно-нравственного наследия и исторических традиций. Сегодня можно говорить о культурной безопасности как составной части национальной безопасности [7].

Национальные интересы в социальной сфере заключаются в сохранении культурного (историко-культурного наследия), обеспечении защищенности духовных ценностей общества от внутренних и внешних угроз. Национальная безопасность в социальной сфере представляет собой такую качественную характеристику состояния социально-политической системы, которая характеризуется отсутствием факта угрозы историко-культурному наследию, способностью функционировать в опасных условиях, осуществлять деятельность, направленную на минимизацию, нейтрализацию и ликвидацию возникающих угроз.

Угроза национальной безопасности – это потенциальная или реально существующая возможность нанесения ущерба национальным интересам государства. Конечно, опасность нанесения ущерба национальным интересам не тождественна угрозе [8, с. 43, 46, 48]. Так, характерными отличиями опасности от угрозы являются степень риска причинения конкретного ущерба национальным (в сфере историко-культурного наследия) интересам (социальная безопасность), направленность воздействия, присутствие в них трех компонент – намерения, возможности, последствия. Угроза – это намерения и возможность нанесения ущерба национальным интересам (утрата национальных культурных ценностей), а опасность – это либо намерения, либо возможность. Последствия – безвозвратная утрата национальных культурных ценностей в результате их уничтожения, вывоза из страны происхождения, умаления художественных достоинств, дискредитация исторического прошлого и достижений культуры.

В сфере историко-культурного наследия Республики Беларусь **угрозами национальной безопасности** являются: преступность – контрабанда культурных ценностей (утрата культурных ценностей в результате их безвозвратного вывоза из страны); хищения культурных ценностей из музеев, архивов, библиотек; раскопки памятников археологии, приводящие к уничтожению, повреждению артефактов и участию их в нелегальном обороте; уничтожение объектов военно-исторического наследия в результате нелегальных раскопок воинских захоронений; разрушение материальных недвижимых историко-культурных ценностей (например, памятников архитектуры и градостроительства), в том числе видом их реставрации (обновления), надругательством над историко-культурными ценностями; дискредитация нематериального культурного наследия.

Эмпирические данные, полученные в ходе исследования, подтверждают данный вывод. Так, за период 2011–2016 гг. *таможенными органами* изъято 7 287 предметов, представляющих историческую или культурную ценность.

Выявлено 227 правонарушений по фактам незаконного перемещения культурных ценностей через белорусский участок таможенной границы Евразийского экономического союза. Более половины правонарушений были раскрыты при их ввозе на территорию Республики Беларусь. Наибольшее количество правонарушений выявлено на белорусско-польском и белорусско-украинском направлениях. Сотрудниками Государственного таможенного комитета Республики Беларусь в 2016 г. пресечена попытка незаконного перемещения через границу более 400 предметов, представляющих историко-культурную ценность [9].

За период с 2011 г. по июль 2016 г. *органами пограничного контроля* выявлено 46 случаев задержания культурных ценностей, в том числе – партий культурных ценностей (старинное оружие, иконы, столовые приборы и др.), которые переданы таможенным органам для выполнения предусмотренных законом процессуальных действий [10].

Преступления, предметом посягательств в которых являются историко-культурные ценности (охраняемые законом, т.е. памятники), занимают примерно 1 % в структуре преступности, но общественная опасность таких деяний велика. Согласно сведениям *Единого государственного банка данных о правонарушениях* [11], ежегодно в стране совершается от 2 до 6 преступлений в данной области (см. таблицу 1).

Год	Статья	Количество
2010	Ст. 344 ч. 1	1
	Ст. 346 ч. 1	1
	Ст. 344 ч. 2	1
	Всего	3
2011	Ст. 344 ч. 1	2
	Всего	2
2012	Ст. 344 ч. 1	3
	Ст. 344 ч. 2	1
	Ст. 346 ч. 1	1
	Ст. 344 ч. 2	1
	Всего	6
2013	Ст. 346 ч. 1	1
	Ст. 346 ч. 2	1
	Всего	2
2014	Ст. 346 ч. 2	1
	Всего	1
2015	Ст. 344 ч. 1	1
	Ст. 346 ч. 2	2
	Всего	3
2016	Ст. 344 ч. 1	1
	Ст. 346 ч. 1	2
	Ст. 346 ч. 2	1
	Всего	4

Таблица 1. Данные о зарегистрированных преступлениях, предметом посягательств в которых выступали историко-культурные ценности, за 2010–2016 гг.

Административная практика дополняет общую картину правонарушений в области историко-культурного наследия: в 2007 г. было выявлено 8 административных правонарушений, в 2008 г. – 7, в 2009 г. – 3, в 2010 г. – 13, в 2011 г. – 14, в 2012 г. –28, в 2013 г. –19, в 2014 г. –26, в 2015 г. – 26, в 2016 г.– 27.

В материалах прокурорских проверок также содержатся сведения о широкой распространенности нарушений в сфере охраны историко-культурного наследия [12, с. 15–17; 13, с. 4–8.], которые привели к необходимости принятия мер реагирования, что продемонстрировано на нижеследующей таблице (см. таблицу 2).

Год	**2014**	**2015**	**2016**
Всего проверок	94	106	108
Вынесено представлений	64	64	60
Принесено предписаний	117	141	133
Принесено протестов	1	Нет	Нет
Вынесено официальных предупреждений	15	19	11
По требованию прокурора привлечено к: административной ответственности (лиц)	13	14	5
дисциплинарной ответственности (лиц)	37	56	34
материальной ответственности (сумма неденоминированных рублей)	Возмещено ущерба: физ. лица – 23 млн руб., юр. лица – 63,800 млн руб.	Юр. лиц – 12. Возмещено ущерба – 110 млн руб.	–

Таблица 2. Данные о количестве мер прокурорского реагирования в сфере историко-культурного наследия за период 2014–2016 гг.

Анализ практики прокурорского надзора показывает, что в 2017 г. весьма эффективной оказалась деятельность по надзору за *соблюдением законодательства, регулирующего порядок осуществления предпринимательской деятельности при использовании объектов историко-культурного наследия*. Так, органами прокуратуры Могилёвской области выявлено более 130 субъектов, которые не были учтены в качестве плательщиков средств в Фонд Президента Республики Беларусь по поддержке культуры и искусства [14]. По требованию прокуроров в Брестской области по состоянию на 6 апреля 2017 г. 13 предприятий, расположенных в г. Бресте, перечислили в указанный выше фонд соответствующие платежи на общую сумму более 2,5 тыс. руб., в г. Пинске 18 субъектов хозяйствования – более 7 тыс. рублей [15]. Органами прокуратуры Гомельской области юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, осуществляющим деятельность, непосредственно воздействующую на историко-

культурную ценность, вынесено 67 предписаний и внесено 3 представления. По требованию прокуроров в июне–июле 2017 г. 36 субъектов хозяйствования и физических лиц перечислили в специальный фонд более 4 тыс. руб. Всего в первом полугодии 2017 г. по указанным вопросам прокурорами районов и г. Гомеля проведена 21 проверка, по их результатам внесено 114 актов прокурорского надзора [16]. Для устранения выявленных нарушений Генеральной прокуратурой в Совет Министров Республики Беларусь направлена соответствующая информация, а в Министерство культуры внесено представление [17].

Такие высокие показатели прокурорской деятельности в сфере историко-культурного наследия были не всегда: в 1990-е гг. прокурорские проверки в сфере историко-культурного наследия проводились эпизодически, все больше по факту (сноса, реконструкции памятника, в связи с обращением общественности), чем по плану работы прокурора. В результате количество актов прокурорского реагирования за год не превышало 20. Но и в это время были результативные проверки, которые оказали значительное влияние на состояние законности в данной сфере (прокурорами неоднократно вносились представления Министру культуры, облисполкомам и др.). Ситуация изменилась, когда в соответствии с приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 19 декабря 2007 г. «О внесении изменений в организационно-штатную структуру Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» в Генеральной прокуратуре создан *отдел по надзору за исполнением природоохранного и земельного законодательства,* одной из основных задача которого является организация и осуществление надзора за точным и единообразным исполнением законодательства об охране историко-культурного наследия. В ноябре 2010 г. принято указание Генеральной прокуратуры Республики Беларусь «О повышении эффективности надзора за соблюдением законодательства о сохранности историко-культурных ценностей», направленное на повышение эффективности прокурорского надзора в данной сфере.

Объектом прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране историко-культурного наследия является сфера правовых отношений, связанная с исполнением названного законодательства субъектами, указанными в ст. 26 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь». Применительно к рассматриваемой сфере отношений объектами надзора являются: республиканские органы государственного управления (Министерство культуры; Министерство архитектуры и строительства; Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции; Министерство финансов); иные государственные организации, подчиненные Совету Министров Республики Беларусь; местные представительные органы; исполнительные и распорядительные органы; общественные объединения (согласно данных Министерства юстиции в стране зарегистрировано **10** общественных объединений, уставной деятельностью которых является охрана памятников истории и культуры, охрана историко-культурного наследия; из них – 7 республиканских и 3 международных общественных объединений [18]); общественная наблюдательная комиссия при Министерстве культуры по охране историко-культурного наследия; Белорусский республиканский научно-методический совет по вопросам историко-культурного наследия при Министерстве культуры Республики Беларусь; областные (Минская городская) археологические комиссии; музеи как места сосредоточения культурных ценностей, в том числе музеи-заповедники: религиозные организации;

должностные лица; граждане, в том числе собственники историко-культурных ценностей (включая движимые и нематериальные ценности); индивидуальные предприниматели.

Под предметом прокурорского надзора понимается правоохранительная деятельность по выявлению нарушений законодательства, их пресечению и устранению, восстановлению нарушений законности, привлечению правонарушителей к ответственности и принятию мер по недопущению подобных нарушений в будущем, т. е. содержание надзорной деятельности. Предметом прокурорского надзора в исследуемой сфере является соблюдение Конституции Республики Беларусь, Кодекса о культуре, Указа Президента Республики Беларусь от 18 октября 2007 г. № 527 «О некоторых вопросах охраны историко-культурного наследия», других нормативных правовых актов, принятых в сфере регулирования историко-культурного наследия, всеми государственными органами, общественными объединениями, органами власти и управления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, должностными лицами и гражданами, а также соблюдение закона при осуществлении уголовного преследования, ведении административного процесса в случае совершения противоправных действий в отношении охраняемых законом культурных ценностей. Кроме указанных выше нормативных правовых актов (законов, указов, декретов, постановлений), прокуроры осуществляют надзор за исполнением ряда государственных программ, реализация которых касается историко-культурного наследия. Так, Советом Министров Республики Беларусь утверждены: государственная программа «Культура Беларуси» на 2016–2020 гг. (Постановление от 4 марта 2016 г. № 180); Государственная программа на 2015–2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн.

Выше в таблице 2 продемонстрирована деятельность прокуроров по устранению причин и условий, способствовавших совершению нарушений законодательства. Оценка эффективности государственно-правового воздействия на нарушителей закона позволяет утверждать, что, кроме традиционных актов прокурорского реагирования важная роль принадлежит иску прокурора, заявляемому в защиту историко-культурного наследия. *В этом плане весьма показателен иск прокурора г. Гродно, заявленный в интересах государства к одному из обществ с ограниченной ответственностью об изъятии бесхозяйственно содержимой историко-культурной ценности – «Комплекс пивоваренного завода»* [19]. Иск был удовлетворен, но дальнейшая судьба данного объекта оказалась печальная: в мае 2017 г. комплекс зданий Гродненского пивоваренного завода сгорел в результате пожара, что привело к окончательной утрате знакового для страны памятника промышленной архитектуры.

Как представляется, судебная защита прокурором историко-культурного наследия может осуществляться также по делам: о возмещении ущерба, причиненного памятнику (историко-культурной ценности); о признании сделок, заключенных с исторической недвижимостью, недействительными; о возвращении историко-культурных ценностей из чужого незаконного владения (в собственность государства); о прекращении деятельности, создающей угрозу существования материальной недвижимой историко-культурной ценности; об обязании собственника (владельца) провести ремонтно-восстановительные работы на памятнике (архитектуры, истории); о понуждении собственника выполнить свои

обязательства по обеспечению сохранности историко-культурной ценности (памятника) и др.

Эффективным средством обеспечения права граждан иметь доступ к культурным ценностям (а не их муляжам) может стать *требование* прокурора об исключении снесенного памятника из Государственного списка историко-культурных ценностей (т.е. соответствующего охранного Реестра). Такие требования еще не предъявлялись.

По результатам исследования приходим к следующим выводам и предложениям. Существующая потенциальная возможность (опасность) нанесения ущерба (вреда, урона) национальному историческому и культурному наследию Беларуси, культурным ценностям, предопределяет необходимость выделения историко-культурного наследия в качестве непосредственного *объекта национальной безопасности.* Это означает, что в базовых документах по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности (концепции национальной безопасности, и т. п.) возможно указание новых угроз. Предложенный подход позволяет по-новому определить задачи, решаемые субъектами правоохранительной деятельности: предлагаем к компетенции Министерства внутренних дел, Государственного пограничного комитета, Комитета государственной безопасности, Государственного таможенного комитета, Министерства по чрезвычайным ситуациям отнести также осуществление защиты историко-культурного наследия. Указанная новация потребует корректировки законодательных актов, определяющих задачи, статус и компетенцию указанных субъектов правоохранительной деятельности, но такие изменения оправданы.

Немаловажную роль по организации противодействия правонарушениям уголовно-правовая охрана объектов историко-культурного наследия от преступных посягательств [20, с. 140]. Учитывая приведенные выше эмпирические данные, компенсируя недостатки белорусского законодательства, считаем целесообразным (и последовательно это отстаиваем) рассмотреть вопрос об установлении уголовной ответственности в виде самостоятельного состава преступления за:

– поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания, проводимые без разрешения, повлекшие повреждение или уничтожение культурного слоя;

– уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения, от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих культурную ценность;

– нарушение требований сохранения или использования историко-культурных ценностей либо материальных объектов, которым может быть присвоен статус историко-культурной ценности (т.е. вновь выявленным объектам), повлекшее по неосторожности их уничтожение или повреждение. Приведенные примеры, когда исторические и архитектурные памятники годами не реставрируются, сгорают и бесхозяйственно содержатся, свидетельствует об актуальности и практической значимости данного предложения.

В развитие п. 4 ст. 90 Кодекса о культуре предлагаем установить законодательный запрет: *снос выявленного объекта историко-культурного наследия запрещен.*

Как представляется, практическая реализация указанных предложений в определенной мере повысит эффективность правовой охраны историко-культурного наследия Беларуси.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь о культуре : 20 июля 2016 г., № 413-З : принят Палатой представителей 24 июня 2016 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2016 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 02.08.2016, 2/2412. – Режим доступа : http://etalonline.by/?type=text&regnum=Hk1600413. – Дата доступа : 08.05.2017.

2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О национальной безопасности Республики Казахстан : Закон Республики Казахстан, 6 января 2012 г. № 527-IV ЗРК // Казахстанская правда. – 2012. – № 19–20. – 17 января.

4. Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президент Российской Федерации 12 мая 2009 г., № 537 // Российская газета. – 2009. – № 88. – 19 мая.

5. Голобородько, А. Ю. Государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности современной России : автореф. дис. ... д-ра политич. наук : 23.00.02 / А. Ю. Голобородько ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. – Ростов-на-Дону, 2016. – 46 с.

6. Сулименко, Е. Г. Культурная политика как фактор национальной безопасности в условиях глобализации : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Е. Г. Сулименко ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2008. – 24 с.

7. От уверенного старта — к успеху нового пятилетия. Выступление Президента Республики Беларусь при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию // СБ. Беларусь Сегодня. –2016. – 22 апреля.

8. Зеленков, М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации : монография / М. Ю. Зеленков. – М. : Юрид. ин-т МИИТа, 2013. – 196 с.

9. Архив Государственного таможенного комитета Республики Беларусь. – Дело № 03-3-4 от 06.07.2016 г.

10. Архив Государственного пограничного комитета Республики Беларусь. – Дело № 8/1/5962 от 31.05.2016 г.

11. Архив Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Информационный центр) за 2016 г. – Дело № 4/12170 от 25.05.2016 г.

12. Шостак, Г. А. Охрана историко-культурного наследия: итоги прокурорской проверки неутешительны / Г. А. Шостак // Законность и правопорядок. – 2012. – № 1. – С. 14–18.

13. Лавров, В. В. Прокурорский надзор за исполнением законов об охране объектов культурного наследия : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.11 / В. В. Лавров ; Акад. Генер. прокуратуры РФ. – М., 2016. – 34 с.

14. Органами прокуратуры Могилёвской области уделяется значительное внимание надзору за исполнением законодательства об охране историко-культурного наследия // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.prokuratura.gov.by/ru/info/novosti/nadzor-za-ispolneniem-zakonodatelstva/prirodookhrannoe-i-zemelnoe/organami-prokuratury-mogilevskoy-oblasti-udelyaetsya-znachitelnoe-vnimanie-nadzoru-za-ispolneniem-za/. – Дата доступа : 29.08.2017.

15. По требованию органов прокуратуры Брестской области приняты меры по сохранению объектов историко-культурного наследия области // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.prokuratura.gov.by/ru/info/novosti/nadzor-za-ispolneniem-zakonodatelstva/prirodookhrannoe-i-zemelnoe/po-trebovaniyu-organov-prokuratury-brestskoy-oblasti-prinyaty-mery-po-sokhraneniyu-obektov-istoriko-/. – Дата доступа: 19.06.2017.

16. Органами прокуратуры Гомельской области обеспечивается надзор за соблюдением законодательства об охране историко-культурных ценностей // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.prokuratura.gov.by/ru/info/novosti/nadzor-za-ispolneniem-zakonodatelstva/prirodookhrannoe-i-zemelnoe/organami-prokuratury-gomelskoy-oblasti-obespechivaetsya-nadzor-za-soblyudeniem-zakonodatelstva-ob-okh/. – Дата доступа : 18.08.2017.

17. Генеральной прокуратурой проведена проверка соблюдения законодательства, регулирующего порядок осуществления предпринимательской деятельности при использовании объектов историко-культурного наследия // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.prokuratura.gov.by/ru/info/novosti/nadzor-za-ispolneniem-zakonodatelstva/prirodookhrannoe-i-zemelnoe/generalnoy-prokuraturoy-provedena-proverka-soblyudeniya-zakonodatelstva-reguliruyushchego-poryadok-o/. – Дата доступа : 20.07.2017.

18. Архив Министерства юстиции Республики Беларусь. – Дело № 06-20/392 от 25.08.2016.

19. Архив экономического суда Гродненской области за 2016 г. – Дело № 316-10/2015.

20. Зарубин, А. В. Некоторые проблемы разграничения уничтожения и повреждения объектов культурного наследия со смежными составами преступлений / А. В. Зарубин // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. : в 2 т. / Науч. практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. М. Хомич [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – Вып. 9, т. 1 : спец. юбилейн. изд. – С.140–146.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В статье рассматриваются особенности обеспечения правоохранительными органами национальных интересов в сфере историко-культурного наследия. Приводятся эмпирические данные за 2014-2017 гг., характеризующие состояние законности в данной области. Автор утверждает, что в сфере историко-культурного наследия Республики Беларусь основной угрозой национальной безопасности является преступность, а именно: контрабанда культурных ценностей; хищения культурных ценностей; раскопки памятников археологии и воинских захоронений; разрушение историко-культурных ценностей, в том числе видом их реставрации (обновления); надругательство над историко-культурными ценностями; дискредитация нематериального культурного наследия. Учитывая тенденции судебно-следственной и административной практики по делам данной категории, предлагается концептуально новые решения обеспечения культурной безопасности государства. С учетом первого опыта применения Кодекса о культуре обосновываются предложения о совершенствовании законодательства в данной сфере посредством установления новых уголовно-правовых запретов, направленных на противодействие посягательствам на объекты историко-культурного наследия.

The article considers the peculiarities of law-enforcement agencies of national interests in the sphere of historical and cultural heritage. Used examples of legal practices 2014-2017, that prove the necessity of strengthening of criminal responsibility for crimes against cultural

property. The author argues that in the sphere of historical and cultural heritage of the Republic of Belarus main national security threat is the crime, namely the smuggling of cultural property; theft of cultural property; excavation of archaeological sites; destruction of objects of the military-historical heritage; the discrediting of the intangible cultural heritage. The author offers a new conceptual solutions ensure cultural security of the state, substantiates proposals on improving legislation in this sphere.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ (ДЕ)КРИМИНАЛИЗАЦИОННОГО ПОВОДА, ПРИЧИН И УСЛОВИЙ (ДЕ)КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Нечаев А.Д.

Детерминация процессов (де)криминализации остается одной из сложнейших проблем. Л.М. Прозументов отмечает, что у каждого исследователя существует своя система детерминации этих процессов, о чем свидетельствует отсутствие единства мнений о терминологическом обозначении элементов: одни авторы именуют их основаниями, другие – принципами, условиями, задачами, критериями [1, с. 77]. Ю.И. Бытко обозначает это как «терминологическую разноголосицу» [2, с. 89]. На отсутствие единообразного подхода обращают внимание и другие ученые [3, с. 32; 4, с. 367; 5, с. 52; 6, с. 307], что и предопределяет *актуальность избранной темы исследования*.

Объектом настоящего исследования выступает совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе и в связи с (де)криминализацией деяний.

Методологическую основу работы составляют всеобщие (философские), общенаучные и междисциплинарные методы познания.

Г.А. Злобин и С.Г. Келина ввели в научный оборот категорию **«криминализационный повод»**, под которым они понимали «единичный, случайный момент, возбуждающий процесс криминализации» [7, с. 107], «конкретные события, приведшие к постановке вопроса о криминализации того или иного вида деяний (и используемые обычно для аргументирования соответствующего решения), – безотносительно к адекватности выражения в них общественной необходимости» [8, с. 207]. В качестве примера они приводили такие события, как «получившие широкую гласность аморальные поступки или особенно отвратительные преступления, а также публикации данных о движении преступности или судимости» [7, с. 107]. Нельзя не согласиться с тем, что повод приводит «в движение процесс криминализации» [8, с. 207 - 208], возбуждает его.

Попытку разработки поводов криминализации предпринимает Н.И. Хавронюк, выделяя три необходимости (выполнение обязательств по международным договорам; создание правовых механизмов утверждения и обеспечения прав и свобод человека; обеспечение реализации регулятивного законодательства), а также результаты криминологических исследований и общественное мнение [9, с. 448–449]. Однако, дискуссионность вопроса этим лишь усилена, поскольку первые три повода вызывают вопрос об их отграничении от причин и оснований, а последние два – от условий.

К.А. Амиянц указывает, что поводом криминализации служит способ совершения преступления [10, с. 12], а Н.Г. Иванов считает, что конкретный повод

законодателю дает общественная опасность [11, с. 37]. Это осложняет исследования, создает путаницу и препятствует приращению научного знания.

Нам импонирует точка зрения Ю.И. Бытко, который полагает, что «единственным обстоятельством, обязывающим … приступить к процедуре криминализации, является законодательная инициатива – повод» [2, с. 95]. Хотя и она не лишена недостатков, поскольку законодательная инициатива может рассматриваться и как действие, и как право, и как стадия.

В науке уголовного процесса вопрос о поводах возбуждения уголовного дела разработан достаточно подробно. Например, Г.П. Химичева под поводом понимает «предусмотренные уголовно-процессуальным законом юридические акты или поступки, с которыми закон связывает обязанность дознавателя, органа дознания, следователя … решить вопрос о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела» [12, с. 116]. Соответственно, представляется, что вместо традиционно используемых понятий «событие» и «момент» можно использовать категорию «действие» как волевой юридический факт.

(Де)криминализационный повод представляет собой релевантный юридический факт в виде действия соответствующего субъекта уголовно-политической деятельности, возбуждающий процесс установления (устранения) уголовно-правового запрета. Именно в (де)криминализационном поводе находят свое отражение конструктивистские и интеракционистские подходы к процессам (де)криминализации деяния. Сколь правильной и обоснованной не была бы позиция о необходимости научного обоснования этих процессов, они не начнутся без воли уполномоченного субъекта. На это обращает внимание и Конституционный Суд Российской Федерации, отмечая дискреционность полномочий федерального законодателя со ссылкой на ч. 3 ст. 55, п. «о» ст. 71, ч. 1 ст. 76 Конституции Российской Федерации (постановление от 27.06.2005 № 7-П/2005; определения от 09.04.2001 № 74-О/2001; от 03.10.2002 № 232-О/2002; от 17.07.2014 № 1742-О/2014; от 29.01.2015 № 143-О/2015).

Так, например, поводом полной декриминализации в большинстве случаев выступает внесение законопроекта Президентом Российской Федерации (например, инициировал полную декриминализацию, нашедшую отражение в устранении в 2003 г. – ст. ст. 182 и 200; в 2010 г. – ст. 173; в 2011 г. – ст.ст. 129, 298 УК РФ), однако современной российской уголовной политике известен один случай полной декриминализации по инициативе Правительства Российской Федерации (например, в 2005 г. декриминализировано принятие удовлетворения кредитором, знающим об отданном ему предпочтении несостоятельным должником в ущерб другим кредиторам – ч. 2 ст. 195 УК РФ). Поводами первичной криминализации являются внесение законопроектов:

- Президентом Российской Федерации (в 2003 г. – ст. 127^1, 199^1; 2011 г. – ч. 5 ст. 291^1, ст.171^2, 217^1; 2012 г. – ч. 3 ст. 314; 2013 г. – ст. 205^5, 258^1, 322^2, 322^3; 2015 г. – ст. 234^1; 2016 г. – ч. 4 ст. 204^1, ч. 3 ст. 299 УК РФ);

- Правительством Российской Федерации (в 1999 г. – ст. 171^1, ч. 3 ст. 325, ст. 327^1; 2002 г. – ст. 185^1; 2009 г. – ст. 185^2, 185^3, 185^4; 2010 г. – 263^1; 2011 г. – ст. 173^1, 173^2; 2013 г. – ст. 193^1, 200^1, 217^2, 240^1, 243^1, 243^2; 2014 г. – ст. 191^1; 2015 г. – ст. 170^2; 2016 г. – ст. 172^2 УК РФ);

- депутатами Государственной Думы или членами Совета Федерации (в 1998 г. – ст. 215^1; 1999 г. – ст. 145^1; 2006 г. – ст. 205^2; 2012 г. – ст. 330^1; 2013 г. –

ч. 3 ст.137; 2014 г. – ст. 325^1, 354^1, 330^2, 200^2, 235^1, 238^1, 327^2; 2016 г. – ст. 200^3, 205^6, 230^1, 230^2, 361 УК РФ).

Кроме того, Президент Российской Федерации (например, в 2003 г. – ст. 127^2, 242^1 УК РФ), Правительство Российской Федерации (например, в 2011 г. – ст. 314^1 УК РФ), депутаты Государственной Думы или члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (например, в 2002 г. – ст. 282^2; 2003 г. – ст. 199^2; 2010 г. – 185^6; 2012 г. – ч. 4 ст. 303; 2013 г. – ст. 243^3 УК РФ) неоднократно возбуждали (де)криминализационные процессы путем внесения поправок к законопроектам.

Отечественной уголовной политике неизвестны случаи, когда бы Государственная Дума или Совет Федерации как палаты Федерального Собрания Российской Федерации, а также законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации инициировали успешные с точки зрения полученного результата процессы первичной криминализации (полной декриминализации).

В отношении причин (де)криминализации требуется дополнительный анализ ввиду существования в науке вопроса об условиях и факторах.

Превалирующим к **условиям (де)криминализации** является подход, в рамках которого они отождествляются с критериями или принципами. Его идеолог – В.Д. Филимонов, относящий к условиям криминализации «подготовленность общественного сознания к признанию тех или иных деяний уголовно-наказуемыми …; отсутствие возможности вести успешную борьбу с теми или иными общественно опасными деяниями с помощью мер общественного воздействия, дисциплинарной или административной ответственности; условия, при которых установление уголовной ответственности не причинит существенного вреда общественным интересам» [13, с. 20].

Н.И. Хавронюк отмечает, что условия могут носить социально-психологический, криминологический, общеправовой, уголовно-правовой и уголовно-процессуальный характер [9, с. 450–452]. С определенной детализацией это нашло своих сторонников в литературе [14, с. 87; 15, с. 16, с. 56]. А.П. Кузнецов к условиям криминализации относит допустимость криминализации и возможность криминализации [17, с. 300]. Б.И. Назыев выделяет такие условия криминализации как первостепенные (невозможность борьбы более мягкими мерами и уровень правового сознания населения) и второстепенные (сложившиеся традиции, возможности уголовной юстиции, материальные ресурсы для реализации запретов) [18, с. 12].

Считаем обоснованной позицию Н.А. Лопашенко, отмечающей отсутствие необходимости расширения и без того широкой несогласованности авторских позиций. Категория факторов используется ею как родовое понятие для поводов и условий криминализации [19, с. 103–104]. Узкого подхода придерживается И.В. Лозинский, отождествляющий факторы и условия [14, с. 87]. Широкий подход предлагает Н.И. Хавронюк (поводы, условия, основания, причины) [9, с. 448].

Наибольший интерес в данном аспекте представляет достаточно радикальная для отечественной доктрины, но заслуживающая особого внимания позиция Ю.И. Бытко. Он полагает, что «говорить о причинах, условиях, факторах криминализации вообще некорректно, имея в виду, что криминализация – это целенаправленная, мотивированная, политизированная и нередко эмоционально насыщенная деятельность высшего законодательного органа государства» [2,

с. 94]. Следует согласиться с ученым в том, что наблюдающаяся «терминологическая разноголосица» не способствует развитию науки.

Вопросы причин и условий в рамках соответствующей научной специальности глубоко исследуются в криминологии. В настоящей работе мы не можем показать все существующие подходы к понятию причин и условий преступности, в связи с чем ограничимся наиболее классическим подходом.

Причины преступности – это «явления общественной жизни, которые порождают преступность, способствуют ее существованию» [20]. И.И. Карпец и В.Е. Эминов под условиями, способствующими совершению преступлений (условиями преступности) понимают «те явления и факты, которые преступлений не вызывают, но их наличие может способствовать возникновению намерения» [21, с. 66]. Отождествлять причины и условия преступности с причинами и условиями (де)криминализации, безусловно, нельзя. Однако именно использование наработок смежной области научного знания в рамках той же научной специальности, как нам представляется, будет способствовать преодолению необоснованного плюрализма авторских позиций.

Изложенное позволяет нам сформулировать следующие определения причин, условий и факторов (де)криминализации.

Под **причинами (де)криминализации** мы понимаем явления общественной жизни, служащие внешними предпосылками для установления (устранения) уголовно-правового запрета. Указанные явления находятся с результатом (де)криминализации в генетической связи, но они воздействуют на процесс не непосредственно, а опосредовано через (де)криминализационный повод. Мы согласны с Н.В. Радошновой, указывающей, что начало процесса криминализации обусловлено наличием определенных причин [5, с. 38].

Условия (де)криминализации, по нашему мнению, есть явления общественной жизни, служащие внутренними предпосылками, способствующими протеканию соответствующих процессов. В отличие от причин, которые находятся вовне и отражают внешнюю потребность в установлении уголовно-правового запрета, связаны с (де)криминализацией генетической связью, условия лишь способствуют протеканию процесса уже после его инициирования. Таким условиями могут быть получившее резонанс деяние, в отношении которого уже обсуждается вопрос о (де)криминализации, лоббирование определенных законодательных инициатив и другие обстоятельства.

Факторы (де)криминализации выступают, на наш взгляд, родовым понятием для причин и условий и отражают социальную обусловленность (де)криминализации, в то время как основания – социальную обоснованность, а поводы – социальную готовность (решительность). Мы принимаем презумпцию о том, что властвующие субъекты при (де)криминализации действуют, исходя из общественного интереса, что вытекает из требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допускающей ограничение прав и свобод исключительно в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Отграничение причин от условий основано на том, что причины показывают социальную обусловленность инициирования соответствующего процесса, а условия – социальную обусловленность их протекания в направлении установления (устранения) уголовно-правового запрета.

Детерминантный комплекс в этой интерпретации может быть представлен схематично, что отражено на рис. 1.

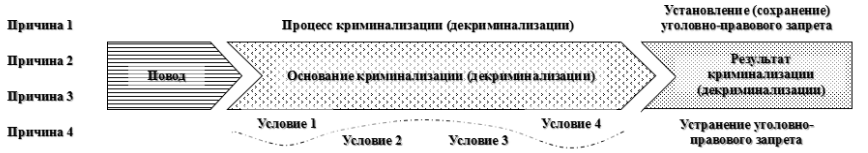

Рисунок 1. Детерминантный комплекс процесса (де)криминализации

В литературе отмечается, что (де)криминализацию «можно анализировать по-разному. Использование традиционного … аппарата … дает возможность установить наличие/отсутствие оснований криминализации. Конструкционистский подход позволяет «поймать» … реалии законодательного процесса» [22, с. 1380]. А.Э. Жалинский указывал: «в предмет уголовной политологии входят … доктрины, взгляды, установки, привлечение сторонников, лоббизм, получение власти, подбор кадров, политическое давление, агитация, участие в принятии решений и т.д.» [23, с. 18]. Н.А. Лопашенко считает, что «предмет … составляет стратегия и тактика уголовно-правового воздействия на преступность» [19, с. 29]. Полагаем, что подходы авторов не находятся в антогонистическом противоречии, а дополняют друг друга.

Любой процесс (де)криминализации может быть подвергнут анализу на предмет его детерминированности. Например, Федеральным законом от 22.12.2014 № 430-ФЗ в 2014 г. признак «сопряженные с извлечением дохода в крупном размере» был переведен из конститутивных в разряд квалифицирующих признаков состава незаконной организации и проведения азартных игр (п. «б» ч. 2 ст. 171^2 УК РФ). Поводом дифференцирующей криминализации [24] стало внесение законопроекта депутатами Государственной Думы. Причиной криминализации в соответствии с пояснительной запиской к законопроекту выступили обнаружившиеся в ходе правоприменительной деятельности сложности доказывания размера извлеченного дохода. Условия криминализации наблюдались следующие: поддержка инициативы Правительством Российской Федерации и «профильным» комитетом Государственной Думы, наличие возражений со стороны Верховного Суда Российской Федерации и Правового управления Государственной Думы, единогласное принятие законопроекта. Данный подход демонстрирует технический характер поводов и факторов.

Анализ может проводиться и на более глубоком социальном уровне, но нужен ли уголовно-правовой науке инструментарий, позволяющий отыскивать «реалии» законотворческого процесса?

Возвратимся к позиции Ю.И. Бытко о некорректности анализа причин и условий при исследовании процессов (де)криминализации. Как справедливо отмечает А.И. Долгова, «область действия причин – это прежде всего стадии мотивации и принятия решения, когда речь идет о формировании мотива, цели, определении средств ее достижения» [25, с. 164]. В силу этого принять аргументацию, положенную Ю.И. Бытко в основу сделанного им вывода, мы не можем, хотя с самим выводом считаем необходимым согласиться.

Проблематика причин, поводов и условий (де)криминализации, по нашему мнению, есть вопрос политологического и социологического направления

исследований. А.Э. Жалинский утверждал, что «науки криминального цикла не обладают возможностями социально-экономического анализа» [23, с. 20, 33–34]. Для уголовной политики вопрос о том, какие социальные факты обусловили идею (де)криминализации (причины), кто был инициатором (де)криминализации (повод), как в сущности и насколько длительно протекала борьба политических сил (условия), могут представлять интерес лишь как исходные эмпирические данные, но они не предрешают вопросов об установлении (устранении) уголовно-правового запрета. Уголовная политика занимается вопросами социальной обоснованности принимаемых решений, но не их обусловленностью, а тем более не социальной готовностью. В связи с этим считаем, что внимание с точки зрения уголовной политики следует сосредоточить на основании (де)криминализации.

Наша позиция в данном вопросе не является бесспорной. Возразить ей можно, по крайней мере, несколькими контраргументами. Во-первых, тем, что причины и условия составляют один из элементов предмета криминологии. Однако криминология имеет дело лишь с причинами и условиями преступности, но не (де)криминализации. Вопросы причинности носят общенаучный характер. В.С. Овчинский справедливо обращает внимание на то, что по проблемам причинности «криминология опирается на достижения … общественных … наук» [26, с. 12–15]. Во-вторых, возражения могут быть связаны с тем, что причины и условия интересны с точки зрения социолого-криминологической концепции (де)криминализации. Данное замечание справедливо, но речь в рамках социолого-криминологической концепции идет не об уголовно-политических методах (де)криминализации, а о заполнении легальных отношений криминальными, о проникновении преступности в ткань общественных отношений, что вовсе не равнозначно.

Исследование поводов (де)криминализации неизбежно приведет нас к выводу о том, что Президент Российской Федерации прямо или косвенно выступает основным инициатором (де)криминализации[1]. Это в полной мере согласуется с положениями ч. 3 ст. 80 Конституции Российской Федерации, закрепляющей его полномочия на определение основных направлений внутренней и внешней политики государства. Роль Президента Российской Федерации нельзя считать технической, поскольку он формирует Администрацию, назначает руководителей федеральных органов исполнительной власти в области уголовной юстиции (МВД России, ФСБ России, Минюст России, ФСИН России и т.д.), Следственного Комитета Российской Федерации, а также большинство прокуроров и федеральных судей, представляет кандидатуры Генерального прокурора Российской Федерации и его заместителей, а также судей Верховного Суда Российской Федерации Совету Федерации. Все субъекты уголовно-политической деятельности подчинены Президенту Российской Федерации, который, будучи избранным демократическим способом, выражает интересы российского общества.

[1] Это в полной мере согласуется с положениями ч. 3 ст. 80 Конституции РФ, закрепляющей его полномочия на определение основных направлений внутренней и внешней политики государства. Роль Президента РФ нельзя считать технической, поскольку он формирует Администрацию, назначает руководителей федеральных органов исполнительной власти в области уголовной юстиции (МВД России, ФСБ России, Минюст России, ФСИН России и т.д.), СК РФ, а также большинство прокуроров и федеральных судей, представляет кандидатуры Генерального прокурора РФ и его заместителей, а также судей ВС РФ Совету Федерации. Все субъекты уголовно-политической деятельности подчинены Президенту РФ, который, будучи избранным демократическим способом, выражает интересы российского общества.

Причины и условия (де)криминализации многообразны и предопределяются конъюнктурой общеполитического курса развития государственности.

Список использованных источников

1. Прозументов, Л. М. Обусловленность криминализации и декриминализации деяний / Л. М. Прозументов // Уголовная юстиция. – 2014. – № 2 (4). – С. 76–79.
2. Бытко, Ю. И. Справедливость и уголовная политика: моногр. / Ю. И. Бытко. – М.: Юрлитиформ, 2017. – 216 с.
3. Бабаев, М. М. Проблемы российской уголовной политики: моногр. / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – М.: Проспект, 2014. – 296 с.
4. Осокин, Р. Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Р. Б. Осокин. – М., 2014. – 581 с.
5. Радошнова, Н. В. Криминализация (декриминализация) в уголовном праве России : дис. … канд. юрид. наук :12.00.08 / Н.В. Радошнова. – СПб., 2015. – 276 с.
6. Чемеринский, К. В. Понятие криминализации общественно опасных деяний в уголовном праве / К. В. Чемеринский // Татищевские чтения: акт. пробл. науки и практики. Правоотношения и юридическая ответственность: матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. Ч. III. – Тольятти : Изд-во Волж. ун-та, 2009. – С. 305–309.
7. Злобин, Г. А. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний / Г. А. Злобин, С. Г. Келина // Пробл. правосудия и уголовного права / под ред. А. М. Ларина и др. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1978. – С. 102–119.
8. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / колл. авторов; отв ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М. : Наука, 1982. – 303 с.
9. Хавронюк, Н. И. Поводы, причины, условия и способы криминализации общественно опасных деяний [Текст] / Н. И. Хавронюк // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке : матер. Междунар. науч.-практ. конф. (29–30 января 2004 г.). – М. : Изд-во МГЮА, 2004. – С. 447–453.
10. Амиянц, К. А. Криминологические исследования «черного Интернета» как основание для криминализации деяний, связанных с его использованием // Криминологические основы уголовного права : матер. X рос. конгр. уголовного права, состоявшегося 26–27 мая 2016 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 10–13
11. Иванов, Н. Г. Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации: моногр. / Н. Г. Иванов. – М.: Проспект, 2016. – 80 с.
12. Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам : концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Г. П. Химичева. – М., 2003. – 399 с.
13. Филимонов, В. Д. Криминологические основы уголовного права / В. Д. Филимонов; ред. А. Л. Ременсон. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. – 213 с.
14. Лозинский, И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями : моногр. / И. В. Лозинский; науч. ред. В. А. Уткин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. – 168 с.
15. Плаксина, Т. А. Криминализация и декриминализация в современном уголовном праве России / Т. А. Плаксина // Рос. гос-во и право: традиции, современность, будущее: матер. Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 175–180.

16. Прозументов, Л. М. Криминологические условия криминализации и декриминализации деяний / Л. М. Прозументов // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Право. – 2012. – № 4. – С. 56–62.

17. Кузнецов, А. П. Проблемы криминализации общественно опасных деяний в налоговой сфере / А. П. Кузнецов. // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова и состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова 27–28 мая 2004 г. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и др. – М. : ЛексЭст, 2005. – С. 298–307.

18. Назыев, Б. И. Теоретические проблемы криминализации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Б. И. Назыев. – Баку, 2000. – 24 с.

19. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика : моногр. / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 608 с.

20. Дворецкий, М. Ю. Причины и условия преступности / М. Ю. Дворецкий, Р. В. Авдеев // Вестн. Тамб. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2014. – № 12 (140). – С. 170–176.

21. Криминология: учеб. [Текст] / колл. авторов; под ред. И. И. Карпеца, В. Е. Эминова. – М.: Манускрипт, 1992. – 320 с.

22. Разогреева, А. М. Аналитика криминализации: глубина против поверхности (на примере законов «о пьяных за рулем») / А. М. Разогреева, К. В. Давыдова // Право и политика. – 2015. – № 10. – С. 1380–1390.

23. Жалинский, А. Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 3 Уголовная политология. Сравнительное и международное уголовное право / А. Э. Жалинский; отв. ред. О. Л. Дубовик. – М.: ИД ВШЭ, 2015. – 619 с.

24. Нечаев, А. Д. Типология (де)криминализации (обзор отечественного законотворчества) // Российская юстиция. – 2017. – № 2. – С. 59 - 62.

25. Криминология: учеб. [Текст] / под ред. А. И. Долговой. – М.: Изд-во Норма, 2001. – 784 с.

26. Криминология: учеб. [Текст] / колл. авторов; под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – М.: Юристъ, 1997. – 512 с.

Дата поступления статьи – 15.08.2017.

В статье рассматриваются сложившиеся в уголовно-правовой доктрине подходы к пониманию (де)криминализационного повода, причин и условий (де)криминализации. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что (де)криминализационный повод представляет собой релевантный юридический факт в виде действия соответствующего субъекта уголовно-политической деятельности, возбуждающий процесс установления (устранения) уголовно-правового запрета. Обосновывается, что причинами (де)криминализации выступают явления общественной жизни, служащие внешними предпосылками для установления (устранения) уголовно-правового запрета, а условия (де)криминализации есть явления общественной жизни, служащие внутренними предпосылками, способствующими протеканию соответствующих процессов. Понятие факторов (де)криминализации является родовым для причин и условий и отражает социальную обусловленность (де)криминализации, в то время как основания – социальную обоснованность, а поводы – социальную готовность (решительность).

The article deals with the approaches to understanding (de)criminalization reason, causes and conditions of (de)criminalization that have developed in the criminal law doctrine. On the basis of the analysis, the author concludes that (de)criminalization reason is a relevant legal fact in the form of the action of the relevant subject of criminal politicy activity, which initiates the

process of establishing (eliminating) the criminal law prohibition. It is argued that the causes of (de)criminalization are phenomena of social life that serve as external prerequisites for establishing (eliminating) the criminal law prohibition, and conditions of (de)criminalization are phenomena of social life that serve as internal prerequisites conducive to the course of the corresponding processes. The factors of (de)criminalization are general concept for reasons and conditions and reflect the social conditioning (de)criminalization, while the grounds - social validity, and the reasons - social preparedness.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ, ПРЕДПРИЯТИЯМИ И УЧРЕЖДЕНИЯМИ

Тюнин В.А.

В современных условиях коррупция признана «одной из самых серьезных мировых проблем, затрагивающих все государства. Она дестабилизирует национальные экономики, нарушает права человека, подрывает принципы справедливости, провоцирует социальную напряженность в обществе» [1].

Противодействие коррупции как одной из серьезных угроз безопасности России предполагает комплексную систему действий со стороны государства, обеспечивающую согласованность деятельности, объединение усилий всех органов и организаций, в первую очередь путем осуществления эффективного взаимодействия различных субъектов антикоррупционной деятельности на прочной законодательной и организационной основе [4, с. 932].

Требования антикоррупционного законодательства на территории Российской Федерации нашли свое закрепление как в Конституции Российской Федерации, федеральных законах, Указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства Российской Федерации, подзаконных нормативных актах федеральных министерств и ведомств, а также субъектов Российской Федерации в части, не противоречащей федеральному законодательству в данной сфере.

В частности, ст.ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации [2] определены отрасли исключительного ведения Российской Федерации, а также совместного ведения с субъектами федерации. Однако, вопросы регулирования в сфере антикоррупционной деятельности данными нормами не определены.

Согласно ст. 73 Конституции Российской Федерации, вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти.

В соответствии с п.п. 5, 6 ст. 7 Федерального закона 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [9] одним из направлений деятельности органов государственной власти в вопросах противодействия коррупции является введение антикоррупционных стандартов, то есть установление для соответствующей области деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области, а также унификация прав государственных и муниципальных служащих, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности глав муниципальных образований,

муниципальные должности, а также устанавливаемых для указанных служащих и лиц ограничений, запретов и обязанностей.

Кроме того, из анализа указанных положений Конституции и Федерального закона «О противодействии коррупции» следует, что законодателем представлена возможность субъектам федерации самостоятельно регулировать отдельные вопросы в сфере противодействия коррупции, установления единых прав, требований, ограничений и запретов к субъектам антикоррупционного законодательства Российской Федерации.

Субъектами антикоррупционной политики Российской Федерации наряду с государственными и муниципальными служащими являются также должностные лица государственных и муниципальных корпораций (компаний), фондов и иных организаций, созданных Российской Федерацией на основании федеральных законов, назначение на которые и освобождение от которых осуществляются Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации, Центрального банка Российской Федерации, государственных корпораций (компаний), фондов и иных организаций, созданных Российской Федерацией на основании федеральных законов, отдельные должности на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами.

Из указанного перечня субъектов, на которых распространяются отдельные запреты и ограничения, возлагаются обязанности, следует отметить организации, созданные для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами.

Понятие «Организация» в понимании антикоррупционного законодательства отражено в Методических рекомендациях по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции, утвержденных Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации 08.11.2013 [3], и определено как юридическое лицо независимо от формы собственности, организационно-правовой формы и отраслевой принадлежности.

Общие нормы, устанавливающие ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения, закреплены в ст. 14 Федерального закона № 273-ФЗ. В соответствии с данной статьей, если от имени или в интересах юридического лица осуществляются организация, подготовка и совершение коррупционных правонарушений или правонарушений, создающих условия для совершения коррупционных правонарушений, к юридическому лицу могут быть применены меры ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Необходимо напомнить, что определение «конфликта интересов», содержащееся в Федеральном законе «О противодействии коррупции», изначально было ориентировано на государственную службу. В соответствии с ч. 1 ст. 10 данного Федерального закона под конфликтом интересов на государственной службе понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) государственного служащего влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных (служебных) обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью государственного служащего и правами и законными интересами граждан, организаций, общества или государства, способное привести к причинению вреда правам и законным интересам граждан, организаций, общества или государства.

При этом под личной заинтересованностью государственного служащего, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных (служебных) обязанностей, понимается возможность получения государственным служащим при исполнении должностных (служебных) обязанностей доходов в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц.

В соответствии со ст. 12.4 Федерального закона «О противодействии коррупции» ограничения, запреты и обязанности, установленные в отношении лиц, замещающих должности федеральной государственной службы, данным Федеральным законом были распространены на работников, замещающих должности:

1) в государственных корпорациях;

2) в Пенсионном фонде Российской Федерации, Фонде социального страхования Российской Федерации, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования;

3) в иных организациях, создаваемых Российской Федерацией на основании федеральных законов;

4) в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами.

На данные категории работников ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции», распространяются с учетом особенностей, обусловленных их правовым статусом. Указанные особенности закреплены, прежде всего, в Трудовом Кодексе Российской Федерации, а также в ряде подзаконных нормативных правовых актов.

В частности, применительно к государственным корпорациям и государственным компаниям в соответствии со статьей 349.1 Трудового Кодекса Российской Федерации [6] под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность работника государственной корпорации или государственной компании влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им трудовых обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью работника государственной корпорации или государственной компании и правами и законными интересами государственной корпорации или государственной компании, работником которой он является, способное привести к причинению вреда имуществу и (или) деловой репутации этой организации.

Под личной заинтересованностью работника государственной корпорации или государственной компании, которая влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им трудовых обязанностей, понимается возможность получения работником государственной корпорации или государственной компании в связи с исполнением трудовых обязанностей доходов в виде денег, ценностей, иного имущества, в том числе имущественных прав, или услуг имущественного характера для себя или для третьих лиц.

Работники государственной корпорации или государственной компании обязаны сообщать работодателю о личной заинтересованности при исполнении трудовых обязанностей, которая может привести к конфликту интересов, а также должны принимать меры по предотвращению такого конфликта.

Что касается работников организаций, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами, то в соответствии

с постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июля 2013 г. № 568 «О распространении на отдельные категории граждан ограничений, запретов и обязанностей, установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами в целях противодействия коррупции» [5], работники подведомственных организаций обязаны принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов и урегулированию возникшего конфликта интересов, а также должны уведомлять в письменной форме работодателя и своего непосредственного начальника о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения. При этом в законодательстве не закреплено отдельное определение понятия «конфликт интересов», применимое к таким организациям.

Таким образом, государственные корпорации и государственные компании, созданные на основании федеральных законов, при внедрении мер урегулирования конфликта интересов обязаны основываться на определении понятия, закрепленного в статье 349.1 Трудового Кодекса Российской Федерации. Организациям, создаваемым для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами, рекомендуется принять за основу определение «конфликта интересов», закрепленное в статье 10 Федерального закона «О противодействии коррупции». При этом следует учитывать, что и к государственным корпорациям (государственным компаниям), и к подведомственным организациям могут одновременно применяться нормативные правовые акты, устанавливающие специальные запреты и ограничения в зависимости от характера деятельности, осуществляемой организацией.

Возвращаясь к тем обязанностям, запретам и ограничениям, которые возлагаются антикоррупционным законодательством на указанных субъектов, следует отметить, что круг субъектов таких ограничений даже среди самих организаций разных организационно-правовых форм отличается.

В соответствии с требованиями ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» одной из мер по противодействию коррупции является предотвращение и урегулирование конфликта интересов.

В Федеральном законе от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» [7] понятия «конфликт интересов» не содержится, однако ст. 21 указанного закона предусмотрено, что руководитель унитарного предприятия не вправе быть учредителем (участником) юридического лица, занимать должности и заниматься другой оплачиваемой деятельностью в государственных органах, органах местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организациях, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности, заниматься предпринимательской деятельностью, быть единоличным исполнительным органом или членом коллегиального исполнительного органа коммерческой организации, за исключением случаев, если участие в органах коммерческой организации входит в должностные обязанности данного руководителя.

Кроме того, ст. 22 указанного Федерального закона установлено, что сделка, в совершении которой имеется заинтересованность руководителя унитарного предприятия, не может совершаться унитарным предприятием без согласия собственника имущества унитарного предприятия.

Руководитель унитарного предприятия признается заинтересованным в совершении унитарным предприятием сделки в случаях, если он, его супруг,

родители, дети, братья, сестры и (или) их аффилированные лица, признаваемые таковыми в соответствии с законодательством Российской Федерации, являются стороной сделки; занимают должности в органах управления юридического лица, являющегося стороной сделки с унитарным предприятием.

Согласно ч. 2 указанной статьи, руководитель унитарного предприятия должен доводить до сведения собственника имущества унитарного предприятия информацию о юридических лицах, в которых он, его супруг, родители, дети, братья, сестры и (или) их аффилированные лица, признаваемые таковыми в соответствии с законодательством Российской Федерации, владеют двадцатью и более процентами акций (долей, паев) в совокупности; о юридических лицах, в которых он, его супруг, родители, дети, братья, сестры и (или) их аффилированные лица, признаваемые таковыми в соответствии с законодательством Российской Федерации, занимают должности в органах управления; об известных ему совершаемых или предполагаемых сделках, в совершении которых он может быть признан заинтересованным.

Сделка, в совершении которой имеется заинтересованность руководителя унитарного предприятия и которая совершена с нарушением требований, предусмотренных настоящей статьей, может быть признана недействительной по иску унитарного предприятия или собственника имущества унитарного предприятия (ч. 3 ст. 22 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»).

Указанные нормы частично тождественны понятию конфликта интересов, используемому в антикоррупционном законодательстве, и являются одним из элементов действий, создающих такую ситуацию.

Кроме этого, необходимо также обратить внимание на некоторые особенности применения антикоррупционного законодательства в деятельности государственных и муниципальных учреждений.

В соответствии со ст. 9.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [8] государственными, муниципальными учреждениями признаются учреждения, созданные Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации и муниципальным образованием. Типами государственных, муниципальных учреждений признаются автономные, бюджетные и казенные.

При этом ст. 27 указанного закона предусматривает такое понятие, как «конфликт интересов» и устанавливает, что для целей настоящего Федерального закона лицами, заинтересованными в совершении некоммерческой организацией тех или иных действий, в том числе сделок с другими организациями или гражданами (далее – заинтересованные лица), признаются руководитель (заместитель руководителя) некоммерческой организации, а также лицо, входящее в состав органов управления некоммерческой организацией или органов надзора за ее деятельностью, если указанные лица состоят с этими организациями или гражданами в трудовых отношениях, являются участниками, кредиторами этих организаций либо состоят с этими гражданами в близких родственных отношениях или являются кредиторами этих граждан.

Заинтересованность в совершении некоммерческой организацией тех или иных действий, в том числе в совершении сделок, влечет за собой конфликт интересов заинтересованных лиц и некоммерческой организации.

Заинтересованные лица обязаны соблюдать интересы некоммерческой организации, прежде всего в отношении целей ее деятельности, и не должны использовать возможности некоммерческой организации или допускать их использование в иных целях, помимо предусмотренных учредительными документами некоммерческой организации.

В случае, если заинтересованное лицо имеет заинтересованность в сделке, стороной которой является или намеревается быть некоммерческая организация, а также в случае иного противоречия интересов указанного лица и некоммерческой организации в отношении существующей или предполагаемой сделки:

- оно обязано сообщить о своей заинтересованности органу управления некоммерческой организацией или органу надзора за ее деятельностью до момента принятия решения о заключении сделки (в бюджетном учреждении – соответствующему органу, осуществляющему функции и полномочия учредителя);

- сделка должна быть одобрена органом управления некоммерческой организацией или органом надзора за ее деятельностью (в бюджетном учреждении – соответствующим органом, осуществляющим функции и полномочия учредителя).

Сделка, в совершении которой имеется заинтересованность и которая совершена с нарушением требований настоящей статьи, может быть признана судом недействительной.

Анализ указанных норм позволяет усмотреть сходство норм ст. 22 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» и ст. 27 Федерального закона «О некоммерческих организациях» и преследование единой цели, установленной Федеральным законом «О противодействии коррупции», однако закон, регулирующий деятельность некоммерческих организаций, расширяет субъектный состав для таких ограничений, которыми признаются руководитель (заместитель руководителя) некоммерческой организации, а также лицо, входящее в состав органов управления некоммерческой организацией или органов надзора за ее деятельностью.

Таким образом, коллизии норм антикоррупционного законодательства относящихся к государственным организациям, предприятиям и учреждениям требуют не только дальнейшего научного изучения, но и приведения их в единую, централизованную систему законов, ограничивающих и пресекающих коррупцию в Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Из послания президента РФ Владимира Путина участникам 6 сессии Конференции государств-участников Конвенции ООН по борьбе с коррупцией (г. Санкт-Петербург, 02 ноября 2015 г.): официальный сайт Российской газеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2015/11/02/putin-site.html. – Дата доступа: 27.08.2017.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс / ЗАО Консультант Плюс. – М., 2017.

3. Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции, 8 нояб. 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rosmintrud.ru. – Дата доступа: 16.04.2014.

4. Настольная книга прокурора / Под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус; Науч. ред. А.Ю. Винокуров. – М.: Юрайт, 2014. – С. 932.

5. О распространении на отдельные категории граждан ограничений, запретов и обязанностей, установленных Федеральным законом «О противодействии коррупции» и другими федеральными законами в целях противодействия коррупции: постановление Правительства РФ от 05.07.2013 № 568 // Консультант Плюс / ЗАО Консультант Плюс. – М., 2017.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 30.12.2001 № 197-ФЗ: принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г.; одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. // Консультант Плюс / ЗАО Консультант Плюс. – М. 2017.

7. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: Федер. закон, 14 нояб. 2002 г., № 161-ФЗ // Консультант Плюс / ЗАО Консультант Плюс. – М., 2017.

8. О некоммерческих организациях: Федер. закон, 12 янв. 1996, № 7-ФЗ // Консультант Плюс / ЗАО Консультант Плюс. – М., 2017.

9. О противодействии коррупции: Федер. закон, 25 дек. 2008 г., № 273-ФЗ // Консультант Плюс / ЗАО Консультант Плюс. – М., 2017.

Дата поступления статьи – 31.08.2017.

В статье рассматриваются вопросы реализации законодательства о противодействии коррупции в Российской Федерации должностными лицами государственных организаций, предприятий и учреждений. Автором статьи, исходя из позиции понятия «конфликт интересов» работников государственных корпораций, унитарных предприятий, некоммерческих организаций проанализированы ограничения, запреты и обязанности распространяющиеся на них, в связи с возможностью их заинтересованности, либо наступления последствий по результатам заключаемых ими сделок с третьими лицами.

The article deals with the implementation of legislation on countering corruption in the Russian Federation by officials of state organizations, enterprises and institutions. The author of the article analyzes the restrictions, prohibitions and duties that apply to them, based on the position of the notion of "conflict of interests" of employees of state corporations, unitary enterprises, and non-profit organizations, in connection with the possibility of their interest, or the occurrence of consequences based on the results of their transactions with third parties.

ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ВНЕДРЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ФИНАНСОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ КРАУДЭКОНОМИКИ С ЦЕЛЬЮ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Хватик Ю.А., Колевич С.А.

Понятие краудэкономики является новым для правовой действительности Республики Беларусь. Краудфандинг и краудинвестинг, как формы привлечения инвестиций, пока еще не нашли своего отражения в законодательстве Республики Беларусь. Указанные правоотношения регулируются нормами из сходных правоотношений, которые в должной мере не отражают их экономической сущности и, следовательно, ограничивают возможности потенциальных инвесторов, а также возможный приток инвестиций в страну. Актуальность темы обуславливается необходимостью следования тенденциям всемирной цифровизации и осуществлением надлежащего правового регулирования сферы

краудфандинга, которое по большей части должно быть направлено на предотвращение преступлений в указанной сфере и потенциальную защиту прав инвесторов.

Краудэкономика – это экономическая модель, где собственность и права доступа разделены между людьми, предприятиями и бизнес-стартапами. Составными частями краудэкономики традиционно считаются краудфандинг, краудинвестинг и краудсорсинг.

Наиболее известным является краудфандинг – коллективное сотрудничество людей (доноров), которые добровольно объединяют свои деньги вместе (как правило, через специализированные платформы), чтобы поддержать усилия других людей или организаций (реципиентов). Сам термин краудфандинг произошел от английского *crowd*, что переводится как *толпа*, и *funding*, означающий *финансирование*. Таким образом, термин краудфандинг дословно можно перевести как *финансирование толпой*. В литературе краудфандинг чаще всего определяется как коллективное сотрудничество людей, которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы вместе, чтобы поддержать усилия других людей или организаций [1, с. 271].

С юридической стороны в отношениях краудфандинга участвуют три основных субъекта: разработчик стартапа (проекта), оператор интернет-платформы, расположенной в глобальной сети Интернет и инвестор. При этом зачастую также оператор платформы привлекает финансовый институт для проведения банковских транзакций — аккумулирования денежных средств и направлениях их в проект [2].

В литературе краудфандинг принято подразделять на следующие виды:

- безвозмездный или условно возмездный – предполагает в качестве встречного предоставления со стороны разработчика благодарность, упоминание инвестора на сайте или в конечном продукте, автографы, возможность принять участие в создании продукта;
- условно возвратный – предполагает, что в будущем будет произведен обмен вклада инвестора на согласованное количество выпущенной продукции;
- безусловно возвратный – предполагает, что в качестве вознаграждения инвестор получит часть собственности, акции предприятия, дивиденды, роялти или право голосования на общих собраниях акционеров [4, с. 141].

При этом последний вид зачастую в литературе определяется как *краудинвестинг*. В первую очередь, он отличается от других видов краудфандинга тем, что здесь инвесторы получают долю в капитале в расчете получить от нее материальную прибыль и соответственно несут риск потери вкладов. В литературе краудинвестинг зачастую сравнивается с договором займа [1, с. 272].

Правовая природа краудфандинга может варьироваться в зависимости от его вида. Так безвозмездный или условно-возмездный краудфандинг имеет некоторые признаки дарения, а также безвозмездной (спонсорской) помощи, условно-возвратный имеет признаки договора купли-продажи и договора комиссии, а безусловно возвратный, как уже отмечалось, имеет признаки договора займа либо простого товарищества.

Белорусское законодательство не содержит ни термина краудфандинг, ни какого-либо специального правового регулирования для него. Нет в законодательстве также указаний на регулирование подобной деятельности в глобальной сети Интернет [5]. Таким образом, определять существующее правовое

регулирование краудфандинга в Республике Беларусь можно только исходя из его сущности и указанной правовой природы.

В случае, если определять правовое регулирование краудфандинга через договор дарения, он будет ограничен тем, что дарение между коммерческими организациями, в т.ч. индивидуальными предпринимателями в Республике Беларусь запрещено, что значительно снижает круг лиц, обычно участвующих в краудфандинговых отношениях в качестве инвесторов. Безвозмездный краудфандинг также весьма напоминает одну из разновидностей дарения – пожертвование, которое в соответствии со ст. 533 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) может производиться только в отношении некоммерческих организаций и Республики Беларусь, исходя из чего коммерческие организации малого предпринимательства, которые являются основными потенциальными субъектами краудфандинга, могут быть вытеснены за рамки правового регулирования [6]. И даже для некоммерческих организаций пожертвование повлечет за собой определенные неудобства, например, обязанность вести обособленный учет пожертвованного имущества. Также в пожертвовании по общему правилу инициатором или оферентом является жертвователь, в то время как инициатором краудфандинга является обычно получатель, причем его просьба обращена к неопределенному кругу лиц. Заслуживает быть отмеченным и то, что пожертвование согласно ч. 1 ст. 533 ГК осуществляется только в общеполезных целях, под которыми в законодательстве понимается социальная поддержка и защита граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и др. Такие же ограничения безвозмездный краудфандинг будет иметь в случае определения его правовой сущности через договор о спонсорской (безвозмездной) помощи [2]. Исходя из этого очевидно, что при всей схожести безвозмездного краудфандинга с договором пожертвования, дарения, спонсорской помощи, краудфандинг не вполне вписывается в нормы, созданные для юридического обеспечения благотворительной деятельности.

Договор купли-продажи, как основа для краудфандинговой деятельности, также может быть мало применим. В первую очередь из-за того, что при купле-продаже покупатель не несет риска не получить покупаемый товар, он твердо уверен, где и как он его получит и ему предоставляются соответствующие гарантии, краудфандинг же видится рисковой деятельностью, инвестор вполне может не получить желаемый результат. Цель вкладчика здесь не в простом получении конечного продукта от реализации проекта, а скорее в получении возможности поспособствовать самой реализации [1, с. 273]. Исходя из этого, очевидно, что попытка вписать краудфандинг в нормы, посвященные договору купли-продажи, является спорным действием.

Краудфандинг также в некоторой степени напоминает договор простого товарищества. Схожими их делает совершение вкладов участниками и общая цель участников. Однако здесь стоит отметить, что договор простого товарищества предусматривает совместную деятельность товарищей для реализации их общей цели. В то же время при краудфандинге сложно говорить о какой-либо совместной деятельности, потому что деятельность вкладчика, как правило, заканчивается с внесением вклада. Что касается вкладов, обратим внимание на то, что внесенные товарищами имущество, которым они обладали на праве собственности, а также произведенная в результате совместной деятельности продукция и полученные от

такой деятельности плоды и доходы признаются их общей долевой собственностью. В краудфандинге же предполагается, что вкладчики, передав, какое-то имущество получателю в качестве вклада для реализации проекта, утрачивают на него какие-либо права.

Здесь также стоит отметить, что договор простого товарищества является фидуциарным договором, в краудфандинге о доверии между вкладчиками и получателями говорить не приходится. В случае, если сбор средств с заинтересованных лиц связывать с доверием к этим лицам, то большинство из них будет отсеяно и сбор средств потерпит провал. Краудфандинг же характеризуется как раз тем, что его участники являются незнакомыми друг с другом, и соответственно о доверии не может идти речь [1, с. 273].

Исходя из анализа правовой природы краудфандинга, можно сделать вывод о том, что этот феномен не вписывается в имеющиеся сегодня правовые институты и конструкции. Это обстоятельство актуализирует необходимость особого правового регулирования, которое фактически отсутствует. В этой связи необходимо отметить то, что в большинстве развитых правопорядков разработано и функционирует законодательство о краудфандинге. Например, в США, Франции, Великобритании, Германии, Канаде, Италии, Японии, Испании. Такие страны как Индия, Мексика, Бразилия, Корея уже заявили, что разрабатывают соответствующие нормативные правовые акты по его регулированию [5].

Первооткрывателями в правовом регулировании краудфандинга выступили законодатели США. Так в 2012 году был принят Jumpstart our business startups Act о правовом регулировании краудфандинга. Согласно положениям данного акта был ограничен круга лиц, имеющих право инвестировать через краудфандинговую платформу, установлен лимит максимального размера таких инвестиций, а также некоторые другие положения, направленные на то, чтобы обезопасить инвесторов от слишком больших рисков [8].

В Великобритании и Новой Зеландии, несмотря на наличие специального правового регулирования краудфандинга, краудфандинговые платформы не ограничены в выборе форм присутствия в правовом поле по видам ценных бумаг, которыми удостоверяется право инвесторов, в способах оформления договорных отношений, которые устанавливаются между ними. При этом максимальные суммы инвестиций имеют намного более высокие размеры, чем в других странах [7].

Интересен подход Германии к правовому регулированию краудинвестинга. Практически во всех случаях в структуру финансирования и, соответственно, участия инвесторов в проекте, входят механизмы так называемого мезонинного финансирования – гибридного финансового инструмента, представляющего собой нечто среднее между собственным капиталом (вкладом в уставной фонд) и заемным капиталом, получившим в немецкой правовой доктрине название Partiarisches Darlehen, что можно перевести как субординированный заем [8].

Из вышеизложенного очевидно, что для соответствия мировым тенденциям в области права, правовое регулирование краудфандинга как формы инвестиционных отношений является актуальной необходимостью. Это обусловлено и тем, что, несмотря на то, что для Республики Беларусь краудфандинг – явление новое, проекты некоторых белорусских краудфандинговых площадок, например, таких как Talaka.by–Talakosht уже набирают суммы, измеряемые в десятках тысячах долларов США [9].

А белорусская краудфандинговая площадка Maesens.by только за три первых года своей деятельности собрала на различные проекты более 350 тысяч долларов США. Общий же объем мирового краудфандинга только за 2016 превысил 34 млрд. долларов США [10].

На сегодняшний день вышеуказанные белорусские краудфандинговые площадки функционируют на основании договора дарения, что значительно ограничивает как круг лиц, участвующих в краудфандинге (нет возможностей для коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей полноценно участвовать в краудфандинге как на стороне инвестора, так и на стороне разработчика) [10], так и объем возможных средств, который также ограничен требованиями, установленными в Декрете Президента Республики Беларусь от 31 августа 2015 года № 5 «Об иностранной безвозмездной помощи», который в сущности не позволяет иностранным инвесторам вкладывать средства в проекты на белорусских краудфандинговых платформах [11].

Нет также однозначного понимания в части вопросов открытия благотворительного счета (т.к. деятельность оказывается безвозмездно). Можно согласиться с мнением, что такой счет должен быть открыт только в случаях, определенных законодательством. В остальных случаях открытие благотворительного счета – это лишь право владельца, а не его обязанность [2].

Что касается деятельности краудфандинговой платформы в виде интернет-сайта, она будет являться посреднической и регулироваться Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года «Об информации, информатизации и защите информации» [12]. При этом, учитывая, что денежные суммы будут адресованы именно краудфандинговой платформе, предпочтительнее всего ее оформить соответствующим договором, таким как договор поручения или комиссии. Такой договор, логичнее всего, в связи с пробелом в законодательстве оформить таким образом, чтобы снять с владельца сайта всю ответственность за содержание размещаемой информации и (или) дальнейшее целевое использование собранных средств. При этом договор не обязательно каждый раз заключать на бумаге, можно разместить договор присоединения (ст.398 ГК) [2] на сайте, а акцепт предусмотреть путем совершения действий по размещению информации о реализуемом проекте.

В информационном сообщении Национального банка Республики Беларусь от 12 октября 2017 года было заявлено о создании необходимого правового поля для перспективного развития высокотехнологичных интернет-площадок финансирования бизнеса и населения с учетом достигнутого уровня цифровизации экономики: «Национальный банк заинтересован в расширении финансового инструментария, которым могут воспользоваться предприятия и физические лица для решения вопросов хозяйственной деятельности. С одной стороны, это повышает гибкость в управлении корпоративными и личными финансами, с другой – вовлекает в оборот дополнительные финансовые ресурсы. В этом плане банки и небанковские организации, действующие в сфере лизинга, микрофинансирования и операций на рынке Форекс, получат правовую поддержку со стороны регулятора» [13].

С целью реализации вышеизложенного Национальным банком Республики Беларусь осуществляется разработка проекта нормативного правового акта по вопросам краудфандинговой деятельности финансовых интернет-площадок, предлагающих услуги по организации привлечения и предоставления займов

между физическими лицами (P2P-займы), а также от физических лиц юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на финансирование реализуемых бизнес-проектов (P2B-займы) [13].

Безусловная необходимость регулирования данных отношений обусловлена, с одной стороны, общемировой тенденцией по активному росту объемов подобных заимствований, с другой – существенными рисками, возникающими при отсутствии необходимого правового поля как для непосредственных участников сделок, так и для стабильности финансового рынка в целом.

Таким образом, несмотря на отсутствие правового регулирования, краудфандинг становится все более и более популярной возможностью привлечь инвестиции в Республику Беларусь, создания условий для формирования краудэкономики. Это обуславливается, в первую очередь, стремительным прогрессом в сфере информационных технологий. В условиях, когда 80% населения активно пользуется глобальной сетью Интернет [14], наиболее просто привлечь инвестиции именно через интернет-платформы, а отсутствие бюрократических барьеров влияет на отсутствие излишних издержек и наибольшую прозрачность для инвесторов. В то же время отсутствие правового регулирования в этой области, как и в любой другой, создает вероятность для мошеннических схем собирания средств, при которых права вкладчиков совершенно не защищены. Так, еще в 2016 году две краудфандинговые платформы – китайская E'zu Bao и шведская Trustbuddy, в результате мошеннических действий вывели средства на сумму более 7 млрд. долларов США [7]. В то же время выражаем надежду, что белорусское законодательство пойдет по пути упрощенного регулирования краудфандинга, создания гарантий для потенциальных инвесторов, которыми в краудфандинге чаще всего выступают обычные граждане, а не путем жестких ограничений, которые могут стать препятствием к развитию краудфандинга и краудинвестинга в Республике Беларусь, выхода указанных правоотношений в теневую сферу.

Список использованных источников

1. Алексеев, Н.В. Краудфандинг: от реализации частной инициативы к решению общественных проблем / Н.В. Алексеев // Бюллетень науки и практики. – 2016. – № 10. – С. 271–277.

2. Understanding rowdfunding and its Regulations [Electronic resource]/ Отчет Европейской комиссии, 2015. – Mode of acces: http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC92482/lbna26992enn.pdf. – Data of access: 02.10.2017.

3. Котенко, Д.А. Краудфандинг – инновационный метод инвестирования / Д.А. Котенко // Закон. – 2014. – № 5. – С. 140 – 141.

4. Овсейко, С. Краудфандинг: разбираем ситуацию / С. Овсейко // Бизнес Инфо: Беларусь Аналитическая правовая система [Электронный ресурс] // ООО «Профессиональные правовые системы», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – Дата доступа: 02.10.2017.

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., №218-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2017 г. № 14-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Global Crowdfunding & Local Regulation: From Light Touch to Prescriptive Bespoke Rules [Electronic resource]/ Crownfindinsider, 2017. - Mode of acces: //

https://www.crowdfundinsider.com/2016/05/85762-global-crowdfunding-local-regulation-from-light-touch-to-prescriptive-bespoke-rules. – Data of access: 02.04.2017.

5. Investment Crowdfunding. [Electronic resource]/ Investopedia Electronic Resourse, 2017. – Mode of acces: // http://www.investopedia.com/terms/i/investment-crowdfunding.asp. – Data of access: 02.04.2017.

6. Как работает краудинвестинг: немецкий опыт [Электронный ресурс] / Сайт об индустрии информационных технологий в Беларуси и мире. – Режим доступа: https://dev.by/lenta/main/kak-rabotaet-kraudinvesting-nemetskiy-opyt. – Дата доступа: 01.10.2017.

7. 20 тысяч долларов — новый рекорд краудфандинга в Беларуси [Электронный ресурс] / Сайт об индустрии информационных технологий в Беларуси и мире. – Режим доступа: https://dev.by/lenta/main/20-tysyach-novyy-rekord-kraudfandinga-v-belarusi. – Дата доступа: 01.10.2017.

8. Краудфандинг в Беларуси: площадки, перспективы, мировой опыт [Электронный ресурс] / Myfin.by – финансовый портал Байнета. 2016. – Режим доступа: https://myfin.by/stati/view/5478-kraudfanding-v-belarusi-ploshhadki-perspektivy-mirovoj-opyt. – Дата доступа: 01.10.2017.

9. Об иностранной безвозмездной помощи: Декрет Президента Республики Беларусь от 31 августа 2015 года № 5 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

10. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года: с изм. и доп. от 11 мая 2016 г. № 362-З // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

11. Национальный банк создаст правовые условия для внедрения в Беларуси финансовых инструментов краудэкономики [Электронный ресурс] / Официальный сайт Национального банка Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.nbrb.by/Press/?id=6852. – Дата доступа: 13.10.2017.

12. Исследование: 20% белорусов не пользуются интернетом [Электронный ресурс] / Сайт об информационных технологиях и обществе. – Режим доступа: https://tech.onliner.by/2016/06/10/mobilniki-2. – Дата доступа: 01.10.2017.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В статье раскрываются проблемы определения правового статуса и вопросы надлежащего правового регулирования новых инструментов краудэкономики в Республике Беларусь, таких как краудфандинг и краудинвестинг с целью предотвращения возникновения преступлений в условиях цифровизации экономики.

The article reveals to the problems of determining the legal status and legal regulation of new tools of crowdeconomy in the Republic of Belarus, such as crowdfunding and crowdinvesting in order to prevent the occurrence of crimes in the conditions of digitalization of the economy.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ НА ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВНЕБЮДЖЕТНЫЙ ФОНД (СТ.СТ. 199.3, 199.4 УК РФ)

Безбородов Д.А.

Федеральным законом от 29.07.2017 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования отношений, связанных с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды» Уголовный кодекс РФ был дополнен двумя составами преступлений, регламентирующими ответственность за уклонение от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (ст.ст. 199.3, 199.4 УК РФ). Специального рассмотрения заслуживает юридический анализ объективных признаков данных составов преступлений.

В соответствии с ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей; ч. 1 ст. 41 основного закона указывает на то, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены; в соответствии с ч. 1 ст. 39 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и в иных случаях, установленных законом. В развитие данных положений ст. 2 Трудового кодекса Российской Федерации предусмотрела такие принципы правового регулирования трудовых отношений, как обязательность возмещения вреда, причиненного работнику в связи с исполнением им трудовых обязанностей, и обеспечение права на обязательное социальное страхование. Кроме того, ст. 219 Трудового кодекса Российской Федерации специально регламентировала право работника на труд в условиях, отвечающих требованиям охраны труда, гарантируя его обязательным социальным страхованием от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в соответствии с федеральным законом. Значимость этих положений была подчеркнута в преамбуле Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.03.2011 № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

Согласно ст. 1 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний является видом социального страхования и предусматривает:

а) обеспечение социальной защиты застрахованных и экономической заинтересованности субъектов страхования в снижении профессионального риска;

б) возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью застрахованного при исполнении им обязанностей по трудовому договору и в иных установленных настоящим Федеральным законом случаях, путем предоставления застрахованному в полном объеме всех необходимых видов обеспечения по страхованию, в том числе оплату расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию;

в) обеспечение предупредительных мер по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний.

Согласно абз. 2 п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.03.2011 № 2 «О применении судами законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» субъектами страхования выступают застрахованный, страхователь, страховщик. В качестве *страховщика* в соответствии с Положением о Фонде социального страхования Российской Федерации, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 февраля 1994 г. №101 (ред. от 10.08.2016) выступает Фонд социального страхования Российской Федерации, управляющий средствами государственного социального страхования. *Фонд социального страхования Российской Федерации* является специализированным финансово-кредитным учреждением при Правительстве Российской Федерации и управляет средствами государственного социального страхования Российской Федерации. Одной из основных задач Фонда является обеспечение гарантированных государством пособий по временной нетрудоспособности.

Согласно ст. 4 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» одним из основных принципов обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний является *обязательность уплаты страхователями страховых взносов*.

Поэтому о*бщественная опасность* уклонения от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд, то есть умышленное невыполнение обязанности каждого платить законно установленные платежи, заключается в не поступлении денежных средств в Фонд социального страхования Российской Федерации. Это существенным образом влияет на правовые, экономические и организационные основы обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, препятствует определению порядка возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью работника при исполнении им обязанностей по трудовому договору и в иных установленных законодательством случаях.

Основными элементами состава этих платежей выступают объект обложения, база для начисления страховых взносов, тарифы, расчетный и отчетные периоды, порядок исчисления, порядок и сроки уплаты [1].

Учитывая изложенные выше моменты, можно сделать вывод о том, что *непосредственным объектом* данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие регламентированную законодательством процедуру

уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. В качестве предмета данного преступления выступают суммы неуплаченных страховых взносов. *Под страховым взносом* согласно ст. 3 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» понимается платеж по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, рассчитанный, исходя из страхового тарифа, скидки (надбавки) к страховому тарифу, который страхователь обязан внести страховщику. *Страховой тариф* – это ставка страхового взноса, исчисленная, исходя из сумм выплат и иных вознаграждений, начисленных в пользу застрахованных по трудовым и гражданско-правовым договорам и включаемых в базу для начисления страховых взносов. При этом стоит отметить, что страховые тарифы, дифференцированные по классам профессионального риска, специально устанавливаются несколькими актами: Федеральным законом от 19.12.2016 № 419-ФЗ «О страховых тарифах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов»; Федеральным законом от 22.12.2005 № 179-ФЗ (с изм. от 19.12.2016) «О страховых тарифах на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний на 2006 год».

Изменение страхового тарифа, включая скидки и надбавки к нему, носит исключительно перспективный характер. На это обстоятельство специально указывается в Постановлении Правительства РФ от 30.05.2012 № 524 (ред. от 10.12.2016) «Об утверждении Правил установления страхователям скидок и надбавок к страховым тарифам на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

База для исчисления страховых взносов определяется в соответствии со ст. 20.1 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» как сумма выплат и иных вознаграждений, начисляемых страхователями в пользу застрахованных в рамках трудовых отношений и гражданско-правовых договоров, предметом которых являются выполнение работ и (или) оказание услуг, договора авторского заказа, если в соответствии с указанными договорами заказчик обязан уплачивать страховщику страховые взносы. Исключение составляют суммы, указанные в ст. 20.2 данного Закона, что специально подчеркивается в Письме ФСС РФ от 25.01.2011 № 14-03-11/07-539 «Об изменении базы для начисления страховых взносов по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

Средства на осуществление обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний должны зачисляться на счета, открытые территориальным органам Федерального казначейства в подразделениях Центрального банка Российской Федерации для учета операций со средствами бюджета страховщика, и расходуются на цели данного вида социального страхования.

Учитывая, что страховые взносы на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний представляют собой самостоятельный предмет преступления, можно сделать вывод

о том, что при уклонении от уплаты этих платежей, а также от уплаты налогов, сборов, и (или) страховых взносов возможна квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 199.3 и ст. 198 УК РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 199.3 УК РФ, выражается в деянии в форме бездействия – уклонении от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд. Под *уклонением от уплаты страховых взносов* необходимо понимать умышленные деяния, направленные на их неуплату в крупном или особо крупном размере и повлекшие полное или частичное не поступление страховых взносов в Фонд социального страхования РФ. Обязанность по уплате страховых взносов считается исполненной в случаях, специально указанных в ч.ч. 4–6 ст. 26.1 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

Согласно п. 19 ст. 17 указанного выше Закона, страхователь обязан представлять в территориальные органы страховщика документы, подтверждающие правильность исчисления, своевременность и полноту уплаты (перечисления) страховых взносов (при этом указанные документы могут быть представлены в форме электронных документов и переданы с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц, включая единый портал государственных и муниципальных услуг). Поэтому в качестве *способов уклонения* в данном составе преступления выступают:

а) занижение базы для начисления страховых взносов;

б) иное неправильное исчисление страховых взносов;

в) непредставление расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам в государственный внебюджетный фонд;

г) непредставление других документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний является обязательным;

д) включение в документы, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний является обязательным, недостоверных сведений.

При этом, учитывая использование законодателем соединительных и разделительных союзов при перечислении способов уклонения, возможно использование как одного, так и нескольких способов выполнения объективной стороны данного состава преступления.

Под *занижением базы* для исчисления страховых взносов необходимо понимать действия, состоящие в сокрытии части выплат и иных вознаграждений в пользу физических лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию. Например, страхователь умышленно не учитывает выплаты работникам, которые подлежат обложению страховыми взносами, либо скрывает лиц, работающих в организации и т.д.

Неправильное исчисление страховых взносов предполагает деяния, состоящие в недостоверном расчете страховых взносов. Например, умышленное использование

не действующих в отчетный период страховых тарифов, в том числе данных, используемых для расчета скидки и надбавки.

Плательщики страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, производящие выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, обязаны представлять в установленном порядке в ФСС по месту учета расчет по страховым взносам [2]. *Непредставление расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам в государственный внебюджетный фонд* предполагает фактический отказ от передачи расчета в установленные законодательством сроки в ФСС РФ.

Другими документами могут признаваться предусмотренные федеральными законами документы, служащие основанием для исчисления и уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Например, документы, свидетельствующие об объектах обложения страховыми взносами, т.е. о произведенных выплатах и иных вознаграждениях в пользу физических лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования.

Включение в документы недостоверных сведений предполагает умышленное указание в них любых не соответствующих действительности данных, имеющих значение для правильного исчисления страховых взносов. Характер сведений зависит от позиций, которые должны быть отражены в документах, представляемых страховщику.

Если лицо в целях уклонения от уплаты страховых взносов осуществляет подделку официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, а также штампов, печатей, бланков, возможна квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 199.3 и ст. 327 УК РФ [3].

Для квалификации по ст. 199.3 УК РФ существенное значение имеет *время совершения преступления*. Под временем понимается период, по истечении которого необходимо внести в Фонд обязательного социального страхования РФ подлежащие уплате страховые взносы. Расчетным периодом признается календарный год. Отчетными периодами признаются первый квартал, полугодие, девять месяцев календарного года. В течение расчетного периода по итогам каждого календарного месяца плательщики производят исчисление и уплату страховых взносов, исходя из:

а) базы для исчисления страховых взносов с начала расчетного периода до окончания соответствующего календарного месяца;

б) тарифов страховых взносов за вычетом сумм страховых взносов, исчисленных с начала расчетного периода по предшествующий календарный месяц включительно.

Сумма страховых взносов, исчисленная для уплаты за календарный месяц, подлежит уплате в срок не позднее 15-го числа следующего календарного месяца. Если указанный срок уплаты приходится на день, признаваемый в соответствии с законодательством Российской Федерации выходным или нерабочим праздничным днем, днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день.

Моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 199.3 УК РФ, необходимо считать фактическую неуплату страховых взносов в срок,

установленный законодательством для данного вида платежей, совершенную в крупном размере. По мнению О.А. Ногиной, итоговая база для расчета страхового взноса по каждому застрахованному лицу, уплачиваемого в государственный внебюджетный фонд, определяется исключительно в рамках календарного года, т.е. расчетного периода. В таком случае полная сумма страхового взноса, определяемого на основе базы и тарифа, исчисляется по итогам расчетного периода, а не по итогам каждого месяца или отчетного периода [4]. Данное обстоятельство, как представляется, влияет на определение размера неуплаченного страхового взноса и, соответственно, момента окончания преступления. При этом применяется следующие *критерии определения крупного размера*:

а) сумма неуплаченных страховых взносов должна превышать 600 тыс. руб. либо 1 млн. 800 тыс. руб.;

б) сумма неуплаты должна иметь место в одном финансовом году или слагаться из неуплат за три любых финансовых года подряд (в данном случае финансовый год соответствует календарному году), но с учетом временных ограничений уголовного преследования, предусмотренных сроком давности привлечения к уголовной ответственности;

в) при нижнем суммовом пороге (более 600 тыс. руб.) доля неуплаты должна составить более 10% от всех причитающихся к уплате страховых взносов;

г) при верхнем суммовом пороге (более 1 млн. 800 тыс. руб.) доля неуплаты во внимание не принимается.

В соответствии с п. 16 ч. 2 ст. 18 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» страховщик обязан принимать решения о возврате страхователю сумм излишне уплаченных или излишне взысканных страховых взносов, пеней и штрафов и осуществлять зачет сумм излишне уплаченных или излишне взысканных страховых взносов, пеней и штрафов. Поэтому, если страхователь при помощи обмана или злоупотребления доверием пытается вернуть себе уже уплаченные страховые взносы, его действия могут быть квалифицированы как мошенничество.

Кроме того, законодатель предусмотрел квалифицированный вид данного преступления, который основывается на особо крупном размере неуплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд. Применительно к ст. 199.3 УК РФ содержание особо крупного размера определяется:

а) общей суммой неуплаченных страховых взносов, которая должна превышать 3 млн. руб. либо 9 млн. руб.;

б) суммой неуплаты, которая должна иметь место в одном финансовом году или слагаться из неуплат за три любых финансовых года подряд (в данном случае финансовый год соответствует календарному году), но с учетом временных ограничений уголовного преследования, предусмотренных сроком давности привлечения к уголовной ответственности;

в) нижним суммовым порогом (более 3 млн. руб.), в котором доля неуплаты должна составить более 20% от всех причитающихся к уплате страховых взносов;

г) верхним суммовым порогом (более 9 млн. руб.), где доля неуплаты во внимание не принимается.

Список использованных источников

1. Ногина, О.А. Страховой взнос в государственный внебюджетный фонд: ежемесячный или годовой платеж? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 10. С. 148.

2. Приказ ФСС РФ от 26.09.2016 № 381 (ред. от 07.06.2017) «Об утверждении формы расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а также по расходам на выплату страхового обеспечения и Порядка ее заполнения» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.10.2016 № 44045); Приказ Минтруда России от 20.03.2017 N 288н «Об утверждении Административного регламента Фонда социального страхования Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по приему расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а также по расходам на выплату страхового обеспечения (форма 4-ФСС)» (Зарегистрировано в Минюсте России 10.05.2017 № 46653). Форма расчета утверждена Приказом ФСС РФ от 26.09.2016 № 381 (ред. от 07.06.2017) «Об утверждении формы расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а также по расходам на выплату страхового обеспечения и Порядка ее заполнения» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.10.2016 № 44045); Приказ Минтруда России от 20.03.2017 N 288н «Об утверждении Административного регламента Фонда социального страхования Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по приему расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а также по расходам на выплату страхового обеспечения (форма 4-ФСС)» (Зарегистрировано в Минюсте России 10.05.2017 № 46653).

3. О понятии «официальный документ» см.: абз.1 п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

4. Ногина, О.А. Указ. соч. С. 149.

Дата поступления статьи – 13.09.2017.

В статье рассматриваются вопросы квалификации ст.ст. 199.3, 199.4 УК РФ по объективным признакам. Проанализированы особенности объекта и предмета данных преступлений. Дана юридическая оценка основным и факультативным признакам объективной стороны составов уклонения страхователя от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд.

The article deals with the issues of qualification articles 199.3, 199.4 criminal code to objective criteria. The article analyses the peculiarities of object and subject of these crimes. Given a legal assessment of the basic and optional characteristics of the objective side of composition of the evasion of the insurer from payment of insurance contributions for compulsory social insurance against accidents at work and occupational diseases in the state off-budget Fund.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ОТ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАВЛАДЕНИЯ

Дубко М.А.

Криминализация деяний, предусмотренных гл. 31 УК, есть установление пределов права (уголовно-правового запрета) в отношении информации (компьютерной информации), что является одной из характеристик правового режима информации. В то же время анализ национального информационного законодательства показывает, что правовой режим информации есть характеристика информации как объекта правоотношений, вытекающая из ее нематериальной природы, а требования к защите информации определяются ее содержанием, а не формой представления [1, с. 88]. В ключевом законодательном акте, определяющем основы отношений в информационной сфере – Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 года «Об информации, информатизации и защите информации», закреплено, что информация есть сведения независимо от формы представления.

Учитывая изложенное, при правовом регулировании информации, в том числе при установлении ответственности, первичным должен являться социальный признак, заключающийся в ее «общественной значимости для удовлетворения различных потребностей и (или) интересов индивидов, коллективов, социальных общностей, юридических лиц и государственных органов» [2, с. 41]. Данный принцип явился основой при формулировании ряда составов преступлений, предусматривающих ответственность за различные формы противоправного получения (похищение, собирание) информации исходя из ее содержания: незаконные собирание либо распространение информации о частной жизни (ст. 179 УК), нарушение тайны переписки, телефонных или иных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан (ст. 203 УК), коммерческий шпионаж (ст. 254 УК), шпионаж (ст. 358 УК) и иные «информационные» преступления (ст.ст. 178, 268, 373, 375 УК и др.).

В этой связи криминализация в гл. 31 УК деяний, предметом которых является информация, по признаку формы представления (компьютерная информация), закономерно вызывает трудности в уяснении их места в системе уголовного закона и проблемные вопросы в квалификации, ряд из которых рассмотрен в настоящей статье.

Исследования проблем компьютерной преступности в области уголовного права, криминологии и криминалистики проводились такими белорусскими учеными, как Н.Ф. Ахраменка, Г.А. Зорин, В.Е. Козлов, Д.Н. Лабоцкий, А.П. Леонов, А.Н. Лепехин, В.В. Лосев, В.Н. Черкасов, Н.А. Швед и др. Однако большинство научных публикаций в области уголовной ответственности за преступления против информационной безопасности касается состава несанкционированного доступа к компьютерной информации. Вопросы уголовной ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией не нашли достаточного отражения в исследованиях белорусских ученых.

Диспозиция ст. 352 УК предусматривает ответственность за альтернативные действия. При копировании компьютерная информация не подвергается деструктивному воздействию, а обладатель информации не лишается возможности

ее дальнейшего использования. Деяние (несанкционированное копирование), таким образом, посягает более на общественные отношения, обеспечивающие неизвестность компьютерной информации третьим лицам (конфиденциальность), о чем свидетельствует и правоприменительная практика. Так, по целому ряду изученных автором уголовных дел органом, ведущим уголовный процесс, к существенному вреду как последствию несанкционированного копирования компьютерной информации отнесено нарушение конфиденциальности информации, являющейся предметом преступления, нарушение тайны той или иной информации (банковской тайны, тайны личной жизни, тайны корреспонденции и др.).

Сущность общественно опасного действия в виде несанкционированного доступа к компьютерной информации как обязательного признака объективной стороны преступления, описанного в диспозиции ч. 1 ст. 349 УК, состоит в возможности для ознакомления и использования указанной информации [3, с. 6]. Эти же возможности в отношении компьютерной информации получает лицо, несанкционированно скопировав компьютерную информацию. Таким образом, можем говорить о схожести непосредственного объекта двух преступлений (несанкционированное копирование и несанкционированный доступ), а также результата данных противоправных деяний, выражающегося в нарушении общественных отношений, обеспечивающих конфиденциальность информации, получении возможности ознакомления с полученной информацией и ее последующего использования. Отметим, что анализ назначения наказания по изученным уголовным делам также показал, что суды в целом назначают сходные вид и размер наказания за несанкционированный доступ к компьютерной информации и неправомерное завладение компьютерной информацией.

При ином неправомерном завладении компьютерной информацией, связанном с ее изъятием («похищении» информации), обладатель утрачивает информацию, что по фактическим последствиям для него равнозначно уничтожению или блокированию такой информации. Именно указанные действия соотносятся с основанием криминализации деяния, предусмотренного ст. 352 УК [1, с. 89], и способны (в отличие от несанкционированного копирования) причинить существенные последствия безотносительно к установленному в отношении информации правовому режиму, выражающиеся, например, в остановке производственного процесса автоматизированного предприятия, прекращении функционирования информационной системы воздушного, железнодорожного транспорта, сети электросвязи, невозможности полноценного осуществления государственным органом или иной организацией своих функций и др.

Учитывая изложенное, с целью дифференциации ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией предлагается:

декриминализировать несанкционированное копирование компьютерной информации, предусмотрев в ст. 352 УК ответственность только за «похищение» компьютерной информации, повлекшее причинение существенного вреда;

действия по несанкционированному копированию компьютерной информации в правоприменительной деятельности рассматривать в рамках несанкционированного доступа как признака состава преступления, предусмотренного ст. 349 УК.

Одновременно обращаем внимание на наличие проблемных вопросов при разграничении компьютерного саботажа и модификации компьютерной информации, когда в результате действий виновного фактически удаляется не вся компьютерная информация, а ее часть, либо когда информация блокируется вследствие ее изменения. Аналогично информация может быть подвергнута изменению вследствие завладения частью такой информации, а «похищение» всей информации для обладателя по последствиям сравнимо с ее уничтожением, блокированием и приведением в непригодное состояние.

На практике указанные проблемы с разграничением составов приводят к различной юридической оценке схожих деяний. Например, судом Дрибинского района Л., который осуществил неправомерную смену паролей доступа законных пользователей ресурса и таким образом совершил блокирование компьютерной информации, осужден по ст. 351 УК [4]. Аналогичные действия Б. судом Березинского района Минской области квалифицированы также по ст. 351 УК, однако как удаление информации и ее блокирование [5]. При схожих обстоятельствах органом уголовного преследования действия Ж. по неправомерному осуществлению смены паролей доступа к учетным записям и личным кабинетам Интернет-пользователей одновременно квалифицированы по ч. 1 ст. 350 УК (как модификация компьютерной информации) и ч. 1 ст. 351 УК (как блокирование компьютерной информации) [6]. При этом отмечаем значительную разбежку санкций, предусмотренных за совершение деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 350, ч. 1 ст. 351 УК, ст. 352 УК.

В этой связи для сферы уголовно-правового регулирования законодателю рекомендуется рассматривать модификацию, уничтожение, завладение компьютерной информацией в качестве равнозначных способов негативного воздействия на компьютерную информацию, предусмотрев схожие санкции за совершение указанных деяний. Проведенная аналогия с преступлениями, предметом которых выступает имущество (ст.ст. 205, 218, 377-378 УК и др.), показала, что законодатель, устанавливая санкции за их совершение, не проводит существенную градацию в общественной опасности между хищением имущества и его уничтожением, повреждением.

А. В. Иванчин отмечает, что законодатель должен стремиться к «изоморфизму» (одинаковости структур) при конструировании составов сходных преступлений [7, с. 13]. В этой связи с учетом выработанных теорией уголовного права основ конструирования составов преступлений аргументируется изложение статей 350–352 УК в новой редакции, предусматривающей их сходную структуру (материальная конструкция состава, идентичные квалифицирующие признаки), равный диапазон видов и размера наказаний. Последующее совершенствование норм гл. 31 УК, которое, на наш взгляд, возможно в рамках будущего уголовного закона (при изложении его в новой редакции либо принятии нового кодекса), видится посредством объединения ст.ст. 350–352 УК в одном альтернативном составе преступления.

В связи с участившимися в последние годы случаями хищений денежных средств с карт-счетов граждан актуальным является вопрос соотношения состава неправомерного завладения компьютерной информацией и состава хищения путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК).

Проведенный автором анализ уголовных дел, связанных с «кардингом», показал, что следственно-судебная практика в части оценки действий по

неправомерному завладению реквизитами банковских платежных карт (далее – БПК) не единообразна. По целому ряду уголовных дел завладение реквизитами БПК путем установки специального оборудования на банкоматах получило самостоятельную уголовно-правовую оценку, в результате чего виновные были осуждены по ст. 352 УК. Одновременно на практике имеют случаи оправдания лиц (прекращения уголовного преследования) по ст. 352 УК по причине отнесения неправомерного копирования компьютерной информации (реквизитов БПК) к объективной стороне (способу) хищения путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК). Так, судом установлено, что «согласно диспозиции ст. 352 УК объектом данного преступления является информация, на копирование которой направлен умысел обвиняемого. Между тем, Л. и Ж., совершая вышеуказанные деяния, имели умысел на хищение денежных средств, то есть совершение более тяжкого преступления ... учитывая, что способ совершения преступления, обладающий формальными признаками самостоятельного преступления, по степени общественной опасности ниже составного преступления, имеет место не множественность преступлений, а единое составное преступление ... вышеуказанные действия в данной ситуации состоят в объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 212 УК, и являются способом его совершения» [8].

Неправомерное получение реквизитов БПК с целью последующего изготовления поддельных БПК и совершения хищения является созданием условий для совершения преступления, предусмотренного ст. 212 УК. В юридической литературе вопрос квалификации приготовительных действий в части необходимости их самостоятельной юридической оценки и ее объема является дискуссионным. Как отмечается в белорусской юридической литературе, «все перечисленные в ст. 13 УК действия направлены на создание условий совершения преступления, хотя не воздействуют на объект посягательства» [9, с. 195]. Одновременно отмечается, что одним из признаков приготовления является то, что «приготовительные действия не доводятся до момента, когда начинает выполняться объективная сторона задуманного преступления» [9, с. 205].

Способом совершения хищения, предусмотренного ст. 212 УК, является введение в компьютерную систему ложной информации посредством использования поддельной БПК. В то же время неправомерное копирование компьютерной информации для изготовления поддельной карты не охватывается составом хищения. Таким образом, придерживаясь мнения А.В. Наумова, А.И. Ситниковой и ряда иных ученых о том, что приготовительные действия не входят в состав готовящегося преступления и не могут быть началом развития объективной стороны, полагаем, что действия по несанкционированному копированию реквизитов БПК не входят в объективную сторону совершаемого с их использованием хищения и должны получать самостоятельную правовую оценку.

Актуальным также является вопрос определения нормы Особенной части уголовного закона, подлежащей применению в отношении указанных деяний. Проведенный автором анализ следственной и судебной практики показал, что за «похищение» реквизитов БПК виновные привлекаются к ответственности только по ст. 352 УК.

В то же время, исходя из диспозиции ст. 254 УК («Коммерческий шпионаж»), действия, сопряженные с неправомерным завладением (похищение,

собирание) сведениями, которые составляют банковскою тайну (реквизиты БПК), для последующего хищения денежных средств, то есть с целью незаконного использования, обладают признаками оконченного состава преступления, предусмотренного ст. 254 УК. Также обращают на себя внимание следующие особенности производства по уголовным делам указанной категории, выявленные в ходе анализа следственно-судебной практики. Во-первых, к последствиям (существенному вреду) неправомерного завладения компьютерной информацией (ст. 352 УК) орган, ведущий уголовный процесс, относит несанкционированное получение сведений, составляющих банковскую тайну, и, во-вторых, по ряду уголовных дел субъектом причинения вреда (гражданскими истцами) были признаны банки, эмитировавшие платежные карты.

Правило квалификации в случаях, если преступление предусмотрено различными статьями Особенной части УК, из которых одна норма является общей, а другая специальной, определено ч. 2 ст. 42 УК, в соответствии с которой совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Однако как по объекту и предмету преступления, так и объективным признакам данные составы не совпадают, и ни один из составов не охватывает полностью признаки рассматриваемого деяния, поэтому выделение общей и специальной нормы не представляется возможным.

На основании изложенного полагаем, что действия по неправомерному завладению реквизитами БПК с целью дальнейшего хищения денежных средств их держателей или причинения имущественного вреда иным способом (например, путем заказа товаров по данным реквизитам в Интернет-магазинах) должны квалифицироваться в том числе по ст. 254 УК.

С учетом изложенного при юридической оценке деяний, связанных с неправомерным получением компьютерной информации, предлагается руководствоваться следующими правилами:

приготовительные действия, выражающиеся в противоправном получении компьютерной информации с целью совершения конкретного преступления, наряду с приготовлением к его совершению, должны получать самостоятельную уголовно-правовую оценку по соответствующим статьям уголовного закона (ст.ст. 179, 203, 254, 352 УК и др.);

установление в деянии признаков неправомерного завладения компьютерной информацией не должно ставиться в зависимость от последующего использования (неиспользования) данной информации в преступных целях. Существенный вред как последствие неправомерного завладения компьютерной информацией при этом должен являться результатом противоправного воздействия на компьютерную информацию безотносительно к установленному в отношении ее правовому режиму;

в случаях, когда неправомерное завладение компьютерной информацией выступает в качестве способа совершения иного преступления, имеет место совокупность преступления, предусмотренного ст. 352 УК, и соответствующего преступления, способом которого явилось неправомерное завладение компьютерной информацией.

С целью совершенствования правого регулирования уголовной ответственности за неправомерное завладение компьютерной информацией предлагается декриминализировать несанкционированное копирование компьютерной информации как один из способов неправомерного завладения

компьютерной информацией, предусмотренный ст. 352 УК, и рассматривать указанные действия в правоприменительной практике в рамках состава несанкционированного доступа к компьютерной информации.

Список использованных источников

1. Дубко, М. А. Основание и причины криминализации неправомерного завладения компьютерной информацией / М. А. Дубко // Вест. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2017. – № 1 (33). – С. 87–91.
2. Мороз, Л. Н. Информационное право. Общая часть / Л. Н. Мороз. – Минск : ОО «Право и жизнь», 2007. – 276 с.
3. Швед, Н. А. Уголовная ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. А. Швед. – Минск, 2010. – 26 с.
4. Архив суда Дрибинского района. – Уголовное дело № 15127090021
5. Архив суда Березинского района Минской области за 2015 г. – Уголовное дело № 1-133/15
6. Архив суда Ленинского района г. Гродно за 2013 г. – Уголовное дело № 1-127/13.
7. Иванчин, А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Иванчин. – Екатеринбург, 2015. – 50 с.
8. Архив суда Октябрьского района г. Гродно за 2015 г. – Уголовное дело № 1-512/15
9. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск : Издательский центр БГУ, 2014. – 727 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

Рассмотрены отдельные вопросы квалификации неправомерного завладения компьютерной информацией и отграничения данного преступления от других преступлений против информационной безопасности, ряда иных общественно опасных деяний, предметом или средством совершения которых является компьютерная информация (ст.ст. 212, 254 УК). В частности, рассмотрены особенности юридической оценки неправомерного завладения реквизитами банковских платежных карточек с целью последующего хищения денежных средств, сформулированы правила квалификации деяний, связанных с противоправным получением компьютерной информации, с целью дифференциации ответственности предложено декриминализировать несанкционированное копирование как один из способов неправомерного завладения компьютерной информацией.

Some issues of the qualification of the computer information misappropriation and the delimitation of this crime from other crimes against information security, a number of other socially dangerous acts, the subject or means of fulfillment of which is computer information (articles 212, 254 of the Criminal Code). In particular, the peculiarities of the legal assessment of the misappropriation of the details of bank payment cards with the purpose of subsequent theft of funds have been considered, the rules for qualifying the acts connected with the illegal receipt of computer information have been formulated, with the aim of differentiating responsibility, it is proposed to decriminalize unauthorized copying as one of the ways of computer information misappropriation.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КОНТРАБАНДЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Игнатюк А.З.

В связи с тем, что нынешняя формулировка состава преступления «Контрабанда» сформулирована в УК относительно недавно – с апреля 2016 года, законодатель не устранил ряд противоречий, создающих существенные проблемы при квалификации деяний как по данной статье, так и по ряду смежных статей УК Республики Беларусь. Обозначим данные проблемы и возможные пути их разрешения в рамках настоящего исследования.

1. Как уже отмечалось, со вступлением 4 апреля 2016 года в силу Закона Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» понятие контрабанды в зависимости от предмета преступного посягательства разделено на так называемую «экономическую контрабанду» и контрабанду, совершенную в отношении предметов, изъятых из свободного гражданского оборота [1]. Таким образом, законодатель более не использует термин «контрабанда» в отношении фактов незаконного перемещения предметов, изъятых из свободного гражданского оборота. При этом законодатель не последовал примеру коллег из Российской Федерации и сохранил уголовную ответственность за «экономическую» контрабанду, которая и стала непосредственно называться термином «контрабанда». В УК РФ уголовная ответственность за экономическую контрабанду исключена еще в декабре 2011 года [2].

В связи с этим сохранилась существовавшая и ранее необходимость разграничения уголовно наказуемой контрабанды (основной состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 228 УК Республики Беларусь, и его квалифицированные составы, предусмотренные ч.ч. 3 и 4 ст. 228 УК Республики Беларусь) от административно наказуемой «контрабанды», признаки которой без использования термина «контрабанда» изложены в ст.ст. 14.1 и 14.5 КоАП Республики Беларусь, а также от преступлений, предусмотренных ст.ст. 228-1, 328-1 и 333-1 УК Республики Беларусь.

Совпадая по предмету, способу совершения и иным признакам, преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ст. 228-1 УК Республики Беларусь, и правонарушения, предусмотренные ст.ст. 14.1 и 14.5 КоАП Республики Беларусь, отличаются размером предмета контрабанды, который является единым для этих правонарушений (ч. 1 ст. 228, ст. 228-1 УК Республики Беларусь и ст.ст. 14.1, 14.5 КоАП Республики Беларусь). Поэтому при перемещении указанными способами через таможенную границу товаров, названных в ч. 1 ст. 228 УК Республики Беларусь, в размере, не являющемся крупным (не превышающем в 2000 раз размер базовой величины, установленный на день перемещения), ответственность в зависимости от способа перемещения и иных обстоятельств, изложенных в диспозициях, наступает по ст. 14.1 или 14.5 КоАП Республики Беларусь либо по ст. 228-1 УК Республики Беларусь.

Согласно таможенному законодательству ЕврАзЭС и Республики Беларусь наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги относятся к товарам, ограниченным либо запрещенным к перемещению через

таможенную границу. Вместе с тем, контрабанда, а равно незаконное перемещение через Государственную границу Республики Беларусь данных предметов, квалифицируется по ст. 328-1 УК Республики Беларусь.

Аналогично, контрабанда, а равно незаконное перемещение через Государственную границу Республики Беларусь сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ, радиоактивных материалов, огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия массового поражения или средств его доставки, а также иных видов вооружения и военной техники, квалифицируется по ст. 333-1 УК Республики Беларусь.

2. Как отмечалось выше, объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК Республики Беларусь, образует перемещение через таможенную границу ЕврАзЭС товаров, запрещенных или ограниченных к такому перемещению, в крупном размере.

Деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК Республики Беларусь, признается совершенным в крупном размере, если стоимость перемещаемых одним лицом или группой лиц товаров превышает в две тысячи и более раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

В связи с этим одним из важных этапов при квалификации преступления по ст. 228 УК Республики Беларусь является идентификация и определение стоимости предмета контрабанды. Это зачастую весьма трудоемкий и длительный процесс, т.к. предметом преступления, как следует из диспозиции ст. 228 УК Республики Беларусь, являются товары, запрещенные либо ограниченные к перемещению. Особенно это актуально, если товар не штучный, не однородный, а находящийся в жидком, газообразном или неустойчивом состоянии (например, ввоз озоноразрушающих веществ под видом разрешенных к применению в промышленности веществ).

Как именно должен действовать орган уголовного преследования при идентификации предмета контрабанды и определении его стоимости? В данной ситуации, как представляется, целесообразно пользоваться алгоритмами идентификации и определения стоимости имущества, содержащимися в законодательстве. В качестве такого алгоритма, в частности, можно рассматривать порядок идентификации и оценки рыночной стоимости имущества, установленный вступившим в силу 25.08.2016 Указом Президента Республики Беларусь от 19.02.2016 № 63 «О совершенствовании работы с имуществом, изъятым, арестованным или обращенным в доход государства» (далее – Указ № 63).

Согласно п. 46 Указа № 63 в целях идентификации имущества исследуются данные (сведения) об этом имуществе:

– идентификационные характеристики (наименование, модель, артикул, тип, марка, серийный (заводской) номер);

– хронологические данные (дата выпуска, приобретения, ввода в эксплуатацию, наработка);

– назначение и функции имущества;

– комплектность;

– конструктивные показатели (масса, вес, размеры, состав основных конструктивных материалов);

– технические и эксплуатационные характеристики;

– техническое состояние и наличие дефектов внешнего вида;

– работоспособность (исправность) и соответствие заданным техническим параметрам (если это возможно);

– сведения об изготовителе (стране изготовления).

Источниками данных (сведений) об имуществе могут быть данные (сведения) технической документации, проспектов, каталогов, справочников, прайс-листов, прейскурантов, иных документов, информация товаропроизводителей, дилеров и торговых организаций о цене выпускаемого (реализуемого) имущества, сведения, полученные из глобальной компьютерной сети Интернет и другими способами.

При определении технического состояния имущества, имеющего опломбированные части и узлы, в том числе приборов, теле- и радиоаппаратуры, часов, машин, механизмов, оборудования, соответствующие части и узлы не вскрываются.

В случаях, когда имущество не подлежит распаковке, информация о его состоянии, характеристиках составляется из имеющихся на упаковке маркировочных данных, сопроводительных документов, договоров, паспортов и прочих материалов. При этом обращается внимание на состояние упаковки имущества, условия хранения и их соответствие установленным требованиям по обеспечению сохранности имущества.

В случаях, предусмотренных в ч.ч. 3 и 4 п. 46, при невозможности установления исправности (работоспособности) имущества, соответствия его заявленным техническим параметрам для целей оценки имущество признается условно исправным (работоспособным).

Согласно п. 45 Указа № 63 определение стоимости состоит из следующих этапов:

– осмотр имущества и его идентификация;

– определение необходимости получения дополнительных материалов по объекту или привлечения соответствующих специалистов;

– сбор и анализ информации об имуществе;

– расчет (определение) стоимости имущества.

Вместе с тем, несмотря на приведенные алгоритмы, идентификация и определение стоимости предмета контрабанды во многих случаях должно производиться индивидуально, исходя из фактических обстоятельств совершенного деяния. Очень редко при контрабанде вместе с товарами следует и какая-либо техническая документация либо сопроводительные документы. Определить стоимость товара по стоимости аналогичных товаров на внутреннем рынке также не всегда возможно, т.к. предложение таких товаров на внутреннем рынке вообще может отсутствовать, как и их производство.

Примером является выявление в 2016 г. в регионе деятельности Минской региональной таможни оперативными сотрудниками отдела по борьбе с контрабандой и административными таможенными правонарушениями данной таможни 20 т. озоноразрушающих веществ, ввезенных с территории Литовской Республики под видом веществ, разрешенных к применению в промышленности (квалификация – ч. 1 ст. 228 УК Республики Беларусь). Идентификация и определение стоимости (составила более 8 млрд. неденоминированных белорусских рублей) предмета контрабанды в общей сложности заняло около трех месяцев.

Требует решения и проблема оценки стоимости данных и информации, перемещаемых через границу на печатных, аудиовизуальных и иных носителях.

3. Для целей квалификации деяний в соответствии с ч. 2 ст. 228 УК Республики Беларусь законодатель в примечании 4 к данной статье дословно воспроизводит определение «денежных инструментов», закрепленное в Договоре о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза (подписан в г. Астане 05.07.2010). При этом примечание не определяет понятие «наличные денежные средства», указанное в том же договоре. Данное обстоятельство является, по меньшей мере, нелогичным.

Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза не предусматривает обязанность таможенного декларирования в письменной форме векселей, чеков (банковских чеков), а также ценных бумаг в документарной форме. Поэтому недекларирование данных денежных инструментов не может влечь ответственности, в том числе и уголовной. Часть 2 ст. 14.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях предусматривает ответственность только за недекларирование перемещаемых через таможенную границу ЕврАзЭС наличных денежных средств и (или) дорожных чеков.

4. Примечание 1 к ст. 228 УК Республики Беларусь определяет для целей данной статьи, а также для целей ст.ст. 328-1 и 333-1 УК Республики Беларусь понятие «незаконное перемещение через таможенную границу ЕваАзЭС». При этом действие ст. 328-1 УК Республики Беларусь распространяется и в отношении фактов незаконного перемещения наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов через участок Государственной границы Республики Беларусь с Российской Федерацией. В этом случае понятие «незаконное перемещение» не определено. Это весьма существенный пробел в законодательстве, который должен быть в кратчайшие сроки устранен [3, ст. 228].

5. Законом Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» в УК Республики Беларусь введены ст.ст. 328-1 (в новой редакции) и 333-1. Однако законодатель не предусмотрел обязательную корректировку ст. 229 УК Республики Беларусь «Незаконные экспорт или передача в целях экспорта объектов экспортного контроля» касательно замены в ч. 1 статьи цифры «228» на «333-1». Это также весьма существенное упущение, которое должно быть в кратчайшие сроки исправлено [3, ст. 229, 333-1].

6. В ч. 3 ст. 228 УК Республики Беларусь квалифицирующий признак контрабанды сформулирован как «совершенная … лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст.ст. 328-1 и 333-1 УК Республики Беларусь» [3, ст. 228]. Наличие в данной формулировке союза «и» позволяет сделать вывод о том, что лицо должно ранее совершить оба из указанных преступлений. С учетом признаков преступлений, предусмотренных ст.ст. 328-1 и 333-1 УК Республики Беларусь, и санкций данных статей, совершение одним и тем же лицом обоих из данных преступлений, если и может иметь место, то крайне редко. Абсолютно логично и целесообразно в данном случае вместо союза «и» использовать союз «или».

7. По неопределенной причине законодатель при формулировании квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 328-1 УК Республики Беларусь решил не

указывать в качестве такового «применение насилия к лицу, проводящему таможенный или осуществляющему пограничный контроль», который присутствует и в ч. 3 ст. 228 УК Республики Беларусь, и в ч. 2 ст. 333-1 УК Республики Беларусь [3, ст.ст. 229, 328-1, 333-1]. В данном случае отсутствие единообразия совершенно не обосновано.

8. Выше, при рассмотрении объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 228 УК Республики Беларусь, затронута проблема, складывающаяся при действии уголовного закона в пространстве, применительно к данной статье (см. раздел 1.3 исследования).

Действие уголовного закона Республики Беларусь в пространстве четко прописано в главе 2 УК Республики Беларусь и не предусматривает, например, ответственность гражданина Республики Казахстан за контрабанду, совершенную через границу Республики Казахстан и Китайской Народной Республики. Вместе с тем, Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств-членов Таможенного союза (подписан в г. Астане 05.07.2010) в ст. 5 определяет, что каждая сторона Договора (т.е. каждое государство-член ЕврАзЭС) в соответствии со своим законодательством может возбуждать и расследовать уголовные дела по преступлениям, направленным против ее интересов, совершенным на территории других сторон [4].

Совершенная гражданином Республики Казахстан контрабанда через границу Республики Казахстан и Китайской Народной Республики, и, как следствие, неуплата соответствующей ввозной таможенной пошлины, напрямую затрагивает интересы Республики Беларусь, государственный бюджет которой недополучил часть данной пошлины в фиксированном размере 4,56 процента.

Т.е., если деяние гражданина Республики Казахстан в приведенной ситуации образуют состав преступления, предусмотренного ст. 228 УК Республики Беларусь, возможность возбуждения правоохранительными органами Республики Беларусь уголовного дела объективно имеется. Однако, несмотря на наличие данной возможности, ее фактическое использование в силу различных причин в настоящее время весьма затруднительно. Также не определены дальнейшие «перспективы» органов уголовного преследования по данному уголовному делу, в том числе привлечение виновного лица к ответственности и возмещение нанесенного государству ущерба.

Последняя из обозначенных проблем является одной из целого ряда нерешенных проблем, появившихся в недавнем прошлом вместе с образованием общей таможенной территории и общей таможенной границы государств-членов ЕврАзЭС: Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации.

При образовании ЕврАзЭС во главу угла поставлена экономическая интеграция, формирование общего рынка, что естественно в XXI веке. Законодательные решения оказались не до конца продуманными, так как не были согласованы с положениями внутреннего законодательства. Правовое регулирование остальных сфер социальных отношений стало «заложником» ситуации, т.к. не было своевременно унифицировано. Применительно к уголовному закону (в первую очередь, к преступлению «контрабанда» и иным экономическим преступлениям) в настоящее время сложилась ситуация, при которой УК Республики Беларусь не может в полной мере обеспечить выполнение

одной из своих задач – охрана государственных интересов Республики Беларусь. Полнота поступлений в государственный бюджет республики ввозных таможенных пошлин напрямую зависит от эффективности мер, применяемых таможенными и иными государственными органами иных государств-членов ЕврАзЭС.

Разрешить ситуацию уже принятыми мерами, такими, как упомянутый Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств-членов Таможенного союза, в силу причин, изложенных выше, в настоящее время весьма затруднительно. Решить проблему в должной степени возможно только путем унификации законодательства государств-членов ЕврАзЭС во всех социальных сферах, а в перспективе и принятие единых законов на межгосударственном уровне.

Контрабанда как преступление по своей криминологической характеристике была и остается транснациональным организованным преступлением. Несмотря на это, до настоящего времени не существует всеобъемлющего международного определения контрабанды как преступления. В юридических целях понятие контрабанды закрепляется в национальном праве государств, которое, однако, основывается на общей доктрине, прослеживающейся в ряде международных соглашений о том, что «контрабанда – обман контролирующего органа (в большинстве случаев – таможни), состоящий в перемещении товаров через таможенную границу в любой скрытой форме».

С течением времени угроза для государств, исходящая от контрабанды, не только не снижается, а наоборот, все больше возрастает, приобретая при этом новые черты, значительно усложняющие предупреждение, выявление и расследование фактов контрабанды. Традиционные методы борьбы с контрабандой стали менее эффективными либо вовсе утратили свою эффективность. Методы борьбы с данным преступлением, ранее успешно реализуемые только компетентными государственными органами одного государства, с середины XX века расширились за пределы национальных границ и требуют систематического взаимодействия стран на международном уровне. Заинтересованность стран в противодействии контрабанде обоснованно определяет ее как объект для международного системного противодействия, компетентные государственные органы разных стран объединяют свои усилия для борьбы с данным видом преступлений. За последние пятьдесят – семьдесят лет сформировалось несколько уровней взаимодействия государств в рамках общей борьбы с контрабандой: международное взаимодействие (в рамках международных организаций), региональное взаимодействие (между несколькими государствами, расположенными, как правило, в одном географическом регионе), и двухстороннее взаимодействие (между двумя конкретными государствами).

Список использованных источников

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З : // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1960 г. // Информационный правовой портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза : подписан в г. Астане 5 июля 2010 г. : с изм. и доп. : текст по состоянию на 14 ноября 2016 г. // официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Дата поступления статьи – 12.09.2017.

Рассмотрена квалификация контрабанды и иных «таможенных преступлений» по Уголовному кодексу Республики Беларусь. Проведен сравнительный анализ контрабанды и иных «таможенных преступлений» с аналогичными преступлениями в Уголовном законодательстве Российской Федерации. Приводится отличие контрабанды от иных «таможенных преступлений» в уголовном законодательстве Республики Беларусь.

The qualification of smuggling and other "customs crimes" under the Criminal Code of the Republic of Belarus is considered. A comparative analysis of smuggling and other "customs crimes" with similar ones in the Criminal Law of the Russian Federation was carried out. The difference of smuggling from other "customs crimes" in the criminal legislation of the Republic of Belarus is given.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН – УЧАСТНИКОВ СНГ

Ильина А.Н.

На современном этапе нормы международного права, относящиеся к исполнению наказаний и обращению с осужденными (Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) 1990 г. [1], Минимальные стандартные правила ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г. [2]), ориентируют национальное уголовное законодательство на более широкое применение наказаний, не связанных с лишением свободы, а также иных мер уголовно-правового воздействия.

Уголовное законодательство Российской Федерации и стран – участников СНГ, основываясь на общепризнанных принципах и нормах международного права, также предусматривает возможность применения к лицам, совершившим преступления, не только наказаний, но и иных мер уголовно-правового характера или мер безопасности, в том числе носящих имущественный характер.

С введением Федеральным законом от 03.07.2016 №323-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации такой иной меры уголовно-правового характера, как судебный штраф, видится необходимым вести речь о складывающемся в российском уголовном праве институте имущественных мер уголовно-правового характера, к которому, помимо указанного судебного штрафа, относится также конфискация имущества. В условиях нестабильного характера уголовного закона, в котором в связи с его постоянными изменениями наблюдаются многочисленные

системные противоречия, определение места и роли, а также совершенствование выделенного нами института имущественных мер уголовно-правового характера является чрезвычайно актуальным.

Российская Федерация и другие страны СНГ имеют общие политические, экономические и социально-правовые основы и ценности. Более того, во исполнение постановления Межпарламентской Ассамблеи от 28 октября 1994 г. «О правовом обеспечении интеграционного развития Содружества Независимых Государств» и в соответствии с постановлением Совета Межпарламентской Ассамблеи от 14 февраля 1995 г. № 4 «О программном комитете и рабочих группах по созданию модельных уголовного и уголовно-процессуального кодексов для государств – участников СНГ», на заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 года был одобрен Модельный Уголовный кодекс стран СНГ [3]. Документ был разработан и одобрен в целях обеспечения единых подходов и взаимодействия в борьбе с преступностью, решения большинства задач, стоящих перед руководством стран – участников СНГ, в процессе реформирования уголовного законодательства [4]. В этой связи в целях определения юридической природы института имущественных мер уголовно-правового характера, поиска возможных путей его совершенствования представляется необходимым сравнительно-правовой анализ соответствующих институтов в уголовном законодательстве стран-участников СНГ. В силу специфики института имущественных мер уголовно-правового характера рассмотрению подлежат не только нормы уголовных законов стран-участников СНГ, регулирующие иные, не связанные с наказанием, меры воздействия, но и нормы о конфискации имущества и освобождении от уголовной ответственности.

Уголовно-правовые нормы, регулирующие имущественные меры воздействия на лиц, совершивших уголовно-наказуемые деяния, содержатся в уголовном кодексе каждой из стран СНГ. Вместе с тем, каждое из государств избрало уникальный путь развития национального законодательства, показывающий иной, заслуживающий внимания, подход к использованию данных норм. Сразу оговоримся, что в данной работе не рассматриваются нормы о медиации, содержащиеся в Уголовных кодексах Республики Казахстан [5] и Республики Молдова [6], так как они представляют собой частные случаи освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон и не носят столь очевидного имущественного характера.

Проведенный нами анализ норм уголовного законодательства стран СНГ позволяет условно разделить их на 2 категории:

– страны – участники СНГ, в национальном законодательстве которых отсутствуют иные, помимо наказания, имущественные меры воздействия на лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния (Республика Армения [7], Республика Казахстан [8], Республика Таджикистан [9], Туркменистан [10], Республика Узбекистан [11]). Помимо перечисленных государств к данной категории относится также Республика Беларусь, в Уголовном кодексе которой, однако, имеется основанная на имущественном воздействии норма об освобождении от уголовной ответственности (статья 88-1. Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем [12]), в рамках настоящей работы подлежит отдельному рассмотрению;

– страны – участники СНГ, национальное законодательство которых содержит иные, помимо наказания, имущественные меры воздействия на лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния. Данная категория также подлежит разделению в зависимости от наличия в уголовном законе имущественных мер, применяемых к юридическим лицам:

а) государства, уголовное законодательство которых не содержит мер имущественного воздействия, применяемых к юридических лицам (Республика Молдова [13], Российская Федерация [14]);

б) государства, применяющие к юридическим лицам меры имущественного воздействия (Азербайджанская Республика [15], Кыргызская Республика [16] и Украина [17]).

В рамках данной статьи, учитывая цели проводимого исследования, анализу подлежит законодательство стран-участников СНГ, отнесенных нами ко второй группе. Исключением является национальное уголовное законодательство Республики Беларусь, отдельные нормы которого мы и рассмотрим.

Учитывая юридическую природу судебного штрафа и его двойственное положение в системе норм российского уголовного закона, в рамках данной статьи нельзя обойти вниманием институт освобождения от уголовной ответственности. Среди стран-участников СНГ, помимо Российской Федерации, лишь уголовный закон Республики Беларусь содержит норму об освобождении от уголовной ответственности, так или иначе затрагивающую имущественное положение лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние.

Так, статьей 88-1 УК Республики Беларусь предусмотрено освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем. Основанием для применения данной нормы является добровольное возмещение ущерба (вреда), причиненного государственной собственности или имуществу юридического лица, доля в уставном фонде которого принадлежит государству, либо добровольное возмещение существенного вреда государственным или общественным интересам и выплата преступного дохода, если совершенное деяние не сопряжено с посягательством на жизнь или здоровье человека [18].

Помимо основания применения данной нормы и ст. 76.2 УК РФ, которая не ограничивает круг деяний, совершившие которые лица могут быть освобождены от уголовной ответственности (за исключением категории – небольшой или средней тяжести), можно выделить и иные различия.

Прежде всего, это условный характер освобождения от уголовной ответственности, предоставляемый нормой российского законодательства. Так, лицо, освобожденное от уголовной ответственности с применением положений ст. 88-1 УК Республики Беларусь, более за данное деяние привлечено к ответственности быть не может, уголовное дело подлежит прекращению. В случае же с применением ст. 76.2 УК РФ окончательность освобождения от уголовной ответственности поставлена в зависимость от поведения виновного, в частности, от уплаты им назначенной судом денежной суммы.

Кроме того, уголовный закон Республики Беларусь, в отличие от УК РФ, не устанавливает требование о совершении преступления определенной категории впервые, в то время как одним из оснований применения положений ст. 76.2 служит совершение преступления небольшой тяжести лицом впервые.

Существует некоторое сходство ст. 88-1 УК Республики Беларусь и ст. 76.2. УК РФ в части обязанности возместить причиненный ущерб в полном объеме и выплатить доход, полученный от преступной деятельности. Однако на этом они и заканчиваются. Статья 88-1 УК Республики Беларусь имеет куда большее сходство с нормами ст. 76.1 УК РФ об освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, которая к иным мерам имущественного воздействия, в силу своего места в системе российского уголовного закона, не относится. Так образом, можно констатировать тот факт, что, несмотря на все свои особенности, ст. 88-1 УК Республики Беларусь к данному институту отношения не имеет, и он в национальном законодательстве Республики Беларусь отсутствует.

Что же касается стран-участников СНГ, уголовное законодательство которых содержит иные, помимо наказания, имущественные меры воздействия на виновных лиц, то приходится резюмировать их значительную близость с конфискацией имущества, существующей в Российской Федерации.

Незначительная разница имеет место в:

– категориях лиц, к которым они применимы (так, иные меры имущественного воздействия, в том числе конфискация имущества, в соответствии с национальным законодательством Украины могут применяться к юридическим лицам);

– наличии иных, помимо конфискации имущества, мер воздействия, носящих имущественный характер.

Большинство стран-участников СНГ используют имущественное воздействие в отношении юридических лиц. Помимо конфискации имущества к подобным мерам относятся:

– штраф (принудительное денежное взыскание в пользу государства в пределах установленной в зависимости от категории преступления суммы);

– лишение юридического лица права заниматься определенной деятельностью (аннулирование специального согласия (лицензии) или специального разрешения на осуществление определенного вида предпринимательской деятельности, запрет на заключение определенных сделок, выпуск акций или других ценных бумаг, получение государственных субсидий или иных льгот, либо занятие другой деятельностью);

– ликвидация юридического лица (прекращение деятельности юридического лица).

Существенным исключением среди всех стран-участников СНГ является Кыргызская Республика, в Уголовном кодексе (речь идет об Уголовном кодексе от 02.02.2017, не вступившем в настоящее время в действие) которой в институте мер безопасности, помимо отдельных принудительных мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц и конфискации имущества, выделены возмещение причиненного ущерба и компенсация морального вреда [19].

Анализ уголовного законодательства стран СНГ свидетельствует о том, что лишь некоторые из государств, ранее входивших в состав СССР, пошли по уникальному пути развития исследуемого института. К таким странам можно отнести: Азербайджан, Беларусь, Кыргызстан, Молдову, Россию и Украину. Тенденции развития уголовного законодательства указанных государств-участников СНГ свидетельствуют о применении нового подхода к решению уголовно-правовых конфликтов, характеризующегося максимальным возмещением

ущерба потерпевшему и предоставлению возможности избежать уголовного преследования по экономическим преступлениям.

Вместе с тем, можно сделать вывод о том, что возникающий в Российской Федерации институт имущественных мер уголовно-правового характера аналога в национальном законодательстве иных стран-участников СНГ не имеет. Проведенный анализ открывает перспективы его дальнейшего развития и совершенствования, поиска новых решений существующих проблем с использованием опыта названных государств.

Список использованных источников

1. Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) : приняты Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН14 декабря 1990 г. // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. / ООО Информационно-правовой центр «Консультант+Аскон». – Санкт-Петербург, 2017.

2. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г. // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. / ООО Информационно-правовой центр «Консультант+Аскон». – Санкт-Петербург, 2017.

3. Волженкин, Б.В. Пояснительная записка к Модельному Уголовному кодексу для государств - участников Содружества Независимых Государств / Б.В. Волженкин // Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 88 – 150. – Режим доступа: http://www.law.edu.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.

4. Там же.

5. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) – Режим доступа: http:// https://online.zakon.kz. – Дата доступа: 21.08.2017.

6. Уголовный кодекс Республики Молдова – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.

7. Уголовный кодекс Республики Армения – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.

8. Уголовный кодекс Рспублики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) – Режим доступа: http:// https://online.zakon.kz. – Дата доступа: 21.08.2017.

9. Уголовный кодекс Республики Таджикистан – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.

10. Уголовный кодекс Туркменистана – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.

11. Уголовный кодекс Республики Узбекистан – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.

12. Уголовный кодекс Республики Беларусь – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.

13. Уголовный кодекс Республики Молдова – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. / ООО Информационно-правовой центр «Консультант+Аскон». – Санкт-Петербург, 2017.

15. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.

16. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года №19 – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.
17. Уголовный кодекс Украины – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.
18. Уголовный кодекс Республики Беларусь – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.
19. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года №19 – Режим доступа: https://base.spinform.ru. – Дата доступа: 21.08.2017.

Дата поступления статьи – 13.09.2017.

Мировые тенденции расширения применения наказаний, не связанных с лишением свободы, а также иных мер уголовно-правового воздействия, а также развитие в уголовном законе Российской Федерации института имущественных мер уголовно-правового характера обуславливают необходимость проведения его анализа в контексте поиска аналогов в законодательстве зарубежных стран. В статье проводится анализ уголовного законодательства стран-участников СНГ, включающий рассмотрение особенной правового регулирования институтов конфискации имущества, освобождения от уголовной ответственности и ответственности юридических лиц. Автором определены государства, избравшие уникальный путь развития уголовно-правовых мер имущественного воздействия. С учетом зарубежного опыта определены возможные пути их совершенствования в уголовном законодательстве Российской Федерации.

The Global trend of expansion of the application of punishments not connected with imprisonment and other measures of criminal and legal impact, and the development of the criminal law of the Russian Federation of Institute of the property of measures of criminal-legal nature necessitates its analysis in the context of the search for analogues in the legislation of foreign countries. The article analyzes the criminal legislation of the countries-participants of the CIS, including consideration of special legal regulation of confiscation of property, exemption from criminal liability and liability of legal entities. The author determines the state has chosen a unique path of development of criminal-legal measures for property impacts. Taking into account foreign experience of the possible ways to improve them in the criminal legislation of the Russian Federation.

РАЗГЛАШЕНИЕ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ: К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТ. 178 И УТОЧНЕНИЯ ЕЕ МЕСТА В СИСТЕМЕ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Коротич Е.А.

В условиях развития информационного общества и возрастания роли информации и информационных технологий особую социально-правовую значимость приобретают усилия законодателя, направленные на обеспечение безопасности человека, его прав и свобод в информационной сфере. Конкретной реализацией такого рода деятельности является законодательное урегулирование наиболее важных процессов оборота информации в обществе, порядка ее создания и распространения. Не менее заметным шагом в этом же направлении является установление для отдельных видов информации особых правовых режимов,

основное назначение которых состоит в обеспечении правовой охраны как собственно самой информации, представляющей действительную или потенциальную ценность для ее держателя (собственника), так и защиты прав и свобод тех лиц, которые заинтересованы в сохранении конфиденциальности такого рода информации и недопущении свободного доступа к ней третьих лиц.

В соответствии со ст. 17 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» к категории информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, относится информация о частной жизни физического лица, а также персональные данные. Следует отметить, что необходимость защиты личной тайны (персональных данных) давно признана и подтверждается вполне конкретными мерами организационного и правового характера не только на национальном, но и на международном уровне. В частности, еще в 1981 г. Советом Европы была принята Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера, в числе которых называются сведения, отражающие расовое происхождение, политические убеждения, религиозные верования, а также данные, относящиеся к здоровью человека или сексуальной жизни.

Практика обеспечения конфиденциальности указанного вида информации имеет не только социально обусловленный (далеко не каждый человек заинтересован в свободном распространении сведений, позволяющих идентифицировать его личность и так или иначе касающихся различных аспектов его личной жизни), но и конституционно предопределенный характер: согласно ст. 28 Основного Закона Республики Беларусь каждому гарантируется право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь; в соответствии с ч. 3 ст. 34 Конституции Республики Беларусь пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан (…). Учитывая то обстоятельство, что согласно ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» содержание информации о частной жизни и персональных данных могут составлять сведения, касающиеся состояния его здоровья, достижению указанных выше целей вполне обоснованно может служить и законодательное установление особого правового режима для врачебной тайны, а также закрепление уголовной ответственности за незаконное разглашение данного вида информации (ст. 178 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)).

Согласно ч. 1 ст. 178 УК содержание противоправности преступления составляет умышленное разглашение медицинским, фармацевтическим или иным работником без профессиональной или служебной необходимости сведений о наличии заболевания, диагнозе или результатах медицинского освидетельствования пациента (разглашение врачебной тайны). В случае, если разглашение врачебной тайны выразилось в сообщении сведений о наличии у лица ВИЧ или заболевания СПИД, соответствующее деяние влечет повышенную уголовную ответственность, предусмотренную ч. 2 ст. 178 УК.

Согласно ч. 6 ст. 46 Закона Республики Беларусь 18 июня 1993 г. № 2435-XII «О здравоохранении» (в редакции Закона Республики Беларусь от 21.10.2016 г.), помимо указанных в ч. 1 ст. 178 УК категорий сведений, разглашение которых может быть квалифицировано как нарушение режима врачебной тайны, содержание данного вида информации могут также составлять сведения о факте

обращения пациента за медицинской помощью, возможных методах оказания медицинской помощи, рисках, связанных с медицинским вмешательством, а также возможных альтернативах предлагаемому медицинскому вмешательству, равно как иные сведения, в том числе личного характера, полученные при оказании пациенту медицинской помощи, а в случае смерти – и информация о результатах патологоанатомического исследования.

Представленная законодательная характеристика содержания врачебной тайны (ч. 6 ст. 46 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении») заставляет обратить внимание на некоторую ограниченность уголовно-правового определения сущности защищаемого ст. 178 УК вида информации. Как представляется, реализация подобного подхода в уголовном законе не способствует укреплению системных связей между актами различной отраслевой принадлежности, которые обеспечивают соблюдение прав и свобод человека в сфере оборота рассматриваемого вида информации. Более того, в силу основополагающего характера норм, предусмотренных специальным актом правового регулирования отношений в исследуемой сфере (речь идет о Законе Республики Беларусь «О здравоохранении»), при формулировании соответствующего уголовно-правового запрета следует все же отталкиваться от положений данного акта. Преодолению указанного недостатка уголовно-правовой трактовки врачебной тайны могло бы служить использование такой обобщающей конструкции, как «сведения, составляющие содержание врачебной тайны», и тем самым придание соответствующей уголовно-правовой норме бланкетного характера, предполагающего обращение правоприменителя к положениям специального акта в данной области.

Хотя следует признать и тот факт, что и сам прием закрепления понятия «врачебная тайна» не лишен недостатков с точки зрения определения возможного круга держателей данного вида информации и, соответственно, перечня субъектов рассматриваемого преступления. Как следует из диспозиции ч. 1 ст. 178 УК, а также вполне закономерно вытекает из характера сведений, составляющих врачебную тайну, держателями и (или) пользователями данного вида информации может быть достаточно широкий круг субъектов: от медицинских работников, которые, к слову, согласно Закону Республики Беларусь «О здравоохранении» (ст. 1) не ограничиваются только собственно врачами, до иных работников системы здравоохранения, которым может быть доверена или стать известна в силу служебных или профессиональных функций информация о доверителе – лице, обратившемся за медицинской помощью, находящемся под медицинским наблюдением либо получающем медицинскую помощь. Учитывая данное обстоятельство, а также сложившуюся практику терминологического обозначения различных видов профессиональных тайн (рассматриваемая нами информация непротиворечиво может быть отнесена к категории таковой), более обоснованным с технико-юридической точки зрения было бы использование в ст. 178 УК (равно как и в ст. 46 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении») понятия «медицинская тайна». Следует отметить, что и в специальных исследованиях, посвященных правовому режиму рассматриваемого вида информации, выполненных в рамках различных направлений юридической науки (в частности, по медицинскому, уголовному, информационному праву), неоднократно обращалось внимание на ошибочность отождествления таких явлений, как врачебная тайна и медицинская тайна. Причем доктринальная трактовка

последнего из названных видов информации позволяет совершенно непротиворечиво признать ее составляющими те сведения, которыми оперирует ст. 178 УК.

Однако если введение в уголовно-правовой оборот термина «врачебная тайна» может быть оправдано закреплением этой юридической конструкции в специальном источнике правового регулирования – Законе Республики Беларусь «О здравоохранении», то включение нормы об ответственности за рассматриваемое преступление в главу 21 УК «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних» вызывает вполне обоснованные сомнения.

Как известно, основным критерием определения родовой принадлежности преступных деяний и, соответственно, систематизации таковых является содержание их основного непосредственного объекта. Именно данный критерий позволяет установить, каким общественным отношениям причиняется или может быть причинен вред в связи с совершением противоправного деяния, а также определить характер и степень общественной опасности такого деяния. При этом родственность общественных отношений, являющихся объектом преступных посягательств, в свою очередь, позволяет объединять последние в определенные группы (системные образования), которые получают закрепление в рамках отдельных относительно самостоятельных рубрикаций уголовного закона – главах УК. Соответственно, помещение белорусским законодателем нормы об ответственности за разглашение врачебной тайны в главу 21 УК дает основание сделать вывод о том, что, будучи элементом системы посягательств на «общественные отношения, существующие по поводу охраны семьи, законных прав родителей и детей, нормального нравственного и физического развития и воспитания несовершеннолетних» [1, с. 165], указанное деяние фактически и юридически наделяется свойствами данной системы преступлений. При этом содержание его основного непосредственного объекта, которое по своей сути должно было бы иметь определяющее значение с точки зрения места расположения нормы об ответственности за его совершение, приобретает производный (вторичный) характер, предопределяемый собственно местом нахождения этой нормы.

Иными словами, следуя прямому указанию уголовного закона, правоприменителем в каждом случае совершения деяния, предусмотренного ст. 178 УК, должен быть установлен факт наличия указанного выше объекта преступления. Между тем совершенно очевидно, что «разлад в семье» далеко не единственное и тем более не всегда обязательное вредное изменение в системе общественных отношений, которое может быть предопределено совершением рассматриваемого деяния. Как верно отмечается в литературе, следствием разглашения информации, составляющей врачебную тайну, может стать отказ в приеме на работу или увольнение с нее, срыв выгодной сделки и т.д. [2, с. 158]. Вполне прогнозируемо такое вредное последствие совершения рассматриваемого преступления, как формирование недоверия к лицу со стороны окружающих (причем не обязательно членов семьи или близких родственников) и на этой основе возникновение у потерпевшего состояния определенной незащищенности (социальной, психологической и др.) сферы его личной (частной) жизни. Не говоря уже о том, что в качестве потерпевшего может выступить лицо, лишенное каких-либо семейных или родственных связей. Будет ли защищать его уголовный закон в

рамках криминализации рассматриваемого деяния, если исходить из законодательно предопределенной трактовки объекта данного преступления и обязательности наличия такового с точки зрения процесса квалификации содеянного?

В контексте сказанного вполне закономерной видится доктринальная характеристика основной направленности преступления, предусмотренного ст. 178 УК, выражающаяся в признании его основным непосредственным объектом порядка обращения информации о частной жизни гражданина, связанной с состоянием его здоровья [1, с. 177; 3, с. 7]. И далее: «Указанный состав обеспечивает конституционное право граждан на защиту от незаконного вмешательства в их личную жизнь (ст. 28 Конституции Республики Беларусь (…)» [3, с. 7]. Следует отметить, что представленное суждение в полной мере соответствует и изложенной в юридической литературе по информационному праву позиции признания врачебной тайны разновидностью информации, касающейся частной жизни человека, а правового обеспечения ее конфиденциальности – одной из гарантий права на неприкосновенность частной жизни [4, с. 271–272]. Изложенные суждения заставляют задуматься над тем, насколько оправдано в таком случае помещение нормы об ответственности за разглашение врачебной тайны в главу 21 УК.

Обоснований данного законодательного решения может быть несколько. Во-первых, совершение преступления, предусмотренного ст. 178 УК, может нарушить отношения по поводу охраны семьи и нормального развития несовершеннолетних. Действительно, полностью исключать угрозу причинения вреда семейным отношениям фактом оглашения сведений о наличии у одного из членов семьи того или иного заболевания (например, психического расстройства), равно как о применяемых к нему формах медицинского вмешательства, с методологической точки зрения абсолютно неверно. Однако, как уже было сказано ранее, такого рода вредное изменение является лишь одним из возможных последствий совершения рассматриваемого преступления, которое при этом, как представляется, в большинстве случаев не является определяющим с точки зрения формирования основной направленности умысла виновного лица. Иными словами, «общественные отношения, существующие по поводу охраны семьи, законных прав родителей и детей, нормального нравственного и физического развития и воспитания несовершеннолетних» могут быть непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 178 УК, но, как правило, имеющим дополнительный, причем факультативный характер. При этом общепризнанно, что с точки зрения систематизации преступных деяний и рубрикации разделов и глав УК данный вид объекта не имеет технико-юридического значения.

Во-вторых, наличие нормы об ответственности за разглашение врачебной тайны в системе норм о преступлениях против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних может быть обосновано развитием института и практики применения вспомогательных репродуктивных технологий, прежде всего, института суррогатного материнства. Однако, как представляется, разглашение информации о факте заключения и содержании договора о суррогатном материнстве следует признавать лишь частным случаем проявления рассматриваемого преступного поведения, который, с одной стороны, не исчерпывает содержание уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 178 УК, и, соответственно, не может быть признан единственным основанием

криминализации исследуемого деяния, а с другой стороны, с технико-юридической точки зрения не может влиять на место нахождения общей нормы об ответственности за умышленное нарушение режима врачебной тайны в системе Особенной части уголовного закона. Более того, следует согласиться с изложенной на страницах белорусской юридической печати точкой зрения относительно обоснованности самостоятельного закрепления противоправности такого деяния, как разглашение тайны суррогатного материнства [5, с. 66], норма об ответственности за которое, действительно, вполне логично дополнила бы систему норм о преступлениях против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних.

Таким образом, исходя из того, что в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 178 УК, в первую очередь нарушается право каждого человека на неприкосновенность его личной жизни, в том числе право на защиту личной тайны (персональных данных), видится более обоснованным помещение нормы об ответственности за разглашение врачебной тайны в главу 23 УК «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

Следует отметить, что подобный опыт установления родовой принадлежности исследуемого или аналогичного по содержанию противоправности преступления известен уголовному законодательству и ряда зарубежных государств (например, ст. 145 УК Армении, ст. 145 УК Таджикистана и др.). Примечательно, что и Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ также ориентирует стороны на включение нормы об ответственности за разглашение врачебной тайны в систему преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 152, глава 21).

Однако необходимо признать существование и иных технико-юридических приемов определения родовой принадлежности рассматриваемого деяния и закрепления его противоправности в нормах уголовного закона. В частности, согласно ст.ст. 132 и 145 УК Украины деяния, выражающиеся в разглашение сведений о проведении медицинского освидетельствования на выявление заражения вирусом иммунодефицита человека либо иной неизлечимой инфекционной болезни, а также незаконном разглашении врачебной тайны, признаются посягательствами, непосредственно направленными против здоровья человека.

В уголовном законодательстве ряда иных государств деяния, связанные с нарушением режима конфиденциальности врачебной тайны, криминализированы в контексте установления общего запрета относительно нарушения неприкосновенности частной жизни и законодательства о персональных данных (например, ст. 137 УК Российской Федерации ст. 147 УК Республики Казахстан), и на этой основе признаны преступлением против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Представленные законодательные подходы в очередной раз подчеркивают проблематичность установления основной направленности исследуемого преступления и являются дополнительным свидетельством актуальности обращения к рассматриваемому вопросу.

Список использованных источников

1. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. Н. А. Бабия, И. О. Грунтова. – Минск : Новое знание, 2002. – 912 с.

2. Колоколов, Г. Р. Основы медицинского права. Курс лекций : Учеб. пособие для вузов / Г.Р. Колоколов, Н.В. Косолапов, О.В. Никульникова. – М. : Изд-во «Экзамен», 2005. – 320 с.

3. Топорикова, О. О. Глава 21. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних (статьи 172–180) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 07.08.2015 г.] / О.О. Топорикова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Лапина, М. А. Информационное право : Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / М.А. Лапина [и др.]; под ред. И.Ш. Килясханова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 335 с.

5. Шейразина, Л. О. Тайна суррогатного материнства: правовое закрепление и охрана / Л.О. Шейразина // Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию проф. В.Ф. Чигира, Минск, 4–5 ноября 2014 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И.Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 64–66.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В представленной статье рассматриваются возможные направления оптимизации законодательного определения отдельных признаков преступления, предусмотренного ст. 178 УК Республики Беларусь, в том числе указывается на спорные аспекты закрепления понятия «врачебная тайна» в уголовном законе Беларуси и иных законодательных актах. Особое внимание уделяется вопросам уточнения родовой принадлежности криминализируемого ст. 178 УК деяния. На основе исследования его основной направленности в статье раскрываются недостатки отнесения рассматриваемого посягательства к системе преступлений против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних (глава 21 УК). Исходя из функционального назначения режима врачебной тайны и содержания уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 178 УК, в статье обосновывается вывод о целесообразности включения нормы об ответственности за рассматриваемое деяние в главу 23 УК «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

In the article the possible ways of the optimization of the legislative definition of separate signs of such crime as divulgence of a doctoral secret are considered, as well as the disputable aspects of the fixing the concept «doctoral secret» in the Belarusian Criminal Code and other acts are specified. The special attention is given to questions of specification the place of art. 178 in the system of the Belarusian Criminal Code. On the basis of research the defects of inclusion the considered crime into the system of crimes against way of family relations and interests of minors (chapter 21) were revealed. Based on a functional purpose of a doctoral secret and the contents of the art. 178, the conclusion about inclusion of norm about responsibility for considered act into chapter 23 of the Criminal Code is substantiated in the article.

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ «УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ» В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кукитель В.А.

В условиях экономического кризиса, охватившего многие континенты и страны, охрана экономической деятельности от преступных посягательств является одним из приоритетных направлений уголовной политики государства. Нельзя не отметить, что преступления, посягающие на основы гражданского оборота, приобретают первостепенное значение, поскольку современная национальная экономика рассматривает институт кредиторской задолженности как один из важнейших источников финансирования текущей деятельности многих субъектов хозяйствования как частной, так и государственной форм собственности. При умелом управлении кредиторская задолженность может стать дополнительным, а главное дешевым источником привлечения заемных средств. Данный вид задолженности зачастую рассматривается как самопроизвольно возникающий и бесплатный ресурс, способствующий увеличению как объемов продаж, так и оборотных средств предприятий. Однако рост долгов и просрочка в их погашении зачастую приводят к неплатежеспособности предприятий и увеличению риска их банкротства, что само по себе негативно сказывается на развитии финансово-хозяйственных взаимоотношений между субъектами хозяйствования, и способствует снижению экономического потенциала государства.

Кредиторы, долги перед которыми своевременно не погашаются, могут не только обратиться за получением исполнительной надписи нотариуса или в суд, требовать взыскания задолженности с учетом пени и процентов за пользование чужими денежными средствами, инициировать возбуждение исполнительного производства или даже дела о банкротстве, но и прибегнуть к уголовному преследованию неплательщиков [1, с. 42].

Уголовно-правовые меры являются наиболее жестким средством государственного воздействия на негативные явления общественной жизни, а их применение обусловлено повышенной степенью общественной опасности совершенных деяний. Общественная опасность за уклонение от погашения кредиторской задолженности заключается в причинении должником кредитору реального имущественного ущерба на сумму, подлежащую взысканию, а также ущерба в результате упущенной выгоды.

Статистические данные свидетельствуют о стремительном увеличении количества обращений по факту непогашения контрагентом задолженности: в 2014 г. в органы финансовых расследований Комитета госконтроля поступило 507 таких заявлений; в 2015 г. – 1104.; в 2016 – 1178 [2, с. 51].

Основополагающей причиной кризисных явлений 2011 и 2015 годов, по мнению В. Свиридовича, является чрезмерная долговая нагрузка хозяйствующих субъектов Республики Беларусь. Отмечается, что экономический рост в Республике Беларусь в 2005–2011 годы сопровождался увеличением текущих доходов, получаемых субъектами хозяйствования, однако выручка организаций росла гораздо меньшими темпами, чем их же суммарная кредиторская задолженность. Это негативное явление имело место во всех ключевых отраслях белорусской экономики: промышленности, сельском хозяйстве, строительстве

и т.д. В острокризисный период 2011 г. указанные диспропорции достигли своих максимальных значений – кредиторская задолженность хозяйствующих субъектов более чем в пять раз превысила их среднемесячную выручку. В результате масштабной (почти трехкратной) девальвации белорусского рубля эти дисбалансы заметно уменьшились. Однако в 2013–2014 годах этот показатель резко вырос, а в 2015 г. и вовсе достиг предельного уровня: кредиторская задолженность предприятий почти в семь раз превысила их среднемесячную выручку. Закономерный и негативный результат этих событий – экономический кризис, который у нас продолжается и сегодня [3, с. 45].

Г. Бадей солидарен с мнением В.Свиридовича и обращает внимание на то, что на 1 октября 2015 г. суммарная задолженность субъектов хозяйствования составляла 885 трлн. Br. Это в 1,4 раза больше объема ВВП за январь – сентябрь 2015 г. Из общего показателя 39 % приходится на кредиторскую задолженность между субъектами хозяйствования, 60,6 % – на кредиты и займы [4, с. 21].

В соответствии с вышеизложенным особую актуальность приобретает детальная характеристика ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). В рамках данной публикации в целях более полного и всестороннего изучения сущности и правовой природы рассматриваемого общественно опасного деяния, подробнее остановимся на предмете кредиторской задолженности.

На законодательном уровне в Республике Беларусь дефиниция кредиторской задолженности, а также и ее предмет легально не закреплены. В белорусской науке данное понятие также характеризуется недостаточной степенью разработанности.

Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь (далее – комментарий) не разъясняет предмет кредиторской задолженности в рамках ст. 242 УК Республики Беларусь. Однако в данном пособии закрепляется то, что следует понимать под кредиторской задолженностью применительно к рассматриваемой нами норме, а именно установленная вступившим в законную силу судебным постановлением обязанность должника совершить в пользу кредитора определенные действия: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п. [5].

Комментарий разъясняет, что кредиторская задолженность складывается из суммы всех материальных требований к должнику, включая реальный ущерб, причиненный неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных или иных обязательств, штрафные санкции и понесенные кредитором судебные издержки [5].

В свою очередь, законодательство о бухгалтерском учете и отчетности к предмету кредиторской задолженности относит только краткосрочную кредиторскую задолженность, к которой в соответствии с п. 16 Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Индивидуальной бухгалтерской отчетности» относится задолженность организации:

- перед поставщиками, подрядчиками, исполнителями, учитываемая на счете 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками»;
- по полученным авансам, учитываемая на счете 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками»;
- по налогам и сборам, учитываемая на счете 68 «Расчеты по налогам и сборам»;

- по социальному страхованию и обеспечению, учитываемая на счете 69 «Расчеты по социальному страхованию и обеспечению»;
- по оплате труда перед работниками, учитываемая на счете 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда», а также перед работниками по начисленным, но не выплаченным в установленный срок суммам, учитываемая на счете 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами»;
- по лизинговым платежам, учитываемая на счете 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами»;
- собственнику имущества (учредителям, участникам) по выплате дивидендов и других доходов от участия в уставном капитале организации, учитываемая на счетах 70 «Расчеты с персоналом по оплате труда», 75 «Расчеты с учредителями»;
- прочим кредиторам (прочая кредиторская задолженность, учитываемая на счетах учета расчетов), за исключением обязательств, включенных в выбывающую группу, признанную предназначенной для реализации, учитываемая на счетах 66 «Расчеты по краткосрочным кредитам и займам», 67 «Расчеты по долгосрочным кредитам и займам», кредиторская задолженность перед работниками, учитываемая на счетах 71 «Расчеты с подотчетными лицами», 73 «Расчеты с персоналом по прочим операциям» [6].

Следует отметить, что субъекты хозяйствования могут иметь задолженность по краткосрочным и долгосрочным кредитам и займам, а также долгосрочные обязательства по лизинговым платежам, которые формально не относятся к кредиторской задолженности.

А. П. Смольский предлагает решение данной проблемы путем замены в ст. 242 УК термина «кредиторская задолженность» на «задолженность перед кредитором (кредиторами)» [7, с. 53].

На наш взгляд, данное предложение обоснованно, поскольку замена терминологии ликвидирует существующие несоответствия предмета кредиторской задолженности в законодательстве о бухгалтерском учете и отчетности и в уголовном праве.

А. Станишевская указывает, что кредиторская задолженность представляет собой неосуществленные платежи компании по возникшим обязательствам:

- поставщикам и подрядчикам – за приобретенные товары, работы услуги;
- налоговым органам – по суммам начисленных налогов;
- персоналу – по сумме начисленной заработной платы;
- учредителям – по выплате начисленных доходов и т.д. [8, с. 49].

Отметим, что задолженности за неуплату налогов, сборов (в том числе таможенных платежей) не входят в предмет преступления «уклонение от погашения кредиторской задолженности», поскольку за данные неуплаты предусмотрены санкции отдельными специальными статьями УК Республики Беларусь.

Изучая предмет кредиторской задолженности в рамках ст. 242 УК Республики Беларусь, обратимся к законодательству Российской Федерации.

В Российской Федерации вопрос о предмете преступления за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности урегулирован методическими рекомендациями по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное

уклонение от погашения кредиторской задолженности). Вышеупомянутые методические рекомендации под предметом преступного посягательства рассматривают не возвращенные кредитору либо не полученные кредитором денежные средства [9].

Несмотря на данное определение, в российской доктрине существуют разные точки зрения о том, что является предметом кредиторской задолженности в рамках ст. 177 УК Российской Федерации «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности».

Под предметом преступления «злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» М.В. Шафранова понимает не возвращенные кредитору либо не полученные им денежные средства [10, с. 57]. Данный подход тождественен вышеупомянутым методическим рекомендациям.

Т.Д. Устинова под предметом кредиторской задолженности, наряду с денежными средствами, предлагает рассматривать и ценные бумаги (государственные облигации, облигации, вексель, чек, сберегательная книжка на предъявителя и другие документы, отнесенные законодательством Российской Федерации к ценным бумагам), удостоверяющие имущественные права, осуществление или передача которых возможна только при их предъявлении [11, с. 53].

В.И. Тюнин под предметом преступления понимает кредиторскую задолженность. В свою очередь, отвечая на вопрос, что представляет собой кредиторская задолженность, он ссылается к определению объема уголовно-правовой репрессии. Проанализировав его работу, приходим к выводу, что, по мнению данного автора, к кредиторской задолжности следует относить банковский кредит, задолженность по расчетам с поставщиками и подрядчиками, задолженность по договорам займа, а также иную задолженность, образовавшуюся из договорных отношений [12, с. 110]. В.И. Тюнин пишет, что методическими рекомендациями по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) ценную бумагу, наряду с кредиторской задолженностью, также называют предметом преступления. Однако, с его точки зрения, в данном случае правильнее также говорить о предмете преступления – кредиторская задолженность, поскольку речь идет об оплате ценной бумаги. Обязанность оплаты ценной бумаги возникает из обязательства, порожденного договором [12, с. 111].

И.Г. Рагозина, занимаясь исследованием данного вопроса, пришла к выводу, что под предметом преступления, предусмотренного ст. 177 УК Российской Федерации, следует понимать кредиторскую задолженность, обусловленную правом кредитора требовать от должника исполнения его обязанности [13, с. 165].

Подводя итог, следует отметить, что российские правоведы под предметом преступления «злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» рассматривают денежные средства, которые должник обязан выплатить кредитору. Однако, некоторые из ученых, к предмету преступления ст. 177 УК Российской Федерации относят ценную бумагу. На наш взгляд, ценную бумагу не следует относить к предмету данного преступления, поскольку обязанность по оплате ценной бумаги имеет гражданско-правовую природу, т.е. порождена договорам, на основании которого одна сторона обязана оплатить, а другая имеет право требовать

исполнения обязательства, и как следствие по сути составляет само понятие кредиторской задолженности.

Таким образом, с нашей точки зрения, под предметом кредиторской задолженности в рамках ст. 242 УК Республики Беларусь следует понимать денежные средства, которые должник обязан возместить кредитору на основании вступившего в законную силу судебного постановления вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения ранее заключенного между ними обязательства, имевшего гражданско-правовую природу.

Представляется, что предмет кредиторской задолженности нельзя отождествлять с ее дефиницией. При определении понятия кредиторской задолженности необходимо отразить ее гражданско-правовую природу, т.е. на основании чего она образуется, что входит в ее состав. В свою очередь, рассматривая предмет кредиторской задолженности в рамках ст. 242 УК Республики Беларусь мы говорим не о предмете гражданско-правовых обязательств, возникших на договорной основе, а о сумме долга (денежном выражении), возникшем вследствие нарушения вышеупомянутых обязательств и определенным экономическим судом.

По нашему мнению, негативным моментом в национальном уголовном праве является отсутствие законодательного толкования ст. 242 УК Республики Беларусь «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» в виде Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Данный документ разъяснил бы многие проблемные вопросы, встречающиеся в правоприменительной практике, и отразил бы правовую сущность, рассматриваемой нами нормы.

Список использованных источников

1. Смольский, А. П. Последствия уклонения от расчетов по задолженности / А.П. Смольский // Главный экономист. – 2016. – № 1. – С. 41–47.
2. Трусевич, К. И. Методы воздействия на должника / К.И. Трусевич // Промышленно-торговое право: журнал для юристов, принимающих решение. – 2016. – № 10. – С. 51–54.
3. Свиридович, В. Причины кризисных явлений в экономике Беларуси / В. Свиридович // Финансы.Учет.Аудит. – 2016. – № 5. – С. 44 – 46.
4. Бадей, Г. Время платить по долгам / Г. Бадей // Финансы. Учет. Аудит. – 2016. – № 1. – С. 21–23.
5. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Архаменко [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1007 с.
6. Об утверждении Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Индивидуальная бухгалтерская отчетность», внесении дополнения и изменений в Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 46 и признании утратившими силу Постановления Министерства финансов Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 111 и отдельных структурных элементов некоторых постановлений Министерства финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 12.12.2016 г. №104 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
7. Смольский, А. Некоторые правовые и процессуальные аспекты уклонения от погашения кредиторской задолженности / А. Смольский // Судовы Веснік. – 2014. – № 3. – С. 52–57.

8. Станишевская, А. Долг платежом красен: управление кредиторской задолженностью / А. Станишевская // Финансовый директор. – 2015. – № 1. – С. 49–51.
9. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) : утв. Директором ФССП России 21.08.2013 № 04-12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e.lawyercom.ru/npd-doc.aspx?npmid=97&npid=80627 . – Дата доступа: 16.03.2016.
10. Шафранова, М. В. Уголовно-правовая характеристика злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности: проблемы квалификации и разграничения со смежными составами / М.В. Шафранова // Вестник Российской правовой академии. – 2010. – № 1. – С. 56–60.
11. Устинова, Т. Д. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: вопросы правоприменения и законодательного закрепления / Т.Д. Устинова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 3. – С. 51–58.
12. Тюнин, В. И. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ) / В.И. Тюнин // Уголовный закон в развитии: сборник научных статей, Санкт-Петербург / государственный университет экономики и финансов. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 108–118.
13. Рагозина, И. Г. Вопросы квалификации злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности / И.Г. Рагозина // Вестник Омского университета. – 2014. – № 1 (38). – С. 163–166.

Дата поступления статьи – 24.07.2017.

В публикации изучается предмет преступления «уклонение от погашения кредиторской задолженности», ответственность за которое предусмотрено ст. 242 УК Республики Беларусь. Автор подробно рассматривает как позицию законодательства в рамках бухгалтерского учета, так и существующие в национальной доктрине подходы правоведов по данному вопросу. В работе также анализируется зарубежный опыт, а именно Российской Федерации. Предлагается собственный вариант в определении предмета преступления уклонение от погашения кредиторской задолженности.

The publication examines the subject of crime evasion from payment of accounts payable, art. 242 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. The author considers in detail both the position of the legislation in the framework of accounting, and the approaches of legal experts on this issue existing in the national doctrine. The work also analyzes foreign experience, namely the Russian Federation. It proposes its own option in determining the crime subject to evading payment of accounts payable.

ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: ПРЕДМЕТ ПОДКУПА, НЕПРАВОМЕРНАЯ ВЫГОДА И ПРЕДМЕТ ВЗЯТКИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЕЛАРУСИ, РОССИИ И УКРАИНЫ

Лосев В.В.

В теории уголовного права в последние годы приобрела актуальность проблема определения границ предмета взятки, прежде всего в части того, может ли взятка быть «нематериальной» («неимущественной»). Эта проблема обусловлена необходимостью имплементации в национальные уголовные

законодательства положений международно-правовых актов в сфере борьбы с коррупцией.

Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. была ратифицирована в Республике Беларусь в 2003 г. [1]. Эта Конвенция предлагает всем подписавшим ее сторонам признать в качестве предмета подкупа неправомерное преимущество (ст.ст. 2–11). Таким же термином «неправомерное преимущество» определяется предмет подкупа в публичном и частном секторах и в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г. (ст.ст. 15, 16, 18, 21, 22), которая была ратифицирована в Беларуси в 2004 г. [2].

В Республике Беларусь используемым в названных Конвенциях понятиям «пассивный подкуп» и «активный подкуп» соответствуют такие преступления против интересов службы (глава 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК Республики Беларусь), как получение взятки (ст. 430 УК Республики Беларусь) и дача взятки (ст. 431 УК Республики Беларусь), которые вместе с посредничеством во взяточничестве (ст. 432 УК Республики Беларусь) относятся к коррупционным преступлениям. В качестве предмета взятки в ч. 1 ст. 430 УК Республики Беларусь названы 1) материальные ценности и 2) выгоды имущественного характера. В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» [3] разъясняется: «предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т.п.) либо выгоды имущественного характера независимо от их стоимости, предоставляемые должностному лицу исключительно в связи с занимаемым должностным положением (различного вида услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных работ и т.п.)».

К выгодам имущественного характера как предмету взятки белорусские ученые относят также, в частности, В.М. Хомич: «замаскированные виды вознаграждения: передача части акций с условием их оплаты за счет дивидендов; занижение стоимости приватизированных объектов; уменьшение ставок арендной платы или процентных ставок за пользование банковским кредитом (ссудой), оплата фиктивной работы по совместительству и т.д.» [4, с. 558]; Н.А. Бабий: «предоставление должностному лицу прав имущественного характера, хотя и без полномочий, присущих праву собственности … включение должностного лица в число участников субъектов хозяйствования, например общества с ограниченной ответственностью»; под имущественными выгодами понимает и «избавление должностного лица от материальных затрат, т.е. освобождение его от выполнения возникших ранее обязанностей материального характера (прощение долга), а также занижение причитающихся к оплате денежных сумм, например размера платежей за пользованием кредитом или арендуемым помещением» [5, с. 313].

В п. 12 названного постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 [3] определено, что «предмет взятки во всех случаях подлежит оценке в национальной валюте Республики Беларусь на основании действующих цен, официального курса иностранных валют, расценок или тарифов на услуги, а при их отсутствии – на основании заключения экспертов о его стоимости на момент совершения преступления».

В первоначальной редакции ст. 305 «Получение взятки» модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств 1996 г. [6] (далее – модельный УК СНГ) взяткой были названы

альтернативно имущество, право на имущество или иная имущественная выгода. В 2015 г. в модельный УК СНГ внесены существенные изменения по вопросам борьбы с коррупцией [7]. В частности, изменено понятие получения взятки, в т.ч. расширено понятие предмета взятки: сейчас под взяткой в модельном УК СНГ понимаются денежные средства, ценные бумаги, электронные денежные средства, иное имущество, взятка в виде незаконного оказания услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав или *иных неправомерных преимуществ* (выделено нами – В.Л.). Тем самым понятие предмета взятки приведено в модельном УК СНГ в соответствие названным международным конвенциям.

Вместе с тем в ст. 290 «Получение взятки» Уголовного кодекса Российской Федерации [8] (далее – УК РФ) под взяткой и сейчас понимаются деньги, ценные бумаги, иное имущество, а также взятка в виде незаконных оказания услуг имущественного характера или предоставления иных имущественных прав, что в целом соответствует первоначальным положениям в этой части модельного УК СНГ. В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [9] разъясняется, что «под незаконным оказанием услуг имущественного характера судам следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств … Имущественные права включают в свой состав как право на имущество, в том числе право требования кредитора, так и иные права, имеющие денежное выражение … Получение взятки в виде незаконного предоставления должностному лицу имущественных прав предполагает возникновение у лица юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и др. Переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта».

Тем самым предмет взятки и в УК Республики Беларусь (материальные ценности и выгоды имущественного характера), и в УК РФ (деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера, иные имущественные права) является только «имущественным», представляет собой «незаконное материальное вознаграждение», что частично соответствует понятию «неправомерное преимущество».

Вместе с тем под это понятие «неправомерное преимущество» в названных международных конвенциях и в модельном УК СНГ подпадают еще и услуги нематериального характера и иные проявления нематериального преимущества. В Беларуси же традиционно утверждается, что предоставление и получение услуг неимущественного характера (к примеру, хвалебный очерк, статья в газете, положительная характеристика или рекомендация, соавторство в научной работе, положительный отзыв о работе, книге, предоставление вне очереди полностью оплаченных услуг и т.д.) не являются взяточничеством [5, с. 314; 10, с. 981]. Как справедливо отмечает Н.А. Бабий, «независимо от формы выражения (имущество, услуги или иные выгоды) предмет взятки всегда должен иметь свою материальную

составляющую, исчисляемую в денежном выражении … при нематериальном вознаграждении состав получения взятки отсутствует» [11].

Для сравнения, в современной редакции Уголовного кодекса Украины [12] в соответствии с примечанием к ст. 364-1 под неправомерной выгодой в ст.ст. 364, 364-1, 365-2, 368, 369, 369-2 и 370 уже понимаются денежные средства или иное имущество, *преимущества, льготы, услуги, нематериальные активы, любые другие выгоды нематериального или неденежного характера* (выделено нами – В.Л.). Однако украинские ученые подвергают критике использование понятия «неправомерная выгода» в УК Украины применительно к коррупционным преступлениям. К примеру, Ю.В. Гродецкий отмечает: «следует признать, что перечень ценностей (благ) в трактовке неправомерной выгоды в примечании к ст. 364-1 УК является несовершенным по следующим причинам: 1) понятия, в него входящие, имеют в законодательстве разные определения; 2) большинство из этих интерпретаций рассчитаны совсем на иную (не уголовно-правовую) сферу правового регулирования, 3) некоторые разновидности названных законодателем ценностей (благ) не имеют стоимостных характеристик, что делает невозможным их отнесение к категории «неправомерная выгода»; 4) отдельные понятия перекрещиваются по содержанию, что свидетельствует об их системной несогласованности; 5) за пределами перечня остались случаи, которые по своей природе и значимости должны были бы к нему относиться» [13].

В настоящее время ГРЕКО (GRECO – Group of States Against Corruption, Группа государств по борьбе с коррупцией – международная организация, созданная Советом Европы в 1999 г., в которую входит и Республика Беларусь) предлагает расширить в УК Республики Беларусь предмет взятки путем включения всех форм материальных и нематериальных выгод, независимо от того, имеют ли они измеримую финансовую ценность, в соответствии с понятием «любое ненадлежащее преимущество», как указано в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.

В связи с этим сейчас перед законодателями в Беларуси стоит вопрос: надо ли, следуя названным Конвенциям, модельному УК СНГ и рекомендациям ГРЕКО, расширять в УК Республики Беларусь содержание предмета взятки путем включения в него наряду с материальным вознаграждением еще и «выгод неимущественного характера» («неправомерного преимущества нематериального характера»)? По нашему мнению, нет. Ведь если еще можно оценить предмет взятки в денежном выражении и определить размер взятки, хотя и это нередко достаточно сложно, то определить, какой круг явлений должно охватывать понятие «выгоды неимущественного характера» («неправомерное преимущество нематериального характера»), вовсе невозможно. Можно с достаточной уверенностью прогнозировать, что появление этого нового оценочного (неопределенного) признака в УК Республики Беларусь приведет к необоснованному расширению уголовной репрессии, поскольку будут размыты границы криминализации получения и дачи взятки. Увеличится вероятность квалификационных ошибок, заключающихся в признании преступлениями тех деяний, которые таковыми вследствие недостаточной общественной опасности не являются. Это само по себе является криминогенным (коррупциогенным) риском в деятельности правоохранительных органов и суда, который допускать нельзя.

В Беларуси получение должностным лицом услуг нематериального характера или иного неправомерного преимущества нематериального характера за

свои действия (бездействие) по службе свидетельствует о его «иной личной заинтересованности» и, тем самым, при наличии остальных обязательных признаков состава преступления, может быть признано соответственно злоупотреблением властью или служебными полномочиями, бездействием должностного лица либо превышением власти или служебных полномочий (ст.ст. 424–426 УК Республики Беларусь), т.е. коррупционными преступлениями. Но преступлением признается не само по себе получение должностным лицом услуг нематериального характера за свои действия (бездействие) по службе, в именно обусловленное такой заинтересованностью противоправное поведение должностного лица, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам. При отсутствии таких последствий содеянное образует не преступление, а должностной проступок.

Тем самым, по нашему мнению, механическое перемещение понятия «неправомерное преимущество» из международных конвенций и модельного УК СНГ в национальное уголовное законодательство Беларуси не будет способствовать соблюдению принципа законности при привлечении должностных лиц за нарушения по службе к уголовной и иным видам ответственности, вряд ли повысит социальную эффективность правоприменительной деятельности в сфере борьбы со взяточничеством, напротив, предопределит в этой сфере коррупционные риски.

Список использованных источников

1. О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 мая 2003 г., № 199-З : с изм. и доп. // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 2004 г., № 344-З : с изм. и доп. // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6 : с изм. и доп. : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 24.09.2009 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Правила регистрации, учета и квалификации преступлений : науч.-практ. пособие для следователей прокуратуры / Н. А. Бабий [и др.]; под общ. ред. Н. А. Бабия. – Минск : Тесей, 2008. – 744 с.

5. Коррупционная преступность : криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В. В. Асанова [и др.]; под общ. ред. В. М. Хомича. – Минск : Тесей, 2008. – 504 с.

6. О модельном Уголовном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 17 февр. 1996 г., № 7-5 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Об изменениях в модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств по вопросам борьбы с коррупцией [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской ассамблеи государств – участников

Содружества Независимых Государств, 27 нояб. 2015 г., № 43-15 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 64-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 29.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

9. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Росс. Федерации, 9 июля 2013 г., № 24 : с изм. и доп. : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Росс. Федерации от 03.12.2013 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант-Плюс». – М., 2017.

10. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

11. Бабий, Н. А. Объект и предмет взяточничества [Электронный ресурс] / Н. А. Бабий // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

12. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс] : принят Верховн. Радой Украины 5 апр. 2001 г. : с изм. и доп. по сост. на 10.09.2017 г. // Нормативные акты Украины / ЗАО «Информтехнология». – Киев, 2017.

13. Гродецкий, Ю. В. Понятие неправомерной выгоды в уголовном праве Украины / Ю. В. Гродецкий // Проблемы законности : сб. науч. тр. / Нац. ун-т «Юрид. акад. Украины им. Я. Мудрого». – Харьков, 2013. – Вып. 121. – С. 135–148.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В статье исследуется актуальная проблема определения границ предмета взятки в части того, может ли взятка быть «нематериальной» («неимущественной»), что обусловлено необходимостью имплементации в национальное уголовное законодательство положений международно-правовых актов в сфере борьбы с коррупцией. Проведен сравнительно-правовой анализ законодательного определения предмета подкупа в международных конвенциях, направленных против коррупции, модельном Уголовном кодексе СНГ, а также в уголовном законодательстве Беларуси, России и Украины. Проанализировано понятие «предмет взятки» в уголовном праве Республики Беларусь и Российской Федерации. Обоснован вывод об отсутствии необходимости расширять в Уголовном кодексе Республики Беларусь понятие «предмет взятки» путем включения в него выгод неимущественного характера.

The article examines the topical problem of determining the boundaries of a bribe in terms of whether a bribe can be "non-material" ("non-pecuniary"), which is due to the need to implement the provisions of international legal acts in the field of combating corruption in the national criminal legislation. A comparative legal analysis of the legislative definition of a bribe in international conventions against corruption, the Model Criminal Code for the CIS, as well as in the criminal legislation of Belarus, Russia and Ukraine is carried out. The concept of a "bribe" in the criminal law of the Republic of Belarus and the Russian Federation is analyzed. It has been substantiated that there is no need to expand the concept of a "bribe" in the Criminal Code of the Republic of Belarus by including non-pecuniary benefits in it.

СБЫТ НАРКОТИКОВ В НЕСКОЛЬКО ПРИЕМОВ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Любавина М.А.

Анализ следственной и судебной практики свидетельствует, что правоприменители испытывают существенные затруднения при квалификации ситуаций, связанных с выявлением неоднократных фактов сбыта наркотиков одним и тем же лицом одному или разным приобретателям.

В первоначальной редакции п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» включал абзац, который был в дальнейшем исключен. В абзаце содержалась рекомендация, касающаяся квалификации сбыта наркотических средств или других предметов преступления в несколько приемов, которая заключалась в следующем: «В случае, когда лицо, имея умысел на сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в крупном или особо крупном размере, совершило такие действия в несколько приемов, реализовав лишь часть имеющихся у него указанных средств или веществ, не образующую крупный или особо крупный размер, все содеянное им подлежит квалификации по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ»[1]. Причина исключения данного абзаца не совсем понятна: связано ли это с изменением позиции высшей судебной инстанции, либо Верховный Суд РФ пришел к выводу, что рекомендации излишни потому, что сложилась устойчивая судебная практика. Последнее сомнительно, так как в следственной и судебной практике вопрос о квалификации сбыта наркотиков в несколько приемов одному лицу или разным лицам решается неоднозначно, что, в некоторых случаях связано с толкованием самой рекомендации.

Так, в одном из определений Верховный Суд РФ указал, что данное разъяснение касается случаев, когда лицо, имея единый умысел на сбыт наркотических средств в крупном или особо крупном размере, совершило такие действия в несколько приемов, реализовав лишь часть имеющихся у него указанных средств, не образующую крупный или особо крупный размер. В этом случае все содеянное виновным подлежит квалификации по ч. 3 ст. 30 УК РФ (покушение на преступление) и соответствующей части ст. 228.1 УК РФ. Но С. изготовил экстракт маковой соломы массой 0,156 грамм, и дважды сбыл З., игравшему роль покупателя при проведении проверочной закупки, наркотическое средство массой 0,081 грамм и 0,075 грамм. Учитывая то обстоятельство, что размер наркотического средства - экстракта маковой соломы массой 0,156 грамм, изготовленного С. для сбыта, не образует крупный либо особо крупный размер, то указанный в надзорной жалобе осужденного довод о том, что совершенные им

[1] Уголовная ответственность за сбыт наркотиков в ст. 228.1 УК РФ дифференцирована в зависимости от размера наркотика (до значительного, значительного, крупного или особо крупного.

действия должны квалифицироваться как единое преступление, не является обоснованным[2].

Таким образом, признание преступления единичным продолжаемым постановлено в зависимость от размера сбываемого наркотического средства. И это только один из многочисленных примеров своеобразного толкования рекомендации о квалификации сбыта наркотиков в несколько приемов.

Применительно к рассматриваемой ситуации можно выделить три проблемы, связанных с квалификацией содеянного: 1) образуют ли указанные действия совокупность преступлений или это продолжаемое преступление? Если это продолжаемое преступление, то квалификация содеянного по совокупности преступлений ведет к грубейшему нарушению принципа справедливости, закрепленному в ст. 6 УК РФ и гласящему, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление; 2) образуют ли указанные действия оконченное преступление или покушение на сбыт; 3) как надлежит квалифицировать содеянное в случае, если часть наркотика реализована, а оставшаяся часть изъята из незаконного оборота.

Уголовно-правовая сущность продолжаемого преступления заключается в том, что отдельные действия (бездействие), из которых складывается преступление, хотя и содержат все признаки преступления, но не имеют самостоятельного юридического значения, так как совершаются в целях поэтапной реализации единого умысла.

Впервые судебное толкование признаков продолжаемого преступления было дано в Постановлении 23 Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям». Под продолжаемым преступлением предлагалось понимать преступление, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление.

В доктрине уголовного права вопросы, связанные с признаками продолжаемых преступлений, служили предметом дискуссий на протяжении длительного времени. Ученые обращали внимание на особое содержание объективных и субъективных признаков, характеризующих в своей совокупности продолжаемое преступление. Еще в конце XIX в. великий русский ученый Н. С. Таганцев писал, что продолжаемые преступные деяния с внешней стороны состоят из нескольких частей, каждая из которых включает в себя полный состав преступного деяния, и даже отделенных друг от друга более или менее значительным промежутком времени, но связанных одним общим преступным намерением[3].

В современной доктрине исследователи к объективным признакам продолжаемого преступления относят одинаковость или тождественность преступных действий (бездействие), небольшой промежуток времени между их совершением, единый способ совершения деяния и наступление однородных

[2] Определение Верховного Суда РФ от 27.11.2008 N 18-Д08-139. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. С. 290.

последствий; к субъективным – наличие общей цели и единство умысла[4]. Упоминается также о единстве объекта посягательства[5].

Справедливо отмечается, что в продолжаемом преступлении между отдельными актами противоправных действий имеется специфическая субъективная связь, выражающаяся в том, что каждый очередной акт продолжаемого преступного поведения выступает в качестве приема, звена или этапа реализации лицом его преступного намерения[6].

Суммируя признаки продолжаемого преступления, М. Становский определяет этот вид единичного преступления как слагаемое из неоднократных, объединенных единством вины и цели, тождественных деяний, представляющих отдельные акты единой деятельности лица, направленной на один и тот же непосредственный объект либо предмет посягательства для достижения общего результата[7].

Всеми указанными признаками обладает деяние лица, которое приобретает определенное количество наркотика, имея умысел на сбыт всей партии, но реализует наркотик в несколько приемов. При этом для квалификации преступления как единичного продолжаемого не имеет значения в каком юридически значимом размере сбывался наркотик в каждом отдельном случае и осуществлялся ли сбыт одному лицу либо разным лицам.

Вместе с тем, не все исследователи придерживаются традиционного подхода к определению признаков продолжаемого преступления особенно в тех случаях, когда это касается сбыта наркотиков в несколько приемов. Равным образом прослеживается и противоречивость судебных актов, в том числе и на уровне высшей судебной инстанции.

Например, Х. признан виновным в том, что имея умысел на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере, незаконно приобрел наркотическое средство героин массой не менее 4,75 грамм и расфасовал его во фрагменты фольгированной бумаги, а затем дважды в течение одного дня сбыл два пакетика героина одному и тому же лицу. Действия Х. были квалифицированы по совокупности преступлений. Президиум Верховного Суда РФедерации признал квалификацию содеянного правильной, указав, что при наличии таких данных, когда не установлен предварительный сговор с Т. на приобретение всего имевшегося у Х. героина, когда покушения на сбыт наркотических средств имели место при различных обстоятельствах, в разных местах и в разное время, нет оснований полагать, что совершено единое продолжаемое преступление[8].

Обоснование позиции Верховного Суда Российской Федерации в данном конкретном случае не связано с критериями разграничения единичного продолжаемого преступления и совокупности преступлений, поэтому не может быть признано убедительным: ни сговор с приобретателем наркотиков, ни место совершения преступления, ни незначительный разрыв во времени не могут свидетельствовать о совершении совокупности преступлений. Совершенно справедливо Д. А. Гарбатович, анализируя данное постановление, отметил, что

---

[4] Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: ИКД "Зерцало-М", 2002. С. 513–514.

[5] Зенкин А.Н. Квалификация и признаки единого продолжаемого преступления в зависимости от вида преступления // Российская юстиция. 2016. N 8.

[6] Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. С. 651.

[7] Становский М. Понятие продолжаемого преступления // Российская юстиция. № 11, 1995.

[8] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28.10.2008 N 236-П08. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

само по себе совершение действий в разных местах и в разное время не является основанием для признания деяний нетождественными. Главное, что эти деяния совершены одним способом и объединены единым умыслом, что должно квалифицироваться как единое продолжаемое преступление[9].

Но А. Ф. Залов, рассматривая тот же пример и поддерживая позицию Президиума Верховного Суда Российской Федерации, во всех аналогичных случаях предлагает исследовать «психические процессы восприятия индивидом своего противоправного поведения, в частности, выявлять те факторы объективной действительности, которые связывают в его сознании отдельные поступки в одну неразрывную цепь, заставляют его считать последующие действия продолжением предыдущих, а все их вместе – единой нераздельной деятельностью. Таким образом, по конкретному делу важно обнаружить обстоятельства, обладающие таким психологическим эффектом, и, уже опираясь на них, пытаться устанавливать признаки исследуемой категории деяний»[10].

Соглашаясь с позицией суда по делу Х., автор приводит следующие аргументы: 1) Х. занимался продажей нелегальных веществ систематически, следовательно, указанное вещество он также приобретал регулярно; 2) в момент реализации наркотиков сбытчик мог и не знать, какое количество героина у него осталось и для сбытчика это не имело значения; 3) умысел виновного был направлен на сбыт наркотика здесь и сейчас и именно на тот объем, который в конкретный момент реализуется; 4) внимание индивида «акцентировано» на самом факте сбыта наркотика; 5) реализация одной воли – одно посягательство[11].

Аргументов много, но ни один из них не выдерживает критики.

Если лицо систематически приобретает и сбывает наркотики, то это свидетельствует о преступной деятельности, но не избавляет правоприменителей от необходимости в каждом конкретном случае устанавливать имело ли место продолжаемое преступление либо совокупность преступлений. Знал ли сбытчик в момент очередного сбыта, какое количество наркотического средства еще не реализовано юридического значения не имеет. При продолжаемом преступлении умысел сбытчика направлен не только на сбыт определенного количества наркотика в каждом случае сбыта, но и на достижение конечной цели: сбыта всей партии приобретенного наркотика. Каждый из эпизодов продолжаемого преступления содержит признаки уголовно-наказуемого деяния, в том числе, с субъективной стороны совершается с прямым умыслом, поэтому и внимание сбытчика «акцентировано на самом факте сбыта». Волевой момент при наличии прямого умысла в формальных составах преступлений, каковым является сбыт наркотиков, заключается в желании совершить само действие, т.е. сбыт. И если при совокупности преступлений это желание возникает и реализуется применительно к одному эпизоду сбыта, а позже вновь возникает и реализуется применительно к другому эпизоду, то при продолжаемом сбыте желание реализовать всю партию наркотиков возникает до или в момент ее приобретения, но реализуется поэтапно. Поскольку каждый эпизод единичного продолжаемого преступления содержит все признаки состава преступления, постольку и воля лица, т.е. его желание совершить преступное деяние,

.[9] Гарбатович Д. А. Проблемы квалификации множественности преступлений при сбыте наркотических средств // Наркоконтроль. 2009. № 4. С. 37–39.

[10] Залов А. Ф. Проблемы квалификации продолжаемых наркопреступлений // Законность. 2014. № 2.

[11] Там же.

направлена как на совершение конкретного эпизода сбыта, так и на сбыт всей партии наркотика.

Безусловно, для квалификации сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, наркосодержащих растений либо их частей как единичного продолжаемого преступления необходимо установить, что указанные предметы преступления приобретались лицом в определенном размере при наличии общей цели и единого умысла на сбыт всего количества приобретенного наркотического средства, психотропного вещества, их аналога, наркосодержащих растений либо их частей, а преступное деяния складывалось из ряда тождественных преступных действий. Для признания отдельных эпизодов сбыта тождественными действиями не имеет значения, сбывались наркотики одному и тому же лицу либо разным лицам, так как это не влияет на оценку действий как тождественных. Не имеет значения также размер наркотика, сбываемого в каждом конкретном случае, так как умысел сбытчика направлен на сбыт всей партии наркотического средства или другого предмета преступления.

Как в теории, так и в правоприменительной деятельности не существует единого подхода к квалификации содеянного при частичной реализации умысла, если осуществлен сбыт части приобретенного в этих целях наркотика.

В первоначальной редакции п. 13 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ содержалась следующая рекомендация: «В случае, когда лицо, имея умысел на сбыт наркотических средств … в крупном или особо крупном размере, совершило такие действия в несколько приемов, реализовав лишь часть имеющихся у него указанных средств или веществ, не образующую крупный или особо крупный размер, все содеянное им подлежит квалификации по части 3 статьи 30 УК РФ и соответствующей части статьи 228.1 УК РФ».

Казалось бы, данное положение соответствует теоретическому подходу о правилах квалификации преступлений в случаях частичной реализации умысла. Вместе с тем, в судебной практике наметилась иная тенденция.

В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 N 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях" содержится следующая рекомендация: «Если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере». Такая позиция высшей судебной инстанции представляется противоречащей не только теоретическим основам квалификации преступления и вызывает обоснованную критику ученых[12], но и уголовному закону, который в ч. 1 ст. 29 УК РФ закрепляет положение о том, что преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом. Очевидно, что это положение касается не только

[12] Лопашенко Н. О некоторых проблемах понимания и толкования взяточничества и коммерческого подкупа (квалификационные проблемы) // Уголовное право". 2013. N 5; Иногамова-Хегай Л. Сложные вопросы квалификации служебных преступлений, требующие разрешения в Постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. 2013. N 5; Щепельков В. Некоторые проблемы квалификации получения взятки // Уголовное право". 2013. N 5 и др.

преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена основными составами, но и квалифицированных составов преступлений.

Анализируя проблемы, связанные с моментом окончания продолжаемого преступления, В. Коняхин и Д. Чикин обоснованно приходят к выводу, что момент юридического окончания продолжаемого преступления, которое совершается с конкретизированной целью, имеющей уголовно-правовое значение, следует определять с учетом параметров этой цели: если уголовно-правовое значение имеют количественные параметры цели - продолжаемое преступление необходимо считать юридически оконченным с момента достижения этой цели в объеме, имеющем уголовно-правовое значение[13].

При сбыте одной партии наркотиков в несколько приемов преследуется цель реализации всей массы приобретенного наркотического средства или другого предмета преступления, а это означает наличие конкретизированного умысла относительно юридически значимого признака: размера предмета преступления, что учитывается при квалификации преступления. При этом, в соответствии с ч. 1 ст. 29 УК РФ, сбыт наркотика в значительном крупном или особо крупном размере может считаться оконченным преступлением лишь в случае его фактического сбыта в соответствующем размере, поскольку размер предусмотрен в качестве конструктивного признака соответствующего квалифицированного вида преступления.

Вместе с тем, деяние должно квалифицироваться как окоченное преступление, если юридически значимые размеры приобретенных с целью сбыта наркотиков и частично реализованных совпадают. Например, при приобретении наркотиков в крупном размере с целью сбыта, если часть реализованных наркотиков уже образует крупный размер. В этом случае совпадают количественные параметры предмета преступления, который был фактически реализован, и юридические, определяющие момент окончания преступления.

При пресечении действий лица, сбывающего наркотическое средство в несколько приемов, и проведении последующих следственных действий из незаконного оборота нередко изымается та часть наркотического средства, которую виновный не успел реализовать, в связи с чем возникает вопрос о возможной совокупности преступлений: незаконного сбыта или покушения на сбыт реализованной части наркотика и приготовлении к сбыту изъятой части. Поскольку речь идет о продолжаемом преступлении, приготовление к совершению которого началось в момент приобретения и хранения общего количества (реализованного и нереализованного) наркотического средства, последующая стадия совершения преступления охватывает предыдущую и, следовательно, квалификация по совокупности преступлений исключается.

Квалификация по совокупности преступлений возможна, если совершены действия по реализации части наркотиков, а цель сбыта изъятых при последующем обыске (или при проведении других следственных действий) наркотиков не установлена. Если изъятые дополнительно наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, наркосодержащие растения либо их части образуют значительный, крупный или особо крупный размер, их хранение квалифицируется по соответствующей части ст. 228 УК РФ.

---

[13] Коняхин В., Чикин Д. Юридическое окончание продолжаемого преступления. // Уголовное право. 2013. № 2.

Таким образом, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, наркосодержащих растений или их частей в несколько приемов при доказанности умысла на сбыт всего количества приобретенных в этих целях наркотических средств или других предметов преступления, совершаемый юридически тождественными действиями, представляет собой продолжаемое преступление.

2. Квалификация преступления как оконченного или как покушения на сбыт зависит от совпадения или несовпадения юридически значимых размеров фактически реализованных и предназначенных к реализации наркотиков.

3. В случае реализации части предназначенного к сбыту наркотического средства или иного предмета преступления и изъятия нереализованной части совокупность преступлений отсутствует.

Список использованных источников

1. Гарбатович, Д. А. Проблемы квалификации множественности преступлений при сбыте наркотических средств // Наркоконтроль. 2009. № 4. С. 37–39.

2. Залов, А. Ф. Проблемы квалификации продолжаемых наркопреступлений // Законность. 2014. № 2.

3. Зенкин, А. Н. Квалификация и признаки единого продолжаемого преступления в зависимости от вида преступления // Российская юстиция. 2016. № 8.

4. Коняхин, В., Чикин Д. Юридическое окончание продолжаемого преступления. // Уголовное право. 2013. № 2.

5. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: ИКД "Зерцало-М", 2002. С. 513–514. 624 с.

6. Полный курс уголовного права: В 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. 1133 с.

7. Становский, М. Понятие продолжаемого преступления // Российская юстиция. № 11, 1995.

8. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1994. 380 с.

Дата поступления статьи – 13.09.2017.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с квалификацией сбыта наркотиков в случаях их реализации в несколько приемов при условии, что умысел направлен на реализацию всего количества приобретенного в этих целях наркотика. Обращается внимание на объективные и субъективные признаки, свойственные продолжаемому преступлению. Анализируются вопросы, касающиеся момента окончания продолжаемого преступления, а также возможность квалификации по совокупности преступлений сбыта наркотического средства и приготовления к сбыту.

The article discusses the problems associated with the qualification of the sale of drugs or other items of crime, provided ruined article 228.1 of the criminal code, in cases of their realization in several stages provided that the intent is aimed at implementing the entire quantity purchased-tion in order drugs. Attention is drawn to the objec-tive and subjective characteristics continue a crime-NIJ. Analyzes the issues concerning the end of prodoljai-direct crime, as well as the possibility of qualifying for multiple offenses of distribution of narcotic drugs and preparations to sell.

ПРЕСТУПНАЯ ХАЛАТНОСТЬ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ СМЕРТИ

Мелешко Д.А.

Анализ практики применения ст. 293 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) свидетельствует о наличии трудностей, возникающих у следственных и судебных органов при квалификации случаев неисполнения или ненадлежащего исполнения должностными лицами (сотрудниками органов опеки и попечительства, подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, образовательных организаций) своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, повлекших по неосторожности смерть детей.

Преступная халатность указанных должностных лиц выражается, как правило, в непринятии ими необходимых мер по своевременному обеспечению и защите прав и законных интересов детей, воспитываемых в неблагополучных семьях или переданных на воспитание в приемные семьи, при наличии к этому достаточных оснований. По информации Следственного комитета Российской Федерации только в 2016 году преступления в отношении приемных детей совершены в 86 замещающих семьях [1].

По мнению некоторых правоприменителей, квалификация халатных деяний, способствовавших наступлению смерти несовершеннолетнего, по ч. 2 ст. 293 УК РФ невозможна, если за наступление этих же последствий к уголовной ответственности параллельно привлекаются лица, непосредственно причинившие смерть ребенку (как правило, речь идет о родителях или опекунах). Представляется, что решение данного вопроса не должно быть столь категоричным.

Из анализа диспозиции ст. 293 УК РФ следует вывод о том, что данное преступление может быть совершенно исключительно с неосторожной формой вины: лицо предвидит возможность наступления опасных последствий деяния, совершенного им вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение (легкомыслие) либо не предвидит возможности наступления опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть (небрежность).

Помимо неосторожной формы вины, специфика рассматриваемого состава преступления заключается в специальном статусе субъекта, обладающего властными, организационно-распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями. Должностные лица в процессе своей деятельности реализуют контрольные, надзорные, «обеспечивающие» функции, что позволяет говорить о возможности привлечения таких субъектов к уголовной ответственности по ст. 293 УК РФ даже в тех случаях, когда одновременно за непосредственное причинение тех же общественно-опасных последствий к уголовной ответственности привлекаются иные лица.

Последствия преступной халатности (крупный ущерб, существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, тяжкий вред здоровью или смерть человека) могут наступать не только *по причине* допущенных должностным лицом

упущений, но и *в связи* с такими упущениями. Отсутствие в последнем случае прямой причинно-следственной связи между деянием и последствием не является препятствием для квалификации, поскольку теория уголовного права допускает косвенный характер причинной связи в преступлениях с неосторожной формой вины [2, с. 56; 3, с. 468].

В этой связи критической оценке подлежит заключение, содержащееся в одном из решений Верховного Суда Республики Алтай. Отменяя обвинительный приговор и оправдывая подсудимого, суд апелляционной инстанции указал, что обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ, является *наличие прямой причинно-следственной связи* между деянием виновного и наступившими последствиями. Для определения указанного состава преступления необходимо, чтобы именно ненадлежащее выполнение своих обязанностей виновным лицом явилось *основной причиной* смерти человека [4]. Полагаем, что такой подход основан на ограничительном толковании уголовного закона.

Нормативным подтверждением сделанных выводов является формулировка диспозиций большинства статей, предусматривающих ответственность за совершение преступлений с неосторожной формой вины, в том числе и ст. 293 УК РФ, где законодатель для описания причинно-следственной связи между деянием и последствием использует глагол «повлекло», а не «причинило». Использование такого приёма в законе указывает на возможность опосредованной и многоступенчатой причинно-следственной связи. Её опосредование может быть связано либо с нейтральными факторами (к примеру, силами природы), либо с преступными действиями иных лиц. При этом вклад и первичной причины, и привходящих факторов в развитие механизма причинения вреда должен подлежать индивидуальной оценке исходя из конкретных обстоятельств произошедшего.

Во всех случаях необходимо устанавливать, чьими действиями или бездействием создан тот или иной фактор, существенна или несущественна его роль, заслуживает она учета в механизме причинения вреда или не заслуживает в силу малозначительности вклада. Важно, что уголовная ответственность для лица, допустившего халатность, может наступать лишь тогда, когда совершенные им действия (бездействие) образовывали *необходимое условие* причинения указанных в уголовном законе последствий, т.е. когда действия (бездействие) этого лица были обязательны для причинения вреда. Так, Верховный Суд Российской Федерации, оценивая законность привлечения лица к уголовной ответственности по сходной категории уголовных дел, указал, что по смыслу положений ч. 2 ст. 109 УК РФ *несовершение необходимого действия либо совершение запрещаемого действия должно быть обязательным условием наступившего последствия, т.е. таким условием, устранение которого (или отсутствие которого) предупреждает последствие* [5].

Кроме того, деяние (для рассмотрения его в качестве причины или обязательного условия) должно по своим свойствам создавать *реальную возможность* наступления последствий. Если некто посылает своего недруга на курорт в надежде, что тот утонет в море (что и происходит в действительности), всякая причинная связь исключается, так как сама по себе отправка на курорт ещё не создаёт реальной опасности наступления последствия, такая опасность возникает лишь собственно в момент купания [6, с. 146].

Применительно к анализируемой категории уголовных дел сказанное означает, что совершение должностными лицами халатных деяний, повлекших по неосторожности смерть ребенка, может квалифицироваться по ч. 2 ст. 293 УК РФ тогда, когда такие *деяния выступали необходимым условием причинения смерти и существенно этому способствовали.*

В качестве примера можно привести вступивший в законную силу приговор суда района имени Лазо Хабаровского края от 13 мая 2016 г., которым Матвеева осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ [7]. Судом установлено, что Матвеева, занимая должность в муниципальной службе Хабаровского края, являясь заместителем главы района по социально-культурным вопросам, председателем Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, ненадлежащим образом исполнила свои должностные обязанности по организации работы данной комиссии, координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, организации и обеспечению контроля за соблюдением законов и муниципальных правовых актов, относящихся к ведению курируемых ей структурных подразделений администрации и курируемой ей отрасли, что повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства, а также по неосторожности смерть человека.

Так, на протяжении длительного периода несовершеннолетние дети Ивановой вследствие неисполнения матерью обязанностей по содержанию и воспитанию детей находились в обстановке, представляющей непосредственную угрозу и опасность для их жизни и здоровья, в обстановке, не отвечающей требованиям к их воспитанию и содержанию, а сама семья находилась в социально-опасном положении. Информация о положении детей в семье была достоверно известна Матвеевой из протоколов об административных правонарушениях. Несмотря на это, она, являясь должностным лицом, наделённым широким кругом полномочий организационно-распорядительного характера, будучи обязанной принимать меры, предусмотренные законодательством, для охраны прав детей, не организовала проведение заседаний Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, не направляла информацию в орган опеки и попечительства для отобрания несовершеннолетних детей, для принятия судебного решения о лишении или ограничении родительских прав, сама не инициировала такую процедуру.

В результате ненадлежащего исполнения Матвеевой своих должностных обязанностей наступила смерть малолетней Б., а также причинен легкий вред здоровью малолетней В.

Непосредственной причиной наступления трагических последствий явилось то, что Иванова, злоупотребляя алкогольными напитками, оставила малолетних беспомощных детей одних в нетопленном доме на несколько суток, чем обрекла их на особые физические страдания от действия низких температур и голода. В результате умышленных действий Ивановой малолетняя Б. умерла от голода и общего переохлаждения организма, малолетней В. был причинён лёгкий вред здоровью в виде отморожения пальцев стоп.

По мнению суда, своевременное изъятие малолетних Б. и В. из семьи Ивановой, помещение их в специальное медучреждение, инициация вопроса об отобрании детей, ограничении (лишении) родительских прав, а также

своевременная постановка семьи Ивановой на учет в орган опеки и попечительства, проведение соответствующей профилактической работы исключило бы наступление указанных последствий.

Хабаровским краевым судом приговор суда первой инстанции в отношении Матвеевой оставлен без изменения [8]. Иванова привлечена к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 115 УК РФ [9].

Таким образом, привлечение к уголовной ответственности лиц, непосредственно причинивших смерть ребёнку, не исключает возможности учета наступивших общественно-опасных последствий при квалификации случаев неисполнения или ненадлежащего исполнения должностными лицами (сотрудниками органов опеки и попечительства, а равно иными субъектами профилактики правонарушений несовершеннолетних) своих обязанностей по ст. 293 УК РФ.

В завершение отметим, что изменение ведомственной принадлежности должностных лиц (будь то сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации [10, 11], Министерства внутренних дел Российской Федерации [12], Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [13, 14] и др.), равно как и изменение существа исполняемых ими обязанностей не влияют на общий положительный вывод о возможности привлечения данных субъектов к уголовной ответственности по ст. 293 УК РФ в случаях, когда одновременно за непосредственное (как умышленное, так и неосторожное) причинение тех же общественно-опасных последствий осуждаются иные лица.

Список использованных источников

1. Председатель СК России провел совещание по вопросам предупреждения преступлений в отношении детей // Официальный сайт Следственного комитета России [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://sledcom.ru/news/item/1149013/. – Дата доступа: 10.06.2017.
2. Церетели, Т.В. Причинная связь в уголовном праве / Т.В. Церетели – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1957. – 276 с.
3. Курс уголовного права: Учение о преступлении. Общая часть: Учебник. Т. 1 / Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С., Крылова Н.Е., Кузнецова Н.Ф.; под ред.: Кузнецова Н.Ф., Тяжкова И.М. – М.: Зерцало, 2006. – 592 с.
4. Апелляционный приговор Верховного Суда Республики Алтай от 15 декабря 2016 г. № 22-716/2016 // Интернет-сайт «РосПравосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-verxovnyj-sud-respubliki-altaj-respublika-altaj-s/act-537528087. – Дата доступа: 10.06.2017.
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 03 марта 2015 г. № 13-УД15-1 // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2015 г.). – М., 2015.
6. Уголовное право России. Общая часть / В.Н. Кудрявцев [и др.]; под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. – М.: Юристъ, 2006. – 540 с.
7. Приговор суда района имени Лазо Хабаровского края от 13 мая 2016 г. №1-3/2016 (1-241/2015) // Интернет-сайт «РосПравосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-sud-rajona-imeni-lazo-xabarovskij-kraj-s/act-502485026/. – Дата доступа: 10.06.2017.

8. Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 28 июля 2016 г. № 22-2359/2016 // Интернет-сайт «РосПравосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-xabarovskij-kraevoj-sud-xabarovskij-kraj-s/act-532601665/. – Дата доступа: 10.06.2017.
9. Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 03 марта 2015 г. №22-585/2015 // Официальный сайт Хабаровского краевого суда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kraevoy--hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1566744&delo_id=4&new=4&text_number=1&case_id=37333. – Дата доступа: 10.06.2017.
10. Кассационное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 07 февраля 2013 г. № 22-202 // Интернет-сайт «РосПравосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-verxovnyj-sud-respubliki-saxa-yakutiya-respublika-saxa-yakutiya-s/act-474498372/. – Дата доступа: 10.06.2017.
11. Приговор Хангаласского районного суда Республики Саха (Якутия) от 10 декабря 2012 г. № 1-136/2012 // Интернет-сайт «РосПравосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-xangalasskij-rajonnyj-sud-respublika-saxa-yakutiya-s/act-456550838/. – Дата доступа: 10.06.2017.
12. Приговор Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 27 мая 2013 г. № 1-446/2013 // Интернет-сайт «РосПравосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-nalchikskij-gorodskoj-sud-kabardino-balkarskaya-respublika-s/act-490737234/. – Дата доступа: 10.06.2017.
13. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 31 октября 2013 г. № 22-696 // Интернет-сайт «РосПравосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-verxovnyj-sud-respubliki-altaj-respublika-altaj-s/act-472396854/. – Дата доступа: 10.06.2017.
14. Приговор Турочакского районного суда Республики Алтай от 12 августа 2013 г. № 1-38/2013 // Интернет-сайт «РосПравосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rospravosudie.com/court-turochakskij-rajonnyj-sud-respublika-altaj-s/act-457916297/. – Дата доступа: 10.06.2017.

Дата поступления статьи – 17.07.2017.

В статье анализируется возможность квалификации халатных деяний, способствовавших наступлению смерти несовершеннолетнего, по ст. 293 УК РФ в тех случаях, когда за наступление этих же последствий к уголовной ответственности параллельно привлекаются лица, непосредственно причинившие смерть ребенку (как правило, речь идет о родителях или опекунах). Автор утверждает, что последствия преступной халатности могут наступать не только по причине допущенных должностным лицом упущений, но и в связи с такими упущениями. Отсутствие в последнем случае прямой причинно-следственной связи между деянием и последствием не является препятствием для квалификации, поскольку теория уголовного права допускает косвенный характер причинной связи в преступлениях с неосторожной формой вины. Проанализировав судебную практику, автор приходит к выводу, что привлечение к уголовной ответственности лиц, непосредственно причинивших смерть ребёнку, не исключает возможности учета наступивших общественно-опасных последствий при квалификации случаев неисполнения или ненадлежащего исполнения должностными лицами (сотрудниками органов опеки и попечительства, а равно иными субъектами профилактики правонарушений несовершеннолетних) своих обязанностей по ст. 293 УК РФ.

The article analyzes the possibility of qualifying the negligent acts contributed to the death of minors, under article 293 of the criminal code in cases when the onset of the same

consequences to criminal liability in parallel, involved person, directly caused the death of the child (usually we are talking about parents or guardians). The author argues that the consequences of negligence can be the result of official shortcomings, but with such omissions. The absence in the latter case, a direct causal connection between act and consequence is not an obstacle to qualification, because the theory of criminal law allows for indirect causation in crimes with a reckless form of guilt. Analysis of judicial practice the author comes to the conclusion that the criminal prosecution of persons who directly caused the death of the child, does not exclude the possibility of accounting for socially dangerous consequences in the classification of cases of non-performance or improper performance by officials (employees of bodies of guardianship and guardianship, as well as other subjects of prevention of offenses of minors) their duties under article 293 of the criminal code.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОДКУП СВИДЕТЕЛЕЙ И ИНЫХ УЧАСТНИКОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Павловская Н.В.

Уголовная ответственность за подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода установлена в ч. 1 ст. 309 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Ежегодно за совершение этого преступления в России осуждается от одного до трех десятков человек (по данным формы 10-а Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»). Так, в 2003 г. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 309 УК РФ, по основной квалификации было осуждено всего 7 человек, еще 6 – по дополнительной; в 2004 г. – 12 и 10 человек соответственно; в 2005 г. – 12 и 7; в 2006 г. – 20 и 4; в 2007 г. – 8 и 7; в 2008 г. – 9 и 3; в 2009 г. – 17 и 5; в 2010 г. – 11 и 4; в 2011 г. – 15 и 6; в 2012 г. – 15 и 10; в 2013 г. – 10 и 10; в 2014 г. – 16 и 16; в 2015 г. – 7 и 9. Таким образом, всего за 13 лет по основной и дополнительной квалификации за совершение рассматриваемого преступления в России было осуждено 256 человек.

Учитывая высокую латентность названного преступления, многие специалисты приходят к выводу, что подкуп свидетелей, потерпевших и иных участников судопроизводства в настоящее время достаточно широко распространен. Например, результаты проведенного Зеренковым Э.В. экспертного опроса среди судей, следователей и прокуроров показали, что латентность такого рода преступлений составляет 95 % [1, с. 15].

Следует полностью согласиться с тем, что «Статистические данные о количестве преступлений, содержащих признаки подкупа, необходимо оценивать с учетом их высокой латентности. Поэтому отсутствие статистической распространенности соответствующих деяний не должно служить доводом в пользу их декриминализации» [2, с. 15].

В ходе проведения исследования было изучено 84 обвинительных приговора в отношении 89 лиц, признанных виновными в совершении подкупа свидетелей и иных лиц, указанных в ст. 309 УК РФ. Анализ данных, содержащихся в указанных

приговорах, показал, что большинство случаев подкупа касаются участников уголовного судопроизводства (92 % изученных приговоров). Из всего массива изученных приговоров нашлось лишь два случая подкупа участников гражданского судопроизводства.

Результаты исследования показали, что в более чем половине случаев (57 %) подкуп предназначается свидетелям преступлений; также в более чем одной трети случаев подкуп передается потерпевшим от тех или иных преступных посягательств (35 %). Экспертов, участвующих в уголовном судопроизводстве, пытаются подкупить не так часто – всего в 5,5 % случаев по изученным приговорам.

Уместно заметить, что отечественные специалисты по уголовному праву и криминологи не раз высказывались о необходимости включения в ст. 309 УК РФ и иных специальных потерпевших, что представляется обоснованным. Так, Борисов В.И. предлагает дополнительно установить ответственность за подкуп таких участников судопроизводства как гражданский истец, гражданский ответчик, лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый [3, с. 15].

Результаты проведенного исследования показали, что чаще всего подкуп передается непосредственно обвиняемыми в совершении различных преступлений в своих собственных интересах (61 %). Подкуп же в интересах третьих лиц составляет 30 % от всех проанализированных случаев. В том числе в 16 % случаев подкуп передавали супруги, сожители, родители или иные родственники лиц, обвиняемых в совершении тех или иных преступлений, в 8 % случаев – адвокаты таких лиц, а в 6 % – сотрудники правоохранительных органов.

Следует отметить, что 75 % лиц, признанных виновными по изученным приговорам в подкупе свидетелей и иных лиц, указанных в ст. 309 УК РФ, составили мужчины. Соответственно женщины составили 25 % лиц, признанных виновными в рассматриваемом преступлении, в основном это как раз те случаи, когда подкуп передавался для освобождения от уголовной ответственности мужа, сына или другого родственника.

Предметом подкупа чаще всего являются деньги, но иногда встречаются случаи передачи подкупа в виде еды и спиртных напитков, мобильных телефонов, предоставления или аренды жилья. Наиболее крупные размеры подкупа по изученным приговорам составили: 100 тыс. долларов США, предназначавшиеся свидетелю ряда тяжких и особо тяжких преступлений (ст.ст. 111, 105, 209, 210 и др. УК РФ); 800 тыс. руб.– свидетелю поджога торгового центра, в результате которого погибли более 20 человек; 500 тыс. руб. – свидетелю по делу о получении взятки; 300 тыс. руб. – потерпевшей по делу об изнасиловании; 100 тыс. руб. – свидетелю по делу о сбыте наркотиков. В целом подкуп в размере 50 и 30 тыс. руб. в материалах изученной судебной практики встречался чаще всего.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о высокой общественной опасности тех преступлений, свидетелям которых (потерпевшим от которых) предназначался подкуп. Так, по изученным приговорам 37 % случаев подкупа касались уголовных дел о преступлениях против собственности (часто встречались такие преступления как кража, грабеж, разбой, мошенничество); 12 % случаев составили преступления против жизни и здоровья (убийство, причинение смерти по неосторожности, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью); 9 % случаев – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков; 8 % –

преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности; по 5 % – коррупционные преступления и преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ.

Следует отметить, что, несмотря на очевидность коррупционной сущности самого понятия «подкуп», действующее российское законодательство о противодействии коррупции не относит рассматриваемое преступление к числу коррупционных.

Понятие «коррупция», закрепленное в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», содержит указание на такие деяния как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, а также на иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. Коррупцией признается также и совершение этих деяний от имени или в интересах юридического лица.

При этом перечень конкретных статей УК РФ, подпадающих под это определение, а также критерии отнесения тех или иных преступлений к числу коррупционных устанавливаются совместным указанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России. В 2016 г. это указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 797/11, МВД России № 2 от 13.12.2016 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

К таким критериям относятся: наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, которыми являются должностные лица, указанные в примечаниях к ст. 285 УК РФ, лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, действующие от имени юридического лица, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, указанные в примечаниях к ст. 201 УК РФ; связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей; обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц); совершение преступления только с прямым умыслом.

В соответствии с этим указанием деяния, ответственность за которые предусмотрена ст. 309 УК РФ, могут считаться преступлениями коррупционной направленности в соответствии с международными актами при наличии в статистической карточке основного преступления отметки о его коррупционной направленности.

Следует отметить, что имеются в виду случаи подкупа свидетелей и иных участников судопроизводства только по делам об иных коррупционных преступлениях или правонарушениях. Это правило основано на положениях международных антикоррупционных документов о защите заявителей о коррупции, например, ст. 25 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции закрепляет обязательство государств-участников принимать такие

законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемых умышленное применение физической силы, угроз или запугивания, или обещание, предложение, или предоставление неправомерного преимущества с целью склонения к даче ложных показаний, или вмешательства в процесс дачи показаний, или представления доказательств в ходе производства в связи с совершением преступлений, признанных таковыми в соответствии с указанной Конвенцией.

Таким образом, подкуп свидетелей и прочих лиц, указанных в ст. 309 УК РФ, показания (заключения, переводы) которых осуществляются в связи с иными делами (уголовными, гражданскими и иными), не имеющими отношения к коррупции, к числу преступлений коррупционной направленности относиться не могут.

Действительно, исходя из примечания к ст. 285 УК РФ, положение этих субъектов нельзя признать должностным, поэтому и передача им незаконного вознаграждения не может считаться дачей взятки, а получение ими такого вознаграждения – получением взятки.

Следует отметить, что в Конвенции ООН против коррупции, в отличие от российского законодательства, используется понятие «публичные должностные лица», которое значительно шире по содержанию. Оно включает, помимо должностных, любых других лиц, которые выполняют какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляют какую-либо публичную услугу.

Такое понимание субъекта коррупционных преступлений дает основание считать свидетелей, потерпевших, экспертов, специалистов и переводчиков лицами, выполняющими публичную функцию. Так, их правовое положение всегда регламентировано соответствующим процессуальным законодательством, которое наделяет их определенными правами и обязанностями. Более того, давать правдивые показания (заключения, переводы) для них обязанность, причем ее невыполнение влечет не просто ответственность, а именно уголовную. Так, ст. 307 УК РФ предусматривает ответственность за заведомо ложные показание свидетеля, потерпевшего либо заключение или показание эксперта, показание специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо при производстве предварительного расследования. В ст. 308 УК РФ установлена ответственность и за отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний либо уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования (кроме случаев отказа от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников).

Такой подход позволяет рассматривать свидетелей и иных участников судопроизводства, указанных в ст. 309 УК РФ, именно как должностных или публичных должностных лиц, и относить подкуп таких лиц к числу преступлений коррупционной направленности.

Следует отметить, что сущность подкупа, будь то коммерческий подкуп, или взяточничество, или иные виды подкупа, всегда заключается в том, что это двусторонняя сделка, в которой обоюдно заинтересованы две стороны, двое участников – дающий незаконное вознаграждение и принимающий его. В связи

с этим представляется нелогичным отсутствие в УК РФ ответственности за принятие рассматриваемой разновидности подкупа.

Согласно результатам исследования, проведенного Нямнясевой В. В., уголовная ответственность свидетеля за получение или вымогательство взятки за дачу показаний или обещание дать показания, а также за согласие принять взятку предусмотрена американским законодательством: уголовной ответственности подлежит тот, кто прямо или косвенно просит, требует, домогается получения, принимает или получает, или соглашается принять какие-либо ценности для себя за дачу им показаний под присягой или заявление, приносимое им в качестве свидетеля, или за обещание в будущем совершить указанные действия в любом слушании, рассмотрении дела или иных процедурах, или за отсутствие на каких-либо из указанных процедур [4, с. 231].

Представляется, что ответственность за получение подкупа свидетелями, потерпевшими, экспертами, специалистами и переводчиками можно было бы предусмотреть непосредственно в ст. 309 УК РФ. Такое мнение поддерживают и некоторые специалисты в области уголовного права и криминологии [5, с. 12].

В заключение следует отметить, что подкуп свидетелей, потерпевших, экспертов, специалистов и переводчиков, в каком бы виде судопроизводства они не выступали, всегда направлен против интересов государства, от имени которого осуществляется правосудие. Изменение оценки этого деяния, включение его в перечень преступлений коррупционной направленности – не просто вопрос теории права, но и одна из важнейших практических задач.

Это необходимо и для целей полного и достоверного учета коррупционных преступлений, и для анализа криминальной ситуации, и для контроля за ней. Кроме того, борьба с коррупцией в настоящее время требует воспитания граждан в духе уважения законов, формирования у них нетерпимости к различным проявлениям коррупции, в том числе к ее проявлениям, не связанным непосредственно со взяточничеством должностных лиц.

Кроме того, придание подкупу свидетелей и иных участников судопроизводства статуса преступления коррупционной направленности повысило бы значимость этого деяния для правоохранительных органов, которые, по мнению многих исследователей, недостаточно серьезно относятся к нему, не принимают необходимых усилий по выявлению и расследованию таких преступлений, изобличению виновных и привлечению их к ответственности, еще больше увеличивая тем самым латентность данной разновидности подкупа [6, с. 41–42].

Список использованных источников

1. Зеренков, Э. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты подкупа и принуждения к лжесвидетельству и уклонению от дачи показаний: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ставрополь, 1999.

2. Семенов, Д. А. Уголовно-правовая оценка подкупа: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1999.

3. Борисов, В. И. Проблемы ответственности за подкуп или принуждение лица, дающего показания, эксперта, специалиста и переводчика в российском уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2012.

4. Намнясева, В. В. Ответственность за подкуп и принуждение участников судопроизводства в уголовном законодательстве стран семьи общего права: сравнительно-правовой анализ // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 24.

5. Алилов, Г. А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006.

6. Мищенкова, И. Почему ст.ст. 307, 308, 309 УК не работают? // Законность. – 2007. – № 3.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за подкуп таких участников судопроизводства, как свидетели, потерпевшие, эксперты и специалисты. Автором приводятся не только результаты анализа данных судебной статистики, но и специально проведенного исследования судебной практики по уголовным делам, связанным с подкупом таких лиц. При этом особое внимание уделяется исследованию возможности отнесения данного вида подкупа к преступлениям коррупционной направленности. На основе сравнения действующего российского законодательства о противодействии коррупции с нормами Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, а также с учетом позиций ряда российских исследователей в области уголовного права и криминологии, делается вывод о возможности совершенствования норм об уголовной ответственности за подкуп свидетелей, потерпевших и иных участников судопроизводства.

The article considers the questions of criminal responsibility for bribery of participants in the proceedings as witnesses, victims, experts and specialists. The author gives not only the results of the analysis of data of judicial statistics, but a special study of the judicial practice on criminal cases related to bribery of such persons. Particular attention is paid to investigation of the possibility of attributing this type of bribery of crimes of corruption. Based on the comparison of the current Russian legislation on combating corruption with the norms of the Convention of United Nations against corruption, and also taking into account positions of a number of Russian researchers in the field of criminal law and criminology, the conclusion about the possibility of perfection of norms about the criminal liability for bribery of witnesses, victims and other participants in the proceedings.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ, КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: УНИФИКАЦИЯ И ОБОСОБЛЕНИЕ

Резюк В.И.

Способ совершения преступления занимает особое место во многих науках уголовно-правового или криминального цикла. Вызывая теоретический и практический интерес, способ совершения преступления как структурная единица соответствующих наук также являет и одну из проблем – отсутствие единого взгляда на его содержание в тесно связанных науках: уголовном праве, криминалистике и криминологии. Подобное положение вызывает затруднения в анализе и оценке отдельных проблем: коррупционной преступности, хищений бюджетных средств, иных.

Этимологический анализ позволяет уточнить природу термина. «Способ» происходит от греческого «συμμαχία» (пособие), латинского «sequentes» (ряд, последовательность), древне-русского «пособь» (помощь), восточно-славянского

(украинского, белорусского) «пособа» (помощь) и западно-славянских (чешского, словацкого, польского) «způsob» – с последнего заимствованный в русский язык [1].

Согласно толкования С.И. Ожегова, способ – это «действие или система действий, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь» [2], – а по мнению Т.Ф. Ефремова, – «образ действий, прием, метод для осуществления, достижения чего-либо» или «возможность, средство, реальные условия для осуществления чего-либо» [3].

Способ свойственен любому осознанному выбору и волевому поведению человека. Также каждый преступник имеет свою систему приемов, методов, направленных на достижение цели преступного деяния, обусловленных объективными и субъективными признаками (обстановкой, функциональными возможностями, нравственными установками и др.).

Учение о способе совершения преступления в теории уголовного права, основанное на исследованиях XIX в. И.Я. Фойницкого, Н.С. Таганцева, с середины XX в. рассматривалось в работах А.Н. Трайнина, В.Н. Кудрявцева. В уголовном праве под способом совершения преступления понимается совокупность приемов, методов, использованных при совершении преступного деяния. Способ совершения преступления является факультативным признаком объективной стороны, в отдельных составах – юридически значимым: обязательным или квалифицирующим.

В 1898 г. Г. Гросс отмечал: «Криминалистика по природе своей начинается лишь там, где уголовное право прекращает свою работу… Каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать их, какие были мотивы в совершении такового, какие имелись в виду цели – обо всем этом нам не говорят ни уголовное право, ни процесс» [4, с. 7]. В криминалистике способ совершения преступления рассматривается как отдельный элемент механизма совершения преступления. Р.С. Белкин отмечал значимость способа совершения преступления в криминалистике и определял его как систему «действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, предопределенных условиями внешней среды и психофизическими свойствами личности», по своему содержанию отражающим «факт существования так называемого полноструктурного способа совершения преступления, когда он объединяет способы осуществления всех стадий преступного замысла [5, с. 131–133]», выделяя при этом необходимость отличать способ совершения преступления и способ его сокрытия, но допуская и интегрированный (целостный) подход к ним [6, с. 313].

Характеризуя генезис криминалистического учения о способе, В.Ф. Ермолович отмечал, что после первых криминалистических исследований А.И. Винберга, Б.М. Шавера последующих Э.Д. Курановой, А.Н. Колесниченко, Г.Г. Зуйкова, в частности, способ совершения преступления «стал одним из самых разрабатываемых» [7, с. 37–39].

А.В. Самойлов, говоря об истории возникновения и развития института «механизм совершения преступления», наряду с иными этапами выделял и следующие:

– включение в предмет криминалистики одного из основных элементов механизма преступления – способа его совершения (конец XIX – 40-е гг. XX в.);

– появление научного понятия «Механизм совершения преступления», исследование способов подготовки, совершения и сокрытия преступления (конец 70-х – начало 80-х гг. XX в.) [8].

В криминологии способ совершения преступления рассматривается не просто как элемент механизма преступного поведения, но и, уточнено, его части – планирования преступления. По мнению Г.Г. Шиханцова, планирование как звено преступного поведения зависит от личности преступника, текущей обстановки и включает три элемента (выбор цели, выбор объекта посягательства и определение средств достижения цели), а способом совершения преступления следует считать «совокупность приемов, используемых преступником при реализации своих намерений» [9]. По мнению Ю.М. Антоняна, поведение преступника обусловлены природными задатками, воспитанием, социализацией, жизненной ситуацией, влияющими на его активность и мотивацию, трансформирующимися в отдельные действия или их цепь [10].

Как отмечал А.В. Самойлов, механизм совершения преступления, следовательно и один из его элементов – способ совершения преступления, в криминологическом аспекте начал рассматриваться в 70-е гг. XX в. [8].

Вместе с тем, должного внимания и развития способ совершения преступления как отдельное понятие или институт в криминологии не получил. В советский период, характеризующийся стремительным развитием уголовного права и криминалистики, как отмечал В.П. Шиенок, «отсутствовали комплексные криминологические изыскания», последствия чего «в значительной мере ощущаются и сейчас» [11, с. 90]. При этом необходимость уточнения способов совершения преступлений при криминологической характеристике структуры преступности, мер предупреждения, в частности, сомнений не вызывает.

Результаты уголовно-правовых и криминалистических исследований позволяют выделить и отдельные криминологические характеристики способа совершения преступления.

А.Е. Гучок, характеризуя модель материальной структуры преступления в виде семантической сети, отмечал «поэтапное развитие преступления» [12, с. 5], а по мнению М.В. Шкеле, следует выделять следующие признаки способа совершения преступления: положительные (совершение определенных действий, приемов) и отрицательные (несовершение действий, приемов, которые можно и необходимо было совершить) [13, с.10].

А.С. Князьков отмечал, что способ совершения преступления «выделяется как опорное образование в методике расследование преступлений задолго до появления рассматриваемой» [14, с. 51] одноименной криминалистической категории.

По мнению А.Н. Колесниченко, способ совершения преступления обусловлен и детерминирован объективными факторами, относящимся к условиям внешней среды, и субъективными, относящимся к личности преступника [15, с. 10].

И, если основные элементы криминалистической структуры способа – это поведенческие акты, то, по мнению А.В. Самойлова, можно выделить детерминирующие по отношению к основным элементы, уточняющие криминологическую характеристику способа совершения преступления, классифицируемые как:

1) объективные элементы (время, место и общая обстановка совершения преступления, объект и предмет преступного посягательства, отношения между объектом преступного посягательства и преступником, техническая оснащенность преступника, наличие сообщников и др.);

2) субъективные элементы (цель и мотив совершения преступления, психические свойства личности преступника, умения, навыки и привычки преступника, его состояние и др.) [16].

В целом, сформировавшиеся на текущий момент взгляды на способ совершения преступления, позволяют сделать следующие выводы:

– наличие развитого уголовно-правового института или учения о способе совершения преступления;

– наличие развитого криминалистического института или учения о способе совершения преступления;

– фрагментарное несистемное внимание способу совершения преступления в криминологии, наличие отдельных криминологических характеристик способа совершения преступления, но отсутствие выделенного криминологического института или учения о способе совершения преступления;

– неидентичность содержаний одноименных уголовно-правового, криминологического и криминологических понятий.

На основании выделенных особенностей можно сформулировать проблематику толкования способа совершения преступления с позиций наук криминального цикла:

1) отсутствие криминологической системы знаний о способе совершения преступления;

2) существенные отличия в уголовно-правовом, криминалистическом и криминологическом аспектах способа совершения преступления.

Возможным путем решения первой проблемы представляется формирование (криминологического) учения о способе совершения преступления, разработка, наряду с иным, в его рамках понятийного аппарата, структуры, содержания.

Поиск путей решения второй из обозначенных проблем стал предметом развернутых научных дискуссий, в рамках которых обозначены различные позиции. По мнению Н.И. Панова, уголовное право является основой для всех наук криминального цикла (уголовного процесса, криминалистики, криминологии) и решение всех вопросов, касающихся предмета их исследования, должно исходить из теории уголовного права [17]. По мнению В.П. Шиенка, в науках криминального цикла криминологическая методология «выступает в качестве фундамента, принципиального начала» [11, с. 89–90], а по мнению М.С. Рыбака, «приоритетным правом в исследовании социальной действительности пользуется криминология, как самостоятельная наука, изучающая преступность, ее причины и условия, а также разрабатывающая меры предупреждения преступности» [18].

Однако, представляется, что подобные позиции особенно важны при унификации понятий – в современной уголовной юстиции решение задачи приоритетным не является главным образом по причине того, что термин «способ совершения преступления» во всех рассматриваемых науках (уголовном праве, криминалистике и криминологии) имеет теоретический характер, а каждая из наук, даже с учетом существования фундаментальных и прикладных, все же является самостоятельной и, следовательно, самодостаточной. Положения любой из них не имеют приоритетного положения над положениями других.

Рациональным направлением представляется уточнение содержания уголовно-правового, криминалистического и криминологического понятий, выделение признаков, критериев разграничения. Обособление понятий является ответом на сложившиеся в современной юриспруденции проблемы толкования способа совершения преступления с позиций уголовного права, криминалистики, криминологии. Одним из принципиальных вопросов криминологии, в частности, является «вопрос о ключевых терминах» [11, с. 93].

И уголовное право, и криминалистика, и криминология характеризуют с позиций предмета наук.

Предметом уголовного права как отрасли права являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением деяния, определенного уголовным законом. Предметом уголовного права как науки являются также практика применения норм уголовного закона и рекомендации о правоприменении и развитии. В отдельных нормах уголовного закона закрепляются юридически значимые элементы и признаки способа совершения преступления (тайный, обман и др.).

В качестве основных признаков уголовно-правового аспекта способа совершения преступления можно выделить:

1) закрепление способа совершения преступления в уголовном законе;

2) способ совершения преступления в уголовном праве по своему содержанию может иметь усеченный характер по сравнению с его иными аспектами.

Предметом криминалистики являются закономерности, связанные с преступной деятельностью и деятельностью по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений, в частности: закономерности механизма преступления, закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерности собирания (обнаружения, фиксации, изъятия), исследования, оценки и использования доказательств.

В криминалистике оценка способа совершения преступления позволяет, с одной стороны, выделить его имеющие значение для квалификации элементы, и, с другой стороны, раскрыть преступление, выделяя при этом даже те элементы, которые в дальнейшем могут и не использоваться правоприменителем (например, касающиеся приготовления к преступлению). Учитывая рассматриваемые в криминалистике закономерности, криминалистический аспект способа совершения преступления выделяется на основании повторяющихся проявлений, а способ совершения преступления рассматривается исключительно в случае совершения уголовно-наказуемого деяния. Важно учитывать и криминалистическую структуру преступления, возможность наличия как материальных, так и идеальных следов.

В качестве основных признаков криминалистического аспекта способа совершения преступления можно выделить:

1) способ совершения преступления может отражать приготовление к преступлению, его совершение, а также сокрытие следов преступления, использование преступного результата, раскрывать логику преступного поведения;

2) оценка способа совершения преступления в криминалистике предполагает использование данных при выявлении, расследовании и раскрытии преступлений.

Предметом криминологии являются: преступность как массовое, историческое изменчивое социальное и уголовно-правовое явление, личность

преступника, причины и условия, порождающие преступность, а также предупреждение преступности как особый вид деятельности, направленный, в частности, на ее причины и условия.

Криминологический аспект способа совершения преступления в части, характеризующей непосредственно преступное деяние, может охватывать как элементы, отраженные в отдельных уголовно-правовых конструкциях (составах преступления), и только ими ограничиваться, так и их комплекс, что позволит более точно охарактеризовать структуру преступности, выделить данные о личности преступника, его потенциале, профессии, в том числе не имеющие уголовно-правового и криминалистического значения, обозначить отношение преступника к объекту и предмету посягательства, в том числе лежащее вне плоскости уголовно-правового регулирования, установить реальные причины преступлений, оценить вероятность применения выделенного способа совершения преступления и, исходя из практики, частоту его применения, выявить виктимность объекта посягательства, обнажить недостатки в деятельности по противодействию преступности, наметить эффективные предупредительные меры. При этом криминология предполагает внимание как на уже совершенных преступлениях (для характеристики личности преступника, в частности), так и на гипотетически возможных (для предупредительно-профилактической деятельности, прежде всего).

В качестве основных признаков криминологического аспекта способа совершения преступления можно выделить:

1) способ совершения преступления может охватывать все этапы преступной деятельности, не исключая отражающий ее социальную природу – формирование и возникновение умысла;

2) оценка способа совершения преступления в криминологии предполагает использование данных при реализации всего комплекса мер по противодействию преступности: выявлении, пресечении, расследовании, раскрытии и предупреждении преступлений.

Таким образом, уголовное право рассматривает способ совершения преступления в усеченном виде (выделяются исключительно юридически значимые признаки), криминалистика – в полном (могут выделяться все возможные материальные и идеальные черты), криминология – даже в расширенном (при оценке еще не реализованного преступного замысла, т.е. явления, которое, возможно, реальным не станет) по отношению к термину «способ».

Этимологический анализ термина «способ» и рассмотрение в ретроспективе уголовно-правового, криминалистического и криминологического аспектов способа совершения преступлений позволяют обратить внимание на формирование и развитие одноименных понятий, уточнить особенности их содержаний, выделить возможные решения противоречий между ними. Морфологический анализ аналогичных уголовно-правового, криминалистического и криминологического понятий показывает как общие признаки, так и их особенности, позволяет рационализировать и упорядочить обособление, оценить перспективу унификации одноименных терминов.

Обособление уголовно-правового, криминалистического и криминологического аспектов способа совершения преступления является ответом на сложившиеся проблемы и осуществляется с одновременным декларированием

необходимости сближения и унификации одноименных понятий в отдельных науках криминального цикла.

Список использованных источников:

1. Происхождение слова способ [Электронный ресурс] / Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – Режим доступа: https://vasmer.lexicography.online/с/способ. – Дата доступа: 12.02.2017.
2. Способ [Электронный ресурс] / Словарь Ожегова. – Режим доступа: http://www.ozhegov.org/words/34133.shtml. – Дата доступа: 12.02.2017.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Режим доступа: http://www.efremova.info/search/?cx=partner-pub-9930840937960329%3A6051420664&cof=FORID%3A10&ie=UTF-8&q=способ. – Дата доступа: 12.02.2017.
4. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – Новое изд., перепеч. и изд. 1908 г. – М. : ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
5. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Под ред. Р. С. Белкина, Т. В. Аверьяновой. – М.: Новый юрист, 1997. – 400 с.
6. Белкин, Р. С. Курс криминалистики: В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. – 480 с.
7. Ермолович, В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В. Ф. Ермолович. – Мн. : Амалфея, 2001. – 304 с.
8. Самойлов, А. В. Учение о механизме совершения преступления: история возникновения и развития [Электронный ресурс] / А. В. Самойлов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – №3 (15). – Режим доступа: http://scientific-notes.ru/pdf/015-053.pdf. – Дата доступа: 01.09. 2017.
9. Шиханцов, Г. Г. Криминология [Электронный ресурс] / Г. Г. Шиханцов. – ГрГУ имени Янки Купалы. – Режим доступа: http://ebooks.grsu.by/criminal/2-prichiny-i-usloviya-prestupnosti-nesovershennoletnikh-i-ikh-preduprezhdenie.htm. – Дата доступа: 01.09.2017.
10. Антонян, Ю. М. Понятие преступного поведения / Ю. М. Антонян / Криминологические проблемы преступного поведения. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1991. – С. 8.
11. Шиенок, В. П. Очерки гуманистической методологии и национальной юриспруденции : моногр. / В. П. Шиенок. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – с. 90.
12. Гучок, А. Е. Криминалистическое учение о материальной структуре преступления : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / А. Е. Гучок ; БГУ – Минск, 2001. – 47 с.
13. Шкеле, М. В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / М. В. Шкеле. – С.Пб, 2001. – 239 с.
14. Князьков, А. С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте способа и механизма / А. С. Князьков. – Томск: Вестник Томского университета. – 2011, № 1. – с. 51–64.
15. Колесниченко, А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлении / А. Н. Колесниченко. – Харьков, 1976. – 93 с.
16. Самойлов, А. В. Понятие способа совершения преступления и его роль в системе механизма совершения преступления [Электронный ресурс] / А. В. Самойлов / Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – Режим доступа: http://jurnal.org/articles/2010/uri64.html. – Дата доступа: 01.09.2017.
17. Панов, Н. И., Щур, Б. В. Междисциплинарный подход к изучению способа совершения преступления / Н. И. Панов, Б. В. Щур. – Киев: Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики. – 2013. – № 13. – с. 12–22.

18. Рыбак, М. С. Связь уголовного права и криминологии как условие успешной борьбы с преступностью [Электронный ресурс] / М. С. Рыбак / Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – Режим доступа: http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/ribak(16-07-09).htm. – Дата доступа: 12.06.2017.

Дата поступления статьи – 13.09.2017.

В статье рассматривается способ совершения преступления с позиции уголовного права, криминалистики и криминологии. В условиях отличающихся характеристик обозначаются важность и необходимость их унификации в рамках отдельного учения о способе совершения преступления, а обособление понятий рассматривается как средство решения на текущем этапе проблемы неидентичных содержаний одноименных понятий наук криминального цикла. Автором статьи предлагается научно-теоретическая основа для не получившего необходимого толкования криминологического понятия «способ совершения преступления».

The article considers the way of committing a crime from the standpoint of criminal law, criminology and criminology. In conditions of differing characteristics, the importance and necessity of their unification within the framework of a separate doctrine of the method of committing a crime are emphasized. The isolation of concepts is considered as a means of solving the problem of non-identical contents at the current stage. The author of the article proposes a scientific-theoretical basis for the not-developed Criminological Concept "The Way of Committing a Crime".

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ ПО П. «А» И П. «Е» Ч. 2 СТ. 105 УК РФ

Федышина П.В.

Как известно, в правоприменительной практике имеются сложности при квалификации убийства двух (или более) лиц, если оно было совершено способом, который может быть при определенных условиях расценен как общеопасный. Рассмотрим более подробно указанную ситуацию с целью проведения разграничения между данными составами преступления.

Согласно п.9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)», под общеопасным способом убийства следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов в местах скопления людей, отравления воды и пищи, которыми помимо потерпевшего пользуются другие люди).

Исходя из указанной рекомендации, можно сказать, что способ убийства будет общеопасным в том случае, когда он отвечает двум объективным критериям:

1. Поражающие свойства орудий или средств совершения преступления таковы, что при их применении возможно причинение смерти не только одному потерпевшему, но хотя бы еще одному лицу.

2. Окружающая обстановка совершения преступления такова, что либо при применении орудий или средств убийства в пределах их действия, помимо

потерпевшего, находится еще хотя бы один человек, либо – в случае отсроченного или долговременного действия применявшихся орудий или средств [1] – имеется вероятность доступа к ним еще хотя бы одного лица, кроме потерпевшего.

Однако для признания способа общеопасным, помимо объективных критериев, необходимо также установление субъективного отношения виновного к совершенному им деянию в виде заведомости. Обратившись к толковому словарю, выясняем, что «заведомый» означает «о чем-нибудь отрицательном: хорошо известный, несомненный» [2]. Следовательно, в уголовно-правовом смысле заведомость каких-либо действий предполагает наличие умысла, то есть обязательное осознание виновным того факта, что применяемый им способ убийства представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица.

Таким образом, при решении вопроса о наличии общеопасного способа убийства в случае, когда наступила смерть двух лиц, необходимо установить, что примененные орудия или средства заведомо для виновного могли причинить смерть еще одному лицу, кроме имеющихся двух потерпевших – как по своим поражающим свойствам, так и исходя из обстановки совершения преступления.

Так, К.В.В. проживал в многоквартирном деревянном двухэтажном доме. В процессе употребления спиртных напитков в период с 21 часа по 04 час. 04 мин. между супругами Р.Д.Б. и Р.К.В. с одной стороны и К.В.В. - с другой, возникла словесная ссора, в ходе которой на почве возникших личных неприязненных отношений у подсудимого возник умысел на их убийство путем сожжения заживо. При этом он осознавал, что такой способ причинения смерти причинит мучительные страдания потерпевшим, а также в результате развившегося пожара поставит в опасность жизнь и здоровье не только потерпевших, но и всех лиц, проживающих в двухэтажном многоквартирном деревянном доме.

Действуя с прямым умыслом и желая причинения смерти двум лицам, К.В.В. взял имевшуюся в комнате бутылку с легковоспламеняющейся жидкостью и облил содержимым из бутылки Р.Д.Б. и Р.К.В., попав при этом на деревянный пол и предметы интерьера. Затем, действуя с особой жестокостью и общеопасным способом, поджег зажигалкой облитую легковоспламеняющуюся жидкость. В результате этого одежда потерпевших, предметы интерьера, а также деревянные конструкции дома в указанной квартире, включая стены, пол, воспламенились – возник пожар, то есть неконтролируемое горение.

В результате развившегося пожара и воздействия высоких температур на организм потерпевших, а также в силу отравления угарным газом, выделяемыми продуктами горения, Р.К.В. скончалась на месте преступления, а Р.Д.К. – в медицинском учреждении.

Исследованные доказательства подтверждают, что пожар возник от умышленных действий подсудимого, который в результате возникшей ссоры с целью причинения смерти Р., облил их горючей жидкостью и поджег. При этом он действовал умышленно, осознавал, что в результате его действий потерпевшие сгорят заживо, и желал этого. Его умыслом охватывалось, что выбранный им способ убийства супругов связан с причинением им особых страданий, то есть совершается с особой жестокостью, как и то, что является общеопасным.

Верховным Судом Удмуртской Республики действия К.В.В. квалифицированы по п. п. "а", "д", "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, то есть умышленное причинение смерти двум лицам, совершенное с особой жестокостью,

общеопасным способом и по ч. 2 ст. 167 УК РФ как умышленное уничтожение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба, совершеннее путем поджога [3].

В приведенном примере виновный действует с прямым умыслом на убийство двух лиц – Р.Д.Б. и Р.К.В., осознавая при этом, что выбранный им способ (поджог) представляет опасность для жизни не только потерпевших, но и всех жильцов многоквартирного деревянного дома, то есть использует заведомо общеопасный способ совершения убийства, и его действия правильно квалифицированы судом одновременно и по п. «а», и по п. «е» ч.2 УК РФ.

Рассмотрим другую ситуацию, когда при совершении убийства двух лиц применяется способ, в котором поражающие свойства орудий или средств совершения преступления соответствуют общеопасному способу, но, исходя из обстановки, не возникает опасности для жизни иных лиц.

Обратимся за разъяснениями к упомянутому Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве». В ч. 2 п. 9 содержится следующая рекомендация: «Если в результате примененного виновным общеопасного способа убийства наступила смерть не только определенного лица, но и других лиц, содеянное надлежит квалифицировать, помимо п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ, по п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ».

Приведенная формулировка представляется не вполне удачной по причине своей неполноты. Оставлен без подробного разъяснения вопрос, как квалифицировать действия виновного, если погиб и тот, на кого осуществлялось посягательство, и, допустим, случайный прохожий, т. е. лицо, жизнь которого находилась в опасности в связи с применением общеопасного способа. Если в указанной ситуации в опасность была поставлена жизнь еще хотя бы одного лица (третьего), тогда квалификация действий не вызывает сомнения – пп. «а», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Но если погибли оба лица или все лица, чья жизнь находилась в опасности (и тот, на чью жизнь осуществлялось посягательство, и иное лицо), и в живых никого не осталось, тогда ч. 2 п. 9 указанного постановления не дает определенного ответа на вопрос о квалификации действий виновного. Среди криминалистов также отсутствует единодушие по данному вопросу. Одни авторы разделяют указанную позицию [4], другие полагают, что она является спорной [5], а одновременное вменение п. «а» и п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ возможно только в случае причинения смерти двум (или более) потерпевшим при обязательном наличии опасности для жизни иного лица [6].

Последняя позиция представляется более обоснованной и соответствующей смыслу закона. «Законодатель выделяет п. «е» ч. 2 ст. 105 УК в самостоятельный вид квалифицированного убийства не по признаку гибели двух и более лиц, а по признаку опасности для жизни других людей избранного виновным способом убийства» [7].

Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя в п. 9 указанного постановления свою позицию по поводу общеопасного способа убийства, оперирует такими понятиями как «потерпевший», «хотя бы еще одно лицо», «определенное лицо», «другие лица». Под «потерпевшим» и «определенным лицом» в данном случае следует понимать лицо или лиц, которым в результате посягательства причинена смерть. Иные лица, которые не погибли, но жизни которых угрожала опасность в результате посягательства на «потерпевшего», именуются «хотя бы еще одним лицом» и «другими лицами». Следовательно, для признания убийства двух и более

лиц совершенным общеопасным способом обязательным является наличие хотя бы одного человека, чья смерть не наступила. В противном случае общеопасный способ отсутствует, поскольку опасность для жизни двух или более лиц реализовалась в их смерти, и действия виновного охватываются п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ без дополнительного вменения п. «е».

Так, осужденным А. была подана кассационная жалоба на приговор Ленинского районного суда г. Орска Оренбургской области и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Оренбургского областного суда, которыми он был признан виновным, в частности, в совершении покушения на убийство пяти лиц общеопасным способом. Осужденный заявил, что признавая совершение убийства общеопасным способом, суд вышел за пределы предъявленного обвинения. Выводы суда о том, что кроме потерпевших другие лица также были подвергнуты опасности для жизни, носит предположительный характер и не подтверждается доказательствами по делу. Установлено, что, кроме него и потерпевших, в момент взрыва никого на улице не было.

В ходе рассмотрения жалобы А. Президиум Оренбургского областного суда разъяснил, что убийство может быть квалифицировано по п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ лишь в том случае, если опасность для жизни других людей была реальной, а не предполагаемой. Если умыслом виновного охватывалось убийство лишь конкретного лица, при этом реальной опасности подвергался только этот потерпевший, действия виновного не могут быть квалифицированы по п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Районный суд отметил, что, используя гранату РГД-5, осужденный действовал с целью убийства М.Ф.Н., К.А.А., Н.Е.С., К.А.С. и З.В.К. – то есть двух и более лиц. Покушаясь на убийство этих лиц, он взорвал гранату в месте скопления М.Ф.Н., К.А.А., Н.Е.С., К.А.С. и З.В.К., бросив ее между стоящими поблизости потерпевшими.

Описывая установленные судом обстоятельства, связанные с совершением А. покушения на убийство, суд указывает, что изначально его умысел был направлен на убийство двух лиц – М.Ф.Н. и К.А.А. которым он угрожал ножом, а после того как М.Ф.Н. выбил нож, то у осужденного возникли неприязненные отношения не только к М.Ф.Н. и К.А.А. но и к находившимся поблизости знакомым и последнего – Н.Е.С., К.А.С. и З.В.К., в связи с чем у него "сформировался устойчивый преступный умысел на убийство двух и более лиц общеопасным способом". Впоследствии, как установил суд, осужденный "с целью убийства двух и более лиц общеопасным способом, сознательно желая наступления их смерти, предвидя, что его действия повлекут смерть не только М.Ф.Н. и К.А.А. а также находящихся в непосредственной близости от них Н.Е.С., К.А.С. и З.В.К. и желая этого" взорвал гранату РГД-5 в месте скопления вышеуказанных лиц, бросив ее между стоящими поблизости потерпевшими.

В результате указанных действий А. вред здоровью был причинен только тем лицам, на жизнь которых он покушался.

Таким образом, судом установлено, что А. предвидел, что его действия повлекут смерть только тех лиц, которых он хотел убить, исходя из сформированного ранее умысла на убийство двух и более лиц, и желал этого.

При этом судом не установлено и не указано в приговоре, что действия осужденного помимо угрозы для жизни пятерых потерпевших, с которыми у него возникли неприязненные отношения, создавали реальную угрозу для жизни других лиц, и это обстоятельство им осознавалось.

Кроме того, как это видно из приведенных в приговоре доказательств, свидетелей – непосредственных очевидцев произошедшего в ходе предварительного и судебного следствия действительно установлено не было.

При указанных установленных самим же судом фактических обстоятельствах произошедшего квалификация действий А., помимо п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ, также по п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ через ч. 3 ст. 30 УК РФ, как совершение покушения на убийство двух и более лиц общеопасным способом, является неправильным применением уголовного закона, повлиявшим на исход дела,

В связи с изложенным действия А. Президиумом Оренбургского областного суда были переквалифицированы с ч. 3 ст. 30, п. п. "а, е" ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 3 ст. 30, п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ [8].

Несмотря на то, что приведенный пример касается квалификации покушения на убийства, разъяснения суда относительно применения п. «а» и п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ равным образом применимы при оконченном убийстве двух и более лиц.

Таким образом, мы видим, что правоприменитель поддерживает изложенную позицию о необходимости квалификации убийства только по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ при отсутствии опасности для жизни других лиц, помимо потерпевших, и судебная практика идет по пути отказа в подобных случаях от вменения п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Список использованных источников

1. Попов, А. Н. Убийства, совершенные с особой жестокостью, а также общеопасным способом / А. Н. Попов. – Санкт-Петербург : СПб ЮИ ГП РФ, 2001. – 211 с.

2. Толковый словарь русского языка С. Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ozhegov.com/words/8628.shtml. – Дата доступа: 10.08.2017.

3. Приговор Верховного суда Удмуртской Республики от 01.07.2015. Режим доступа : КонсультантПлюс : офиц сайт. URL : http//www.consultant.ru. – Дата доступа: 10.08.2017.

4. Бородин, С. В. Преступления против жизни – / С. В. Бородин. – Москва : Юристъ, 1999. – 356 с.

5. Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: Научно-практическое пособие [Электронный ресурс] / Под ред. А.В. Галаховой. – Москва : НОРМА, 2006. – Режим доступа : КонсультантПлюс : офиц сайт. URL : http//www.consultant.ru. – Дата доступа: 10.08.2017.

6. Попов, А. Н. Указ соч.

7. Андреева, Л.А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах / Л. А. Андреева. : Санкт-Петербург – СПб ЮИ ГП РФ, 1998. – 54 с.

8. Постановление Президиума Оренбургского областного суда от 18.01.2016 по делу N 44у-7/2016. Режим доступа : КонсультантПлюс : офиц сайт. URL : http//www.consultant.ru. – Дата доступа: 10.08.2017.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

Статья посвящена проблемам квалификации убийства, предусмотренных п. «а» и п. «е» ч.2 ст.105 УК РФ - двух (или более) лиц, если оно было совершено способом, который может быть при определенных условиях расценен как общеопасный. Автором раскрыто содержание общеопасного способа убийства: наличие объективных критериев (поражающие свойства применяемых орудий и средств, а также соответствующая

обстановка совершения преступления) и субъективного отношения виновного (заведомость действий). С приведением примеров из практики обоснован следующий вывод: при решении вопроса о наличии общеопасного способа убийства в случае, когда наступила смерть двух лиц, необходимо установить, что примененные орудия или средства заведомо для виновного могли причинить смерть еще одному лицу, кроме имеющихся двух потерпевших – как по своим поражающим свойствам, так и исходя из обстановки совершения преступления.

The article is devoted to problems of qualification of murder under paragraph "a" and clause "e" of part 2 of article 105 of the criminal code - the two (or more) persons, if it was committed in a way that can be under certain conditions considered as dangerous. The author reveals the content of the dangerous way of killing: the presence of objective criteria (affecting the properties of the applied instruments and means, as well as the corresponding environment Commission of the crime) and subjective attitude of the perpetrator (Zavadovsky action). Examples of practices justified the following conclusion: when deciding about the presence of dangerous methods of killing in the case where death of two persons, it is necessary to establish that the applied instrument or means known to the perpetrator was able to cause the death of another person, besides the two victims - both in their damaging properties, and based on the situation of the crime.

О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ДОКУМЕНТА В ПРАВЕ ПОЛЬШИ

Рыцерски М.

Понятие документа встречается почти во всех областях науки и жизни, что влечет существование различных воззрений на его природу и сущность. Слово документ этимологически исходит от латинского слова documentum (documentum: do, dare – давать, передавать, mens - мысли, намерения) [1] и означает носитель (средство передачи) мысли, а также доказательство, свидетельство [2]. На основе сопоставления определений из разных дисциплин Ж.-М. Салаун выделил три основных способа восприятия документа: 1) через его двойственный характер, как комбинацию материального объекта с неосязаемым знанием, 2) в качестве вещественного доказательства прошлых событий, фактов (доказательств) и 3) как предмет социальной деятельности [3].

Фундаментальной отличительной чертой документов от других материальных объектов является фиксация на них человеческой мысли [4]. По мнению В. Коцота функция документа, которая отличает его от других объектов, – это способность поддерживать содержащуюся в нем информацию в течение такого времени, чтобы было возможно ее последующее открытие, копирование, размножение или перенос на другой носитель в неизмененном состоянии [5]. В доктрине выделяют два подхода: sensu stricto для случаев, когда документ был именно написан [6, 7], и sensu largo для случаев его создания с использованием другой техники. Таким образом, документы могут иметь: письменную форму (рукописи, машинопись, и др.); форму изображения (эскизы, рисунки, плакаты, негативы, фильмы без саундтрека), звуковую форму (звукозапись на аналоговых граммофонных пластинках, магнитные ленты); смешанную форму (карты, флаеры, звуковые фильмы), цифровую форму (компьютерные текстовые файлы, графика, аудио, видео) [8, 9].

Электронный документ отличается от традиционного, поскольку его содержимое не связано постоянно его физической структурой, а только с логическим расположением единиц значения. Такой документ функционирует только в определенной информационной среде, то есть является соответствующим образом отформатированным набором данных, который вводится или сохраняется на носитель с помощью информационной системы. Он состоит из двух уровней: битового и интерфейсного [10]. Битовый уровень представляет собой последовательность электромагнитных сигналов, хранящихся в памяти устройства или записанных на носитель, которая известная только машине и как таковая недоступна для человека без обработки. Уровень интерфейса – это графическая интерпретация битового потока, программное обеспечение, с помощью которого осуществляется общение с пользователем. Запись и извлечение информации из электронного документа могут быть осуществлены только с использованием соответствующих устройств (компьютер, мобильный телефон, цифровая камера) и программного обеспечения. Электронный документ также включает так называемые *метаданные* – набор логически связанной с ним информации, которая описывает документ, а также облегчает его поиск, контроль, понимание и долгосрочное хранение и управление.

Сегодня понятие документа заново переосмысляется в системе права Польши. Новые определения документа в настоящее время достаточно широки и учитывают специфику как традиционных, так и цифровых документов.

Согласно Закону о гражданских доказательствах 1995 года, как документ должно рассматриваться все, что содержит какое-либо описание или информацию [11]. Столь широкое определение позволяет рассматривать как документ в принципе любое сообщение, содержащееся на материальном носителе; важен и тот факт, что в этом определении не упоминается требование удостоверения документа подписью.

Согласно канцелярско-архивным правилам документ определяется как акт, имеющий значение доказательства, устанавливающий права или подтверждающий достоверность фактов и событий или данных, указанных в нем [12]. При архивировании документ определяется как написанный текст, который может быть доказательством в деле, заверенный, составленный в соответствии с формами, принятыми в данной эпохе и месте, подтверждающий или устанавливающий определенный правовой статус.

Если говорить о природе документа, то изложенное выше позволяет говорить о достоверности и подлинности как его сущностных чертах. Для электронных документов международный стандарт ISO 15489 [13] определяет две дополнительные характеристики, а именно: целостность (документ должен быть полным и не искаженным) и работоспособность (способность документа быть локализованным, изменяемым, доступным и интерпретируемым).

При этом следует учитывать, что подлинность документа как синоним истины касается его собственных, внешних (форма, структура, материал, технологии) и внутренних (функции, воздействия) характеристик, а также его происхождения (авторитета, значимости его экспонента).

Достоверность же имеет иное значение и относится к содержанию документа; она часто отождествляется с истиной в классическом понимании [14]. Согласно ИСО 15489, достоверным является документ, содержанию которого можно доверять, поскольку он полностью и точно свидетельствует о делах,

действиях или фактах, которые он подтверждает, или на который можно полагаться в ходе последующих дел или действий. О значении достоверности документов в польской правовой системе свидетельствует тот факт, что одним из благ, охраняемых на основании уголовного права, является определенность правовых отношений, основанная на доверии к документу [15].

В случае традиционных документов гарантирована целостность их содержимого. Особенностью цифровых документов является легкость внесения изменений в их содержание (случайно или преднамеренно), иногда недоступным для обнаружения образом, а также отсутствие реальных различий между *копией* и *оригиналом*.

Документ является не только средством доказательства, формой передачи фактов или событий, но и выполняет социальные функции. С момента изобретения письма документы играли важную роль в развитии обществ, а также были инструментом власти человека. Функцией документа является создание нового правового статуса, предоставление определенной юридической силы (une certaine validité juridique) закрепленным в нем правовым актам и фактам, передача полномочий от одного лица другому, а также установление юридического статуса. Документы имеют юридическую, легитимизирующую, а также административную, властную, контрольную, доказательственную, контролирующую, управленческую и организационную силу [16].

Сегодня в правовой системе Польши отсутствует универсальное понятие документа. По мнению З. Сивика, создание общего понятия документа является делом, по крайней мере, сомнительным, если не невозможным, с учетом функций, которые концепция документа должна выполнять в отдельных отраслях права [17].

Согласно определению документа, содержащемуся в действующем Уголовном кодексе (статья 115 § 14 УК), он представляет собой любой объект или иной носитель информации, с которым связаны определенные права или который в силу его содержания является доказательством права, правовых отношений или обстоятельств, имеющих юридическое значение. В постановлении от 20 апреля 2005 года Верховный суд [18] заявил, что *определение документа, представленное в ст. 115 § 14 УК имеет широкое значение, отметив, что статус документа зависит от индивидуальной оценки и, следовательно, о том, что какой-либо объект представляет собой документ, говорит его фактическая и субъективная оценка в каждом конкретном случае.* В § 3 ст. 393 УК перечислены виды документов, которые могут быть использованы в суде, при этом документы делятся на официальные (исходящие от государственного органа, учреждения или общественной организации) и частные (составленные частным лицом).

Согласно определению, имеющемуся в п. 3 ст. 2 Закона от 5 августа 2010 года «О защите секретной информации», документом является любая фиксированная информация.

В гражданском праве термин «документ» используется во многих нормах ГК (например, ст. 551, п. 9, ст. 78 § 1, ст. 81 § 2 пункт 2, ст. 517). В 2015 году в ГК было введено определение понятия документа, основанное на концепции широкого понимания документа. В соответствии с этой концепцией подпись не является необходимым элементом документа [19].

Существенными элементами определения, содержащегося в ст. 77^3 ГК, являются содержание документа и носитель информации. В пояснительной записке к законопроекту указано, что под содержанием документа необходимо понимать

его интеллектуальное содержимое, включающее волеизъявление и иное (заявления, знания, чувства). Носителем же будет какой-либо предмет, на котором можно сохранить определенного рода информацию и с которого возможно ее последующее воспроизведение. Таким образом, определение охватывает, например, записанные звуки (записи телефонных переговоров), сообщения электронной почты, смс или компьютерные файлы.

Однако сохранение обычной письменной формы в ст. 78 ГК требует применения написания в качестве способа выражения воли, а также проставления личной подписи стороны (сторон). В ст. 77^2 обновленного ГК законодатель ввел документальную форму как новый законный тип специальной формы, для ее использования необходимо подать заявление. С другой стороны, в ст. 243^1 законодатель провел различие между документами, содержащими текст, то есть подготовленных с помощью буквенных символов и языковых правил, позволяющих идентифицировать их участников, и другими документами, в частности, содержащими запись изображения, звука или изображения и звука, упомянутых в ст. 308 ГПК.

В соответствии с § 1 ст. 244 ГПК официальные документы, составляемые по установленной форме уполномоченными для этого органами государственной власти и другими государственными органами в сфере их деятельности, представляют собой доказательство того, что было в них официально засвидетельствовано. Это положение применяется, соответственно, к официальным документам, составленным профессиональными, самоуправляющимися, кооперативными и другими общественными организациями в области порученных им законом дел в сфере государственного управления (ст. 244 § 2 ГПК). Частный документ, составленный в письменной или электронной форме, является доказательством того, что человек, который его подписал, сделал заявление, содержащееся в документе (ст. 245 ГПК). Из содержания ст. 244 и 252 ГПК следует, что официальные документы имеют не только презумпцию подлинности происхождения от государственного органа или организации, которые их выдали, но также презумпцию истинности или правдивости заявлений органов, от которых они получены. Для частных документов имеется только презумпция подлинности их составителей, но нет презумпции того, что утверждения, содержащиеся в таких документах, верны. Неподписанные (анонимные) документы, поскольку они не позволяют идентифицировать эмитента – не являются частными документами по смыслу ст. 245 ГПК.

В области административного процесса понятие документа аналогично гражданскому законодательству. Согласно § 1 ст. 76 Кодекса об административном процессе официальные документы, составленные по установленной форме государственными органами в сфере их деятельности, представляют собой доказательство того, что было в них официально заявлено. Практически идентичное определение официальных документов включает в себя ст. 194 Налогового кодекса.

Подводя итог изложенному, полагаем возможным выдвинуть следующие тезисы относительно сущности и понятия документа в польской правовой системе:

в случае традиционных документов неразрывность информации и носителя делала достаточно сложной фальсификацию документа (как его содержания, так и собственноручной подписи);

в электронном пространстве понятие содержания и носителя разделяется, поэтому важна информация, а не форма записи и количество копий (теряют смысл понятия копии и оригинала). Выяснение того, была ли информация изменена, становится сложным;

из представленного анализа положений кодексов следует, что понятие документа, в рамках материального гражданского и уголовного права является очень широким, что обусловлено целями адаптации к текущим потребностям. Законодатель в этих нормах предвидел возможность и допустил использование документа как носителя информации;

следуя такой широкой концепции документа, должны быть созданы соответствующие механизмы для минимизации риска использования электронных документов.

Список использованных источников

1. Słownik łacińsko-polski, red. J. Korpanty, Warszawa 2001, t. I, s. 596.
2. Bierć, Zarys prawa prywatnego: Część ogólna, Warszawa 2012, s. 338.
3. Salaün, J. M., Why The Document is Important … And How it is Becoming Transformed / J. M. Salaün, Hegeler Institute, Monist nr 97/2014, s. 187–200.
4. Nowak, T. Dowód z dokumentu w polskim procesie karnym / T. Nowak. Poznań 1994, s. 148.
5. Kocot, W. Wpływ Internetu na prawo umów / W. Kocot. Warszawa 2004, s. 334.
6. Dawidowicz, W. Zarys procesu administracyjnego / W. Dawidowicz // Warszawa 1989, s. 613.
7. Martysz, C. Dowód z dokumentu w postępowaniu administracyjnym, [w:] Wokół problematyki dokumentu: księga pamiątkowa dedykowana Profesorowi Antoniemu Felusiowi / C. Martysz, T. Widło (red.), Katowice 2005, s. 149.
8. Degen, R. Dokumentacja i jej podział / R. Degen, [w:] Współczesna dokumentacja urzędów, t.2, H. Robótka (red.), Toruń 2011, s. 17.
9. Janowski, J. Administracja elektroniczna: kształtowanie się informatycznego prawa administracyjnego i elektronicznego postępowania administracyjnego w Polsce / J. Janowski. Warszawa 2009, s. 243.
10. Polski Słownik Archiwalny, red. W. Maciejewska. Warszawa 1974, s. 27–28.
11. Pustuła, Z. Kancelaria i archiwum zakładowe. Podręcznik, Warszawa 2001, s. 247;
12. Instrukcja kanelaryjna stanowiącaja załącznik do zarządzenia nr 5 Komendanta Głównego Policji z dnia 2 lutego 2001 r. w sprawie metod i form pracy kancelaryjnej w Komendzie Głównej Policji, Centralnym Biurze Śledczym Policji, Wyższej Szkole Policji, szkołach policyjnych i Centralnym Laboratorium Kryminalistycznym Policji (Dz. Urz. KGP z 2001 r. Nr 3, poz. 29 ze zm.), etc.
13. Norma ISO 15489: Information and documentation - Records management; PN-ISO 15489-1:2006 Informacja i dokumentacja - Zarządzanie dokumentami - Część 1: Zasady ogólne PN-EN 82045-2:2005 (U) Zarządzanie dokumentami - Część 2: Elementy metadanych i model odniesienia informacji.
14. Piórkowska-Fiegler, J. Fałsz dokumentu w polskim prawie karnym / J. Piórkowska-Fiegler. Kraków 2004, s. 266.
15. Pieszko, G. Społeczno-prawne aspekty penalizacji fałszowania dokumentów / G.Pieszko, Studia Prawnoustrojowe nr 29/2015, s. 175.
16. Roman, W.K. Kultura dokumentacyjna – geneza, definicja, charakterystyka / W.K.Roman, Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis, Studia ad Bibliothecarum Scientiam Pertinentia XI/2013, s. 213.
17. Siwik, Z. Przestępstwa przeciwko dokumentom / Z. Siwik, [w:] Zagadnienie dowodu z ekspertyzy pisma ręcznego (red.) Z. Kegel, Katowice 1976, s. 15.

18. Wyrok SN z dnia 20 kwietnia 2005 r., III KK 206/04, R-OSNKW z 2005 r., poz. 805.
19. Dalka, S. Dowód z dokumentów w sądowym postępowaniu cywilnym / S. Dalka. Palestra 8-9/1974, s. 50–52.

Дата поступления статьи – 29.09.2017.

Статья посвящена определению термина «документ». Автор анализирует понятие документы, выделяет его виды, рассматривает вопросы его сущности. Особое внимание уделено раскрытию имеющихся в современном польском праве подходов к определению понятия электронный документ. Рассматривается сущность электронного документа и его отличие от традиционного (бумажного) документа.

The article highlights the concept of document and its basic attributes with emphasis on the definition of a document in the polish legal system. The article addresses also the modern approach to the electronic document in comparison with the traditional (paper) one.

КРАТНЫЙ ШТРАФ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Филипец О.Б.

Современная правовая политика Республики Казахстан направлена на дальнейшую гуманизацию уголовной политики. Уголовный кодекс Республики Казахстан, принятый 3 июля 2014 года (далее – УК РК) и вступивший в законную силу с 1 января 2015 года, сохранил действие принципа гуманизма и реализует его, в том числе посредством системы и видов наказаний.

Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года определяет, что «уголовная политика государства должна быть направлена на определение штрафа как одного из эффективных видов уголовных наказаний и возможности расширения его применения» [1].

Предпосылкой сохранения и дальнейшего развития наказания в виде штрафа в казахстанском уголовном законодательстве является его возможность пополнять бюджет государства. Этим объясняется интерес многих стран к данному наказанию и его востребованность как вида реагирования на совершенное преступное деяние, вне зависимости от социально-экономического или политического развития государства. В современный период идеи гуманизации системы уголовных наказаний предопределили интерес к штрафу, который доказал свою эффективность в течение нескольких десятилетий. Так, если обратиться к уголовному законодательству советского периода, Уголовный кодекс Казахской ССР от 22 июля 1959 года закреплял штраф в качестве как основного, так и дополнительного наказания [2], ту же тенденцию сохранил первый уголовный закон суверенного Казахстана от 16 июля 1997 года [3].

В УК РК 2014 года в целях «расширения сферы применения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы» [1], отечественный законодатель расширил систему уголовных наказаний, а также исключил штраф из числа дополнительных наказаний. Отдельной новеллой, ранее неизвестной казахстанскому законодательству, является введение в отечественный уголовный закон новой разновидности штрафа – кратного штрафа.

Практика назначения штрафа, кратного стоимости предмета или сумме взятки, существует и в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран, например, в Испании [4], в Российской Федерации [5] и др.

Кратный штраф в соответствии с уголовным законом Республики Казахстан (ст.41 УК РК) – основной вид наказания, который первоначально был предусмотрен за преступления коррупционной направленности, а именно за взяточничество: ст.366 УК РК (Получение вятки); ст.367 УК (Дача взятки) и ст.368 УК РК (Посредничество во взяточничестве). Двухлетняя практика назначения и исполнения кратного штрафа в нашей республике зарекомендовала себя довольно хорошо. В этой связи, Законом Республики Казахстан от 3 июля 2017 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной системы» сфера применения кратного штрафа расширена, и он предусмотрен как основное альтернативное наказание в санкциях следующих норм:

1) ч.3 ст. 245 УК РК (Уклонение от уплаты налога и (или) других обязательных платежей в бюджет с организаций) – в размере трехкратной суммы не поступивших платежей в бюджет;

2) ч.ч.2,3, и 6 ст.253 УК РК (Коммерческий подкуп) – в размерах от сорокакратной до восьмидесятикратной суммы переданных денег или стоимости переданного имущества;

3) п.2 ч.3 ст.307 УК РК (Организация незаконного игорного бизнеса) – в размере двадцатикратной суммы полученного дохода [6].

Понятие «кратного штрафа» в законодательстве отсутствует. В УК РК имеется общее определение штрафа, как «денежного взыскания, назначаемого в пределах, предусмотренных уголовным законом, в размере, соответствующем определенному количеству месячных расчетных показателей, установленных законодательством Республики Казахстан и действовавших на момент совершения уголовного правонарушения, либо в размере, кратном сумме или стоимости взятки» [7].

Месячный расчетный показатель для применения штрафных санкций на 2017 год в Республике Казахстан составляет 2269 тенге [8].

В науке уголовного права нет однозначного подхода к определению штрафа и, тем более, кратного штрафа.

Так, Лемперт И. Н. определяет штраф «как установленную законом конкретную форму реализации уголовной ответственности, заключающуюся в ограничении имущественных интересов лица, виновного в совершении преступления, обеспечиваемая государственным принуждением, направленная на восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений» [9, с.7].

Курц А.В. характеризует штраф «как меру уголовной ответственности, назначаемую по приговору суда лицу, виновному в совершении преступления, и выражающуюся в определенном объеме ограничений имущественных интересов и иных прав и свобод осужденного» [10, с.5].

Законодательное понятие «штрафа», закрепленное в ч.1 ст.41 УК РК, по нашему мнению, является более точным, оно применимо и к кратному штрафу, назначаемом, в том числе, и за отдельные коррупционные преступления. В уголовном законе Казахстана исчерпывающий перечень коррупционных преступлений четко определен законодателем в п. 29 ст.3 УК РК. К ним относятся

деяния, предусмотренные двадцатью статьями, рассредоточенными по пяти главам УК РК.

Уголовный закон, впервые предусмотрев кратный штраф, распространил его исключительно на три формы взяточничества – получение взятки (ст.366 УК РК), дача взятки (ст.367 УК РК) и посредничество во взятке (ст.368 УК РК).

Взяточничество является одним из наиболее опасных проявлений коррупционных деяний, обладающее повышенной степенью общественной опасности и ставящее под угрозу авторитет государства в целом.

Взяточничество, по сути, представляет собой противоправную сделку, где одна сторона с целью получить определенную выгоду (услугу) предлагает вознаграждение, а другая сторона принимает вознаграждение за эту выгоду (услугу) или обещание ее предоставить. Незаконный характер сделки при взяточничестве вытекает из установленного правового запрета на получение противоправного вознаграждения, поскольку «важнейшим условием правильного функционирования аппарата управления является осуществление принципа публично-правовой, законной оплаты служебной деятельности должностных лиц» [11, с. 166].

Достаточно широко применяется новая норма о назначении кратных штрафов за взяточничество. По инициативе прокуроров в 2015 году они назначены 196 лицам (это 76,5% от всех осужденных за взяточничество) на общую сумму свыше 2 млрд. 792 млн. тенге [12]. По коррупционным правонарушениям общая сумма назначенного штрафа составляет за 2016 год 108.109.700 тенге, из них исполнено 86.509.700 тенге или 80%, неисполненная сумма штрафа составляет 21.600.000 тенге или 20%. За первый квартал 2017 года по 32 уголовным делам в отношении 35 лиц приговором суда назначено наказание в виде штрафа, из которых по 27 делам в отношении 29 лиц штраф назначен за коррупционные преступления [13].

Законодатель пошел по верному пути, предусмотрев в большинстве санкций за коррупционные преступления именно имущественные наказания – штраф в качестве основного наказания, и конфискацию имущества как дополнительное наказание.

К лицу, совершившему взяточничество, в первую очередь необходимо применять имущественные санкции, поскольку такого рода преступники к ним более чувствительны, и для них имущественные ценности становятся основным «мерилом» других жизненных благ, включая личную свободу, которую он рискует потерять ради обладания незаконной имущественной выгодой. В этой связи, при реформировании уголовного законодательства казахстанский законодатель все чаще руководствуется правилом Ч. Беккариа: «зло наказания должно превышать выгоду от преступления».

Таким образом, в современный период, уголовно-правовая политика в отношении взяточничества претерпела существенные изменения: наказание в виде лишения свободы постепенно уступает место штрафу, кратному размеру суммы взятки. Кратный штраф рассматривается на сегодня как более эффективное наказание в борьбе со взяточничеством, которое делает экономически «нецелесообразным» совершение коррупционных преступлений.

Минимальный и максимальный пределы кратного штрафа за взяточничество в ст.41 УК РК не указаны, при этом анализ санкций ст.ст. 366–368 УК РК позволяет

определить, что минимальный размер кратного штрафа составляет 10-ти кратный предел, тогда как максимум равен 80-ти кратному размеру взятки.

Размер кратности варьируется в зависимости от формы взяточничества и наличия отягчающих признаков состава преступления. Так, за получение взятки (ст.366 УК РК) его размер составляет от пятидесятикратной суммы взятки до восьмидесятикратной суммы; за дачу взятки (ст.367 УК РК) – от двадцатикратной до пятидесятикратной суммы взятки; при посредничестве во взяточничестве (ст.368 УК РК) – от десятикратной до двадцатикратной суммы взятки.

В соответствии с ч.3 ст.41 УК РК, в случае уклонения от уплаты штрафа, назначенного за совершение преступления, он заменяется лишением свободы из расчета один день лишения свободы за четыре месячных расчетных показателя с учетом положений ст.46 УК РК. При этом за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 366, 367 и 368 УК РК, штраф заменяется лишением свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РК [7].

Данное положение уголовного закона не всегда верно применяется судами республики. У правоприменителя зачастую возникает вопрос: применима ли при уклонении лица от уплаты кратного штрафа та же схема замены, закрепленная ч.3 ст.41 УК РК, что и при уклонении осужденного от обычного штрафа (то есть из расчета один день лишения свободы за четыре месячных расчетных показателя)?

По нашему мнению, данные правила замены применимы для исчисления замены при уклонении и от уплаты кратного штрафа, поскольку закон не содержит в ч.3 ст.41 УК РК какой либо иной оговорки.

Кратный штраф в соответствии со ст.41 УК РК является лишь разновидностью штрафа, а в системе наказаний (ст.40 УК РК) он не выделен в отдельный самостоятельный вид наказания, и в этой связи положения ч.3 ст.41 УК РК применимы и в отношении кратного штрафа. То есть в случае, если осужденный уклоняется от уплаты кратного штрафа полностью или его части, суд будет при замене данного наказания на лишение свободы исчислять срок лишения свободы из расчета один день лишения свободы за четыре месячных расчетных показателя.

Например, должностному лицу, получившему взятку в сумме 100.000 долларов США, суд назначает наказание по ч.4 ст.366 УК РК в виде кратного штрафа в размере восьмидесятикратной суммы взятки. Взятка в сумме 100.000 долларов США по курсу в тенге (340 тенге=1 доллар США) составит 34 млн. тенге, а это значит, что кратный штраф осужденному в данном случае составит 2 млрд.720 млн. тенге. В случае, если осужденный будет уклоняться от уплаты штрафа, суд произведет замену на лишение свободы. В соответствии с ч.3 ст.41 УК штраф заменяется из расчета один день лишения свободы за четыре месячных расчетных показателя, то есть 9076 тенге за один день лишения свободы (МРП на 2017 год – 2269 тенге). Это же правило замены действует, как мы указывали выше, при замене кратного штрафа на лишения свободы. Если производить расчет, то получается, что заменяя по указанной схеме кратный штраф в сумме 2 млрд. 720 млн. тенге на лишение свободы лицу должны назначить 299.691 день лишения свободы это эквивалент 820 годам, что понятно исключено. В этой связи законодатель абсолютно правильно сделал оговорку в ч.3 ст.41 УК РК о том, что за совершение преступлений, предусмотренных статьями 366, 367 и 368 УК, штраф заменяется лишением свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РК [6]. То есть по ч.4 ст.366 УК РК в случае замены

кратного штрафа на лишение свободы максимальный срок лишения свободы составит пятнадцать лет, за эти пределы суд выйти не имеет права.

Уголовная политика в отношении коррупционных преступлений должна быть выстроена на признании их качественного отличия от иных уголовных правонарушений, когда вред, причинённый коррупционным деянием, особенно взяточничества, может по общему правилу быть полностью возмещен ввиду его имущественной природы. Это предполагает принципиальную возможность, и даже необходимость отличительно особых санкций применительно ко всем формам взяточничества, и кратный штраф в этом отношении представляется наиболее приемлемой мерой воздействия по ряду оснований:

1) кратный штраф не изолирует лицо от общества и не помещает его в неблагоприятную среду;

2) механизм исполнения кратного штрафа является экономным для государственного бюджета в сравнении с исполнением иного уголовного наказания;

3) кратный штраф позволяет удовлетворить интересы государства, и представляют собой дополнительный источник дохода для государственного бюджета;

4) применение кратных штрафных санкций исключает необходимость осужденного утрачивать социально-полезные связи, что оказывает позитивное влияние на его последующее поведение, устраняет проблему бытового и трудового устройства, а также дальнейшей криминализации личности осужденного.

Таким образом, кратный штраф, по нашему мнению, является действенной мерой противодействия, прежде всего, коррупционной преступности. В этой связи, полагаем возможным расширения сферы применения кратного штрафа за коррупционные преступления, не ограничивая его назначение исключительно взяточничеством. Совершенствуя практику борьбы с коррупционной преступностью целесообразно распространить кратный штраф на отдельные коррупционные преступления в сфере экономической деятельности.

В настоящее время за коррупционные преступления в сфере экономической деятельности, в частности за легализацию (отмывание) денег и (или) иного имущества, полученных преступным путем (ст.218 УК РК), при наличии отягчающих обстоятельств (ч.3 ст.218 УК РК) суд ограничен наказанием в виде лишения свободы до 7-ми лет. Аналогично следует предусмотреть возможность назначения наказания за такое коррупционное преступление, как организация незаконного игорного бизнеса лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций, либо приравненным к нему лицом, либо должностным лицом, либо лицом, занимающим ответственную государственную должность, лично или через доверенное лицо вопреки запрету, установленному законом, если эти деяния связаны с предоставлением такой деятельности льгот и преимуществ или с покровительством в иной форме п.3 ч.3 ст.307 УК РК), в санкции которой также предусмотрено лишение свободы на срок до 7-ми лет.

Это значит, что лица, совершившее данные деяния будет отбывать наказание в местах лишения свободы с лицами, представляющими повышенную степень общественной опасности, и пройдут «тюремную школу», как правило, не сумев затем вернуться к нормальной жизни. Кроме того, негативно скажется и разрыв социальных связей. Государство, кроме того, понесет существенные траты на содержание данного лица в местах лишения свободы. Здесь без сомнения должен

быть реализован принцип неотвратимости наказания, но не следует забывать и о принципе экономии уголовных репрессий.

Соответственно, в санкциях тех преступлений, где действия виновного связаны с преступным обогащением, размер штрафа целесообразно соотносить с размером добытого преступным путем.

В этой связи, полагаем возможным расширить сферу применения кратного штрафа в санкциях отдельных коррупционных составов преступлений.

Список использованных источников

1. Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года».
2. Уголовный кодекс Казахской ССР от 22 июля 1959 года. Утратил силу с 1 января 1998 г. Законом Республики Казахстан от 16 июля 1997 г. № 168.
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года № 167. Утратил силу Кодексом Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V.
4. Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова. - М., 1998. – 152 с.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года N 64.
6. Закон Республики Казахстан от 3 июля 2017 года № 84-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной системы».
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V.
8. Закон Республики Казахстан от 29 ноября 2016 года № 25-VI «О республиканском бюджете на 2017–2019 годы».
9. Лемперт, И.Н. Правовая характеристика штрафа как вида уголовного наказания: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004 – 25 с.
10. Курц, А. В. Штраф как вид уголовного наказания по законодательству России и зарубежных стран: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Йошкар-Ола, 2001. – 23 с.
11. Волженкин, Б. В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005 – 127 с.
12. Анализ практики назначения судами мер уголовного наказания за 12 месяцев 2015 года.
13. Информация по уголовным делам, связанным с коррупционными преступлениями за период 2016 года и апрель месяц 2017 года.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

Статья Филипец О.Б. на тему: «Кратный штраф как одно из средств противодействия коррупционным преступлениям в Республике Казахстан», посвящена оценке новеллы в уголовном праве Республики Казахстан - кратному штрафу за взяточничество. В статье содержатся выводы о формировании в национальном праве ответственности за взяточничество и юридической природе наказания за взяточничество. Исследуется проблема назначения за взяточничество кратного штрафа. На основе сопоставления законодательной формулы порядка назначения и исчисления кратного штрафа, указываются проблемы, с которыми сталкивается судебная практика при назначении этого вида наказания, а также пути их устранения. Автором предлагаются пути расширения сферы применения кратного штрафа в законодательстве Республики Казахстан.

The article written by O.B. Filipets on the topic: «The fold fine as the one of all methods to counter corruption crime in the Republic of Kazakhstan» is devoted to evaluation of the novation in the Criminal Law of the Republic of Kazakhstan – of the fold fine for bribery. The article contains conclusions on formation of responsibility for bribery in national law system and legislative nature of infliction for bribery. Problem of the fold fines' infliction is investigated. Basing on comparison legislative formula of procedures for appointing and calculus of the fold fine the author demonstrates fold fine assessment mechanism, points out problems that court practice will face in relation to this type of sanction's infliction and execution and suggests ways of their elimination. The author offers ways of the expansion of usage's area of the fold fine in the legislation of the Republic of Kazakhstan.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Халиуллин А.И.

Всестороннее проникновение во все сферы жизнедеятельности человеческого общества информационных технологий обусловливает повышенное внимания всех государств к содержательному анализу вопросов обеспечения информационной безопасности.

Российская Федерация находится в цивилизационном русле развития мировых держав и испытывает, как и иные страны, возрастающие риски стремительной информатизации, особенно проявляющиеся в действиях, связанных с нанесением огромного невосполнимого вреда в различных областях деятельности общества и государства и относящихся в силу повышенной общественной опасности к числу преступных.

В свою очередь рост объёмов информации, компьютерных сетей и числа пользователей, упрощение их доступа к сетевой информации существенно повышают опасность этих преступлений, в том числе в связи с совершением их посредством информационных технологий.

Так, по оценкам специалистов, уровень агрессивности сетевой среды в первом квартале 2017 г. ярко характеризует то, что 26,67 % пользователей персональных компьютеров с предустановленной антивирусной программой подверглись риску заражения вредоносными программами через сеть Интернет, а в абсолютных цифрах это несколько миллионов пользователей[1]. Согласно сведениям экспертов, в случае успешной атаки крупные компании теряют около 20 млн руб. по причине вынужденного простоя, упущенной прибыли и расходов на дополнительные услуги специалистов, предприятия среднего и малого бизнеса – в среднем 780 тыс. руб.[2]

В 2016 г. зафиксирован первый случай хищения средств с корреспондентского счета банка в Банке России, в результате чего у Русского

1 Развитие информационных угроз в первом квартале 2017 года. Статистика // URL:https://securelist.ru/30657/it- threat-evolution-q J-2017-statistics/ (дата обращения: 20.07.2017).

[2] Так ли страшен Интернет. О настоящей опасности киберугроз рассказывает «Газета.Ru» // URL: http://www.gazeta.ru/tech/2014/11/05_a_6289085.shtml (дата обращения: 20.07.2017); Лаборатория Касперского. Информационная безопасность бизнеса 2016 // URL:http://media.kaspersky.com/pdf/IT_risk_report_Russia_2016.pdf (дата обращения: 20.07.2017).

международного банка была похищена годовая прибыль в размере более полумиллиарда рублей[3].

Прогнозируя с учетом мнения научного и экспертного сообществ тенденции развития киберпреступности в 2017 г. и в последующие годы, следует ожидать в России, как и в других странах, роста количества таких преступлений, в том числе компьютерных атак на правительственные сайты, сайты государственных и муниципальных учреждений, а также сайты средств массовой информации для продвижения различных социальных и политических идей. Кроме того, полагаем, увеличится количество кибератак на банкоматы, банки и финансово-кредитные организации; продолжится рост количества заражений мобильных устройств и терминалов для приема к оплате по пластиковым картам.

Исходя из этого, Россия на протяжении последнего десятилетия предпринимает значительные усилия по борьбе с так называемой киберпреступностью как внутри страны, так и на международной арене. Существенный вклад в противодействие этому виду преступности вносит и российская прокуратура. При этом надлежит учитывать, что обеспечение национальной информационной безопасности тесно связано с функционированием системы обеспечения международной безопасности и, следовательно, имеется насущная потребность повышения уровня международного сотрудничества прокуратур различных государств.

Предваряя освещение обозначенных вопросов, необходимо отметить, что в Российской Федерации, как и в других государствах, при разработке комплекса мер по противодействию киберпреступности основное внимание уделяется формированию правовых основ этой деятельности, а также проблемам предупреждения, пресечения, расследования преступлений, связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий, устранением причин и условий, способствующих их совершению.

Одним из важных вопросов правового регулирования в рассматриваемой сфере является определение уровня криминализации. В узком смысле киберпреступления представляют собою посягательства на целостность, доступность и конфиденциальность компьютерной информации, а также нарушение правил эксплуатации информационных систем (гл. 28 УК РФ). С учетом распространенности данной категории преступных деяний как киберпреступления могут рассматриваться деяния, совершенные в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет (в ряде статей УК РФ используется соответствующий квалифицирующий признак). В широком смысле компьютерная информация все чаще становится как способом совершения преступления, так и предметом посягательства в «традиционных» преступлениях (мошенничество, вымогательство, террористический акт и т.д.).

Между тем международные соглашения по вопросам уголовной ответственности за киберпреступления, которые были бы восприняты всеми государствами, в настоящее время отсутствуют. При этом уже сейчас требуют разрешения вопросы не только общего плана, но и возникающие в узкоспециализированных сферах применения информационных технологий. Характерный пример: специалистами отмечены возрастающие риски информационных посягательств на авиационные системы, однако какой-либо

[3] С корсчета Центробанка хакеры украли более 500 млн руб. // URL:http://rg.ru/2016/05/04/s-korscheta-centrobanka-hakery-ukrali-bolee-500-mln-rublej.html (дата обращения: 20.07.2017).

специальный документ Международной организации гражданской авиации (ИКАО) либо международное соглашение, которые определяли бы последовательность действий при подобных кибернападениях, отсутствуют[4].

Полагаем, что необходимо единое понимание государствами всего мира угрозы киберпреступности, что станет отправной точкой в поступательном движении на пути формирования системы международной информационной безопасности.

В 2016–2017 гг. по инициативе Российской Федерации в рамках Группы правительственных экспертов ООН было предложено подготовить доклад, основу которого составили бы Правила ответственного поведения государств в информационном пространстве в контексте международной безопасности – с целью последующего внесения предложения о принятии Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, закрепляющей эти Правила. К сожалению, данная инициатива была заблокирована группой западных стран, однако при этом продолжают звучать бездоказательные обвинения в адрес Российской Федерации о кибератаках на информационные системы других государств[5].

Следует отметить, что в отечественном законодательстве реализован принцип обеспечения уголовно-правовой охраны информации как в зависимости от ее содержания и ценности, так и в зависимости от формы ее представления. В уголовном законодательстве Российской Федерации нашли отражение положения Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г. и Модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств, принятого Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г.

Следует оценить положительно и усилия российского законодателя, прилагаемые в данном направлении. Так, внесены дополнения в законодательство, касающиеся безопасности информационной инфраструктуры страны[6]: в Уголовный кодекс Российской Федерации введена ст. 274[4], предусматривающая ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру.

В 2012 г. в рамках создания Государственной системы обнаружения и предупреждения компьютерных атак, нацеленной на консолидацию усилий всех министерств и ведомств Российской Федерации для эффективного противодействия компьютерным атакам и опасным деструктивным воздействиям, в России создан и функционирует центр реагирования на компьютерные инциденты в органах государственной власти Российской Федерации (gov-cert.ru), в полномочия которого входит сбор и анализ информации о компьютерных атаках, а также взаимодействие с центрами по компьютерным инцидентам (CERT) других стран и организаций.

В настоящее время в России реализуется комплекс мер, направленных на нормативное регулирование использования процессуальных документов в

---

[4] Пираты в воздухе // Рос. газ. 2017. 18 июня.

5 Выступление заместителя Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Храмова О.В. на Саммите по вопросам кибербезопасности, Тель-Авив, 28.06.2017 Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2804268 (дата обращения: 20.07.2017).

6 Федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

электронной форме в целях ускорения взаимодействия участников уголовного судопроизводства и сокращения сроков уголовного судопроизводства: вещественными доказательствами по уголовным делам служат электронные носители информации, содержащие электронные документы; введены отдельные элементы электронного документооборота[7].

Сложности возникают в связи с отсутствием общепризнанного международного стандарта построения системы электронных документов, образующих уголовное дело. Несмотря на то что технические решения данной проблемы уже реализованы на практике, они носят разобщенный характер и не связаны едиными стандартами представления и хранения информации.

В качестве положительного опыта России следует отметить функционирование в Генеральной прокуратуре Российской Федерации внутренней информационной системы всех органов прокуратуры. Это позволяет предположить и возможность формирования единой информационной системы, объединяющей все правоохранительные органы и суд в рамках уголовного процесса[8]. Другой высокотехнологичный проект – государственная автоматизированная система «Правовая статистика». Запланировано создание специального сервиса, доступного в том числе на мобильных устройствах, с помощью которого каждый гражданин сможет подать заявление о преступлении в правоохранительные органы в электронном виде. Этот документ сразу же будет занесен в систему правовой статистики и зарегистрирован, после чего автоматически направится по подследственности. При этом автор обращения сможет навести справку о статусе своего заявления[9].

Наибольшие затруднения при выявлении киберпреступлений вызывает их трансграничный характер, что влечет в ряде случаев юрисдикционные коллизии. Например, в сети Интернет отсутствуют общепризнанные границы государств.

Как указывалось ранее, особое место среди субъектов противодействия распространению в сети Интернет информации, оборот которой ограничен в Российской Федерации, отводится органам прокуратуры Российской Федерации, которыми не только осуществляется надзор за исполнением законов на всей территории России, но и непосредственно проводится работа по устранению причин и условий, способствовавших совершению киберпреступлений. Например, прокуроры обращаются в суд с иском о запрещении доступа к сайтам, распространяющим информацию, оборот которой на территории Российской Федерации ограничен. Так, в 2016 г. по инициативе Генеральной прокуратуры Российской Федерации заблокирован доступ к 1,2 тыс. интернет-ресурсам, посредством которых распространялись призывы к террористической деятельности; с 18,5 тыс. сайтов удалена информация экстремистского характера[10].

---

7 См. подробнее: Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

8 Инсаров О.А. Электронная подпись прокурора // Прокурор. 2015. № 4. С. 35–38.

9 Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Чайки Ю.Я. газете «Известия» // URL:https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1187391/ (дата обращения: 20.07.2017).

10 Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Чайки Ю.Я. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 26.04.2017. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры

Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, стали основным средством коммуникации для киберпреступников, которые используются ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации совершения киберпреступлений, обмена криминальным опытом.

В системе мер борьбы с названными угрозами особую значимость приобретает задача информационного противодействия распространению информации, оборот которой ограничен или запрещен на территории Российской Федерации. Например, установлены обязанности организаторов распространения информации: хранить информацию на территории России о переданных пользователями сообщениях в течение года (с июля 2018 г. – … в течение полугода); передавать правоохранительным органам ключи для расшифровки сообщений[11]. В июле 2017 г. законодательно запрещены технологии обхода блокировки информационных ресурсов[12].

По инициативе Российской Федерации проводится активная работа по подготовке международно-правовых актов и международных документов, призванных создать первоначальную основу для функционирования системы по обеспечению международной информационной безопасности. Многие страны неоднократно подтверждали необходимость осуществления международного сотрудничества в этой сфере. Усилия прилагаются в рамках ШОС, ОДКБ, БРИКС, СНГ, Организации американских государств, Форума АТЭС, Регионального форума АСЕАН, Экономического сообщества западноафриканских государств, Африканского союза, ЕС, ОБСЕ и Совета Европы, а также в форме двустороннего сотрудничества.

Позиции Российской Федерации в сфере информационной безопасности основываются на следующих постулатах, в соответствии с которыми государства должны:

использовать информационно-коммуникационные технологии исключительно в мирных целях;

обладать суверенитетом над информационно-телекоммуникационной инфраструктурой на своей территории;

не допускать возможность использования своей территории для осуществления кибератак на информационные системы в других государствах;

бороться с внедрением и использованием скрытых вредоносных функций и программных уязвимостей.

Трансграничный характер киберпреступности требует принятия следующих согласованных международным сообществом мер:

заключения международных соглашений регулирующих, как общие вопросы, в частности, установление минимального перечня киберпреступлений, ответственность за которые должна быть предусмотрена национальным уголовным законодательством, так и вопросы информационной безопасности в отдельных

Российской Федерации – URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1186517/ (дата обращения: 20.07.2017).

11 Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

12 Федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // СПС Консультант Плюс.

сферах (например, предусматривающих последовательность действий при кибератаках, нарушающих безопасность воздушных полетов);

усиления международного сотрудничества при расследовании киберпреступлений и выдаче преступников;

разработки механизмов временного блокирования банковских средств и других финансовых активов киберпреступников, а также инструментов экстренного отключения информационной инфраструктуры, используемой в целях совершения киберпреступлений на территории иных государств;

установления общепризнанного стандарта электронных документов, используемых при обмене значимой информацией между правоохранительными органами государств;

улучшения оперативного обмена правоохранительными органами значимой информацией, в том числе создания международного банка данных о киберпреступлениях и лицах, их совершающих;

использования опыта Российской Федерации по установлению порядка хранения сообщений пользователей информационных услуг на территории государства, в котором осуществляется коммуникация, в целях оперативного доступа к ней правоохранительных органов;

развития дальнейшего взаимодействия государств в сфере контроля оборота информации, доступ к которой ограничен в соответствии с национальным законодательством, в том числе путем повсеместного запрета технологий обхода блокировки запрещенных информационных ресурсов;

создания международного независимого экспертного центра сертификации общедоступного программного обеспечения и компьютерного оборудования по выявлению скрытых в них вредоносных функций и уязвимостей.

Список использованных источников

1. Выступление заместителя Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Храмова О.В. на Саммите по вопросам кибербезопасности, Тель-Авив (28.06.2017). Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2804268. – Дата доступа 20.07.2017.

2. Инсаров О.А. Электронная подпись прокурора / Инсаров О.А. // Прокурор. – 2015. – № 4. – С. 35–38.

Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Чайки Ю.Я. газете «Известия» [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1187391/. – Дата доступа: 20.07.2017.

3. Лаборатория Касперского. Информационная безопасность бизнеса 2016 [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://media.kaspersky.com/pdf/IT_risk_report_Russia_2016.pdf. – Дата доступа 20.07.2017.

4. Пираты в воздухе // Рос. газ. 2017. 18 июня.

5. Развитие информационных угроз в первом квартале 2017 года. Статистика [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://securelist.ru/30657/it- threat-evolution-q J-2017-statistics/. – Дата доступа 20.07.2017.

6. С корсчета Центробанка хакеры украли более 500 млн руб. [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rg.ru/2016/05/04/s-korscheta-centrobanka-hakery-ukrali-bolee-500-mln-rublej.html. – Дата доступа 20.07.2017.

7. Так ли страшен Интернет. О настоящей опасности киберугроз рассказывает «Газета.Ru» [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/tech/2014/11/05_a_6289085.shtml. – Дата доступа 20.07.2017;

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [электронный ресурс] : Федер. закон, 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс. – М., 2017;

9. О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности [электронный ресурс] : Федер. закон 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс. – М., 2017;

10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти [электронный ресурс] : Федер. закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс. – М., 2017;

11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [электронный ресурс] : Федер. закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс. – М., 2017;

12. О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации” [электронный ресурс] : Федер. закон от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ // КонсультантПлюс Россия / ЗАО «Консультант Плюс. – М., 2017.

13. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Чайки Ю.Я. на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 26.04.2017. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1186517/. – Дата доступа 20.07.2017.

Дата поступления статьи – 11.10.2017.

В настоящей научной статье рассмотрены существующие подходы противодействия киберпреступности в Российской Федерации и возникающие в связи с этим проблемные вопросы в деятельности правоохранительных органов. Сетевое пространство имеет размытые границы взаимодействия между субъектами-участниками оборота компьютерной информации, что не позволяет с одной стороны четко определить границы юрисдикции государств, а с другой стороны какому-либо отдельному государству пренебречь необходимостью разрешения вопросов, возникающих в связи с обеспечением международной информационной безопасности. Неотъемлемым элементом международной информационной безопасности выступает кибербезопасность внутри конкретного государства. Российская Федерация последовательно внедряет комплексные решения проблем кибербезопасности, основанные на следующих постулатах: мирного использования современных технологий, суверенитета над информационной инфраструктурой на своей территории, недопущения использования своей территории для осуществления кибератак на информационные системы в других государствах; борьба с внедрением и использованием скрытых вредоносных функций и программных уязвимостей.

In the present scientific article, the existing approaches to counteracting cybercrime in the Russian Federation and the problematic issues arising in connection with this in the work of law enforcement bodies are considered. The network space has a blurred interface between the participants in the turnover of computer information, which, on the one hand, does not allow to clearly define the boundaries of the jurisdiction of states, and on the other hand to any individual state to neglect the need to resolve issues arising in connection with the provision of international information security. Cybersecurity of the Russian Federation is a constituent element of international information security. The Russian Federation consistently implements comprehensive solutions to cybersecurity problems based on the following postulates: the peaceful use of modern technologies, the sovereignty over the information infrastructure on its territory, the inadmissibility of using its territory to implement cyber attacks on information systems in other states; the fight against the introduction and use of hidden malicious functions and software vulnerabilities.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ОРГАНИЗАЦИИ ЛИБО СОДЕРЖАНИЯ ПРИТОНОВ ИЛИ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ

Шекк Е.А.

Федеральным законом от 28.12.2013 № 381-ФЗ [1] в ст. 232 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) были внесены изменения, позволяющие привлекать к уголовной ответственности лиц, использующих свое жилище для потребления другими лицами запрещенных веществ (наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов). Таким образом, границы диспозиции статьи стали значительно шире.

Предоставление помещения, как представляется, имеет место в тех случаях, когда собственник или иное лицо, обладающее правом пользования данным помещением, дает возможность его использования другими лицами в целях потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Систематичность предполагает предоставление помещения в указанных в статье целях более двух раз.

Другими словами, когда собственник, арендатор или иное лицо, получившее право временного либо постоянного доступа в помещение, систематически, то есть три и более раза, давало возможность использования данного помещения в указанных целях, его действия квалифицируются по соответствующей части ст. 232 УК РФ за предоставление помещения при отсутствии признаков организации или содержания притона.

В настоящее время даже при отсутствии признаков организации или содержания притона лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности по ст. 232 УК РФ за представление помещений для потребления наркотиков, если в его действиях содержится признак систематичности.

Немало споров возникает при определении момента окончания преступления и тесно связанного с ним вопроса о неоднократности.

В разнообразной юридической литературе отмечается, что организация притона является оконченным преступлением не с того момента, когда в нем

фактически начали потреблять наркотики, а с момента, когда притон создан и готов к функционированию, независимо от того, будет ли реализована цель его создания [2, с. 474–475].

Интересна позиция Майорова А.А., Малинина В.Б.: «С момента создания притона, независимо от того, начал ли он действовать или нет, преступление считается оконченным. Моментом окончания организации притона является момент наступления результата, т.е. готовность притона для потребления наркотических средств. Об этом моменте могут свидетельствовать такие фактические обстоятельства, поддающиеся доказыванию, как готовность помещения с приспособлениями для курения, инъектирования или иных способов потребления наркотических средств, реклама притона в различных формах, посещение притона клиентом для потребления указанных средств. Моментом окончания содержания притонов является момент начала эксплуатации притона, состоявший в предоставлении его другим лицам или хотя бы одному лицу для потребления наркотических средств.» [3, с. 204]. Результатом действий по организации притона авторы считают готовность помещения к реализации обозначенных целей, но не саму их реализацию. Однако при такой трактовке диспозиции статьи остается неясным – что же все-таки организует «организатор», если притона еще нет. Здесь уместно вспомнить известный тезис Царегородцева А.М.: «организатор не может быть без организуемого» [4, с. 57].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – постановление Пленума) изменена трактовка момента окончания преступления.

Предыдущее постановление Пленума Верховного Суда от 27.05.1998 г. № 9 толковало закон следующим образом: «По смыслу закона ответственность по ст. 232 УК РФ за организацию либо содержание притона наступает при неоднократном (два и более раза) предоставлении любого жилого или нежилого помещения одним и тем же либо разным лицам для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов».

В действующем постановлении разграничиваются организация и содержание притонов, для каждого из них выделяется свой момент окончания преступления. Так, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, для организации притона не обязательно его функционирование, достаточно лишь создать и подготовить помещение к бесперебойному использованию и осуществлению в нем запрещенных законом действий. Для содержания же притона необходимо, чтобы «помещение фактически использовалось одним и тем же лицом несколько раз либо разными лицами для потребления наркотических средств и психотропных веществ» [5].

Таким образом, при определении момента окончания объективной стороны содержания притона по действующему постановлению Пленума, не в каждом случае требуется неоднократное предоставление помещения для потребления наркотиков. По смыслу постановления Пленума, преступление будет окончено в момент *однократного* потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов *несколькими лицами* в отведенном под притон месте. Позиция Верховного Суда по вопросу определения момента окончания объективной стороны состава содержания притонов заставляет обратить внимание на один момент: предлагается признать оконченным составом *однократное* потребление

наркотиков в притоне несколькими лицами, выражая тем самым непоследовательность своей позиции. Так, в одном случае постановление Пленума отвергает введенный им же самим в судебную практику принцип неоднократности предоставления помещения и потребления наркотиков в притоне, а в другом случае, для окончания преступления – при посещении притона одним лицом, требуется, чтобы помещение фактически использовалось одним и тем же лицом несколько раз.

Между тем, на практике нередки случаи, когда судьи неоднозначно трактуют одни и те же действия лиц. Так, например, одни судьи считают, что для наступления предусмотренной законом ответственности достаточно и единичного факта предоставления помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (такое толкование содержалось еще в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 24 декабря 1987 г.), другие судьи полагают, что признаком состава указанного преступления должно быть неоднократное предоставление помещения для этих целей.

Например, органы следствия вменили в вину С., наряду с другими составами преступлений, содержание им притона для потребления наркотиков и квалифицировали эти действия по ч. 1 ст. 232 УК РФ. Ревдинский городской суд Свердловской области России оправдал С. в этой части обвинения за отсутствием в его действиях состава преступления. Принимая такое решение, суд в приговоре указал на то, что для употребления наркотиков в квартире, где проживал С., подростки собрались впервые, воспользовавшись отсутствием родителей, несмотря на то, что С. была приготовлена посуда и предоставлена газовая плита для приготовления наркотиков. Кроме того, в употреблении наркотиков предполагал участвовать и сам С.

В то же время Чкаловский районный суд г. Екатеринбурга принял противоположное решение по делу Л.. Как установил суд, Л., страдавший наркоманией, обратился к М. за наркотиками. М. по просьбе Л. и договоренности с ним вместе со С. принесли к Л. на квартиру маковую соломку, из которой изготовили наркотический экстракт, после чего каждый ввел себе препарат путем инъекций. Чкаловский районный суд усмотрел в действиях Л. состав преступления, предусмотренный ст. 232 УК РФ, и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на два года.

Из приведенных примеров, на наш взгляд, правильным следует признать решение Чкаловского районного суда.

Таким образом, в существующей практике имеются два подхода к определению объективной стороны притоносодержательства. По мнению автора, признак *неоднократности*, введенный в уголовную судебную практику Пленумом Верховного Суда РФ, является необоснованным по следующим причинам. Во-первых, исходя из буквального толкования диспозиции ст. 232 УК РФ, признак систематичности (неоднократности) в ней отсутствует. Легального определения притона, в котором бы был закреплен этот признак, на сегодняшний день не существует. Во-вторых, общественная опасность притоносодержательства не зависит от того, какое количество раз в нем употреблялись наркотические средства и психотропные вещества – один, два или три раза. Существенный признак организации и притона, и предоставления помещений для целей потребления в притоне наркотиков заключается в том, что это создает предпосылки для формирования установок на дальнейшее потребление наркотиков в этом же месте.

Представляется, что уже однократное потребление лицом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в каком-либо притоне означает его фактическое «вовлечение в жизнь притона». Потребив в притоне наркотические средства в первый раз, лицо, страдающее наркотической зависимостью или злоупотребляющее наркотиками, знает, что может прийти сюда в следующий раз с той же целью. Кроме того, как известно, наркоманы, посещающие притоны, охотно делятся в своей микросреде информацией о возможности потребить наркотики в том или ином месте, поэтому уже после однократного потребления в нем наркотиков притон способен «обрасти клиентурой». Таким образом, как представляется, общественная опасность однократного употребления третьими лицами в притоне наркотиков ничуть не ниже неоднократного потребления, тем более с точки зрения вовлечения в потребление наркотиков все новых и новых лиц.

Положение усугубляется тем, что на практике чрезвычайно сложно установить двух и более кратное употребление в притоне наркотиков. Как правило, доказательственная база по таким делам строится на показаниях и результатах медицинского освидетельствования на факт наркотического опьянения наркозависимых лиц, а также самого содержателя притона.

Резюмируя вышеизложенное, не представляется возможным разделить позицию Верховного суда РФ по вопросу определения момента окончания объективной стороны организации притона.

Более того, подход, принятый Пленумом Верховного суда Российской Федерации, не дает ответа на очень важные вопросы: на какой стадии в таком случае возможен добровольный отказ от совершения преступления; какие конкретно деяния являются основанием для привлечения к уголовной ответственности; как отграничить общественно-опасное деяние от действия (бездействия), не являющихся таковым; не будет ли такой подход препятствовать применению поощрительных норм уголовного права, при наличии которых лицо не подлежит уголовной ответственности, в то время как эти меры, согласно концепции гуманизации уголовной политики, должны быть максимально расширены.

Прежде всего, необходимо ответить на следующий вопрос: что является общей, исходной предпосылкой утверждения факта совершения преступления в форме организации притона: подбор или подыскание, приспособление места для определенных целей или факт реализации противоправных действий в указанном месте? Ответ, по-нашему мнению, очевиден – противоправные деяния в виде потребления наркотических средств в определенном месте определяют факт существования притона, его наличия, а, следовательно факт его организации. Изучение уголовных дел показало, что в России фактически отсутствует практика привлечения к уголовной ответственности за организацию притона, если он еще не начал функционировать, т.е. в нем не был установлен факт потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Исходя из общей теории права, правовой акт – это право, получившее официальную форму признания, конкретизации и защиты, словом, законную силу [6, с. 71]. Правовой закон – это адекватное выражение права в его официальной признанности, общеобязательности, определенности и конкретности, необходимых для действующего позитивного права. Общеобязательность закона обусловлена его правовой природой и является следствием общезначимости объективных свойств права, показателем социальной потребности и необходимости [6, с. 73]. Нормы

права в концентрированном виде выражают объективную потребность общества в упорядочивании действий и взаимоотношений его членов [6, с. 81]. Все социальные нормы имеют общественные корни: они вырабатываются обществом… выполняют свою роль в реальной жизни людей [7, с. 214]. Из этого можно сделать вывод, что закон есть концентрированное выражение общественных отношений, сложившихся в обществе.

На основании анализа сложившейся правоприменительной практики представляется возможным сделать вывод, что для организации притона для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов моментом окончания исполнения объективной стороны преступления можно признать момент начала функционирования притона, то есть совершение в специально организованном месте незаконных действий по потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, которое выступает общественно опасными последствиями от его организации. Таким образом, *предлагается рассматривать организацию притона не как процесс, а как результат действий виновного, что несет за собой необходимость коррекции российского уголовного закона в данной части.*

Основываясь на вышеизложенном, представляется, что как в случае организации, так и в случае содержания притона потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в притоне, а значит наступление общественно опасных последствий, должно стать необходимым условием окончания объективной стороны преступления, а состав материальным.

При реализации предложенного подхода в составе преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, действия лица по подысканию клиентуры, по подбору помещения, съему его, переоборудованию и т.п. с целью потребления в нем наркотических средств и психотропных веществ, а также их аналогов, предлагается рассматривать как приготовление к организации притона.

Приготовление к содержанию притона в этом случае подразумевает покупку необходимых ингредиентов, «расходных материалов» для приготовления наркотика в домашних условиях. Покушением на организацию или содержание притона считать попытки потребления наркотиков в организованном или содержимом притоне, если они не доведены до конца по причинам, не зависящим от виновного. При таком подходе, помимо прочего, достигается цель гуманизации законодательства.

Состав систематического предоставления помещения будет оконченным в случае, когда оно фактически было предоставлено и в нем употреблялись обозначенные вещества три и более раза.

Список использованных источников

1. О внесении изменений в статью 232 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 381-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 30.12.2013, № 52 (часть I), ст. 6946.

2. Уголовное право: Учебник для юридических вузов / под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., проф. Н.И. Ветрова, заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., проф. Ю.И. Ляпунова. – 2-е изд., испр. И доп. – М.: Юриспруденция, 2001.

3. Майоров, А.А., Малинин В.Б. Наркотики: преступность и преступления. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.

4. Царегородцев А.М. Организация преступления как один из видов деятельности соучастия // Сибирские юридические записки. – Омск-Иркутск, 1974. – Вып. 4.

5. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2006 г., № 14 // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 8, август, 2006.

6. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства. Учебник для Вузов. М., Норма-Инфра-М., 2000.

7. Общая теория государства и права. Академический курс. Под ред. Макарченко. М., Зерцало, 2000.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В статье раскрываются проблемные моменты состава преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, в частности рассматриваются различные точки зрения по вопросу момента окончания преступления, неоднократности, а также систематичности в действиях виновного. Анализируется позиция верховного суда Российской Федерации по этому вопросу, приведены примеры из правоприменительной практики. Автором приводятся аргументы в пользу того, что организацию притона следует рассматривать не как процесс, а как результат действий виновного, и последствиями в виде употребления наркотиков в притоне. Таким образом состав преступления приобретает признаки материального.

The article reveals the problematic aspects of the crime under article 232 of the criminal code, in particular, discusses the various points of view on the issue of completion of the crime of repeatedly, as well as consistency in the actions of the perpetrator. Analyzes the position of the Supreme court of the Russian Federation on this issue, examples from the practice. The author gives arguments in favor of organizing a brothel should not be viewed as a process and as a result of the actions of the perpetrator, and consequences in the form of drug use in the den. Thus the offense acquires characteristics of the material.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ВЫЕМКУ ДОКУМЕНТОВ, СОДЕРЖАЩИХ БАНКОВСКУЮ ТАЙНУ

Богданович Н.А.

Одной из разновидностей информации с ограниченным доступом являются сведения, составляющие банковскую тайну. Получение таких сведений имеет зачастую решающее значение для выявления, пресечения, раскрытия и расследования многих преступлений.

Справедливо отмечено Д.С. Рудьманом, что по общему правилу клиенты банков не хотят, чтобы кто-либо знал об их капиталах, а также о движении денежных средств по их счету. Однако как государство, так и международные контрольные органы стремятся получить такую информацию. Представляется, что в современных условиях актуальность соблюдения банковской тайны для законопослушных участников хозяйственного и имущественного оборота уже не столь высока. Важно, чтобы полученная соответствующими уполномоченными органами информация не получила распространения среди третьих лиц, кому такая информация необходима для иных целей [1].

Основным объектом рассматриваемого правоотношения является банковская тайна, прямое определение которой в законодательстве отсутствует. Согласно п. 1 ст. 121 Банковского кодекса Республики Беларусь (далее – БК) предметом охраны в режиме банковской тайны выступают следующие сведения:

1) информация о наличии счета и вклада (депозитах) и его характеристиках;

2) сведения о владельце счета и его реквизитах;

3) информация о находящихся на счете и во вкладах (депозитах) средствах и совершаемых по ним операциях;

4) сведения о сделках, заключаемых клиентом (включая сведения об операциях без открытия счета);

5) сведения об имуществе, находящемся на хранении в банке [2].

Отсутствие определения банковской тайны породило множество мнений о ее содержании и соотношении с иными видами охраняемой законом информации. В частности, некоторые авторы в недостаточной мере освещают непосредственно вопрос о содержании банковской тайны [3, с. 37]; имеет место также тенденция к отождествлению банковской и коммерческой тайны. А.И. Лукашов, например, отмечает, что банковскую тайну следует признать видом коммерческой тайны [4, с. 515]. Такого же мнения придерживается В.А. Белов [5, с. 210]. В.В. Хилюта предлагает аргументированную характеристику банковской тайны как особого правового режима [6, с. 15], аналогичного мнения придерживается Ю.П. Довнар, которая детально исследовала вопрос о правовой природе банковской тайны и ответственности за нарушение ее неприкосновенности [7, с. 158].

Однако Р.Р. Томкович полагает, что по-прежнему нерешенными остаются вопросы о содержании банковской тайны, нет четких ответов на вопросы об

основаниях и порядке предоставления информации правоохранительным органам [8]. При этом автор приходит к выводу, что банковская тайна является самостоятельным правовым институтом, не сводимым ни к коммерческой, ни к служебной, ни к иной тайне. Данный вывод имеет важные правовые последствия, поскольку исключает применение к отношениям, связанным с банковской тайной, положений законодательства о коммерческой тайне и иной информации, не подлежащей разглашению [8].

Л.В. Слободчикова разделяет предложение Р.Р. Томковича о расширительном определении банковской тайны, включив в него все сделки клиентов, о которых стало известно банку [9]. Одновременно ею предложено уточнить, что к понятию банковской тайны следует относить лишь индивидуально-определенные сведения о клиентах и их сделках [10, с. 11]. Очевидно, что указанные позиции необходимо поддержать.

Изложенные выше соображения позволяют резюмировать, что под банковской тайной следует понимать защищаемые банками и небанковскими кредитно-финансовыми организациями сведения о счетах и вкладах (депозитах), в том числе о наличии счета, его владельце, номере и других реквизитах счета, размере средств, находящихся на счетах и во вкладах (депозитах), а равно сведения о конкретных сделках, об операциях без открытия счета, операциях по счетам и вкладам (депозитам), а также об имуществе, находящемся на хранении в банке, за разглашение которых наступает ответственность, предусмотренная законом.

Правовым механизмом реализации права на получение вышеназванной информации выступает проведение такого следственного действия, как выемка документов, содержащих сведения, составляющие банковскую тайну. Однако для проведения указанной выемки необходимо вынесение мотивированного постановления, которое должно быть санкционировано прокурором или его заместителем, за исключением случаев их проведения по постановлению Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности. Это требование четко регламентировано ч. 1 ст. 210 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [11].

На практике зачастую возникают вопросы, связанные с необходимостью наличия гербовой печати на постановлении о проведении выемки.

Ранее вышеназванная ситуация была урегулирована в совместном Указании Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 27 апреля 1995 г., Прокуратуры Республики Беларусь от 27 апреля 1995 г., Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 28 апреля 1995 г. № 19/08/20/12/419 «О дополнительных мерах по соблюдению законности при производстве выемки документов и наложении ареста на счета, денежные средства и другие ценности, хранящиеся в банках и учреждениях, производящих финансовые операции» (далее – Указание), где в абз. 7 предусматривалось следующее: «Подпись руководителя органа дознания, следователя, прокурора на постановлении о производстве выемки денежных документов, наложении ареста на счета, денежные средства и другие ценности, а также на запросах об истребовании финансово-бухгалтерской документации, или сведений, составляющих банковскую тайну, должна быть заверена гербовой печатью соответствующего учреждения» [12].

На сегодняшний день Указание утратило силу, а нового нормативного акта так и не принято. Ряд нормативных правовых актов содержит лишь общие

требования по предоставлению сведений, содержащих банковскую тайну. Так, в соответствии с ч. 8 ст. 121 БК сведения, составляющие банковскую тайну, представляются банком на основании письменного запроса, подписанного руководителем государственного органа либо уполномоченным должностным лицом, скрепленного гербовой печатью и содержащего ссылки на нормы законодательных актов Республики Беларусь, предоставляющих государственному органу право на получение такой информации.

В соответствии с п. 2 ст. 36 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» санкция либо отказ в ее даче оформляются прокурором в виде резолюции на постановлении (ином документе) о проведении действий (мероприятий), скрепляемой печатью соответствующей прокуратуры [13].

В соответствии с ч. 1 и 2 п. 12 Инструкции о порядке изъятия (истребования) документов, касающихся производственной и финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и (или) их копий органами внутренних дел, утвержденной постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 16 апреля 2004 № 88 (далее – Инструкция № 88), в целях получения необходимых сведений, установления обстоятельств дела, разрешения вопросов, возникающих в ходе производства по материалам и делам, копии документов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей могут быть истребованы на основании мотивированного запроса органа внутренних дел [14]. Запрос оформляется на официальном бланке органа внутренних дел и подписывается Министром внутренних дел Республики Беларусь или его заместителями, начальниками главных управлений, управлений Министерства внутренних дел Республики Беларусь или их заместителями, начальниками территориальных органов внутренних дел или их заместителями. Подпись руководителя, подписавшего запрос, удостоверяется печатью с изображением Государственного герба Республики Беларусь.

В соответствии с пунктом 62 Инструкции по делопроизводству в государственных органах, иных организациях, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 19 января 2009 № 4, реквизит «Печать» ставится на документах, требующих особого удостоверения их подлинности [15]. Проставление печати необходимо на подлинниках документов и их копиях, в том числе факсимильных, удостоверяющих права, свободы и (или) законные интересы граждан, права и обязанности юридических лиц, санкционирующих расходование денежных средств и материальных ценностей.

Вместе с тем, аналогичные требования к порядку оформления следователем, органом дознания постановления о проведении выемки УПК не установлены.

Полагаем, что данные пробелы должна быть устранены путем разработки системного документа, который исключит возникающие на практике конфликты банков с правоохранительными органами по данному вопросу.

В правоприменительной деятельности встречаются случаи предъявления в банк письменных требований следователей, органов дознания о предоставлении оригиналов документов, содержащих сведения, составляющие банковскую тайну клиентов, без вынесения постановления о проведении выемки (изъятия) и без составления протокола выемки (изъятия), со ссылкой на ч. 2 ст. 103 УПК.

Отметим, что до возбуждения уголовного дела, согласно ч. 2 ст. 173 УПК, во исполнение оформленного в соответствии с законодательством требования

следователя, органа дознания банком могут быть предоставлены только сведения, составляющие банковскую тайну клиентов (например, информация о счетах или вкладах), но не оригиналы документов с такими сведениями.

Требование органа уголовного преследования о предоставлении информации и документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну может быть выражено только в постановлении о проведении выемки (ч. 1 ст. 210 УПК), а их изъятие возможно только после возбуждения уголовного дела. Факт изъятия документов отражается в протоколе выемки (ч. 2 ст. 212 УПК).

В соответствии с п. 34 ст. 6 УПК протоколом является документ, в котором удостоверяются факт производства, содержание и результаты процессуальных действий управомоченных на это должностных лиц, совершаемых в ходе производства по материалам и уголовному делу, составленный в порядке, установленном УПК. Таким образом, документом, являющимся юридическим подтверждением факта совершения следственного действия в ходе производства по материалам и уголовному делу, является протокол (ч. 1 ст. 193 УПК).

В соответствии с п. 1 Инструкции № 88 устанавливается единый порядок изъятия (истребования) органами внутренних дел документов, касающихся производственной и финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и (или) их копий, необходимых для принятия органами внутренних дел в установленном порядке решений при осуществлении производства по:

1) материалам, разрешаемым в порядке, предусмотренном ст. 173 и 174 УПК (далее – материалы);

2) делам об административных правонарушениях (далее – дела).

При этом согласно ч. 2 п. 3 Инструкции № 88 изъятие оригиналов документов, содержащих сведения, составляющие государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, осуществляется по санкционированному прокурором постановлению должностного лица органа внутренних дел.

Согласно ч. 3 п. 4 Инструкции № 88 факт изъятия документов отражается в протоколе изъятия документов по форме согласно приложению 1 к Инструкции № 88.

В целях исключения случаев незаконного истребования и получения в банке документов, являющихся банковской тайной, а также исключения случаев утраты таких документов, в связи с обоснованной необходимостью наличия в банке документа, подтверждающего факт надлежащего исполнения банком требования следователя, органа дознания и факт проведения в банке изъятия таких документов, полагаем неправомерным осуществление изъятия оригиналов таких документов только на основании письменного требования следователя, органа дознания без составления протокола выемки.

Такая процессуальная конструкция предполагает возникновение сложностей подтверждения законности проведения в банке изъятия документов, содержащих сведения, составляющие банковскую тайну клиентов, поскольку в банке отсутствует документ, являющийся в соответствии с законодательством Республики Беларусь юридическим подтверждением факта надлежащего исполнения банком требования следователя, органа дознания и факта проведения в банке изъятия таких документов.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, полагаем неправомерным изъятие в банке оригиналов документов, содержащих сведения, составляющие банковскую тайну клиентов, без вынесения постановления о проведении выемки.

В связи с изложенным представляется, что на сегодняшний день насущная потребность в предоставлении информации органам уголовного преследования с ограниченным доступом имеется. Однако, чтобы требования сотрудников были законными, необходима детальная законодательная регламентация данной процедуры.

Список использованных источников

1. Рудьман, Д. С. Доступ к банковской тайне органов внутренних дел [Электронный ресурс] / Д.С. Рудьман – Режим доступа: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=394. – Дата доступа: 10.09.2017.
2. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 25 окт. 2000 г., № 441-З: принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г.: одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Меркулов, В.В. Институт банковской тайны: понятие и проблемы его практического применения / В.В. Меркулов, А.В. Кравченко // Банковское право. – 2003. – № 1. – С. 37 – 47.
4. Лукашов, А.И. Научно-практический комментарий к Банковскому кодексу Республики Беларусь: в 2 кн. / В.В.Жуков, Д.А. Калимов, В.И. Киблов и др. – Минск: Дикта, 2002. – Кн. 1 – 592 с.
5. Белов, В.А. Банковское право России: теория, законодательство, практика: Юридические очерки / В.А. Белов – М.: Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 2000. – 393 с.
6. Хилюта, В.В. Банковская тайна: проблемы правового регулирования / В.В. Хилюта // Банкаўскі веснік. – 2003. – № 7. – С. 14–16.
7. Довнар, Ю.П. Банковское право Общая часть / Ю.П. Довнар – Минск: Амалфея, 2006. – 310 с.
8. Томкович, Р.Р. Банковская тайна: понятие, содержание, порядок раскрытия [Электронный ресурс]: [по состоянию на 21.05.2017] / Р.Р. Томкович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
9. Слободчикова, Л.В. Проблемы правового регулирования банковской тайны в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: [по состоянию на 31.01.2017] / Л.В. Слободчикова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
10. Слободчикова, Л.В. Вопрос: Составляют ли банковскую тайну сведения о кредитах и вкладах (депозитах) юридических и физических лиц? / Л.В. Слободчикова // Глав. бухгалтер. Банков. деятельность. — 2009. – N 11 (49). – С. 11.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295–З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
12. О дополнительных мерах по соблюдению законности при производстве выемки документов и наложении ареста на счета, денежные средства и другие ценности, хранящиеся в банках и учреждениях, производящих финансовые операции [Электронный ресурс]: указание М-ва внутренних дел Респ. Беларусь, 27 апр. 1995 г., Прокуратуры Респ. Беларусь, 27 апр. 1995 г., Комитета государственной безопасности Респ. Беларусь, 28 апр.

1995 г., № 19/08/20/12/419 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

13. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

14. Инструкция о порядке изъятия (истребования) документов, касающихся производственной и финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и (или) их копий органами внутренних дел, утв. пост. М-ва внутренних дел Респ. Беларусь [Электронный ресурс], 16 апр. 2004 г., № 88: в ред. пост. М-ва внутренних дел Респ. Беларусь от 26.05.2009 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

15. Инструкция по делопроизводству в государственных органах, иных организациях, утв. пост. М-ва юстиции Респ. Беларусь [Электронный ресурс], 19 янв. 2009 г., № 4: в ред. пост. М-ва юстиции Респ. Беларусь от 18.08.2017 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В статье на основе анализа практики применения норм уголовно-процессуального законодательства выделены отдельные проблемы правового регулирования проведения выемки документов, содержащих банковскую тайну, и сделан вывод о необходимости внесения изменений и дополнений в законодательство по вопросу правового регулирования выемки указанной группы документов.

In the article, on the basis of the analysis of the practice of applying the norms of the criminal procedural legislation, separate problems of legal regulation of the seizure of documents containing banking secrets are singled out and a conclusion is made about the need to introduce changes and additions to the legislation on the issue of legal regulation of the seizure of this group of documents.

ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ (ОСУЖДЕННЫХ) НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Бурый В.Е.

Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672 (в редакции от 30.12.2011 № 621) утверждена Концепция совершенствова-ния системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, в которой одними из основных задач являются повышение эффективности предупреждения и профилактики преступности, снижение уровня рецидивной преступности, а также повышение эффективности ресоциализационного воздействия на лиц, осужденных в соответствии с действующим уголовным законодательством Республики Беларусь.

В связи с этим, с целью качественной реализации вышеуказанных задач на современном этапе развития и совершенствования отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, необходимо рассмотреть генезис ресоциализационных основ, имевших место в недалеком прошлом в

исправительных учреждениях на территории белорусских земель, и, в частности, в вопросах порядка и условий содержания под стражей лиц, совершивших преступления.

Учитывая тот факт, что основная часть территории белорусских земель во второй половине XIX-го – начале XX-го веков находилась в составе Российской Империи, то и нормативные правовые акты, регулирующие порядок и условия содержания лиц, заключенных под стражу (осужденных), следует изучать именно в этот период развития государства. В данной статье рассматриваются правовые основы порядка и условий содержания лиц, заключенных под стражу (осужденных), т.е. лиц, совершивших преступления на территории белорусских земель во второй половине XIX-го – начале XX-го веков.

Так, вышеуказанные вопросы нашли свое закрепление в таких пенитенциарных актах, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года (далее – Уложение), Свод учреждений и Уставов о содержащихся под стражей от 1832 года в редакции от 1890 года (далее – Устав), Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних от 1909 года, сборники указов и распоряжений по тюремной системе и различные циркулярные распоряжения по Главному тюремному управлению в период 1890–1910 годов [1–12].

Однако, основными пенитенциарными нормативными правовыми актами в тот период на территории Минской, Виленской, Гродненской, Белорусской (Могилевская и Витебская) губерний признавались Уложение и Устав, которые действовали (с различными изменениями и дополнениями) на территории Российской Империи несколько десятилетий, вплоть до октябрьского революционного переворота в стране в 1917 году.

Общие положения. Изучением вышеуказанных источников отмечается, что «…содержаніе подъ стражею употребляется: 1) какъ мера пресеченія лицамъ, обвиняемымъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, способовъ уклоненія отъ следствія и суда; 2) какъ мера исправленія и наказанія; 3) какъ мера, применяемая к неисправнымъ должникам; 4) какъ мера, принимаемая относительно пересылаемыхъ арестантовъ».

Также во второй половине XIX-го – начале XX-го веков в нормативных правовых актах приводится четкий список «…мест содержанія подъ стражей»:

помещения для подвергаемых аресту;

арестантские помещения при полиции;

тюрьмы (губернские, областные и уездные тюремные замки, Санкт-Петербургская тюрьма, Московская исправительная тюрьма) и крепости;

исправительные арестантские отделения;

тюрьмы для содержания лиц, осужденных к каторжным работам; пересыльные тюрьмы.

В тюрьмах также создавались особые помещения для содержания в них несовершеннолетних граждан, преступивших уголовный закон в возрасте от 10 до 17 лет.

Кроме этого, в пункте 5 главы 1 Устава законодательно было закреплено следующее положение: «Лица гражданского ведомства въ некоторыхъ случаяхъ присуждаются къ заключенію въ монастыре. Порядок содержанія ихъ … определяется постановленіями Церковными».

Строительство и содержание мест заключения под стражу. Законодательством изучаемого нами периода четко указывается на то, что вся деятельность вышеуказанных мест содержания граждан под стражей находится под юрисдикцией только государства (в т.ч. строительство новых и снос ветхих пенитенциарных учреждений).

В примечании 1 пункта 8 главы 2 Устава отмечалось, что в ряде губерний, в т.ч. Витебской и Могилевской (т.е. Белорусской), Минской, Виленской и Гродненской строительство или обустройство помещений для заключенных под стражу «…по приговорамъ Мировыхъ или Городскихъ Судей, Земскихъ Участковыхъ Начальниковъ и Гминныхъ Судовъ … представляется на разсмотреніе Министра Юстиціи по Главному Тюремному Управлению (Российской Империи – прим. автора)».

Управление местами заключения под стражу и контроль за ними. Главными пенитенциарными органами, контролирующими исполнение требований уголовно-исполнительного и уголовного законодательства на территории российских и белорусских губерний были Министерство юстиции по Главному тюремному управлению и Совет по тюремным делам.

На начальника Главного тюремного управления возлагались задачи руководства не только «…всеми местами заключенія … и арестантскою пересыльною частью», но и всеми сотрудниками уголовно-исполнительной системы страны, в т.ч. «…наблюденіе за исполненіемъ чинами конвойной стражи лежащіхъ на нихъ по этой службе обязанностей».

На губернаторов и губернское правление, а также градоначальников возлагались задачи своевременного и качественного медико-санитарного, хозяйственно-бытового и материально-технического обеспечения деятельности ПУиП, в т.ч. контроль за соблюдением действующего законодательства по этим направлениям в учреждениях.

Следует отметить, что в штате губернского правления состоял, назначаемый начальником Главного тюремного управления, губернский тюремный инспектор (в настоящее время это должность начальника областного управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь), который участвовал в заседаниях не на постоянной основе, а только тогда, когда правление рассматривало вопросы ПУиП, расположенных на территории губернии. При губернском тюремном инспекторе состоял помощник (на правах советника губернского правления), который в случае отсутствия инспектора исполнял его служебные обязанности. В обязанности губернского тюремного инспектора входили контроль за «…благоустройствомъ въ местахъ заключенія … и арестныхъ домахъ», исполнением требований уголовно-исполнительного и уголовного законодательства в ПУиП.

Губернское тюремное управление имело следующую штатную численность: губернский тюремный инспектор; помощник губернского тюремного инспектора; секретарь (делопроизводитель) тюремного управления; начальники ПУиП и их помощники; помощницы начальни-ков ПУиП (смотрительницы, заведующие женскими отделениями); тюремные (пенитенциарные) священники, дьяконы и псаломщики; врачи, фельдшеры и фельдшерицы; тюремная стража (старшие и младшие тюремные надзиратели и надзирательницы).

В изучаемый период тюремная система царского периода (также как и сейчас Департамент исполнения наказаний МВД Республики Беларусь) была не

военной, а военизированной системой, и в случае если вышеуказанные должностные лица не имели военных званий, то им «…присваивалась особая форма обмундированія и вооруженія. Оружіемъ и боевыми патронами чины тюремной стражи снабжаются изъ военныхъ складовъ, на счетъ сметныхъ суммъ Министерства Юстиціи» (п. 29, гл. 3 Устава).

Следует отметить, что общественно-попечительский контроль за соблюдением законности в пенитенциарной системе, организацией и состоянием ресоциализации заключенных под стражу (осужденных) возлагался на «Попечительское общество о тюрьмахъ» при Министерстве юстиции, находящееся «подъ особымъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества».

Прокурорский надзор и судебный контроль выполняли следующие задачи: «…чтобы кто-либо не содержался подъ стражею безъ постановленія уполномоченныхъ на то … лицъ или не въ надлежащемъ месте заключенія»; «…пріемъ, просмотръ и отправленіе бумагъ, писанныхъ содержащимися подъ стражею»; «…наблюденіе за размещеніемъ арестантовъ и успешнымъ ходомъ делъ». Для выполнения этих задач вышеуказанные должностные лица имели право беспрепятственного входа во все пенитенциарные учреждения и помещения (далее – ПУиП) в любое время суток (такое же право имели и начальники губернских жандармских управлений).

Основные социальные гарантии и льготы, которые распространялись на всех сотрудников Главного тюремного управления.

В дореволюционный период сотрудники уголовно-исполнительной системы имели гарантированный государством значительный «социальный пакет», а именно:

сотрудники обеспечивались форменным обмундированием, за исключением обуви (обувь приобреталась за счет сотрудника);

лицам, поступавшим на службу на должности тюремной стражи, из числа унтер-офицеров и/или рядовых, сохранялись выплачиваемые им в армии государственные пенсии (т.е. сотрудник, работая в ПУиП, получал заработную плату и военную пенсию, что было в тот период значительной привилегией);

тюремная стража освобождалась от призыва из запаса в регулярную армию и флот, а также «…от службы в государственномъ ополченіи» (т.е. на личный состав ПУиП распространялась «бронь» от призыва в армию и флот в случае войны, что было в тот период также значительной привилегией);

при добросовестном выполнении служебных обязанностей и отсутствии нарушений дисциплины (помимо награждения знаками отличия и медалями) в течение 5 лет подряд, тюремным надзирателям и надзирательницам увеличивается должностной оклад на 1/3, в течение 10 лет подряд – еще на 1/3, в течение 15 лет подряд – «двойной оклад содержанія» (достаточно сильная мотивация для сотрудников ПУиП, чтобы стараться добросовестно выполнять из года в год служебные обязанности);

члены семей сотрудников пенитенциарной системы (жена/муж, дети, малолетние братья и сестры, сироты), погибших или пострадавших (т.е. получивших увечья и/или инвалидность) при исполнении служебных обязанностей имели право на назначение особых пособий и пенсий, в т.ч. право на единовременную выплату денежной помощи.

По законодательству дореволюционного времени денежное довольствие тюремных (пенитенциарных) священников, дьяконов, псаломщиков, врачей,

фельдшеров и фельдшериц определялось исключительно из государственной казны – «…расходы по содержанію сіхъ лицъ должны быть удовлетворяемы на счетъ общаго кредита, ассигнуемаго на содержаніе церковнослужителей, врачебнаго состава и канцеляріи въ тюрьмахъ» (п. 38, гл. 3 Устава).

Примечание: в конце XIX века на одного тюремного надзирателя приходилось в среднем 13,7 заключенных под стражу (это немного, в сравнении с настоящим временем – прим. автора). Улучшилось материальное положение тюремных служащих. Денежное довольствие надзирателя составляло примерно 150 рублей в месяц. Для сравнения: в армии ежемесячное жалованье у подпоручика составляло 70 рублей, у поручика – 80 рублей, у штабс-капитана – 90 рублей. … В среднем, зарплата у учителя в тот период была в размере 100 рублей, у врача – 80 рублей. [13]

Роль и задачи «Попечительского общества о тюрьмахъ» при Министерстве юстиции».

Курируя уголовно-исполнительную систему Российской Империи, в т.ч. ПУиП на территории белорусских земель, «Попечительское общество о тюрьмах при Министерстве юстиции» (далее – общество) выполняло следующие задачи:

«…улучшеніе … нравственнаго и физическаго состоянія арестантовъ» (т.е. ресоциализация заключенных под стражу, осужденных);

организация и строительство церквей в ПУиП и поддержание их состояния в надлежащем виде;

контроль за рациональным и добросовестным расходованием денежных средств на улучшение материально-технической базы, средств охраны и изоляции ПУиП, а также на содержание заключенных под стражу (осужденных);

контроль за соблюдением уголовно-исполнительного и уголовного законодательства в части касающейся дифференцированного размещения разных категорий заключенных под стражу (осужденных), исходя из их «…званія, полу, возрасту и роду преступленій или обвиненій»;

контроль вопросов социально-бытового обеспечения заключенных под стражу (осужденных), и их медико-санитарного сопровождения в ПУиП;

направление ходатайств в правоохранительные органы о рассмотрении заявлений и жалоб спецконтингента, иных различных вопросов, связанных с соблюдением действующего уголовно-исполнительного и уголовного законодательств в период заключения под стражу (отбывания наказания);

«…выкупъ заключаемыхъ за долги разнаго званія людей», «…попеченіе о пересылаемыхъ арестантахъ» и др.

Организационно-управленческая структура общества была следующей:

президент общества (Министр юстиции);

члены общества (как правило, лица обоих полов из числа «благородного, духовного и купеческого звания», которые «…обязываются по подписке на ежегодныя приношенія для подкрепленія действій Общества на пользу заключенныхъ»);

благотворители, вносящие в фонд общества разовые пожертвования (деньгами, продуктами питания, одеждой, мебелью, стройматериалами и др.).

Устройство ПУиП, условия и порядок содержания заключенных под стражу (осужденных).

Уголовно-исполнительная система состояла из пенитенциарных учреждений (например, тюрьмы и крепости) и пенитенциарных помещений (например,

помещения при полиции, наемные дома). Каждое ПУиП осматривалось тюремным врачом «…для определенія числа лицъ, могущихъ въ немъ содержаться безъ вреда для здоровья», а также на предмет «…количества воздуха, необходимаго для каждаго заключеннаго». Эти вопросы регламентировались соответствующей мединструкцией.

При размещении заключенных под стражу (осужденных) соблюдался принцип дифференциации заключенных под стражу. Так, купцы содержались (отбывали наказание) только при тюрьме (поскольку это сословие считалось привилегированным); мещане – при полиции; офицеры – на военной гауптвахте (в т.ч. не состоящие на военной службе, исключение – вышедшие в отставку); дворяне и чиновники – при тюрьме или на военной гауптвахте, или по месту проживания (под чиновниками понимались лица, имеющие классные чины государственного служащего, в т.ч. звание почетного гражданина). Кроме этого, мужчины содержались отдельно от женщин; бродяги – от всех остальных; несовершеннолетние – от совершеннолетних; дворяне, государственные чиновники, иностранцы и «…иные изъ разночинцевъ отличныхъ состояніемъ своимъ (именитыхъ)» – от людей низшего сословия; «важные преступники … отъ неважныхъ»; а также осужденные по одному и тому же делу (соучастники); осужденные, которые ждут очной ставки.

В ПУиП содержались (отбывали наказание) лица только при наличии копии приговора за подписью уездного члена окружного суда, мирового или городского судьи, земского участкового начальника или председателя мирового съезда.

Во всех ПУиП велись реестры (учетно-регистрационные книги) заключенных под стражу (осужденных), в которых фиксировались причины заключения под стражу (осуждения), время прибытия в ПУиП, срок наказания, начало и окончание срока наказания. По прибытию в ПУиП у спецконтингента изымались денежные средства и ценные вещи, колюще-режущие предметы (все изъятое указывалось в реестре).

Заключенные под стражу (осужденные) отбывали наказание в личной одежде. Нормы питания определялись уездными земскими собраниями, на территории которых были расположены ПУиП (как следствие, эти нормы в разных регионах были разными и напрямую зависели от благосостояния и развития экономики этого города, земства, губернии).

Краткосрочные выезды за пределы пенитенциарного учреждения разрешались отбывающим наказание лишь в случаях смерти, тяжелой болезни родителей, супруга (и), детей, родных братьев или сестер. Выезд разрешался только правами начальника ПУиП, с учетом личности заключенного под стражу (осужденного), на срок не более трех суток. Время отсутствия в ПУиП не засчитывалось в назначенный судом срок наказания.

Прогулка спецконтингенту разрешалась ежедневно в пределах принадлежащего ПУиП хоздвора или сада (продолжительность и время прогулки четко закреплено не было и этот вопрос решался начальником учреждения самостоятельно).

Примечание: в соответствии с установленной для заключенных под стражу нормой суточного довольствия, они должны были получать на завтрак чай и кашу (гороховую, пшенную или др.), на обед – суп или борщ с мясом, кашу или овощное рагу, на ужин – суп рыбный. Хлеб выдавался во время завтрака сразу на весь день [13].

Труд, как одно из средств ресоциализации и социальной адаптации данной категории граждан, проживавших на территории белорусских земель, был добровольный. Заключенные под стражу (осужденные) «…занимаются работами лишь по собственному желанію. Употребляемымъ для работ въ пределахъ тюрьмы мещанамъ и крестьянамъ назначается за то Уездною Земскою Управою задельная плата, половина коей выдается на руки работающимъ, а другая при выпуске ихъ» (п. 140, гл. 1, разд. 2 Устава).

Свидания с родственниками разрешались только в определенные дни и часы, устанавливаемые начальником ПУиП.

Спецконтингенту запрещалось употреблять в ПУиП вино, курить табак, организовывать и принимать участие в азартных играх (карты, кости, шашки). Запрещались любые развлечения и «самовольные отлучки». За нарушение вышеуказанных требований правил внутреннего распорядка и за неповиновение требованиям администрации ПУиП, на заключенных под стражу (осужденных) могли налагаться такие взыскания как выговор, денежное взыскание до 15 рублей, «заключеніе в комнату безъ света на время не свыше сутокъ» (т.е. в штрафной изолятор). За побеги (попытки побегов) и преступления, совершенные в период отбывания наказания, заключенные под стражу (осужденные) наказывались в порядке, установленном уголовным законодательством.

Медицинское сопровождение спецконтингента осуществлялось за счет государства., в т.ч. «…плата за содержаніе и леченіе въ гражданскихъ больницахъ, а равно и погребеніе умершихъ, … не имеющихъ собственныхъ средствъ». Если в ПУиП не было медчасти (медпункта), отбывающие наказание направлялись в ближайшую местную больницу и там, под надзором полиции, проходили курс лечения (после выздоровления вновь направлялись в ПУиП). В случае смерти заключенного под стражу (осужденного), его похороны организовывала администрация ПУиП за государственный счет.

Следует также отметить, что лица, приговоренные судом к тюремному заключению по особо тяжким преступлениям, с учетом их личностных характеристик, могли содержаться в одиночной камере тюрьмы на срок не свыше 1 года и 6 месяцев. Срок нахождения в одиночной камере исчислялся по формуле: три дня содержания в одиночной камере за четыре дня определенного судом общего тюремного заключения (в случае одиночного содержания до одного года), два дня содержания в одиночной камере за три дня определенного судом общего тюремного заключения (в случае одиночного содержания более одного года). При отбывании наказания на тюремном режиме, осужденному разрешалось иметь в камере собственный стол и продукты питания, не предусмотренные тюремной нормой питания, «…однакожъ, чтобы при семъ не было допускаемо излишествъ». Свидания с семьей и родственниками осужденным разрешались только в праздник Рождества Христова, в первые три дня Пасхи, а также еженедельно по воскресеньям в присутствии администрации тюрьмы (п.п. 264–269, гл. 3 Устава; гл. 5, разд. 4 Уложения).

Таким образом, рассмотренные в статье вопросы порядка и условий содержания заключенных под стражу (осужденных) на территории белорусских земель позволяют утверждать, что в дореволюционный период имело место четкое дифференцированное распределение спецконтингента по различным категориям в период отбывания наказания. Условия ресоциализации лиц, отбывающих наказания в ПУиП, были достаточно лояльные, в т.ч. и в условиях тюремного

режима, что свидетельствует о гуманном отношении в тот период как общества (в целом), так и законодателей (в частности) к оступившимся гражданам государства, даже в отношении преступников, совершивших тяжкие и/или особо тяжкие преступления.

Список использованных источников

1. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. – СПб. : Тип. Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Велічества Канцеляріи, 1845. – 922 с.
2. Уставъ о содержащихся подъ стражею // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи повеленіемъ Государя Императора Николая Перваго составленный : томъ 14-й. – СПб. : Тип. Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Велічества Канцеляріи, 1857. – С. 101–202.
3. Уголовно-исполнительное законодательство России XIX – начала XX века. Сб. нормативных актов. – Рязань. Ин-т права и экономики МВД России. 1998. – 129 с.
4. Тюремный вестникъ. 1890 год. – СПб. : Тип. СПб-й Одиночной тюрьмы, 1890. – 40 с.
5. Тюремный вестникъ. 1893 год. – СПб. : Тип. СПб-й Одиночной тюрьмы, 1893. – 41 с.
6. Тюремный вестникъ. 1894 год. – СПб. : Тип. СПб-й Одиночной тюрьмы, 1894. – 68 с.
7. Тюремный вестникъ. 1895 год. – СПб. : Тип. СПб-й Одиночной тюрьмы, 1895. – 64 с.
8. Тюремный вестникъ. 1896 год. – СПб. : Тип. СПб-й Одиночной тюрьмы, 1896. – 67 с.
9. Тюремный вестникъ. 1897 год. – СПб. : Тип. СПб-й Одиночной тюрьмы, 1897. – 84 с.
10. Тюремный вестникъ. 1899 год. – СПб. : Тип. СПб-й Одиночной тюрьмы, 1899. – 80 с.
11. Тюремный вестникъ. 1906 год. – СПб. : Тип. СПб-й Одиночной тюрьмы, 1906. – 121 с.
12. Тюремный вестникъ. 1910 год. – СПб. : Тип. СПб-й Одиночной тюрьмы, 1910. – 167 с.
13. Маланкин, А.Н. В государевых тюрьмах / А.Н. Маланкин // Неволя. – 2005. – № 5. – С. 58–77.

Дата поступления статьи – 12.06.2017.

Реформа уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, реализуемая в рамках исполнения Указа Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672, в редакции от 30.12.2011 № 621 (Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения) одной из своих задач должна решать вопрос повышения качества ресоциализации и социальной адаптации осужденных в исправительных учреждениях. Вместе с тем, проблему ресоциалиазции осужденных следует рассматривать и с позиции истории ее развития, поскольку как показывает правоприменительная практика, ряд ее аспектов актуален и в настоящее время.

The reform of the correctional system of the Republic of Belarus realized according to the Decree of the President of Republic of Belarus No. 672 of 23.12.2010 in edition No. 621 of 30.12.2011 (The concept of improvement of system of measures of criminal responsibility and order of their execution) shall resolve the issue of improvement of resocialization quality and social adaptation of convicts in correctional facilities. At the same time, the problem of the

resocialization of convicts should be considered also from the position of history of its development; as law-enforcement practice shows, a number of its aspects are currently important.

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА И СРЕДСТВА РЕАГИРОВАНИЯ ПРОКУРОРА НА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА СО СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ

Жидких А.А.

Конституцией РФ [1] каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 46). При этом установлено, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17).

Европейский суд по правам человека признает неприемлемой любую индивидуальную жалобу, если сочтет, что она является злоупотреблением правом, под которым в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [2] понимается запрет заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в названной конвенции (ст. 17).

Уголовно-процессуальным кодексом РФ [3] (далее – УПК РФ) участникам уголовного судопроизводства со стороны защиты, к которым относятся обвиняемый, его законный представитель, защитник, гражданский ответчик, его законный представитель и представитель (п. 46 ст. 5), предоставлены права, предназначенные для защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Однако указанные участники уголовного судопроизводства нередко злоупотребляют процессуальными правами [10, с. 23].

При этом УПК РФ не содержит понятия «злоупотребление процессуальными правами».

В науке уголовного процесса такое понятие раскрывается как умышленные действия (бездействие), в том числе участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, осуществляемые в противоречии с назначением или иными принципами уголовного судопроизводства, которые закреплены в главе 2 УПК РФ. Такие деяния причиняют либо способны причинить вред правам или законным интересам других участников уголовного судопроизводства либо иных лиц или уголовному судопроизводству. При этом вред уголовному судопроизводству означает реализацию процессуальных прав вопреки назначению или принципам уголовного судопроизводства [7, с. 48; 8, с. 37; 9, с. 102; 11, с. 25; 12, с.15].

УПК РФ установил в качестве одного из назначений уголовного судопроизводства защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 2 ч. 1 ст. 6).

Обеспечение возможности использования процессуальных прав потерпевшему, гражданскому истцу, а также другим участникам уголовного судопроизводства возложено УПК РФ и на прокурора (ч. 1 ст. 11).

Согласно УПК РФ прокурор уполномочен осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а равно надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37). Одновременно прокурор обязан рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения органов дознания, дознавателя и следователя в порядке, установленном ст. 124 УПК РФ, и участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении жалоб в порядке, определенном ст. 125 УПК РФ. Наряду с этим Федеральным законом от 17.01.1992 № 2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [4] (далее – Закон о прокуратуре) предусмотрено рассмотрение и разрешение в органах прокуратуры обращений граждан (ст. 10), в том числе связанных с реализацией заявителями процессуальных прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве [6, подп. 2 п. 1.9].

Изучение опыта реагирования прокурорами на злоупотребление процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты в досудебном производстве по уголовным делам показывает, что основным направлением этой прокурорской деятельности является воздействие в пределах полномочий на осуществление подобного реагирования органами дознания и органами предварительного следствия. Немаловажное значение имеет также непосредственное реагирование прокурорами на злоупотребление процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты.

В то же время анализ деятельности органов предварительного расследования по реагированию на злоупотребление процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, на наш взгляд, позволяет отнести к формам такого реагирования:

– привлечение, при наличии целесообразности и возможности, близких родственников, родственников и (или) близких лиц подозреваемых и обвиняемых, способных оказать положительное воздействие на их поведение;

– отказ следователей, дознавателей от приглашения в качестве защитника по назначению адвокатов, злоупотребляющих процессуальными полномочиями по осуществлению защиты;

– замена законных представителей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, злоупотребление процессуальными правами которых наносят ущерб интересам несовершеннолетнего. При этом в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [5] к злоупотреблению процессуальными правами законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого отнесены: невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя, в том числе по воспитанию несовершеннолетнего; уклонение от участия в деле в качестве законного представителя; злоупотребление процессуальными и иными правами; отрицательное влияние на несовершеннолетнего; создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (п. 11);

– замена представителей гражданских ответчиков, злоупотребляющих правами представителя;

– направление следователями, дознавателями обоснованных и мотивированных информаций о злоупотреблении процессуальными правами

со стороны адвокатов, осуществлявших защиту подозреваемых, обвиняемых, в том числе о нарушении положений Кодекса профессиональной этики адвоката, в совет адвокатской палаты соответствующего субъекта РФ, а при совершении совместного злоупотребления процессуальными правами либо злоупотребления, повлекшего особо неблагоприятные последствия для прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства либо других лиц, – и Федеральную палату адвокатов РФ;

– направление следователями, дознавателями по мечту работы или службы законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, представителей гражданских ответчиков аргументированной информации о злоупотреблении процессуальными правами законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, представителей гражданских ответчиков.

Со своей стороны, прокурорами при проверке исполнения требований федерального закона в ходе приема, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях желательны выявление указанных злоупотреблений и отмена, как необоснованных, постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и о возбуждении уголовного дела, на вынесение которых оказали воздействие подобные злоупотребления.

В ситуациях заявления отвода дознавателю и его самоотвода прокурорам необходимо, с нашей точки зрения, устанавливать злоупотребления процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, которые в значительной мере повлияли на заявление таких отводов и самоотводов, и учитывать их при разрешении отводов и самоотводов дознавателей.

В ходе ознакомления с материалами уголовных дел, находящихся в производстве следователей или дознавателей, прокурору целесообразно, по нашему мнению, выявлять злоупотребления процессуальными правами, совершенные участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, для дальнейшего пресечения их и устранения причиненного ими вреда.

Прокурорам также целесообразно, как нам представляется, давать письменные указания дознавателям о направлении предварительного расследования и производстве следственных и иных процессуальных действий в качестве средства нейтрализации злоупотребления процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты и возмещения вреда от таких злоупотреблений.

По результатам проверки обоснованности решений следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела прокурору полезно, на наш взгляд, обращать внимание указанных должностных лиц на установленные им злоупотребления процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты и на причиненный такими злоупотреблениями вред правам или законным интересам других участников уголовного судопроизводства либо иных лиц или уголовному судопроизводству.

Предваряя дачу согласия дознавателям на возбуждение перед судом ходатайств об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, прокурорам целесообразно поручать дознавателям

принятие согласно имеющимся полномочиям мер по пресечению злоупотреблений процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, которые могут повлиять на отмену или изменение меры пресечения или на признание недопустимыми указанных процессуальных действий.

Участвуя в судебных заседаниях по рассмотрению ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, о продлении срока содержания под стражей либо домашнего ареста, об отмене или изменении этих мер пресечения, о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, а также жалоб в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ, прокурорам необходимо обращать внимание суда на злоупотребления процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, которые способны оказать влияние на принятие указанных судебных решений.

Прокурорам также целесообразно, по нашему мнению, отменять, как необоснованные, постановления нижестоящего прокурора, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя, принятые в результате не выявленных ими либо выявленных, но не принятых во внимание злоупотреблений процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, давать дознавателям письменные указания о производстве следственных и иных процессуальных действий, направленных на устранение вреда, причиненного такими злоупотреблениями.

Кроме того, прокурорам необходимо изымать уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю, передавать уголовное дело и материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому, изымать уголовное дело и материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета РФ с указанием в качестве одного из оснований такой передачи непринятие органом предварительного расследования необходимых мер реагирования на злоупотребление процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, которое причинило или могло причинить существенный вред правам или законным интересам других участников уголовного судопроизводства либо иных лиц или уголовному судопроизводству.

Прокурорам также необходимо, как представляется, отказывать в утверждении постановлений дознавателей о прекращении уголовного дела, обвинительных актов (обвинительных постановлений) по ним, если на принятие указанных процессуальных решений оказало существенное влияние злоупотребление процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, которое нередко влечет нарушение разумного срока уголовного судопроизводства.

Видится необходимым и возвращение прокурорами уголовных дел дознавателям, следователям со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых, для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта (обвинительного постановления), в том числе в связи с допущенным злоупотреблением процессуальными правами участниками

уголовного судопроизводства со стороны защиты и необходимостью устранения вреда от него.

Помимо этого, прокурорам с целью реагирования на злоупотребления процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты целесообразно:

– давать письменные указания дознавателям о применении ими вышеперечисленных и иных, не противоречащих действующему законодательству РФ, средств реагирования на указанные злоупотребления;

– принимать меры по привлечению к дисциплинарной ответственности адвокатов, совершивших злоупотребления процессуальными правами, которые повлекли существенный вред правам или законным интересам участников уголовного судопроизводства либо иных лиц или уголовному судопроизводству;

– при рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и решения органов дознания, дознавателя, следователя или нижестоящего прокурора в порядке, установленном ст. 124 УПК РФ, а также ст. 10 Закона о прокуратуре, выявлять и учитывать злоупотребления процессуальными правами, совершенные участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, в процессе разрешения указанных жалоб;

– в ходе участия в судебных заседаниях при рассмотрении жалоб в порядке, установленном статьей 125 УПК РФ, принимать меры к выявлению и обращать внимание суда на злоупотребления процессуальными правами, допущенные участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты, для принятия обоснованных судебных решений по таким жалобам;

– по окончании предварительного расследования по уголовным делам направлять по месту работы или службы законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, информации о злоупотреблении этими лицами процессуальными правами, причинившем значительных вред их правам или законным интересам несовершеннолетнего.

Важен также систематический анализ опыта реагирования прокурорами и органами предварительного расследования на злоупотребления процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты и выработка на этой основе дополнительных мер по выявлению и пресечению таких злоупотреблений.

Изложенное, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что правомерное, обоснованное и своевременное реагирование прокурором на злоупотребление процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты в досудебном производстве по уголовным делам является необходимым и действенным средством обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и других лиц, а также реализации назначения и иных принципов уголовного судопроизводства.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: офиц. текст: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ – Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. – 50 с.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: [заключена в г. Риме 04.11.1950) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2016.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2017). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.

4. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 17 янв.1992 г., № 2201-1 (ред. от 01.07.2017) / КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.

5. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февр. 2011, № 1. – М., 2011.

6. Инструкция о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации: утв. приказом Генерального прокурора РФ от 30 янв. 2013, № 45. [Электронный ресурс]: // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2013.

7. Баев, О. Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам / О.Я. Баев, М.О. Баев М.О. – М.: МИГ, 2015. – 216 с.

8. Даровских, О. Н. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.Н. Даровских. – Челябинск, 2013. – 176 с.

9. Мешков, В. М. К вопросу о взаимодействии следователя и защитника на стадии предварительного следствия: сб. науч. ст. / В.М. Мешков. Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург, 2002. С. 102–108.

10. Парфенов, В. Н. Проблема злоупотребления уголовно-процессуальными правами / В.Н. Парфенов // Рос. следователь. – 2014. – № 7. – С. 23–26.

11. Романов, С. В. Право подозреваемого и обвиняемого на защиту: пределы осуществления, возможность и последствия злоупотребления / С.В. Романов // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 11. – Право. – 2008. – № 4. – С. 14–37.

12. Токарев, Д. А. Злоупотребление правом (межотраслевой подход, обзор дис. исследований). – Волгоград: Волгоград. гос. архитектурно-строительный ун-т, 2012. – 133 с.

Дата поступления статьи – 19.07.2017.

В статье характеризуется злоупотребление процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты в российском досудебном производстве по уголовным делам. Рассматривается выявление прокурором указанного злоупотребления процессуальными правами. Определяются направления и предлагаются уголовно-процессуальные средства реагирования прокурором на такое злоупотребление процессуальными правами. Дается оценка прокурорской деятельности по реагированию на злоупотребление процессуальными правами участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты в досудебных стадиях уголовного процесса.

The article characterizes the abuse of procedural rights of participants of criminal proceedings from the defense in the Russian pre-trial proceedings in criminal cases. Discusses the identification by the Prosecutor of the specified abuse of procedural rights. Identifies areas and proposed criminal procedure means the response by the Prosecutor to such abuse of procedural rights. Assesses the Prosecutor's response to the abuse of procedural rights by the participants of criminal proceedings from the defense in the pretrial stages of the criminal process.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Каратаев Т.Ж.

Защита прав человека представляют собой важнейшую человеческую ценность. Отношение к ней со стороны общества и государства свидетельствует о характере самого общества, степени его демократизма, гуманизма, законности.

Институт защиты в уголовном процессе определяется как совокупность всех процессуальных прав, которые закон предоставляет участникам процесса для защиты от предъявленного обвинения и позволяет рассматривать защиту прав и интересов лиц именно в качестве системы правовых норм [1].

Институт защиты прав и интересов лиц, сообразуясь с назначением уголовного процесса, включает в себя защиту прав и законных интересов потерпевшего (гражданского истца), защиту подозреваемого, обвиняемого, защиту прав и законных интересов иных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, отражает специфику защиты, осуществляемой каждым участником уголовно-процессуальных отношений в рамках той или иной функции, взаимную обусловленность различной направленности деятельности этих лиц и подразумевает адресованное государственным органам и должностным лицам требование по созданию условий для реализации подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, а также другими участниками уголовного судопроизводства предоставленных им прав.

Формирование института защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса Республики Казахстан происходило с учетом исторического опыта правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере правосудия по уголовным делам.

Генезис института защиты прав участников уголовного процесса показывает, что на территории нынешнего Казахстана она существовало задолго до исторического соединения с Российской империей, о чем свидетельствует суд «биев» и суд «кази», сохранившиеся в Казахстане плоть до реформ 1867-1868 годов, которые рассматривали конкретные дела или споры с учетом национальных и религиозных особенностей, при этом суды «биев» руководствовались нормами обычного права и шариата, а суды «казиев» – только правилами шариата.

На важность института защиты прав участников уголовного процесса указывает и то, что в казахском обычном праве наряду с обвинительной направленностью важное место занимало «розыскное начало», что давало возможность собрать объективные доказательства относительно виновности или невиновности лица, обвиняемого в совершении того или иного преступления. Имеющие место понятия «гарантия общественного мнения» и «надлежащее следствие и рассмотрение дела» сопровождали расследование уголовных дел и создавали относительную гарантию для полного и всестороннего исследования обстоятельств дела.

Судебная система Казахстана конца XIX века строилась в соответствии с утвержденными Положениями об управлении Туркестанским и Степными краями

1886 и 1891 годов. Необходимо отметить, что судебная реформа 1898 г. предусматривала регулирование деятельности адвокатуры, тем самым суживая сферу действия казахского обычного права. Чем больше влияние судебной власти Российской империи распространялась на все население Казахстана, тем, активней привлекались к судопроизводству присяжные поверенные [2].

А с 1922 года до 1960 года казахстанское уголовно-процессуальное законодательство на начальном этапе развивалось под прямым влиянием уголовно-процессуального законодательства СССР и РСФСР (см.: «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 31 октября 1924 года, «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 25 декабря 1958 года, УПК РСФСР от 25 мая 1922 года, УПК РСФСР от 15 февраля 1923 года, Декреты СНК РСФСР «О суде» (Декрет № 1) от 24 ноября 1917 года, «О суде» (Декрет № 2) от 7 марта 1918 года, «О суде» (Декрет № 3) от 20 июля 1918 года и другие нормативные правовые акты) [2].

В 1936 году была принята первая Конституции СССР, которая обладала высшей юридической силой. Суд и прокуратура в этот исторический этап развития были наделены функциями контроля, которые осуществлялись лишь после того, как следователь примет самостоятельно то или иное решение о проведении следственных действий, ограничивающих права и свободу граждан; ни о каком санкционировании обысков, выемок, мер пресечения не упоминается [3].

Следующей этап формирования института защиты прав участников уголовного процесса охватывает 1960–1991 годы, до объявления страной государственной независимости. В этот период 22 июля 1959 года принят первый в истории государства Уголовно-процессуальный кодекс Казахской ССР (далее – УПК), введенный в действие с 1 января 1960 года. УПК оставался прежним по содержанию, однако законодатель получил возможность самостоятельно реформировать некоторые его нормы, положения и институты. За эти годы в УПК внесено изменений и дополнений свыше 70 национальными законами, которые в той или иной мере были направлены на защиту прав всех участников уголовного процесса.

В 1959 г., с принятием Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Казахской ССР, начинается реформирование законодательства, направленное на усиление гарантий законности, в том числе принимаются соответствующие меры по совершенствованию правовой регламентации процедуры заключения под стражу, появляются гарантии неприкосновенности личности и закрепляется принцип осуществления правосудия только судом. В данном нормативном акте установлен новый порядок производства обысков, выемок, заключения под стражу, которые должны проводиться только с санкции прокурора [4].

Принятое в 1955 г. Положение о прокурорском надзоре в СССР содержало ряд принципиальных положений, касающихся охраны личной свободы граждан: никто не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному незаконному ограничению в правах, а также аресту без судебного решения или санкции прокурора (ст.28 УПК КазССР). Прокурор дает санкцию на арест подозреваемого или обвиняемого при наличии оснований, предусмотренных законом, в связи с чем он обязан тщательно ознакомиться со всеми материалами дела, содержащими основания для заключения под стражу, а при необходимости допросить лицо, подлежащее аресту (ст.30 УПК КазССР).

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством такие следственные действия, как обыск, выемка, наложение ареста на имущество производились следователем или лицом, производящим дознание, на основании постановления, санкционированного прокурором. Однако в случаях, не терпящих отлагательства, обыск мог быть произведен и без санкции прокурора, но с последующим сообщением о производстве обыска в течение 24 часов (ст.135 УПК КазССР). Обязательному санкционированию подвергались постановления органов предварительного следствия о производстве таких следственных действий как прослушивание телефонных и иных переговоров (ст.35 УПК КазССР).

На наш взгляд, в этот период немаловажное значение для становления института защиты прав участников уголовного процесса имел Закон СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» от 10 апреля 1990 года, реализация которого значительно изменила правовое положение адвокатов, а также подзащитных лиц. Как нам видится, данной закон стала реальной основой становления некоторых норм современного законодательства Казахстана, обеспечивающего защиту прав и свобод человека в уголовном процессе. «Защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения, а в случае задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, или применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу до предъявления обвинения – с момента объявления ему протокола задержания или постановления о применении этой меры пресечения, но не позднее 24 часов с момента задержания».

У подозреваемого и обвиняемого на ранних этапах расследования появлялся профессиональный защитник, который получил право «присутствовать при предъявлении обвинения, участвовать в допросе подозреваемого или обвиняемого, а также иных следственных действий, производимых с их участием, знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения; с момента допущения к участию в деле защитник вправе также после первого допроса задержанного или находящегося под стражей подозреваемого или обвиняемого иметь с ним свидания наедине без ограничения их количества и продолжительности» [5].

С 1991 года после обретения Казахстаном независимости и начала коренных социально-экономических и государственно-правовых преобразований произошли существенные изменения в правовой сфере, позволившие правоохранительным органам более надежно обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства значительно активизировалось. Этого требовали период, переживаемый страной, расширение международных отношений и связей государства, необходимость наиболее полного восприятия общепризнанных норм и принципов международного права в национальном законодательстве, а также объективные потребности следственно-судебной, прокурорской практики борьбы с преступностью, вызванные, главным образом, эффективностью противодействия усилению профессионализма, организованности в преступной деятельности, преступной тактике.

В этот период принято 12 нормативных правовых актов по вопросам уголовного процесса, в том числе УПК Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года, пришедший на смену УПК Казахской ССР 1959 года. В значительной степени этому процессу способствовало принятие такого программного документа,

как Государственная программа правовой реформы в Республике Казахстан, утвержденная постановлением Президента Республики Казахстан от 12 февраля 1994 г. № 1569. Главным результатом исполнения Государственной программы в Республике Казахстан стало принятие Конституции Республики Казахстан, определившей стратегические направления развития общества и государства, закрепившей основополагающие права и свободы человека и гражданина, а также новую систему государственных институтов.

Принятие этих документов в нашем государстве закрепило права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность и определило в последующем развитие национального законодательства, в том числе и уголовно-процессуального, в соответствии с общепризнанными международными стандартами. Обеспечивая этот принцип, статья 1 Конституции Республики Казахстан установила, что в нашей стране высшими ценностями являются человек, его жизнь, права и свободы. Тем самым, Конституция Республики Казахстан признала соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина обязанностью государства. Следовательно, органы правосудия, являясь частью механизма государства, его составным элементом, своей деятельностью решают эту конституционную задачу.

Важной составной частью реформы явилась реорганизация судов и системы правоохранительных органов, направленная на повышение эффективности их правозащитной деятельности. Введен порядок пожизненного назначения судей с участием в формировании судейского корпуса всех ветвей власти и судейского сообщества, реализованы меры, повышающие их статус и уровень обеспеченности. В соответствии с Конституцией Республики Казахстан, дознание и предварительное следствие по уголовным делам осуществляются специальными органами, которые отделены от суда и прокуратуры.

Дальнейшее развитие правовой системы Республики Казахстан, укрепление государственных гарантий соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина реализовывалось на основании Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2002 до 2009 года, одобренной Указом Президента Республики Казахстан № 949 от 20 сентября 2002 года. Концепцией были определены основные направления развития правовой системы страны на период до 2010 года. Принят ряд важнейших законодательных актов, способствующих поступательному развитию государственных и общественных институтов, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие Казахстана. Введены судебное санкционирование ареста [6], институт присяжных заседателей [7]. С 30 августа 2008 года введен в действие Закон Республики Казахстан № 65-VI от 5 июля 2008 г «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам применения мер пресечения в виде ареста и домашнего ареста», согласно которому санкционирование ареста передается в компетенцию судебных органов.

Данное событие стало ожидаемым в развитии правовой политики нашего государства, так как законодательно была закреплена новая система процессуальных гарантий прав личности.

Эти и ряд других мер в дальнейшем были частично внесены в нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, а другие до настоящего время планомерно реализуются.

Так, Республика Казахстан, совершенствуя институты защиты прав участников уголовного процесса, в рамках Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан № 858 от 24 августа 2009 году, определяет основные направления реформирования, которые заключаются в создании условий для расширения применения мер пресечения, альтернативных аресту, в том числе залога; постепенном введении новых институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда; законодательном развитии института процессуального соглашения; дальнейшем совершенствовании механизмов предоставления квалифицированной юридической помощи по уголовным делам не только обвиняемым и подозреваемым, но и потерпевшим, свидетелям и др.

В результате реализации данной программы был введен институт медиации, целями которой является гарантии прав личности [8].

Кроме того, на основании Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, в июне 2014 году принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, который вступил в действие с 1 января 2015 г. (далее – УПК РК). Он существенно изменил систему осуществления уголовного процесса, формат прав и законных интересов участников уголовного процесса, в том числе прав потерпевшего, обвиняемого и иных участников уголовного процесса.

Некоторые процессуальные правила претерпели изменения, а некоторые вовсе были исключены. Так, из УПК РК исключена стадия возбуждения уголовного дела.

В УПК РК введен институт следственного судьи, который решает вопросы санкционирования ареста в качестве меры пресечения, его продления, принудительного помещения не содержащегося под стражей лица в медицинское учреждение для производства судебно-психиатрической экспертизы. Кроме того, следственный судья дает санкцию на: объявление международного розыска, эксгумацию трупа, помещение несовершеннолетнего обвиняемого в специальное детское учреждение, принудительное помещение не содержащегося под стражей лица в медицинское учреждение для производства судебно-медицинской экспертизы и ряда других следственных действий, проводимых органами расследования.

В уголовном процессуальном законодательстве появился новый участник – «свидетель, имеющий на защиту», который наряду с секретарем судебного заседания, переводчиком, свидетелем, понятым, экспертом, специалистом, судебным приставом и медиатором относится к иным лицам, участвующим в судопроизводстве (п. 24 ст. 7 УПК РК).

В новом УПК РК ст. 612 «Досудебное расследование при заключении процессуального соглашения» кардинально упрощает досудебное производство. Предусмотрено досудебное расследование в рамках заключенного процессуального соглашения в форме сделки о признании вины, что является новшеством. Суть такого соглашения в том, что лицо, совершившее уголовно наказуемое правонарушение, не оспаривает подозрение и доказательства в совершении преступления, характер и размер причиненного вреда, а, наоборот, признает вину полностью.

Таким образом, проведенный анализ правовых норм Республики Казахстан свидетельствует, что в арсенале государства имеется достаточно полномочий по

обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Структура и содержание норм, положений, институтов УПК Казахской ССР 1959 года и УПК Республики Казахстан 1997 года были завершенным правовым явлением и выполнили стоявшие перед ними задачи в сфере уголовного судопроизводства.

История становления и развития института защиты прав участников уголовного процесса показывает, что наше законодательство развивалось, проходя через определенные этапы: зарождение, появление элементов, научные определения (апробации) и современный этап, в котором закреплены гарантии прав личности при ограничении конституционных прав при лишении свободы или ином вмешательстве в личную жизнь. На сегодняшний день институт защиты не только обеспечивает соблюдение конституционных прав и свобод граждан, но и сопровождается демократизацией законодательства, корректировкой функций и полномочий судебной системы, органов прокуратуры, предварительного расследования, оптимизацией их деятельности.

Список использованных источников

1. Арабули, Д. Т. Институт защиты прав и интересов лиц в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. …докт. юрид. наук: 12.00.09 / Д.Т. Арабули; Оренбург.гос.универ. – Челябинск, 2010. – 26 с.

2. Культелеев, Т. М. Уголовное обычное право казахов: монография / Т.М. Культелеев. – Алматы: HAS, 2004. – 312 с.

3. Муталяпова, А. Т. История становления и развития института санкционирования в законодательстве Республики Казахстан / А.Т. Муталяпова // Вестник КарГУ. – 2010.- №4. – С.43-46.

4. Когамов, М. Ч. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Казахстан. Общая и Особенная части / М.Ч. Когамов, - Алматы: Жеті жарғы, 2008. – 888 с.

5. Национальный Интернет-портал Республики Казахстан [Электронный ресурс] / Краткая история становления и развития института адвокатуры в мировом и казахстанском масштабах. – Астана, 2005. – Режим доступа: http://www. agka.kz/en. – Дата доступа: 13.08.2012.

6. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам применения мер пресечения в виде ареста и домашнего ареста: Закон Республики Казахстан, 5 июля 2008 г., № 65-IV // Национальный Интернет-портал Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.adilet.zan.kz/rus search/docs/dt=2008&fulltext=ареста&va=ЗАК. – Дата доступа: 31.07.2008.

7. О присяжных заседателях: Закон Республики Казахстан, 16 января 2006 г., № 121 // Национальный Интернет-портал Республики Казахстан [Электронный ресурс].– Режим доступа: http: //www. adilet.zan.kz/rus /docs/Z060000121. – Дата доступа: 02.02.2006.

8. О медиации: Закон Республики Казахстан, 28 января 2011 г., № 401-IV // Национальный Интернет-портал Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www. adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401. – Дата доступа: 05.02.2011.

Дата поступления статьи – 21.08.2017.

В статье проанализированы нормы действующего законодательства, касающиеся обеспечения защиты участников уголовного процесса. По результатам проведенного анализа сформулированы выводы и предложения по совершенствованию законодательства.

The article analyzes the norms of current legislation the protection of participants in criminal proceedings. Legislation have been formulated based on the results of the analysis, conclusions and proposals for improving.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ КАК ОСНОВА УСПЕШНОГО ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Серова Е.Б.

В соответствии с ч. 2 ст. 47 Конституции Российской Федерации обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом. Судопроизводство с участием присяжных заседателей согласно ст. 324 УПК РФ ведется в общем порядке, но с учетом особенностей, предусмотренных главой 42 УПК РФ.

Суд с участием присяжных заседателей, возрожденный в Российской Федерации в 1995 году, в настоящее время получил значительное распространение. Федеральным законом от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ институт присяжных заседателей в Российской Федерации расширен и с 1 июня 2018 года районные, гарнизонные военные суды с участием коллегии из шести присяжных заседателей начнут рассматривать уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ст. ст. 277, 295, 317 и 357 УК РФ, по которым в соответствии с положениями УК РФ в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, а также уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Таким образом, можно утверждать, что количество дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей, будет если не расти, то останется на достаточно высоком уровне. В то же время анализ практики рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей показывает, что количество оправдательных вердиктов в отношении подсудимых, чья виновность в ходе досудебного производства казалась доказанной, является стабильно высоким. Более того, нередки случаи выводов присяжных о том, что подсудимый заслуживает снисхождения, хотя на предварительном следствии никаких оснований для прогнозирования такого вердикта не имелось. Это обстоятельство требует исследования не только с позиций подержания государственного обвинения, но и предварительного расследования. Как справедливо отмечается в научной литературе, мотивация присяжных при вынесении оправдательного вердикта обуславливается, как правило, недостатками предварительного следствия, в том числе нарушениями при производстве ключевых следственных действий норм УПК РФ, что безусловно влечет за собой их исключение из числа допустимых доказательств. В свою очередь качество досудебного производства напрямую зависит от того, насколько эффективно следователь, учитывая наличие особенностей предварительного следствия по указанной категории уголовных дел, применяет те средства и методы при их расследовании, которые позволяют достичь целей уголовного судопроизводства. При этом среди причин низкой эффективности следствия называют объективные, связанные с несовершенством

действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также недостаточным материально-техническим обеспечением деятельности органов, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений, и субъективные, такие как отсутствие практического опыта и должного профессионализма, а также недостаточный контроль за деятельностью следователя [1]. На наш взгляд, отдельно следует выделять и недостатки прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие.

А. А. Ильюхов приходит к выводу, что результаты судебного разбирательства уголовного дела с участием присяжных заседателей напрямую зависят от качества проведенного расследования и особо обращает внимание, что весь накопленный опыт по изучению уголовных дел, рассмотренных судом с участием присяжных заседателей, выявил ряд проблем, связанных с допущенными ошибками и нарушениями закона органами расследования как на стадии предварительного расследования, так и на первоначальной стадии уголовного процесса – возбуждения уголовного дела, на которой осуществляются прием, регистрация и рассмотрение сообщений и заявлений о преступлениях. [2, 3, 4].

Другие авторы обращают внимание на такие недостатки предварительного расследования как несвоевременная и неполная передача следователю информации, добытой оперативными подразделениями в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий; проведение оперативными сотрудниками без отдельного поручения следователя допросов подозреваемых, свидетелей и др. [5]. Здесь позволим себе отметить, что даже наличие отдельного поручения следователя на допрос подозреваемого не делает данное следственное действие в полной мере легитимным, и подобную практику следует признавать не соответствующей ни закону, ни криминалистическим рекомендациям.

Мы разделяем высказанное выше мнение о недостатках предварительного следствия и их влиянии на перспективы рассмотрения дела в суде с участием присяжных заседателей и полагаем, что данную проблему следует рассматривать шире и говорить о том, что органы, осуществляющие предварительное расследование, не учитывают специфики последующего судебного разбирательства (например, того, что присяжные предпочитают получать информацию из первоисточников, стремятся строить свой вывод непосредственно на фактах, больше доверяют специалистам, чем государственному обвинителю и др.), работают по шаблону и не создают необходимых предпосылок для успешного поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей.

По нашему мнению, следователь, получив заявление (сообщение) о преступлении, которое может стать предметом рассмотрения в суде с участием присяжных заседателей, должен учитывать данное обстоятельство при организации расследовании и выдвижении версий, формировании доказательственной базы, составлении процессуальных документов и т.п.

Так, с участием присяжных заседателей данные о личности подсудимого исследуются лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого (ч. 8 ст. 335 УПК РФ). Эта проблема неоднократно исследовалась в научной литературе [6].

Указанная особенность судебного следствия требует от следователя особого подхода к составлению процессуальных документов, содержащих сведения о личности обвиняемого. Представляется целесообразным выделять в протоколе несколько разделов, один из которых будет касаться непосредственно личности обвиняемого, а остальные – сути расследуемого события и иных обстоятельств, имеющих значение для дела.

Аналогичный подход следует применять и к формулированию постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и составлению обвинительного заключения, систематизируя материал и имеющиеся доказательства таким образом, чтобы на первый план были вынесены место, время, способ, средства, орудия, обстановка совершения преступления, виновность лица в его совершении. Соответственно обстоятельства, не исследуемые судом присяжных заседателей (обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, данные о его судимостях, обстоятельства, смягчающие или отягчающие уголовную ответственность и наказание, и т. д.), должны уйти на второй план [1].

Вместе с тем на практике часто возникает вопрос о возможности доведения до сведения присяжных заседателей данных о личности потерпевшего и свидетелей, поскольку УПК РФ не содержит специальной нормы, регламентирующей исследование в первой части судебного следствия (с участием присяжных заседателей) данных о личности свидетелей и потерпевших. Нередко положения ч. 8 ст. 335 УПК РФ в судебной практике толкуются таким образом, что, по общему правилу, исследование подобных сведений с участием присяжных заседателей запрещается [7, с. 75 – 80]. В связи с этим следует отметить, что из Определения Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 г. № 686-О следует, что ч. 8 ст. 335 УПК РФ, регламентирующая особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей, предусматривает, что данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется; запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Приведенные положения закона не регламентируют вопросы исследования в присутствии присяжных заседателей сведений о личности потерпевшего и свидетеля. Такие вопросы с учетом необходимости сохранения судом объективности и беспристрастности в ходе судебного разбирательства разрешаются на основе взаимосвязанных положений статей 252, 299, 334 и 335 (ч.ч. 3, 6 и 7) УПК РФ, в соответствии с которыми в присутствии присяжных заседателей не подлежат исследованию вопросы права, не входящие в компетенцию присяжных и способные вызвать их предубеждение в отношении участников процесса (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 года № 23 "О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей») [8]. Более жесткую позицию по данному вопросу, по нашему мнению, занимает Европейский суд по права человека, полагающий не только возможным, но и необходимым доведение до сведения присяжных заседателей обстоятельств, характеризующих ключевых свидетелей и потерпевших по уголовным делам [9, 10, 11].

Еще один вопрос, требующий своего обсуждения, связан с представлением присяжным заседателям «шокирующих» доказательств (вещественных доказательств, фотографий и т. п.), способных оказать на присяжных заседателей чрезмерное эмоциональное воздействие и сформировать негативное отношение к подсудимому до вынесения вердикта. Анализируя практику Верховного суда РФ по данному вопросу, С.А. Насонов приводит многочисленные примеры, когда высшая судебная инстанция признавала правомерным демонстрирование присяжным заседателям фототаблиц, на которых зафиксирована обстановка места происшествия, и приходит к выводу, что Верховный Суд РФ, как правило, не признает исследованные с участием присяжных доказательства, способными вызвать у них предубеждение, если метод такого исследования обеспечил нейтрализацию возможного негативного эмоционального воздействия. Этот метод может состоять в предъявлении указанных доказательств присяжным заседателям фрагментарно (например, без демонстрации трупа или лица трупа), с учетом размера и качества фотографий, которые не вызывают отталкивающего впечатления [12, с. 115–119]. С учетом этого, по нашему мнению, следователь должен требовать от специалиста-криминалиста, участвующего в производстве следственных действий и осуществляющего фото- и видеофиксацию их хода и результатов, изготовления таких фотографий, которые не имеют шокирующего характера, а потому могут быть предъявлены присяжным.

Более того, в ходе предварительного расследования необходимо уделять особое внимание использованию технических средств фиксации хода и результатов следственных действий, которые позволяют обеспечить максимальную наглядность при представлении доказательств в суде и облегчат их восприятие присяжными заседателями. Следует исключить из практики проведение без фото- и видеофиксации таких следственных действий как осмотр места происшествия, следственный эксперимент, предъявление для опознания, проверка показаний на месте. Аудиозапись следует признать обязательной и при производстве ключевых допросов, причем не только обвиняемого (подозреваемого), но и потерпевшего и свидетелей. Более того, технические средства фиксации должны применяться и при проведении оперативно-розыскных мероприятий (проверочной закупки, оперативного эксперимента и др.). Только в этом случае появляется возможность представления присяжным заседателям доказательств, что называется, из первоисточника, в максимально простой и понятной форме. Присяжные охотнее поверят словам подсудимого о непричастности к преступлению, чем озвученным государственным обвинителям протоколам его показаний в ходе предварительного следствия, где было зафиксировано признание вины, причем данные признательные показания соответствовали иным имеющимся доказательствам по делу. В тоже время прослушанная в суде фонограмма (или просмотренный видеофильм) окажет на них существенно большее воздействие и окажется весьма убедительным. Если добавить к этому разного рода таблицы, схемы (в том числе приложения к протоколу осмотра места происшествия), планы, диаграммы, составленные еще входе досудебного производства, восприятие доказательств обвинения станет еще более простым и понятным [1].

Говоря о недостатках предварительного следствия, повлекших за собой вынесение присяжными заседателями оправдательных вердиктов, А.А. Ильюхов называет следующие их причины:

1) ошибки, допускаемые следователем в процессе предварительного следствия (процессуального плана, тактические ошибки следствия и ошибки в квалификации деяния);

2) небрежность в составлении протоколов следственных и процессуальных действий (отсутствие в протоколах допросов подписи следователя, исправления маркером, сами протоколы следственных действий плохо читаемы из-за небрежности их написания, в протоколах осмотра места происшествия нередко отсутствуют подписи понятых и др.);

3) нарушение норм действующего уголовно-процессуального законодательства;

4) неполнота и односторонность проведенного расследования [13, с. 47–51].

Как отмечает указанный автор, ошибки, допускаемые следователями в ходе предварительного следствия, носят разноплановый характер и проявляются в следующем: возбуждение уголовного дела, когда следователь не получил соответствующего согласия руководителя следственного органа; непринятие официально уже возбужденного уголовного дела к производству и его расследование; нарушение права обвиняемого пользоваться услугами защитника или переводчика; не проведение обязательной по конкретному уголовному делу экспертизы; не ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела или не разрешение заявленных ходатайств, а также предъявление обвинения с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства (неточная формулировка, допущение расхождений между описанием фактических обстоятельств содеянного и юридических признаков инкриминируемого обвиняемому деяния); допущение расхождения между содержанием обвинения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и содержанием обвинения вводной, а особенно резолютивной частей обвинительного заключения; неполучение подписи прокурора на обвинительном заключении и т.д.[4, с. 51–54]

Представляется, что указанные ошибки типичны не только для дел, которые рассматриваются в суде с участием присяжных заседателей, но последствия их, несомненно, различаются и являются более серьезными. Для предотвращения неблагоприятных последствий некачественно проведенного следствия недостаточно только устранять указанные выше ошибки. В обязательном порядке следует обеспечивать всесторонность, полноту и объективность расследования, выдвигать и проверять все возможные в данном случае версии, повысить эффективность следственных действий, шире осуществлять поиск материальных объектов (трасологических, микрообъектов, объектов биологического происхождения и проч.), назначать все возможные судебные экспертизы, в том числе генетическую, которую следует признавать обязательной, если дело подлежит рассмотрению в суде с участием присяжных заседателей и обнаружены биологические объекты, которые могут исследоваться в рамках данной экспертизы.

На необходимость объективизации доказывания в ходе предварительного следствия обращают внимание многие авторы. Так, С.А. Шейфер, например, отмечает, что одним из способов минимизации низкого качества расследования уголовных дел может стать деятельность следователя и оперативного работника по установлению и фиксации фактических данных, достоверность которых можно проверить. Этого возможно достичь, используя современные экспертные возможности и данные оперативно-розыскной деятельности, привлекая специалистов для производства осмотра места происшествия и следственных

действий, создавая условия для применения норм уголовно-процессуального и иного федерального законодательства при расследовании уголовного дела [14, с. 191].

В литературе справедливо обращается внимание на то, что стороной обвинения уже в ходе досудебного производства в равной степени должны оцениваться как уличающие, так и оправдывающие вину доказательства, которые также в обвинительном заключении выносятся на первый план. По данным исследователей, если в ходе судебного следствия устанавливался факт игнорирования органами предварительного следствия требований стороны защиты о проведении следственных и процессуальных действий, позволяющих подтвердить невиновность подзащитного, то ими в 70 % случаев постановляются оправдательные приговоры с формулировкой «не доказана виновность подсудимого». Недопустимы и необоснованные отказы в удовлетворении заявленных стороной защиты ходатайств [1].

Список использованных источников

1. Доказывание по делам, рассматриваемым с участием присяжных – http://livelawyer.ru/ugolovnyj-protsess/prisyazhnye/item/1047-dokazyvanie-po-delam-rassmatrivaemym-s-uchastiem-prisyazhnykh (Дата обращения 16.09.2017 г.)
2. Ильюхов, А. А. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел, рассмотренных судами с участием присяжных заседателей // Вестник ЮУрГУ, № 20, 2012 – С. 35–39.
3. Ильюхов, А. А. Предварительное следствие и его влияние на производство по уголовному делу в суде с участием присяжных заседателей // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 1 (17). – С. 47–50.
4. Ильюхов, А. А. Суд присяжных в системе деятельности органов, осуществляющих предварительное следствие и судебное разбирательство // Вестник института. Научно-практический журнал Вологодского института права и экономики ФСИН. Преступление. Наказание. Исправление. – Вологда: Изд-во Волог. ин-та права и экон. ФСИН России, 2012, № 2 (18). – С. 51–54.
5. Настольная книга прокурора / Под ред. С. И. Герасимова; Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной Прокуратуре Российской Федерации. – Москва: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка; Экслит, 2002. – 850 с.
6. Гавриленко, А. А. Проблемы изучения личности подсудимого в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей // Вестник Томского государственного университета, 2011. № 345. – С. 104–107.
7. Насонов, С. А. Проблемы исследования данных о личности свидетелей и потерпевших в суде присяжных // Вопросы современной юриспруденции: сборник статей по материалам XXX международной научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАК, 2013, № 10 (30). – С. 75–80.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 N 686-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казакбаева Михаила Агойлиновича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 15 и частью восьмой статьи 335 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] – СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 16.09.2017 г.)
9. Постановление ЕСПЧ от 23.10.2012 «Дело "Пичугин (Pichugin) против Российской Федерации» (жалоба N 38623/03) [Электронный ресурс] – СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 16.09.2017 г.).

10. Постановление ЕСПЧ по делу "Костовски против Нидерландов" (Kostovski v. Netherlands) от 20 ноября 1989 г., Series A, N 166, § 42 [Электронный ресурс] – СПС «Гарант» (Дата обращения 16.09.2017 г.).

11. Постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу "Роу и Дэвис против Соединенного Королевства" (Rowe and Davis v. United Kingdom), жалоба N 28901/95, ECHR 2000-II. [Электронный ресурс] – СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 16.09.2017 г.).

12. Насонов, С. А. Запрет исследования доказательств, способных вызвать предубеждение присяжных заседателей в отношении подсудимого // Вопросы современной юриспруденции, 2014. № 34. – С. 115–119.

13. Ильюхов, А. А. Факторы, влияющие на вынесение оправдательных вердиктов судом с участием присяжных заседателей // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2012, № 2. – С. 47–51.

14. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. — Москва: НОРМА, 2008. – 240 с.

Дата поступления статьи – 18.09.2017.

В статье рассматриваются вопросы повышения качества предварительного следствия по уголовным делам, подлежащим в последствии рассмотрению в суде с участием присяжных заседателей. Отмечается, что успешное поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей невозможно при наличии пробелов в доказательственной базе и ошибок, допущенных в ходе досудебного производства. Определяются пути повышения эффективности предварительного следствия по делам о преступлениях, которые могут быть рассмотрены в суде с участием присяжных заседателей.

The article considers the questions of improvement of quality of preliminary investigation in criminal cases, subject to later consideration of the court with participation of jurors. It is noted that the successful maintenance of public prosecution in court with participation of jurymen it is impossible if there are gaps in the evidence base and errors in the pretrial phase. Define ways of increase of efficiency of preliminary investigation on Affairs about the crimes that can be addressed in court with participation of jurors.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА АДМИНИСТРАЦИЯМИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ

Артеменков В.К.

Эффективность прокурорской деятельности в сфере исполнения законодательства администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, напрямую зависит от ее информационно-аналитического обеспечения, представляющего интеллектуальный процесс сбора, накопления и обработки информации о состоянии законности на обозначенном направлении, в результате которого делаются соответствующие выводы и предложения.

Информационно-аналитическая работа составляет основу организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав и свобод осужденных [1, с. 39]. Большая часть ошибок и просчетов, отмечающихся в работе отдельных прокуратур, имеет в своей основе недооценку их руководителями особой значимости этого вида деятельности и современных методов ее организации [2, с. 3].

И.Н. Кузнецов так определил содержание информационно-аналитической работы – приведение разрозненных сведений в логически обоснованную систему зависимостей (пространственно-временных, причинно-следственных и иных), позволяющих дать правильную оценку как всей совокупности фактов, так и каждому из них в отдельности [3, с. 19].

Начальным этапом аналитического обеспечения является сбор информации, характеризующей причины и условия нарушений законодательства в анализируемой сфере правоотношений администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Данная информация должна обладать рядом свойств: быть достоверной (не искажать истинного положения дел об объекте надзора); адекватной (удовлетворять целям анализа); полной (достаточной для понимания и принятия решений); непротиворечивой (соответствовать законам формальной логике, быть четко и ясно сформулированной) [4, с. 12]. Несоответствие хотя бы одному из указанных свойств может привести прокурора к принятию необоснованного решения.

Одной из актуальных проблем аналитического обеспечения прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях является организация систематического поступления информации из разных источников.

Такими источниками могут быть СМИ и Интернет; обращения осужденных, иных лиц по вопросам обеспечения их прав и законных интересов. Особый интерес представляет информация субъектов осуществления общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания,

правозащитных организаций, уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации, служебная информация, поступающая от должностных лиц администрации учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Эффективным средством оценки состояния законности в сфере обеспечения конституционных прав и свобод лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, является их анонимное анкетирование, позволяющее одновременно выяснить мнение большого количества осужденных о наиболее значимых для них правах и уровне их гарантированности. Анализ данного материала позволяет выявить и проанализировать «точки напряженности внутри исправительных учреждений», предотвратив возможные проблемы, связанные с нарушением прав и свобод осужденных.

«Точки напряженности внутри исправительных учреждений» характеризуют: конституционные права и свободы, представляющие для осужденных наибольшую значимость и наиболее ограниченные, по их мнению, в условиях лишения свободы; показатель нарушения прав и свобод во время отбытия наказания; ситуацию не обращения осужденных в компетентные органы в связи с нарушением их конституционных прав и свобод; категорию лиц (органов), наиболее часто нарушающих конституционные права и свободы осужденных.

Сопоставление указанных видов информации способствует обеспечению наиболее полного представления о состоянии законности на поднадзорных объектах, принятию своевременных мер по улучшению качества их работы, пресечению противоправных действий администрации учреждений, исполняющих уголовные наказания, в отношении осужденных. В процессе сопоставления полученная информация подвергается критической обработке, оценивается на предмет достоверности. В результате в ней выявляется то содержание, которое соответствует поставленной задаче исследуемой проблематики.

Стратегически важным источником информации, определяющим приоритеты прокурорской деятельности, являются:

ведомственные приказы и указания;

информационно-справочные документы – письма, докладные (служебные) записки, сводки, справки и т. д.;

информационно-аналитические документы – информационные письма, информационные справки, решения коллегий и др.

Необходимо также обладать полной информацией о нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность уголовно-исполнительной системы.

Квинт-эссенцию информации о состоянии законности содержат научные труды по вопросам исполнения наказаний. В настоящее время стратегическими исследованиями в указанной области занимаются Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний и другие крупнейшие образовательные учреждения страны.

Получаемую информацию в зависимости от принадлежности к временному промежутку можно поделить на три класса: информация о прошлом, информация о настоящем и информация о будущем. При этом как отмечает В.В. Демидова «одна из главных трудностей в информационной работе состоит как раз в том, чтобы

определить, насколько далеко должно быть обращено исследование в прошлое или будущее, и установить, где обязана проходить граница интересов» [5, с. 13].

Граница интересов прокурора обусловлена общими целями прокуратуры Российской Федерации, изложенными в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»: обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В определении временного промежутка, полагаем, что прокурорам следует, с одной стороны, ориентироваться на установление причин и условий повторяемости нарушений, выявленных в прошлом, с другой – прогнозировать, как будет развиваться состояние законности на поднадзорном объекте, упреждая подобные нарушения в будущем.

Обработка информации может быть организована по двум направлениям: ежедневная обработка текущей информации, полученной в процессе контент-анализа СМИ; изучение всего массива имеющейся информации с учетом выделенных приоритетов.

Реализуя первое направление, прокуроры сталкиваются с проблемой избытка информации. Поэтому необходимо уметь выявить наиболее существенные факты в ограниченный промежуток времени, а для этого требуется хорошо ориентироваться в информационном пространстве, знать, где и какую информацию в концентрированном виде можно получить.

Важнейшим компонентом аналитической деятельности специализированных прокуроров является составление документов, в которых отражаются результаты их работы, анализ состояния законности, надзорной и иной прокурорской деятельности.

Особенностью аналитических документов является присущий им исследовательско-проблемный характер, выраженная в них комплексная цель: описать, разъяснить, выработать решение, обосновать, убедить и т.п. Чем сильнее проявляется системное видение и подход к анализируемым вопросам, тем выше уровень анализа, долгосрочность и точность прогноза, чем больше новых исследовательских идей и нестандартных решений, тем больше аналитический документ отличается от информационного [6, с. 7].

О проблемах, связанных с оформлением документов прокурорской практики, пишут А. Мыцыков и В. Карягина, обращая, прежде всего, внимание на ошибки в письменной речи, нарушение правил орфоэпии, неправильное расположение слов по их информативной значимости [7, с. 28–31]. В целях устранения отмеченных, а также других недостатков коллективом авторов Академии Генеральной прокуратуры подготовлено практическое пособие «Образцы документов прокурорской практики», содержащее основания и специфику применения различных документов, в том числе информационно-аналитических [8].

Требуемую для анализа информацию можно почерпнуть в ходе устных бесед как с осужденными на личном приеме, так и с сотрудниками администрации учреждения (органа), исполняющего уголовные наказания. При этом главной задачей прокурорского работника становится проработка тактики беседы, результатом которой должен стать желаемый для него результат. Отсутствие подобных навыков у прокурорских работников лишает их обширного материала,

способствующего проведению качественного анализа. Решение данной проблемы видится в освоении ими методик коммуникации, применяемых государственными обвинителями в судебном процессе, овладении психологическими основами общения.

Любую беседу, потенциально представляющую интерес для аналитической деятельности прокурора, следует облекать в письменную форму. В дальнейшем это даст возможность осуществить ее анализ и сделать на основании записей соответствующие выводы.

Полученная информация подлежит накоплению и обработке. Накоплению сведений и сообщений способствует внедрение в делопроизводство прокуратуры номенклатуры дел, позволяющей систематизировать полученную информацию и обеспечить ее хранение. Накопление включает в себя разработку плана систематизации собранного материала, который в зависимости от задач отражает цели нормативного, общего и оперативного планирования.

Нормативное планирование позволяет определить, что делать и почему. Анализ информационных потоков, их динамики, а также прогнозирование ситуаций, в которых может быть применима добытая информация, создадут основу для определения генеральных задач, выделения комплекса решаемых проблем и разработки приоритетных направлений прокурорской деятельности в анализируемой сфере правоотношений.

Общее планирование базируется на основе информации, полученной в процессе нормативного планирования, анализа вскрытых проблем, представляя собой программу действий в рамках составленного прогноза, которые позволяют выработать руководящие положения для оперативного планирования. Такое планирование отвечает на вопрос что и как делать.

Оперативное планирование задает вопрос, что мы будем делать и когда. Используя стратегические и программные руководящие положения, располагая оперативной информацией, прокурор может составить проект и двигаться дальше.

Зачастую прокуроры упускают этап планирования, приступая к обработке информации и ее оформлению в соответствующую документарную форму. В итоге получившийся результат оказывается неполным, из вида упускаются детали, которые в начале составления аналитического документа прокурор держал в голове.

В процессе планирования необходимо ориентироваться на результаты предыдущего планирования. Это даст возможность на основе актуальных данных о состоянии законности провести коррекцию или отказаться от первоначальных планов. Ч. Миллс подчеркивал, что необходимо «…периодически анализировать ход своей работы и перспективные планы... Только по прошествии половины или примерно одной трети срока анализ проделанной работы может быть плодотворным и даже интересным для других» [9, с. 225].

Критическая оценка процесса планирования показывает необходимость дополнительного планирования, вскрывает недостатки предыдущего планирования, прогноз которое мог не реализоваться. Такая процедура позволяет определить ориентиры информационно-аналитической деятельности, обеспечить ее полноту, достоверность и объективность. Если предыдущее планирование оказывается оптимальным, то его коррекция не потребуется.

Оценивая важность планирования В.В. Демидов пишет: «источники потенциально важной информации и разнообразные способы ее использования

настолько многочисленны, что наличие плана сбора информации совершенно необходимо для успеха. План сбора сведений соотносит потребности в информации с ее потенциальными источниками таким образом, чтобы уточнить и ограничить процедуру отбора информации» [5, с. 68]. Н.М. Дружинин справедливо указывал, что «процесс распределения записей и копий документов в соответствии с планом исследования позволяет еще раз оценить факты и выводы, уточнить взаимосвязь явлений, установить последовательность будущего изложения» [10, с. 398].

«Составление плана, сначала краткого, затем развернутого справедливо считается предварительным условием систематизации материала, а сама систематизация, соответствующая выношенной концепции и составленному плану, является одним из решающих этапов исследовательской работы. Не стоит упускать из виду, что все планы должны приводить к действию. В противном случае планирование – пустая трата времени» [5, с. 69].

При планировании важно выдержать последовательность этого процесса, двигаясь постепенно от нормативного к общему, а затем к оперативному планированию. Каждый этап должен соотноситься с основными целями и задачами, определяемыми прокуратурой на конкретный промежуток времени, и главное – с имеющимися ресурсами, в том числе кадровыми.

Приступая к обработке информации прокурору необходимо владеть методиками, которые бы позволили качественно (всесторонне, полно и объективно) обобщить и оценить имеющуюся информацию и подготовить на ее основе выводы и предложения по повышению эффективности надзорной или иных видов деятельности. Как писал академик И.Д. Ковальченко, «любая теория содержит какое-то рациональное зерно. Любой метод для чего-нибудь да хорош» [11, с. 61].

Основной проблемой подбора методики обработки информации в целях аналитического обеспечения прокурорской деятельности становится ее разнообразие. Ведь, определившись с объемом информации, которую необходимо изучить, нужно выработать стратегию исследования. Здесь необходимо выбрать метод или их сочетание, позволяющие определить перечень конкретных вопросов, интересующих аналитика – прокурора. Приемлемость того или иного метода зависит от изучаемой проблемы. Постановка данной проблемы требует ее реализации, что предопределяет применение метода в конкретных условиях практической деятельности прокурора. В результате приемлемым методом оказывается тот, который наиболее эффективен в условиях ограничений, накладываемых ситуацией исследования (конкретными условиями практической деятельности прокурора).

Представляется, что для исследования социальных процессов, связанных с прокурорской деятельностью, наиболее результативны приемы и техники, выработанные и освоенные социологией и правом.

Эффективным средством изучения социальных процессов в исправительном учреждении является метод анкетирования осужденных, о котором мы писали выше. Данный метод продуктивно сочетать с изучением дел оперативного учета, содержащих процессы развития ситуации в конкретном исправительном учреждении. Суть этих методик сводится к оценке социально-правовых процессов, происходящих внутри исправительного учреждения, позволяя изучить мотивы участников процесса исполнения уголовных наказаний. Основное назначение всех

аналитических методов состоит в их потенциале раскрыть существенное содержание собранной информации, определить ее применимость для прогнозирования развития наиболее важных направлений прокурорской деятельности.

Таким образом, информационно-аналитическое обеспечение является важным средством повышения эффективности прокурорского надзора в сфере исполнения законодательства администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Список цитированных источников

1. Прокурорский надзор за соблюдением конституционных прав и свобод осужденных к лишению свободы: пособие / В.К. Артеменков [и др.]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016. – 92 с.

2. Информационно-аналитическая деятельность прокуратуры города (района): метод. пособие / рук. авт. кол. К.И. Амирбеков; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2013. – 111 с.

3. Кузнецов, И.Н. Информация: сбор, защита, анализ. Учебник по информационно-аналитической работе. – М.: ООО Изд-во «Яуза», 2001. – 318 с.

4. Годин, В. В., Корнеев, И. К.. Информационное обеспечение управленческой деятельности. – М.: Высшая школа; Мастерство, 2001. – 239 с.

5. Демидов, В. В. Информационно-аналитическая работа в международных отношениях: Учебное пособие. – Новосибирск: НГАЭиУ, 2004. – 192 с.

6. Структура и содержание аналитических документов прокурорской деятельности: сб. образцов аналит. документов / А.Н. Ларьков [и др.]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2017. – 68 с.

7. Мыцыков, А., Карягина, В. Лингвистические особенности речи и документов прокурорского надзора // Законность. – 2010. – № 5. – С. 28–31.

8. Образцы документов прокурорской практики в 2 т. практ. пособие / А. Э. Буксман [и др.] ; отв. ред. А. Э. Буксман, О. С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – 2 т.

9. Миллс, Ч. Социологическое воображение / Пер. с англ. О. А. Оберемко; под ред. Г. С. Батыгина. – М.: Стратегия, 1998. – 228 с.

10. Дружинин, Н.М. Избранные труды. М.: Наука, 1990. – 398 с.

11. Актуальные проблемы теории истории (Материалы «круглого стола». 12 января 1994 г.) // Вопросы истории. – 1994. – № 6. – С. 45–103.

Дата поступления статьи – 17.07.2017.

В статье анализируется информационно-аналитическая деятельность прокуроров в сфере исполнения законодательства администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Определяются свойства информации. Рассматриваются основные проблемы, возникающие в процессе данного вида деятельности. Дифференцируются источники поступления аналитической информации. Процесс обработки информации предлагается осуществлять по двум направлениям: ежедневная обработка текущей информации, полученной в процессе контент-анализа СМИ; изучение всего массива имеющейся информации с учетом выделенных приоритетов. Важнейшим компонентом аналитической деятельности специализированных прокуроров признается составление документов, в которых отражаются результаты их работы, анализ состояния законности, надзорной и иной прокурорской деятельности. Полученная информация подлежит накоплению и обработке.

Накоплению сведений и сообщений способствует внедрение в делопроизводство прокуратуры номенклатуры дел, позволяющей систематизировать полученную информацию и обеспечить ее хранение. Накопление включает в себя разработку плана систематизации собранного материала, который в зависимости от задач отражает цели нормативного, общего и оперативного планирования. Акцентируется внимание на необходимость использования в информационно-аналитической деятельности прокуроров методик, выработанных и освоенных социологическими и правовыми науками.

The article examines the information-analytical work of the prosecutors in the field of law enforcement administrations of the institutions and bodies executing criminal penalties. Define the properties of information. Discusses the basic problems arising in the process of the activity. Differenciate sources of analytical information. The process of information processing is proposed in two areas: the daily processing of current information, received in the process of content analysis of mass media; study the whole range of available information taking into account the selected priorities. A critical component of the analytical activities of the specialized prosecutors recognize the documents reflecting the results of their work, the analysis of a condition of legality, Supervisory and other prosecutorial activities. The information obtained is subject to accumulation and processing. The accumulation of information and messages is facilitated by the introduction into the proceedings of the prosecution of the range of cases that allows to systematize the information received and ensure its safekeeping. The accumulation includes the development of a plan of systematization of the collected material, which, depending on the task reflects the goals of the normative, General and operational planning. Focuses on the need for information and analytical activities of the prosecutors of the techniques developed and mastered sociological and legal Sciences.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДХОДОВ ПО ЗАЩИТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА

Бильдейко А.А.

Надзор за исполнением законодательства и законностью правовых актов («общий надзор» – на уровне своего рода профессионального сленга название может быть не совсем удачное, но в целом соответствующее «широкозахватному» характеру отрасли прокурорского надзора) [1, с. 6] – направление прокурорской деятельности, от которого чаще всего предлагают отказаться как от пережитка советского прошлого. В ряде стран постсоветского пространства данное направление прокурорской деятельности уже упразднено. В Республике Беларусь, наоборот, «общий надзор» прокуратуры оказался востребованным и активно развивается с учетом новых задач, в первую очередь, по защите экономических интересов государства.

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий требует от прокурорских работников не только углубленного знания законодательства, в первую очередь, регулирующего сферу экономической деятельности, но и умения оперативно искать, обрабатывать и анализировать значительный объем различной информации и на основании анализа обеспечивать принятие эффективных управленческих решений.

Изложенные проблемы обусловили выбор объекта исследования – систему управления в органах прокуратуры Республики Беларусь.

В научной литературе, посвященной исследованию вопросов прокурорского надзора, выработана схема управления в органах прокуратуры, которая заключается в: 1) первоначальном уяснении стоящих перед прокуратурой, подразделением задач; 2) определении путей решения задач; 3) подборе надлежащего исполнителя, способного справиться с поставленными задачами; 4) формулировании перед исполнителем способов решения задач, которые должны пониматься исполнителем однозначно, т.е. не быть двусмысленными или неопределенными; 5) установлении срока исполнения задачи; 6) возложении контроля за исполнением задач на конкретное должностное лицо [2, с. 85–86].

Таким образом, используя данную шестиэтапную схему, следует разработать алгоритмы управления процессом решения каждой из новых задач органов прокуратуры по защите экономических интересов государства.

В ходе данного исследования остановимся на первых двух этапах, которые, как представляется, являются важнейшими и определяющими эффективность решения стоящих перед органами прокуратуры задач.

Главная задача, поставленная перед органами прокуратуры руководством страны – работа на опережение, т.е. предупреждение необоснованного расходования государственного имущества и денежных средств, нейтрализация факторов, оказывающих негативное влияние на экономику. В связи с этим Генеральным прокурором Республики Беларусь от прокуроров потребовано оптимизировать надзор, для чего перенести акцент на начальную стадию процесса финансирования экономики [3, с. 5–6]. В качестве приоритетных обозначены задачи обеспечения сохранности государственной собственности, эффективного и рационального расходования бюджетных средств, предупреждения нарушений в сферах государственных закупок, при распоряжении государственным имуществом [4, с. 124].

Рассмотрим проблему решения новых задач по защите экономических интересов государства на примере управления процессом предупреждения нарушений в сфере закупок товаров (работ, услуг).

На первом этапе при начальном уяснении стоящей перед прокуратурой задачи предупреждения нарушений в сфере государственных закупок, а также закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств необходимо иметь в виду, что вопросами предупреждения нарушений в данной сфере занимается значительное количество контролирующих и правоохранительных органов Республики Беларусь. Большинство из данных органов обладает более значительными человеческими и техническими ресурсами, чем прокуратура. Отдельные контролирующие органы исторически специализируются на выявлении нарушений в сфере использования бюджетных средств, имеют соответствующие теоретические знания и практические навыки и самое главное – некоторые работники не имеют других задач и могут сконцентрироваться исключительно на данном направлении. Также следует учитывать, что отдельные органы законодательством прямо определены ответственными за состояние законности при исполнении бюджета (органы Комитета государственного контроля, Министерства финансов Республики Беларусь).

С другой стороны, контролирующие органы в силу своих полномочий в подавляющем большинстве случаев выявляют нарушения законодательства о

закупках в ходе проведения плановых проверок, т.е. когда денежные средства потрачены и возвратить их крайне проблематично. Правоохранительные органы, наделенные правом проведения оперативно-розыскных мероприятий, обладают возможностями выявления сговоров на стадии проведения процедур закупок, однако они больше ориентированы на документирование преступной деятельности, т.е. часть нарушений, не влекущих уголовной ответственности, зачастую остается без их реагирования. Представляется, что именно в обеспечении надлежащего обмена информацией между государственными органами с целью реагирования на все выявленные (даже не относящиеся к непосредственной компетенции выявившего органа) нарушения в сфере закупок может быть заключена роль прокуратуры.

Одним из вариантов решения поставленной задачи можно предложить обеспечение комплексного учета прокурором выявленных всеми государственными органами нарушений в сфере закупок. Такая форма учета позволит по каждому выявленному нарушению отражать сведения о (об): 1) лицах, допустивших нарушения; 2) суммах установленного ущерба (вреда); 3) реальном устранении нарушений; 4) привлечении виновных лиц ко всем видам ответственности; 5) суммах реально возмещенного ущерба (вреда).

Система может работать следующим образом. Любой контролирующий (правоохранительный) орган, выявивший нарушение в сфере закупок, заполняет в электронном виде карточку, в которой содержится информация по пяти вышеуказанным параметрам, и передает ее по техническим каналам связи в соответствующий орган прокуратуры. В прокуратуре информация помещается в базу данных и анализируется на предмет полноты принятых мер. Например, должностное лицо, нарушившее требования законодательства о закупках, привлечено только к дисциплинарной ответственности, а вопрос об административной ответственности не решен; должностное лицо, закупившее без проведения конкурентных процедур закупок товарно-материальные ценности по завышенной стоимости у посреднических структур, не привлечено к материальной ответственности в виде разницы между уплаченной стоимостью и стоимостью имевшегося в наличии товара у производителя. На основании анализа поступающей информации прокурор будет иметь возможность средствами прокурорского реагирования требовать от контролирующих (правоохранительных) органов принять исчерпывающие меры по каждому нарушению.

Таким образом, органам прокуратуры необходимо найти свою «нишу» в данной деятельности с целью недопущения дублирования функций и проведения параллельных проверок.

На втором этапе вышестоящими прокуратурами определяются конкретные пути решения задачи предупреждения нарушений в сфере закупок, которые во многом обусловлены итогами первого этапа. Для этого важно изучить практику предупреждения подобных нарушений другими органами, которые уже достаточно длительное время занимаются данной проблемой, а также опыт деятельности органов прокуратуры, правоохранительных органов других государств по надзору за исполнением законодательства о закупках товаров (работ, услуг), так как коррупционные схемы, возникающие в сфере государственных закупок в разных странах мира, зачастую схожи по форме, характеру и структуре [5, с. 381]. Полученные результаты исследования, соотнесенные с полномочиями органов

прокуратуры Республики Беларусь, безусловно, можно и нужно использовать в практической деятельности.

Особый статус органов прокуратуры Республики Беларусь предопределяет путь решения задачи предупреждения нарушений в сфере закупок. Согласно п. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» [6] прокуратура координирует правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, а также деятельность по борьбе с преступностью иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью, деятельность по профилактике правонарушений. Конечно, прокурорские работники могут самостоятельно проводить соответствующие проверки исполнения законодательства о закупках. Однако их результат, как представляется, с учетом небольшой штатной численности органов прокуратуры, значительного количества стоящих перед ними иных задач, отсутствия возможности осуществления оперативно-розыскных мероприятий не позволит существенным образом повлиять на состояние законности в данной сфере.

Только обеспечив должное взаимодействие между всеми контролирующими и правоохранительными органами в поднадзорном регионе, исключив дублирование функций, возможно обеспечить максимальное изучение информации, размещаемой в открытом доступе на официальном сайте и электронных торговых площадках, оперативное выявление нарушений и реагирование на них. Для этих целей республиканское координационное совещание по борьбе с преступностью и коррупцией, председательствует на котором Генеральный прокурор Республики Беларусь, может принять решение об организации взаимодействия государственных органов и иных организаций по предупреждению правонарушений в сфере закупок, утвердить базовые алгоритмы взаимодействия заинтересованных структур. При этом, согласно п. 16 Положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 17.12.2007 № 644 [7], решения координационного совещания являются обязательными для выполнения государственными органами, осуществляющими борьбу с преступностью и коррупцией, государственными органами и иными организациями, участвующими в борьбе с преступностью и коррупцией, субъектами профилактики правонарушений и их должностными лицами.

Правоохранительные и контролирующие органы без соответствующих сигналов о нарушениях не могут эффективно предотвращать значительное количество фактов сговоров в сфере закупок. Необходимо создание эффективного механизма взаимодействия государственных органов с предпринимателями, несмотря на различные ценностные ориентации указанных социальных групп [8, с. 298], позволяющего получать от бизнес-сообщества информацию о возможных фактах сговоров и иных неправомерных действий, в результате которых «конкурентоспособным» становится тот, кто незаконно смог получить преимущества на рынке на основе коррупционного соглашения или решения [9, с. 22], а юридические механизмы замещаются внеправовыми – материальной или иной личной выгодой для должностного лица или связанных с ним общими интересами лиц [10, с. 97].

Значительную помощь правоохранительным органам, органам государственного контроля в выявлении и предупреждении нарушений закона в рассматриваемой сфере могут оказать общественные объединения, задачей

которых становится организация социального контроля. Например, Счетная палата Российской Федерации установила тесные контакты с общественными организациями, в первую очередь с Общероссийским общественным движением Народный фронт «За Россию» и Общественной палатой. Сотрудничество с институтами гражданского общества предполагает постоянный обмен аналитической, статистической и методической информацией по мониторингу использования бюджетных средств, направляемых на закупку товаров, работ и услуг [11, с. 7].

В целом, из четырех групп объектов для прокурорских проверок исполнения законодательства в сфере закупок (организаторы, заказчики, участники процедуры закупки, органы контроля в сфере закупок) именно на последней, четвертой группе объектов должен быть и сосредоточен прокурорский надзор, так как ни один другой орган в Республике Беларусь не обладает необходимыми полномочиями и возможностями по обеспечению выявления и предупреждения нарушений в деятельности как контролирующих, так и правоохранительных органов.

Имеющиеся проблемы как на исследованных, так и на последующих (подбор надлежащего исполнителя, формулирование перед ним способов решения задач, установление сроков исполнения задачи, осуществление контроля) этапах процесса управления предупреждением органами прокуратуры нарушений в сфере экономики, практически полное отсутствие научных публикаций по данной тематике свидетельствуют о необходимости проведения подробных исследований, результаты которых могут существенно повысить эффективность прокурорского надзора.

В заключение можно сформулировать следующие выводы.

Совершенствование системы управления в органах прокуратуры необходимо начинать с повышения внимания стадиям первоначального уяснения стоящих перед прокуратурой задач и определения путей их решения, так как нижестоящие прокуратуры испытывают трудности при осуществлении надзора в условиях отсутствия четких управляющих воздействий со стороны вышестоящих прокуратур.

При решении задач по предупреждению правонарушений в сфере экономики органы прокуратуры не должны подменять контролирующие и правоохранительные органы, а использовать предоставленные законодательством полномочия по координации их деятельности, обеспечению полного устранения выявленных нарушений и привлечения виновных лиц к ответственности.

Используя получаемую на постоянной основе из контролирующих и правоохранительных органов информацию о выявляемых нарушениях в сфере экономики, прокуроры путем ее анализа могут устанавливать наиболее характерные причины и условия, способствовавшие этим нарушениям. По результатам обобщений имеющихся проблем требовать от соответствующих государственных органов принятия действенных мер по их устранению.

Список использованных источников:

1. Алексеев, А. Общий надзор: проблемы и перспективы / А. Алексеев // Законность. – 1998. – № 2. – С. 6–11.

2. Прокурорский надзор : учебник / Ю. Е. Винокуров, А. Ю. Винокуров ; под ред. Ю. Е. Винокурова. – М. : Юрайт, 2016. – 472 с.

3. Конюк, А. В. Задачи и направления деятельности прокуратуры должны соответствовать происходящим в стране преобразованиям / А. В. Конюк // Законность и правопорядок. – 2015. – № 1. – С. 3–8.

4. Конюк, А. В. Прокуратура как субъект обеспечения национальной безопасности / А. В. Конюк // Проблемы управления. – 2014. – № 2. – С. 117–125.

5. Многоликая коррупция: выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики и государственного управления / под ред. Э. Кампоса, С. Прадхана. – М. : Альпина Паблишерз, 2010. – 549 с.

6. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Об утверждении Положения о деятельности координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 дек. 2007 г., № 644 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

8. Противодействие коррупции : учеб. пособие / Н. А. Бабий [и др.]; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 498 с.

9. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» / [А. В. Барков и др.] ; под ред. В. М. Хомича. – Минск : Амалфея, 2017. – 603 с.

10. Ильяков, А. Д. Конфликт интересов в госзакупках / А. Д. Ильяков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 4. – С. 97–103.

11. Криминологическая характеристика «откатов» в современной России / А. Л. Аристархов [и др.] ; под общ. ред. Р. В. Жубрина. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 248 с.

Дата поступления статьи – 28.09.2017.

Статья посвящена проблемам организация системы управления в органах прокуратуры Республики Беларусь. Появившиеся в последние годы новые задачи по предупреждению нарушений в сфере экономики и защите экономических интересов государства обусловили необходимость совершенствования исторически сложившейся организации системы управления в органах прокуратуры. Проблема решения прокуратурой новых задач по защите экономических интересов государства рассмотрена на примере управления процессом предупреждения нарушений в сфере закупок товаров (работ, услуг). Автором произведено обоснование важности первоначальных этапов процесса управления, на которых определяются конкретные пути решения задачи. Также дано обоснование необходимости разработки и практического использования объективных критериев оценки эффективности деятельности прокуроров при осуществлении надзора за исполнением законодательства в сфере экономики.

The article is devoted to the problems of organization of the management system in the prosecution bodies of the Republic of Belarus. Appeared in recent years new tasks on preventing offences in the economics and protecting the economic interests of the state have caused the need for improving historically developed organization of the management system in the prosecution bodies. The problem of resolving new tasks on protection of the economic interests of the state by the Prosecutor’s Office is considered on the example of managing the process of prevention of offences in the sphere of procurement of goods (works, services). The author has made justification of importance of initial stages of management process on which concrete solutions are made. There has been given justification of the need for developing and practical using objective criteria for assessing efficiency of prosecutors' activity in the area of supervision over performance of legislation in the economics.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРОКУРОРА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Бодакова О.В.

Прокурорский надзор, имеющий своей задачей обеспечение точного и единообразного исполнения и применения законов во всем государстве, – это объективная необходимость, обусловленная социальной ролью права и единой законностью. Прокурорский надзор, деятельность прокуратуры Республики Беларусь являются важной гарантией защиты прав и свобод граждан, интересов юридических лиц и государства в целом.

Законность и правопорядок зависит не только от норм материального, но и от эффективной реализации норм и принципов процессуального права. Обеспечение правовых гарантий юридических и физических лиц является одной из задач прокурорского надзора. Поэтому участие прокурора в процессе может способствовать укреплению законности при рассмотрении дел в судах. Так, в ч. 2 ст. 125 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция [1]) закреплено, что прокуратура осуществляет надзор за соответствием закону судебных решений.

Вместе с тем отсутствие четких форм и способов взаимоотношений прокуратуры и суда, наряду с необходимостью осуществления принципов независимости судей и подчинения их только закону, становится причиной дискуссий относительно целесообразности участия прокурора в хозяйственном процессе. Это обусловливает необходимость определения правового статуса прокурора в хозяйственном судопроизводстве, целей и оснований его участия, форм и функций, реализуемых при осуществлении данного направления деятельности, а также форм взаимодействия органов прокуратуры и экономического суда. Решение названных и других вопросов не представляется возможным без комплексного исследования порядка участия прокурора при рассмотрении экономическими судами хозяйственных споров.

В соответствии с ч. 2 ст. 6 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК [2]) прокурор имеет право на обращение в экономический суд как в целях защиты государственных и общественных интересов, так и в защиту интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, организаций, не являющихся юридическими лицами (в том числе коллективов работников), и граждан, — в случаях, предусмотренных законодательными актами.

В экономических судах Республики Беларусь ежегодно рассматривается значительное количество хозяйственных (экономических) споров. В связи с этим особый интерес представляет действующий в хозяйственном процессуальном праве институт защиты прокурором интересов прав и законных интересов субъектов хозяйствования.

Целью настоящей статьи является определение места прокурора в современном хозяйственном судопроизводстве, выявление и анализ проблем правового регулирования участия прокурора при рассмотрении экономическими судами хозяйственных споров, а также разработка предложений по их научно-практическому разрешению.

Теоретической основой научной статьи явились труды ученых в области гражданского процессуального и хозяйственного процессуального права: М.В. Гадиятовой, В.С. Каменкова, И.Н. Колядко, М.Ю. Крутикова, Л.Ф. Лазутиной, И.И. Черных и др. Эмпирическую основу исследования составили нормативные правовые акты Республики Беларусь, регулирующие вопросы участия прокурора при рассмотрении экономическими судами хозяйственных споров.

Конституция закрепляет, что прокуратура осуществляет надзор за соответствием закону судебных решений (ч. 2 ст. 125) [1].

Относительно правового положения прокурора в процессе следует поддержать позицию И.Н. Колядко, И.И. Черных и Л.Ф. Лазутиной, которые утверждают, что прокурор, выполняя основные процессуальные функции истца, не является субъектом спорного материального правоотношения, а участвует в процессе лишь для защиты прав и интересов других лиц или государства [3, с. 88; 4, с. 51; 5, с. 8]. При этом носителем материального интереса выступает другое лицо, в защиту которого предъявлен иск [4, с. 51] и которое вправе распоряжаться предметом спора (отказ от иска, заключение мирового соглашения). Кроме того, как справедливо отмечают В.С. Каменков, М.В. Гадиятова и М.Ю. Крутиков, участие прокурора содействует обеспечению законности [6, с. 4; 7, с. 7; 8, с. 68]. Таким образом, прокурор занимает положение заинтересованного в деле лица, поводом для участия которого в хозяйственном судопроизводстве является не материально-правовая, а процессуальная заинтересованность в разрешении спора, а также необходимость обеспечения законности при осуществлении правосудия экономическими судами.

Прокурор при установлении нарушений законодательства в пределах своей компетенции предъявляет в экономический суд иск (заявление) в целях защиты государственных и общественных интересов, а также вправе подать иск (заявление) в целях защиты интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других лиц с их согласия (ст. 66 ХПК).

В соответствии со ст. 66 ХПК необходимость получения согласия на подачу прокурором иска зависит от субъекта, защищаемого прокурором, и категории дела. Наличие государственного и общественного интереса исключает обязанность прокурора истребовать согласие (ч. 1 ст. 66 ХПК), в то время как защита частного интереса субъекта хозяйствования допускается только при получении положительного волеизъявления последнего (ч. 2 ст. 66 ХПК).

В ч. 1 ст. 66 ХПК закреплены только две категории дел, которые отождествляются законодателем с государственными или общественными интересами:

- об оспаривании ненормативных правовых актов государственных органов, органов местного управления и самоуправления, иных органов или должностных лиц, которыми затрагиваются права и законные интересы юридических лиц и граждан в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности;

- о признании недействительными сделок.

По искам, предъявленным прокурором в защиту государственных и общественных интересов, истцами (заявителями) могут выступать Республика Беларусь или административно-территориальные единицы Республики Беларусь в лице соответствующих государственных органов, органы местного управления и

самоуправления, общественные организации (п. 8 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 октября 2005 г. № 22 «Об участии прокурора в хозяйственном судопроизводстве» [9] (далее – постановление Пленума № 22). Кроме того, истцами по первой категории дел могут быть юридические лица и граждане, чьи права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности затрагиваются ненормативными правовыми актами, которые прокурор оспаривает. По второй категории дел – государственные унитарные предприятия, государственные учреждения, а также юридические лица, в уставном фонде которых есть доля государственной собственности, в случае предъявления прокурором иска о признании недействительности сделок.

Необходимо отметить, что оба критерия (субъектный состав и категория дела) должны учитываться в совокупности. При отсутствии одной составляющей иск не будет рассматриваться, как предъявленный в целях защиты государственных и общественных интересов.

В ст. 159 ХПК закреплены форма и содержание искового заявления, в том числе подаваемого прокурором. Так, согласно ч. 5 ст. 159 ХПК, в исковом заявлении, предъявленном прокурором в целях защиты государственных или общественных интересов, должны содержаться обоснование, в чем заключается государственный или общественный интерес; указание, какое право нарушено; ссылка на акты законодательства; в случае обращения в экономический суд в целях защиты интересов других лиц, не имеющих доли государственной собственности, к исковому заявлению дополнительно прилагается письменное заявление, подтверждающее их согласие на предъявление такого иска.

Следует отметить, что в п. 10 постановления Пленума № 22 закреплены формы получения согласия юридических лиц, имеющих долю государственной собственности, в случае предъявления прокурором иска (заявления) в их интересах в виде письменного обращения, заявления о подаче иска прокурором или выражения соответствующего согласия в ходе судебного разбирательства по делу. Полагаем, что последняя форма выражения волеизъявления истца в определенной мере противоречит ч. 2 ст. 66 ХПК, поскольку в данной норме речь идет не о согласии юридических лиц на судебную защиту их интересов прокурором в принципе, а о согласии на совершение конкретного процессуального действия – предъявления иска в суд. Таким образом, буквальное толкование ч. 2 ст. 66 ХПК позволяет сделать вывод о том, что если заявление, поданное прокурором, изначально не сопровождается согласием соответствующего истца, выраженного в какой-либо форме, такое заявление должно быть оставлено без движения по абз. 2 ч. 1 ст. 162 ХПК.

Более того, порядок предъявления прокурором иска в защиту индивидуального предпринимателя или других лиц вообще не регламентируется в хозяйственном процессуальном законодательстве.

Также полагаем, что содержание последнего предложения ч. 2 ст. 159 ХПК («в случае обращения в экономический суд в целях защиты интересов других лиц, не имеющих доли государственной собственности, к исковому заявлению прилагается письменное заявление, подтверждающее их согласие на предъявление такого иска») не в полной мере соответствует названию данной статьи («Форма и содержание искового заявления»). Следуя необходимости логичного построения акта, было бы правильным разместить требование о приложении к исковому

заявлению определенных документов в ст. 160 ХПК «Документы, прилагаемые к исковому заявлению (заявлению)», дополнив ч. 1 абзацем седьмым следующего содержания: «К исковому заявлению прилагаются копии искового заявления в количестве экземпляров, равном числу ответчиков, а также документы, подтверждающие:…согласие юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других лиц в случаях, установленных в ч. 2 ст. 66 настоящего Кодекса, на предъявление прокурором иска в целях защиты их интересов».

В целях защиты прав и законных интересов субъектов хозяйствования прокурор, принимавший участие в рассмотрении дела, вправе опротестовать решение экономического суда первой инстанции, не вступившее в законную силу, в апелляционном порядке (ч. 2 ст. 267 ХПК). Формой обращения прокурора в хозяйственный суд для пересмотра судебных постановлений в апелляционном порядке в соответствии со ст. 7 ХПК является апелляционный протест. Вместе с тем считаем необходимым уточнить в ч. 2 ст. 267 ХПК право прокурора опротестовывать не только решения экономического суда, но и определения. Это объясняется тем, что, исходя из ст. 216, 267, 282 ХПК, не представляется возможным сделать вывод о подобном полномочии прокурора, несмотря на его наличие в хозяйственном судопроизводстве.

Прокурор вправе принести апелляционный протест в целях защиты государственных и общественных интересов независимо от согласия сторон и иных лиц, участвующих в деле, а также лиц, не привлеченных к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением. В случае принесения прокурором протеста в целях защиты интересов юридических лиц, не имеющих в уставном фонде доли государственной собственности, а также индивидуальных предпринимателей или граждан, от указанных лиц должно быть получено письменное заявление, подтверждающее согласие на принесение такого протеста (ч. 2 ст. 267 ХПК).

Следует отметить, что в ч. 4 ст. 270 ХПК, регламентирующей форму и содержание протеста, отсутствует норма, которая закрепляет обязанность прокурора прилагать к апелляционному протесту документы, подтверждающие согласие соответствующих юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других лиц на принесение протеста прокурором в их интересах.

В соответствии с абз. 6 ч. 1 ст. 272 ХПК апелляционная жалоба (протест) возвращается экономическим судом апелляционной инстанции, если апелляционная жалоба (протест) подана с нарушением требований, установленных ст. 270 ХПК. Следовательно, прокурор, несмотря на требование ч. 2 ст. 267 ХПК, может не прилагать к апелляционному протесту согласие вышеуказанных субъектов на защиту их интересов в апелляционной инстанции, не претерпевая негативных правовых последствий. Таким образом, положения ч. 2 ст. 267 ХПК на стадии возбуждения апелляционного производства не действуют.

В постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 29 июня 2011 г. № 11 «О некоторых вопросах рассмотрения дел в хозяйственном суде апелляционной инстанции» [10] (далее – постановление Пленума № 11) в абз. 3 п. 3 закреплено, что в случае принесения прокурором апелляционного протеста при отсутствии письменного заявления суду апелляционной инстанции юридических лиц, не имеющих в уставном фонде доли государственной собственности, а также индивидуальных предпринимателей или граждан, подтверждающему их согласие на принесение протеста, при назначении

апелляционного протеста к рассмотрению следует предложить прокурору представить такое письменное заявление. При непредставлении такого доказательства апелляционный протест подлежит оставлению без рассмотрения (абз. 2 ч. 1 ст. 273 ХПК). Таким образом, Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь предлагает оставить апелляционный протест без рассмотрения, поскольку протест подан с нарушением требований, установленных ст. 270 ХПК. Но, как отмечалось выше, в ст. 270 ХПК не закреплена необходимость представления прокурором письменного заявления. В данном случае в постановлении Пленума № 11 было бы правильнее указать на обязанность экономического суда апелляционной инстанции оставлять апелляционный протест без рассмотрения, применяя абз. 2 ч. 1 ст. 273 ХПК в корреспонденции с абз. 11 ст. 151 и ст.ст. 267, 270 ХПК, определяющими требования к форме и содержанию протеста, принесенного прокурором.

С целью обеспечения согласованности содержания норм ХПК и логики их построения считаем необходимым дополнить ч. 4 ст. 270 ХПК абзацем следующего содержания: «к апелляционному протесту прилагаются документы, подтверждающие: … согласие юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других лиц в случаях, установленных в ч. 2 ст. 267 настоящего Кодекса, на принесение прокурором протеста в целях защиты их интересов».

Следует отметить, что в ст. 282 ХПК «Право кассационного обжалования (опротестования)» закреплен круг субъектов, обладающих правом подать кассационную жалобу (протест) на судебное постановление хозяйственного суда первой инстанции, вступившее в законную силу, и судебное постановление хозяйственного суда апелляционной инстанции. Вместе с тем несмотря на то, что название статьи закрепляет возможность опротестования судебных актов в кассационном порядке, в ее содержании отсутствует указание на лицо, управомоченное на принесение протеста в кассационную инстанцию. Интересен тот факт, что в п. 30 постановления Пленума № 22 указывается, что согласно ст. 282 ХПК кассационный протест на судебное постановление экономического суда первой инстанции, вступившее в законную силу, и судебное постановление хозяйственного суда апелляционной инстанции могут быть принесены прокурором, участвовавшим в деле. При этом в ст. 282 ХПК прокурор вообще не упоминается. Кроме того, в хозяйственном процессуальном законодательстве отсутствует правовая регламентация вопроса о необходимости наличия согласия лиц, участвующих в деле, на принесение кассационного протеста прокурором.

В связи с этим считаем целесообразным – по аналогии со ст. 267 ХПК – дополнить ст. 282 ХПК частью второй следующей редакции: «Прокурор, принимавший участие в рассмотрении дела, вправе принести кассационный протест на судебное постановление суда, рассматривающего экономические дела, первой инстанции, вступившее в законную силу, и судебное постановление суда, рассматривающего экономические дела, апелляционной инстанции в целях защиты государственных и общественных интересов независимо от обжалования его сторонами и иными лицами, участвующими в деле, а также лицами, не привлеченными к участию в деле, чьи права и законные интересы нарушены судебным постановлением, и их согласия на принесение протеста. При принесении прокурором протеста в иных случаях прилагается письменное заявление юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других лиц,

подтверждающее их согласие на принесение протеста в целях защиты их интересов».

Вышеуказанное изменение обусловливает необходимость дополнения ч. 6 ст. 286 ХПК абзацем следующего содержания: «к кассационному протесту прилагаются документы, подтверждающие: … согласие юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других лиц в случаях, установленных в ч. 2 ст. 282 настоящего Кодекса, на принесение прокурором протеста в целях защиты их интересов».

В результате исследования правового положения прокурора в хозяйственном процессе нами получены следующие выводы:

1. Прокурор в хозяйственном процессе занимает положение юридически заинтересованного в деле лица, поводом для участия которого в хозяйственном судопроизводстве является не материально-правовая, а процессуальная заинтересованность в разрешении спора, а также необходимость обеспечения законности при осуществлении правосудия экономическими судами.

2. Для обеспечения логичного и системного построения ХПК как одного из основных положений нормотворческой техники представляется необходимым разместить требование о приложении к исковому заявлению документов, подтверждающих согласие юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и других лиц в случаях, установленных в ч. 2 ст. 66 ХПК, на предъявление прокурором иска в целях защиты их интересов, в ст. 160 ХПК «Документы, прилагаемые к исковому заявлению (заявлению)».

3. С целью обеспечения согласованности содержания норм ХПК считаем целесообразным уточнить в ХПК право прокурора опротестовывать не только решения экономического суда, но и определения. Это объясняется тем, что, исходя из содержания ст. 216, 267, 282 ХПК, не представляется возможным сделать вывод о подобном полномочии прокурора, несмотря на его наличие в хозяйственном судопроизводстве.

4. Представляется необходимым уточнить полномочия прокурора в случае принесения протеста в экономический суд апелляционной и кассационной инстанции.

Полагаем, что законодательное закрепление вышеуказанных предложений позволит обеспечить наиболее полное правовое регулирование порядка обращения прокурора в экономический суд в защиту интересов субъектов хозяйствования.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополненьями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2007. – 48 с.

2. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 дек. 1998 г., № 219-З: принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г.: одобрен Советом Респ. 26 нояб. 1998 г.: с изм. и доп. от 01.07.2017 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Колядко, И.Н. Участие прокурора в гражданском процессе : [по состоянию на 01.10.1999] / И.Н. Колядко // Пром.-торговое право. – 1999. – № 7. – С. 84–94.

4. Черных, И.И. Заочное производство в гражданском процессе / И.И. Черных ; под. ред. В.Н. Аргунова. – М. : Городец-издат, 2000. – 127 с.

5. Лазутина, Л.Ф. Прокурор в гражданском процессе : метод. рекомендации / Л.Ф. Лазутина. – Могилев : Могилев. гос. ун-т, 2006. – 16 с.

6. Каменков, В.С. Прокурор в гражданском и хозяйственном процессе (сравнительный анализ) : [по состоянию на 20.12.1998] / В.С. Каменков // Пром.-торговое право. – 1998. – № 7/8. – С. 4–46.

7. Гадиятова, М.В. Участие прокурора при рассмотрении гражданских дел судами : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.11 / М.В. Гадиятова ; Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2005. – 27 с.

8. Крутиков, М.Ю. Гражданско-процессуальный статус прокурора / М.Ю. Крутиков // Соврем. право. – 2007. – № 5. – С. 67–70.

9. Об участии прокурора в хозяйственном судопроизводстве : постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 22 окт. 2005 г., № 22 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.11.2009 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

10. О некоторых вопросах рассмотрения дел в хозяйственном суде апелляционной инстанции : постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 29 июня. 2011 г., № 11 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Дата поступления статьи – 14.09.2017.

Данная статья посвящена определению места прокурора в современном хозяйственном судопроизводстве, выявлению проблем в правовом регулировании участия прокурора при рассмотрении экономическими судами хозяйственных споров, в том числе в экономических судах апелляционной и кассационной инстанций. На основе анализа различных подходов ученых-процессуалистов, а также соответствующих норм хозяйственного процессуального законодательства автором разработаны предложения по детальной регламентации порядка предъявления прокурором иска в защиту субъектов хозяйствования; уточнена форма и содержание искового заявления, поданного прокурором в экономический суд; выявлена необходимость уточнить в Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь право прокурора опротестовывать не только решения экономического суда, но и определения; обоснована необходимость обеспечения согласованности содержания норм Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь и приведения к единообразию процессуальной терминологии.

The present research paper is devoted to defining of the place of the prosecutor in the modern economic court procedure, to identifying problems of the legal regulation of the prosecutor participation in the economic court proceedings. Based on the analysis of different scientists' approaches, as well as relevant norms of the economic procedural legislation, the author developed proposals on the detailed regulation of the procedure for the presentation by the prosecutor of a claim in defense of business entities; the form and contents of the statement of claim filed by the prosecutor in the economic court have been clarified; the need to clarify in the Economic Procedural Code of the Republic of Belarus the right of the prosecutor to appeal not only the decisions of the economic court, but also the definitions; the necessity of ensuring the consistency of the content of the norms of the Economic Procedural Code of the Republic of Belarus and bringing uniformity of procedural terminology is substantiated.

НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Винокуров А.Ю.

Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в качестве самостоятельной отрасли прокурорского надзора был включен в Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) [1] в конце 1995 г., что, как подчеркивал в комментарии к указанному законодательному акту профессор Ю.И. Скуратов, в то время пребывавший в должности Генерального прокурора Российской Федерации, явилось наглядным подтверждением «существенного усиления в современных условиях ее (прокуратуры – А.В.) правозащитной роли» [2, с. 126]. Как показало дальнейшее развитие социальной политики российского государства, правозащитный потенциал прокуратуры выдержал проверку временем, и роль прокуроров в обеспечении законности в рассматриваемой сфере по-прежнему остается весомой, что подтверждается и законодателем, который счел возможным по истечении более чем двадцатилетнего срока сохранить самостоятельный отраслевой статус надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Попутно отметим, что в самой прокурорской среде высказывались предложения о целесообразности объединения рассматриваемой деятельности прокуроров с другой отраслью – *надзором за исполнением законов* по причине фактического отсутствия разницы в предмете надзора [3, с. 5], с чем мы не можем согласиться, поскольку сохранение статус-кво в этом вопросе отвечает одной из поставленных перед прокурорской системой в п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре целей – *защите прав и свобод человека и гражданина*, в связи с чем законотворческое разрешение дискуссии о возможном отраслевом слиянии представляется преждевременным.

До 18 марта 2017 г. надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина помимо ряда специфических средств его осуществления, перечисленных в ст. 27 и 28 Закона о прокуратуре, обладал еще и главной особенностью, вытекающей из сопоставления содержания ст. ст. 21 и 26 указанного законодательного акта. Если в случае с надзором за исполнением законов для проведения проверки в обязательном порядке презюмировалось наличие у прокурора информации о факте нарушения закона, требующем прокурорского вмешательства, то применительно к надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина законодатель это обстоятельство не подчеркивал, что, по сути, позволяло помимо непосредственного реагирования на поступившие в прокуратуру жалобы и обращения, проводить проверки без наличия конкретной информации, то есть в инициативном порядке, в том числе в целях профилактической оценки обстановки в той или иной сфере и принятия превентивных мер. Собственно, это обстоятельство делало легитимными, например, масштабные внеплановые проверки учреждений социальной защиты (детских интернатов, домов престарелых и др.) в случаях, когда на одном конкретно взятом объекте происходили серьезные нарушения прав граждан и это приобретало широкий общественный резонанс с последующей постановкой ситуации под контроль высшего руководства страны.

Вместе с тем с 18 марта 2017 г. вступил в силу Федеральный закон от 07.03.2017 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» (далее – Закон № 27-ФЗ) [4], принятый в рамках реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с жалобами Межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений "Агора", … и гражданки С.А. Ганнушкиной» (далее – Постановление № 2-П) [5], которое, как видно из ставших предметом его рассмотрения статей Закона о прокуратуре, затрагивало только вопросы надзора за исполнением законов, где, безусловно, были проблемы, связанные с отсутствием процессуализации прокурорской проверки, что, собственно, и было, пусть и не совсем оперативно, но разрешено законодательно. Поскольку подробная характеристика непосредственно правовому регулированию проверки и связанных с ним нюансов была нами дана в самостоятельной работе [6], в настоящей статье полагаем возможным не повторяться и коснуться лишь аспектов, непосредственно затрагивающих вопросы надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Итак, Законом № 27-ФЗ, несмотря на отсутствие каких-либо позиций в Постановлении № 2-П на сей счет, пункт 2 ст. 26 Закона о прокуратуре был дополнен предложением о том, что «проведение прокурором проверки соблюдения прав и свобод человека и гражданина осуществляется с учетом положений пунктов 2–15 статьи 21 настоящего Федерального закона». Таким образом, законодатель унифицировал требования к проведению прокурорами проверки в обеих названных отраслях прокурорского надзора, что естественно исключило имевшие ранее место конкурентные преимущества надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, допускавшие, как было отмечено выше, проведение проверки и в отсутствие конкретной информации о факте нарушения прав и свобод человека и гражданина. Насколько данное обстоятельство будет способствовать усилению защищенности прав граждан, покажет время, но вполне очевидно, что прокуроры смогут проводить проверки только при наличии у них информации, подтвердить или опровергнуть которую нельзя без проведения проверочных мероприятий. Соответственно превентивный (упредительный) характер надзора в рассматриваемой сфере можно считать ушедшим в историю.

Здесь, правда, мы не учитываем складывающиеся фактически вне законодательного регулирования реалии, когда в связи с поручением Президента Российской Федерации либо в силу рекомендаций Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по итогам заслушивания ежегодного доклада Генерального прокурора Российской Федерации о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению организуются и проводятся проверки как исполнения закона, так и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, в которых задействуются многие прокуроры, проверяющие в том числе объекты, в отношении которых какая-либо информация об имеющих место противоправных явлениях в принципе отсутствует. Но это тема для особого разговора, связанного с необходимостью придания устоявшейся практике с учетом реального состояния законности легитимного характера.

Безусловно, унификация требований к проверкам может оцениваться положительно в том смысле, что должностным и иным ответственным лицам проверяемых органов и организаций не нужно ломать голову относительно отраслевой принадлежности проверки, поскольку в пунктах 2–15 ст. 21 Закона о прокуратуре прописаны все возможные действия прокуроров и вполне определенные запреты и ограничения. Очевидно, что и для большинства прокуроров во многом упрощается задача в силу все той же процессуализации проверочных мероприятий. Однако в любых новеллах необходимо изыскивать слабые места, которые неизбежно проявляются в случаях, когда применяется метод унификации. Именно с этой позиции попытаемся проанализировать нововведение.

Итак, напомним, что в п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре речь идет о «проверке соблюдения прав и свобод человека и гражданина», в силу чего положения пунктов 2–15 ст. 21 указанного законодательного акта необходимо применять с учетом обозначенной специфики. Здесь следует отметить, что в упомянутых нормах законодатель, как правило, применяет обезличенный (не увязанный с конкретной отраслью прокурорского надзора) термин «проверка», что в принципе упрощает задачу и не ставит перед правоприменителем особых проблем. Более того, утвержденные приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2017 № 172 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора в связи с принятием Федерального закона от 07.03.2017 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» [7] *Решение о проведении проверки* (приложение № 1) и *Решение о расширении предмета проверки* (приложение № 2) не содержат ни в названии, ни в требующих заполнения строках по тексту упоминания о том, какие нарушения (закона или прав и свобод человека и гражданина) имеются в виду, что делает бланки универсальными и вменяет прокурору лишь правильное заполнение нужных позиций, включая в первую очередь предмет проверки.

В то же время приложение № 3 «Акт проверки, в ходе которой не выявлено нарушений закона» как по названию, так и по содержанию ориентировано исключительно на надзор за исполнением законов, что обусловливает необходимость дополнения указанного приказа новым приложением – *Актом проверки, в ходе которой не выявлено нарушений прав и свобод человека и гражданина*. А в целом, как было отмечено нами в упомянутой выше статье [6, с. 4], для обеспечения единообразия правоприменительной практики, предписываемой ст. 21 Закона о прокуратуре, следовало бы утвердить на ведомственном уровне еще как минимум восемь типовых форм документов, сопровождающих принятие прокурором решений в рамках проверочного процесса.

Среди акцентированных на надзор за исполнением законов норм ст. 21 Закона о прокуратуре выделяется абзац третий пункта 12, согласно которому в исключительных случаях допускается проведение повторной проверки «по истечении установленного статьей 24 настоящего Федерального закона срока устранения нарушений закона, выявленных в ходе первоначальной прокурорской проверки». Данная норма основана на позиции, высказанной в описательно-мотивировочной части Постановления № 2-П, которая, в свою очередь, воспроизводит известный с советского периода и поддержанный высшим органом конституционного надзора классический постулат науки прокурорского надзора о праве и даже обязанности прокурора проверить, насколько его требования, изложенные в акте реагирования, были реально выполнены.

Вместе с тем необходимо учитывать, что для рассматриваемой нами отрасли в ст. 28 Закона о прокуратуре законодатель предусмотрел специфическую форму акта реагирования – *представление об устранении нарушений прав и свобод человека и гражданина*, которое, впрочем, вносится и рассматривается в порядки и сроки, установленные в ст. 24 Закона о прокуратуре. Правда, справедливости ради, подчеркнем, что анализ правоприменительной практики, а также непосредственный опрос прокуроров свидетельствуют о крайне редких случаях использования именно этого вида представления, что скорее всего обусловлено отсутствием надлежащих установок со стороны вышестоящих прокуроров. Допускаем также, что на сложившуюся ситуацию повлияло и наличие в разделе 2 «Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина» выпускавшегося ранее большим тиражом пособия [8, с. 90–91, 97–98, 101–104, 107–111, 120–123] образцов представлений об устранении только нарушений законов (законодательства), а не нарушений прав и свобод человека и гражданина. К слову, автором в целях исправления сформировавшихся стереотипов были разработаны несколько образов представлений об устранении нарушений прав и свобод человека и гражданина [9, с. 235–245], которые, возможно, привели кого-то из прокуроров к новациям.

С учетом изложенного при решении вопроса о проведении повторной проверки по указанному основанию прокурорам необходимо в *решении о проведении повторной проверки* (это, к слову, один из предлагаемых нами документов, типовую форму которого следовало бы утвердить организационно-распорядительным документом Генерального прокурора Российской Федерации) делать ссылку именно на ст. 28 Закона о прокуратуре.

Закон № 27-ФЗ внес также серьезные коррективы в ст. 6 Закона о прокуратуре относительно порядка истребования прокурором информации, необходимой при осуществлении возложенных на органы прокуратуры функций. Здесь на фоне базового пятидневного (имеются в виду рабочие дни) срока исполнения прокурорского требования с момента его поступления особняком выделяется двухдневный срок, который применяется в ходе проведения *проверки исполнения закона*. Как нам представляется, в отсутствие соответствующей оговорки законодателя едва ли будет правомерным произвольное установление прокурором двухдневного срока истребования документов и иных материалов в рамках *проверки соблюдения прав и свобод человека и гражданина*, в связи с чем абзац первый п. 2 ст. 6 Закона о прокуратуре нуждается в соответствующем дополнении.

В целом, подводя итог новеллам, внесенным в марте 2017 г. в Закон о прокуратуре в части надзора за соблюдением прав и свод человека и гражданина, хотелось бы подчеркнуть, что сам факт необходимости процессуализации прокурорской проверки и унификации ее применительно к двум отраслям прокурорского надзора в принципе не исключал возможности сохранения в рамках рассмотренной отрасли прокурорского надзора полномочий прокуроров на проведение инициативных (при отсутствии информации о противоправных фактах) проверок в целях своевременного выявления и пресечения нарушений прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем был избран без всякого к тому принуждения со стороны Конституционного Суда Российской Федерации единый подход, который на практике потребует серьезной перестройки менталитета прокуроров, в процессе которой можно прогнозировать активизацию обращений

должностных и иных лиц проверяемых объектов в суды с жалобами на действия и решения прокуроров.

Список использованных источников

1. СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472 (с посл. изм.).
2. Комментарий к Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» / под общ. ред. и с предисловием Ю.И. Скуратова. – М.: Изд-во НОРМА, 1996. – 736 с.
3. Рябцев, В.П. Предмет надзора нуждается в дополнительной регламентации // Законность. – 2011. – № 3. – С. 3–5.
4. СЗ РФ. – 2017. – № 11. – Ст. 1536.
5. СЗ РФ. – 2015. – № 9. – Ст. 1389.
6. Винокуров, А.Ю. К вопросу о правовой регламентации прокурорской проверки // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 8. – С. 1–13.
7. Законность. – 2017. – № 7.
8. Акты прокурорского надзора / под ред. Ю.И. Скуратова. – М.: Юристъ, 1997. – 280 с.
9. Образцы документов прокурорской практики: практическое пособие / под общ. ред. А.Э. Буксмана, О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Юрайт, 2016. – 323 с.

Дата поступления статьи – 05.09.2017.

В статье на основе анализа изменений, внесенных весной 2017 года в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», исследуются вопросы осуществления прокурорами надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Автором подчеркивается, что применительно к рассматриваемой отрасли прокурорского надзора предшествовавшие законодательным новеллам правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, затронувшие специфику проведения прокурорами надзорных проверок, не затрагивали правозащитную сферу. Однако законодатель распространил новые нормы и на проверки, проводимые в рамках надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, унифицировав тем самым требования к прокурорской проверке. Не умаляя в целом достоинств процессуализации надзорной деятельности, автор подчеркивает отдельные недостатки правового регулирования и высказывает предложения, направленные на его совершенствование. Также вносятся предложения по совершенствованию ведомственной регламентации вопросов организационного характера.

On the basis of the analysis of the changes made to the Federal Law "On Prosecutor's Office of the Russian Federation" in the spring of 2017, prosecutors investigated questions of supervision over the observance of the rights and freedoms of man and citizen. The author emphasizes that in relation to the sector in question of prosecutorial supervision preceding legislative developments the legal positions of the Constitutional Court, which affected the specificity of prosecutors supervisory checks do not affect the human rights sphere. However, the legislator extended the new rules and to the checks carried out under the supervision of the observance of the rights and freedoms of man and citizen, thus unifying the requirements for the prosecutor's investigation. Without detracting from the overall merits protsessualizatsii supervisory activities, the author emphasizes certain shortcomings of legal regulation and suggests proposals for its improvement. Also made proposals to improve the regulation of the departmental organizational issues.

О ПРОКУРОРСКОМ НАДЗОРЕ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Диканова Т.А.

Президент Российской Федерации неоднократно обращал внимание на проблему обеспечения безопасности на автотранспорте. Генеральная прокуратура РФ рассматривает надзор в этой сфере как приоритетное направление работы. Специального приказа, посвященного данному надзору, нет; и прокуроры руководствуются общими приказами[1]. По существу, рассматриваемый надзор включает те же отрасли и приоритетные направления работы территориальных прокуратур, которые определены для транспортных прокуроров в приказе Генерального прокурора РФ от 15.07.2011 № 211 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере». Транспортные прокуроры в Российской Федерации осуществляют надзор за исполнением законов на других видах транспорта – железнодорожном, внутреннем водном, морском и воздушном; территориальные прокуроры – на автотранспорте.

Обеспечение законности в рассматриваемой сфере предусматривает осуществление надзора за: соответствием законам изданных нормативных правовых актов, исполнением законов о безопасности на автотранспорте, при привлечении к административной и уголовной ответственности, а также – участие прокуроров при рассмотрении дел в судах, координацию прокурорами деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступными нарушениями указанных законов.

В целях эффективной организации надзора на рассматриваемой сфере Генеральной прокуратурой РФ направлены на места Информационные письма: от 21.01.2016 № 32-18-2016 «О состоянии законности и практике прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства при использовании бюджетных средств, выделенных на строительство и реконструкцию автомобильных дорог», от 16.11.2016 № 32-17-2016 «О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства при содержании и ремонте автомобильных дорог»; методические рекомендации, например, письмом от 10.10.2016 № 74/2-25-2016 – рекомендации «Организация прокурорского надзора за исполнением законодательства о транспортной безопасности на объектах автомобильного транспорта и дорожного хозяйства». Важное значение имеет Решение межведомственного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации от 28.07.2016 г. «Об эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию, расследованию и

[1] Приказы Генерального прокурора РФ: от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»; 02.10.2007 № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления»; 19.02.2015 № 78 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях»; 29.08.2014 № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции»; 27.03.2009 № 93 «О реализации Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и др.

профилактике преступлений в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации автотранспортных средств».

В юридической литературе исследовался вопрос о предмете надзора[2]. Правильное определение предмета позволяет обеспечить системность, полноту надзора. К предмету надзора относится исполнение: Конвенции о международных автомобильных перевозках пассажиров и багажа (Бишкек, 09.10.1997), Конвенции о дорожном движении (Вена, 08.11.1968), Международной конвенции о согласовании условий проведения контроля грузов на границах (Женева, 21.10.1982), Европейского соглашения о международной дорожной перевозке опасных грузов (ДОПОГ) (Женева, 30.09.1957), Европейского соглашения, касающееся работы экипажей транспортных средств, производящих международные автомобильные перевозки (ЕСТР) (Женева, 1 июля 1970 г.), Соглашения о международных перевозках скоропортящихся пищевых продуктов и о специальных транспортных средствах, предназначенных для этих перевозок, (Женева, 1 сентября 1970 г.), Европейского соглашения, касающегося работы экипажей транспортных средств, производящих международные автомобильные перевозки» и др. Это – и Таможенная конвенция о международной перевозке грузов с применением книжки МДП (конвенция МДП) (Женева, 14.11.1975), призванная содействовать облегчению международной перевозки грузов автотранспортом[3].

Прокуроры учитывают, что сферу автомобильного транспорта регулирует законодательство Таможенного союза (ТС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС)[4]. Так, имеется Решение Комиссии ТС от 18.10.2011 № 827 «О принятии технического регламента Таможенного союза «Безопасность автомобильных дорог» (введен в действие в 2015 г.). В этой связи издано постановление Правительства РФ от 22 декабря 2014 г. № 1443 «О компетентных органах Российской Федерации по обеспечению государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технического регламента Таможенного союза». Это –

---

[2] Крючкова, Н.В. Прокурорский надзор за исполнением законов о безопасности дорожного движения: пособие / Н.В. Крючкова, А.В. Паламарчук, А.Е. Русецкий. - Москва, Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2012. - 145 с.; Русецкий, А.Е. Актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением законов о безопасности дорожного движения / А.Е. Русецкий // Прокурор, - 2012. - № 2. - С. 82-88; Петров, И.В. Надзор за исполнением законодательства об организации и безопасности дорожного движения / И.В. Петров // Законность, - 2013. № 7. С. 26-31; Сиялко, О.Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов о безопасности дорожного движения (на примере Кемеровской области) / О.В. Сиялко, В.Н. Шелестюков // Российский следователь, - 2016, № 8. - С. 14-19; Ульянов, А.Ю. Обеспечение безопасности дорожного движения посредством прокурорского надзора / А.Ю. Ульянов // Законность, - 2016. № 7. С. 12-17; Михайленко, Д.А. Надзор за исполнением законов о соблюдении ограничений к водительской деятельности / Д.А. Михайленко // Законность», - 2015. № 2. С. 7-12; Русецкий, А.Е. В добрый путь! Прокуроры уделяют первостепенное внимание соблюдению законодательства о безопасности дорожного движения / А.Е.Русецкий // Прокурор, - 2015. № 4. С. 14-22; Войкин, В.С. Главный результат нашей работы – сокращение количества ДТП в регионе / В.С.Войкин // Прокурор», - 2013. № 1. С. 20-26; Нафиков, И.С. Надзор за исполнением законов в ходе подготовки и проведения Всемирной летней универсиады 2013 г. / И.С.Нафиков // Законность», - 2013. № 10. С. 15-20; Субанова, Н.В. Обеспечение прокурором законности в сфере осуществления разрешительных процедур / Н.В. Субанова // Законность», Москва. – 2014. № 6. С.18-24.

[3] Китай ратифицировал Конвенцию МДП, и эта конвенция начнет действовать на территории Китая с 05.01.2017 г., что значительно увеличит масштабы международных перевозок по территории России и значимость контроля этих перевозок.

[4] В 2014 г. подписан Договор о Евразийском экономическом союзе, его раздел 23 посвящен транспорту; приложение № 24 – Протокол о скоординированной (согласованной) транспортной политике, относящийся и к автотранспорту; Приложение № 1 к указанному Протоколу – «Порядок осуществления транспортного (автомобильного) контроля на внешней границе Евразийского экономического союза».

Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ; МВД; Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору; Федеральная служба по надзору в сфере транспорта. Постановлением конкретизирован вопрос о разграничении их компетенция. Органам исполнительной власти субъектов РФ рекомендовано определить органы, ответственные за осуществление соответствующего контроля в зоне своей компетенции. Принят целый ряд других решений ТС и ЕАЭС, относящихся к автотранспорту.

Предметом надзора является исполнение федеральных законов: от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»; от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»; от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 01.07.2011 № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[5]; от 13.07.2015 № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации; от 24.07.1998 № 127-ФЗ «О государственном контроле за осуществлением международных автомобильных перевозок и об ответственности за нарушение порядка их выполнения»; от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и др.

Прокуроры осуществляют надзор за исполнением законодательства о лицензировании. Как известно, п. 24 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» предусмотрено лицензирование деятельности по перевозкам пассажиров автомобильным транспортом (за установленным исключением).

Прокуроры проверяют исполнение установленных законами обязанностей, которые возложены на органы власти субъектов РФ и муниципальные органы, а также на специализированные органы управления и контроля в сфере автотранспорта. Как известно, на федеральном уровне эта система специализированных органов состоит из Минтранса, Ространснадзора и Росавтодора. Ространснадзор осуществляет контрольные (надзорные) полномочия, кроме вопросов безопасности дорожного движения. Это – компетенция органов внутренних дел.

Как известно, безопасность на автотранспорте регламентируется также правилами, положениями, утвержденными Постановлениями Правительства РФ или Минтрансом России. Поскольку имеется специфика перевозки пассажиров, грузов, в т.ч. определенных грузов, то имеются соответствующие нормативные правовые акты, специфична и система контроля. Приказами Минтранса России

[5] Далее – законы «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности», «О техническом осмотре транспортных средств».

утверждаются Административные регламенты транспортных органов по выполнению их многочисленных функций, связанных с исполнением установленных правил и контроле за исполнением. Прокуроры при проведении проверок исполнения законов нередко выявляют также нарушения установленных правил перевозок, невыполнение административных регламентов.

Надзор основан на **анализе состояния законности**. Как показало изучение аналитических материалов органов прокуратуры и проведение опросов прокуроров, при проведении анализа в поле зрения прокуроров – все этапы, начиная от нормативно-правового обеспечения дорожного хозяйства, формирования бюджетов и муниципальных программ, заканчивая приемкой результатов выполненных работ, их влиянием на безопасность. Используется статистика о дорожно-транспортных происшествиях, о результатах контрольной деятельности Госавтоинспекции, Ространснадзора, Росавтодора, материалы Счетной палаты и других контролирующих органов, административных и уголовных дел.

Анализ прокурорской статистики 2011–2016 гг. показал значительное число выявляемых прокурорами незаконных правовых актов: в 2016 г. – 25 179 – на 16,5% больше, чем 2015 г. В 2016 г. выявлено 194,8 тыс. нарушений. Более 55% нарушений – нарушения законов об автодорогах и автомобильной деятельности, более 20% – нарушения законов об исполнительном производстве и административных правонарушениях.

Проведенное изучение материалов прокурорских проверок показало, что проверками выявляли следующие типичные нарушения законов: автотранспорт эксплуатируются с неисправностями; не проводятся предрейсовые и послерейсовые осмотры водителей. Нарушается законодательство о труде и отдыхе водителей; правила перевозки опасных, тяжеловесных, крупногабаритных грузов, не проводится технический осмотр автотранспорта; не выполняются требованиях к строительству, ремонту, содержанию и эксплуатации автодорог, формированию дорожных фондов и расходованию их средств, расхищаются бюджетные средства, выделенные на дорожную деятельность, завышается стоимости работ, работы некачественно выполняются; не реализовываются полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, а также контролирующих органов. Своевременно не возбуждаются уголовные дела, а также дела об административных правонарушениях, есть случаи незаконного возбуждения дел, нарушаются требования закона к проведению производства и рассмотрения дел, срокам производства, к контролю за этой деятельностью. Реально взыскивалась примерно лишь четверть от суммы наложенных штрафов. Размеры штрафов сталь незначительны для коммерческих структур, что не останавливают нарушителей[6]. Многие водители отключают устройства,

[6] Невыполнение обязанности по прохождению обязательного техосмотра влечет штраф в размере 800 руб. (ч. 2 ст. 12.37 КоАП РФ). За управление легковым такси, автобусом или грузовым автомобилем, предназначенным и оборудованным для перевозок людей, с числом мест для сидения более чем восемь (кроме места для водителя), специализированным транспортным средством, предназначенным и оборудованным для перевозок опасных грузов, которые не прошли технический осмотр, предусмотрен весьма незначительный штраф – в размере от 500 до 800 руб. (ч. 2 ст. 12.1 КоАП РФ). Кроме того, штраф за административные правонарушения, квалифицируемые по ч. 2 ст. 12.1, ст. 12.37 КоАП РФ, может быть уплачен в размере половины суммы наложенного штрафа не позднее 20 дней со дня вынесения постановления о его наложении.

необходимые для обеспечения функционирования системы Платон, не платят уставленные платежи, что создает недобросовестную конкуренцию.

Опросы сотрудников контролирующих и правоохранительных органов, а также перевозчиков показали, что **основные факторы, способствующими нарушениям,** по их мнению, это: разрушение существовавшей прежде единой системы автоперевозок, отсутствие должного регулирования и контроля со стороны государства, отмена лицензирования большинства видов перевозочной деятельности, криминализацию отрасли, недостатки системы Платон.

Анализ данных статистической отчетности показывает ежегодных рост числа актов прокурорского реагирования на выявленные нарушения законов в рассматриваемой сфере (кроме предъявления исков). В 2016 г. прокурорами принесено 24,9 тыс. протестов, 26,8 тыс. представлений, по которым привлечено к дисциплинарной ответственности 22,0 тыс. лиц; 6,7 тыс. лиц по постановлениям прокуроров привлечены к административной ответственности, 2,2 тыс. – предостережены о недопустимости нарушений; 466 материалов направлено в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, по ним возбуждено 411 уголовных дел. В 2016 г. направлено 33 547 исков в суд. В частности, – иски о признании незаконными заключенных дополнительных соглашений, изменений существенных условий государственных контрактов; иски о лишении водительских прав и др. Прокуроры привлекали виновных к административной ответственности, в т.ч. по ч. 4 ст. 7.32 КоАП РФ.

Прокуроры использовали средства реагирования, дающие максимальный эффект. Так, Прокурором Еврейской автономной области внесено Губернатору области представление с требованием осуществить государственную регистрацию права собственности области в отношении 12 автодорог общего пользования регионального или межмуниципального значения. Принимались меры, направленные на поэтапное вовлечение в хозяйственный оборот бесхозяйных дорог. Прокуратура Марий Эл внесла представление главе Республики и председателю Счетной палаты Республики, аудиторами которой не осуществлялся должный контроль за формированием и эффективностью расходования средств дорожного фонда. Результатом надзора Прокуратуры Пензенской области стало утверждение во всех муниципальных образованиях области перечней автомобильных дорог общего пользования местного значения; актуализация реестров муниципального имущества. По инициативе Прокуратуры Саратовской области создана и функционирует единая база данных наркозависимых лиц с тем, чтобы предупредить выдачу им прав на управления транспортными средствами.

Направлялись материалы органы следствия для решения вопроса об уголовном преследовании. По результатам их рассмотрения возбуждались уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 327 УК РФ Прокуроры выявляли необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел, укрытие дорожно-транспортных происшествий от учета, безосновательное уголовное преследование, низкое качество расследования, недостатки ОРД, возвращали дела на доследование. Проводились коллегии, семинары, конференции по вопросам рассматриваемого надзора. Например, 08.12.2016 проведен семинар прокурорских работников Приволжского федерального округа. В его работе участвовал Губернатор области, представители Правительства области, Росфинмониторинга, МЧС, ФАС, МВД России, Счетной палаты, прокуроры. Участники семинара обменялись опытом работы, в частности ознакомились с методикой работы

Росфинмониторинга по выявлению незаконных финансовых операций, совершаемых участниками строительства, реконструкции и содержания автомобильных дорог. Прокуроры выявляли недостатки законодательства, разрабатывали предложения по их устранению.

Вместе с тем, по некоторым направлением требуется дальнейшее усиление надзора. Например, как показала проверка Счетной палаты РФ многочисленные нарушения характерны для деятельности Главной инспекции безопасности дорожного движения (ГИБДД) в части наложения штрафов[7]. Так, штрафы принесли в бюджет в 2016 году 62,8 млрд руб., 40% из этой суммы – штрафы ГИБДД. Аудиторы указали на сотни тысяч «ошибочных» штрафных постановлений в адрес водителей, которые были впоследствии отменены судами. В основном, большая часть незаконных решений о привлечении к административной ответственности – по материалам с автоматических камер. Кроме того, ГИБДД с нарушениями передает данные в Федеральное казначейство, в результате часть граждан не успевает воспользоваться 50% скидкой при оплате штрафных постановлений. Претензии предъявлены и платежным системам «Яндекс.Деньги», Qiwi и другим, которые по мнению Счетной палаты, неправильно оформляли платежи от граждан, желавших закрыть долг перед ГИБДД. Таким образом, нарушаются права участников дорожного движения, а надзор за соблюдением этих прав – приоритетное направление прокурорского надзора.

Прокуроры сообщали о недостатках рассматриваемого законодательства в вышестоящую прокуратуру, и по инициативе прокуратуры совершенствовалось законодательство. Только за последнее время принято много законодательных и иных новелл. Это, в частности, изменения в Правилах дорожного движения (ПДД), которые запрещают оставлять детей в салоне автомобиля без взрослых. За оставление ребенка младше 7 лет одного в машине, штраф 500 руб. Также ПДД требуют использовать автокресла и бустеры, использование только одних ремней безопасности запрещается. Штраф за нарушение правил перевозки несовершеннолетних – 3 тыс. руб. Правительство РФ одобрило обновленную систему по оплаты «Платона», которая теперь сможет самостоятельно отслеживать передвижение водителей, отключающих бортовые устройства, Установлена новая разрешенная скорость в Московской области – до пятидесяти километров в час на аварийных участков. Водители – граждане Республики Беларусь, смогут работать по специальности в России, не получая для этого российские права. Рассматриваются меры по противодействию мошенничеству в ОСАГО и др. Опросы прокуроров показали, что они считают весьма важным в своей работе выявление недостатков законодательства.

Список использованных источников

1. Крючкова, Н.В. Прокурорский надзор за исполнением законов о безопасности дорожного движения: пособие / Н.В. Крючкова, А.В. Паламарчук, А.Е. Русецкий. – Москва: Генеральная прокуратура Российской Федерации, – 2012. – 145 с.

2. Русецкий, А.Е. Актуальные вопросы прокурорского надзора за соблюдением

[7] См.: «Счетная палата за первое полугодие выявила нарушений на 1,13 трлн. рублей» [Электронный ресурс] // Коммерсант. – 2017. – 10 июня. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3368506. – Дата доступа: 28.07.2017.

законов о безопасности дорожного движения / А.Е. Русецкий // Прокурор, 2012. – № 2. – С. 82–88.

3. Петров, И. В. Надзор за исполнением законодательства об организации и безопасности дорожного движения / И.В. Петров // Законность, 2013. – № 7. – С. 26–31.

3. Сиялко, О. Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов о безопасности дорожного движения (на примере Кемеровской области) / О.В. Сиялко, В.Н. Шелестюков // Российский следователь, 2016. –№ 8. – С. 14–19.

4. Ульянов, А. Ю. Обеспечение безопасности дорожного движения посредством прокурорского надзора / А. Ю. Ульянов // Законность, 2016. – № 7. – С. 12–17.

5. Михайленко, Д. А. Надзор за исполнением законов о соблюдении ограничений к водительской деятельности / Д.А. Михайленко // Законность, 2015. – № 2. – С. 7–12.

6. Русецкий, А. Е. В добрый путь! Прокуроры уделяют первостепенное внимание соблюдению законодательства о безопасности дорожного движения / А.Е.Русецкий // Прокурор, 2015. – № 4. – С. 14–22.

7. Войкин, В. С. Главный результат нашей работы – сокращение количества ДТП в регионе / В.С. Войкин // Прокурор, 2013. – № 1. – С. 20–26.

8. Нафиков, И. С. Надзор за исполнением законов в ходе подготовки и проведения Всемирной летней универсиады 2013 г. / И.С. Нафиков // Законность, 2013. – № 10. – С. 15–20.

9. Субанова, Н. В. Обеспечение прокурором законности в сфере осуществления разрешительных процедур / Н.В.Субанова // Законность, 2014. – № 6. – С. 18–24.

Дата поступления статьи – 08.08.2017.

Статья посвящена вопросам о предмете прокурорского надзора, анализе прокурорами состояния законности в сфере безопасности дорожного движения, проведении прокурорских проверок; выявляемых в ходе проверок типичных нарушениях законов; об используемых средствах прокурорского реагирования на выявленные нарушения; мерах направленных на повышение эффективности надзора.

The article is devoted to the questions of the subject of prosecutors supervision in Russia, analysis by prosecutors of state of legality in sphere of security of road traffic, conducting of prosecutorial inspections, revealed in the course of inspections typical violations of laws; about employed means of prosecutorial reaction on violations revealed; measures to increase of the effectivness of supervision.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЕГО ИСПОЛНЕНИЕМ

Добрецов Д.Г.

Результаты проводимого в Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации изучения состояния законности в сфере лесопользования [4], показывают сохраняющиеся на протяжении многих лет проблемы реализации экологической (как водосборных площадей, местообитания объектов животного мира и проч.) [10] и экономической (как источника ценного сырья) функций лесов, связанные с нарушениями законодательства, допускаемыми всеми участниками лесных отношений. Распространено принятие правовых актов с превышением

установленной компетенции, неприведение их в соответствие с федеральным законодательством; нарушения при распоряжении участками лесного фонда, в т.ч. предоставление для лесозаготовок участков лесопарковых и водоохранных зон; непринятие предусмотренных законодательством мер по подготовке к пожароопасным сезонам и борьбе с лесными пожарами и др. Спрос на древесину на внутреннем и внешнем рынках остро ставит вопрос о незаконных рубках лесных насаждений и контрабанде лесоматериалов.

Основу правового регулирования отношений по использованию и охране лесов в России составляет Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (далее – ЛК РФ). С момента вступления в силу ЛК РФ и до настоящего времени изменения в этот нормативный правовой акт были внесены 36 федеральными законами, одно из его положений было признано противоречащим Конституции РФ [11].

Субъекты лесных отношений – Российская Федерация и ее субъекты, муниципальные образования, юридические лица и граждане. ЛК РФ не содержит прямого запрета на участие в лесных отношениях иностранных граждан и юридических лиц. Объект регулирования ЛК РФ называет лесные отношения, однако их определение отсутствует (ст. 3 ЛК РФ). Приоритет в регулировании лесных отношений отдан нормам земельного и гражданского законодательства.

В силу ст. 82, 83 ЛК РФ, определяющих полномочия субъектов Российской Федерации в сфере лесных отношений, значительный массив нормативного правового регулирования в сфере лесопользования составляют акты регионального уровня, принятые в развитие положений ЛК РФ [1].

Органы местного самоуправления принимаю нормативные акты в пределах полномочий, определенных ст. 84 ЛК РФ – в отношении лесных участков, находящихся в муниципальной собственности.

Таким образом, лесное законодательство является достаточно обширным и затрагивает все важнейшие аспекты соответствующих видов деятельности. Вместе с тем, имеется целый ряд пробелов нормативного правового регулирования, нуждающихся в скорейшем восполнении в целях сохранения лесного фонда страны, обеспечения безопасности, соблюдения экологических прав граждан и экономических интересов государства.

Например, отсутствие у органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих полномочия в области лесных отношений, прав по приостановлению лесопользования в отношении лиц, нарушающих лесное законодательство – имеющих задолженность по договорам аренды лесных участков и договорам купли-продажи лесных насаждений, не выполняющих мероприятия по охране, защите, воспроизводству лесов – приводит к росту недоимки по соответствующим платежам, в том числе к образованию так называемой «безнадежной к взысканию задолженности», а также к причинению значительного экологического ущерба лесам вследствие невыполнения требований по их охране (в том числе и от лесных пожаров), защите и воспроизводству. Для решения этой проблемы необходимо внести изменения в ст. 28 ЛК РФ. Это позволит реализовать заложенный в кодексе механизм приостановления использования лесов и будет способствовать соблюдению лицами, использующими леса, требований лесного законодательства, в том числе в части своевременного и полного внесения арендных платежей.

Органы местного самоуправления наделены (ст. 84 ЛК РФ) правом на осуществление муниципального лесного контроля в отношении лесов, находящихся в муниципальной собственности. Таких лесов, на сегодняшний день фактически нет. В то же время режим лесов, находящихся в границах сельских поселений (так называемые сельские леса), до настоящего времени не определен, либо они находятся в федеральной собственности. При этом лесопарковые зоны, парки, скверы, городские сады, цветники, дворовые насаждения, а также отдельно стоящие деревья, кустарники и иная растительность, независимо от ее ведомственной принадлежности и формы собственности выпала из поля зрения законодателя и также, исходя из анализа норм действующего законодательства, не относится к объектам муниципального лесного контроля. Ситуацию пытаются исправить на уровне субъектов Российской Федерации. Например, ст. 4 Закона Московской области от 30.12.2014 № 191/2014-ОЗ «О благоустройстве в Московской области» дано определение терминам «зеленые насаждения», «повреждение зеленых насаждений», «уничтожение зеленых насаждений», а ст. 42 предусматривает меры по обеспечению сохранности зеленых насаждений. Однако проблемы в целом такие акты, конечно, не решают.

Лесное законодательство практически не содержит рычагов оперативного реагирования на его нарушения. В частности, предусмотренная ч. 1 ст. 28 ЛК РФ возможность приостановления использования лесов практически не может быть реализована в случаях, отличных от применения норм КоАП РФ, т.е. используется только как вид наказания за совершенное административное правонарушение в данной сфере. В то же время отсутствуют критерии применения этого механизма как меры понуждения арендаторов лесных участков к исполнению обязательств по внесению арендной платы, выполнению лесохозяйственных работ, предусмотренных проектом освоения лесов, совершающих незаконные рубки при производстве работ по заготовке древесины, на задекларированных лесосеках. Полагаем, что внесение соответствующих изменений в ЛК РФ позволит повысить платежную и исполнительскую дисциплину арендаторов лесных участков, обеспечит своевременное поступление доходов от использования лесов в бюджетную систему России и соблюдение арендаторами требований лесного законодательства.

Исходя из требований ст. 1 и 21 Федерального закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), объектами прокурорского надзора за исполнением лесного законодательства являются уполномоченные органы государственной власти федерального и регионального уровня, подведомственные им учреждения, осуществляющие ряд полномочий в рассматриваемой сфере, а также органы управления и руководители коммерческих и некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в сфере лесопользования и охраны лесов.

Приказ Генерального прокурора РФ от 01.04.2014 № 165 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании» ориентирует прокуроров на особое внимание к исполнению органами государственной власти, местного самоуправления, органами государственного надзора возложенных на них функций.

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере изучения, использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов,

включая леса, а также в сфере земельных отношений, связанных с переводом земель лесного фонда в земли другой категории, в области лесных отношений является Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (далее – Минприроды России). Минприроды России также осуществляет контроль за правовым регулированием органами государственной власти субъектов Российской Федерации вопросов переданных полномочий Российской Федерации в области лесных отношений с правом направления обязательных для исполнения предписаний об отмене нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации или о внесении в них изменений, а также с правом отмены нормативных правовых актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих переданные им полномочия, в части, регулирующей осуществление переданных им полномочий, по основаниям и в порядке [8], которые установлены Правительством Российской Федерации.

Подведомственное Минприроды России Федеральное агентство лесного хозяйства (далее – Рослесхоз), действующий на основании Положения, утвержденного постановлением Правительства РФ от 23.09.2010 № 736. Рослесхоз является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в области лесных отношений (за исключением лесов, расположенных на особо охраняемых природных территориях), а также по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в области лесных отношений. Рослесхоз осуществляет в установленном порядке и пределах полномочия собственника в отношении федерального имущества, необходимого для обеспечения исполнения функций федеральных органов государственной власти в подведомственным области лесных отношений, в том числе имущества, переданного федеральным государственным унитарным предприятиям, федеральным государственным учреждениям и казенным предприятиям.

Рослесхоз реализует широкий круг полномочий, связанных, в частности, с переводом земель лесного фонда или земельных участков земель лесного фонда в земли иных категорий; государственной инвентаризацией лесов; обобщением документированной информации, содержащейся в государственном лесном реестре; федеральным государственным лесным надзором (лесной охраной) и федеральным государственным пожарным надзором в лесах на определенных категориях лесных земель и проч.

Кроме того, Рослесхоз осуществляет контроль за осуществлением органами государственной власти субъектов РФ переданных полномочий с правом направления предписаний об устранении выявленных нарушений, а также о привлечении должностных лиц, исполняющих обязанности по осуществлению переданных полномочий, в установленном порядке к дисциплинарной ответственности, в том числе к освобождению от занимаемой должности; контроль за расходованием средств, предоставляемых на осуществление органами государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий в области лесных отношений, финансируемых за счет субвенций из федерального бюджета, в пределах своей компетенции; оценку эффективности осуществления органами государственной власти субъектов РФ переданных им полномочий, подготовку при необходимости представления об изъятии соответствующих полномочий у органов государственной власти субъектов РФ и направление этого представления

в Минприроды России для внесения его в установленном порядке в Правительство Российской Федерации для принятия решений.

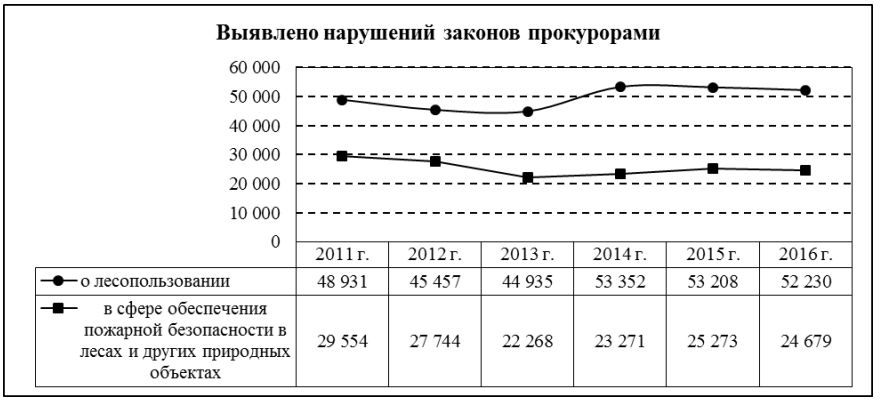
Федеральный государственный лесной надзор (лесная охрана) осуществляется Рослесхозом и органами исполнительной власти субъектов РФ в рамках переданных полномочий в порядке, установленном Правительством Российской Федерации [7]. К отношениям, связанным с организацией и проведением проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, в рамках рассматриваемого вида надзора применяются положения Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». На территории муниципального образования органами местного самоуправления осуществляется муниципальный лесной контроль (ст. 98 ЛК РФ). В соответствии со ст. 97 ЛК РФ федеральный государственный пожарный надзор в лесах осуществляется при осуществлении федерального государственного лесного надзора (лесной охраны) в установленном порядке [6]. Эти виды надзора может осуществляться также государственными учреждениями, подведомственными органам государственной власти РФ или ее субъектов, в пределах их полномочий, определенных в соответствии со ст. 83 ЛК РФ.

Анализ материалов прокуратур субъектов Российской Федерации, а также Генеральной прокуратуры Российской Федерации однозначно указывает на такую существенную проблему как большое число и системный характер нарушений, допускаемых органами власти федерального и регионального уровней, органами местного самоуправления в сфере лесопользования и охраны лесов от пожаров. Существенная часть полномочий по охране лесов передана субъектам Российской Федерации, которые зачастую не справляются с их реализацией.

В таких условиях прокурорский надзор за исполнением природоохранного законодательства является одним из немногих механизмов обеспечения законности в лесной сфере [2]. Органы прокуратуры, не подменяя государственные органы, уполномоченные на осуществление государственного лесного надзора (лесной охраны), добиваются надлежащего исполнения законов, понуждают лесопользователей и иных субъектов лесных отношений к выполнению обязанностей по охране лесов, лесовосстановлению и лесоразведению, охране лесов от пожаров и проч. [12].

В последние годы прокурорами выявляется значительное количество нарушений законов о лесопользовании, а также в сфере обеспечения пожарной безопасности в лесах и других природных объектах (см. *Рис. 1*). Очевидно, что ни существенного роста, ни снижения показателей не происходит.

Доля нарушений законов о лесопользовании среди всех выявляемых прокурорами нарушений закона в сфере охраны окружающей среды и природопользования также остается значительной (см. *Рис. 2*). Это свидетельствует, с одной стороны, о значительном внимании, уделяемом прокурорами всех уровней данному направлению надзора, а с другой – о сохранении достаточно высокого уровня правонарушенаемости в лесном секторе.

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
о лесопользовании	48 931	45 457	44 935	53 352	53 208	52 230
в сфере обеспечения пожарной безопасности в лесах и других природных объектах	29 554	27 744	22 268	23 271	25 273	24 679

Рисунок 1. Выявлено нарушений законов прокурорами

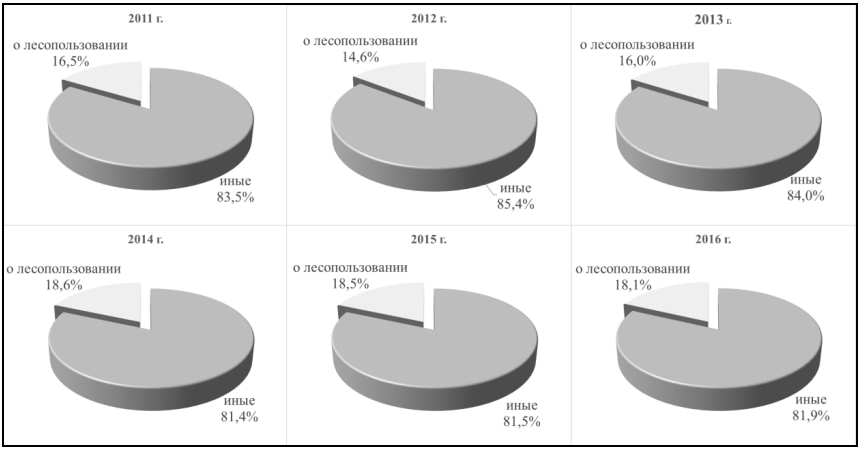

Рисунок 2. Доля нарушений законов о лесопользовании в общем количестве выявленных прокурорами нарушений законов в экологической сфере

Органы местного самоуправления, особенно в сельских районах, зачастую не в состоянии выполнять мероприятия по предупреждению лесных пожаров и их перехода на населенные пункты ввиду отсутствия финансовых средств и необходимой техники для обустройства минерализованных полос и проч., предусмотренных Правилами пожарной безопасности в лесах, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 30.06.2007 № 417, Нормативами противопожарного обустройства лесов, утвержденными приказом Рослесхоза от 27.04.2012 № 174, и др. нормативными правовыми актами. Это формирует условия для нарушения прав и законных интересов граждан, причинения ущерба экономике страны.

На состоявшемся 15.06.2017 рабочем заседании Федерального штаба по координации деятельности по тушению лесных пожаров [9] было отмечено, что на

сегодняшний день наиболее сложная лесопожарная обстановка отмечается на территории Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия. На территории указанных регионов установились средний, высокий, местами чрезвычайный классы пожарной опасности в лесах по условиям погоды, действие которых сохраниться и в ближайшие дни. Основной причиной пожаров назван человеческий фактор.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости принятия дополнительных мер прокурорского воздействия на органы государственной власти и местного самоуправления для обеспечения надлежащего финансирования и проведения противопожарных мероприятий, а также повышения эффективности прокурорского надзора в рассматриваемой сфере.

Вопросу о выработке критериев для оценки эффективности прокурорского надзора посвящено значительное число работ как советских, так и российских ученых, в том числе опубликованных в последние годы [5]. На практике же по-прежнему распространенной формой оценки является сравнение числовых показателей за текущий и предыдущий периоды, причем превышение показателей предыдущего периода считается положительной характеристикой работы прокуратур.

В свою очередь полагаем, что при оценке эффективности и выработке рекомендаций по ее повышению стоит обратить внимание на такой критерий, как состояние законности в сфере лесных отношений на территории конкретного субъекта Российской Федерации. С этих позиций о динамике эффективности прокурорского надзора будет свидетельствовать снижение количества нарушений лесного законодательства, прежде всего повторяющихся из года в год однотипных нарушений, совершаемых теми же органами, организациями и должностными лицами, улучшение состояния лесного фонда, высокий уровень обеспечения пожарной безопасности в лесах и т.д.

При планировании надзорной деятельности одним из основных условий является обеспечение законности и обоснованности проверок исполнения законов в рассматриваемой сфере, т.е. неукоснительное соблюдение норм Закона о прокуратуре, а также иных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность всех субъектов правоотношений.

В целях снижения неоправданной нагрузки на прокуроров и исключения при осуществлении надзора за исполнением лесного законодательства подмены иных государственных органов (п. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре) необходимо шире использовать положение п. 3 ч. 2 ст. 10 Федерального закона № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», указывающее на такое основание для проведения внеплановой выездной проверки, как требование прокурора о ее проведении в рамках надзора за исполнением законов по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям [3].

Организация эффективного надзора в рассматриваемой сфере обеспечивается положениями организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации, таких как приказы от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», от 10.02.2011 № 30 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о предупреждении и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного характера и их

последствий», от 01.04.2014 № 165 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользования», указание от 11.05.2011 № 127/7 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере охраны лесов от пожаров». Издание профильных организационно-распорядительных документов прокурорами субъектов Российской Федерации, полагаем, также следует рассматривать как один из путей повышения эффективности надзора.

Для повышения эффективности организации и проведения проверок исполнения лесного законодательства важно на регулярной основе проводить систематизацию и обобщение первичной информации, статистических данных и отчетов органов государственного лесного надзора, а также органов государственного экологического надзора, содержащих сведения о состоянии лесов и связанных с ними природных объектов, о лесонарушениях.

Список использованных источников

1. Боголюбов, С. А. Соотношение федерального и регионального законодательства в области охраны окружающей среды / С.А. Боголюбов // Журнал российского права. 2003. – № 2. – С. 7–13.
2. Винокуров, А. Ю. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере экологической безопасности / Винокуров А.Ю. // Национальная безопасность в экологической сфере: проблемы теории и практики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 14–15 апреля 2017 г. Ответственный редактор: Н.В. Хураськина. – Чебоксары, 2017. С. 333–341.
3. Винокуров, А. Ю. Требование прокурора о проведении проверки / А.Ю. Винокуров // «Законность». – 2012. – № 2. – С. 19.
4. Добрецов, Д.Г. Состояние прокурорского надзора за исполнением лесного законодательства в Российской Федерации / Д.Г. Добрецов, М.М. Какителашвили // Закон и время. – 2016. – № 7. – С. 39–41.
5. Капинус, О.С. К вопросу о методологии и методике оценки эффективности прокурорского надзора / О.С. Капинус, Б.В. Андреев, А.Х. Казарина // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 1 (27). – С. 21–28.
6. О вопросах государственного контроля (надзора) и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]:. постановление Правительства Российской Федерации, 05 июн. 2013 г. № 476 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.
7. Об утверждении положения об осуществлении федерального государственного лесного надзора (лесной охраны) [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации, 22 июн. 2007 г. № 394 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.
8. Об утверждении правил отмены правовых актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих переданные полномочия Российской Федерации в области лесных отношений [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации, 29 июн. 2011 г. № 524 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.
9. Официальный сайт Федерального агентства лесного хозяйства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rosleshoz.gov.ru/media/news/4101. – Дата доступа: 20.06.2017.
10. Охрана объектов животного мира: правовые и организационные аспекты: сб. науч. трудов / под общ. ред. А.Ю. Винокурова. – М.: РИТМ, 2016. – 240 с.

11. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 ЛК РФ и положений постановления Правительства РФ «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярнефть» [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного суда РФ, 02 июн. 2015 г. № 12-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.

12. Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства: пособие / под общ. ред. А.В. Паламарчука. – М., 2014.

Дата поступления статьи – 13.09.2017.

Леса, выполняя экологическую и экономическую функции, постоянно подвергаются влиянию человеческой деятельности. В целях ее упорядочения и предотвращения негативного воздействия на лес в Российской Федерации сформировано разветвленное федеральное и региональное законодательство. Оно не лишено недостатков, нуждающихся в скорейшем устранении. Распространены его нарушения как пользователями лесов, так и органами государственной власти, уполномоченными на управление в этой сфере. В таких условиях прокурорский надзор является одним из немногих механизмов обеспечения законности в лесной сфере. Органы прокуратуры, не подменяя органов, уполномоченных на осуществление государственного лесного надзора, добиваются надлежащего исполнения законов в сфере охраны лесов от незаконных рубок и пожаров. Прокурорами выявляется и пресекается значительное количество нарушений лесного законодательства. Критериями эффективности прокурорского надзора должны быть снижение количества однотипных нарушений лесного законодательства, улучшение состояния лесов, высокий уровень пожарной безопасности. Для повышения эффективности, помимо прочего, необходимо снижение неоправданной нагрузки на прокуроров с использованием предусмотренного законом механизма вынесения требования о проведении внеплановых выездных проверок органами лесного надзора.

Forests, carrying out ecological and economic functions, are constantly exposed to the influence of human activity. In order to streamline it and prevent the negative impact on the forest in the Russian Federation branched federal and regional legislation has been formed. It is not without shortcomings, which need to be eliminated as soon as possible. Its infringements both by users of forests, and public authorities authorized on management in this sphere are widespread. In such circumstances, the prosecutor's supervision is one of the few mechanisms to ensure legality in the forest sector. The bodies of the Prosecutor's Office, without substituting the bodies authorized to implement state forestry supervision, are striving for the proper enforcement of laws in the sphere of forest protection from illegal logging and fires. Prosecutors identify and prevent a significant number of violations of forest law. Criteria for the effectiveness of prosecutorial supervision should be a reduction in the number of similar violations of forest legislation, improvement of the state of forests, high level of fire safety. To increase efficiency, among other things, it is necessary to reduce the unjustified burden on prosecutors, using the legal mechanism for issuing requests for unscheduled inspections by forestry authorities.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Ережипалиев Д.И.

Всеобщая декларация прав человека провозглашает, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая жилище, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи (п. 1 ст. 25).

В полной мере это относится и к Российской Федерации, имеющей соответствующую нормативную базу, в целом сформированную систему уполномоченных государственных структур и определенные механизмы обеспечения защиты прав граждан, участвующих в долевом строительстве многоквартирных домов.

Вместе с тем, как свидетельствует правоприменительная практика, уровень защищенности граждан, участвующих в долевом строительстве не в полной мере соответствует установленным требованиям. В связи с этим в последние годы в Российской Федерации руководством страны уделяется самое пристальное внимание проблемам защиты прав граждан, участвующих в долевом строительстве многоквартирных домов.

По данным Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, по состоянию на 1 января 2017 г. общее количество проблемных объектов в стране составляло 714 (в 2015 г. – 510, в 2014 г. – 564), пострадавшими признано 40 тыс. граждан (в 2015 г. – 42 тыс., в 2014 г. – 44 тыс.).

В этих условиях особое значение для обеспечения законности в рассматриваемой сфере приобретает деятельность органов прокуратуры. В целях защиты прав граждан прокуроры используют весь комплекс предоставленных им надзорных и иных полномочий, добиваясь реального восстановления нарушенных прав дольщиков.

Всего по результатам проведенных прокурорами в 2016 г. проверок для устранения более 8 тыс. нарушений законов в сфере защиты прав дольщиков внесено 2 тыс. представлений, в суды направлено 196 заявлений. По требованиям прокуроров к различным видам ответственности привлечено 2,5 тыс. лиц. По направленным в следственные органы постановлениям прокуроров возбуждено 89 уголовных дел.

Приведенные данные свидетельствуют, что нарушения прав граждан, участвующих в долевом строительстве многоквартирных домов, по-прежнему носят распространенный характер. Это вызывает необходимость повышения эффективности надзорной деятельности, активного и целенаправленного выявления и восстановления нарушенных прав граждан – участников долевого строительства, что напрямую зависит от правильной ее организации.

Под организацией работы прокуратуры в целом понимают совокупность взаимосвязанных и взаимодополняющих мер (мероприятий, элементов) по подбору, расстановке, повышению квалификации прокурорских кадров, постоянному регулированию (направлению) их деятельности, обеспечению их всеми необходимыми средствами, сбору и анализу информации, анализу работы прокуратуры и ее оценке, планированию работы, контролю за выполнением

планов, объединению усилий оперативного состава, других органов в целях достижения высоких конечных результатов в плане укрепления законности [1, с. 133].

По мнению Ф.М. Кобзарева, организация работы в органах прокуратуры – это комплекс взаимосвязанных между собой действий, направленных на оптимизацию функционирования системы прокуратуры по реализации целей и задач, стоящих перед прокуратурой [2, с. 43].

Под организацией надзора следует понимать совокупность взаимосвязанных и взаимодополняемых мер, направленных на оптимизацию функционирования системы прокуратуры в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства [3].

Учитывая изложенное, организация работы по надзору за соблюдением прав граждан, участвующих в долевом строительстве многоквартирных домов, представляет собой составную часть организации надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, к ней применимы все положения об организации работы прокуратуры в целом.

Полагаем, что под организацией прокурорского надзора за соблюдением прав граждан, участвующих в долевом строительстве, следует понимать совокупность взаимодополняющих мер, направленных на оптимизацию работы органов прокуратуры по защите прав граждан, участвующих в долевом строительстве многоквартирных домов.

Действенная организация надзора за соблюдением прав граждан – участников долевого строительства невозможна без информационно-аналитической работы в прокуратурах субъектов Российской Федерации и прокуратурах городов и районов.

Информационно-аналитическая работа − одно из главных условий, влияющих на результативность деятельности прокуратуры. Именно хорошо налаженная аналитическая работа в прокуратуре любого звена обеспечивает эффективность управления [4, с. 87]. Более того, информационно-аналитическое обеспечение относят к основным направлениям организации и деятельности прокуратуры в самых разных сферах [5].

Информационно-аналитическая работа в прокуратуре – это постоянный процесс получения и использования информации (сбор, учет, накопление, обмен) и ее мыслительно-логической обработки (уяснение, обобщение, оценка, построение выводов и предложений) в целях совершенствования деятельности прокуратуры [4, с. 90].

Учитывая изложенное, информационно-аналитическая работа включает в себя сбор, учет, накопление и анализ информации о состоянии законности в рассматриваемой сфере правоотношений в целях повышения результативности надзора за соблюдением прав граждан – участников долевого строительства, формирования планов, качественной подготовки и проведения прокурорами проверок и применения соответствующих мер реагирования на выявленные нарушения.

Основой такой работы является информация, под которой понимается содержание отражения объективной действительности в форме сообщения, осведомления о положении дел, сведения о чем-либо или о ком-либо, передаваемые непосредственно или с помощью технических средств [6, с. 504].

Закон о прокуратуре (ст. 6) предоставляет прокурорам право получать информацию (статистическую и иную) из различных источников. Требования прокурора, вытекающие из его полномочий, подлежат безусловному исполнению в установленный срок.

При этом следует учитывать, что с 18 марта 2017 г. указанная информация представляется по требованию прокурора безвозмездно в течение пяти рабочих дней с момента поступления требования прокурора руководителю или иному уполномоченному представителю органа (организации), а в ходе проведения проверок исполнения законов – в течение двух рабочих дней с момента предъявления требования прокурора. В требовании прокурора могут быть установлены более длительные сроки.

В случае если проверяемый орган (организация) в течение пяти рабочих дней уведомляет прокурора в письменной форме с изложением объективных причин о невозможности представления указанной информации в установленный срок, прокурор принимает решение об установлении нового срока для их представления.

При наличии угрозы причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, безопасности государства, при наличии чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера необходимая информация представляется в течение суток с момента поступления требования прокурора.

К числу основных источников информации о состоянии законности в сфере соблюдения прав граждан – участников долевого строительства следует отнести: жалобы и обращения граждан и организаций; материалы органов, осуществляющих полномочия в сфере долевого строительства, а также органов контроля (материалы проведенных указанными органами проверок соблюдения прав граждан – участников долевого строительства; результаты их аналитической деятельности в виде обзоров, информационных писем и т.д.); информацию, полученную в ходе участия прокурора в заседаниях межведомственных комиссий, присутствия на собраниях обманутых дольщиков, осуществления выездов на проблемные жилищные объекты; информацию, полученную по результатам мониторинга средств массовой информации, официальных сайтов органов власти и органов местного самоуправления, а также общественных организаций, осуществляющих деятельность по защите нарушенных прав обманутых дольщиков; рекламную продукцию, размещаемую застройщиками в печатных изданиях либо Интернете; государственную статистическую отчетность; материалы уголовных и гражданских дел, а также дел об административных правонарушениях, содержащих сведения о нарушениях прав граждан – участников долевого строительства, и др.

В юридической литературе всю информацию, поступающую в прокуратуру, предлагают систематизировать на следующие группы: установочная информация (о правовых актах, нарушающих чьи-либо права и интересы; обобщенная информация (данные статистики); информация о конкретных фактах нарушений законов; информация, характеризующая выявленные нарушения (материалы проверок); информация о рассмотрении прокурорских актов (протестов, представлений); информация о результатах повторных проверок соблюдения законности (возможно проверки и иных органов) [7, с. 18].

Систематический сбор статистической информации позволяет составить представление об абсолютных показателях, характеризующих правонарушаемость в сфере соблюдения прав граждан при участии в долевом строительстве многоквартирных домов. Для объективной оценки положения дел в указанной сфере правоотношений требуется проведение анализа собранных данных различными статистическими и иными методами [8].

В органах прокуратуры наиболее часто применяют сравнительный метод анализа. В частности, целесообразно провести сравнение следующих показателей: текущих показателей состояния законности с аналогичными показателями прошлых лет; показателей до и после изменения факторов, влияющих на состояние законности в рассматриваемой сфере.

Следует отметить, что работа по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений и других правонарушений в сфере долевого строительства осуществляется органами прокуратуры на системной основе и в плановом порядке с учетом указаний Генерального прокурора Российской Федерации и задач, поставленных Президентом Российской Федерации.

Начиная с 2005 г., прокуроры ежегодно обобщают состояние законности и надзорную практику в сфере соблюдения прав граждан, участвующих в долевом строительстве многоквартирных домов, анализируют результативность принимаемых мер по восстановлению нарушенных прав граждан.

С 2011 г. согласно поручению Президента Российской Федерации в целях необходимости активизации работы по предупреждению, выявлению и пресечению фактов нарушения законодательства Российской Федерации и прав граждан в сфере долевого строительства, разработке комплекса мер по выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению правонарушений при осуществлении долевого строительства, обеспечению надлежащего расследования уголовных дел в данной области Генеральной прокуратурой Российской Федерации на постоянной основе осуществляется проверка соблюдения прав граждан при участии в долевом строительстве многоквартирных домов. О результатах проделанной работы докладывается Президенту Российской Федерации.

Должная организация надзора в рассматриваемой сфере невозможна без взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, контролирующими органами, иными организациями, действующими в сфере строительства жилья.

Практически во всех регионах органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации созданы межведомственные комиссии (рабочие группы) по защите прав участников долевого строительства многоквартирных домов.

На заседаниях рабочих групп (комиссий) рассматриваются вопросы формирования перечней проблемных жилищных объектов и реестров обманутых дольщиков, вырабатываются механизмы восстановления прав граждан, пострадавших от действий недобросовестных застройщиков, анализируется ситуация по разрешению вопросов обманутых дольщиков, заслушиваются отчеты глав муниципальных образований.

Для эффективной информационно-аналитической работы представляется важным формирование в органах прокуратуры баз данных, содержащих сведения о проблемных объектах, расположенных на поднадзорной территории, и гражданах, участвующих в долевом строительстве, чьи права были нарушены, а также о

принимаемых мерах по восстановлению нарушенных прав. Заслуживает внимания практика отдельных прокуроров по составлению паспортов проблемных жилищных объектов с внесением в них ключевых позиций, необходимых для осуществления надзора.

В заключение хотелось бы отметить, что обеспечение эффективной защиты прав граждан, участников долевого строительства многоквартирных домов, является одной из первоочередных задач российского государства и общества. Органам прокуратуры отведена ведущая роль в обеспечении законности в рассматриваемой сфере, вопросы защиты прав граждан, участников долевого строительства должны оставаться в качестве приоритетных в деятельности прокуроров и требующих особого внимания с их стороны.

Решение этой задачи связано с необходимостью совершенствования организации и осуществления надзора в рассматриваемой сфере. В этих целях полагаем целесообразным прокурорам на местах:

создавать межведомственные рабочие группы по защите прав участников долевого строительства с привлечением представителей органов местного самоуправления, органов внутренних дел, экспертных и энергоснабжающих организаций, застройщиков и иных заинтересованных органов и организаций;

по каждому проблемному объекту вести соответствующие накопительные дела, в которых аккумулировать все необходимые сведения, в том числе разрешительную документацию, информацию о гражданах – участниках долевого строительства и по иным проблемным вопросам;

формировать и вести реестры по всем строительным площадкам с их ежемесячным обновлением;

осуществлять информационный обмен с органами местного самоуправления на стадии выдачи разрешений на строительство многоквартирных домов с целью своевременной оценки финансовой составляющей застройщиков, подготовки и направления информации в заинтересованные ведомства;

осуществлять взаимодействие с подразделениями полиции с целью получения сведений о возводимых на поднадзорной территории многоквартирных домах;

ежемесячно анализировать сведения, размещенные в средствах массовой информации, с целью своевременного выявления фактов, способствующих незаконному привлечению средств граждан для строительства многоквартирных домов;

организовывать должное взаимодействие между работниками внутри конкретной прокуратуры;

закреплять данное направление надзора за конкретными прокурорскими работниками и обеспечить постоянное повышение их квалификации.

Список использованных источников

1. Прокурорский надзор: учебник / под ред. Винокуров Ю.Е. М., 2011.

2. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. М., 2012.

3. Настольная книга прокурора. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016.

4. Аналитическая работа прокуратуры субъекта Российской Федерации: монография / [А.Н. Ларьков и др.; рук. авт. кол. А.Н. Ларьков]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016.

5. Зорин, А. С. Основные направления совершенствования военного права в области обеспечения собственной безопасности органов военной прокуратуры в условиях чрезвычайного положения // За права военнослужащих. 2006. № 9.

6. Прохоров, А. М. Советский энциклопедический словарь. М., 1989.

7. Берензон, А. Д. Основные направления совершенствования общего надзора советской прокуратуры: автореф. дис... докт. юрид. наук. – М., 1977.

8. Анализ состояния законности и правопорядка в Российской Федерации: методы сбора и анализа эмпирической информации: науч.-методич. пособие. М., 2010.

Дата поступления статьи – 05.07.2017.

В статье на основе анализа и обобщения правоприменительной практики освещены актуальные вопросы организации прокурорского надзора и обеспечения законности в Российской Федерации в сфере долевого строительства. Отмечается, что уровень защищенности граждан, участвующих в долевом строительстве не в полной мере соответствует установленным требованиям. Обосновывается точка зрения, согласно которой обеспечение эффективной защиты прав граждан, участников долевого строительства многоквартирных домов является одной из первоочередных задач российского государства и общества. Автор полагает, что органам прокуратуры отведена ведущая роль в обеспечении законности в рассматриваемой сфере, вопросы защиты прав граждан, участников долевого строительства должны оставаться в качестве приоритетных в деятельности прокуроров и требующих особого внимания с их стороны. Приведены конкретные предложения по совершенствованию организации и осуществлению надзора в сфере защиты прав граждан, участников долевого строительства многоквартирных домов. Сформулировано авторское определение понятия организация прокурорского надзора за соблюдением прав граждан, участвующих в долевом строительстве.

In article on the basis of analysis and generalization of law enforcement practices highlight the topical issues of organization of Prosecutor's supervision and law enforcement in the Russian Federation in the sphere of shared construction. It is noted that the level of protection of the citizens participating in share building does not fully meet the requirements. It focuses on the viewpoint, according to which the effective protection of the rights of citizens, participants of shared construction of apartment buildings is one of the priorities of the Russian state and society. The author believes that the prosecution has a leading role in ensuring the rule of law in this sphere, the protection of the rights of citizens, participants of share building should remain as a priority of prosecutors ' activity and requires special attention. Provides specific suggestions for improving the organization and implementation of supervision in sphere of protection of the rights of citizens, participants of shared construction of apartment buildings. Formulated the author's definition of the organization of Prosecutor's supervision over observance of rights of citizens participating in share building.

ПРЕДМЕТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Никитин Е.Л.

В теории прокурорского надзора надзорная деятельность органов прокуратуры традиционно рассматривается в качестве процессуальной деятельности по выявлению и предупреждению правонарушений [1]. Она осуществляется в рамках конкретных отраслей и направлений прокурорского надзора и имеет предметный характер. В нашей стране до принятия в 1992 году Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», предмет прокурорского надзора законодательно не устанавливался. По этой причине многие авторы по-разному доктринально определяли предмет прокурорского надзора и соотносили понятия «предмет» и «объект» прокурорского надзора. К примеру, в качестве объекта надзора рассматривалась: деятельность поднадзорных органов (Г. И. Бровин, В. Я. Чеканов); законность деятельности поднадзорных органов (Б. М. Спиридонов, С. Г. Новиков); непосредственно предприятия, учреждения, организации (С. Г. Березовская, В. Г. Мелкумов, В. В. Гаврилов), а предмет прокурорского надзора – отождествлялся с объектом (Г. И.Бровин, В. Т. Михайлов, С. Г. Новиков), замещался объектом (А. И. Долгова), охватывал деятельность органов прокуратуры (В. Г. Мелкумов) [2].

Дискуссии ученых и разное понимание предмета надзора практиками привели к необходимости его законодательного установления. В Российской Федерации нормами Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (ст.ст. 1, 21, 26, 29, 32) определяются предметы «общего надзора» и «специальных отраслей» прокурорского надзора. Вместе с тем, с точки зрения теории прокурорского надзора, общим предметом прокурорского надзора в России является соблюдение норм Конституции РФ и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, а также законность издаваемых поднадзорными органами правовых актов. Таким образом, в настоящее время предмет прокурорского надзора – это соблюдение и исполнение законов, т.е. законность деятельности поднадзорных объектов. Известные ученые В. И. Басков и Б. В. Коробейников придерживаются приведенной точки зрения: «предметом прокурорского надзора следует считать соблюдение Конституции РФ и исполнение законов юридическими и физическими (должностными) лицами» [3]. Они утверждают, что «из самой сущности прокурорского надзора вытекает, что деятельность прокурора направлена на регулирование общественных отношений, связанных с соблюдением Конституции РФ и исполнением требований законов» [4]. Поскольку соблюдение норм Конституции РФ и требований законов обязательно для всех юридических и физических лиц, на которых они распространяются, то предмет прокурорского надзора – законность деятельности поднадзорных объектов, а объект надзора – предприятие, учреждение, организация, должностное лицо, за законностью деятельности которых осуществляется надзор.

В научно-теоретической и учебно-методической литературе в Российской Федерации прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание, предварительного следствие и ОРД, обычно

рассматривается в качестве единой отрасли надзора. Такому пониманию способствует законодательное объединение различных по юридической природе элементов предмета прокурорского надзора, использованное в ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Отрасль означает «отдельную область деятельности, науки, производства» [5]. Традиционно отрасль надзора рассматривается в качестве специализированного организационно-правового направления надзорной деятельности прокуратуры. Любая отрасль характеризуется родовым объектом и предметом надзора, специфическими задачами и полномочиями [6]. Вместе с тем, специалисты обоснованно считают, что этим решением «проигнорирована сущность такого специфического и самостоятельного вида деятельности, какой является оперативно-розыскная деятельность» [7]. Отвечает ли надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности тем требованиям, которые предъявляются к сложившимся и признанным отраслям прокурорского надзора? Полагаем, что прокурорский надзор за законностью ОРД имеет существенную специфику и особое значение, что служит основанием поддержать высказанные предложения о придании ему статуса самостоятельной отрасли надзора на законодательном уровне с выделением самостоятельного предмета надзора.

Анализ сущности надзора за законностью в ОРД позволяет выделить ее самостоятельный предмет. В соответствии со ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» предметом надзора за законностью ОРД являются: 1) соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД; 2) соблюдение установленного порядка проведения ОРМ; 3) законность решений, принимаемых органами, осуществляющими ОРД.

Надзор за законностью дознания и ОРД в качестве отрасли прокурорского надзора признается почти во всех бывших советских республиках. Исключение составляет Армения, законодательство которой не включает законность в ОРД в предмет прокурорского надзора [8].

Аналогичный российскому подход объединения норм, регламентирующих предмет надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание, предварительного следствие и ОРД, применен в законодательстве Азербайджанской Республики и Республике Таджикистан [9]. В частности, ст. 18 Закона о прокуратуре Азербайджанской Республики (от 7.12.1999 г. №767-QI) определяет «надзор за исполнением законов в деятельности органов дознания и оперативно-розыскных органов». К предмету надзора за законностью в ОРД отнесены: 1) законность осуществления оперативно-розыскных мер и 2) законность принимаемых оперативно-розыскными органами решений. В свою очередь, ст. 30 Конституционного закона об органах прокуратуры Республики Таджикистан (от 25.07.2005 г. №107) включает в предмет надзора за законностью в ОРД: 1) соблюдение прав и свобод человека и гражданина; 2) проведение оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления преступлений и розыска преступников; 3) законность принятых решений.

Более научно обоснованный и адекватный времени подход использован при конструировании прокурорско-надзорных норм, регламентирующих надзор за исполнением законов в ОРД, в законодательстве Республик Беларусь и Казахстан [10]. Законы о прокуратуре этих стран включают отдельные главы, нормы которых посвящены вопросам правового регулирования надзора за законностью в ОРД. Так, ст. 28 главы 5 «Надзор за исполнением законодательства при осуществлении

оперативно-розыскной деятельности» Закона о прокуратуре Республики Беларусь (от 8.05.2007 г. №220-З) определяет предмет прокурорского надзора как «соответствие законодательству правовых актов и решений (действий) органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и их должностных лиц». Наконец, Закон о прокуратуре Республики Казахстан (от 21.12.1995 г. № 2709) в ст. 34 главы 6 включает в предмет прокурорского надзора следующие элементы: 1) соблюдение прав и свобод человека и гражданина в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности; 2) проведение оперативно-розыскных мероприятий; 3) законность актов и действий органов и должностных лиц, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

Интересный перечень элементов предмета прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД установлен в ст. 35 главы 6 Модельного закона о прокуратуре для стран СНГ (Принят на 27 пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Постановление №27-6 от 16 ноября 2006 г.): 1) соблюдение прав и свобод человека и гражданина; 2) установленный законом порядок производства оперативно-розыскных мероприятий при выявлении преступлений, их раскрытии, розыске преступников, отыскании доказательств по уголовным делам; 3) при обеспечении собственной безопасности органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность; 4) законность принимаемых решений [11].

С учетом рассмотренного опыта правового регулирования предмета прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД в Российской Федерации и различных странах СНГ считаем важным определить общие научно-обоснованные подходы к формированию и законодательному закреплению данного предмета.

Во-первых, из истории развития форм оперативно-розыскной деятельности известно, что она, неизменно сохраняя свою сущность, получала различные альтернативные наименования, например, рассматривалась как сыскная, уголовно-сыскная деятельность, уголовно-розыскная деятельность, иногда в качестве оперативно-розыскного процесса и т.д. [12]. Исходя из приведенных лексических конструкций, словосочетаний ряда употребляемых терминов, можно установить прямую связь этого вида деятельности с деятельностью уголовно-процессуальной. Поэтому в теоретико-правовом плане важно установить – является ли ОРД самостоятельным видом деятельности либо исключительно специальным средством борьбы с преступностью, т.е. частью уголовного процесса? По данному вопросу в науке сформировалось две позиции. Так, например, В. Г. Даев, руководствуясь «широким» пониманием уголовного судопроизводства, включал в его содержание любую деятельность, реализуемую в связи с преступлением, и в рамках такого подхода рассматривал ОРД в качестве составной части уголовного процесса [13]. И. Л. Петрухин рассматривает ОРД как самостоятельную форму расследования преступлений, а в перспективе предлагает сделать ОРД основным, фактически единственным способом расследования преступлений в нашей стране [14]. Подобное включение в тех или иных формах в уголовный процесс деятельности непроцессуальной (оперативно-розыскной, административной и т.д.) встречается в современных работах и других ученых-процессуалистов [15]. Другие ученые считают, что ОРД имеет самостоятельный характер и только причастна к уголовному процессу [16], поскольку хронологически действия по реализации задач ОРД могут совершаться до возбуждения уголовного дела, то есть вне стадий уголовного судопроизводства. Кроме того, ОРД может осуществляться и не в связи

с решением задач уголовного процесса. Например, к задачам оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации относится: добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, информационной, экономической или экологической безопасности; розыск без вести пропавших; установление личности неопознанных трупов; сбор данных, позволяющих принимать управленческо-организационные решения (о допуске к сведениям, составляющим государственную тайну; о допуске к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей среды; о предоставлении либо об аннулировании лицензии на осуществление частной детективной или охранной деятельности, о переоформлении документов, подтверждающих наличие лицензии, о выдаче (о продлении срока действия, об аннулировании) удостоверения частного охранника; о достоверности представленных государственным или муниципальным служащим либо гражданином, претендующим на должность судьи, предусмотренных федеральными законами сведений при наличии запроса, направленного в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации и др.); проведение ОРМ для определения факта установления иностранным инвестором или группой лиц, в которую входит иностранный инвестор, контроля над хозяйственным обществом, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также факта наличия между иностранным инвестором и третьими лицами соглашения и (или) их согласованных действий, направленных на установление такого контроля. Таким образом, оперативно-розыскная деятельность является самостоятельным видом государственной деятельности, имея свои собственные задачи. Следовательно, объединение норм, регламентирующих осуществление прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание, предварительного следствие и ОРД, в рамках единой отрасли надзора нецелесообразно. Равным образом существует потребность в разделении и предмета надзора.

Во-вторых, содержание элементов предмета прокурорского надзора в исследованных законодательных актах представляется неполным, не охватывающим исполнение всех норм, регулирующих осуществление оперативно-розыскной деятельности, а также правоотношений, тесно и неразрывно связанных с этой деятельностью, обладающих существенной спецификой. В целях повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности ограничиваться оценкой законности порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий и принятых оперативно-розыскными органами решений нельзя. Недостижение задач оперативно-розыскной деятельности, что может проявляться в форме бездействия соответствующих оперативно-розыскных органов, также должно получать надлежащую оценку со стороны органов прокуратуры и адекватное применение мер прокурорского реагирования. С учетом содержания задач оперативно-розыскной деятельности, норм, определяющих обязанности оперативно-розыскных органов, считаем целесообразным формулирование предмета прокурорского надзора с использованием таких категорий как: «соблюдение норм Конституции, соблюдение прав и свобод человека и гражданина», «исполнение законов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность». Это предполагает осуществление прокурорского надзора за соблюдением норм Конституции РФ, определяющих

права и свободы человека и гражданина, порядок ограничения этих прав в связи с осуществлением ОРД, и в полном объеме исполнением норм Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и иных федеральных законов, содержащих нормы регламентирующих те или иные аспекты ОРД. Кроме того, ряд иных по содержания правоотношений, но тесно связанных с осуществлением оперативно-розыскной деятельности (например, соблюдение бюджетного законодательства в части обеспечения законности расходования денежных средств, выделяемых на осуществление оперативно-розыскной деятельности; соблюдение трудового законодательства в отношении лиц, привлекаемых к осуществлению оперативно-розыскной деятельности на конфиденциальной основе) должны оцениваться в рамках предмета прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, полагаем целесообразным определить предмет прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД следующим образом: «соблюдение норм Конституции; соблюдение прав и свобод человека и гражданина; исполнение законов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность, а также правоотношения, непосредственно связанные с осуществлением оперативно-розыскной деятельности».

Предмет прокурорского надзора должен иметь свои пределы. В России пределы прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, законодательно ограничены. Сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности (ч. 3 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Кроме того, вопросы тактики, организации, методов и средств ОРД не должны входить в предмет прокурорского надзора. Вместе с тем, не включение в предмет этих категорий не должно служить основанием для отказа в предоставлении прокурору конкретных оперативно-служебных документов, содержащих какие-либо сведения об организации, тактике, методах и средствах ОРД. Прокурор, проверяя исполнение законов, не может не затрагивать вопросы, в определенной степени, связанные с организацией оперативной работы: своевременность и точность учета и регистрации документов и материалов, полнота и быстрота оперативной проверки, взаимодействие с органами следствия и дознания [17]. Таким образом, прокурор может и должен знакомиться с оперативно-служебными документами, содержащими сведения об организации, тактике, методах и средствах осуществления ОРД. Это допустимо в случаях проверки законности действий должностных лиц оперативных подразделений при проведении и документировании ОРМ, при оценке законности решений руководителей ОРО, а также в случае необходимости привлечения оперативных сотрудников к установленной законом ответственности (дисциплинарной или уголовной). Прокурору не следует оценивать правильность используемых в ОРД приемов и методов, если они не приводят к нарушениям закона. Решения, которые носят тактический характер, не должны относиться к предмету прокурорского надзора за законностью в ОРД [18]. Однако если применение тактических приемов противоречит закону, что может привести к его нарушению либо прямо нарушают

закон, прокурор обязан принять меры по обеспечению законности в соответствии со своими полномочиями.

Список использованных источников

1. Ломовский, В. Д. Прокурорско-надзорные правоотношения. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета. 1987. С. 35.

2. Даев, В. Г., Маршунов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета. 1990. С. 62.

3. Басков, В. И., Коробейников Б. В. Курс прокурорского надзора: Учебник. – Москва: Издательство «Зерцало». 2000. С. 7.

4. Там же.

5. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва, 1997. С. 478.

6. Березовская, С. Г. Нормы прокурорского надзора и их место в системе советского права // Вопросы прокурорского надзора. – Москва, 1972. С. 38; Спиридонов Б. М. Понятие отрасли прокурорского надзора // Совершенствование прокурорского надзора в СССР. – Москва, 1973. С. 86.

7. Козусев, А. Ф. Надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности – отрасль прокурорского надзора // Проблемы теории и практики прокурорского надзора в современных условиях: тезисы науч.-практ. конференции. – Москва, 2005. Ч. 1. С. 75.

8. Додонов, В. Н., Крутских, В. Е. Прокуратура в России и за рубежом. Сравнительное исследование / Под ред. С.И. Герасимова. – Москва: Издательство НОРМА. 2001. С. 51.

9. Российская и зарубежная прокуратура: модели и стандарты: Хрестоматия. Сборник документов о прокуратуре [сост. Н.В. Кулик, Е.Л. Никитин]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. С. 98, 155.

10. Там же. С. 119, 136.

11. Там же. С. 189.

12. Винниченко, Н. А., Захарцев, С. И., Рохлин, В. И. Правовая регламентация использования результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург, 2004. С. 6; Оперативно-розыскная деятельность: Учебник / Под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – Москва, 2002. С. с. 4–5, 48–49; Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. В. Б. Рушайло. Санкт-Петербург, 2001. С. 10, 12, 20, 24–25.

13. Даев, В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Ленинград: Издательство Ленинградского университета. 1982. С. 12–13.

14. Петрухин, И. Л. Предварительное расследование: каким ему быть? // Законодательство. 2000. №10. С. 71–77.

15. Григорьев, В. Н., Прушинский Ю. В. Первоначальные действия при получении сведений о преступлении (процессуальные и организационно-правовые формы): Учебное пособие. – Москва, 2002. С. 50–51.

16. Возгрин, И. А. Обеспечение методами и средствами ОРД раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел // Криминалистический семинар. Выпуск 1 / Отв. ред. В. В. Новик. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 1998. С. 16; Ривман Д. В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». – Санкт-Петербург, 2003. С. 14; Винниченко Н. А., Захарцев С. И., Рохлин В. И. Правовая регламентация использования результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под общ. ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург, 2004. С. 45, 52.

17. Рохлин, В. И. Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» и прокурорский надзор // Законность. 1995. № 12. С. 5–8.

18. Чувилев, А. А. Оперативно-розыскное право. – Москва: Издательство НОРМА. 1999. С. 68.

Дата поступления статьи – 12.09.2017.

В настоящей статье, используя сравнительно-правовой метод, осуществлен анализ действующего законодательства о прокуратуре Российской Федерации и ряда государств СНГ – бывших республик СССР, в части правовой регламентации осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. Объектом исследования явились нормы национальных законов о прокуратуре, Модельного закона о прокуратуре для стран СНГ, определяющие элементы предмета прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. Предмет исследования – закономерности конструирования законодательных норм, устанавливающих предмет прокурорского надзора в этой сфере. Существующие правовые конструкции предмета надзора автор признаёт недостаточно совершенными, вызывающими трудности в правоприменении. Так, содержание предмета прокурорского надзора в исследованных законодательных актах представляется неполным, не охватывающим исполнение всех норм, регулирующих осуществление оперативно-розыскной деятельности. Посредством изучения норм, определяющих задачи оперативно-розыскной деятельности, норм, определяющих обязанности оперативно-розыскных органов, автор приходит к выводу о необходимости включения в предмет прокурорского надзора таких категорий как: соблюдение норм Конституции, исполнение законов в оперативно-розыскной деятельности. В целях повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности ограничиваться оценкой законности порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий и принятых оперативно-розыскными органами решений нельзя. Недостижение задач оперативно-розыскной деятельности, что может проявляться в форме бездействия соответствующих оперативно-розыскных органов, также должно получать надлежащую оценку со стороны органов прокуратуры и адекватное применение мер прокурорского реагирования. Кроме того, ряд правоотношений, связанных с осуществлением оперативно-розыскной деятельности (например, соблюдение бюджетного законодательства в части обеспечения законности расходования денежных средств, выделяемых на осуществление оперативно-розыскной деятельности; соблюдение трудового законодательства в отношении лиц, привлекаемых к осуществлению оперативно-розыскной деятельности на конфиденциальной основе и др.) должны оцениваться в рамках предмета прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности.

Abstract. In this article, using a comparative legal method, an analysis has been made of the current legislation on the prosecutor's office of the Russian Federation and a number of CIS states – the former Soviet republics, with regard to the legal regulation of the prosecution supervision over the execution of laws in the operational-search activity. The subject of the study were the norms of national laws on the Prosecutor's Office, the Model Law on the Prosecutor's Office for the CIS countries, which determine the elements of the subject of prosecutorial supervision over the execution of laws in the operational-search activity. The subject of the study is the laws governing the construction of legislative norms that establish the subject of prosecutorial supervision in this sphere. The author recognizes the existing legal constructions of the subject of supervision as insufficiently perfect, causing difficulties in enforcement. Thus, the content of the subject of prosecutor's supervision in the examined legislative acts is incomplete, not encompassing the implementation of all the rules governing the implementation of operational-search activities. Through the study of the norms that determine the tasks of the

operative-search activity, the norms determining the duties of the operative-investigative bodies, the author comes to the conclusion that it is necessary to include in the subject of the prosecutor's supervision such categories as: observance of the norms of the Constitution, enforcement of laws in the operational-search activity. With a view to increasing the effectiveness of prosecutorial supervision over the implementation of laws in the operational-search activity, it is impossible to limit the assessment of the legality of the procedure for carrying out operational search activities and decisions taken by the operational-search authorities. Failure to meet the objectives of the operative-search activity, which can manifest itself in the form of inactivity of the relevant operational investigative bodies, must also receive due assessment by the prosecution authorities and adequate application of the measures of the prosecutor's response. In addition, a number of legal relationships related to the implementation of operational-search activities (for example, compliance with budgetary legislation in terms of ensuring the legality of spending money allocated for the implementation of operational-search activity; compliance with labor laws in respect of persons involved in the implementation of operational-search activities at confidential basis, etc.) should be evaluated within the scope of the subject of prosecutor's supervision over the execution of laws in the operational-search activity aust.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ ЭКОНОМИКИ

Протасевич А.В., Игнатюк А.З.

Государственная политика Республики Беларусь направлена на повышение конкурентоспособности белорусской экономики путем формирования цивилизованных рыночных отношений, защиты предпринимательства и свободы экономической деятельности.

В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016-2020 годы сказано, что Республика Беларусь, сохраняя преемственность целей и приоритетов предыдущих лет, в своей социально-экономической политике в текущем пятилетии будет исходить из необходимости восстановления экономического роста, в том числе на основе совершенствования структуры экономики, развития частного сектора экономики, повышения эффективности государственного управления и занятости населения [1]. В реализации данной Программы участвуют все государственные, в том числе правоохранительные органы, среди которых важную роль играют органы прокуратуры Республики Беларусь.

Именно на прокуратуру Республики Беларусь возложены функции по надзору за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь [2, ст. 1], что подтверждается статистическими данными. Так, в 2016 году органами прокуратуры Республики Беларусь проведено 9377 проверок исполнения законодательства в различных сферах, внесено 49 тыс. актов прокурорского надзора. По результатам их рассмотрения 39930 физических и юридических лиц привлечено к административной, дисциплинарной и материальной ответственности. Возбуждено 182 уголовных дела [3].

Осуществляя надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь, прокуратура обеспечивает масштабный комплекс мероприятий, направленных на защиту отечественного предпринимательства и свободы экономической деятельности, создание

благоприятного инвестиционного климата, утверждение правовых начал в сфере предпринимательской деятельности.

Основные усилия прокуратуры в сфере повышения уровня конкурентоспособности и привлекательности экономики Республики Беларусь для бизнеса направлены на снятие административных барьеров, создающих серьезные угрозы свободе предпринимательской деятельности, которые условно могут быть разделены на следующие категории:

- введение необоснованных процедур и запретов для предпринимателей, предоставление отдельным лицам незаконных преференций и привилегий;
- нарушение единства экономического пространства и ограничение свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств;
- незаконное обременение предпринимательской деятельности путем возложения не предусмотренных законом обязанностей, установления условий;
- избыточное администрирование разрешительных процедур, их усложнение и затягивание путем истребования у предпринимателей излишних документов, навязывания им платных услуг и множественных согласований, нарушения сроков рассмотрения заявлений;
- воспрепятствование законной предпринимательской деятельности в процессе осуществления контрольно-надзорных мероприятий;
- нарушение прав предпринимателей при оказании им государственной поддержки.

Важнейшим из направлений деятельности прокуратуры по повышению конкурентоспособности потенциала экономики Республики Беларусь, является надзор за исполнением бюджетного законодательства.

Государство, оставаясь крупнейшим собственником, финансирует за счет бюджетных средств многомиллиардные социальные, экономические и иные программы. Поэтому посягательства на бюджетные средства – это не только экономические преступления и иные правонарушения, но и серьезная угроза конкурентоспособности белорусской экономики. За каждой бюджетной строкой стоит определенная функция государства в самых различных сферах жизнедеятельности общества. Хищение и нецелевое расходование бюджетных средств способны подорвать эффективность государственной деятельности в том или ином направлении, сорвать исполнение государственных целевых программ, существенно снизив конкурентный потенциал. Кроме прямого экономического ущерба, нарушения в бюджетной сфере вызывают большой общественный резонанс, формируют представления о неспособности государства «перекрыть» каналы хищения, подрывая тем самым авторитет власти.

По мнению Генерального прокурора Республики Беларусь А.В. Конюка, наибольшую актуальность в сфере экономической безопасности страны приобретают обеспечение сбалансированного развития организаций и повышение эффективности их работы за счет роста добавленной стоимости, увязки объемов промышленного производства с сокращением запасов готовой продукции и увеличением экспортных поставок товаров, высокоэффективных инвестиционных проектов, а также улучшение финансового состояния промышленных организаций, в целях создания условий для устойчивого качественного экономического роста [4, с. 5].

Усилия прокуратуры в последние годы были сосредоточены на обеспечении экономических интересов государства при распоряжении финансовыми ресурсами,

реализации стратегических программ развития производства, в области налоговых отношений, сохранности собственности, а также инвестиционной деятельности [5, с. 122].

Следует отметить, что ситуация с распространенностью и масштабностью нарушений в финансово-бюджетной сфере на протяжении последних лет остается неблагоприятной, обусловливая пристальное внимание к ней со стороны органов прокуратуры. Практика показывает, что нарушения допускаются участниками бюджетного процесса всех уровней бюджетной системы. Распространенный характер носят случаи нецелевого и незаконного использования бюджетных средств, отсутствия со стороны главных распорядителей контроля за их использованием, непринятия мер к восстановлению в бюджете средств, использованных незаконно. Сфера освоения бюджетных средств при осуществлении государственных закупок товаров (работ, услуг) по-прежнему остается высоко коррупциогенной [6].

Прокурорами выявляются и пресекаются нарушения при исполнении доходных и расходных частей бюджетов, из которых наибольшее распространение получили факты несвоевременности поступления доходов, недофинансирования расходных обязательств, несвоевременности освоения финансовых ресурсов, а также нарушения порядка предоставления бюджетных средств.

Важнейшее значение для конкурентоспособности белорусской экономики имеет уровень «благоприятности» инвестиционного климата для создания и развития бизнеса в стране. Поэтому государственная политика последних лет направлена на правовое обеспечение проводимых в стране экономических преобразований, на формирование цивилизованных рыночных отношений.

Состояние законности в экономической сфере страны, оказывает существенное влияние на конкурентоспособность экономики и ее инвестиционную привлекательность для зарубежных партнеров, предопределяющее приоритетное направление надзорной деятельности органов прокуратуры.

В Республике Беларусь сформирована законодательная база в области инвестиций, в целом соответствующая международным стандартам, благодаря которой, на сегодняшний день, реализовано множество проектов. Это и новые технологические линии по производству цемента, стекла, парогазовые установки на Березовской и Лукомльской электростанциях, строительство Белорусской АЭС, открытие новых линий на Белорусском металлургическом заводе и др. [8].

В целях создания дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь принят Декрет Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» [7] (далее – Декрет Президента Республики Беларусь «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь»), предполагающих предоставление инвесторам льгот и преференций.

Надзор за соблюдением законодательства при заключении и исполнении инвестиционных договоров в рамках Декрета Президента Республики Беларусь «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» – одно из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры. Прокурорский надзор в данной области выявляет ряд проблем, касающихся заключения и исполнения инвестиционных договоров. В частности, необходимо отметить, общую негативную тенденцию появления большого количества прекращенных договоров – около 25% [4, с. 124].

Следует также отметить низкую – на уровне 30% – долю объектов промышленности и реального сектора экономики, подтверждаемую данными Государственного реестра инвестиционных договоров с Республикой Беларусь, а также проведенной органами прокуратуры проверкой.

Установлены факты заключения инвестиционных договоров для реализации проектов, экономический эффект которых для экономики республики не очевиден. Имели место случаи заключения договоров на реализацию высокодоходных коммерческих проектов, не требующих государственной поддержки, либо проектов, которые в силу некоторых причин до заключения договоров длительный период не реализовывались. Отдельные инвесторы преследовали цель исключительно получения предусмотренных законодательством льгот и преференций, в частности земельных участков без проведения аукциона [4, с. 124].

Декретом Президента Республики Беларусь «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» обязанности по контролю за соблюдением условий инвестиционных договоров возложены на государственные органы, исполкомы, заключившие от имени Республики Беларусь инвестиционные договоры, иные уполномоченные органы. Вместе с тем, данная обязанность не всегда исполняется надлежаще, что влечет невыполнение инвесторами принятых на себя обязательств и не достижение запланированного экономического эффекта от реализации инвестиционных проектов.

Так, органами прокуратуры Витебской области осуществляется надзор за соблюдением требований Декрета Президента Республики Беларусь «О создании дополнительных условий для инвестиций в Республике Беларусь» в части исполнения инвестиционных договоров, заключенных между организациями-инвесторами и Витебским областным исполнительным комитетом.

В ходе проверок прокуратурой выявлены нарушения законодательства при заключении и реализации инвестиционных договоров, обеспечении контроля за их исполнением. Установлены факты ненадлежащей прединвестиционной работы, непродуманного подхода к заключению договоров без тщательного изучения перспектив их реализации, что порой влекло прекращение инвестиционных проектов (Витебский, Чашникский и Толочинский районы).

Выявлены случаи отсутствия должного контроля за реализацией инвестиционных проектов (Витебск, Новополоцк, Браславский, Миорский и другие районы).

Инвесторами не всегда представлялись в Витебский областной исполнительный комитет надлежаще оформленные документы для решения вопроса о прекращении инвестиционных договоров. Иногда в них указывались недостоверные сведения о вводе объектов в эксплуатацию. В таких ситуациях прокуратура Витебской области направляла поручения о проведении проверок в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства в УВД Витебского областного исполнительного комитета.

Всего по результатам проверок органами прокуратуры Витебской области, внесено 14 актов прокурорского надзора председателям местных исполнительных и распорядительных органов, а также руководителям организаций-инвесторов.

Прокуратурой Витебской области внесено представление председателю Витебского областного исполнительного комитета, в котором потребовано устранить выявленные нарушения законодательства, связанные с инвестиционной

деятельностью, а также поставлен вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности виновных лиц. По итогам принятых мер прокурорского реагирования 6 должностных лиц привлечено к дисциплинарной ответственности, согласовано решение о снятии с должности руководителя одной из организаций области [9].

Прокурорские проверки показывают, что в числе причин, способствующих невыполнению инвесторами возложенных на них обязанностей, является отсутствие должного контроля со стороны облисполкома за исполнением инвестиционных договоров. Данный факт, в частности, обусловлен отсутствием четкой регламентации порядка осуществления контрольной деятельности в законодательстве.

К сожалению, Декрет Президента Республики Беларусь «О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь» не определяет порядок контроля за работой инвесторов, а также не предусматривает конкретные обязанности государственных органов и инвесторов в указанной сфере. В этой связи, на практике, деятельность местных органов власти по контролю за реализацией инвестиционных проектов зачастую сводится лишь к переписке с инвесторами, при этом отчеты инвесторов о проделанной работе не всегда должным образом аргументируются, предоставляются без подтверждающих документов. Посещение производственных объектов должностными лицами исполкомов осуществляется достаточно редко и, зачастую, представляет собой лишь визуальный осмотр территории и оборудования. Подобная организация работы негативно сказывается на реализации проектов, не способствует своевременному выявлению и устранению возникающих проблемных вопросов, что в отдельных случаях влечет затягивание сроков реализации инвестиционных договоров и способствует снижению экономического эффекта от деятельности инвесторов [10, с. 98].

В Республике Беларусь назрела необходимость совершенствования законодательной базы, регламентирующей контрольную деятельность за ходом инвестиционных проектов. В данной связи, полезным может оказаться опыт зарубежных стран, в частности, опыт работы государственных органов Российской Федерации в указанной сфере деятельности.

Так, анализ законодательства Российской Федерации показал, что в данном государстве сфера контроля за реализацией отдельных видов инвестиционных проектов регламентирована достаточно четко. В частности, постановлением Правительства Российской Федерации от 17 мая 2010 г. № 351 «Об утверждении Положения об осуществлении контроля и мониторинга хода реализации проектов, получивших бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации» (далее – постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения об осуществлении контроля и мониторинга хода реализации проектов, получивших бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации»), утверждено Положение, которое устанавливает порядок осуществления контроля и мониторинга хода реализации проектов, в отношении которых Правительством Российской Федерации принято решение о предоставлении бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации, обязательный для всех участников проектов [11].

В данном постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения об осуществлении контроля и мониторинга хода

реализации проектов, получивших бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации» определяются цели, задачи и предмет контроля и мониторинга. Согласно установленным требованиям контроль и мониторинг осуществляются Министерством экономического развития Российской Федерации в виде плановых и внеплановых мероприятий. Плановые мероприятия проводятся на основе годовых и текущих планов, а также графиков. Мероприятия по контролю и мониторингу осуществляются посредством: сбора отчетности и информации о ходе реализации проектов на регулярной основе; запроса у участников проекта необходимой информации в целях проведения анализа хода реализации проекта; плановых и внеплановых проверок хода реализации проекта, проводимых на предмет выполнения участниками проекта и лицами, участвующими в проекте, принятых обязательств по реализации проекта, а также обоснованности, эффективности и целесообразности деятельности данных лиц; иных законных способов получения информации.

В постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения об осуществлении контроля и мониторинга хода реализации проектов, получивших бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации» подробно определена процедура проведения мероприятий по контролю и мониторингу, в том числе порядок работы по оформлению результатов контрольной деятельности.

Кроме того, приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 30 июля 2015 г. № 425 «Об утверждении формы отчетности о ходе реализации проекта, получившего бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации» утверждена форма отчетности о ходе реализации проектов [12].

Подобная четкая регламентация работы по контролю за реализацией инвестиционных проектов имеет ряд положительных моментов, связанных с конкретизацией работы, приведением в систему деятельности заинтересованных ведомств, снижением риска срыва реализации проектов, может быть применена белорусским законодателем.

Таким образом, полагаем, что внесение изменений в действующее законодательство Республики Беларусь, в части определения механизма контрольной деятельности за соблюдением инвесторами условий инвестиционных договоров, в том числе, предусматривающего порядок подготовки и предоставления инвесторами отчетов об исполнении принятых по договорам обязательств, посещения производственных объектов, оформления документации о ходе контрольной деятельности, позволит существенно повысить уровень конкурентоспособности экономики нашей страны, поскольку обеспечит поступление инвестиций из-за рубежа, создаст благоприятные условия для развития предпринимательской деятельности в Республике Беларусь.

Список использованных источников

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016-2020 годы : Указ Президента Республики Беларусь, 15 декабря 2016 г., № 466 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология : Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О прокуратуре Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г., № 401-З // КонсультантПлюс :

Беларусь. Технология : Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Информационная служба Генеральной прокуратуры Республики Беларусь / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prokuratura.gov.by/ru/info/. – Дата доступа: 27.08.2017.

4. Конюк, А. В. Обеспечение экономической безопасности государства – приоритетное направление прокурорского надзора / А. В. Конюк // Проблемы управления. – 2015. – № 1. – С. 5–12.

5. Конюк, А. В. Проблемы прокурорского надзора в экономической сфере / А. В. Конюк // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 1 (57). – С. 120–128.

6. В прокуратуре Брестской области подвели итоги работы в первом полугодии 2017 г. // Информационная служба Генеральной прокуратуры Республики Беларусь / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://prokuratura.gov.by/ru/info/sobytiya-i-meropriyatiya/v-prokurature-brestskoy-oblasti-podveli-itogi-raboty-v-pervom-polugodii-2017-g/. – Дата доступа: 27.08.2017.

7. О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь : Декрет Президента Республики Беларусь, 6 августа 2009 г., № 10 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 12.11.2015 г., № 8 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология : Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

8. Дешко, Е. А. Иностранные инвестиции – точки роста экономики страны / Е. А. Дешко // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология : Проф. Финансовые и кадровые консультации : Статьи. Пособия. Книги. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

9. Органами прокуратуры Витебской области проведена проверка соблюдения инвестиционного законодательства // Информационная служба Генеральной прокуратуры Республики Беларусь / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.prokuratura.gov.by/ru/info/novosti/nadzor-za-ispolneniem-zakonodatelstva/v-sfere-ekonomiki/organami-prokuratury-vitebskoy-oblasti-provedena-proverka-soblyudeniya-investitsionnogo-zakonodatels/. – Дата доступа: 07.09.2017.

10. Запрудская, М. С. Отдельные аспекты прокурорского надзора за исполнением инвестиционного законодательства / М. С. Запрудская // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: теория и практика : сборник научных статей, Витебск, 21–22 апреля 2017 г. – Витебск : ВГУ, 2017. – С. 96–99.

11. Об утверждении Положения об осуществлении контроля и мониторинга хода реализации проектов, получивших бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации, 17 мая 2010, № 351 // КонсультантПлюс : Россия. Технология : Проф. [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.

12. Об утверждении формы отчетности о ходе реализации проекта, получившего бюджетные ассигнования Инвестиционного фонда Российской Федерации : приказ Министерства экономического развития Российской Федерации, 30 июня 2015 г., № 425 // КонсультантПлюс : Россия. Технология : Проф. [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

Рассмотрено влияние органов прокуратуры на конкурентоспособность экономики Республики Беларусь, посредством обеспечения законности в ее ключевых отраслях. В этом аспекте, оценена роль прокуратуры в достижении конкурентоспособности в бюджетной сфере, рассмотрены отдельные аспекты прокурорского надзора за

исполнением инвестиционного законодательства, защиты предпринимательства и свободы экономической деятельности. Обоснованы предложения о необходимости внесения изменений и дополнений в законодательство регламентирующее работу государственных органов по контролю за реализацией инвестиционных проектов.

The influence of the prosecutor's offices on the competitiveness of the economy of the Republic of Belarus is examined, by ensuring the rule of law in its key sectors. In this aspect, the role of the prosecutor's office in achieving competitiveness in the budgetary sphere is assessed, certain aspects of the prosecutor's supervision of the implementation of investment legislation, the protection of entrepreneurship and freedom of economic activity are examined. The proposals on the need to introduce amendments and additions to the legislation regulating the work of state bodies to control the implementation of investment projects are substantiated.

ПРОКУРАТУРА КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ КАЗАХСТАНА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Сасенов А.Б.

Конституции большинства современных государств закрепили универсальную форму государственной власти, основанную на принципе разделения властей, «которые фактически определяют взаимоотношения и иерархию субъектов государственной власти» [1].

В Казахстане принцип разделения властей и взаимодействие их на основе системы сдержек и противовесов был закреплен в Конституции Республики Казахстан в 1993 году [2]. В Конституции Республики Казахстан 1995 года данное положение получило свое дальнейшее закрепление и отмечено, что «государственная власть в Республике едина, осуществляется на основе Конституции и законов в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви и взаимодействия между собой с использованием системы сдержек и противовесов» [3].

В комментарии к Конституции дается определение, что «система сдержек и противовесов» закреплена для того, чтобы каждая ветвь функционировала в пределах и в соответствии со своей компетенцией и при условии злоупотребления другой ветвью могла использовать средство правового воздействия. Данный механизм позволяет функционировать государственной власти на правовых основах, регулировать действия каждой и не допускать концентрацию власти во всей полноте в одних руках» [4]. Следовательно, система сдержек и противовесов направлена на то, чтобы каждая ветвь власти не только уравновешивала, но и ограничивала другую ветвь

Основная задача, стоящая перед современным Казахстаном, обозначенная Главой государства, это «утверждение правового государства, при котором независимое правосудие и вся правоохранительная система Казахстана будут нацелены исключительно на обеспечение прав и свобод граждан, строгое исполнение законов и укрепление правопорядка» [5].

В этой связи, совершенствование органов правосудия и прокуратуры является одной из первостепенных задач, поставленных Президентом Республики

по вхождению Казахстана в число 30 развитых государств мира, укреплению казахстанской государственности, обеспечению верховенства закона.

Для уяснения роли прокуратуры обратимся к историческому анализу трансформации прокуратуры в целом. Первым правовым актом в условиях независимого Казахстана был Закон «О Прокуратуре Республики Казахстан» (далее – Закон 1992 года), в котором прокуратура выступала в качестве подотчетного Верховному Совету Республики Казахстан государственного органа, устанавливала направления общего надзора, включая в него высший надзор за точным и единообразным исполнением законов Кабинетом Министров Республики Казахстан, другими органами государственного и хозяйственного управления и контроля, предприятиями, учреждениями, организациями, независимо от подчиненности, принадлежности и форм собственности, воинскими частями, местными Советами народных депутатов, исполнительными и распорядительными органами, органами местного самоуправления, политическими партиями и иными общественными объединениями, должностными лицами, а также гражданами. Кроме общего надзора за исполнением законов всеми участниками правовых отношений, высший надзор за точным и единообразным исполнением законов осуществлялся в соответствии со ст. 5 по следующим направлениям: надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия; надзор за соответствием законам судебных актов. Прокурор участвовал в судебном рассмотрении дел. В случаях, предусмотренных законодательством, осуществлял расследование преступлений [6].

Также было закреплено, что акты Генерального прокурора Республики Казахстан, не соответствующие Конституции и законам Республики Казахстан, могли быть отменены Конституционным судом Республики Казахстан либо Верховным Советом Республики Казахстан.

На основании положений Закона 1992 года можно констатировать, что Прокуратура Республики Казахстан занимала своеобразное положение в системе государственного механизма, являясь относительно самостоятельным органом и вместе с тем, была подотчетной высшему представительному органу страны, местным органам представительной власти и органам местного самоуправления.

В Конституции от 28 января 1993 года выделялась специальная глава 17 «Прокуратура», согласно которой «прокуратура осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законов на территории Республики Казахстан в пределах ее компетенции. В случаях и в порядке, предусмотренных законом, органы прокуратуры осуществляют уголовное преследование, участвуют в судебном разбирательстве дел. Органы прокуратуры осуществляют свои полномочия независимо от других государственных органов, должностных лиц и подчиняются только закону. Единую и централизованную систему органов прокуратуры возглавляет Генеральный прокурор Республики Казахстан, назначаемый Верховным Советом, сроком на пять лет. Нижестоящие прокуроры назначаются и освобождаются от должности Генеральным прокурором» [2]. Данная норма свидетельствует о том, что законодатель отделяет прокуратуру от других ветвей государственной власти, в том числе и судебной.

Т.е. сам факт конституционного закрепления государственно-правового статуса органов прокуратуры означал «признание государством и обществом института прокурорского надзора как специфического самостоятельного вида

государственной деятельности, дистанцирующегося от всех иных ветвей власти» [7].

Дальнейшее совершенствование деятельности органов прокуратуры связано с принятием Государственной программы правовой реформы в Республике Казахстан, в которой подчеркивалось, что «построение правового государства требует рационального преобразования Прокуратуры Республики Казахстан и системы прокурорского надзора. Из общенадзорных функций прокурора следует исключить проведение так называемых плановых проверок, оставив за ним право на их проведение лишь по поступившим сообщениям о допущенном правонарушении и только по вопросам, затронутым в сообщении».

Главными направлениями деятельности прокуратуры должны быть:

- надзор за законностью дознания и расследования уголовных дел;

- участие в судебном разбирательстве дел, государственное обвинение в суде и представительство интересов государства, надзор за законностью судебных актов;

- надзор за исполнением законов в местах предварительного заключения и исполнения наказания и иных мер принудительного характера, назначаемых судом.

С учетом осуществления правосудия на началах состязательности процесса, участие прокурора по всем уголовным делам обязательно [8].

Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 30 августа 1995, законодательно закрепила основу деятельности Прокуратуры РК, которая от имени государства осуществляет высший надзор за точным и единообразным применением законов, указов Президента Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов на территории Республики, за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия, административного и исполнительного производства, принимает меры по выявлению и устранению любых нарушений законности, а также опротестовывает законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции и законам республики. Прокуратура представляет интересы государства в суде, а также в случаях, порядке и в пределах, установленных законом, осуществляет уголовное преследование. Пункт 2 статьи 83 Конституции определил структуру прокуратуры Республики Казахстан, установив, что прокуратура «составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору республики. Она осуществляет свои полномочия независимо от других государственных органов, должностных лиц и подотчетна лишь Президенту республики» [3]. В этой связи возникает вопрос о месте прокуратуры Республики Казахстан в государственном механизме и системе разделения властей. Уже в первые годы после принятия Конституции РК некоторые исследователи отмечали, что «помещение нормы о прокуратуре в раздел VII «Суды и правосудие» Конституции Республики Казахстан не соответствует государственному предназначению и месту прокуратуры в системе органов государственной власти» [9].

В последние годы в юридической научной литературе обсуждается вопрос о взаимоотношении прокуратуры с судебной властью. Размещение статьи 83 о прокуратуре в разделе Конституции Республики Казахстан «Суды и правосудие» многих приводит к неправильному пониманию назначения прокуратуры.

Следует отметить, что перед судом и прокуратурой стоит единая задача защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, обеспечение

исполнения Конституции, законов, иных нормативных правовых актов, международных договоров Республики. Но в тоже время, реализуют их различными методами и средствами, ни в коем случае не подменяя друг друга и не дублируя.

Прокуратура не является институтом судебной системы, так как не осуществляет правосудие, а является самостоятельным государственным органом, основной функцией которого в соответствии с пунктом 1 статьи 83 Конституции Республики Казахстан является осуществление от имени государства в установленных законом пределах и формах высшего надзора за соблюдением законности на территории Республики Казахстан, представление интересов государства в суде и от имени государства осуществление уголовного преследования. Прокуратура имеет свою структуру с вертикальным подчинением, и по закону «О прокуратуре» [10] она подотчетна только Президенту. Суд и прокуратура имеют свои независимые друг от друга подразделения, и они не подчинены друг другу.

В суде по уголовным, гражданским и иным делам прокуратура представляет интересы государства. Следовательно, полномочия прокурора не противоречат осуществлению правосудия. Прокуратура как элемент системы сдержек и противовесов реагирует на незаконные судебные акты, нарушающие права и свободы человека, т.е. в соответствии с законными полномочиями осуществляет высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан и обеспечивает защиту и восстановление прав и свобод человека и гражданина, законных интересов юридических лиц, общества и государства. В этой связи следует отметить, что прокурор в случае своего несогласия с решением, приговором и иным постановлением суда по делу по мотиву его несоответствия закону либо необоснованности вправе приносить ходатайства и протесты о пересмотре судебных актов (п.3 ст.44).

Прокурор в пределах своей компетенции вправе независимо от его участия в судебном разбирательстве запрашивать из суда уголовные, гражданские дела и дела об административных правонарушениях, по которым судебные акты вступили в законную силу. В случае несоответствия закону принятых актов и при наличии оснований прокурор приносит протест в порядке надзора (ст.13).

Следует отметить, что некоторые практические работники рассматривают данные полномочия прокурора как «надзор за судебной деятельностью», которые, по их мнению, нарушают принципы правового государства и принципы правосудия [11]. В данном случае следует четко уяснить, что прокуратура осуществляет надзор за соблюдением законности!

В свете реализации 26 шага Плана Нации «100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Главы государства», предусмотрено сокращение участия прокурора в суде по гражданско-правовым спорам для упрощения судебных процедур и ускорения судебного процесса и внесение соответствующих поправок в Гражданский процессуальный кодекс» [12].

Данный вопрос об ограничении полномочий прокурора в гражданском процессе постоянно обсуждался как в отечественной юридической науке, так и в зарубежной [13]. И на сегодняшний день эта полемика не теряет актуальности.

В этой связи представляет интерес опыт Франции, где прокурор активно участвует в гражданском процессе. Прокурор во Франции не выступает на стороне тех или иных участников судебного процесса, а способствует поиску объективной

истины как представитель в суде. В некоторых случаях участие прокурора является обязательным в гражданском судопроизводстве, учитывая, то, что прокурор выступает как законный представитель общества. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве в соответствии с законодательством Франции обязательно при рассмотрении: всех дел по вопросам гражданства; дел по защите прав несовершеннолетних, при возникновении угрозы их здоровью, образованию и безопасности; дел по защите прав и интересов инвалидов; дел по защите интересов лиц с психическими недостатками; дел по некоторым вопросам в сфере коммерческой деятельности (соблюдение законности при реализации имущества фирмы, признанной банкротом); дел, в которых решаются государственные вопросы.

1 января 2016 г. вступил в силу новый Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан, в котором в нормативном выражении нашел отражение 26 шаг.

Суды ежегодно рассматривают порядка 400 тысяч гражданских дел, четверть – с участием прокурора. Пик пришелся на 2014 год – 113 тыс. дел, т.е. прокуроры принимали участие в каждом четвертом деле

В рамках реализации 26-го шага Плана нации из статьи 54 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) были исключены споры о выселении, восстановлении на работе, взыскании заработной платы и возмещении вреда, причиненного здоровью (это в 2016 году освободило прокуроров от 16 тыс. дел).

В настоящее время прокуроры участвуют по делам, затрагивающим интересы государства, когда требуется защита общественных интересов, или граждан, которые не могут себя защищать, а также когда участие признано необходимым судом или прокурором.

В итоге число дел с участием прокурора существенно сокращено. В 2016 году прокуроры вступили в процесс по 50 тысячам гражданских дел в первой инстанции и в 8,3 тысячах дел – в апелляции, то есть в сравнении с 2014 годом участие сокращено в 2 раза.

В то же время считаю, что участие прокурора по гражданским делам, где есть реальная угроза активам, собственности и бюджету государства, а также по вопросам национальной безопасности (например: налоговые, таможенные споры, дела об изъятии имущества для государственных нужд, по вопросам государственных закупок, о восстановлении на работе лиц, уволенных за коррупцию, дискредитацию и другие споры, затрагивающие стратегические интересы государства) должна оставаться обязательной. Так, нередко злоумышленники используют судебное решение для вывода активов государства, как правило, в сфере государственных закупок, налогообложения, изъятия земли для государственных нужд.

Следует отметить, что активная защита интересов государства со стороны органов прокуратуры, внесенными актами надзора (протесты) за последние шесть лет, сумели предотвратить потерю 182 млрд. тенге бюджетных средств. В данном случае участие прокурора по таким резонансным делам – это реальное обеспечение экономической безопасности страны.

Участие прокурора – это не только судебные заседания, но и разрешение жалоб на решения судов. Ежегодно прокуроры разрешают 15 тысяч жалоб, треть – в Генеральной прокуратуре.

Обеспечение защиты и восстановление прав инвалидов, сирот и других социально-уязвимых слоев населения всегда являлась конституционной обязанностью прокурора. Так, за 5 лет по протестам прокуроров отменено и изменено более 3 тыс. незаконных судебных актов. Защищены права свыше 700 граждан, предотвращено незаконное снижение штрафов на 5 млрд. тенге. Таким образом, по протестам прокуратуры формируется судебная практика, которая позволяет государственным органам и судам впредь избежать ошибок. Очевидно, что прокуратура выступает как элемент сдержек и противовесов.

Как показывает практика правоприменения, прокуратура остается одним из инструментов по обеспечению и защите гарантированных Конституцией прав и свобод человека. Поэтому прокурор должен обладать полномочиями по вступлению в процесс, если спор может повлечь нарушение прав неопределенного круга лиц. Эта категория дел выбрана не случайно, это имеющийся опыт прошлых лет, когда прокурор в целях защиты граждан участвовал по делам о защите дольщиков, предъявлял в их пользу иски.

Многие авторы рассматривают вмешательство государства в лице прокуроров в гражданские правоотношения неэффективным и нарушающим равноправие сторон, принципы диспозитивности и состязательности гражданского процесса, и высказывают положения о полном сокращении участия прокуратуры.

В тоже время убежден, что полное ограничение участия прокурора не допустимо. Участие прокурора в судебном гражданском процессе необходимо, если речь идет о случаях, когда требуется защита лиц, не имеющих достаточных возможностей для охраны своих прав. Кроме того, «исключение из Гражданского процессуального кодекса норм, предписывающих его полномочия по участию в гражданском процессе, либо установление норм, ограничивающих полномочия прокурора, не только будет противоречить Конституции, но и повлечет отстранение государства от решения вопросов социальной и общественной значимости, бесконтрольность использования бюджетных средств и ряд иных негативных последствий для интересов общества и государства, его экономической безопасности» [14].

Прокуратура на сегодняшний день остается органом оперативно и квалифицированно защищающий права человека. В отличие от суда, способного фиксировать и устранять нарушения закона, прокуратура способна выявлять их и пресекать. «Необходимо выстроить такое взаимодействие суда и прокуратуры на основе сотрудничества и взаимного профессионального контроля с целью повышения уровня законности и эффективности правоохранительной деятельности» [15].

Прокуратура и судебная власть отличается и по способам осуществления полномочий. Суд осуществляет свои полномочия с момента поступления конкретных заявлений и жалоб граждан, организаций, оперативно-розыскных и следственных органов, по инициативе заинтересованных лиц путем судебного разбирательства. Прокуратура осуществляет надзорные полномочия постоянно.

Следует согласиться с ректором Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, которая отмечает, что «на прокуратуры городов и районов приходится значительный, превосходящий по масштабам нагрузку прокуратур вышестоящих уровней объем надзорной деятельности, участия в рассмотрении судами уголовных и гражданских дел. Результаты их работы имеют основополагающее значение в формировании отношения общества к прокуратуре,

характеризуют реальную роль органов прокуратуры в укреплении законности и правопорядка, защите интересов личности, общества и государства. Любой промах моментально оказывается в центре общественного внимания и зачастую расценивается как недостаток всей системы» [16].

Каждый прокурор в сфере надзора за судебными актами и исполнением ежедневно изучает колоссальный объем материалов, сложные дела. Ни один госорган не обладает таким опытом. Выявляя системные нарушения законности, прокуратура принимает меры для формирования единых подходов правоприменения.

Таким образом, современная прокуратура, действуя как элемент системы сдержек и противовесов, проводит большую работу по утверждению демократического правового государства, по формированию высокого уровня доверия населения. Все полномочия прокуратуры направлены на принятие мер к устранению противозаконных решений и актов независимо от того, кто их принимал. «В демократическом государстве должны быть и независимые органы, ценность которых в том и состоит, что они могут свободно контролировать других» [17].

Современная казахстанская прокуратура вышла на путь реформирования и трансформации. На сегодня органы прокуратуры, выполняют свои полномочия в пределах своей компетенции и только ей присущими методами и средствами, успешно справляются с возложенными на нее задачами.

Список использованных источников

1. Шувалов, И. И. Юридический аспект теории разделения властей. // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 3. – С. 14–20.
2. Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 г. (утратила силу). Электронный ресурс //http://adilet.zan.kz/rus/docs/k930001000.
3. Конституция Республики Казахстан принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. Электронный ресурс //http://adilet.zan.kz/rus/docs/k930001000/
4. Конституция Республики Казахстан. Научно-практический комментарий. – Алматы: Раритет, 2015. – 536 с. //http://ksrk.gov.kz/rus/press-center/public/.
5. Назарбаев Н.А. «План нации – Путь к казахстанской мечте». Электронный ресурс. //http://www.akorda.kz/ru/.
6. Закон Республики Казахстан от 17 января 1992 года «О Прокуратуре Республики Казахстан» // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. – 1992. – № 5. – С. 104.
7. Велиев, И. Конституционный статус прокуратуры в системе органов государственной власти Республики Казахстан. // http://law.vl.ru/analit/show.
8. О Государственной программе правовой реформы в Республике Казахстан. Постановление Президента Республики Казахстан от 12 февраля 1994 года № 1569. (Утратило силу) // http://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001569_.
9. Туякбаев, Ж. А. Развитие прокуратуры Казахстана в период государственно-правовой реформы: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 1997. – С. 21.
10. Закон Республики Казахстан от 30 июня 2017 г. «О Прокуратуре» // http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000081.
11. Жапаров, Е. Прокурор в гражданском процессе: всегда ли оправдано и необходимо его участие в деле // Фемида. – № 9. – 2015. – С.36–37.

12. «План нации – 100 конкретных шагов» Программа Президента Республики Казахстан от 20 мая 2015 г. // электронный ресурс/// http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100.

13. См.: Байкин, И. М. Дача заключения прокурором в гражданском процессе // Мировой судья. – № 7. – 2010. – С. 18–21.; Корулина. Ю.В. Критерии допустимости прокурорского вмешательства // Законность. – 2010. – № 10. – С. 35; Прошин Е.В. О дискуссии о месте прокуратуры в Российском государстве // Конституционное и муниципальное право. – №4. – 2012. – С.23; Петрухин И.Л. Прокурорский надзор и судебная власть: Учеб. пособие. – М.: Проспект, 2001. – С. 148; Терехова Л.А. Прокурор в гражданском процессе. Вестник Омского университета. Серия «Право». – № 2. – 2011. – С.124–129 и др.

14. Чиндалиев, А. Участие прокурора в гражданском процессе. // http://prokuror.gov.kz/rus/print/40938.

15. Виноградов, И. П. Место и роль органов российской прокуратуры в механизме разделения властей: теоретико-правовое исследование. Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Коломна, 2000. – С. 20.

16. Капинус, О. С. Прокуратуры городов и районов – ключевое звено системы органов прокуратуры России // Прокурор. – № 1. – 2014. – С. 52–59.

17. Кудрявцев, В. Куда бы влить прокуратуру // Российская газета. – № 218. – 2014. – С. 53.

Дата поступления статьи – 13.09.2017.

Рассматривая место прокуратуры в механизме государственной власти, в научной литературе отмечается, что этот институт всегда являлся эффективным инструментом правового государства. Научную полемику вызывает вопрос взаимодействия прокуратуры и судебной системы. В статье исследуются особенности деятельности прокуратуры как элемента сдержек и противовесов в судебной системе. Автор на практических примерах доказывает, что на сегодняшний день прокуратура является гарантом обеспечения правовой защиты граждан, чьи права были ущемлены. Исследование основано на монографической и периодической научной литературе. Основные методы, использованные при написании статьи, сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой. Проведен анализ организационно-правового статуса органов прокуратуры. Автором исходя из обобщенного анализа компетенции и особенности места прокуратуры в системе государственной власти предлагается внесение изменений и дополнений.

When considering the place of the prosecutor's office in state power mechanism, scientific literature notes that this institution has always been an effective tool of the rule of law. The issue of interaction between the prosecutor's office and the judiciary raises a scientific polemic. The article investigates the peculiarities of the activity of the prosecutor's office as an element of checks and balances in the judicial system. The author proves, on practical examples, that today the prosecutor's office is the guarantor of providing legal protection for citizens whose rights have been infringed. The study is based on monographic and periodical scientific literature. The main methods used in writing the article are comparative legal, formal legal, historical and legal. The analysis of the organizational and legal status of the prosecution bodies was carried out. The author proposes the introduction of changes and additions based on the generalized analysis of competence and peculiarities of the place of the prosecutor's office in the system of state power.

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СРЕДСТВАМИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПРИЧИН И УСЛОВИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ИХ СОВЕРШЕНИЮ

Семенов А.С.

В соответствии с положениями Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации [1] (далее – Концепция), утвержденной Президентом Российской Федерации 05.10.2009 предупреждение (профилактика) терроризма и преступлений террористической направленности являются составной частью более широкой деятельности по противодействию терроризму в целом, важным элементом общегосударственной системы противодействия терроризму, создание которой стало ответом на глобальные вызовы, с которыми Российская Федерация столкнулась в последние десятилетия.

Одним из основных *направлений* предупреждения (профилактики) терроризма согласно подпункту «б» пункта 13 Концепции является осуществление мер правового, организационного, оперативного, административного, режимного, военного и технического характера, направленных на обеспечение **антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств.**

В пункте 8 части 1 статьи 6 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [2] (далее – Закон о профилактике) также речь идет о критически важных и (или) потенциально опасных объектах инфраструктуры и жизнеобеспечения, местах массового пребывания людей.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 5 Закона о профилактике органы прокуратуры Российской Федерации являются субъектами профилактики правонарушений и, как представляется, должны в первую очередь при предупреждении средствами прокурорского надзора преступных деяний террористической направленности ориентироваться на выполнение задач по устранению причин и условий, способствующих их совершению должностными лицами органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Речь идет о поддержании должного уровня антитеррористической защищенности объектов образования и здравоохранения, энерго-, тепло- и водоснабжения, гидротехнических сооружений, иных критически важных объектов, объектов повышенной опасности и мест массового пребывания людей. В этих целях прокуроры направляют в уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, организации различных форм собственности представления об устранении нарушений закона.

В отсутствие результатов надлежащей работы органов внутренних дел по выявлению и пресечению нарушений требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса при наличии в действиях (бездействии) должностных (юридических) лиц состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.30 КоАП РФ, прокуроры, как правило, ограничиваются внесением представлений.

Дела об административных правонарушениях возбуждаются прокурорами в сфере пожарной безопасности. К этому побуждают неудовлетворительное состояние путей эвакуации, отсутствие планов-схем эвакуации людей, неисправное состояние пожарной сигнализации, электросетей и системы оповещения людей, не укомплектование первичными средствами пожаротушения, а также не оснащение средствами инженерной защиты и инженерно-техническими средствами охраны, что ведет к снижение антитеррористической защищенности объектов.

Анализ информационно-аналитических документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации показал, что большинство дел, возбужденных прокурорами в сфере противодействия терроризму, составляют дела об административных правонарушениях по ст. 20.4 КоАП РФ [3, с. 2].

Поводом для возбуждения прокурорами таких дел является ненадлежащее исполнение сотрудниками органов МЧС России предоставленных законом полномочий в указанной области, за что виновные должностные лица контролирующего органа привлекаются к дисциплинарной ответственности по представлениям прокуроров.

В то же время принятые меры реагирования не позволяют искоренить в полном объеме факты бездействия органов, осуществляющих федеральный государственный пожарный надзор.

По нашему мнению, рассматриваемая деятельность прокуроров в рамках надзора и административного преследования направлена на осуществление мероприятий по устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма, является одной из ключевых *задач* по предупреждению (профилактике) этого явления, что соответствует положению подпункта «а» пункта 15 Концепции.

Вместе с тем меры прокурорского реагирования не всегда достигают необходимого эффекта, поскольку в одних случаях они не применяются в комплексе, а в других не могут существенно повлиять на состояние законности.

Согласно пункту 20 Концепции при осуществлении деятельности по предупреждению (профилактике) терроризма применяются *меры,* направленные на снижение угроз террористических актов, предупреждение террористических намерений граждан, затруднение действий субъектов террористической деятельности.

Меры, которые могут применять органы прокуратуры в рамках своей деятельности, носят, как нам кажется, по большей части правовой характер и в соответствии с подпунктом «в» пункта 21 Концепции представляют собой реализацию принципа неотвратимости наказания за финансирование терроризма, регулирование миграционных процессов и порядка использования информационно-коммуникационных систем.

При этом используются различные формы общей и адресной профилактики, осуществляемой с учетом демографических, этноконфессиональных, индивидуально-психологических и иных особенностей объекта, к которому применяются меры профилактического воздействия.

Реализация принципа неотвратимости наказания за финансирование терроризма.

При осуществлении надзора в рассматриваемой сфере прокурорами не всегда анализируются вступившие в законную силу приговоры судов, которыми установлены легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем,

или финансирование терроризма, на предмет наличия признаков состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 15.27 КоАП РФ, в случае неисполнения организацией, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом, или ее должностным лицом законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния [4, с. 4, 5].

Возбуждение дел по указанной норме отнесено к исключительной компетенции прокурора (ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ).

Регулирование миграционных процессов.

В случаях недостаточной активности органов миграционного учета при осуществлении контроля за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства установленных правил проживания и временного пребывания в России, прокурорами инициируются дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 18.8 КоАП РФ, на что обращается внимание их руководителей в представлениях.

Однако, при осуществлении надзора за соблюдением прав граждан не все прокуроры проявляют активность в реализации полномочий по возбуждению дел об административном правонарушении, предусмотренном ст. 7.22 КоАП РФ, в то время как ненадлежащее содержание жилых домов, беспрепятственное проникновение в которые преступных элементов, лиц без определенного места жительства и нелегально находящихся на территории России иностранных граждан создает условия для совершения противоправных действий.

Порядок использования информационно-коммуникационных систем и предупреждение террористических намерений граждан.

Пропагандистская и вербовочная деятельность эмиссаров международных террористических организаций активно осуществляется посредством сети Интернет. В указанных целях ими создаются специальные информационные ресурсы и активно используются социальные сети.

При выявлении информационных материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, прокуроры направляют материалы в следственные органы для решения вопроса об уголовном преследовании путем вынесения соответствующего постановления (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Так, по требованию Генеральной прокуратуры Российской Федерации, подготовленному по результатам рассмотрения заключения прокурора Республики Татарстан, Роскомнадзором заблокирован доступ к интернет-сайту с объявлениями, в которых женщинам предлагалось выйти замуж за боевиков ИГИЛ – участников священной войны против неверных. «Брачные объявления» содержали призыв к неопределенному кругу пользователей сети Интернет женского пола присоединиться к деятельности незаконных вооруженных формирований на территории иностранного государства. Предлагалась помощь в переправке лиц в Сирийскую Арабскую Республику. По факту публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 205^2 УК РФ [5, с. 2, 3].

Подпункт «е» пункта 21 Концепции к основным мерам по предупреждению (профилактике) терроризма относит **организационно-технические,** которые

представляют собой разработку и реализацию целевых программ и мероприятий по обеспечению критически важных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей техническими средствами защиты, совершенствование механизма ответственности за несоблюдение требований обеспечения антитеррористической защищенности объектов террористической деятельности и улучшение технической оснащенности субъектов противодействия терроризму.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что органы прокуратуры опосредованно участвуют в реализации указанного положения Концепции путем осуществления надзора в сфере профилактики терроризма.

Вместе с тем прокурорами не всегда проводится системный мониторинг региональных нормативных правовых актов, и принимаются меры реагирования при отсутствии тех из них, которые регулируют бюджетную обеспеченность органов местного самоуправления для участия в профилактике экстремизма и терроризма, в минимизации и (или) ликвидации их последствий, а также устанавливают на определенный период расходные обязательства муниципальных образований, возникающие из совместной деятельности с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и финансируемые за счет предоставляемых субсидий из бюджета последних [6, с. 2].

Несмотря на допускаемые органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления нарушения требований п. 3 ст. 179 Бюджетного кодекса РФ, выражающихся в не проведении ежегодной оценки эффективности реализации программ профилактики терроризма, минимизации и (или) ликвидации последствий их проявления, при наличии в региональных кодексах (законах) об административных правонарушениях ответственности за данные нарушения возможность применения норм регионального законодательства остается без внимания прокуроров.

Таким образом, правовой механизм предупреждения средствами прокурорского надзора преступных действий террористической направленности; обстоятельств, причин и условий, способствующих их совершению, как показало проведенное нами исследование, базируется на положениях Концепции, Закона о профилактике, конечно же, организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации и вполне соответствует тем полномочиям, которые на сегодняшний день имеются у прокуроров.

Анализ прокурорской практики в сфере надзора за исполнением законов о межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму показал, что прокурорами по-прежнему не всегда уделяется должное внимание мерам профилактического характера. В частности, речь идет о таком акте реагирования, как предостережение о недопустимости нарушений закона [6, с. 4]. Кроме того, к сожалению, не в полной мере реализуется функция административного преследования, которое, на наш взгляд, является одним из наиболее действенных инструментов профилактического воздействия.

Что касается повышения эффективности функционирования рассматриваемого правового механизма, то, как представляется, для этого необходимо по возможности задействовать все составляющие его элементы – меры прокурорского реагирования надзорного и процессуального характера, которые должны носить комплексный характер.

Список использованных источников

1. Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета. – 2009. – № 198.

2. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федер. закон, 23 июн. 2016, № 182 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 26 (часть 1). – Ст. 3851.

3. Обзор практики реализации прокурорами полномочий по возбуждению дел об административных правонарушениях при осуществлении надзора за исполнением законодательства о противодействии терроризму и экстремизму. – М., 2015. – 7 с. – (Информационное письмо / Ген. прокуратура Рос. Федерации).

4. О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. – М., 2016. – 5 с. – (Информационное письмо / Ген. прокуратура Рос. Федерации).

5. О состоянии законности и практики прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере противодействия терроризму. – М., 2016. – 8 с. – (Информационное письмо / Ген. прокуратура Рос. Федерации).

6. О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства о межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму. – М., 2015. – 6 с. – (Информационное письмо / Ген. прокуратура Рос. Федерации).

Дата поступления статьи – 11.09.2017.

В статье на основе анализа отдельных законодательных актов, положений Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 05.10.2009, а также информационно-аналитических документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, подготовленных в 2014–2016 гг., исследуется роль органов прокуратуры в вопросах предупреждения деяний террористической направленности; обстоятельств, причин и условий, способствующих их совершению. Автор подчеркивает, что полномочия, имеющиеся у прокуроров в данной сфере, к сожалению, не всегда реализуются ими в полной мере. Прежде всего, это связано с незначительным влиянием, которое оказывается на состояние законности в результате вынесения тех или иных актов прокурорского реагирования. Вместе с тем для наиболее эффективного функционирования надзорного правового механизма необходимо использовать весь спектр возможностей, в том числе, касающихся и административного преследования.

The article based on the analysis of individual legislative acts, the provisions of the Concept of counterterrorism in the Russian Federation approved by President of the Russian Federation of 05.10.2009, as well as informational and analytical documents of the Prosecutor General of the Russian Federation, prepared in 2014–2016, examines the role of the prosecution in relation to the prevention of acts of terrorism; the circumstances, causes and conditions conducive to their proliferation. The author emphasizes that the powers available to prosecutors in this field, unfortunately, not always implemented them fully. Primarily, this is due to the minor impact on the state of the law by exposing certain acts of prosecutorial response. However, the most effective operation of oversight of the legal mechanism necessary to use the full range of possibilities, including relating administrative proceedings.

СУЩНОСТЬ МЕР ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Сенько А.С.

Целевым предназначением мер прокурорского реагирования в отношении выявленных нарушений законности, допущенных при ведении административного процесса, является пресечение, устранение и недопущение нарушений законности, а также причин нарушений и условий, им способствующих, восстановление нарушенного правового статуса субъектов административных и административно-процессуальных правоотношений, привлечения к ответственности причастных к нарушениям законности должностных лиц органов, ведущих административный процесс. Необходимость повышения эффективности применения обозначенных полномочий прокуроров требует проведения дальнейшего анализа их правовой природы, так как в теории и практике прокурорского надзора данный вопрос не получил своего надлежащего освещения [1, с. 14–16, 63, 177; 2, с. 36–40, 61–63; 3, с. 57–58, 190; 4, с. 5–6; 5, с. 32–33; 6, с. 40–42].

В юридической литературе деятельность прокуратуры по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законодательных актов при ведении административного процесса традиционно характеризуется как одно из направлений прокурорского надзора за исполнением законодательства (общенадзорной деятельности). Лунев А.Е. в этой связи отмечал, что одной из важных гарантий законности привлечения лиц к административной ответственности является общий надзор прокуратуры. Осуществляя надзор за законностью издания актов управления, прокуроры, во-первых, добиваются своевременной отмены тех актов, которыми устанавливаются незаконные административные взыскания, и тем самым предотвращают возможность противоправного привлечения к административной ответственности. Во-вторых, установив факты незаконного привлечения лиц к административной ответственности, вносят требования об отмене незаконного постановления [7, с. 158–160].

Рассматриваемая правовая модель прокурорско-надзорной деятельности формально закреплена и в самом Законе Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре). Обеспечение законности реализации административно-деликтных и административно-процессуальных правоотношений является одним из элементов предмета общенадзорной деятельности прокуратуры (ст.ст. 26 и 27). Аналогичная ситуация прослеживалась и в ранее действующем законодательстве (в Законе СССР «О прокуратуре СССР» от 30 ноября 1979 г., в Законе Республики Беларусь от 29 января 1993 г. № 2139-XII «О прокуратуре Республики Беларусь», и др.).

Вследствие этого в правовой науке считается, что в русле административно-правовых и процессуальных правоотношений правовой статус прокуроров, в том числе арсенал его мер прокурорского реагирования, помимо Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-З (далее – ПИКоАП), определяется Законом о прокуратуре [2, с. 37–40].

Как представляется, приведенные доводы относительно обоснования правовой природы прокурорского надзора за исполнением законодательных актов

при ведении административного процесса не соответствуют правовой действительности. Дело в том, что прокуратуре не поднадзорны, с точки зрения обеспечения законности их правовых норм, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля2003 г. № 194-З (далее – КоАП), являющийся единственным законом об административных правонарушениях, действующим на территории Республики Беларусь (ст. 1.1) и ПИКоАП, являющийся единственным законом, устанавливающим порядок административного процесса, действующим на территории Республики Беларусь (ст. 1.1).

Таким образом, в случае расхождения норм КоАП и ПИКоАП с конституционными предписаниями, а также с положениями иных нормативных правовых актов, имеющих большую юридическую силу по отношению к указанным кодексам, прокуроры не вправе задействовать общенадзорные меры прокурорского реагирования для сбалансирования сложившейся ситуации в сфере правового регулирования общественных отношений.

Имеются, на наш взгляд, и другие весомые доводы, говорящие не в пользу существующей концепции обоснования правовой сущности рассматриваемого направления деятельности прокуратуры. В этом плане прежде всего следует обратить внимание на разноплановый перечень мер прокурорского реагирования, закрепленных в ПИКоАП и в Законе о прокуратуре.

Учитывая большую юридическую силу ПИКоАП по отношению к Закону о прокуратуре, прокурорам необходимо руководствоваться соответствующими предписаниями ПИКоАП. В связи с этим, предусмотренные Законом о прокуратуре и не нашедшие своего закрепления в ПИКоАП, меры прокурорского реагирования неприменимы для устранения нарушений норм законодательства об административных правонарушениях и процессуально-исполнительного законодательства об административных правонарушениях, допущенных при ведении административного процесса по делам об административных правонарушениях. Реагирование прокуроров на подобные нарушения законности должно осуществляться с использованием только полномочий прокуроров, указанных в ПИКоАП.

Применение же правовых средств, представленных прокурорам Законом о прокуратуре (принесение протестов (ч. 2 п. 4 ст. 27, ст. 39); внесение представлений (ч. 5 п. 4 ст. 27, ст. 38); вынесение предписаний (ч. 5 п. 4 ст. 27, ст. 41) и официальных предупреждений (ч. 5 п. 4 ст. 27, ст. 42); вынесение постановлений о возбуждении дисциплинарного производства (ч. 9 п. 4 ст. 27, ст. 40), о привлечении к материальной ответственности (ч. 9 п. 4 ст. 27, ст. 40), о возбуждении уголовного дела (ч. 11 п. 4 ст. 27, ст. 40)) допускается лишь для принятия мер, направленных на реагирование не на сами выявленные факты нарушений законности, а на обстоятельства, способствовавшие и сопутствующие этим нарушениям законности: на отмену (изменение, дополнение) правовых актов, устанавливающих правила внутренней организации работы должностных лиц по ведению административного процесса (посредством принесения протестов, внесения представлений и предписаний); устранение допущенных нарушений законодательства в сфере регистрации и учета административных правонарушений (посредством принесения протестов, внесения предписаний); устранение причин и условий, способствующих нарушениям законности при ведении административного процесса (посредством внесения представлений);

индивидуальную профилактику правонарушений (посредством вынесения официальных предупреждений); привлечение причастных к нарушениям законности лиц к установленной законодательством ответственности (посредством вынесения постановлений о возбуждении дисциплинарного производства, о привлечении к материальной ответственности, о возбуждении уголовного дела) и т.п.

Кроме изложенного, следует иметь в виду и то, что часть объектов прокурорского надзора, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях, а именно – суды и их должностные лица (п. 1 ч. 1 ст. 3.1 ПИКоАП), органы Комитета государственного контроля Республики Беларусь и их должностные лица (п. 7 ч. 1 ст. 3.1 ПИКоАП), Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь и ее должностные лица (п. 8 ч. 1 ст. 3.1 ПИКоАП), органы Национального банка Республики Беларусь и их должностные лица (п. 16 ч. 1 ст. 3.1 ПИКоАП), должностные лица органов государственной статистики (п. 23 ч. 1 ст. 3.30 ПИКоАП), определенные законодательством категории должностных лиц военизированной охраны (п. 66 ч. 1 ст. 3.30 ПИКоАП), должностные лица Департамента по гуманитарной деятельности Управления делами Президента Республики Беларусь (п. 68 ч. 1 ст. 3.30 ПИКоАП), определенные законодательством категории следователей, лиц, производящих дознание (п. 5 ч. 2 ст. 3.30 ПИКоАП), не являются объектами прокурорского надзора за исполнением законодательства (ст. 26 Закона о прокуратуре). Следовательно, к данным органам и должностным лицам вообще не применимы меры прокурорского реагирования, предусмотренные главой 4 Закона о прокуратуре.

Таким образом, в настоящее время отсутствуют основания для рассмотрения надзора за исполнением законодательства при ведении административного процесса в качестве предмета прокурорского надзора за исполнением законодательства. Надзор за исполнением законодательства при ведении административного процесса представляет собой фактически сформировавшуюся новую одноименную отрасль прокурорского надзора, характеризующуюся наличием своего предмета, объектов и круга правовых средств прокурорского надзора.

Думается, что уже настало время для завершения юридического оформления процесса по формированию данной отрасли прокурорского надзора. Для этого необходимо внести соответствующие изменения и дополнения в Закон о прокуратуре.

Обращаясь к непосредственной характеристике мер прокурорского реагирования в рамках административно-процессуальных правоотношений, отметим, что к их числу, в соответствии со ст. 2.15 ПИКоАП, отнесены следующие полномочия: дача письменных указаний; санкционирование производства процессуальных действий и применение мер обеспечения административного процесса; проверка законности применения мер обеспечения административного процесса, а также наложения административных взысканий; освобождение физического лица, незаконно подвергнутого административному задержанию; отмена противоречащих законодательным актам постановлений о производстве процессуальных действий и применении мер обеспечения административного процесса; опротестование противоречащих законодательным актам постановлений

по делам об административных правонарушениях; дача поручений о подготовке дел об административных правонарушениях к рассмотрению; приостановление исполнения вступивших в законную силу постановлений по делам об административных правонарушениях; отмена постановлений о прекращении дел об административных правонарушениях.

Анализ действующего законодательства, правоприменительной практики, взглядов, представленных в теории прокурорского надзора, позволяет говорить о ряде требований, которым должны соответствовать форма и содержание мер прокурорского реагирования [8, с. 42-44]:

– меры прокурорского реагирования облекаются в письменную форму (их подготовка и оформление производится с учетом требований, изложенных в ПИКоАП, Законе о прокуратуре и инструкции по делопроизводству в органах прокуратуры);

– меры прокурорского реагирования выносятся только по поводу фактов нарушений законности, требующих непосредственного прокурорского реагирования;

– своевременность вынесения мер прокурорского реагирования;

– соответствие содержания мер прокурорского реагирования требованиям действующего законодательства;

– обоснованность и аргументированность выводов и предложений, содержащихся в мерах прокурорского реагирования;

– юридическая и стилистическая грамотность мер прокурорского реагирования;

– вынесение мер прокурорского реагирования, как правило, прокурорами и их заместителями.

Административно-процессуальное законодательство, за исключением отдельных случаев, не дает точного ответа на вопрос, кому из должностных лиц органов прокуратуры предоставлены вышеизложенные полномочия. В юридической литературе этот аспект также не нашел своего отражения. Со своей стороны полагаем, основываясь на общетеоретических и правовых подходах к организации работы в органах прокуратуры, что большинство вышеперечисленных полномочий предоставлено руководителям прокуратуры и их заместителям. Лишь полномочиями по освобождению физических лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию, а также по составлению протоколов об административных правонарушениях помимо руководителей прокуратуры и их заместителей, наделены также иные прокурорские работники.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 2.15 ПИКоАП прокурор вправе давать органу, ведущему административный процесс, письменные указания по делам об административных правонарушениях. Полагаем, что прибегать к этому средству прокуроры вправе на стадии подготовки дел об административных правонарушениях к рассмотрению. Предметом указаний могут выступать любые процессуальные действия и решения органа, ведущего административный процесс, связанные с подготовкой дела об административном правонарушении к рассмотрению.

Указания прокурора подлежат рассмотрению и исполнению в срок, установленный прокурором. Прокурор, решая вопрос о конкретном сроке исполнения своих требований, должен соотносить его с общим процессуальным сроком производства по делам об административных правонарушениях.

Полномочие прокурора по санкционированию производства процессуальных действий и применению мер обеспечения административного процесса является действенной гарантией обеспечения исполнения законодательства при ведении административного процесса, а также правового статуса участников административного процесса.

При ведении административного процесса с санкции прокурора осуществляется производство двух процессуальных действий: проведение смотра жилища и иного законного владения при отсутствии согласия на осмотр собственника или проживающего в нем совершеннолетнего лица (ч. 4 ст. 10.13 ПИКоАП) и проведение осмотра помещения юридического лица либо индивидуального предпринимателя, а также помещения, где хранятся материальные ценности при невозможности обеспечить при проведении осмотра присутствие представителя юридического лица либо индивидуального предпринимателя, материально ответственного лица (ч. 5 ст. 10.13 ПИКоАП).

Подлежит также санкционированию применение следующих мер обеспечения административного процесса: задержание на срок до 10 суток лица, нарушившего пограничный режим, режим Государственной границы или режим в пунктах пропуска через Государственную границу либо совершившего умышленное незаконное пересечение Государственной границы, при условии невозможности установить его личность (ч. 5 ст. 8.4 ПИКоАП); задержание на срок, необходимый для установления личности иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушивших законодательство о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, при невозможности установить их личность (ч. 6 ст. 8.4 ПИКоАП); задержание лица на срок, необходимый для исполнения вынесенного в отношении его постановления о депортации (ч. 7 ст. 8.4 ПИКоАП); изъятие документов, содержащих сведения, составляющие государственные секреты или иную охраняемую законом тайну (ч. 4 ст. 8.9 ПИКоАП).

При санкционировании производства процессуальных действий и применения мер обеспечения административного процесса прокурорам следует истребовать и тщательно изучать материалы дел об административных правонарушениях. Санкция либо отказ в ее даче оформляются в виде резолюции на постановлении (протоколе) о производстве процессуальных действий и применении мер обеспечения административного процесса, скрепляемой печатью соответствующей прокуратуры. В резолюции об отказе в санкции прокурору следует указывать мотивы, по которым принято такое решение.

Прокурор также вправе освобождать лиц, незаконно подвергнутых административному задержанию (п. 5 ч. 2 ст. 2.15 ПИКоАП). При установлении оснований для применения рассматриваемого полномочия, прокурором выносится постановление об освобождении лица, подвергнутого административному задержанию. Постановление передается органу, ведущему административный процесс (должностному лицу, ведающему содержанием административно-задержанных лиц) и подлежит немедленному исполнению.

Одним из самостоятельных полномочий прокурора является право по отмене противоречащих законодательным актам постановлений о производстве процессуальных действий и применении мер обеспечения административного процесса (п. 6 ч. 2 ст. 2.15 ПИКоАП).

В правоприменительной практике должностным лицам органов прокуратуры следует учитывать, что, как правило, для проведения процессуальных действий и

применения мер обеспечения административного процесса не требуется вынесения соответствующих постановлений. Только в отдельных случаях ПИКоАП содержит непосредственное указание на такую необходимость (ч. 4 ст. 8.7, ч. 4 ст. 8.9, ст. 8.12, ч.ч. 4 и 5 ст. 10.13, ч. 1 ст. 10.16 ПИКоАП).

Постановления выносятся при наличии предусмотренных ПИКоАП к этому оснований и условий, с соблюдением соответствующего процессуального порядка. Допущенные при вынесении постановлений факты существенного нарушения норм законодательства выступают в качестве основания для вынесения прокурором постановления об отмене постановления о производстве процессуального действия (постановления об отмене постановления о применении меры обеспечения административного процесса). Постановление прокурора незамедлительно направляется органу, ведущему административный процесс для приобщения к материалам дела об административном правонарушении.

Наряду с иными полномочиями, прокурору предоставлено право опротестования противоречащих законодательным актам постановлений по делам об административных правонарушениях (п. 7 ч. 2 ст. 2.15 ПИКоАП). В соответствии с требованиями ПИКоАП, подлежат опротестованию, при наличии к этому соответствующих оснований, все вынесенные судом и органом, ведущим административный процесс, постановления по делам об административных правонарушениях.

Осуществляя надзор за исполнением законодательства при ведении административного процесса, прокурор вправе поручить органу, ведущему административный процесс, подготовку дела об административном правонарушении к рассмотрению (п. 8 ч. 2 ст. 2.15 ПИКоАП). Обращение к данному полномочию возможно при выявлении в ходе реализации возложенных на органы прокуратуры функций признаков административных правонарушений, по которым прокурору не предоставлена возможность составлять протоколы об административных правонарушениях.

Поручение о подготовке дела об административном правонарушении к рассмотрению подлежит письменному оформлению. К поручению прилагаются имеющиеся у прокурора материалы, содержащие соответствующие доказательства по делу об административном правонарушении. Поручение подлежит обязательному исполнению в порядке, предусмотренном главой 10 ПИКоАП.

Приостановление исполнения вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении является, в соответствии с нормами ПИКоАП, самостоятельным полномочием прокурора (п. 10 ч. 2 ст. 2.15, ст. 12.12). Вместе с тем, следует отметить, что рассматриваемое полномочие применяется только при решении прокурором вопроса об опротестовании вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении. Вследствие этого его носителем являются прокуроры, которым предоставлено право на принесение соответствующих протестов.

Приостановление исполнения постановления по делу об административном правонарушении, как полагаем, допускается при наличии у прокурора данных, свидетельствующих о явном нарушении законодательства, допущенного при рассмотрении дела об административном правонарушении, а также при наличии данных о том, что исполнение постановления может повлечь за собой причинение невосстановимого вреда правам, свободам и законным интересам участников административного процесса.

Приостановление исполнения постановления допускается с момента появления у прокурора вышеуказанной информации и до разрешения принесенного прокурором протеста. Решение о приостановлении исполнения постановления оформляется прокурором в виде постановления (постановление о приостановлении исполнения постановления по делу об административном правонарушении).

Постановление о приостановлении исполнения постановления незамедлительно направляется судье, органу, ведущему административный процесс, уполномоченным на обращение постановления по делу об административном правонарушении к исполнению (ч. 4 ст. 13.2 ПИКоАП) либо же органу, уполномоченному на исполнение постановления по делу об административном правонарушении (ч. 1 ст. 13.3 ПИКоАП).

Прокурор, в соответствии с п. 11 ч. 2 ст. 2.15, п. 3 ч.1 ст. 7.5 ПИКоАП, отменяет своим постановлением постановления о прекращении дела об административном правонарушении, вынесенные органом, ведущим административный процесс, по окончании подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению. Следует учитывать, что действующее законодательство предусматривает возможность обращения прокурора к данному полномочию только при рассмотрении им жалоб на действия и решения должностных лиц органов, ведущих административный процесс.

Современный правовой статус прокурора позволяет составлять протоколы об административных правонарушениях (п.п. 7 и 8 ч. 2 ст. 3.30 ПИКоАП). Дальнейшая подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению прокурором осуществляется в соответствии с общими предписаниями ПИКоАП.

При установлении в процессе осуществления возложенных на органы прокуратуры надзорных и ненадзорных функций, поводов и оснований для начала административного процесса, прокурор вправе составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст.ст. 9.6, 9.10, 9.13, 9.16, 9.19, 17.11, 21.9, 21.10, 22.10, 23.1-23.5, 23.16, 23.18, 23.25, ч. 2 ст. 23.26, ст.ст. 23.37, 23.38, ч. 1 ст. 23.54, ч. 1 ст. 23.58, ст.ст. 23.79–23.83, 24.3–24.6, ч. 3 ст. 24.10, ст.ст. 25.2-25.4, ч. 2 ст. 25.8 КоАП. За иные административные правонарушения, предусмотренные КоАП, протоколы об административных правонарушениях составляются прокурором только при осуществлении им надзорных функций.

В случае, когда физическое лицо признало себя виновным в совершении административного правонарушения и выразило согласие на применение к нему административного взыскания без составления протокола об административном правонарушении, прокурор, как лицо, уполномоченное на составление протокола об административном правонарушении, вправе вынести постановление о наложении административного взыскания (ч. 3 ст. 10.3 ПИКоАП).

Подводя итог проведенному в статье исследованию отметим, что в настоящее время на законодательном уровне и в правоприменительной деятельности органов прокуратуры эволюционно формируется самостоятельная отрасль прокурорского надзора – надзор за исполнением законодательства при ведении административного процесса. Указанная тенденция оказывает влияние на правовую природу надзорного статуса органов прокуратуры. В связи с этим правовая сущность и содержание мер прокурорского реагирования в рамках

административно-процессуальных отношений в значительной мере отличается от соответствующих параметров общенадзорных полномочий прокуроров.

Список использованных источников

1. Бахрах, Д.Н. Производство по делам об административных правонарушениях: (Пособие для слушателей народных университетов) / Д.Н. Бахрах, Э.Н. Ренов. М.: Знание, 1989. – 96 с.

2. Административное процессуально-исполнительное право: учеб. пособие / Г.А. Василевич [и др.]; под ред. Г.А. Василевича, С.В. Добрияна. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2014. – 320 с.

3. Крамник, А.Н. Административное право. Часть 3. Процессуально-исполнительное право: учеб. пособие / А.Н. Крамник. – Минск: Изд. центр БГУ, 2011. – 237 с.

4. Романович, В. Результаты мониторинга побуждают внести коррективы в надзорную работу / В. Романович // Законность и правопорядок. – 2016. – № 4. – С. 3–6.

5. Сужаев, А. Вопросы применения ПИКоАП и возможные направления совершенствования законодательства / А. Сужаев // Судовы веснік. –2016. – № 4. – С. 29–33.

6. Круглов, В.А. Комментарий к Процессуально-исполнительному кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / В.А. Круглов. – Минск: Амалфея, 2017. – 640 с.

7. Лунев, А.Е. Административная ответственность за правонарушения / А.Е. Лунев. – М., Государственное издательство Юридической литературы, 1961. – 187 с.

8. Сенько, А.С. Правовая регламентация осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства: методическое пособие / А.С. Сенько. – Минск: Харвест, 2007. – 64 с.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

Статья посвящена исследованию правовой природы и содержания мер прокурорского реагирования на нарушения законности, допущенные судом, а также органами, ведущими административный процесс при производстве по делам об административных правонарушениях. Основываясь на анализе имеющихся в теории и практике прокурорского надзора позиций относительно понимания сущности компетенции и полномочий органов прокуратуры в рамках осуществления надзора за исполнением административно-деликтного и административно-процессуального законодательства, положений действующего процессуального и материального законодательства, автором статьи обосновывается специфика обозначенных мер прокурорского реагирования. Приводятся критерии их отличия от иных общенадзорных мер прокурорского реагирования. В статье также освещены требования, которым должны соответствовать форма и содержание данных мер прокурорского реагирования. Проанализировано содержание и юридическая сила конкретных полномочий прокурора, направленных на устранение нарушений закона, допущенных при ведении административного процесса.

The article is devoted to the study of the legal nature and content of the measures of the prosecutor's response to violations of the law committed by the court, as well as by the bodies conducting the administrative process in the proceedings on administrative offenses. The author of the article justifies the specifics of the indicated measures of the prosecutor's response based on the analysis of the positions in the theory and practice of the prosecutor's supervision regarding the understanding of the nature of the competence and powers of the prosecution

authorities in the framework of exercising supervision over the execution of administrative and tort administrative and procedural legislation, the provisions of the procedural and material legislation in force. The criteria for their difference from other public-sector measures of the prosecutor's response are given. The article also covers the requirements to which the form and content of these measures of the prosecutor's response should correspond. The content and legal force of the specific powers of the prosecutor aimed at eliminating violations of the law committed in the conduct of the administrative process are analyzed.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПРОКУРАТУРЫ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Скобелев В.П.

Эффективность осуществления прокуратурой возложенных на нее функций во много зависит от того, насколько полно, точно и непротиворечиво действующее законодательство определяет правовой статус (права и обязанности) ее должностных лиц в соответствующих областях общественных отношений. В судопроизводстве по гражданским делам правовое регулирование статуса должностных лиц прокуратуры все еще имеет ряд весьма значительных пробелов и коллизий, которые связаны с несовершенством норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), а также Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон № 220-З). Некоторая их часть уже становилась предметом нашего анализа [1; 2], однако широта спектра существующих проблем требует обращения к обозначенной тематике в очередной раз.

Согласно ч.1 ст. 81 ГПК, п.4 ст. 27 Закона № 220-З правом на обращение в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела обладает прокурор. Как в ГПК (см. п.14 ст. 1), так и в Законе № 220-З (см. абз.3 ст. 3) под термином «прокурор» понимается очень широкий круг должностных лиц: Генеральный прокурор Республики Беларусь и подчиненные ему прокуроры, их заместители и помощники, советники, начальники структурных подразделений органов прокуратуры и их заместители, старшие прокуроры и прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры. С чисто формальной точки зрения отсюда можно сделать вывод, что любое из перечисленных должностных лиц вправе подать в суд заявление о возбуждении гражданского дела. Вряд ли, однако, такой вывод будет верным.

Во-первых, органы прокуратуры представляют собой единую и централизованную систему (ст. 1 Закона № 220-З) с подчинением нижестоящих должностных лиц вышестоящим (ст. 5 Закона № 220-З). В этой связи сложно представить ситуацию, при которой, например, помощник районного прокурора был бы полностью независим и автономен от своего непосредственного руководителя (прокурора района) в решении вопроса о предъявлении исков в суды. Подобная практика не только привела бы к ошибкам, противоречиям в деятельности прокуратуры, но и могла бы стать причиной многочисленных злоупотреблений, в том числе коррупционной направленности, со стороны ее должностных лиц.

Во-вторых, ГПК определенным образом ограничивает круг должностных лиц прокуратуры, которые вправе инициировать проверочные стадии гражданского процесса (см. ч.3 ст. 399, ст. 439, ч.1 ст. 454 ГПК). Например, согласно ч.3 ст. 399 ГПК кассационный протест независимо от участия в деле может быть принесен прокурором или его заместителем, а помощниками прокуроров, прокурорами структурных подразделений органов прокуратуры – только если они участвовали в рассмотрении дела. По логике вещей, какие-то аналогичные ограничения должны существовать и для случаев инициирования должностными лицами прокуратуры рассмотрения гражданских дел в судах первой инстанции.

В-третьих, ранее действовавшее законодательство – ч.2 ст. 22 Закона Республики Беларусь от 29 января 1993 г. № 2139-XII «О Прокуратуре Республики Беларусь» – непосредственно указывало, что обращаться в суд с исковыми и иными заявления вправе лишь прокурор и его заместитель. В настоящее время подобное правило предусмотрено для хозяйственного судопроизводства – ч.3 ст. 66 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК). Безусловно, нормы ХПК нельзя напрямую применять к гражданским делам, вместе с тем не подлежит сомнению, что анализируемый нами вопрос относится к числу тех проблем, которые не могут решаться по-разному для гражданского и для хозяйственного процессов.

В-четвертых, определенные критерии для решения поднятой проблемы присутствуют в самом тексте Закона № 220-З. Так, согласно положениям главы 10 Закона № 220-З акты прокурорского надзора – представление, протест, постановление, предписание, официальное предупреждение, имеющие, очевидно, не меньшую важность, чем акты прокурорских обращений в суды, могут исходить только от прокурора (в смысле руководителя органа прокуратуры) и его заместителя. Более того, в п.8 ст. 39 Закона № 220-З применительно к случаям судебной защиты общенадзорных протестов прямо сказано, что обратиться в суд с заявлением вправе прокурор или его заместитель.

С учетом изложенного полагаем, что право на обращение в суд с исковыми и иными заявлениями может быть признано только за руководителем органа прокуратуры и его заместителем (заместителями). По такому же пути сейчас фактически идет и правоприменительная практика. Вместе с тем для устранения на этот счет всяких сомнений, а также обеспечения системности правового регулирования в ст. 81 ГПК нужно внести соответствующие дополнения. Необходимость регулирования этого вопроса в процессуальном законодательстве отмечалась и другими учеными [3, с. 24].

Если правом на подачу в суд первой инстанции заявлений обладает прокурор и его заместители, то следующий закономерно возникающий вопрос состоит в том, кто из должностных лиц прокуратуры вправе участвовать в процессе с целью поддержания содержащихся в указанном заявлении требований. Безусловно, такие полномочия нельзя не признать за прокурором или его заместителем, подписавшим поданное в суд заявление (собственно, ч. 1 ст. 83 ГПК закрепляет обязательность участия прокурора в судебном разбирательстве, если дело возбуждено по его заявлению). Однако обычно предъявленные требования поддерживают в суде не эти должностные лица, а помощники прокуроров, причем подобная практика обосновывается ссылкой на определение термина «прокурор» в ст. 1 ГПК, которое охватывает собой практически любого прокурорского работника.

Представляется, все-таки, что содержащаяся в п.14 ст. 1 ГПК дефиниция термина «прокурор» не способна решить всех проблем. Дело в том, что система органов прокуратуры имеет сложную структуру, включающую районный, областной, республиканский уровень, при этом на первых двух уровнях функционирует целый ряд территориальных звеньев. Соответственно вправе ли прокурор (другое должностное лицо) одного района поддерживать в «своем» суде иск, предъявленный прокурором другого района (что на практике является обыденным явлением, причем даже если обе прокуратуры находятся на территории одного города, в частности, Минска) или, например, районный прокурор поддерживать в областном суде иск, предъявленный прокурором области? Прямого ответа на этот вопрос п.14 ст. 1 ГПК не дает.

Тем не менее, полагаем, что на указанный вопрос следует ответить отрицательно. Должностные лица любого государственного органа (прокуратура не составляет в этом плане исключения) должны действовать в пределах своей компетенции. Не случайно п.14 ст. 1 ГПК перечень соответствующих должностных лиц прокуратуры предваряет фразой «действующие в пределах своей компетенции». Компетенция должностного лица вытекает и ограничивается компетенцией того конкретного государственного органа, где это должностное лицо работает, а компетенция самого государственного органа определяется его местом в иерархии органов данного типа (полномочия вышестоящих и нижестоящих органов не идентичны) и, кроме того, пространственными пределами (компетенция распространяется на одну или несколько административно-территориальных единиц и т.д.). Таким образом, реализация должностным лицом его компетенции – это прежде всего деятельность в интересах и пользу «своего» государственного органа. Поэтому поддержание должностным лицом прокуратуры «чужого» иска (т.е. иска, исходящего от другого органа прокуратуры) будет являться выходом за пределы компетенции.

Подобные выходы за пределы компетенции могут быть допустимы только в предусмотренных законодательством случаях. В этой связи становятся понятны смысл и значение нормы п.1 ст. 45 Закона № 220-З: «при наличии письменного поручения вышестоящего прокурора нижестоящий прокурор принимает участие в рассмотрении гражданских дел, дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, по первой инстанции Верховным Судом Республики Беларусь, областными и Минским городским судами, экономическими судами областей и города Минска». Вместе с тем эта норма регулирует лишь вопросы выхода должностных лиц за пределы компетенции по вертикали и то неполно – деятельность в интересах вышестоящего органа прокуратуры, упуская из виду обратную ситуацию – деятельность в интересах нижестоящей прокуратуры, а также оставляет без ответа вопрос о возможности выхода их за пределы компетенции по горизонтали – деятельность в интересах иной прокуратуры того же самого уровня (попутно заметим, что применительно к хозяйственному судопроизводству пробел в регулировании этих вопросов фактически закрывают положения п.п.6, 14, 18, 26 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 октября 2005 г. №22 «Об участии прокурора в хозяйственном судопроизводстве»). Кроме того, поскольку данная норма находится в Законе № 220-З, а не в процессуальном законодательстве, возникает вопрос, какое значение имеет для суда поручение вышестоящего прокурора и

соответственно обязан ли суд допускать к участию в деле нижестоящего прокурора.

На наш взгляд, круг должностных лиц прокуратуры, которые вправе поддерживать в суде иск прокурора (в том числе с выходом за пределы своей компетенции), должен был определены в ГПК, причем не через закрепление определения термина «прокурор» в ст. 1 Кодекса, а путем включения развернутых предписаний в главу 10 ГПК. Аналогичным образом следует определить также круг должностных лиц прокуратуры, которые вправе поддерживать заявленные прокурорами требования на проверочных стадиях гражданского процесса. Это особенно актуально в свете того, что зачастую именно здесь возникает необходимость выхода за пределы компетенции: например, в случае принесения кассационного протеста на решение суда прокурором района в рассмотрении дела кассационной инстанцией обычно участвует должностное лицо иной – областной – прокуратуры [4, с. 270]; в случае принесения Генеральным прокурором надзорного протеста в президиум областного суда данный протест в судебном заседании опять же поддерживается должностным лицом прокуратуры области [4, с. 271]. Наконец, указанный вопрос целесообразно регламентировать и для второй формы участия прокуратуры в гражданском судопроизводстве – вступления ее должностных лиц в процесс, начавшийся по инициативе других субъектов.

Исчерпывающее регулирование указанных вопросов в соответствующих главах ГПК (главы 10, 32–34) позволит отказаться от дефиниции термина «прокурор» в ст. 1 ГПК, а тем самым снять не только названные выше, но и некоторые другие связанные с этой дефиницией проблемы. Дело в том, что в результате изложения ст. 1 ГПК в новой редакции Законом Республики Беларусь от 4 января 2012 г. № 337-З из ее первого абзаца по непонятным причинам исчезла оговорка «если из текста или смысла настоящего Кодекса не вытекает иное». Вследствие этого перечисленные в указанной статье термины могут иметь в тексте Кодекса только единственное значение – то, которое придает им ст. 1 ГПК, что в свою очередь ведет к ряду нелепостей и противоречий. Например, исходя из того, что в ч.3 ст. 399 ГПК используются термины «прокурор» и «заместитель прокурора», можно прийти к абсурдному выводу, будто все названные в п.14 ст. 1 ГПК должностные лица прокуратуры обладают правом на принесение кассационных протестов и имеют пользующихся точно таким же правом заместителей.

С рассмотренной выше проблемой тесно связан вопрос о том, вправе ли должностные лица прокуратуры предъявлять исковые и иные заявления в суды не своего уровня (например, прокуроры районов – в областные суды, Генеральный прокурор – в районные суды и т.д.). ГПК ответа на данный вопрос не дает. Вместе с тем в хозяйственном судопроизводстве предписания по этому поводу имеются в ч.3 ст. 66 ХПК. Из этой нормы, в частности, следует, что прокуроры районного уровня не могут подавать иски в Верховный Суд. Думается, что регулирование данного вопроса схожим образом стоило бы упорядочить и в гражданском процессе.

ГПК не обязывает обращающееся в суд лицо приводить в своем заявлении ссылки на нормы материального и процессуального права, а также прилагать к заявлению доказательства своих требований. Не оспаривая правильность подобного подхода в принципе, заметим, что требования к заявлениям, подаваемым в суды должностными лицами прокуратуры, могут быть повышены, поскольку последние занимаются юридической деятельностью на профессиональной основе. Так, еще в советское время ученые указывали, что

заявления прокуроров о возбуждении дел в суде первой инстанции [5, с. 136–137], равно как и кассационные протесты [6, с. 61], должны иметь юридическое обоснование, а, например, ГПК Литовской ССР и Туркменской ССР непосредственно закрепляли нормы о том, что заявление прокурора, подаваемое в защиту прав других лиц, должно иметь ссылки на законы, из которых предъявленное требование вытекает [7, с. 441]. В настоящее время необходимость юридической аргументации заявлений, предъявляемых должностными лицами прокуратуры в суды, предусмотрена подп.1.3 п.1 приказа Генерального прокурора Республики Беларусь от 27 марта 2009 г. № 27 «Об организации надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам». Однако на наш взгляд, подобную норму нужно закрепить в ГПК, равно как и правило об обязанности прокуроров прилагать к заявлениям необходимые доказательства.

Поскольку поданное прокурором заявление в судебном заседании может поддерживать совсем иное должностное лицо прокуратуры, возникает вопрос о праве последнего отказаться от данного заявления. Мы согласны с мнением В.С. Каменкова, что, с теоретической точки зрения, участвующий в судебном заседании сотрудник прокуратуры должен получить на это полномочия от прокурора, предъявившего заявление, и представить доказательства наличия таких полномочий суду [3, с. 24–25]. Вместе с тем думается, что для отечественного гражданского судопроизводства данная проблема не актуальна. Норма ч.2 ст. 84 ГПК говорит об отказе прокурора от ***своего*** заявления, что означает – отказаться от заявления может только то должностное лицо прокуратуры, которое его подало. В еще более четкой форме данное начало выражено применительно к проверочным стадиям гражданского процесса: «прокурор, принесший кассационный протест, вправе отозвать его в суде кассационной инстанции до начала судебного заседания» (ч.2 ст. 416 ГПК); «должностное лицо, принесшее протест в порядке надзора, вправе отозвать его до начала рассмотрения дела судом» (ч.1 ст. 444 ГПК).

В контексте поднятого вопроса хотелось бы обратить внимание на не совсем удачную в целом редакцию первого предложения ч.2 ст. 84 ГПК: «отказ прокурора от своего заявления не лишает лицо, в защиту прав и охраняемых законом интересов которого он обратился в суд, права требовать рассмотрения дела по существу». Создается впечатление, что если лицо прямо на заявит требование о рассмотрении дела по существу, то процесс для него будет завершен. Однако в действительности это не так. В случае подачи прокурором иска в интересах другого лица, именно это последнее является истцом (ч.2 ст. 60, ч.1 ст. 82 ГПК), поэтому, как совершенно верно подметил В.Н. Щеглов, при предъявлении иска прокурор «функционирует параллельно с истцом, который также поддерживает иск» [8, с. 12]. Если прокурор отказывается от поданного заявления, иск не прекращает своего существования, он продолжает «жить» в лице истца и процесс может быть закончен только при условии отказа истца от иска.

Гораздо более точно анализируемую ситуацию регулирует ч.2 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), правила которой следовало бы заимствовать и белорусскому ГПК: «в случае отказа прокурора от заявления, поданного в защиту законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо или его законный представитель не заявит об отказе от иска». Таким образом, при отказе прокурора от заявления заинтересованному лицу (истцу) нет необходимости «требовать

рассмотрения дела по существу», рассмотрение дела должно автоматически продолжаться. Единственные вопросы, которые могут здесь возникнуть, заключаются в том, должен ли истец представить суду самостоятельное исковое заявление и уплатить государственную пошлину на общих основаниях. Ни на один из этих вопросов действующее законодательство прямого ответа не дает. Тем не менее, полагаем, что на первый вопрос необходимо ответить отрицательно (исковые требования уже известны суду, следовательно, нет потребности их как-то дополнительно объективировать, тем более что ГПК не предусматривает изъятия из материалов дела заявления, от которого прокурор отказался), а на второй – положительно (что мы уже подробно обосновывали [9, с. 77]).

Правда, если истец не уплатит государственную пошлину, ситуация несколько осложнится, поскольку законодательство не определяет, как в подобной ситуации поступать суду. Однако, на наш взгляд, ситуацию следует разрешать точно таким же образом, как и при обнаружении судом в ходе рассмотрения дела изначальной неуплаты (недоплаты) государственной пошлины истцом: путем применения института оставления заявления без движения с последующим продолжением разбирательства дела (в случае уплаты государственной пошлины) или оставлением заявления без рассмотрения по аналогии с п.11 ч.1 ст. 165 ГПК (если государственная пошлина в установленный судом срок так и не будет внесена) [10, с. 47–50].

Согласно ч.1 ст. 84 ГПК «прокурор высказывает мнения по вопросам, возникающим во время разбирательства дела, и по существу дела в целом, а также совершает другие процессуальные действия, предусмотренные настоящим Кодексом». Вправе ли должностное лицо прокуратуры, предъявившее иск, совершать действия, которые предусмотрены ч.3 ст. 61 ГПК, – изменять основание или предмет иска, увеличивать либо уменьшать размер исковых требований? С одной стороны, поскольку ст. 61 ГПК посвящена процессуальным правам сторон, напрашивается вывод, что только эти участники судопроизводства обладают упомянутыми правами. Собственно, в литературе так и указывается, что в ст. 61 ГПК речь идет о правах, принадлежащих только сторонам процесса [11, с. 108], и прокуроры совершать соответствующие распорядительные действия не могут [12, с. 66, 93, 96-97]. Однако в отечественной юриспруденции можно встретить мнение и о том, что субъекты, предъявившие от своего имени иск в защиту прав и законных интересов других лиц (т.е. в том числе и прокурор), пользуются всеми процессуальными правами, кроме права на заключением мирового соглашения и отказа от искам [13, с. 34].

По нашему мнению, в силу специфики наименования и содержания ст. 61 ГПК должностные лица прокуратуры действительно не имеет прав на изменение предмета, основания и размера иска. Вместе с тем такие полномочия им целесообразно предоставить, тем более на что на практике сотрудники прокуратуры, когда приходят к выводу о необходимости корректировки изначально занятой по делу позиции, фактически указанные действия совершают (в настоящем исследовании мы не затрагиваем вопрос, нужно ли при этом прокурору получать согласие истца, а также вправе ли соответствующие действия совершать должностные лица прокуратуры, не предъявлявшие иск, но поддерживающие его в судебном заседании). В этом плане заслуживает внимания норма, закрепленная в первом предложении ч.2 ст. 45 ГПК РСФ: «прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами и несет все

процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов». Недостаток этой нормы лишь в том, что она относит к полномочиям прокурора право на отказ от иска, в том время как на самом деле согласно российскому гражданскому процессуальному законодательству от иска отказаться может только истец, а прокурор – лишь отказаться от поданного им заявления.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

в ГПК следует конкретизировать круг должностных лиц прокуратуры, которые вправе совершать процессуальные действия (подавать заявления, поддерживать их в судебном заседании, вступать в процесс, начавшийся по инициативе других субъектов), в том числе с учетом наличия в системе прокуратуры вышестоящих и нижестоящих, а также территориальных органов;

в ГПК стоило бы определить (наподобие ч.3 ст. 66 ХПК), должностные лица каких прокуратур вправе предъявлять иски в суды каждого из уровней судебной системы (в районные, областные и Верховный суды);

в ГПК необходимо закрепить обязанность должностных лиц прокуратуры юридически обосновывать подаваемые в суды заявления, а также прилагать к ним необходимые доказательства;

согласно действующему гражданскому процессуальному законодательству отказаться от поданного заявления (протеста) вправе только подписавшее его должностное лицо прокуратуры;

первое предложение ч.2 ст. 84 ГПК целесообразно изложить в новой редакции: «в случае отказа прокурора от заявления, поданного в защиту прав и законных интересов другого лица, рассмотрение дела по существу продолжается, если это лицо не заявит об отказе от иска»;

в ст. 84 ГПК нужно включить норму о том, что предъявивший иск прокурор пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением полномочий на заключение мирового соглашения, отказ от иска и обязанности по уплате судебных расходов.

Список используемых источников

1. Скобелев, В.П. Проблемные вопросы участия прокурора в гражданском процессе / В.П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генераль. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В.М. Хомич (пред.) [и др.]. – Минск: РИПО, 2015. – С. 247–254.

2. Скобелев, В.П. О некоторых вопросах обращения прокурора в суд в порядке гражданского судопроизводства / В.П. Скобелев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генераль. прокуратуры Респ. Беларусь; редкол.: В.М. Хомич [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – Вып. 9, т. 2: спец. юбилейн. изд. – С. 269–275.

3. Каменков, В.С. Прокурор в гражданском и хозяйственном процессе – одна из гарантий защиты прав и законных интересов: сравнительный анализ / В.С. Каменков. – Минск: Тесей, 2001. – 240 с.

4. Гражданский процесс. Общая часть: учеб. / Т.А. Белова [и др.]; под общ. ред. Т.А. Беловой, И.Н. Колядко, Н.Г. Юркевича. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2006. – 576 с.

5. Осокина, Г.Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск) / Г.Л. Осокина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 160 с.

6. Лесницкая, Л.Ф. Пересмотр решения суда в кассационном порядке / Л.Ф. Лесницкая. – М.: Юрид. лит., 1974. – 192 с.

7. Курс советского гражданского процессуального права: в 2 т. / А.А. Мельников [и др.]; редкол.: А.А. Мельников (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1981. – Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. – 464 с.

8. Щеглов, В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса / В. Н. Щеглов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 130 с.

9. Скобелев, В. Судебные расходы в гражданском процессе: некоторые проблемы правоприменительной практики / В. Скобелев // Судовы веснік. – 2011. – №2. – С. 74–78.

10. Скобелев, В. Актуальные вопросы уплаты государственной пошлины по гражданским делам / В. Скобелев // Юстиция Беларуси. – 2016. – №3. – С. 45–51.

11. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / Л. И. Бакиновская [и др.]; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, И. А. Мирониченко. – Минск: Тесей, 2005. – 864 с.

12. Тихиня, В. Г. Гражданский процесс : учебник / В. Г. Тихиня. – 2-е изд., перераб. – Минск: ТетраСистемс, 2013. – 496 с.

13. Кобец, Ю. Стороны и третьи лица в гражданском процессе / Ю. Кобец // Судовы веснік. − 2010. − №4. − С. 33–37.

Дата поступления статьи – 13.09.2017.

Статья посвящена правовому статусу должностных лиц прокуратуры в судопроизводстве по гражданским делам. В частности, автор анализирует круг должностных лиц прокуратуры, которые вправе совершать процессуальные действия, вопрос о требованиях, предъявляемых к исковым заявлением прокуроров, вопрос о допустимости совершения прокурорами диспозитивных действий и др. На этой основе в статье сделаны предложения по совершенствованию действующего законодательства.

The article is devoted to the legal status of prosecutors' officials in the civil procedure. In particular, the author analyzes the circle of officials of the prosecutor's office who have the right to take procedural actions, the question of the requirements for a claim to prosecutors, the question of the admissibility of administrative actions by procurators, the question of the permissibility of committing dispositive actions by the prosecutors and others. On this basis, the article made proposals for improving the current legislation.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ

Ступаченко Е.В.

Контрактная система закупок является инструментом, обеспечивающим выполнение органами государственной власти и органами местного самоуправления возложенных на них функций и имеет своими целями эффективное использование бюджетных средств, развитие добросовестной конкуренции, профилактику коррупции.

Рынок государственных и муниципальных закупок непрерывно развивается. Так, в 2016 году общая сумма по размещённым извещениям составила 6 404 344,8

млн руб. (в 2015 г. – 6 438 756,3 млн руб.), в истекшем периоде 2017 года – 3 658 723,9 млн руб. По итогам состоявшихся торгов в 2016 году заключено 3 450 449 контрактов (в 2015 г. – 3 326 529 контрактов), за 8 месяцев 2017 года – 2 002 723 контракта[1].

Учитывая значительные суммы средств бюджетов, выделяемых для осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, особое внимание со стороны органов публичной власти, в том числе контрольно-надзорных органов, в последнее время уделяется исполнению законодательства о контрактной системе.

С 1 января 2014 года вступил в силу Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ). Данный закон, в отличие ранее действовавшего законодательства, предусматривает регулирование всех стадий закупочного процесса: планирование закупок; определение поставщика и заключение контракта; исполнение контракта и отчетность. Все эти процессы сопровождаются сквозным мониторингом, контролем и аудитом.

Суть проводимой Законом № 44-ФЗ реформы системы публичных закупок заключается в том, что ключевым вопросом становится не процесс выбора победителя процедуры, с которым заключается контракт, а наибольшее качество обеспечения государственных и муниципальных нужд, на первое место выходит эффективность и ответственность за полученный результат [1, с. 6-7].

Согласно статье 2 Закона № 44-ФЗ законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд основывается на положениях Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Бюджетного кодекса Российской Федерации и состоит из данного закона и других федеральных законов. При этом нормы права, содержащиеся в других федеральных законах, должны соответствовать Закону № 44-ФЗ.

Законом № 44-ФЗ также предусмотрено, что в случаях, оговоренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, федеральные органы исполнительной власти, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» вправе принимать нормативные правовые акты. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в соответствии со своей компетенцией в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок, вправе принимать собственные правовые акты, при этом они не должны противоречить правовым актам более высокой юридической силы.

К иным федеральным законам, регламентирующим сферу государственных и муниципальных закупок, мы может отнести Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», глава 4 которого устанавливает антимонопольные требования к торгам, запросу котировок цен на товары, запросу

[1] Статистические данные учитывают только закупки, осуществленные на основании Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Статистика за 2017 год приводится по состоянию на 02.08.2017. (официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html, дата обращения 03.08.2017).

предложений, особенностям заключения договоров с финансовыми организациями, порядку заключения договоров в отношении государственного и муниципального имущества, порядку рассмотрения антимонопольным органом жалоб на нарушение процедуры торгов и порядку заключения договоров, порядку осуществления процедур, включенных в исчерпывающие перечни процедур в сферах строительства.

К специальным законам в сфере публичных закупок можно отнести Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», который устанавливает правовые основы государственного регулирования отношений, связанных с формированием, особенностями размещения, выполнения государственного оборонного заказа и государственного контроля (надзора) в сфере государственного оборонного заказа, определяет основные принципы и методы государственного регулирования цен на товары, работы, услуги по государственному оборонному заказу.

Особый порядок закупок юридическими лицами, в состав учредителей которых входят публичные образования, закреплен в Федеральном законе от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Сфера применения данного федерального закона ограничена закупками, осуществляемыми государственными корпорациями, государственными компаниями, субъектами естественных монополий, автономными и бюджетными учреждениями, государственными и муниципальными предприятиями и др.

Перечисленные федеральные законы носят «подчинённый» характер к Закону № 44-ФЗ, который является краеугольным законодательным актом для всей контрактной системы.

В полную силу Закон № 44-ФЗ вступил с 1 января 2017 года. С указанной даты теперь в полном объеме применяются его положения, касающиеся включения в единую информационную систему планов закупок, планов-графиков и информации об их реализации; обязательного общественного обсуждения закупок; осуществления только тех закупок, которые включены в планы-графики; указания наименования объекта закупок в соответствии с каталогом товаров, работ и услуг; осуществления мониторинга закупок; вопросов контроля за публичными закупками и некоторых других.

Следует отметить, что Республике Беларусь применяется во многом сходная система правового регулирования закупок для обеспечения публичных нужд, вместе с тем обладающая национальной спецификой. Как отмечает Г.А. Лысаковский, на современном этапе развития в Республике Беларусь правовое регулирование закупок товаров, работ и услуг подразделяется на три правовых института. Первый институт – это регулирование государственных закупок, второй – правовое регулирование закупок товаров, работ и услуг за счёт собственных средств организаций, где в уставном фонде доля принадлежит государству. Третий институт – правовое регулирование закупок товаров, работ и услуг организаций частной формы собственности, где в уставном фонде отсутствует доля государства [2, с. 47].

Надзор за исполнением законов о контрактной системе находится в зоне особого внимания органов прокуратуры Российской Федерации. Данное направление деятельности регламентировано указанием Генерального прокурора

Российской Федерации от 10.11.2009 № 355/7 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере размещения заказов».

Согласно статистическим данным[2] органами прокуратуры в 2016 году выявлено 149 335 нарушений закона (в 2015 г. – 131 934, + 13,2 %), в первом полугодии 2017 года 96 657 (АППГ – 95 583, + 1,1 %). По выявленным нарушениям закона прокурорами в 2016 году принесено 6 790 протестов (в 2015 г. – 6 498, + 4,5 %), в первом полугодии 2017 года 6 129 (АППГ – 4 630, + 32,4 %), в 2016 году внесено 33 820 представлений (в 2015 г. – 29 317, + 15,4 %), в первом полугодии 2017 года – 23 465 (АППГ – 21 851, + 7,4 %), в 2016 году направлено исков (заявлений) в суды – 1 670 (в 2015 г. – 2 111, – 20,9 %), в первом полугодии 2017 года – 995 (АППГ – 1 379, – 27,8 %), по постановлению прокуроров в 2016 году привлечено к административной ответственности 11 685 лиц (в 2015 г. – 10 034, + 16,5 %), в первом полугодии 2017 года – 7 315 (АППГ – 7 136, + 2,5 %). В связи с выявлением признаков преступлений прокурорами в 2016 году направлено 877 материалов для решения вопроса об уголовном преследовании (в 2015 г. – 988, – 11,2%), в первом полугодии 2017 года – 560 (АППГ – 513, + 9,2 %), по результатам их рассмотрения органами предварительного расследования в 2016 году возбуждено 620 уголовных дел (в 2015 г. – 730, – 15,1 %), в первом полугодии 2017 года – 363 (АППГ – 358, + 1,4 %).

Анализ проводимой работы свидетельствует о многочисленности и распространенности нарушений закона на всех стадиях закупочной деятельности. Продолжают фиксироваться факты размещения заказов вне установленных конкурсных процедур либо с их нарушением, нарушения порядка информационного обеспечения участников, установления в конкурсной документации незаконных требований к участникам размещения заказа, завышения цен при формировании конкурсной документации и заключении контрактов, неправомерного изменения их условий, ненадлежащего исполнения и приёмки товаров, работ и услуг [3, с. 236].

Прокурорами выявлялись нарушения требований, устанавливающих обязанность принятия, сроки публикации и содержание планов закупок, планов-графиков размещения заказов.

Прокуратурой Быковского района Волгоградской области установлено, что администрациями Демидовского, Зеленовского, Кисловского и Приморского сельских поселений планы закупок размещены в единой информационной системе с нарушением установленного ч. 9 ст. 17 Закона № 44-ФЗ трехдневного срока. В этой связи в отношении глав указанных поселений прокурором возбуждены дела об административных правонарушениях по ч. 4 ст. 7.293 КоАП РФ. Подобные нарушения вскрыты прокурорами Еланского, Клетского, Котовского, Кумылженского, Октябрьского, Ольховского, Руднянского, Светлоярского, Серафимовичского районов, Ворошиловского и Центрального районов города Волгограда.

Прокурорские проверки показали, что не всегда при проведении закупок используются предусмотренные Законом № 44-ФЗ конкурентные процедуры.

[2] Данные приводятся на основании статистического отчета «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» по форме ОН, утверждённого приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 828 (до 01.01.2017 действовал приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.12.2012 № 454).

Прокурором Ташлинского района Оренбургской области установлено, что рядом муниципальных образовательных учреждений (школ) заключены контракты с единственным поставщиком без проведения торгов под предлогом аварийности. В этой связи прокурором района в управление образования администрации Ташлинского района внесено представление, которое в установленном порядке рассмотрено, приняты меры к устранению нарушений закона. Кроме того, в отношении директоров образовательных организаций прокурором района возбуждены дела об административных правонарушениях по ч. 2 ст. 7.29 КоАП РФ, они привлечены к административной ответственности с назначением наказания в виде штрафа.

Повсеместно прокурорами выявляются факты отсутствия расчета и обоснования начальной (максимальной) цены контракта (НМЦК), завышения цен.

Прокурором города Оренбурга Оренбургской области в ходе проверки установлено, что по результатам открытого аукциона в электронной форме городским бюджетным учреждением здравоохранения заключен договор на поставку, ввод в эксплуатацию ультразвукового аппарата, обучение правилам его эксплуатации специалистов. Цена договора составила 4 978 тыс. руб. В нарушение ст. 64 Закона № 44-ФЗ в документации об электронном аукционе отсутствовало надлежащее обоснование НМЦК. В целях устранения нарушений закона главному врачу ГБУЗ прокурором города внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено, 1 лицо привлечено к дисциплинарной ответственности, с персоналом учреждения проведено дополнительное обучение.

По-прежнему распространены факты нарушения закона при утверждении аукционной, конкурсной и котировочной документации.

Прокурором Нижнеилимского района Иркутской области установлено, что глава Железногорск-Илимского городского поселения утвердил аукционную документацию на право заключение муниципального контракта на выполнение работ по содержанию сетей уличного освещения на 2017 год, в которой к участникам закупки были установлены не предусмотренные законодательством требования. В этой связи прокурором в отношении главы поселения возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 42 ст. 7.30 КоАП РФ, по результатам рассмотрения которого он привлечен к административной ответственности с назначением наказания в виде штрафа.

Заказчиками допускаются случаи несвоевременного направления информации о заключенном контракте в орган кассового обслуживания или опубликования (неопубликования) таких сведений в сети Интернет.

Прокуратурами Онгудайского и Чойского районов Республики Алтай выявлены факты отсутствия размещения в сети Интернет сведений о заключённых контрактах со стороны сельских поселений и школ. По нарушениям закона прокуратурами внесено 5 представлений, которые в установленном порядке рассмотрены и удовлетворены, 2 должностных лица привлечены к дисциплинарной ответственности.

Прокурорами принимаются меры реагирования в связи с отсутствием в контрактах обязательных условий об ответственности поставщика (исполнителя, подрядчика).

Так, в Псковской области МО МВД России «Невельский» в государственный контракт на оказание медицинских услуг не были включены обязательные условия об ответственности заказчика и поставщика (исполнителя,

подрядчика) за неисполнение либо ненадлежащее исполнение договора. В целях устранения выявленного нарушения закона Невельским межрайонным прокурором начальнику органа внутренних дел внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено.

Распространены факты неприменения заказчиком штрафных санкций и непринятия мер к расторжению контрактов при их ненадлежащем исполнении.

Прокуратурой Республики Алтай выявлено, что контракты Министерства сельского хозяйства, Комитета по делам ЗАГС и архивов, Комитета по охране, использованию и воспроизводству объектов животного мира республики не содержали фиксированные суммы неустоек за ненадлежащее исполнение сторонами своих обязательств. Кроме того, этими заказчиками при наличии оснований не всегда принимались меры материальной ответственности к исполнителям. Руководителям указанных государственных органов прокуратурой республики внесены представления, по результатам рассмотрения которых нарушения закона устранены, к исполнителям предъявлены претензии об уплате неустоек.

Органами прокуратуры обеспечена защита государственных и муниципальных интересов в связи с отсутствием контроля за исполнением контрактов со стороны заказчиков.

Прокурором города Рубцовска Алтайского края выявлен факт отсутствия со стороны руководства муниципального казённого учреждения «Управление капитального строительства г. Рубцовска» контроля за исполнением муниципального контракта на приобретение жилых помещений (квартир) для переселения граждан из аварийного жилищного фонда. Установлено, что квартиры были приняты муниципалитетом без замечаний в отсутствие отделки в полном объеме, без приборов учета холодной и горячей воды, наличников, а также с наклеенными в туалетах вместо керамической плитки обоями, при этом оплата муниципального контракта была произведена в полном объеме. По данному факту прокурором внесено представление, которое в установленном порядке рассмотрено и удовлетворено, к дисциплинарной ответственности привлечено 3 муниципальных служащих.

Прокурорами принимались меры реагирования в связи с оплатой не выполненных работ, не оказанных услуг, не поставленных товаров, хищением бюджетных средств, завышением объемов работ.

Прокуратурой Оренбургской области выявлен факт хищения бюджетных денежных средств в сумме около 3 млн руб. при реализации государственной программы «Воспроизводство и использование природных ресурсов Оренбургской области на 2014-2020 годы» путем подписания должностными лицами министерства лесного и охотничьего хозяйства Оренбургской области акта о фактически невыполненных подрядчиком работах по государственным контрактам на оказание услуг по посеву семян лесных растений.

По результатам проверки прокуратурой области в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ вынесено постановление о направлении материалов для решения вопроса об уголовном преследовании, на основании которого СУ СК России по Оренбургской области возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Особое внимание прокурорами уделяется вопросам организации надзора за исполнением законов при оплате заказчиками выполненных работ.

Прокуратурой Износковского района Калужской области установлены нарушения закона при принятии бюджетных обязательств администрацией сельского поселения «Деревня Ивановское» при заключении 5-ти муниципальных контрактов на общую сумму свыше 280 тыс. руб. в отсутствие денежных средств в местном бюджете, что впоследствии повлекло возникновение задолженности перед хозяйствующими субъектами. В этой связи прокуратурой района в отношении главы администрации муниципального образования возбуждено дело об административном правонарушении по ст. 15.1510 КоАП РФ, по результатам рассмотрения которого указанное должностное лицо привлечено к административной ответственности с назначением наказания в виде штрафа.

Реализация надзорных мероприятий по противодействию правонарушениям и преступлениям в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд органами прокуратуры Российской Федерации продолжается на постоянной основе.

В целях повышения эффективности прокурорского надзора в рассматриваемой сфере полагаем необходимым принятие некоторых мер организационного и правового характера:

1. С учётом существенных изменений, произошедших в последние годы в законодательстве Российской Федерации о контрактной системе, представляется целесообразным разработать новые организационно-распорядительные документы, регламентирующие вопросы организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о контрактной системе.

2. Принять дополнительные меры по усилению исковой работы, особенно в части направления исков (заявлений) в суд о взыскании бюджетных средств, выплаченных за фактически неисполненные или некачественно исполненные работы (неоказанные услуги, непоставленные товары).

3. Федеральным законом от 26.07.2017 № 189-ФЗ КоАП РФ дополнен статьёй 7.325, вводящей административную ответственность должностных лиц заказчиков за нарушение срока и порядка оплаты товаров, работ, услуг при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В этой связи прокурорам необходимо при выявлении нарушений законодательства о контрактной системе в части несоблюдения сроков и порядка оплаты заказчиками выполненных работ, поставленных товаров, оказанных услуг, не ограничиваться только внесением представлений об устранении нарушений закона, но и рассматривать вопрос о возбуждении в отношении должностных лиц заказчиков дел об административных правонарушениях по ст. 7.325 КоАП РФ.

Список использованных источников

1. Настольная книга госзаказчика / А. А. Храмкин, О. М. Воробьева, А.Н. Евсташенков [и др.]; отв. ред. А. А. Храмкин. – 10-е издание, дополненное. – М.: ИД «Юриспруденция», 2015. – 576 с.

2. Лысаковский, Г. А. Реформа правового регулирования закупок за счет собственных средств государственных организаций и субъектов хозяйствования с долей государства в Республике Беларусь // Публичные закупки в зарубежных странах: динамика правового регулирования: монография / Отв. ред. О.А. Беляева, В.А. Вайпан, К.В. Кичик. – М.: Юстинцинформ, 2017. – 760 с.

3. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства. А.В. Паламарчук. – М.: Ген. прокуратура Рос. Федерации, 2014. – 328 с.

Дата поступления статьи – 18.08.2017.

В статье анализируется законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд. Отмечается, что проблемы исполнения законодательства в данной области находятся в зоне особого внимания органов публичной власти, в том числе контрольно-надзорных органов и органов прокуратуры. Автором приводятся наиболее типичные категории нарушений закона о контрактной системе, а также принимаемые в этой связи меры прокурорского реагирования. По результатам анализа предлагается ряд некоторых мер, направленных на повышение эффективности прокурорского надзора в данной сфере.

In the article the legislation of the Russian Federation about the contract system in the sphere of the purchases of goods, works, services for the state and municipal needs is analyzed. It is noted that the problems of the performance of legislation in this region are located in the zone of the special attention of the organs of the public authority, including of controlling-supervising organs and organs of procuratorship. By the author are brought the most typical categories of the disturbances of law about the contract system, and also adopted in this connection measures for prosecutor reaction. The number of some measures, directed toward an increase in the effectiveness of prosecutor supervision in this sphere, is proposed according to the results of analysis.

О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Шобухин В.Ю.

Как в России, так и в Беларуси прокуратура занимает одно из ключевых мест в государственном механизме и играет важнейшую роль в обеспечении режима законности. В этой связи справедливо и закономерно внимание к правовому регулированию статуса данного государственного института не только с позиции специальных законов, посвященных регламентации их организации и деятельности, но и в контексте важности и необходимости закрепления основ правового статуса прокуратуры на высоком конституционном уровне.

Нормы о прокуратуре, содержащиеся в Конституциях отдельных стран, включая Россию и Беларусь, можно подразделить на две основные группы: 1) специально посвященные прокуратуре (их характеризует обособленность в отдельной главе (например, глава 7 (Прокуратура) в разделе VI (Прокуратура. Комитет государственного контроля) Конституции Республики Беларусь), самостоятельной статье (сюда возможно отнести ст. 129 Конституции Российской Федерации. Однако отметим, что в обновленной редакции Конституции Российской Федерации с 2014 года глава 7, в которой находится ст. 129 о прокуратуре, теперь справедливо называется – Судебная власть и прокуратура (ранее – Судебная власть). Это обстоятельство свидетельствует о некотором повышении статуса прокуратуры путем закономерного ее конституционного признания как особого государственного института. Правда, если вопросам

судебной власти в данной главе посвящены 10 статей, то прокуратуре по-прежнему всего лишь одна. Поэтому говорить о том, что статус российской прокуратуры урегулирован в самостоятельной главе достаточно затруднительно, хотя, как отмечено выше, законодателем и сделан вполне обоснованный шаг в эту сторону) или же нескольких объединенных единым смыслом и находящихся друг за другом статей, не представляющих собой обособленный раздел или главу Конституции; 2) нормы, посвященные иным вопросам и непосредственно не направленные на регулирование статуса прокуратуры, но затрагивающие ее функционирование (например, статьи о полномочиях Президента страны, в числе которых предусмотрена его роль в назначении на должность Генерального прокурора соответствующего государства. Так, согласно ст. 83 Конституции Российской Федерации Президент России представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Генерального прокурора РФ и заместителей Генерального прокурора РФ; вносит в Совет Федерации предложения об освобождении от должности Генерального прокурора РФ и заместителей Генерального прокурора РФ; назначает на должность и освобождает от должности прокуроров субъектов Российской Федерации, а также иных прокуроров, кроме прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров. В соответствии со ст. 84 Конституции Республики Беларусь Президент Беларуси с согласия Совета Республики назначает на должность Генерального прокурора, а также освобождает его от должности).

На основе анализа вышеуказанных норм можно не только охарактеризовать степень и уровень конституционно-правового регулирования организации и деятельности прокуратуры в отдельно взятом государстве, но и определить место и роль, которые отведены прокурорской системе в государственном механизме, выявить отношение к ней Президента и высших законодательных органов соответствующей страны. Так, например, отсутствие в основном нормативном правовом акте государства норм о прокуратуре скорее будет свидетельствовать о «слабом» положении прокуратуры в системе государственных органов и, наоборот, наличие, а тем более обособленность в рамках самостоятельной главы может указывать на прокуратуру с достаточно высоким правовым статусом и широким перечнем функций.

В силу ограниченного объема настоящей работы нами будут проанализированы не все конституционные нормы, касающиеся регулирования организации и деятельности прокуратуры, а только те, которые относятся к регламентации статуса именно прокурорской системы (то есть нормы первой группы вышеприведенной классификации). Хотя, безусловно, представляют большой теоретический и прикладной интерес все конституционные нормы, касающиеся регулирования организации и деятельности прокуратуры. Так, например, в ст. 36 Конституции Республики Беларусь предусмотрено право каждого на свободу объединений, но здесь же (то есть на конституционном уровне) закреплено, что судьи, прокурорские работники, сотрудники органов внутренних дел, Комитета государственного контроля, органов безопасности, военнослужащие не могут быть членами политических партий и других общественных объединений, преследующих политические цели. В Конституции Российской Федерации норма, в которой прямо предусмотрен аналогичный запрет для прокурорских работников, отсутствует. Данный вопрос урегулирован на уровне Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» в п. 4 ст. 4, где

предусмотрено: «Прокурорские работники не могут являться членами общественных объединений, преследующих политические цели, и принимать участие в их деятельности. Создание и деятельность общественных объединений, преследующих политические цели, и их организаций в органах и организациях прокуратуры не допускаются. Прокуроры в своей служебной деятельности не связаны решениями общественных объединений».

Итак, как было уже отмечено выше, в Конституции Российской Федерации прокуратуре специально посвящена лишь одна статья – 129, которая, отметим, в 2014 году претерпела изменения [1]. Данная статья находится в главе 7 – Судебная власть и прокуратура. До 2014 года глава называлась «Судебная власть», что давало основание ряду авторов рассматривать прокуратуру как элемент судебной власти. Вместе с этим такой подход противоречил как содержанию указанной главы, так и сути судебной власти, основу которой составляют совокупность судебных органов и судебная деятельность по отправлению правосудия. Согласно ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации осуществление правосудия является исключительной компетенцией судов. Прокуратура в судебную систему не входит и деятельность по отправлению правосудия не осуществляет. Таким образом, относить прокуратуру к судебной власти невозможно. Поэтому состоявшееся в 2014 году изменение Конституции Российской Федерации является решением рассматриваемой проблемы, поскольку предусматривает новое название главы 7 – Судебная власть и прокуратура, правда, оно требует согласования со ст.ст. 10 и 11 Конституции Российской Федерации, где (как и в ст. 6 Конституции Республики Беларусь) предусмотрено, что государственная власть в стране осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Однако, с другой стороны, выше обозначенная законодательная новелла в определенной степени теперь даже усиливает дискуссию в вопросе определения места прокуратуры в системе органов государственной власти с точки зрения теории разделения властей и требует окончательного конституционно-правового решения. Таким решением может быть обособление норм о прокуратуре в отдельной главе Конституции России. В этом смысле примечателен как наш исторический опыт советского государственного строительства в целом и конституционно-правового регулирования в отдельности, когда Конституция СССР и аналогично ей Конституции республик, включая РСФСР и БССР, содержали отдельные главы о прокуратуре, так и примеры современной законодательной базы отдельных государств, где в основных нормативных правовых актах регулированию статуса прокуратуры уделено особое внимание. К их числу с уверенностью можно отнести Конституцию Республики Беларусь, в которой нормы о прокуратуре, будучи объединенными в разделе VI с таким государственным институтом как Комитет государственного контроля, при этом обособлены в отдельной главе 7, состоящей из четырех статей. Правда в общей структуре Конституции Беларуси, как нам представляется, было бы логичнее указанный раздел разместить пятым (или в рамках четвертого), то есть до норм о местном управлении и самоуправлении, поскольку и прокуратура, и Комитет государственного контроля организуются и функционируют в общереспубликанском масштабе, как и те государственные институты, правовой статус которых раскрыт в разделе IV Конституции (Президент, Парламент, Правительство, Суд). Что касается объединения норм о прокуратуре и Комитете государственного контроля в одном разделе, то такой опыт может быть интересен в

рамках разработки концепции надзорно-контрольной власти, о которой нами ранее была выражена идея в качестве решения проблемы конституционно-правового статуса российской прокуратуры [2, с. 89-94].

Статья 129 Конституции Российской Федерации состоит из пяти частей. Они посвящены регулированию организационных вопросов, преимущественно связанных с назначением на должность и освобождением от должности прокуроров в статусе руководителей органов прокуратуры. К сожалению, в 2014 году из содержания данной статьи была исключена норма, в соответствии с которой прокуратура Российской Федерации характеризовалась как единая централизованная система с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ, а с этим закреплялись конституционные принципы (единства и централизации) построения прокурорской системы. В качестве нововведения получил конституционное закрепление порядок назначения на должность и освобождения от должности заместителей Генерального прокурора РФ, который претерпел изменения. Если ранее кандидатура заместителя Генерального прокурора в соответствии с ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» вносилась в Совет Федерации по представлению самого Генерального прокурора, то теперь это делает Президент Российской Федерации. Также из сферы ведения Генерального прокурора изъято исключительное право назначения на должность и освобождения от должности прокуроров субъектов Российской Федерации и приравненных к ним по статусу прокуроров. Так, согласно ч. 3 ст. 129 Конституции Российской Федерации прокуроры субъектов Федерации сейчас назначаются на должность Президентом Российской Федерации (он же освобождает их от должности) по представлению Генерального прокурора, согласованному с субъектами Российской Федерации. Что касается процедуры согласования кандидатур региональных прокуроров, которая существовала и ранее, то ее, на наш взгляд целесообразно исключить как противоречащую исторически сложившимся принципам централизации и независимости организации и деятельности прокурорской системы России. Не стоит забывать, что на прокуроров субъектов Федерации возложен надзор за исполнением законов органами как исполнительной, так и законодательной власти в регионе. Прокуроры городов, районов и приравненные к ним по правовому статусу прокуроры, как и прежде, назначаются на должность и освобождаются от должности Генеральным прокурором РФ (ч. 5 ст. 129 Конституции Российской Федерации).

По-прежнему в рассматриваемой статье Конституции России определено, что полномочия (правда, мы полагаем, что в данном случае лучше вести речь о компетенции, а термин полномочия использовать применительно к прокурорским работникам; аналогичного мнения придерживается А.Ю. Винокуров [3, с. 31]), организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации определяются федеральным законом. При этом формулировку «федеральным законом» возможно рассматривать в широком (без конкретизации) и узком смыслах. В последнем случае имеется в виду ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» как конкретный федеральный закон. В этом смысле стоит подумать о целесообразности изменения в ч. 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации рассматриваемой формулировки на «федеральный конституционный закон» с соответствующей заменой ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», который, надо отметить, принят в 1992 году как Закон (а не Федеральный закон), на ФКЗ «О прокуратуре Российской Федерации».

Таким образом, в Конституции Российской Федерации законодатель уделил внимание регулированию лишь части организационных вопросов и совершенно упустил из виду функциональную составляющую прокурорской системы. Вместе с этим, наряду с ныне урегулированными вопросами конституционно-правового статуса российской прокуратуры, почему бы не раскрыть в Конституции России цели и задачи современной прокурорской системы, ее основные функции и принципы, закрепить гарантии неприкосновенности и независимости прокурорских работников, а также иные основы и особенности их правового статуса? В связи с этим примечателен опыт Республики Беларусь, в Основном Законе которой данные вопросы отчасти урегулированы. В частности, в ст. 125 Конституции Беларуси закреплены основные функции прокуратуры: надзор за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных актов, надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, соответствием закону судебных решений по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях, осуществление предварительного следствия, поддержание государственного обвинения в судах. В ст. 126 определены единство и централизация системы органов прокуратуры во главе с Генеральным прокурором, назначаемым Президентом страны с согласия Совета Республики. Предусмотрено, что нижестоящие прокуроры назначаются Генеральным прокурором. Отсюда следует конституционное закрепление принципов единства и централизации прокурорской системы Беларуси, что ранее было свойственно и конституционно-правовому регулированию статуса российской прокуратуры, но в рамках указанных выше изменений норм о прокуратуре в Конституции России, к сожалению, исключено и нуждается в восстановлении. Еще один важнейший принцип организации и деятельности прокурорской системы любой страны – принцип независимости – получил отражение в ст. 127 Конституции Республики Беларусь, где справедливо обозначено: «Генеральный прокурор и нижестоящие прокуроры независимы в осуществлении своих полномочий и руководствуются законодательством». Здесь же указано, что Генеральный прокурор в своей деятельности подотчетен Президенту. Относительно последнего положения обратим внимание, что законодатель указал на подотчетность, а не подчиненность Генерального прокурора Президенту страны. Аналогичная норма содержится в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», где предусмотрена обязанность Генерального прокурора страны представлять палатам Федерального Собрания и Президенту Российской Федерации ежегодные доклады о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению. Поэтому говорить о подчиненности Генерального прокурора Президенту, как делают это некоторые авторы, нет оснований. Более того, в статье 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» законодатель совершенно справедливо указал, что прокурорский надзор осуществляется от имени Российской Федерации. Еще одна статья в Конституции Республики Беларусь (аналогично Конституции России) содержит ссылку, что компетенция, организация и порядок деятельности органов прокуратуры определяются законодательством. И здесь мы можем обратить внимание как минимум на два обстоятельства. Во-первых, в отличие от ч. 1 ст. 129 Конституции России в ст. 128 Основного Закона Беларуси законодателем применительно к прокуратуре и ее органам используется термин «компетенция», а не «полномочия». Во-вторых, законодателем Республики Беларусь делается ссылка

на законодательство в целом, в то время как в Конституции Российской Федерации указана конкретная категория нормативных правовых актов – федеральный закон. В развитие последнего положения в ст. 3 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» закономерно определено, что на прокуратуру не может быть возложено выполнение функций, не предусмотренных федеральными законами. Организация и порядок деятельности прокуратуры, а также полномочия прокуроров определяются Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и другими федеральными законами, международными договорами Российской Федерации.

Таким образом, сравнительное исследование конституционно-правового регулирования особенностей организации и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и Республики Беларусь свидетельствует о том, что в наших правовых системах есть как общие черты, так и отличия, которые, безусловно, необходимо изучать и учитывать при совершенствовании национального законодательства, в том числе в части регулирования конституционно-правового статуса прокуратуры.

Список использованных источников

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Рос. газ. 2014. 07 фев.
2. Шобухин, В. Ю. Прокуратура – основа надзорно-контрольной власти в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 89–94.
3. Винокуров, А. Ю. Точность использования понятийного аппарата как элемент компетенции прокурорского работника // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 2 (52). С. 28–33.

Дата поступления статьи – 04.09.2017.

В статье анализируются особенности конституционно-правового регулирования организации и деятельности прокуратур Российской Федерации и Республики Беларусь. Обосновывается необходимость особого урегулирования правового статуса прокуратуры именно на конституционном уровне как государственного института играющего ключевую роль в обеспечении режима единой законности на территории соответствующего государства. На основе проведенного сравнительно-правового исследования специальных норм о прокуратуре, содержащихся в Конституциях Российской Федерации и Республики Беларусь, автором выявлены степень и уровень конституционно-правового урегулирования организации и деятельности органов прокуратуры данных стран, охарактеризованы место и роль, которые отведены прокурорской системе в государственном механизме, а также раскрыты иные особенности конституционно-правового статуса прокуратур России и Беларуси, предложены пути совершенствования конституционно-правового регулирования их организации и деятельности.

The article analyzes the peculiarities of the constitutional legal regulation of organization and activity of Prosecutor's office of the Russian Federation and the Prosecutor's office of the Republic of Belarus. Substantiated the necessity of special regulation of the legal status of the Prosecutor's office at the constitutional level as a state institution, which plays an important role in ensuring the regime of a single law in the territory of the state. On the basis of comparative

legal research special rules on the Prosecutor's office contained in the Constitution of the Russian Federation and the Republic of Belarus, the author revealed the extent and degree of constitutional-legal regulation of organization and activity of Prosecutor's office of these countries, described the place and role of Prosecutor's offices in the state mechanism, and discloses other features of the constitutional legal status of Prosecutor's office of Russia and the Prosecutor's office of Belarus, suggested ways to improve of the constitutional and legal regulation of their organization and activities.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАЗВИТИЮ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Хлус А. М.

Двадцать первый век характеризуется активизацией процесса глобализации, который продолжается до сих пор. Глобализация предполагает преобразование мирового сообщества, его объединение в единую систему. Сфера экономики является важнейшим и основополагающим направлением глобализационного преобразования, что представляет собой возможность свободного перемещения товаров, услуг, капитала, рабочей силы. Превращению национальных экономик в глобальную мировую экономику способствуют научно-технический прогресс, развитие современных средств коммуникации, в том числе и Интернета, либерализация мировой торговли и активизация транснациональных компаний.

Процессы мировой глобализации стимулировали региональную экономическую интеграцию. В первую очередь это коснулось государств бывшего СССР, которые сравнительно недавно перешли к рыночным отношениям. В мае 2014 года в г. Астане был подписан договор о создании Евразийского экономического союза (далее ЕАЭС), который образовали Российская Федерация, Беларусь и Казахстан. Одной из основных целей ЕАЭС является создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения [1].

Интеграция постсоветских государств предполагает достижение экономических результатов по многим направлениям: наращивание производства товаров и снижение их цены, увеличение средней заработной платы и благосостояния народов стран-участниц ЕАЭС, повышение окупаемости новых технологий, увеличение объема ВВП стран-участниц минимум на 25% и др. Благие устремления, к сожалению, не всегда достигают цели. Возникшие проблемы разноплановы: отсутствие единого финансового регулятора, единых правил торговли энергоносителями, наличие изъятий и ограничений в торговле между участниками ЕАЭС. Указанные проблемы с очевидностью указывают на их экономический характер. Но не менее важным фактором, влияющим на развитие интеграционных экономических отношений между странами ЕАЭС, является коррупция.

Коррупция, несмотря на всеобщее осуждение, признание масштабности причиняемого ею вреда, активную борьбу с коррупционными правонарушениями, превратилась в международную проблему и в последние годы значительно обострилась.

На первый взгляд коррупция не является препятствием для интеграционных процессов стран-участниц ЕАЭС. Но в действительности коррупция имеет отношение к экономической сфере. Ее экономическая составляющая обусловлена связью с экономикой, с финансовыми потоками и товарооборотом. Коррупция является одним из основных негативных механизмов, тормозящих экономический

рост государств ЕАЭС. По мнению экспертов Мирового банка, коррупция является главной экономической проблемой современности [2].

Одним из существенных условий развития коррупции на современном этапе является глобализация, которая, в первую очередь, ориентирована на экономику, т.е. на основу государственного благополучия. Следует также заметить, что коррупция, активно развиваясь в условиях глобализации, замедляет ее процессы. Примером тому могут служить недавно возникшие на экономической основе негативные отношения между Российской Федерацией и Беларусью. С одной стороны, мировая глобализация стимулировала объединение государств и образование Евразийского экономического союза, который призван способствовать экономическому росту стран-участниц. С другой стороны, возникшие проблемы, в том числе и коррупционного характера, создают серьезные барьеры для развития отношений. Достаточно вспомнить несколько примеров, ставших достоянием общественности посредством глобальной сети Интернет.

По решению Россельхознадзора в Подмосковье уничтожены фрукты и овощи, следовавшие из Беларуси [3]. Россельхознадзор грозит новыми ограничениями белорусским производителям. Высказаны претензии в адрес Беларуси в связи с ненадлежащим качеством мясной и молочной продукции. Заподозрив Беларусь в реэкспорте мяса из Украины, ограничен импорт говядины [4]. Рассмотренные примеры не только не способствуют укреплению ЕАЭС, но и вообще не могут быть названы дружескими.

На первый взгляд в возникших экономических проблемах не усматриваются признаки коррупционности. Но не безосновательно в создании проблем предполагается заинтересованность крупных российских чиновников, так как они «сами часто являются производителями того или иного продукта» [5]. Заявление Президента Республики Беларусь А. Лукашенко послужило основанием для антикоррупционной проверки в отношении чиновника С. Данкверта. Транспаренси Интернэшнл потребовало проверки закона в части «интересов: в отношении компаний, в которых С. Данкверт владеет долями, и в отношении принятия решений в интересах компании, которой управляет его дочь». В феврале 2017 года Центр управления расследованиями выпустил материал о бизнесе С. Данкверта, связанном с животноводством. Авторы считают, что заявление А. Лукашенко о том, что С. Данкверт заинтересован в ограничении поставок белорусских продуктов, не лишено оснований [6].

Экономические проблемы, обусловленные развитием коррупционных отношений, в несколько крат обостряются в условиях трансформации и глобализации мировой экономики.

Что же можно противопоставить новым формам преступной, в том числе и коррупционной, деятельности? Какая наука должна находиться на передовых рубежах противодействия преступности, развивающейся в процессе глобализации? Такую науку необходимо искать среди наук уголовно-правового цикла. В числе этих наук уголовное право, криминология и криминалистика.

Несомненна и значима их роль в борьбе с преступностью. Каждая из названных наук изучает преступление с характерной для них особенностью. Но существенные преобразования общественной жизни и, соответственно, качественные изменения преступной деятельности, определяют новые требования к наукам, призванным изучать преступную деятельность и преступление.

Тенденции перспективного развития рассматриваемых наук можно определить с учетом знания их предмета. Предмет науки определяет круг явлений, процессов, на который направлено научное познание и который составляет ее основное содержание.

Предметом науки уголовного права является изучение уголовного законодательства, правотворческой и правоприменительной практики; оснований и принципов уголовной ответственности; концепций уголовного права в прошлом и настоящем; связей с уголовным правом и взаимовлияния теоретических положений философии, общей теории государства и права, социологии; зарубежного уголовного законодательства и соответствующей доктрины [7]. В современных условиях глобализации мирового сообщества развитие науки уголовного права должно ориентироваться на своевременную криминализацию деяний транснациональной значимости на основе выявленных оснований для уголовной ответственности.

Для криминологии предмет ее изучения составляют: а) преступность (проявления, виды, характер и др.); б) причины и закономерности существования и изменения преступности; в) личность преступников; г) возможности и методы предупредительного воздействия на причины, условия преступности [8, с. 107]. Может ли, учитывая тенденции развития мирового сообщества, ограничиваться перечисленным предмет современной криминологии? По всей видимости – нет.

Классическая криминология отстает от современного состояния, развития и направленности преступности. Являясь наукой о профилактике преступности, криминологии следует расширить и углубить сферу своей компетенции и профессионального интереса. Дело в том, что формы и масштабы преступности серьезно изменились, они вышли за пределы уголовно-правовой области, что требует изменения подходов и к криминологическим исследованиям.

Примером тому, к сожалению отрицательным, может служить наша соседка – Россия. До сих пор никто толком не пояснил (в том числе молчат по этому поводу ученые-криминологи), как так получилось, что многие крупные российские чиновники (бывшие и настоящие) имеют огромные богатства, исчисляемые в долларовом эквиваленте, которые хранятся за рубежом в виде банковских вкладов и недвижимости [9].

Не обращает внимания классическая криминология на тенденции мирового масштаба, угрожающие не только национальным интересам, но и мировому сообществу в целом. Угрозы для государств, исходящие от преступности и даже от транснациональной преступности, несравнимы с той угрозой, которая заложена в идее «золотого миллиарда». В ее основе проблема перенаселения планеты людьми, которых, согласно концепции, не должно быть более одного миллиарда.

Такого рода факты можно привести еще, но и упомянутого достаточно, чтобы отметить несостоятельность классической криминологии для решения обозначенных проблем.

Что же касается криминалистики, то вопрос о ее предмете до сих пор находится в дискуссионной плоскости. Ученые признают, что предмет криминалистики указывает на изучаемые ею специфические закономерности. Впервые на эту особенность обратили внимание Р. С. Белкин и Ю. И. Краснобаев [10, с. 25]. В последующем Р. С. Белкин предложил определение криминалистики как науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, о закономерностях собирания, исследования,

оценки и использования доказательств и об основанных на получении таких закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений [11, с. 26]. С такой формулировкой согласились многие ученые-криминалисты.

Вопрос о предмете криминалистики находится в прямой связи с изучаемыми криминалистикой объектами, с целью познания закономерностей их развития. Предложенное Р. С. Белкиным определение криминалистики указывает на преступление и процесс собирания, исследования, оценки и использования доказательств как объекты научного познания. Такой подход к рассмотрению объекта криминалистики вполне приемлем в период до начала 90-х годов прошлого столетия. Рассмотрение преступления в качестве объекта криминалистики до определенного момента отражает ее сущностное назначение как «науки о реалиях уголовного права» (Г. Гросс). Изучая только «реалии уголовного права» криминалистика находится в «прокрустовом ложе» уголовного права, что не оправдано с позиции сегодняшнего дня, особенно в условиях активно развивающихся глобализационных процессов. Понимание этого позволило ученым пересмотреть свои взгляды на объект криминалистики, представляя его как двуединый объект. В качестве его составляющих рассматриваются два противоположных вида деятельности человека. С одной стороны, преступная деятельность по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, а с другой – деятельность по выявлению, раскрытию, расследованию преступлений [12, с. 32]. Следовательно, криминалистика изучает те закономерности, которые находятся в основе этих видов деятельности, и разрабатывает практические рекомендации противодействия преступности.

К закономерностям преступной деятельности относят: причинно-следственные и иные связи между отдельными структурными элементами системы преступления; поведенческие связи между субъектом преступления и другими его соучастниками и потерпевшими как до, так и в ходе и после его совершения; влияние сложившейся обстановки и выбранного способа совершения преступления на его механизм и особенности его протекания [13, с. 34]. Ознакомление с этими закономерностями позволяет сделать вывод, что фактически познается не преступная деятельность, а ее результат – преступление. Многие авторы сводят понятие преступной деятельности к единичным преступным актам, хотя данные понятия следует различать. Не одинаков и процесс их познания. Как справедливо заметил А.В. Дулов, «изучение преступления не тождественно изучению преступной деятельности» [14, с. 73]. Понятие «преступная деятельность» шире понятий «преступление» и «преступность», которые являются ее элементами. Преступления представляются единичными актами, а их совокупность составляет преступность в системе общества. Преступную деятельность следует понимать как направление жизнеобеспечения преступной части общества, способ ее существования посредством совершения отдельных преступлений и их совокупности. Преступления и их совокупность – непременная составная часть преступной деятельности. Но некоторые виды преступлений и отдельные преступления выходят за рамки преступной деятельности и рассматриваются как отдельные проявления преступности. К ним относятся все преступления, совершаемые по неосторожности, спонтанные преступления, не предусматривающие этапы подготовки и сокрытия.

Деятельность по расследованию преступления направлена на выявление, исследование материальных элементов его структуры, следов их проявления в окружающей среде, на основе которых познаются способ совершения, мотив и цели деяния. По мнению А. В. Дулова, чтобы изучить преступную деятельность, первоначально надо выявить и исследовать совокупность материальных следов, объектов (элементов) характеризующих преступление как явление, событие [14, с. 73]. Но изучить преступление не всегда означает познать преступную деятельность. Безусловно, является верным утверждение, что материалы уголовных дел были и остаются важнейшими источниками информации о преступлениях и лицах, их совершивших. Вызывает сомнение, что в них содержатся сведения о преступной деятельности в целом [13, с. 30]. В противном случае криминалистика обречена, находиться в «прокрустовом ложе» уголовного права.

По-нашему мнению, криминалистика не должна довольствоваться исследованием только результатов преступной деятельности – преступлений. С учетом тенденций современного мира (глобализация, информатизация, развитие нанотехнологий, информационные войны), ее роль, назначение должны быть преобразованы.

Так уж сложилось исторически, что криминалистика следует за преступной деятельностью. При этом фактически изучаются ее результаты, т.е. преступления (их множество) и деятельность по раскрытию и расследованию, и на основе познания их закономерностей разрабатываются методические рекомендации противодействия преступности. Влияет ли это на преступную деятельность как социальное явление? Безусловно, сокращение количества преступлений меняет статистику преступности в государстве, наносит точечные удары преступной деятельности, но в целом не оказывают на нее существенного влияния. Тем более, что преступная деятельность постоянно развивается и совершенствуется.

Научно-технический прогресс, появление новейших технологий, развитие информационной сферы обусловили трансформацию и определили новые возможности для преступной деятельности. Стремительное развитие науки и техники способствовали переходу всего мирового сообщества в информационное общество, функционирующее в едином информационном пространстве. Это, в свою очередь, позволяет прогнозировать некоторые опасные тенденции информационного общества.

В числе этих тенденций можно назвать следующие:

1) активизация использования разнообразных средств воздействия на психику людей, как индивидуально, так и в массовых масштабах;

2) активное использование современных информационных технологий для вторжения в частную жизнь людей и в деятельность организаций;

3) разработка и использование современных технологий для организации всеобщего контроля за населением как отдельно взятых государств, так и мирового сообщества в целом;

4) превращение информационного пространства в арену противоборства государств, вражда которых достигает уровня информационной войны;

5) значительное увеличение совершения в информационном пространстве преступлений.

Эти тенденции в развитии мирового сообщества, а также появление международной, т.н. транснациональной преступности определяют необходимость пересмотра взглядов на преступную деятельность как объект криминалистики.

Криминалистике посредством своих приемов и методов необходимо оказывать опережающее воздействие на преступную деятельность. Реализация этого должна основываться на уточнении объекта криминалистики и расширении ее предмета.

Учитывая двуединый объект криминалистики, его изменение нуждается в части правоохранительной деятельности, которая не должна ограничиваться только одним направлением: раскрытием и расследованием преступлений. Органы, осуществляющие противодействие преступности, должны быть ориентированы на изучение преступной деятельности. При этом преступная деятельность рассматривается в узком и широком смысле. В узком смысле следует понимать преступную деятельность, реализуемую с целью совершения одного или нескольких (серии) преступлений. Эта преступная деятельность может быть изучена в процессе расследования отдельных или совокупности преступлений, совершенных одним субъектом или в составе группы. В широком смысле необходимо понимать преступную деятельность как функциональное и жизнеобеспечивающее направление отдельной части общества.

Уточнение объекта криминалистики определяет необходимость расширения предмета исследований в отношении преступной деятельности, рассматриваемой в широком смысле. Познание закономерностей формирования преступной коррупционной деятельности позволит обеспечить разработку адекватных мер противодействия.

Список ипользованных источников

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 08.05.2015) [Электронный ресурс]. URL: www.consultfnt.ru/document/cons_dos_LAW_163855/ (дата обращения: 07.09.2017).

2. Мельник, Н.И. Экономический аспект коррупции [Электронный ресурс]. URL: http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1225287 (дата обращения: 07.09.2017).

3. Уничтожение продуктов из Беларуси продолжается / [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics/28785157/?frommail=1(дата обращения: 11.09.2017).

4. Россельхознадзор может расширить ограничения для Беларуси [Электронный ресурс]. URL: news.21.by/economics/2017/02/22/1299733.html (дата обращения: 11.09.2017).

5. Лукашенко: за нанесение ущерба Беларуси надо возбудить уголовное дело на Данкверта [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/politics/28651351/ (дата обращения: 11.09.2017).

6. Транспаренси Интернационал услышало Лукашенко и требует проверить Данкверта и его дочь [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/politics/28924169/?frommail=1 (дата обращения: 11.09.2017).

7. Наука уголовного права [Электронный ресурс]. URL: www.grandars.ru/college/pravovedenie/nauka-ugolovnogo-prava.html (дата обращения: 11.09.2017).

8. Криминология: словарь / под общей ред. В. П. Сальникова. Серия «Учебники для вузов, специальная литература. – СПб.: Издательство «Лань»; Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 1999. – 256 с.

9. Метры «элиты» / Аргументы и факты в Белоруссии. № 49, 2015. – С. 4.

10. Белкин, Р.С. О предмете советской криминалистики / Р. С. Белкин, Ю. И. Краснобаев. – Правоведение. 1967. №4. – С. 25.

11. Криминалистика / Под ред. Р. С. Белкина и др. М., 1995. Т. 1. – 534 с.

12. Криминалистика. Учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская; Под ред. Р. С. Белкина. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М., 1999. – 990 с.

13. Яблоков, Н.П. Криминалистика: природа, система, методологические основы / Н. П. Яблоков, А. Ю. Головин. – М.: НОРМА, 2012. – 288 с.

14. Криминалистика: учебное пособие /А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. – Минск: ИП «Экоперспектива», 1996. – 415 с.

Дата поступления статьи – 11.09.2017.

В статье на основе рассмотрения негативных явлений, происходящих в современном мире, сделан вывод о глобализации как причине развития коррупции. Теоретические основы противодействия коррупции разрабатываются науками уголовно-правового цикла, уровень которых не соответствует потребностям времени. Ключевую позицию среди этих наук занимает криминалистика. Для эффективного противодействия коррупции необходимо кардинальное изменение объектно-предметной области криминалистики. Уточнение объекта криминалистики определяет необходимость расширения предмета исследований в отношении преступной деятельности, рассматриваемой в широком смысле. Криминалистика, равно как и другие науки, ведущие борьбу с коррупцией, должна ориентироваться на исследование преступной деятельности, в том числе и коррупционного характера. Криминалистике посредством своих приемов и методов необходимо оказывать опережающее воздействие на преступную деятельность.

In the article, based on the consideration of negative phenomena occurring in the modern world, a conclusion is made about globalization as a reason for the development of corruption. Theoretical bases of counteraction to corruption are developed by the sciences of the criminal-legal cycle, the level of which does not correspond to the needs of the time. The key position among these sciences is criminalistics. To effectively combat corruption, it is necessary to radically change the object-subject area of criminalistics. Clarification of the object of forensic science determines the need to expand the subject of research in relation to criminal activity, considered in a broad sense. Criminalistics, as well as other sciences that fight corruption, should focus on the investigation of criminal activities, including corruption. It is necessary to exert advanced influence on criminal activityfor criminalistics, through its methods.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В АСПЕКТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Швед А.И.

Вопросы классификации судебных экспертиз были и остаются дискуссионными. И это создает проблему практической реализации задач унификации видов экспертиз, экспертных специальностей на национальном уровне. В Республике Беларусь унификация видов судебных экспертиз практически реализована в связи с объединением различных экспертных ведомств. Вместе с тем можно уверенно сказать, что этап объединения экспертных подразделений и унификации судебно-экспертных специальностей (видов

экспертиз) прошел без учета теоретических разработок, представленных в научных классификациях. Это дает основания для критического пересмотра положений теории судебной экспертизы в этой части, так как есть сомнения относительно их практической целесообразности. Следует отметить, что некоторые исследователи при разработке собственных классификаций экспертиз также ориентируются в большей степени на традицию, закрепленную практикой. В частности, К.В. Капустин и А.В. Хомутенко отмечали, что их классификация экономических экспертиз базируется в первую очередь на анализе экспертной практики [1, с. 224]. В этой связи имеется необходимость вновь обратить внимание на проблему классификации экспертиз.

В основе наименования судебных экспертиз лежит их связь с наукой, в которой возникли основные экспертные подходы, методы, методики. Данная связь признавалась авторами первой концепции судебной экспертологии А.И. Винбергом и Н.Т. Малаховской [2]. В основание их классификации судебных экспертиз положена признанная, в то время казавшаяся неизменной и стройной, система наук. Классы, роды, виды экспертиз являются отражением «материнских» наук – физики, химии, биологии и т.д. Здесь берут начало идеи формирования судебной физики, судебной химии, судебной биологии и других отраслей науки, которые так и не сформировались как самостоятельные.

Сейчас очевидно, что система наук постоянно претерпевает изменения. Появляются новые науки, в том числе комплексные. Их невозможно отнести к определенным классическим наукам. И это препятствует созданию универсальной «вечной» классификации судебных экспертиз в привязке к «материнским» наукам.

Второй аспект, который нельзя не учесть, касается нелогичности организации традиционной классификации судебных экспертиз с выделением классов, родов, видов и подвидов. Основным недостатком предложенной А.Р. Шляховым классической схемы является построение классификации одновременно по трем основаниям (объект, предмет и метод экспертизы) [3, с. 203]. Заметим, что избранные при классификации основания одновременно могут связывать вид экспертизы с несколькими отраслями науки. В результате, например, генетическая экспертиза биологических следов человека может быть отнесена как к медицинским экспертизам, так и к биологическим. В этой связи необходимо согласиться с позицией Е.Р.Россинской, высказавшейся за отказ от выделения классов экспертиз[4]. Можно также обратить внимание на западноевропейский и англо-американский подход к классификации – выделение областей судебной экспертизы. Этот подход прост, удобен в практическом применении и не учитывает отнесение экспертиз к классам.

Третий аспект связан с традиционным представлением о судебной экспертизе как о продолжении академической науки с соответствующим отраслевым делением. Однако сегодня наблюдаются значительные отличия судебно-экспертной деятельности от академических научных исследований в соответствующих отраслях по многим показателям: цели исследования, характеристики методов исследования и контроля достоверности результатов, нормы профессиональной этики, степень формализации исследования и т.д. [5]. Кроме того, традиционный подход необоснованно игнорирует связь вида (области) экспертизы с профессиональным видом деятельности специалиста. Сегодня условием для поручения экспертизы специалисту, это особенно часто встречается в нетипичных ситуациях, является опыт его работы и квалификация в какой-либо

сфере деятельности. Здесь нет как таковой связи с отраслью науки. То есть наблюдается ситуация, когда фактически экспертиза есть, но она не имеет связи с конкретной «материнской» наукой.

Критерий связи с профессией более предпочтителен при организации системы видов экспертиз. И это становится очевидным при рассмотрении стандартных видов экспертиз, по которым организована профессиональная подготовка. Предлагается обратить внимание на практику классификации экспертиз в судопроизводстве Республики Польши применительно к сфере частной экспертизы. Децентрализованная польская модель организации судебно-экспертной деятельности предусматривает формирование списков экспертов окружных судов с указанием проводимых ими видов экспертиз. Несмотря на то, что сама по себе децентрализованная модель допуска к экспертной работе несовершенна и не соответствует современным потребностям в судебно-экспертном обеспечении, анализ указанных перечней позволяет сделать вывод о приоритете профессии в выборе наименования экспертиз [6]. Это понятно, так как правоприменителю проще анализировать и сопоставлять документы об образовании и опыте работы специалиста, чем соотнести объект, задачи и методы экспертизы, о которых имеется смутное представление, с конкретной отраслью науки.

Приведенные выше тезисы позволяют рассматривать классификацию судебных экспертиз более прагматично, отдавая предпочтение практической целесообразности в организации судебно-экспертной деятельности с учетом классификации профессий. Фундаментальную основу классификации судебных экспертиз должны составить оптимальная модель организации судебно-экспертной деятельности, которая может изменяться с течением времени.

С этих позиций важным является анализ сфер практического применения классификации судебных экспертиз (подсистемы судебно-экспертной деятельности), к которым относятся:

1. Подготовка судебных экспертов;
2. Допуск экспертов к экспертной работе (аттестация, сертификация, поручение эксперту проведения конкретной экспертизы);
3. Оценка компетентности экспертной организации (лицензирование, поручение проведения конкретной экспертизы);
4. Оценка допустимости заключения эксперта в связи с возможным выходом эксперта за пределы своих специальных знаний;
5. Организация методического обеспечения судебно-экспертной деятельности (ведение реестра методик, организация научных исследований в сфере судебной экспертизы).

Данные сферы судебно-экспертной деятельности предполагают разграничение специальных знаний экспертов по предметному признаку. Самостоятельным видом (областью) судебной экспертизы, а, следовательно, направлением в каждой из перечисленных сфер является то, которое предполагает стандартный объем знаний эксперта, типовой перечень объектов, экспертных задач, методов экспертного исследования. Эти элементы наряду с условным названием определяют перечень видов (областей) судебной экспертизы. В противном случае в указанных выше сферах применения классификации неизбежно возникнут проблемы. Эта проблема в отечественной модели судопроизводства знакома каждому правоприменителю в случае назначения

нетиповой экспертизы. Не ясно, как правильно назвать ее вид в постановлении, какому специалисту можно ее поручить, как проверить его квалификацию. Эти проблемы приходится решать также и в системе судебно-экспертных учреждений, учреждений образования при необходимости разработки и внедрения нового вида экспертиз.

Не случайно среди сфер судебно-экспертной деятельности на первом месте указана подготовка эксперта. С учетом практического значения для остальных подсистем судебно-экспертной деятельности профессия эксперта (с учетом специальности) имеет приоритетное значение. В этой связи, например, М.Л. Цимбал и Э.Б. Симакова-Ефремян указывали, что образование новой классификационной единицы в классификации судебных экспертиз невозможно без четкого представления о субъекте экспертизы наряду с предметом, объектом, задачами и методами экспертизы [7, с. 203]. В данном случае, видимо, имелась в виду система необходимых специальных знаний и навыков, которые относятся к профессиональной подготовке.

Вопросы классификации судебных экспертиз важны в деле организации их правового и организационного обеспечения. Следует отметить, что одним из первых шагов с момента начала функционирования новой системы государственных органов в Республике Беларусь стало реформирование системы подготовки кадров для судебно-экспертной сферы, а также совершенствования ее правового регулирования. Реализованы меры по унификации подходов к обучению (открыто отдельное направление образования «Судебная экспертиза», разработаны и внедрены новые специальности переподготовки, открыта подготовка в государственном учреждении образования «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», разработаны необходимые нормативные акты по организации обучения экспертов), к аттестации для присвоения претенденту права самостоятельного проведения судебных экспертиз (оформлен правовой статус экспертно-квалификационной комиссии Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь и ее подкомиссий, предусмотрен единый порядок сдачи экзаменов по экспертной специальности для присвоения права проведения экспертиз экспертами государственных экспертных учреждений и негосударственной сферы, утверждены соответствующие перечни специальностей).

Вместе с тем нельзя считать решенным вопрос правового обеспечения судебно-экспертной деятельности до тех пор, пока не будет организовано эффективное правовое закрепление предмета видов экспертиз и других существенных элементов специальных знаний эксперта. До настоящего времени системного регулирования данный вопрос в Республике Беларусь, так же как и за ее пределами, не получил. Следует отметить, что в Беларуси процессуальный порядок привлечения эксперта к проведению экспертизы и непосредственно проведения экспертизы предусматривает ответственность эксперта за необоснованный отказ от выполнения процессуальных обязанностей, а также недопустимость выхода эксперта за пределы специальных знаний. Вопрос закрепления в законодательстве пределов специальных знаний по каждому виду экспертиз, таким образом, является важным в аспекте выполнения участниками судопроизводства своих процессуальных обязанностей в связи с проведением экспертизы.

В настоящее время в Республике Беларусь для этих целей могут использоваться сведения, содержащиеся в образовательных стандартах по соответствующим специальностям переподготовки. Однако образовательные стандарты не позволяют эффективно выполнять эту задачу, так как непосредственно для этого не предназначены. Правоприменителю из содержания изучаемых учебных дисциплин сложно выводить перечень задач, которые эксперт вправе решать. Представляется, что правовую основу регулирования пределов специальных знаний по типовым видам экспертиз мог бы обеспечить Закон Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности», проект которого в настоящее время разрабатывается Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь. Одним из возможных вариантов реализации данного направления правового обеспечения судебно-экспертной деятельности могут стать профессиональные стандарты.

Предлагается рассматривать следующие функции профессионального стандарта в общем механизме организации судебно-экспертной деятельности:

- функция источника требований образовательных стандартов и программ обучения судебного эксперта;
- функция средства контроля актуальности компетенций эксперта в условиях развития отдельных видов экспертиз;
- функция средства контроля компетентности специалиста для целей присвоения права самостоятельного проведения экспертиз и периодической проверки компетентности;
- функция средства контроля компетентности судебного эксперта со стороны участников процесса, в том числе при оценке заключения эксперта;
- функция средства организации международного сотрудничества по соответствующим направлениям судебно-экспертной деятельности.

Вопросы формы, структуры и содержания профессионального стандарта носят производный характер и должны решаться с учетом выполнения указанных функций.

Республика Беларусь не имеет опыта организации их разработки и внедрения, в связи с чем заслуживает внимания опыт зарубежных государств. В настоящее время разработка подобных документов ведется в России. При этом нельзя согласиться с российским подходом, который основан на закреплении общих требований для всех экспертных специальностей или специальностей, характерных для определенного ведомства. Выполнение профессиональным стандартом указанных функций возможно только в случае стандартизации судебной экспертизы на уровне унифицированных экспертных специальностей. Отметим при этом, что для России данный вариант реализовать будет сложно, так как каждое ведомство, в котором имеются экспертные подразделения, устанавливает свой порядок аттестации и соответствующие перечни экспертных специальностей.

Подводя итог, полагаем возможным отметить, что в основе классификации судебных экспертиз должна рассматриваться профессия эксперта (экспертная специальность), а не отрасль научных знаний. Такой подход позволит организовать правовое регулирование судебно-экспертной деятельности на уровне экспертных специальностей, в том числе посредством профессиональных стандартов, и обеспечить выполнение процессуальных обязанностей, связанных с оценкой пределов специальных знаний эксперта.

Список использованных источников

1. Хомутенко, А.В. Классификация судебно-экономических экспертиз в условиях трансформации экономической системы государства // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика: сб. науч. трудов – Вильнюс: университет им. Миколаса Римероса, 2007 – С. 222–225.

2. Винберг, А.И. Судебная экспертология (общетеоретические и методические проблемы судебных экспертиз) / А.И. Винберг, Н.Т. Малаховская. – Волгоград, 1979. – 183 с.

3. Шляхов, А.Р. Труды по судебной экспертизе / А.Р. Шляхов; Государственное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России. – М.: Наука, 2006. – 567 с.

4. Россинская, Е.Р. Судебная экспертология как методологическая основа классификации судебных экспертиз и экспертной компетенции // Судебная экспертиза Беларуси. – 2016. – № 2 (3). – С. 26–29.

5. Ditrich, H. How «Scientific» is «Forensic Science»? // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика / Под общей ред. С.П. Кушниренко. – Спб.: Издательский дом СпбГУ, 2012. – С. 20–25.

6. Kędzierski, W. Biegli prywatni w polsce // Jurisprudencija, Vilnius, 2000, t. 18 (10); p. 40–55.

7. Цимбал, М.Л., Симакова-Ефремян, Э.Б. Связь интеграционных процессов в судебной экспертизе с разработкой ее классификации // Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика: сб. науч. трудов – Вильнюс: университет им. Миколаса Римероса, 2007. – С. 200–204.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В статье рассмотрены проблемные вопросы классификации судебных экспертиз. Отмечаются недостатки классической схемы, основанной на связи экспертизы с конкретной отраслью науки. Обосновывается вывод о необходимости использования в качестве основания для классификации экспертиз видов профессиональной деятельности. С учетом этого может быть организована разработка не только классификации, но и профессиональных стандартов по экспертным специальностям. Профессиональные стандарты при этом могут выполнять ряд важных функций. Посредством нормативного закрепления предмета, объектов и задач отдельных видов экспертиз, в том числе в профессиональных стандартах, будут созданы условия для выполнения участниками процесса обязанностей, требующих оценки пределов специальных знаний эксперта.

The problematic issues of classification of forensic examination are considered in the article. The imperfection of classical scheme based on the connection of expertise with the specific branch of science is revealed. The author substantiates the conclusion that it is necessary to use as a basis for classifying examinations by the types of professional activity. Minding this, not only the development of classification, but also of professional standards for expert specialties can be organized. Professional standards in this case can perform a number of important functions. By means of a normative consideration of the subject, object and tasks of certain types of examinations, including professional standards, the conditions for the participants in the process to perform their duties that require the evaluation of the bounds of expert's special knowledge will be created.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ ПУТЕМ ОБРАЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА СЛУЖАЩИХ В ДОХОД ГОСУДАРСТВА В СНГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Головко И.И., Исламова Э.Р.

Одним из аспектов противодействия коррупции является обеспечение правомерного поведения государственных служащих и иных должностных лиц, в том числе соблюдение ими запрета на получение доходов и имущества противоправным путем. Однако в практике органов прокуратуры стран СНГ не исключены факты выявления недостоверных сведений в справках о доходах служащих поднадзорных органов, обнаружение незаконно полученного имущества, стоимость которого многократно превышает доходы служащих и членов их семей. Отмечают, что также неоднократными являются факты нарушения порядка осуществления контроля за лицами, обязанными декларировать свои доходы и имущество [1, с. 6].

В России прокуроры, осуществляя надзорные полномочия, принимают меры к устранению выявленных нарушений и их предупреждению в будущем, привлечению виновных лиц к ответственности и возмещению причиненного ущерба. При получении материалов контроля за расходами конкретного служащего на основании ст. 17 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» прокуроры направляют в суды заявления об обращении в доход государства земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона, не представлено сведений, подтверждающих приобретение его на законные доходы [2]. По данным Верховного Суда РФ, с 1 января 2013 по 1 января 2017 судами рассмотрены 19 дел по искам прокуроров об обращении имущества служащих в доход государства [3]. Правовая основа и судебная практика в этой сфере в Российской Федерации еще окончательно не сформировались, некоторые вопросы в 2016 году разрешал Конституционный Суд РФ [4]. Представляется интересным проанализировать правовую базу государств со сходными правовыми традициями, которыми являются государства-участники СНГ, и модельное законодательство СНГ в этой области, поскольку использование сравнительного метода исследования позволяет сопоставить организационно-правовые основы данной деятельности и обнаружить наиболее удачные правовые нормы в зарубежном законодательстве с целью их возможного заимствования.

Модельный закон «О прокуратуре» от 16 января 2006 г. в ч. 3 ст. 51 устанавливает право прокурора давать указания субъектам и участникам координации борьбы с коррупцией по организационным вопросам [5].

Отметим, что не закрепляют роль и полномочия прокуратуры в сфере противодействия коррупции Законы республик Казахстан от 30.06.2017 № 81-VI «О прокуратуре» [6], Туркменистан от 15.08.2009 № 50-IV «О прокуратуре

Туркменистана» [7], Узбекистан от 09.12.1992 № 746-XII «О прокуратуре» [8], Армения от 29.03.2007 № ЗР-126 «О прокуратуре» [9], Кыргызстан от 17.07.2009 № 224 «О прокуратуре Кыргызской Республики» [10].

Закон Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» от 08.05.2007 № 220-З [11] в ч. 2 ст. 4, ст. 12 устанавливает статус и полномочия прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции.

Конституционный Закон Республики Таджикистан от 25.07.2005 №107 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» [12] предусматривает, что органы прокуратуры определяют порядок, способы и методы проведения анализа коррупционных рисков в поднадзорных органах и осуществляют их на практике (ст. 4 Закона); разрабатывают меры по борьбе с коррупцией (ст. 5 Закона).

Закон Республики Молдова от 25.02.2016 № 3 «О Прокуратуре» [13] в ч. 4 ст. 9 предусматривает полномочия специализированной Антикоррупционной прокуратуры в части уголовного преследования за коррупцию, но не в части надзорных полномочий.

Закон Азербайджанской Республики от 07.12.1999 № 767-IQ «О прокуратуре» [14] в ст. 11.1 наделил Главное управление по борьбе с коррупцией при Генеральном прокуроре, являющееся специализированным органом прокуратуры, правом рассматривать сведения о фактах коррупционных нарушений, осуществлять предварительное расследование и ОРД по связанным с коррупцией преступлениям, обобщать состояние борьбы с коррупцией, осуществлять правовое просвещение и профилактику правонарушений в этой сфере и др.

Как показали результаты изучения законодательства о прокуратуре государств СНГ, как правило, законы закрепляют полномочия прокуроров по надзору за исполнением законов и координации деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией, но не право на инициирование гражданско-правовой ответственности виновных лиц. В связи с этим обратимся к специальному законодательству в сфере противодействия коррупции.

Модельный закон «О противодействии коррупции» от 25.11.2008 года [15] в ч. 1 ст. 9 включает прокуратуру в число субъектов противодействия коррупции, определяет акт реагирования – представление прокурора о необходимости устранения причин и условий совершения коррупционных правонарушений (ст. 11). В соответствии со ст. 15 Модельного закона Генеральная прокуратура (прокуратура) государства организует противодействие коррупции, в связи с чем осуществляет сбор и анализ информации; координирует деятельность государственных органов; надзирает за исполнением законов руководителями государственных органов, органов местного самоуправления в сфере противодействия коррупции, привлекает виновных к ответственности, установленной законодательством и др. Надзор за исполнением законов и других нормативных актов о противодействии коррупции осуществляет генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры в соответствии с законодательством государства (ст. 24).

В настоящее время полномочия прокуратур государств-участников СНГ в сфере противодействия коррупции определены различно, но возможно условно разделить все государства на две группы.

В государствах первой группы прокуратура наделена полномочиями по осуществлению надзора за исполнением законов о противодействии коррупции (Республики Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан).

Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» [16] в ст. 6 устанавливает, что органы прокуратуры осуществляют борьбу с коррупцией.

Статья 7 определяет Генеральную прокуратуру в качестве организатора борьбы с коррупцией, наделяет правом аккумулировать информацию о фактах коррупции; анализировать эффективность применяемых мер по противодействию коррупции; координировать правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией; надзирать за исполнением руководителями государственных органов и иных организаций требований законодательства в сфере борьбы с коррупцией и в случае выявления правонарушений принимать меры по привлечению лиц, их совершивших, к установленной законом ответственности; готовить предложения по совершенствованию правового регулирования борьбы с коррупцией и др.

Надзор за точным и единообразным исполнением законодательства в сфере борьбы с коррупцией осуществляют Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры (ст. 45 Закона).

В органах прокуратуры Республики Беларусь и иных правоохранительных органах создаются специальные подразделения по борьбе с коррупцией, которые с санкции прокурора вправе приостанавливать полностью или частично на срок до десяти суток финансовые операции физических и юридических лиц, ограничивать их в праве распоряжения имуществом на такой же срок, если имеются достаточные основания полагать, что денежные средства и (или) иное имущество получены от лиц, причастных к совершению коррупционных правонарушений. В силу требований ст. 12 Закона в Генеральной прокуратуре ведутся единые банки данных о состоянии борьбы с коррупцией, которые формируются на основании информации, представляемой органами прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности.

Подобными полномочиями Закон Кыргызской Республики от 08.12.2012 № 153 «О противодействии коррупции» наделяет Генерального прокурора республики и уполномоченных им прокуроров: координировать деятельность правоохранительных, фискальных и других государственных органов, органов государственного управления и местного самоуправления по вопросам борьбы с коррупцией, осуществлять сбор и анализ информации о состоянии коррупции в системе государственного управления и местного самоуправления, оценивать эффективность принимаемых мер, степень исходящих от коррупции угроз национальной безопасности, в случае необходимости вносить соответствующие предложения на рассмотрение секретариата Совета безопасности Кыргызской Республики, а также осуществлять иные полномочия (п. 4 ст. 6) [17].

Закон Республики Казахстан от 18.11.2015 № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции» [18] в ч. 2 ст. 22 определил, что выявление, пресечение, раскрытие, расследование и предупреждение коррупционных правонарушений и привлечение виновных лиц к ответственности в пределах компетенции осуществляется органами прокуратуры.

Закон Республики Таджикистан от 25.07.2005 № 53 «О борьбе с коррупцией» [19] в ч.ч. 1, 2 ст. 5 определил, что органы прокуратуры в пределах компетенции осуществляют борьбу с коррупцией и координацию противодействия ей.

Закон Республики Туркменистан «О противодействии коррупции» от 01.03.2014 [20] в ч. 2 ст. 7 наделил прокуратуру полномочиями по противодействию коррупции в части предупреждения, выявления и пресечения правонарушений, связанных с коррупцией, и привлечения к ответственности лиц, виновных в их совершении. В соответствии с ч. 4 ст. 7 Закона Генеральный прокурор и подчинённые ему прокуроры в пределах своих полномочий координируют деятельность органов по борьбе с коррупцией и др.

Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» от 03.01.2017 № ЗРУ-419 [21] в ст. 9 установил следующие полномочия Генеральной прокуратуры: в пределах своих полномочий участие в разработке и реализации государственных и иных программ в области противодействия коррупции; осуществление надзора за точным и единообразным исполнением законодательства о противодействии коррупции; координация деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, дознание, предварительное следствие, а также профилактику правонарушений в области противодействия коррупции; осуществление предварительного следствия по коррупционным преступлениям; осуществление сбора и анализа информации о состоянии коррупции и результатах противодействия ей; рассмотрение обращений по фактам коррупции и восстановление нарушенных прав и законных интересов; участие в законотворческой деятельности в области противодействия коррупции; участие в правовой пропаганде; взаимодействие с другими органами и организациями, осуществляющими и участвующими в деятельности по противодействию коррупции; осуществление международного сотрудничества и др.

Государства второй группы не наделили прокуратуру полномочиями осуществлять надзор за исполнением законов о противодействии коррупции (Республики Армения, Азербайджан, Молдова). Так, Закон Республики Молдова от 25.04.2008 № 90-XVI «О предупреждении коррупции и борьбе с ней» [22] в ст.ст. 13, 14 предусматривает, что прокуратура наделяется определенными полномочиями в сфере противодействия коррупции, но не указывает их.

Поэтому и вопросы возможности инициирования прокурором привлечения к гражданско-правовой ответственности виновных должностных лиц также решаются неоднозначно.

Модельный закон «О противодействии коррупции» не устанавливает право прокуроров направлять в суд заявлениями об обращении в доход государства активов, полученных в результате коррупционного деяния.

В Республике Армения нормативную основу противодействия проявлениям коррупции составляют отдельные законы и правительственные программы, которые не устанавливают такого вида ответственности как обращение имущества в доход государства и соответствующего права прокурора на обращение в суд.

На основании частей 1, 2 ст. 25 Закона Республики Казахстан от 18.11.2015 № 410-V ЗРК «О противодействии коррупции» в случае отказа лица добровольно передать незаконно полученные активы или стоимость услуг, полученных за коррупционные правонарушения, прокурор направляет в суд иск об обращении

незаконно полученного имущества и (или) взыскании стоимости незаконно полученных услуг в доход государства.

Закон Кыргызской Республики от 08.12.2012 № 153 «О противодействии коррупции» не предусматривает гражданско-правовой ответственности в виде обращения имущества, приобретенного на не подтверждённые доходы, в доход государства и не наделяет прокурора полномочиями по инициированию такой ответственности. С 1 октября 2017 г. вступает в силу Закон Кыргызской Республики «О декларировании доходов, расходов, обязательств и имущества лиц, замещающих или занимающих государственные должности» [23], который обязывает лиц, замещающих или занимающих государственные или муниципальные должности указывать в декларации не только сведения о доходах, но и расходах, которыми считаются сделка по приобретению указанными лицами права собственности или иного права на имущество, перечисленное в ч. 1 ст. 3 Закона, если его стоимость превышает 3000-кратный размер расчетного показателя, установленного законодательством республики, а также источники получения средств, за счет которых совершена указанная сделка. Согласно ст. 9 данного Закона в случае наличия в представленной декларации неполных и/или недостоверных сведений орган налоговой службы публикует информацию об этих лицах в средствах массовой информации и направляет соответствующие материалы в органы прокуратуры. При этом в отличие от российского законодательства гражданско-правовая ответственность за такие правонарушения не предусмотрена, какие-либо особые полномочия по реализации материалов органами прокуратуры не установлены. Представляется, что, получив информацию от органов налоговой службы при наличии основания (информации, свидетельствующей о факте незаконного обогащения – приобретении должностным лицом в собственность (пользование) имущества, стоимость которого превышает его официальные доходы, подтвержденные законными источниками за два полных года, или передаче им такого имущества близким родственникам) может возбудить уголовное дело по ст. 323 УК Кыргызской Республики, поскольку Закон Кыргызской Республики о прокуратуре наделяет прокурора полномочием по возбуждению уголовного преследования должностных лиц государственных органов (п. 6 ч. 1 ст. 3).

Законы Таджикистана от 25.07.2005 № 53 «О борьбе с коррупцией» в ст. 15, Туркменистана «О противодействии коррупции» от 01.03.2014 в ч. 1 ст. 21, Азербайджана «О борьбе с коррупцией» от 13.01.2004 № 580 [24] в ст. 12 – в числе мер ответственности устанавливают обращение имущества в доход государства, но не закрепляют право прокурора инициировать в судебном порядке обращение имущества, нажитого незаконным образом в доход государства.

Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» от 03.01.2017 № ЗРУ-419 не устанавливает правил в части обращения имущества в доход государства; не закрепляет права прокурора обращаться в суд с иском.

Закон Республики Молдова от 25.04.2008 № 90-XVI «О предупреждении коррупции и борьбе с ней» устанавливает уголовную, административную, дисциплинарную ответственность за совершение коррупционных правонарушений (ст.ст. 16, 17), но не гражданско-правовую ответственность в виде обращения имущества полученного незаконно (его стоимости) в доход государства.

Закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-З «О борьбе с коррупцией» в ст. 36 регламентирует порядок изъятия незаконно полученного

имущества следующим образом. Уполномоченные органы и лица, в которые (которым) сотрудники, обязанные декларировать свои доходы, и члены их семей, представляют декларации о доходах и имуществе, а также налоговые органы осуществляют проверку соответствия стоимости имущества, иных понесенных расходов доходам, заявленным указанными лицами в декларациях о доходах и имуществе и сведениях (пояснениях) об источниках и размерах доходов, за счет которых приобретено такое имущество и понесены иные расходы.

В случаях установления явного превышения стоимости имущества и иных расходов над доходами, полученными из законных источников, не менее чем на 25% законных доходов, имущество и иные расходы на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, безвозмездно изымаются (взыскиваются) или взыскивается стоимость такого имущества в доход государства на основании решения суда по иску прокурора.

В случае, если имуществом, подлежащим безвозмездному изъятию в порядке, предусмотренном настоящей статьей, является единственное жилое помещение и при этом у лица, указанного в ч. 1 настоящей статьи, отсутствует иное имущество, которое может быть безвозмездно изъято, органы прокуратуры обращаются в суд с иском о взыскании суммы, на которую стоимость имущества явно превышает доходы, полученные из законных источников.

Статья 40 Закона предусматривает изъятие (взыскание) незаконно полученного имущества (денежные средства, подарки) или стоимости незаконно полученных работ, услуг государственным должностным лицом, приравненным к нему лицом и членами их семей в добровольном порядке в пользу государства. В случае отказа, при отсутствии признаков преступления, это имущество или стоимость работ, услуг подлежат взысканию в доход государства на основании решения суда по иску государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией. Представляется, что органы прокуратуры на основании ст. 7 Закона вправе обратиться с такими исками в суд.

В Республике Армения нормативную основу противодействия коррупции составляют отдельные законы и правительственные программы, которые не устанавливают такого вида ответственности как обращение имущества в доход государства.

Гражданское законодательство стран СНГ решает вопросы прекращения права собственности на незаконно полученное имущество (денежные средства) следующим образом.

Гражданские кодексы Казахстана от 27.12.1994 № 268-XIII [25], Узбекистана от 21.12.1995 № 163-I [26] не указывают прокурора в качестве субъекта обращения в суд с заявлением об изъятии имущества служащего в доход государства.

Гражданский кодекс Таджикистана от 30.06.1999 [27] предусматривает возможность обращения взыскания на имущество, но не указывает прокурора как субъекта, наделенного правом обращения в суд.

Гражданские кодексы Туркменистана от 17.07.1998 №294-I [28] и Кыргызской Республики [29] не содержат правил, регулирующих обращение имущества в доход государства.

Гражданские кодексы Молдовы от 06.06.2002 №1107-XV [30], Азербайджана от 28.12.1999 [31] не оговаривают основания и порядок обращения имущества в доход государства при совершении коррупционных правонарушений.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

- ответственность в виде обращения взыскания на имущество установлена в Республиках Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан (но прокуроры не наделены полномочиями по инициированию привлечения к ответственности);

- в Республиках Кыргызстан, Молдова, Узбекистан законы о противодействии коррупции не устанавливают гражданско-правовой ответственности за коррупционные деяния;

- наибольшим объемом полномочий по инициированию гражданско-правовой ответственности виновных в коррупционных правонарушениях наделены прокуратуры Республик Беларусь, Казахстан, Россия, они вправе обращаться в суд с заявлениями в интересах государства;

- представляется необходимым предложить введение гражданско-правовой ответственности как наиболее эффективной меры ответственности за коррупционные правонарушения в тех странах СНГ, которые в настоящее время ее не ввели, а также принять дополнительные меры по совершенствованию такого вида ответственности в Российской Федерации и Республике Беларусь путем точного и единообразного закрепления в законодательстве оснований ответственности и процедуры контроля за расходами служащих.

Список использованных источников

1. Лашин, А. Прокуратура участвует во всех составляющих противодействия коррупции / А. Лашин // Законность и правопорядок. – 2017. – № 1. – С. 6–12.
2. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Федер. закон, 3 дек. 2012 г., № 230-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.
3. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2017 г. // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.
4. По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 нояб. 2016 г., № 26-П // КонсультантПлюс. Россия [Электронный ресурс] / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.
5. О прокуратуре: Модельный закон [Электронный ресурс] : [принят в Санкт-Петербурге 16 нояб. 2006 г. Постановлением 27-6 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ] // Официальный сайт Межпарламентской ассамблеи СНГ. – Режим доступа: http://iacis.ru/upload/iblock/c45/196.pdf. – Дата доступа: 05.09.2017.
6. О прокуратуре: Закон Республики Казахстан от 30 июня 2017 г., № 81-VI // ИС Параграф. – Режим доступа: http:///online.zakon.kz. – Дата доступа: 01.09.2017.
7. О прокуратуре Туркменистана [Электронный ресурс]: Закон Республики Туркменистан от 15 авг. 2009 г. №50-IV // БД «Законодательство стран СНГ» 2003–2017. Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=28820. – Дата доступа: 05.09.2017.
8. О прокуратуре [Электронный ресурс]: Закон Республики Узбекистан от 9 дек. 1992 г. №746-XII // БД «Законодательство стран СНГ» 2003–2017. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1005. – Дата доступа: 01.09.2017.

9. О прокуратуре [Электронный ресурс]: Закон Республики Армения от 29.03.2007 г., №ЗР-126 // БД «Законодательство стран СНГ» 2003–2017. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=31176. – Дата доступа: 01.09.2017.

10. О прокуратуре Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: Закон Республики Кыргызстан от 17 июля 2009 г., №224 // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202597. – Дата доступа: 01.09.2017.

11. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 08 мая 2007 г., №220-З // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text&regnum=H11500305#load_text_none_1. – Дата доступа: 01.09.2017.

12. Об органах прокуратуры Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: Конституционный Закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 г., №107 // БД «Законодательство стран СНГ» 2003-2017. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=9039. – Дата доступа: 05.09.2017.

13. О Прокуратуре [Электронный ресурс]: Закон Республики Молдова от 25 фев. 2016 г., № 3 // БД «Законодательство стран СНГ» 2003-2017. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=84224#A000000118. – Дата доступа: 01.09.2017.

14. О прокуратуре [Электронный ресурс]: Закон Азербайджанской Республики от 07.12.1999 №767-IQ // БД «Законодательство стран СНГ» 2003-2017. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2800. – Дата доступа: 05.09.2017.

15. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: Модельный закон принят в Санкт-Петербурге 25.11.2008 Постановлением 31-20 на 31-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Официальный сайт Межпарламентской ассамблеи СНГ. Режим доступа: http://iacis.ru/activities/documents/?NAME=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80&search_docs=%D0%BD%D0%B0%D0%B9%D1%82%D0%B8&category=&type_of_document=&document_type=&cis_documents_adopted=&document_entered_by=&date_fld=&date_fld_finish. – Дата доступа: 05.09.2017.

16. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г., № 305-З // Сайт Национального центра правовой информации Республики Беларусь. Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text&regnum=H11500305#load_text_none_1. – Дата доступа: 05.09.2017.

17. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: Закон Кыргызской Республики от 8 дек. 2012 г., №153 // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. – Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203753. – Дата доступа: 05.09.2017.

18. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: Закон Республики Казахстан от 18 нояб. 2015 г., № 410-V ЗРК // Республиканский центр правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан. Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000410#z127. – Дата доступа: 05.09.2017.

19. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: Закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 г., № 53. – Режим доступа: http://medt.tj/documents/main/normativno-pravovie-akti/zakonodatelnie-akti/ru/02501-ru.pdf. – Дата доступа: 30.08.2017.

20. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: Закон Республики Туркменистан от 1 мар. 2014 г. // Сайт «Новости Туркменистана». – Режим доступа: http://infoabad.com/zakonodatelstvo-turkmenistana/zakon-turkmenistana-o-protivodeistvi-korupci.html. – Дата доступа: 01.09.2017.

21. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: Закон Республики Узбекистан от 3 янв. 2017 г., № ЗРУ-419 // Национальное информационное агентство Узбекистана. – Режим доступа: http://www.uza.uz/ru/laws/new-laws/zakn-rpubliki-uzbekistan-04-01-2017. – Дата доступа 01.09.2017.

22. О предупреждении коррупции и борьбе с ней [Электронный ресурс]: Закон Республики Молдова от 25.04.2008, №90-XVI // БД «Законодательство стран СНГ» 2003-2017. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=23553. – Дата доступа: 05.09.2017.

23. О декларировании доходов, расходов, обязательств и имущества лиц, замещающих или занимающих государственные должности [Электронный ресурс]: Закон Кыргызской Республики // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg. – Дата доступа 01.09.2017.

24. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс]: Закон Республики Азербайджан от 13 янв. 2004 г., № 580 // Сайт Азербайджанского государственного информационного агентства. – Режим доступа: http://azertag.az/ru/xeber/zakon_azerbaidzhanskoi_respubliki_o_borbe_s_korrupciei-625854. – Дата доступа: 29.08.2017.

25. Гражданский кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: 27 дек. 1994, № 268-XIII // БД «Законодательство стран СНГ» 2003-2017. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/spisdoc.fwx. – Дата доступа: 01.09.2017.

26. Гражданский кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: 21 дек. 1995 г., №163-I // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – Режим доступа: http://www.lex.uz/. – Дата досутпа: 05.09.2017.

27. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть первая) [Электронный ресурс]: от 30 июня 1999 г. // Сайт Министерства экономического развития и торговли Республики Таджикистан. – Режим доступа: http://medt.tj/ru/laws/zakonodatelnye-akty. – Дата доступа: 01.09.2017.

28. Гражданский кодекс Туркменистана [Электронный ресурс]: 17 июня 1998 г., №294-I // БД «Законодательство стран СНГ» 2003-2017. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2363. – Дата доступа: 01.09.2017.

29. Гражданский кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. – Режим доступа. – http://cbd.minjust.gov.kg. – Дата доступа: 01.09.2017.

30. Гражданский кодекс Республик Молдова [Электронный ресурс]: 6 июня 2002 г., №1107-XV // БД «Законодательство стран СНГ» 2003–2017. – Режим доступа. https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3244. – Дата доступа: 05.9.2017).

31. Гражданский кодекс Азербайджан [Электронный ресурс]: 28 дек. 1999 г. // БД «Законодательство стран СНГ» 2003–2017. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2577. – Дата доступа: 04.09.2017.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В статье представлены результаты изучения законодательства стран СНГ, регламентирующего полномочия прокурора в сфере противодействия коррупции, в частности обращения имущества, в отношении которого не представлено сведений о приобретении его на законные доходы, в доход государства, и предусматривающего порядок применения данного правомочия прокурора. Проведено сравнение регламентации полномочий прокурора в сфере противодействия коррупции в законах о прокуратуре, о противодействии коррупции, а также в гражданском законодательстве и Модельных законах СНГ. В основу методологии исследования положены общие и специальные методы: диалектический, сравнительно-правовой, метод анализа и другие, используемые в юридических науках. По результатам исследования сформулирован

вывод о том, что законодательство стран СНГ нуждается в совершенствовании: требуется уточнение оснований применения такой меры гражданско-правовой ответственности и четкое закрепление полномочий прокурора по ее инициированию.

The article presents the results of a study of legislation of the CIS countries which regulates the powers of the Prosecutor in combating corruption, in particular on the reclamation to the income of state of illegal property and providing for the procedure for the application of these powers of the Prosecutor. Comparison of regulating the powers of the Prosecutor in the sphere of counteraction to corruption in laws of the CIS has been made. The research methodology is based on general and specific methods: dialectic, comparative law, analysis method and others used in legal sciences. The study concludes that laws of CIS countries needs to be improved: clarification of the grounds for the application of such measures of civil liability is required.

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ ЗАКОННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Дытченко Г.В.

Обеспечение законности в оперативно-розыскной деятельности *(далее – ОРД)* на постсоветском пространстве выражается в деятельности суверенных государств, бывших республик СССР, как правило, путем осуществления различных видов контроля и прокурорского надзора. При этом следует отметить, что участие прокуратуры в обеспечении законности ОРД может осуществляться не только посредством прокурорского надзора, но и путем осуществления прокурором уголовного преследования и координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Степень такого участия во многом зависит от правовой системы конкретного государства и преобладания в ней тех или иных правоохранительных и правозащитных институтов. Следует признать, что страны СНГ и отдельные государства – бывшие союзные республики СССР унаследовали от Советского Союза характерные черты континентальной правовой системы, в которой основным способом обеспечения органами прокуратуры законности ОРД является прокурорский надзор.

Проблемы повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в ОРД обусловлены рядом причин, в числе которых следует назвать сравнительно недолгий исторический период существования этой надзорной отрасли и связанное с этим незначительное количество научных изысканий и обобщений правоприменительной практики. В этой связи особый интерес представляют результаты развития прокурорско-надзорного права, полученные в один исторический период в разных государствах, которые объединяет общее историческое прошлое и общие современные процессы развития, а также территориальная близость, что позволяет применить к ним всем обобщающий термин – постсоветское пространство.

Основы правового порядка обеспечения законности ОРД на территории стран СНГ определены Модельным законом «Об оперативно-розыскной

деятельности», принятом на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление № 27-6 от 16.11.2006). Положения названного Модельного закона носят *рекомендательный* характер для формирования соответствующего национального законодательства, поэтому не все его нормы скопированы российским Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Положение прокурора в указанном Модельном законе определяется статьями 5, 7, 8, 9, 11, 17, 20. Обобщение закрепленных в указанных статьях норм позволяет констатировать наличие у прокурора следующих полномочий:

требовать предоставления материалов, касающихся оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий *(далее – ОРМ)*, за исключением данных о конфидентах;

рассматривать материалы об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ и разрешать (санкционировать) их проведение;

давать органам, осуществляющим ОРД, обязательные к исполнению письменные поручения о проведении ОРМ по уголовным делам, находящимся у него в производстве;

получать результаты ОРД по уголовным делам, находящимся у него в производстве, и использовать их в доказывании в соответствии с положениями национального процессуального законодательства;

при нарушении органом (должностным лицом), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, прав и законных интересов физических и юридических лиц прокурор в соответствии с национальным законодательством обязан принять меры по восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда.

При этом органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается использовать конфиденциальное содействие прокуроров по контракту.

Исследование соответствующего национального законодательства стран СНГ приводит к выводу о том, что ими в разной степени были учтены положения данного Модельного закона при сохранении в целом руководящей роли прокурора в борьбе с преступностью. При этом российское законодательство пошло по пути наибольшего сокращения полномочий прокурора, лишив его возможности эффективно воздействовать на оперативно-розыскные органы. Например, полномочия прокуроров в Республике Казахстан по надзору за исполнением законов в ОРД являются шире полномочий прокуроров в России. В соответствии с пунктами 5 и 10 ст. 35 Закона Республики Казахстан от 21.12.1995 № 2709 «О прокуратуре», осуществляя надзор за законностью ОРД и негласных следственных действий, прокурор: *прекращает* своим постановлением ОРМ и негласные следственные действия в случае выявления нарушений закона, прав человека и гражданина при осуществлении ОРД и негласных следственных действий; в случаях, установленных законодательством, *даёт санкцию* на проведение ОРМ и негласных следственных действий.

Таким образом, в отличие от прокурора в Российской Федерации, прокурор в Республике Казахстан не только надзирает за исполнением законов в ОРД, но и в определенной степени участвует в ней. Это участие выражается в праве прокурора *непосредственно*, то есть без задействования полномочий ведомственного

руководства оперативно-розыскных органов, влиять на принятие соответствующих решений о производстве, продолжении или прекращении ОРМ.

В правовой модели Республики Беларусь так же, как и в рассмотренной выше правовой модели Республики Казахстан, имеются полномочия прокурора по даче санкций на проведение ОРМ и продлению сроков их проведения, что предусмотрено ч. 1 ст. 29 Закона Республики Беларусь от 8.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь». Кроме того, *полномочие прокурора санкционировать ОРМ*, которые связаны с наведением справок о сведениях, составляющих банковскую, врачебную, коммерческую и иную охраняемую законом тайну, либо ограничивают основные права и свободы граждан на неприкосновенность частной жизни, жилища и т.п., закреплено в ст. ст. 19, 43 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности».

Сопоставляя рассматриваемые модели обеспечения законности ОРД, следует согласиться с мнением О.А. Кожевникова о целесообразности использования в России опыта республик Беларусь и Казахстан. [1, с. 109-114]. Ранее мы отмечали преимущества, имеющиеся в этой сфере у прокуроров ряда стран СНГ. Наличие у них, наряду с опосредованными, *непосредственных* способов воздействия на оперативно-розыскные органы, бесспорно, выигрывает по сравнению с российской правовой моделью. При непосредственном воздействии прокурора на оперативно-розыскные органы законность в ОРД восстанавливается оперативно, без бюрократических проволочек и с меньшей резистентностью со стороны соответствующих должностных лиц [2, с. 103–108].

При этом особый интерес представляет правовая природа полномочия прокурора по санкционированию ОРМ, поскольку она определяет концептуальное видение роли и значения прокурора в правовом механизме осуществления ОРД, а, следовательно, и в правовом механизме обеспечения её законности.

Развивая понятие прокурорского санкционирования в ОРД, мы допускаем аналогию определения этого понятия с его определением в уголовном процессе, поскольку оба этих вида правоохранительной деятельности объединены общей целью борьбы с преступностью и наличием общих тенденций развития этих институтов в различных правовых системах. При этом санкционирование в уголовном судопроизводстве определяют как регламентированную нормами уголовно-процессуального закона индивидуально-определенную правоприменительную деятельность начальника органа дознания, руководителя следственного органа, прокурора и суда (судьи) по даче обязательных для исполнения разрешений (санкций) на производство определенных следственных и иных процессуальных действий и применение мер процессуального принуждения, влекущих ограничение прав участников процесса, возложение на них определенных обязанностей, а в ряде случаев – возникновение у них новых прав, а также связанных с движением уголовного дела [3, с. 16].

В этой связи, проводя определенные аналогии между прокурорским и судебным санкционированием, мы полагаем, что правовой институт прокурорского санкционирования, так же как и правовой институт судебного санкционирования является *межотраслевым*, т.к. состоит не только из норм уголовно-процессуального права, но и из конституционно-правовых норм, а также норм, закрепленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и т.д. [3, с. 29]. Из указанных определений понятия санкционирования также следует,

что прокурорское санкционирование проведения отдельных ОРМ в правовом понимании имеет смешанную (межотраслевую) *процессуально-надзорную природу*, поскольку всегда связано с процессом осуществления определенной деятельности.

Данный вывод может быть обоснован следующими суждениями:

если считать, что санкционирование прокурором ОРМ имеет исключительно процессуальную природу и является частью оперативно-розыскного процесса, то прокурора следовало бы признать субъектом осуществления ОРД, однако, указанный вывод вступает в противоречие с национальным законодательством государств СНГ, не включивших органы прокуратуры в число органов, уполномоченных осуществлять ОРД;

если же предположить, что санкционирование прокурором ОРМ имеет исключительно надзорный характер и определяется только правовой природой прокурорско-надзорных правоотношений, то такой вывод вступает в противоречие с самой сущностью санкционирования. Поскольку любая деятельность состоит из совокупности соответствующих решений и действий, постольку и осуществление этих решений и действий составляет процесс деятельности. Если рассматривать дачу санкции на проведение ОРМ как составную часть принятия решения, то полномочие прокурора санкционировать ОРМ следует признать полномочием по осуществлению ОРД на определенном ее этапе или в определенной ее части, то есть *в процессе* её осуществления.

В контексте приведенных суждений следует отметить, что само по себе принятие решения об осуществлении какой-либо деятельности всегда носит *организационно-распорядительный характер* и не может быть искусственно оторвано от понятия осуществления деятельности, поскольку и лиц принимающих решение, и исполнителей этих решений всегда объединяет ответственность за последствия, наступающие в результате решений, реализованных в действиях. Поэтому мы разделяем мнение о неразрывном единстве правовых, содержательных (целенаправленность, анализ, оценка, определение путей и способов достижения цели), а так же организационных свойств управленческих решений в ОРД [4, с. 62–64].

Вместе с тем, в рамках указанной правовой модели обеспечения прокурором законности ОРД существует вполне конкретный запрет на вмешательство в организационно-распорядительную деятельность оперативно-розыскных органов. Исключение составляют случаи, когда такое вмешательство необходимо для защиты прав и законных интересов граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, а также организаций, общественных и государственных интересов [5, с. 33–34].

Таким образом, сложность и противоречивость рассматриваемой правовой конструкции заключается в том, что прокурор, не будучи уполномоченным на осуществление ОРД, обладает правом на участие в реализации отдельных элементов процесса её осуществления.

При этом не только *санкционирование*, но и *инициирование* проведения тех или иных ОРМ, например, в форме соответствующего *предписания* прокурора, имеет организационно-распорядительный характер, что позволяет существенно повысить степень влияния прокурора на исполнителей – должностных лиц оперативно-розыскных органов и тем самым повысить эффективность своей деятельности по обеспечению законности ОРД. Примечательно, что такое влияние по санкционированию или инициированию ОРМ уже нельзя назвать в чистом виде

надзорным, поскольку происходит прокурорское «проникновение» в оперативно-розыскной процесс и участие прокурора в принятии соответствующих решений, в связи с чем это влияние носит процессуально-надзорный характер. Предписание как обязательный для исполнения акт прокурорского надзора используется в правовых системах республик Беларусь, Казахстан, Таджикистан и Туркменистан (ст. 41 Закона Республики Беларусь от 8.05.2007 № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»; ст. 24 Закона Республики Казахстан от 21.12.1995 № 2709 «О прокуратуре»; ст. 23 Конституционного закона Республики Таджикистан от 25.07.2005 № 107 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан»; ст. 32 Закона Республики Туркменистан от 21.11.2015 № 305-V «О прокуратуре Туркменистана»). Предписание в данном случае выносится прокурором или его заместителем в случае нарушения законодательства, которое носит явный характер и может причинить существенный вред правам и законным интересам граждан, общественным и государственным интересам, если оно не будет немедленно устранено. Оперативный характер воздействия на оперативно-розыскные органы также имеют *письменные указания* прокурора о проведении ОРМ, которые используются в республиках Беларусь (ст. 29), Казахстан (ст. 22) и Туркменистан (ст. 40).

Считаем, что основным условием инициирования прокурором ОРД следует признать наличие угрозы жизненно-важным интересам личности, общества и государства.

В законодательстве других стран СНГ и Балтии прослеживается тенденция возложить на прокуратуру обязанности основного органа уголовного преследования, лишив ее, по существу, надзорных функций. При этом в большинстве соответствующих законов стран СНГ и Балтии акцент делается на процессуальном аспекте ОРД [6, с. 518–521], что, по-нашему мнению, является рациональным и объединяет в себе два основания. Во-первых, желание законодателя регламентировать процедуру осуществления как ОРМ, так и ОРД в целом для обеспечения возможности оценки ее законности. Во-вторых, тесная связь ОРД с уголовным судопроизводством, обусловленная общей целью борьбы с преступностью, приводит к необходимости включения в уголовно-процессуальные кодексы этих стран правовых норм, которые либо регламентируют отдельные оперативно-розыскные аспекты, либо корреспондируют соответствующим нормам в законах об ОРД. В этой связи прокурор, как руководитель или активный участник уголовного преследования, в той или иной степени вовлекается и в осуществление ОРД.

В контексте нашего исследования представляют интерес выводы В.И. Зарубина о том, что более половины стран, ранее входивших в состав СССР, в той или иной форме закрепили за прокуратурой функцию координации деятельности по борьбе с преступностью. Отсутствие координационной функции прокуратуры в таких государствах, как Латвия, Эстония, Республика Армения, Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика, Туркменистан, В.И. Зарубин *объясняет значительными в этих странах полномочиями прокурора по руководству в сфере уголовного преследования и надзора за органами следствия.* Хотя следует отметить, что эти полномочия у прокурора значительны и в тех странах, где функция координации у прокуратуры есть [7, с. 21–26].

Полагаем, что полностью компенсировать отсутствие достаточных полномочий по надзору за исполнением законов в ОРД или при осуществлении

предварительного следствия посредством вменения функции координации невозможно. Осуществляемая прокуратурой функция координации правоохранительной деятельности не используется при раскрытии и расследовании каждого преступления в отдельности, поскольку она является более общим организационно-правовым инструментом, предназначенным повысить эффективность борьбы с преступностью посредством улучшения взаимодействия правоохранительных органов, в то время как цель надзорного воздействия – обеспечение законности определенного вида правоохранительной деятельности. Вместе с тем, мы разделяем мнение о возможности использования полномочий прокурора по руководству уголовным преследованием на досудебных стадиях и по координации правоохранительной деятельности в качестве своеобразных дополнительных правовых средств обеспечения законности ОРД.

В качестве убедительного аргумента полезности такого сочетания полномочий можно привести правовые модели западных государств со сходной, то есть континентальной правовой системой. В ФРГ, где прокуратуру называют «хозяйкой расследования» (§§ 161, Абз. 1, 163, 100a, 100c УПК ФРГ), а также в Испании, Италии и Франции прокурор, являясь руководителем уголовного преследования, осуществляемого полицейскими органами, вправе давать им указания о проведении негласных мероприятий либо санкционировать их проведение [8; 9, с. 192-193, с. 352; 10, с. 167–179; 11, с. 121–123].

Конечно же, нельзя признать бесспорной позицию, в соответствии с которой достижение целей одного вида деятельности (прокурорский надзор за исполнением законов в ОРД) осуществляется посредством осуществления другого (руководство уголовным преследованием или координация правоохранительной деятельности). В то же время следует согласиться с тем, что перечисленные виды деятельности способствуют друг другу в достижении соответствующих целей, в том числе и в обеспечении законности ОРД, что свидетельствует о необходимости установления оптимального соотношения полномочий прокурора во всех указанных сферах.

Список использованных источников

1. Кожевников, О. А. О направлениях деятельности прокуратуры / О. А. Кожевников // Российский юридический журнал. – Екатеринбург. – 2016. – № 1 (106). – С. 109–114.

2. Никитин, Е. Л. Эффективность и своевременность прокурорского реагирования на нарушения оперативно-розыскного законодательства / Е. Л. Никитин, Г. В. Дытченко // КриминалистЪ. – 2012. – № 1 (10). – С. 103–108.

3. Адильшаев, Э. А. Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России: монография / Э. А. Адильшаев, И. В. Жеребятьев, А. А. Шамардин. – ООО ИПК «Университет», 2013. – 277 с.

4. Бабичев, Д. А. К дискуссии о механизме принятия решений о проведении негласных следственных (розыскных) действий / Д. А. Бабичев // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. – ООО «Максимал информационные технологии». – Липецк. – 2013. – № 2. – С. 62–64.

5. Хлус, А. М. Основы оперативно-розыскной деятельности: ответы на экзаменационные вопросы / А. М. Хлус, И. И. Бранчель. – Минск: ТетраСистемс, 2012. – 144 с.

6. Можаров, А. В. К вопросу о сущности и научном определении термина "оперативно-розыскная деятельность": Военное право в XXI веке / А. В. Можаров // Российский военно-правовой сборник № 9: Военное право в XXI веке. Серия "Право

в Вооруженных Силах – консультант". – М.: За права военнослужащих, 2007. – Вып. 73. – С. 518–521.

7. Зарубин, В. И. Нормативное регулирование координационной деятельности по борьбе с преступностью на постсоветском пространстве / В. И. Зарубин // Законность. – М. 2013. – № 9. – С. 21–26.

8. Официальный сайт Генеральной прокуратуры ФРГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.generalbundesanwalt.de/de/legal.php. – Дата доступа: 10.07.2017.

9. Смирнов, М.П. Комментарии законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и за рубежом: Учебное пособие (постатейный) (5-е издание, расширенное и переработанное) // КонсультантПлюс, [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс", 2012. – 436 с. – Дата доступа: 10.07.2017.

10. Касаткина, А. А. Централизованная (континентальная) модель обеспечения внутренней безопасности государства: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.14 / А. А. Касаткина. – М., 2013. – 219 л.

11. Конституции государств Европы: в 3-х т. / Под общ. ред.: Л. А. Окуньков. – М.: Норма, 2001. – Т. 2. – 840 с.

Дата поступления статьи – 21.07.2017.

В статье на основе сравнения действующего законодательства ряда государств – бывших республик СССР, проводится анализ существующих правовых моделей участия прокурора в обеспечении законности оперативно-розыскной деятельности. Существующие правовые конструкции признаются противоречивыми, поскольку компетенция прокурора определена в них неоднозначно – не обладая правом на осуществление оперативно-розыскной деятельности, прокурор участвует в реализации отдельных элементов процесса её осуществления. В результате исследования правовой природы полномочий прокурора по санкционированию и инициированию оперативно-розыскных мероприятий сделан вывод о фактическом участии прокурора в оперативно-розыскном процессе и необходимости уточнения при этом его процессуального статуса. Для обеспечения законности оперативно-розыскной деятельности признается необходимым установление оптимального соотношения надзорных полномочий прокурора с полномочиями по руководству уголовным преследованием и осуществлению координации правоохранительной деятельности.

Abstract. In article on the basis of a comparison of the current legislation of the several States of the former Soviet republics, the analysis of existing legal models of participation of the Prosecutor in ensuring the legality of operational-search activities. Existing legal structures are recognized as controversial, as the competence of the Prosecutor identified them ambiguous – not having the right to carry out operational-search activities, the Prosecutor participates in the implementation of individual elements of the process of its implementation. The study of the legal nature of powers of attorney authorizing and initiating operatively-search actions concluded on the actual participation of the Prosecutor in the operational-search process and the need for clarification in this case of its procedural status. To ensure the legality of operational-search activity is necessary to establish the optimum ratio of the oversight powers of the Prosecutor with authority to direct criminal prosecution and coordination with law enforcement activities.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Залужный А.Г., Бойко П.А.

В современных условиях стратегический курс Российской Федерации в сфере укрепления международной безопасности состоит в последовательном наращивании сотрудничества в сфере обеспечения взаимной безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, экстремизму, транснациональной преступности, незаконной миграции [1].

Для противодействия деяниям, посягающим на различные объекты международно-правовой охраны, такие как: верховенство закона; безопасность и общественный порядок; безопасность человечества; здоровье человека; благосостояние общества и семьи; порядок проведения международных операций и т.д., приняты десятки международных актов, закрепляющих в юридической форме внешнеполитические усилия государств в сфере борьбы с транснациональной преступностью.

Объективно существующая и объединяющая цель международного сотрудничества, состоящая в противодействии преступности, диктует настоятельную необходимость адаптации национальных правовых систем к признанным мировым сообществом принципам и нормам, способствующим, в свою очередь, гармонизации политических и правовых подходов к формированию международных отношений, основанных на неприятии транснациональной преступности в любых ее формах. В этом смысле общепризнанные принципы и нормы международного права следует, на наш взгляд, отнести к политико-правовой составляющей международного механизма выработки единых подходов к борьбе с преступностью в условиях глобализации.

К числу базовых документов, определяющих основы международного сотрудничества государств в рассматриваемой сфере, необходимо отнести Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (заключена 09.12.1948) [3]; Международную конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него (заключена в г. Нью-Йорке 30.11.1973) [3]; Конвенцию против транснациональной организованной преступности (15 ноября 2000 года) [2] и дополняющие ее протоколы; Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью (заключено в г. Москве 25.11.1998) [2]; Соглашение об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью (заключено в г. Астане 22.05.2009) [2], др.

С 1955 года один раз в 5 лет под эгидой ООН проводится Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. За это время были рассмотрены многочисленные вопросы международного сотрудничества государств в борьбе с транснациональной организованной преступностью, борьбы с терроризмом, вопросы принятия мер по борьбе с экономическими преступлениями и преступлениями с использованием компьютеров, обращения с лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы и многое другое.

Анализ международных актов, тематики и решений Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями указывает на

то, что, как минимум, в последние двадцать лет международное сообщество очень серьезно озабочено проблемой роста различных проявлений транснациональной преступности, к основным из которых следует отнести международный терроризм, торговлю оружием, незаконный оборот наркотиков и их прекурсоров, химических веществ и ядерных материалов, торговлю людьми (в особенности, женщинами и детьми), человеческими органами, различные виды контрабанды.

При этом события, происходящие в современном мире, указывают на настоятельную необходимость отказа от попыток рассматривать борьбу с транснациональными преступлениями, особенно терроризмом, через призму геополитических интересов. Объективно преступности сегодня можно противостоять только объединенными усилиями международного сообщества. И здесь возникает вопрос, решение которого представляется в одинаковой степени и важным, и сложным. Речь идет если не об унификации, то, во всяком случае, о гармонизации правовых основ межгосударственного сотрудничества по противодействию международной преступности, в первую очередь, через имплантацию в национальное законодательство международных норм, направленных на борьбу с транснациональными преступлениями.

В этой связи, например, ст. 1 Конвенции против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года гласит, что цель настоящей Конвенции заключается в содействии сотрудничеству в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней и устанавливает (ст. 2) такие понятия, как «организованная преступная группа», «серьезное преступление», «структурно оформленная группа», «имущество», «доходы от преступления», «арест» или «выемка» имущества, «конфискация», «основное правонарушение», «контролируемая поставка», «региональная организация экономической интеграции». Это, безусловно, является полезным для международного сотрудничества.

В то же время, на наш взгляд, многообразие нормативных актов привело к появлению различных правовых категорий, в том числе разнообразных доктринальных определений и классификаций.

Также следует заметить, что и ученые по-разному классифицируют одни и те же деяния, относя их к различным группам. К примеру, геноцид, как преступление, нарушающее нормы международного права, в одних случаях относят к преступлениям против человечества а, в других случаях группируют самостоятельно. Также и воинские преступления, которые в одних случаях признаются как составная часть преступлений против мира и безопасности человечества, а в других случаях они же признаются самостоятельной категорией преступных деяний.

И, как следствие, такая дефинитивная неопределенность в доктрине может порождать противоречия, имеющиеся непосредственно в международных актах, которые отличаются многообразием и отсутствием системного подхода, как по структуре, так и по содержанию.

Например, сравнение международно-правовых актов о преступлениях против мира и безопасности человечества и о сотрудничестве по противодействию преступности указывает на то, что структура международных соглашений предполагает наличие преамбулы. Вместе с тем, ряд международных актов преамбулу не содержат. Например, уже упомянутая выше Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Безусловно

перегруженность преамбулы ее речевыми оборотами затрудняет понимание смысла, но по общему правилу именно в преамбуле указываются цели принятия того или иного акта, а также содержится концептуальное видение деяний, против которых направлен документ. В данном случае примером может служить преамбула Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. [2].

При этом надо констатировать, что объем преамбул в международных конвенциях каждое десятилетие становится все больше. Они превращаются в более громоздкие конструкции, что может в последующем способствовать произвольному пониманию сущности самой конвенции, появлению возможности двоякого толкования ее содержания.

С точки зрения глобальных и региональных проблем международных отношений это указывает на то, что для государств взаимодействие в борьбе с транснациональной преступностью (в особенности с такими ее видами, как международный терроризм, коррупция и др.) не только не исключает, но и, наоборот, предполагает возможность противоборства в целях реализации национальных и групповых интересов, именуемых в данном случае проблемами национальной безопасности, понимаемыми в очень узком смысле, без должного учета интересов всех взаимодействующих сторон. Понимание необходимости честного и взаимовыгодного сотрудничества возникает только по отдельным вопросам, связанным с общими угрозами, которые невозможно или нерационально устранять без помощи партнеров.

Попытки решать проблемы борьбы с транснациональными преступлениями без учета интересов всех заинтересованных сторон порождают политику двойных стандартов, когда реальная борьба с международной преступностью ведется только внутри своей страны, а для других государств в угоду собственным геополитическим интересам уготован «управляемый хаос». В этом смысле можно во многом согласиться с авторами, которые, признавая усилия России по установлению справедливого миропорядка, указывают на стремление США не только защищать свои ценности, но и навязывать их другим странам; не только бороться с международными преступлениями (например, с терроризмом), но и руководить антитеррористической борьбой по своему усмотрению. Такая вера в свою исключительность и убежденность в незыблемости гегемонии, по справедливому мнению исследователей, делают США не только «жертвой международного терроризма», но и «одним из факторов, порождающих данный феномен» [5].

Более того, наличие внешних факторов эскалации насилия в социально-политической сфере в любых его формах приводит отдельных исследователей к мысли о невозможности разрешения подобного рода конфликтов правовыми средствами и необходимости сосредоточится лишь на изучении глубинных причин таких проявлений [9], что, с нашей точки зрения, также очень важно, но реальные плоды может принести только в отдаленном будущем.

На самом деле вопросы борьбы с транснациональной преступностью не могут решаться без использования соответствующего правового инструментария. В этой связи, по мнению многих исследователей, эффективные меры правового характера в сфере противодействия международной преступности можно выработать только на основе согласованных подходов к сущности тех явлений, с которыми ведет борьбу международное сообщество [7].

В большинстве случаев законодателями зарубежных стран выполняются рекомендации, указанные в международных актах, которые предписывают установить ответственность за те или иные преступные деяния во внутреннем законодательстве. Образование Международного уголовного суда, применяющего принцип универсальной юрисдикции, служит основой имплементации в национальное уголовное право международно-правовых норм в связи с политико-правовыми и социально-экономическими преобразованиями. Исследования показывают, что с 1992 г. более 60 государств включили в свое законодательство основные составы преступлений, которые закреплены в международных документах [6].

Одновременно с этим необходимо констатировать, что при единой рекомендации о криминализации преступлений против мира и безопасности человечества, образуются ее многообразные формы реализации – от одного состава в Уголовном кодекса Швейцарии до двадцати одного состава в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики. При этом нормы названной группы преступлений во многих государствах не систематизированы вовсе.

До настоящего времени продолжаются дискуссии в части признания международного уголовного права, образовавшегося на стыке национального и международного уголовного законодательства, самостоятельной отраслью права. Тем не менее, в процессе приготовления и проведения судебных процессов над военными преступниками, таких как Токийского и Нюрнбергского, международное уголовное право постепенно приобрело статус системы норм, являющейся результатом слияния двух сфер – уголовных аспектов международного права и международных аспектов национального уголовного права [8].

В правовой науке имеется несколько основополагающих доктрин, которые определяют международное уголовное право как одну из частей суверенного (национального) уголовного права (Ю.А. Решетов, В.А. Номоконов); как сферу международного публичного права (А.В. Наумов, И.И. Лукашук) или как самостоятельную отрасль международного права (И.В. Фисенко).

При этом международное уголовное право рассматривается подавляющим большинством ученых-правоведов как комплексная отрасль права, которая включает в себя уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы, в том числе решения международных организаций, определяющих преступность деяния и пределы ответственности за его совершение.

На сегодняшний день появляются тенденции более четкого разграничения норм международного процедурного характера и норм материального международного уголовного права, что, в частности, проявляется в Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 г. и в принятом Римском статусе Международного уголовного суда, идея создания которого систематически рассматривалась в ООН после окончания Второй мировой войны. В 1993 г. и в 1994 г. под эгидой ООН созданы два специальных трибунала для наказания виновных в совершении преступлений международного гуманитарного права, которые имели место быть в Руанде и в бывшей Югославии. С 1994 г. велись переговоры по образованию международного уголовного суда на постоянной основе, в юрисдикцию которого входило бы рассмотрение серьезных международных преступлений. Как следствие, в 1998 г. принят Римский статут Международного уголовного суда. Это свидетельствует в свою очередь о наличии в международном сообществе решимости по наказанию преступников,

совершающие международные преступления. При этом в Римском статуте Международного уголовного суда международное уголовное право выступает как независимая отрасль права.

Таким образом, отраслевой характер международного уголовного права проявляется в следующем. Во-первых, в наличии собственного предмета и метода. Во-вторых, наличием специфических источников. В-третьих, невозможностью отнесения международного уголовного права только к международному праву или национальному уголовному праву [4].

Дискуссионный характер продолжает носить и большинство составляющих рассматриваемую отрасль частей. К примеру, ввиду отсутствия соответствующих норм-санкций в международно-правовых нормах, возникает вопрос о необходимости установления ответственности по международному уголовному праву за совершенное преступление, ее сущности и механизме реализации назначенного наказания. Также до настоящего времени не выработано единое мнение о предмете международного уголовного права, его субъектах, соотношении с национальным правом. Не урегулирован в полной мере и вопрос об имплементации вступивших в силу международных норм в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Таким образом, глобализация преступности, обретение ею транснационального характера объективно способствует взаимодействию государств в создании общих подходов к совершенствованию уголовно-правовых и процессуальных систем, что выражается и в принятии большого пакета документов в сфере противодействия транснациональной преступности. Но вместе с тем, разные представления о сущности самих деяний, соотнесении их с национальным уголовным правом и наказуемости, не могут характеризовать современные международные нормы как эффективные.

Объективная реальность такова, что укрепляя взаимовыгодные связи с другими государствами в сфере борьбы с международной преступностью, каждая страна, которая дорожит своим суверенитетом, в первую очередь, должна проявлять заботу о своей собственной безопасности. Ярким тому примером служит изложенный в Стратегии борьбы в США с транснациональной организованной преступностью принцип: «Мы будем строить, уравновешивать и интегрировать инструменты американской мощи для борьбы с транснациональной организованной преступностью и связанными с нею угрозами национальной безопасности и призываем наших зарубежных партнеров сделать то же самое» [11]. Правда, искренность такой позиции по отношению к партнерам, в силу вышеизложенного, вызывает серьезные сомнения. На наш взгляд, принцип этот США твердо отстаивают исключительно по отношению к самим себе. Но, как представляется, по мере продвижения к многополярному миру, противодействовать его реализации другими странами для США будет все сложнее.

Поэтому, отдавая отчет в важности сравнительно-правового анализа теоретических исследований и исследований прикладного характера в рассматриваемой сфере, надо признать, что в настоящее время острой необходимостью является также собственный анализ различных аспектов борьбы с транснациональной преступностью, который учитывает особенности национальной государственной политики, и цель которого состоит в выявлении причин возникновения указанной преступности, ее детерминации, характерных признаков,

реальных путей борьбы с ней, а также составление криминологического прогноза и рекомендаций [10]. То есть необходим комплексный подход к укреплению международного сотрудничества и совершенствованию уголовно-правовой политики в области борьбы с транснациональной преступностью, конечной целью которого был бы подрыв самих основ международной преступности.

Список использованных источников

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 12.02.2013. WWW.kremlin.ru.20.02.2013.
2. Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. – С. 3–33.
3. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. – М., 1957. – С. 58–63, 66–71.
4. Иногамова-Хегай Л.В. Понятие международного уголовного права //Полный курс уголовного права. Т. 5. СПб., 2008. – С. 699–706.
5. Кун Цяоюй. Борьба с международным терроризмом в современном политическом и политологическом дискурсе России, КНР и США. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург, 2015. – С. 11–12.
6. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: монография / под ред. С.П. Щербы. М., 2010. – С. 503.
7. Тамаев, Р.С. Организация правоохранительной деятельности в сфере противодействия экстремизму. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2010. – С. 196–197.
8. Трикоз, Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М., 2007. – С. 25.
9. Тулеев, М.С. Международный терроризм как угроза безопасности стран Центральной Азии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Бишкек, 2015. – С. 14.
10. Хижняк, Д.С. Предупреждение транснациональной преступности и борьба с нею как стратегическая задача государства: опыт США / Д.С. Хижняк // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 2.
11. Strategy to Combat Transnational Organized Crime. July 19, 2011. – Washington : The White House, 2011. – 29 p.

Дата поступления статьи – 28.08.2017.

Статья посвящена правовым вопросам международного сотрудничества в сфере борьбы с транснациональной преступностью. Актуальность рассматриваемых проблем обусловлена тем, что сегодня транснациональная организованная преступность, коренным образом трансформируется сообразно процессам глобализации, аккумулирует значительные материальные ресурсы, расширяет сферы своего влияния, проникает в органы государственного управления и финансово-экономические институты различных стран, часто тесно связана с террористическими и экстремистскими организациями. На основе изучения международных документов и опыта взаимодействия различных стран в рассматриваемой сфере определены основные тенденции развития международного сотрудничества в борьбе с транснациональными преступлениями, пути совершенствования правовой базы взаимодействия государств по противодействию международной преступности. Анализируется взаимосвязь сотрудничества в сфере борьбы с транснациональной преступностью с вопросами международной безопасности и

безопасности отдельных государств. Отстаивается комплексный подход к укреплению международного сотрудничества и совершенствованию уголовно-правовой политики в области борьбы с транснациональной преступностью, конечной целью которого был бы подрыв самих основ международной преступности.

The summary: Article is devoted legal questions of the international cooperation in sphere of struggle against transnational criminality. The urgency of considered problems is caused by that today the transnational organized crime, is radically transformed in compliance with globalization processes, accumulates considerable material resources, expands spheres of the influence, gets into state bodies and financial and economic institutes of the various countries, is often closely connected with the terrorist and extremist organizations. On the basis of studying of the international documents and experience of interaction of the various countries in considered sphere the basic tendencies of development of the international cooperation in struggle against transnational crimes, ways of perfection of legal base of interaction of the states on counteraction of the international criminality are defined. The interrelation of cooperation in sphere of struggle against transnational criminality with questions of the international safety and safety of the separate states is analyzed. The complex approach to strengthening of the international cooperation and perfection of a criminally-legal policy in the field of struggle against the transnational criminality, which ultimate goal is defended there would be a blasting of bases of the international criminality.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Шакель Н.В.

Интернет и цифровые технологии продолжают менять мир, во многом облегчая жизнедеятельность граждан, ускоряя бизнес-процессы, мотивируя создание новых механизмов, проектов, идей. Глобальная цифровая среда с самого начала своего существования входила в противоречие с наличием межгосударственных границ.

Особенно показательным в данном отношении является пример Европейского Союза (далее – ЕС), где, с одной стороны, гарантируется свободное движение товаров, капитала, услуг и лиц в рамках внутреннего рынка (создание которого было завершено уже к 31 декабря 1992 года), с другой стороны, имеются очевидные барьеры для такой деятельности в сети Интернет. Само по себе наличие разных юрисдикций с различными правилами относительно заключения контрактов, взимания налогов и т. п. оказывает негативное влияние на активность в цифровой сфере. По оценкам ЕС, по состоянию на 2015 год только 15 % граждан ЕС приобретали товары онлайн из других стран-участниц Союза; и только 7 % средних и малых предприятий осуществляли торговлю через Интернет за рубеж [1].

В целях решения данной проблемы в ЕС была начата программа по созданию Единого цифрового рынка (Digital Single Market). Говоря о данной программе, глава Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер отмечал: «Сегодня мы закладываем основу для цифрового будущего Европы. Я хочу видеть пан-континентальные телекоммуникационные сети, цифровые услуги, которые пересекают границы, и волну инновационных европейских стартапов. Я хочу,

чтобы каждый потребитель получал лучшие предложения, а каждый бизнес доступ к самому широкому рынку – где бы они ни находились в Европе» [2].

Единый цифровой рынок определяется как рынок, в котором обеспечивается свободное перемещение товаров, лиц, услуг и капитала и где люди и предприятия могут беспрепятственно получать доступ и осуществлять онлайн-деятельность в условиях честной конкуренции, а также высокого уровня защиты персональных данных, независимо от своего гражданства или места жительства [3].

Вместе с тем, цифровые технологии не только предоставляют новые возможности для граждан и бизнеса, но и вызывают интерес со стороны преступного сообщества, о чем свидетельствует возрастающее количество киберугроз.

Среди наиболее показательных примеров последнего времени – вирус WannaCry. Данная программа-вымогатель в мае 2017 года заблокировала десятки тысяч компьютеров по всему миру, в том числе в государственных учреждениях и крупных компаниях [4]. Наиболее пострадали серверы на территории России и Тайваня, однако компьютерные системы Великобритании, Испании, Италии, Германии, Португалии, Турции, Украины, Казахстана, Индонезии, Вьетнама, Японии и Филиппин также были затронуты [5]. О серьезности данной атаки говорит и тот факт, что в ее результате некоторые предприятия были вынуждены остановить свою деятельность [6]. Зашифровав содержимое компьютера так, что его больше нельзя было использовать, программа требовала перечислить сумму, эквивалентную 300 долларам США, на определенные счета. Средства должны были перечисляться в биткойнах, т. е. в так называемой «криптовалюте».

Однако вирус WannaCry был далеко не единственным. По данным, опубликованным Министерством юстиции США, в 2016 году более чем 4000 вирусных атак, направленных на вымогательство денег, происходило в мире каждый день [7].

Европейская комиссия отмечает, что 2020 году к сети Интернет будет подключено более десятков миллиардов устройств [8]. Как следствие, можно прогнозировать увеличение числа киберпреступлений, что требует выработки новых эффективных мер, направленных на предупреждение и противодействие соответствующей преступной деятельности.

Еще в 2013 году была принята Стратегия ЕС по кибербезопасности. В Стратегии были предусмотрены меры, направленные на координацию усилий трех ключевых направлений обеспечения безопасности в ЕС: правоохранительные органы, «цифровое государство» и оборона, безопасность и внешняя политика. Цель Стратегии – повышение устойчивости и потенциала в области кибербезопасности государств-членов ЕС, усиление борьбы с киберпреступностью, формирование новой инфраструктуры и возможностей для ЕС в области кибербезопасности, а также разработка международной политики в области кибербезопасности, способствующей наращиванию соответствующего потенциала за пределами ЕС [9]. В настоящее время, с учетом глобальных вирусных атак, в том числе WannaCry, рассматривается вопрос о возможной корректировке данной Стратегии с тем, чтобы обеспечить кибербезопасность на общеевропейском уровне.

Следует отметить, что первым законодательным актом ЕС в сфере кибербезопасности стала принятая в 2016 году Директива по безопасности сетей и информационных систем (Директива 2016/1148) [10].

Ее цель – достичь высокого общего уровня безопасности сетей и информационных систем в рамках ЕС с помощью: улучшения возможностей кибербезопасности на национальном уровне; усиления сотрудничества в ЕС; управления рисками и обязательствами по отчетам в случае инцидентов для провайдеров и операторов цифровых услуг [11].

Предусматривается, что каждое государство-член ЕС примет национальную стратегию информационной безопасности и определит один или несколько компетентных органов для реализации Директивы 2016/1148.

В государствах-членах также должны быть созданы Группы реагирования на инциденты, связанные с компьютерной безопасностью (сеть CSIRTs), которые будут нести ответственность за риски и управление инцидентами в соответствии с четко определенными процессуальными нормами. Государства-члены ЕС обеспечивают оснащение CSIRTs надлежащими ресурсами, необходимыми для эффективного выполнения их задач, и гарантируют, что их CSIRTs имеют доступ к соответствующей, безопасной и устойчивой коммуникационной и информационной инфраструктуре на национальном уровне [12].

Секретариатом, обеспечивающим деятельность таких групп, стало Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности (ЕНИСА, European Union Agency for Network and Information Security).

Данная организация была создана в 2004 году для информирования общественности о новых вирусах, атаках хакеров и проблемах с безопасностью информационного пространства Европы, а также расследования эпидемий электронных вирусов и электронных атак [13].

Следует отметить, что в ближайшем будущем запланировано серьезное изменение ЕНИСА путем ее преобразования в Агентство по кибербезопасности ЕС (EU Cybersecurity Agency). Штат сотрудников планируется увеличить с 84 до 125 человек, а бюджет – с 11 до 23 миллионов евро в год. Планируется, что агентство будет предоставлять аналитическую информацию, оказывать консультации и станет единым местом для получения данных о кибербезопасности для институтов и органов ЕС.

Одной из основных задач нового агентства будет оказание содействия государствам-членам ЕС в имплементации Директивы 2016/1148.

В первую очередь от государств-членов ЕС требуется организовать механизм реагирования на кризисы в сфере кибербезопасности (в том числе в рамках указанных выше групп реагирования, создаваемых в рамках Директивы 2016/1148). Запланировано проведение обучения, тестов, практическая отработка мер реагирования в целях обеспечения должной степени скоординированности действий. Будут созданы соответствующие планы реагирования, включающие конкретные направления сотрудничества на европейском и национальном уровнях.

С учетом масштабных кибер-инцидентов последнего времени, таких как вирус WannaCry, планируется разработка на уровне ЕС рекомендаций государствам-членам относительно того, как следует реагировать на широкомасштабные инциденты и кризисы в сфере кибербезопасности.

Как отмечается в прессе, новая организация будет заниматься в том числе «активной обороной». Это может означать ответные кибератаки в случае покушения на сетевую безопасность стран ЕС [14].

Еще одним важным документом является принятая в ЕС в 2013 году Директива по атакам против информационных систем (Директива 2013/40/EU)

[15]. В ней установлены минимальные правила относительно определения уголовных преступлений и санкций в сфере атак против информационных систем; также предусматриваются меры оперативного реагирования в целях улучшения взаимодействия между властями.

В ее развитие и в рамках развития новых направлений противодействия киберпреступности планируется разработка Директивы по борьбе с мошенничеством и противодействию неденежным платежным средствам. Ее целью является создание максимально эффективных уголовно-правовых мер реагирования на кибер-атаки [8]. Следует отметить, что к неденежным (non-cash payment) платежным средствам относятся платежные карточки (кредитные, дебетовые), электронные деньги, виртуальные валюты, ваучеры, купоны и т. п. Преступники достаточно часто осуществляют платежи с использованием пользовательской информации, полученной путем фишинга, скимминга или полученной иным нелегальным образом. Согласно отчету Европола, организованные преступные группы, действующие на криминальном рынке мошенничества с платежными картами, получают около 1,5 млрд. евро прибыли в год [16].

Предполагается, что новая Директива придаст дополнительный импульс сотрудничеству между государствами и создаст условия для более эффективного уголовно-правового реагирования на кибер-преступления.

Особое внимание разработчики Директивы планируют обратить на вопросы юрисдикции. С учетом того, что онлайновые платежи могут осуществляться фактически из любой точки мира, предполагается закрепить, что юрисдикция будет определяться не по национальности нарушителя или месту его физического нахождения, а по месту причинения ущерба преступлением на территории государства-члена [8]. Кроме того, планируется установить общие правила относительно привлечения к ответственности, в частности, минимальный уровень наказания (он может быть от двух до пяти лет в зависимости от преступления). В качестве самостоятельных преступлений планируется определить владение, продажу, закупку для использования, импорт или распространение украденных или незаконно приобретенных контрафактных или фальсифицированных платежных инструментов [8].

Таким образом, в последние годы в ЕС принимаются системные организационные и законодательные меры, направленные на противодействие киберпреступности. Безопасность онлайновых платежей является одним из условий реального осуществления свободного движения товаров как составляющей внутреннего рынка. С учетом интеграционных процессов, проходящих в рамках ЕАЭС, а также глобальности цифровой среды, затрагивающей, в том числе, и наше государство, полагаем, что опыт, нарабатываемый в ЕС, следует учитывать при борьбе с соответствующими явлениями со стороны правоохранительных органов Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Digital Single Market Strategy for Europe. Brussels, 6.5.2015. COM(2015) 192 final [Electronic resource] : EUR-Lex. Access to European Union law. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52015DC0192. – Date of access: 15.08.2017.

2. A Digital Single Market for Europe: Commission sets out 16 initiatives to make it happen Brussels, 6 May 2015 [Electronic resource] : European Union. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-4919_en.htm. – Date of access: 20.08.2017.

3. Shaping the Digital Single Market [Electronic resource] : European Commission. – Mode of access: https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/policies/shaping-digital-single-market. – Date of access: 17.08.2017.

4. Сошников А. WannaCry: как работает крупнейшее компьютерное вымогательство. 13 мая 2017 г. [Электронный ресурс] / А. Сошников // BBC.Com. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/features-39905001. – Дата доступа: 15.08.2017.

5. Россия и страны Европы подверглись масштабной кибератаке. 12 мая 2017 г. [Электронный ресурс]: BBC.Com. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/news-39900047. – Дата доступа: 21.08.2017.

6. Renault остановил несколько заводов после кибератаки 13.05.2017 | 14:23. [Электронный ресурс] https://www.gazeta.ru/auto/news/2017/05/13/n_10042361.shtml

7. How to protect your networks from ransomware [Electronic resource] : CCIPS, 2016. – The United States Department of Justice. – Mode of access: https://www.justice.gov/criminal-ccips/file/872771/download. – Date of access: 15.08.2017.

8. European Commission - Fact Sheet. State of the Union 2017: The Commission scales up its response to cyber-attacks. Brussels, 19 September 2017 [Electronic resource] : European Union. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-17-3194_en.htm. – Date of access: 20.08.2017.

9. Эксперты RAND о европейской концепции кибербезопасности [Электронный ресурс]: Центр стратегических оценок и прогнозов. – Режим доступа: http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/272/eksperty-rand-o-evropejskoj-konczepczii-kiberbezopasnosti-4120. - Дата доступа: 18.06.2017.

10. Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union [Electronic resource] : EUR-Lex. Access to European Union law. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2016.194.01.0001.01.ENG&toc=OJ:L:2016:194:TOC. – Date of access: 21.08.2017.

11. Директива по безопасности сетей и информационных систем [Электронный ресурс] / Белорусский государственный институт стандартизации и сертификации http://belgiss.by/content/informaczionnoe-obespechenie/codejstvie-eksportu/informacziya-sajta-ec/direktiva-po-bezopasnosti-setej-i-informaczionnyix-sistem.html. – Дата доступа: 15.08.2017.

12. Национальные стандарты по безопасности сетевых и информационных систем [Электронный ресурс]: Законы России– Режим доступа: ttp://zakoniros.ru/?p=24356. – Дата доступа: 17.08.2017.

13. ENISA: новое европейское агентство сетевой безопасности. 22 ноября 2003 г. [Электронный ресурс]: IXBT. – Режим доступа: http://www.ixbt.com/news/hard/index.shtml?02/37/10. – Дата доступа: 17.08.2017.

14. 2017: Превращение в общеевропейский центр кибербезопасности [Электронный ресурс]: Деловой портал TAdviser. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Европейское_агентство_по сетевой_и_информационной_безопасности_(ENISA). – Дата доступа: 13.08.2017.

15. Directive 2013/40/EU of the European Parliament and of the Council of 12 August 2013 on attacks against information systems and replacing Council Framework Decision 2005/222/JHA [Electronic resource] : : EUR-Lex. Access to European Union law. – Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:32013L0040. – Date of access: 15.08.2017.

16. Situation Report - Payment Card Fraud in the European Union [Electronic resource] : Europol. – Mode of access: https://www.europol.europa.eu/publications-

documents/situation-report-payment-card-fraud-in-european-union. – Date of access: 14.08.2017.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В 2013 году в Европейском союзе была принята Стратегия по кибербезопасности, в рамках которой развивается соответствующее правовое регулирование. Участившиеся в последнее время глобальные атаки на компьютерные сети, которые блокируют деятельность как отдельных лиц, так и организаций и учреждений в целом, повлекли принятие определенных корректировок в данную стратегию, направленных на устранение имеющихся недостатков. В настоящей статье изучены основные принимаемые в Европейском союзе законодательные и организационные меры, направленные на противодействие основным угрозам в сфере кибербезопасности последнего времени. Глобальность цифровой среды требует учета соответствующих положений правотворческими и правоприменительными органами Республики Беларусь.

EU Cybersecurity Strategy was adopted in 2013, which lead to the development of relevant legal regulation. Frequent recent global attacks on computer networks that block activities not only of private persons, but also of companies and institutions call for certain corrections to the Strategy, which are aimed at elimination of existing shortcomings. In the article general measures adopted in the European Union on legislative and organization levels which are aimed at counteracting main threats in the sphere of cybersecurity are studied. Globalism of digital networks makes it necessary for Belarusian legislative and law-enforcement bodied to take account of the relevant provisions.

ГАРМОНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН – УЧАСТНИЦ ЕАЭС В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Швед Н.А.

Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) был подписан Республикой Беларусь, Российской Федерацией и Республикой Казахстан 29 мая 2014 г. в г. Астане [1]. ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. Позже к Договору о ЕАЭС присоединились Республика Армения и Кыргызская Республика [2; 3]. Анализ Договора о ЕАЭС и его 33 приложений показал, что одной из первичных задач Союза является унификация и гармонизация законодательства стран-участниц для нужд конкретных отраслей, в том числе и уголовного.

При этом под унификацией законодательства понимается сближение законодательства государств-членов, направленное на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором. Термин «гармонизация законодательства» определяется Договором как сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах [1]. Таким образом, говоря о гармонизации и унификации, необходимо иметь в виду то, что в международных договорах государств – участников ЕАЭС

между их понятиями не делается различий, и рассматриваются они как взаимозаменяемые.

В современных условиях все более актуальными становятся вопросы обеспечения безопасности информации, в том числе компьютерной, как в международном, так и в региональном масштабе. Привлекательность информационных технологий для совершения преступлений обусловливается многими факторами. Компьютерная преступность в настоящее время выступает одной из основных проблем, стоящих перед международным сообществом, становится все более организованной и должна рассматриваться обществом как серьезная угроза его стабильному существованию. Компьютерные сети становятся средством объединения террористических и экстремистских группировок, распространения соответствующей информации [4, с. 44]. В этой связи защита информационного пространства от угроз выступает важным компонентом обеспечения национальной безопасности. Четкое и единообразное формулирование правовых норм, устанавливающих ответственность за преступные посягательства в данной сфере, является залогом успешного противодействия компьютерной преступности не только на национальном, но и на региональном уровне. Постоянный рост количества таких криминальных деяний, их трансграничный характер, обусловливают необходимость дальнейшего развития сотрудничества в борьбе с компьютерной преступностью, гармонизации и унификации правовых норм в указанной сфере, особенно в рамках ЕАЭС.

Помимо указанного, вопрос об унификации и гармонизации уголовного законодательства в сфере противодействия компьютерным преступлениям внутри ЕАЭС является актуальным наравне с другими задачами по унификации и гармонизации права, поскольку международная практика также указывает на необходимость совершенствования законодательства в этом направлении.

В этой связи особый научный и практический интерес представляет обращение к анализу состояния гармонизации уголовного законодательства государств – участников ЕАЭС, направленного на борьбу с преступлениями в сфере информационной безопасности. Вместе с тем следует отметить, что ученые и практики, исходя из особенностей преступлений, предусмотренных главой 31 УК Республики Беларусь и соответствующими главами УК других государств, называют их, как правило, компьютерными преступлениями.

С целью изучения и обобщения опыта законотворчества в сфере установления уголовной ответственности за совершение компьютерных преступлений представляет научный интерес сравнительный анализ соответствующих норм уголовного законодательства стран-участниц ЕАЭС.

Ретроспективный анализ показал, что процесс криминализации и декриминализации противоправных деяний в сфере обращения компьютерной информации, компьютерной безопасности и информационной безопасности в целом в странах ЕАЭС идет весьма активно. Законодатели во многом восприняли рекомендованные модельным Уголовным кодексом для государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г. (далее – модельный УК) преступления [5]. Как известно, в модельном УК содержался самостоятельный раздел XII и глава 30 «Преступления против информационной безопасности». Модельным УК было предусмотрено установление уголовной ответственности за: несанкционированный доступ; модификацию компьютерной информации; компьютерный саботаж; неправомерное завладение компьютерной информацией; изготовление и сбыт

специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети; разработку, использование и распространение вредоносных программ; нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети. И если сравнить УК стран-участниц ЕАЭС после их принятия (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) и УК названных стран в настоящее время, то разница очевидна. В настоящее время законодатели всех стран-участниц ЕАЭС пересмотрели свои подходы к определению компьютерных преступлений и внесли соответствующие изменения в свои УК.

Анализируя современное состояние противодействия компьютерным преступлениям, в первую очередь следует констатировать, что в том или ином виде анализируемые преступления нашли свое закрепление в УК Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения, Кыргызской Республики [6; 7; 8; 9; 10]. В настоящее время для гармонизации принимается во внимание степень достигнутого правового регулирования соответствующих отношений, определяются совместимость терминологии, дефиниции правовых категорий, структура, правовое обеспечение, результативность урегулирования, а также другие компоненты гармонизации [11]. Вместе с тем проведенный анализ показал, что описание признаков составов рассматриваемых деяний, подходы к их криминализации, установлению уголовно-правовых санкций имеют свои особенности.

Это, прежде всего, выражается в неоднозначном определении родового и видового объектов рассматриваемой группы преступлений. Так, например, в УК Российской Федерации, т.н. компьютерные преступления объединены в главу под названием «Преступления в сфере компьютерной информации», которая включена в раздел «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Это означает, что родовым объектом этих преступлений признаются отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка, а видовым – отношения в сфере компьютерной информации. Аналогичное название и у соответствующего раздела и главы УК Кыргызской Республики. В УК Армении законодатель объединил рассматриваемые преступления в главу «Преступления против безопасности компьютерной информации», подразумевая под видовым объектом отношения в сфере безопасности компьютерной информации. Сама же глава включена в раздел «Преступления против общественной безопасности, безопасности компьютерной информации, общественного порядка и общественной нравственности». Иная ситуация в Республике Беларусь. Здесь законодатель определил в качестве родового объекта информационную безопасность, объединив соответствующие преступления в главу «Преступления против информационной безопасности». На информационный характер анализируемых преступлений указывается и в УК Казахстана – соответствующая глава носит название «Уголовные правонарушения в сфере информатизации и связи».

Таким образом, в уголовном законодательстве стран-участниц ЕАЭС нет единого подхода к определению родового объекта компьютерных преступлений. Более того, в законодательстве некоторых государств не делаются ссылки на существенные особенности, характерные для данной группы охраняемых общественных отношений.

Обращает внимание также и использование различной терминологии при описании признаков того или иного преступления из анализируемой категории в УК стран-участниц ЕАЭС, что является существенной проблемой. Ведь, как

отмечает Ю.С. Безбородов, прежде всего для реализации гармонизации особое значение имеет терминология, связанная с разработкой понятийного аппарата. Это способствует выработке механизмов достижения целей и определяет способы их обеспечения [12, с. 8]. В частности, нет единства в обозначении предмета анализируемых преступлений. Так, например, в качестве такового выступает компьютерная информация (УК Российской Федерации, Республики Беларусь, Армении), а также информация, содержащаяся на электронных носителях (УК Казахстана). Отметим также, что при этом в УК Казахстана, Армении, Российской Федерации речь идет об охраняемой законом информации. В УК Российской Федерации и Казахстана криминализирован неправомерный доступ, в УК Республики Беларусь и Армении – несанкционированный, в УК Российской Федерации, Республики Беларусь, Казахстана и Армении используется термин компьютерная программа, в УК Кыргызстана – программа для ЭВМ, в УК Казахстана – электронный носитель, в УК Кыргызстана – машинный носитель, в УК Республики Беларусь и Армении используется термин сеть (подразумевается компьютерная сеть), в УК Российской Федерации – информационно-телекоммуникационная сеть, в УК Казахстана – информационно-коммуникационная сеть и т.д.

Несомненно, вопрос о терминологическом единстве важен и имеет большое значение для правильной квалификации деяний, использование различной терминологии в обозначении, по сути, одних и тех же понятий может негативно сказаться на правоприменительной практике. Выработка единой терминологии позволяет устанавливать и закреплять единые требования к использованию терминов, систематизировать понятия, исключить из оборота устаревшие термины и способствовать рациональной организации нормотворческой деятельности. Учитывая, что одной из особенностей компьютерной преступности является ее транснациональный характер, унификация и гармонизация терминологии в сфере противодействия компьютерным преступлениям в первую очередь имеет важное значение даже при общих подходах к криминализации общественно опасных деяний в рассматриваемой сфере.

Между тем и сами подходы к криминализации деяний в указанной сфере также различны, как различно и количество криминализированных деяний. Так, в УК Российской Федерации, принятом ранее других УК (1996 год), преступными признаются три деяния: 1) неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272); 2) создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273); 3) нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274). Ранее аналогичным образом подходили к установлению ответственности за компьютерные преступления разработчики УК Кыргызстана. В нем практически дословно были воспроизведены составы компьютерных преступлений, предусмотренных в УК Российской Федерации. Однако с течением времени в УК стран-участниц ЕАЭС были внесены изменения, затронувшие анализируемую группу преступлений. Так, в настоящее время в УК Кыргызстана в результате проведенной оптимизации в рассматриваемой главе осталась только одна статья, устанавливающая ответственность за создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ (ст. 290).

В целом в настоящее время в соответствующих главах УК стран ЕАЭС содержится разное количество составов компьютерных преступлений (от 1 до 9).

При этом самое маленькое количество статей – одна – содержится в УК Кыргызстана, самое большое – девять – в УК Казахстана. Однако независимо от их количества, законодатели практически всех стран криминализировали неправомерный (несанкционированный) доступ к компьютерной информации (ч. 1 ст. 272 УК Российской Федерации, ч. 1 ст. 349 УК Республики Беларусь, ч. 1 ст. 251 УК Армении, ч. 1 ст. 205 УК Казахстана), а также установили ответственность за создание, использование или распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК Российской Федерации, ст. 354 УК Республики Беларусь, ст. 210 УК Казахстана, ст. 290 УК Кыргызстана, ст. 256 УК Армении).

Также в том или ином виде установлена ответственность за действия, которые в УК Республики Беларусь именуются компьютерным саботажем (ст. 351). Схожие деяния криминализированы в ст. 253 УК Армении и ст. 206 УК Казахстана.

В некоторых УК стран-участниц ЕАЭС установлена ответственность за изменение компьютерной информации, введение ложной информации и т.п. В УК Республики Беларусь (ст. 350) подобное преступное деяние получило наименование «модификация компьютерной информации», в УК Армении – «изменение компьютерной информации» (ст. 252). В УК Казахстана модификация охраняемой законом информации, содержащейся в информационной системе или передаваемой по информационно-коммуникационной сети, выступает в качестве одного из альтернативных деяний, криминализированных законодателем в ст. 206 УК.

Законодатели стран-участниц ЕАЭС последовательно криминализировали неправомерное завладение компьютерной информацией (перехват компьютерной информации), а также изготовление либо сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети, для перехвата компьютерной информации. Уголовная ответственность за подобные деяния установлена в УК Республики Беларусь (ст. 352, 353), УК Армении (ст. 254, 255), УК Казахстана (ст. 208).

Такое преступление, как нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети (название может быть иным), по-прежнему содержится в УК стран ЕАЭС (ст. 274 УК Российской Федерации, ст. 355 УК Республики Беларусь, ст. 257 УК Армении).

Помимо указанных преступлений в УК стран ЕАЭС криминализированы и другие противоправные деяния в сфере компьютерной информации, содержащиеся в иных главах и разделах УК. В качестве примера можно привести ст. 212 УК Республики Беларусь, устанавливающую ответственность за хищение путем использования компьютерной техники, ст. 159-6 УК Российской Федерации, устанавливающую ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации.

Большое значение имеет также оценка законодателем характера и степени общественной опасности компьютерных преступлений, что выражается в санкциях, установленных за их совершение.

Большинство санкций в рассматриваемых УК альтернативные, предусматривающие наряду с лишением свободы другие, более мягкие наказания (штраф, арест, ограничение свободы, исправительные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и общественные работы). Наиболее часто за преступления данного вида

предусматривается штраф либо лишение права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности в альтернативе с лишением свободы.

В ряде случаев за некоторые преступления лишение свободы предусмотрено в качестве единственно возможного вида наказания, что свидетельствует о тяжком характере совершаемых преступлений. Максимальное наказание – до 12 лет лишения свободы – установил законодатель Армении за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 254 УК (неправомерное завладение компьютерной информацией, совершенное организованной группой, либо сопряженное с причинением по неосторожности вреда здоровью, либо повлекшее иные тяжкие последствия). До 10 лет лишения свободы предусмотрено ч. 2 ст. 351 УК Республики Беларусь (компьютерный саботаж, сопряженный с несанкционированным доступом к компьютерной системе или сети либо повлекший тяжкие последствия), ч. 2 ст. 354 УК Республики Беларусь (разработка, использование либо распространение вредоносных программ, повлекшие тяжкие последствия), ч. 3 ст. 207 УК Казахстана (нарушение работы информационной системы или информационно-коммуникационной сети, совершенное преступной группой либо повлекшее тяжкие последствия).

Таким образом, проанализировав соответствующие статьи УК стран-участниц ЕАЭС, предусматривающих ответственность за компьютерные преступления, можно сделать следующие выводы.

Ответственность за компьютерные преступления в том или ином виде нашла свое закрепление в УК государств-членов ЕАЭС, что соответствует мировому опыту и свидетельствует о том, что общественно опасные деяния в сфере использования компьютерной информации стали достаточно распространенным явлением и угроза наказания за их совершение должна способствовать их предупреждению.

Вместе с тем, несмотря на достаточно широкий круг деяний в рассматриваемой сфере, признаваемых УК государств ЕАЭС преступными, большинство из них придают значение уголовно-правовой борьбе с несанкционированным (неправомерным) доступом, созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ, компьютерным саботажем, модификацией компьютерной информации, ее перехватом, нарушением правил эксплуатации компьютерной системы или сети. Ответственность за эти преступления включена в большинство из проанализированных нами УК. Вместе с тем для компьютерных преступлений одной из характерных особенностей является их транснациональный характер, что с учетом тесных интеграционных процессов в рамках ЕАЭС требует выработки единого подхода в уголовном законодательстве стран ЕАЭС. Это будет способствовать повышению эффективности противодействия рассматриваемой группе преступлений, создаст равные условия для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, обеспечит соблюдение прав всех участников уголовно-правовых отношений. В этой связи представляется необходимым и актуальным дальнейший процесс гармонизации уголовного законодательства стран-участниц ЕАЭС для более успешной борьбы с преступлениями, посягающими на информационную безопасность.

Список использованных источников

1. Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г.Астане 29.05.2014 г.] : вступил в силу 1 янв. 2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Договор о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года: [подписан в г. Минске 10.10.2014 г.] : вступил в силу 2 янв. 2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Договор о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года: [подписан в г. Москве 23.12.2014 г.] : вступил в силу 12 авг. 2015 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Степанов-Егиянц, В. Г. Современная уголовная политика в сфере борьбы с компьютерными преступлениями / В.Г. Степанов-Егиянц // Рос. следователь.– 2012. – № 24. – С. 43–46.

5. Модельный Уголовный Кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств : принят Постоян. комис. по правовым вопр., 17 февр. 1996 г. // Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.iacis.ru/html/?id=22&pag=31&nid=1. – Дата доступа : 10.09.2017.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации : Кодекс Рос. Федерации, 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. Закона от 16.07.2015 г. // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2017.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

8. Уголовный кодекс Республики Казахстан : Кодекс Респ. Казахстан, 3 июля 2014 г., № 226-V : в ред. Закона Респ. Казахстан от 11.07.2017 г. // ИС «Параграф» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575252 – Дата доступа : 11. 08. 2017.

9. Уголовный кодекс Республики Армения : : Кодекс Респ. Армения, 18 апр. 2003 г.,: в ред. Закона Респ. Армения от 16.12.2016 г. // Национальное Собрание Республики Армения [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show – Дата доступа : 11. 08. 2017.

10. Уголовный кодекс Кыргызской Республики : Кодекс Кыргызской Респ., принят 18 сент. 1997 г., № 68 : в ред. Закона Кыргызской Респ. от 02.08.2017 г. // ИС «Параграф» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30222833#pos=4;-108&sel_link=1005533801 – Дата доступа : 02. 09. 2017.

11. Менглиев, Ш. М. Объективная необходимость гармонизации правовых систем стран СНГ / Ш.М. Менглиев // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2017.

12. Безбородов, Ю. С. Гармонизация как метод конвергенции в международном праве / Ю.С. Безбородов // Междунар. публ. и частн. право. – 2017. – № 4. – С. 7–10.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В статье представлены результаты сравнительного анализа норм уголовного законодательства государств – участников ЕАЭС, предусматривающих ответственность за преступления против информационной безопасности. Определены направления и внесены предложения по дальнейшей гармонизации уголовного законодательства стран ЕАЭС в данной сфере.

There are the results of the comparative analysis of the criminal legislation of the EAEU member states on liability for crimes against information security. The research identifies directions and proposes measures for further harmonization of criminal legislation of the EAEU member states in this field.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЛИ К ВОПРОСУ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Хомич В.М.

Криминология всегда рассматривала поведение преступного характера как сложное социально-деструктивное явление, которое детерминируется множеством социальных и личностных факторов (причин и условий), способных непосредственно или опосредованно влиять на мотивацию и совершение правонарушений. Поэтому при всем многообразии подходов и теоретических взглядов на преступность ее исходные причины остаются неизменно прежними. Они коренятся в объективных и субъективных социально-экономических проблемах и противоречиях социальной жизни людей, с одной стороны, и в неспособности или нежелании публичной власти, с другой стороны, *посредством правового регулирования и правового принуждения* совместить экономический прогресс, частную собственность и частную инициативу с социальной защищенностью людей и консолидированной социальной справедливостью и равенством. К сожалению, современный социально-нравственный «камертон» использования позитивного права и как следствие уголовного закона настроен не на глубинные, базовые истоки воспроизводства социальной несправедливости и преступности, а на поверхностные экономические и социальные колебания либо напряжения политического характера.

Между тем давно и неопровержимо доказано, что психологический настрой людей на принятие деструктивных форм поведения (собственно в этом и заключен момент понимания криминогенных рисков) **нужно «гасить» не уголовно-правовыми, а иными нормативами и на самых дальних подступах.** Прежде, чем устанавливать уголовную ответственность за то или иное опасное деяние, общество и государство должны отдавать себе отчет в том, в какой мере они сами виновны в создании и поддержании таких условий жизни, которые разрушают материальную и нравственную основу равенства людей, и провоцируют их на совершение недозволенного [1, с. 6–7].

В этом противоречивом и неоднозначно воспринимаемом пока публичной властью утверждении заключены предпосылки научного и практического видения и значения криминологии права, можно сказать, парадигма ее прочтения и понимания посредством экспертно-криминологической правовой оценки существующих и создаваемых нормативов правового регулирования.

Криминологическая оценка или экспертиза публично формируемого права представляет собой специфическую область социально-правового *управления и контроля,* преследующая цель создания разносторонней, гибкой и

сбалансированно справедливой системы правовых регуляторов, исключающей или нейтрализующей возможность субъектов социальной деятельности злоупотреблять правом [2, с. 37–41]. Возможность злоупотреблять правом есть основной источник зла, порождающий скрытый и открытый конфликт безнравственности и духовности с весьма серьезными криминогенными последствиями, включая преступность ненависти. Это та ситуация, которую Л.Н. Гумилев применительно к праву называл «принципом отрицания права на несходство».

Здесь открывается широкое поле для непростых, но очень перспективных исследований, имеющих политико-правовое значение для осуществления эффективной практики контроля общества и государства над имеющими место социальными девиациями, в том числе предпреступного и преступного характера.

Социальная ценность научных результатов в юриспруденции всегда определялась (и должна определяться) тем, в какой степени в исследовании проблем права (его институтов, конкретных норм) осуществлялся анализ и поиск путей и форм интеграции идеальных сущностных элементов права в практику формирования позитивного права и его адекватного применения [3 с. 96–100]. Сегодня, как никогда прежде, этим интеграционным критерием определяется разумность правовой политики и результативность правоприменительной практики.

В самой юриспруденции таким синтезирующим фактором оценки идеального и рационального в праве является требование соблюдения верховенства права в системе, методах и способах правового регулирования. Именно этого всегда добивалась и отстаивала настоящая юридическая наука перед лицом публичных институтов власти, которые зачастую игнорировали рациональные выводы фундаментальной юридической науки, ориентируя ее на чисто технические задачи «правового» приспособления законодательного материала для нужд практического оборота в групповых или ведомственных интересах

Сегодня человеческая цивилизация пребывает в такой реальности, когда становится все более очевидным, что преступное поведение обусловлено разноуровневым рядом системно взаимосвязанных факторов, среди которых можно выделить экономические, организационно-управленческие, социально-распределительные, служебно-властные и, конечно, *правовые*.

Правовая система как одна из организованных и саморазвивающихся социальных подсистем, ставящая в режим принудительной регуляции все иные социальные подсистемы, имеет самое непосредственное отношение к уровню и интенсивности воспроизводства отклонений (девиации), в том числе криминального характера. В конечном итоге в криминологической науке по этой причине и сформировалось направление, обозначенное условно как ***криминология закона***, которое было нацелено на изучение криминогенности так называемых «неудачных» систем и нормативов правового регулирования [4, с. 6]. Учитывая относительную автономность данной социальной подсистемы (правовой системы), есть основания говорить о *криминологии социального правообразования*, имеющей самое непосредственное отношение к истокам криминологической экспертизы, ее предмету и социальному назначению [5, с. 22].

Хорошо известно, что в Республике Беларусь криминологическая экспертиза проектов правовых актов (вначале только проектов законов, а впоследствии и иных правовых актов) была введена в 2007 г. как публично организованная и властно обязывающая функция контроля и управления

криминогенными рисками, исходящими вольно или невольно из деструктивных форм правового регулирования. Институт криминологической экспертизы в Республике Беларусь стал признанным фактором рационализации правового регулирования на принципах объективной необходимости, полноты, определенности, справедливости, наконец, на принципе самозащиты права от злоупотребления. Именно такие приоритеты всегда отстаивала криминологическая экспертиза перед правотворческими органами, которые не всегда были довольны и согласны с ее выводами. Более того, не прекращаются попытки сориентировать криминологическую экспертизу на чисто технические задачи «правового» (скорее, сервисного) приспособления законодательного материала для нужд практического оборота групповых или ведомственных интересов под предлогом того, что криминологическая экспертиза зачастую вторгается в предмет ведения так называемой юридической экспертизы.

Не могу с этим согласиться, даже по той простой причине, что криминологическая экспертиза и есть собственно правовая экспертиза, которая аккумулирует в комплексном виде глубинные функционально-факторные компоненты и свойства правовых регуляторов, способных, наряду с кажущимся позитивом, нести серьезную угрозу злоупотребления объективно позитивным правом в рамках создаваемого пространства правового регулирования общественных отношений. Поэтому, когда от нас настойчиво добиваются показать отличие криминологической экспертизы правового акта от юридической экспертизы соответствующего акта, то становится совершенно ясно, что юридическая экспертиза в ее нынешнем виде и предметном ведении (как показывает многолетний опыт ее проведения) есть не более как экспертиза изначально правового, но все-таки сервисного характера. Оценка правового норматива в рамках юридической экспертизы дается на состояние его системной согласованности, лингвистической, предметно-содержательной и (или) содержательно-структурной определенности, на единство юридической технологии (техники) оформления (построения) правовых норм. Это очень важные элементы оценочно-юридического порядка при подготовке нормативов правового регулирования, которые в совокупном или единичном виде должны учитываться и учитываются при проведении криминологической экспертизы, при этом не исключено, что и качестве потенциально-возможных деструктивных факторов криминогенности правового норматива. Сугубо юридическая технология и единство порядка оформления правового текста (так называемая юридическая техника), а также системность и согласованность нормативов способны существенно дезорганизовать правовое регулирование и поэтому являются значимыми катализаторами появления криминогенных рисков в правовом регулировании.

Криминологическая экспертиза появилась и возникла как реакция на неудовлетворенность оценки в рамках традиционной юридической экспертизы правовых нормативов на основе сугубо правовых, но формально-догматических критериев, не учитывающих в полной мере социальные истоки и социальные закономерности правового равенства и правовой справедливости как основных показателей верховенства права. Они же основные критерии оценки правовых нормативов на наличие в них факторов возникновения криминогенных рисков[1] в

[1] По нашему мнению, применительно к правовому регулированию и правовому нормативу (правовому акту) под риском криминогенного характера понимается заключенный в нормативе права и (или) правовом

социальном регулировании. Только при их сбалансированном сочетании в правовом регулировании ожидаемо законопослушное поведение субъектов социальной деятельности без так быстро развивающегося в последнее время ***синдрома насилия над правом***. Позволю высказаться более определенно. Криминологическая экспертиза правовых актов сегодня – это юридическая по предмету экспертного исследования (экспертной оценки), но системно и совокупно более высокого уровня юридически экспертное исследование правовых нормативов на предмет их безконфликтного исполнения и применения в соответствующих сферах социальной жизни человека, общества и государства. За криминологической экспертизой будущее, и сегодня задача правового государства не допустить ее размывания и превращения в институт сервисного (пусть даже юридического) обслуживания законотворческого процесса.

Пока нет и оснований, как свидетельствует практика проведения криминологической экспертизы, восторгаться и тем, что сегодня по базовым юридическим критериям качества создаваемого правового норматива мы превосходим советский уровень правотворчества. В большинстве своем советские законы не писались и не «рождались» исключительно кабинетными чиновниками. Не без элементов идеологического и правового лицемерия они все-таки профессионально и органично вплетались в социальную, экономическую и политическую плоть реальной действительности и юридически грамотно оформлялись в соответствующую их содержанию форму. **Возникали они хотя и в противоречивом противоборстве, но в стройном системном ряду других многочисленных регуляторов правового и неправового характера способствовать развитию тех социальных процессов, без которых невозможен социальный прогресс** и нравственное процветание [1, с. 15–16]. Конечно, не все там было так гладко и хорошо. Но к качеству правового регулирования относились серьезно и на основе глубоко научной криминологической проработки.

Сегодня для перспектив развития криминологии правообразования как новой отрасли криминологического знания особое значение имеет исследование правообразования в аспекте межсистемных социальных связей, включая социальные позиции личностного фактора (интересы, потребности, социокультурные особенности мотивации, устоявшиеся стандарты поведения).

Наконец, объектом научных исследований в области криминологии социального правообразования должна стать и мотивация отклоняющегося поведения в процессе *самого законотворчества* (очень существенный аспект криминологической экспертизы, учитывая систему лоббирования).

В межсистемном социальном отношении криминологический анализ правотворчества может быть и более пространным: содержать оценку криминогенного потенциала различных моделей правового и экономического взаимодействия, их возможностей объективно генерировать и воспроизводить криминогенные процессы в хозяйственных системах [6, с. 315]. Все виды девиации, включая криминальные, – это *порождаемые обществом* формы

регулирования деструктивный правовой фактор социального свойства публичного или частно-публичного характера (или совокупность таких факторов), которым (которыми) создаются объективные предпосылки (условия) для мотивации противоправного поведения или злоупотребления правом (полномочиями, правохраняемыми интересами) независимо от того, является или не является такое отклонение уголовно противоправным деянием.

социального поведения. Государство лишь определяет, что сегодня признается недопустимым, нарушающим моральные и, в частности, правовые нормы.

Девиации в обществе служат механизмом изменчивости, а, следовательно, существования и развития любой системы, включая социальную или только экономическую. Как заметил еще Лукреций, без «отклонений» (clinamen) «ничего никогда породить не могла бы природа» [7, с. 68]. Собственно предкриминальные девиации в условиях формирования (соорганизации) общественных систем породили и публичную власть, и власть уголовной юстиции, и собственно позитивное право (законы власти).

Поэтому, проводя криминологическую экспертизу правового норматива, эксперт-криминолог должен исходить из того, что все виды и формы человеческого девиантного поведения адаптивны и функциональны, имеют свое основание в социально-правовых подсистемах общества. Говоря словами Гегеля, они «разумны». Отсюда можно себе представить, насколько разумным (разумнее) должен быть законодатель, пытаясь изменить данную нам природой социальную разумность (или неразумность).

Поскольку криминальные девиации в самых различных сферах жизни общества материализуются в уголовном законе, т.е. в правовой форме, то в этом смысле сама правовая форма *позитивного (не уголовно-правового)* упорядочения существующих в обществе противоречий может быть и далеко не всегда является идеальной. Более того, правовая форма принудительного упорядочения общественных отношений может быть социально инородной (неадекватной) объективным закономерностям данной сферы или функционально незавершенной, либо функционально избыточной, что не менее опасно с точки зрения возникновения рисков девиации (рисков отклонения от желаемого поведения). Кроме того, правовая форма закона (нормативного правового акта) далеко не всегда объективно (и отнюдь не всегда субъективно) соответствует закономерному порядку общественного развития социальных систем и действительному праву, равно как и освоенным властью возможностям и уровню адекватно реагировать на закономерный ход общественного развития и должным образом его контролировать. Отсюда закон (нормативный правовой акт) может быть криминогенным, т.е. социально-рискованным в аспекте возможного формирования, стимулирования, изменения моделей неправового (девиантного) поведения субъектов социума или в аспекте дезорганизации социального контроля над поведением криминального характера.

Значительную роль в формировании девиации криминального характера играет и несовершенство нормативно-правового регулирования: прежде всего, несовершенство нормативной базы, регламентирующей экономическую и социально-распределительную деятельность, и отсутствие нормативно закрепленного принципа единства и равенства экономического и социального пространства и правовых гарантий деятельности в рамках такого пространства [8, с. 227].

Социальный опыт учит, что значительно быстрее развиваются и провоцируются криминогенные риски, когда сомнительная юридическая концепция переносится в практическую плоскость, закладывается в основу процессов правового регулирования. Это обстоятельство и предопределило необходимость современного прочтения влияния нормативного правового акта и правового регулирования на формирование рисков криминогенного характера.

Парадокс современного правопонимания и правового регулирования заключается в том, что мы обычно увязываем эффективность правового регулирования исключительно с явлениями юридического характера. Такой подход стал традиционным в правовой науке, поскольку ее, прежде всего, интересуют юридические аспекты социальных проблем. Между тем, правовое регулирование все-таки по своей сути является социальным и его реальный облик обусловлен не только юридическими фактами и формами, правовыми гарантиями и механизмами принуждения. Без детального анализа экономической, политической, социально-культурной ситуации, закономерных связей и взаимодействия социальных подсистем и образующих их элементов (включая людей, социальные группы и т.д.), которые и образуют конкретный общественный организм социума, правовое регулирование будет односторонним (может быть, даже, инородным) и вряд ли эффективным.

Следует обратить внимание, что законотворчество и правовое регулирование имеет и *субъективную обусловленность* отрицательного свойства. Зачастую формируется иррациональными действиями субъектов правообразования и правоприменения либо определяется исключительно ведомственными интересами. Это один из серьезных гносеологических дефектов законотворчества, на преодоление которого также должна быть направлена криминологическая экспертиза правовых актов.

В качестве итога повествования сделаем следующие заключения.

1. Общественные системы (и подсистемы), в которых действие всех его элементов четко подчиняется установленным правилам, где наблюдается постоянная устойчивость структурных связей, отсутствуют очаги отклоняющегося поведения и конфликтов, есть не более чем фикция. В любом обществе одновременно существуют области юридической и, следовательно, социальной упорядоченности и зоны хаоса. Поэтому реальный результат правового регулирования всегда будет отличаться от его идеальной модели и задача криминологической экспертизы правового акта – снять возможные зоны риска криминогенного характера либо предусмотреть правовые меры по их контролю.

2. Криминологическая экспертиза нормативного правового акта, безусловно, один из необходимых элементов, возможно, приемов или способов объективно правильного или рационального правотворчества (законотворчества, эффективного правообразования). Ее не следует отождествлять с криминологическим исследованием причин и условий преступности даже в той области социальной деятельности, на регулирование которой направлен данный нормативный правовой акт. Назначение криминологической экспертизы заключается в том, чтобы на основе системно-функционального и содержательного анализа нормативного правового акта выявить и нейтрализовать такие нормативные модели (положения) правового регулирования, которые исключали бы возникновение *рисков криминогенного характера* (т.е. исключали бы вероятностное или возможное отклонение от *должного* в процессе правового регулирования и применения правовых нормативов). Оговоренный нами *риск* заключен, прежде всего, в нормативном положении, аккумулирующем соответствующий деструктивный элемент в систему социального взаимодействия, интересов и мотивации субъектов социальной деятельности. Риск всегда является как бы отклонением от действий, направленных на достижение социально-полезного результата, как бы побочным нежелательным результатом

правообразования (правового регулирования). При этом криминогенность в данном случае не следует понимать буквально как риск совершения деяния, запрещенного уголовным законом. Юридический аспект преступления в данном случае (применительно к криминологической экспертизе) не имеет принципиального значения. Риск любого нежелательного и, следовательно, общественно вредного поведения является криминогенным и составляет предмет криминологической экспертизы.

3. Прогнозирование влияния правовой формы на систему социальных детерминант и субъектов социальной деятельности, на процесс их непосредственного и опосредованного взаимодействия должен проводиться не на предмет установления причин и условий преступности, а в аспекте влияния правовой формы на снижение или увеличение объективно существующих рисков криминогенного характера. Вот почему нельзя рассматривать криминологическую экспертизу проектов нормативных правовых актов как *выявление правовых норм, реализация которых может способствовать возникновению причин и условий преступности*. Эта задача пока не решаема до конца даже в криминологической науке, тем более в рамках криминологической экспертизы.

4. Развивая это положение, следует сделать еще одно заключение. Методология криминологической экспертизы основывается не только на учении о преступности и ее причинах в социальных системах, но и на учении о праве, теории нормотворчества и социального правообразования, методах правового регулирования и формах выражения (закрепления) правовых нормативов, а равно на теории социальных интересов и социального компромисса. Только при соблюдении и учете указанных компонентов при разработке методологии криминологической экспертизы может быть обеспечена ее достоверность, научность, социальная необходимость и полезность для общества и государства.

5. Криминологическая экспертиза с точки зрения технологии и процедуры ее проведения относится исключительно к социологии правотворчества. Поэтому она не имеет ничего общего (разумеется, кроме исследовательского компонента) с экспертизами, проводимыми в рамках уголовного и гражданского судопроизводства. Ее независимость всегда должна и будет определяться только научной компетентностью специалиста-криминолога. То обстоятельство, что в Республике Беларусь криминологическая экспертиза законопроектов выделена в качестве специализированной, следует понимать не более как ее научно-технологическое обособление от иных видов экспертиз (обоснований), проводимых в процессе подготовки законопроектов. Сделано это в силу предметной актуальности криминологической экспертизы для формирования «безопасного законодательства».

В социальных системах существует и без этого достаточно устойчивый (можно сказать, закономерный) комплекс социальных детерминант криминального характера, и закону не следует обострять такого рода диспропорции и деформации социального и личностного характера. «Это составляет цель любого хорошего законодательства, писал Ч. Беккария, которое, в сущности, является искусством вести людей к наивысшему счастью или к возможно меньшему несчастью, если рассуждать с точки зрения соотношения добра и зла в нашей жизни» [9, с. 230].

6. Криминологическая экспертиза нормативных правовых актов – важный, но всего лишь системный элемент общесоциального предупреждения преступности. По своему уровню и характеру она не выходит за пределы правовой

формы и ее деструктивного или конструктивного влияния на девиации криминального или потенциально криминального характера в самых различных сферах социальной жизни общества. В криминологии общесоциальное предупреждение рассматривается как многоплановая система государственных и общественных (в том числе сугубо правовых) мер, направленных на стабилизацию общественных отношений и связи с этим ослабляющих или нейтрализующих действие социально-причинного комплекса преступности.

Список использованных источников

1. Козаченко, И. Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности: Основной доклад XIV Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М.И. Ковалева (Екатеринбург, 16-17 февраля 2017 года). – Екатеринбург: Изд. дом Уральского государственного юридического университета, 2017.

2. Шакун, В. І. Теневая экономика как объект криминологии / В.І. Шакун // Крымінально-правове забезпечення сталого розвитку України в умовах глобалізації : матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 12-13 жовт. 2017 р. / редкол.: В. Я. Тацій (голов. ред.), В. І. Борисов (заст. голов. ред.) та ін. – Харків : Право, 2017.

3. Марчук, В. В. О содержательной стороне функций уголовного права / В.В. Марчук // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 3 (59).

4. Милюков, С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа / С.Ф. Милюков. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2000.

5. Преступность среди социальных систем. Новая концепция и отрасли криминологии / Под ред. Д.А. Шестакова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.

6. Современные проблемы и стратегия борьбы с преступностью / Науч. ред. В.Н. Бурлаков, Б.С. Волженкин. – СПб.: Издательский Дом С.-Петербурского ун-та, 2005.

7. Лукреций. О природе вещей / Тит Лукреций. – М., 1958.

8. Хутов, К. М. Причины преступного монополизма и некоторые меры по его предупреждению / К.М. Хутов // Организованная преступность и коррупция: результаты криминолого-социологических исследований. Выпуск 2. / Под ред. Н.А.Лопашенко. – Саратов: Сателлит, 2006. – С. 225–229.

9. Беккария, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккария – М.: Изд-во «Стелс», 1995.

Дата поступления статьи – 15.09.2017.

В статье с позиции криминологии социальных подсистем предпринята попытка раскрыть содержательно-предметные и социально-функциональные свойства и особенности криминологической экспертизы правовых актов, ее значение для формирования безопасного для человека, общества и государства законодательства.

In the article from the point of view of the criminology of social systems, an attempt was made to disclose the content-objective and socio-functional characteristics and human rights, society and state legislation.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ И ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Полящук Н.А., Хиревич М.Л.

Общие положения

В предмет прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия в стадии предварительного расследования наряду с иными вопросами входит проверка законности и обоснованности приостановления и возобновления предварительного расследования.

Несмотря на отсутствие единообразного подхода к определению понятия «приостановление предварительного следствия» и закрепления его дефиниции в уголовно-процессуальном законодательстве, тем не менее приостановление предварительного следствия можно определить как временный перерыв в совершении процессуальных действий и вынесении процессуальных решений по уголовному делу, обусловленный наличием оснований, препятствующих продолжению и окончанию предварительного следствия.

В соответствии с п. 26 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) предварительное расследование – это производство предварительного следствия, дознания по уголовному делу. С учетом дополнений и изменений, внесенных в УПК Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2011 года «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Следственного комитета Республики Беларусь», основной формой предварительного расследования является предварительное следствие. В то же время на основании ст. 186 УПК предварительное расследование в форме дознания существенно ограничено как по объему, так и по времени производства (до выполнения неотложных следственных и других процессуальных действий, но не более десяти суток со дня возбуждения уголовного дела), поэтому в настоящее время орган дознания не вправе приостанавливать предварительное расследование, в связи с чем речь может идти лишь о приостановлении предварительного следствия. В результате приостановить предварительное следствие вправе следователь по находящимся в его производстве уголовным делам, а также прокурор, начальник следственного подразделения, принявшие в соответствии с ч. 4, пп. 3, 12 ч. 5 ст. 34, п. 8 ч. 2 ст. 35 УПК уголовное дело к своему производству и лично производящие предварительное следствие по делу. При этом прокурор, начальник следственного подразделения наделяются полномочиями следователя. Если прокурор (на основании п. 4 ч. 5 ст. 34, а также чч. 1, 2 ст. 185 УПК), начальник следственного подразделения (в соответствии с чч. 1, 2 ст. 185 УПК) участвуют в расследовании уголовного дела в составе следственной группы, решение о приостановлении предварительного следствия ими может быть принято в том случае, если они являются ее руководителями.

Приостановление следствия – в целом явление негативное, т.к. препятствует своевременному завершению производства по уголовному делу, восстановлению нарушенных преступлением прав. На ход расследования и результат раскрытия преступлений существенно влияет временной фактор, поскольку большой промежуток времени увеличивает опасность уничтожения материальных и идеальных следов совершенного преступления: чем больше проходит времени, тем

больше информации может быть утрачено. В связи с этим каждый раз к принятию решения о приостановлении следствия необходимо подходить взвешенно.

Основания, условия и порядок приостановления предварительного следствия

Приостановление предварительного следствия возможно только при наличии одного из оснований и условий, предусмотренных ч. 1 ст. 246 УПК. С учетом того, что перечень оснований является исчерпывающим, ни по каким иным основаниям и обстоятельствам приостановление предварительного следствия не допускается. Таким образом, ч. 1 ст. 246 УПК предусматривает шесть оснований приостановления предварительного следствия, анализ которых позволяет условно подразделить их на два вида: по уголовным делам, по которым приостановление возможно до истечения срока производства предварительного следствия (пп. 3, 4, 5 ч. 1 ст. 246 УПК), и по делам, по которым производство может быть приостановлено только по истечении установленного законом срока производства предварительного следствия (пп. 1, 2, 6 ч. 1 ст. 246 УПК).

1. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК предварительное следствие приостанавливается в том случае, когда сам факт совершения преступления не вызывает сомнений, но лицо, его совершившее, установить или изобличить не удалось, несмотря на все принятые меры. Иными словами, следователь, располагая достаточными доказательствами существования самого факта преступления, не имеет доказательств, указывающих на то, кто его совершил, и добыть такие доказательства на данном этапе не представляется возможным. Кроме того, по данному основанию предварительное следствие может быть приостановлено в случае, когда в отношении лица, признанного подозреваемым или привлеченного в качестве обвиняемого, уголовное преследование было прекращено в соответствии с ч. 2 ст. 250 УПК в связи с недоказанностью его участия в совершении преступления.

Таким образом, для приостановления предварительного следствия по рассматриваемому основанию достоверно должен быть установлен сам факт совершения преступления. Если факт совершения преступления достоверно не установлен, то уголовное дело не может быть приостановлено, оно подлежит прекращению в связи с отсутствием события преступления.

Следует иметь в виду, что приостановление предварительного следствия по данному основанию обусловлено выполнением всех следственных действий, принятием мер по установлению лица, совершившего преступление, а также истечением срока производства предварительного следствия.

2. Сущность второго основания заключается в том, что по уголовному делу имеются достаточные доказательства для привлечения лица в качестве обвиняемого, вынесено соответствующее постановление об этом, однако обвиняемый скрылся от органов уголовного преследования с целью избежать ответственности либо просто неизвестно его местонахождение, при этом он не предпринимает попыток уклониться от расследования. То есть в данном случае можно говорить о двух самостоятельных основаниях для приостановления предварительного следствия: во-первых, когда обвиняемый скрылся от органа уголовного преследования; во-вторых, когда по иным причинам не установлено местонахождение обвиняемого.

Причинами приостановления предварительного следствия по данному основанию (в силу того, что обвиняемый скрылся от органа уголовного преследования) могут быть несвоевременное избрание меры пресечения либо применение меры пресечения, неадекватной общественной опасности и тяжести совершенного преступления, поверхностное изучение личности обвиняемого, недостаточная активность органов уголовного преследования при собирании доказательств причастности лица к совершению преступления в самом начале производства по материалам и уголовному делу, вследствие чего прокурор отказывает в санкции на заключение под стражу. Следует также иметь в виду, что по общему правилу в соответствии со ст. 126 УПК заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется лишь в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет. Это может привести к тому, что указанные лица нередко скрываются от органов уголовного преследования, вынуждая приостанавливать предварительное следствие до их обнаружения.

Если обвиняемый скрылся от органа уголовного преследования, предварительное следствие может быть приостановлено до его задержания или явки в орган уголовного преследования. В таком случае течение срока давности приостанавливается согласно ч. 4 ст. 83 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Если же речь идет о ситуациях, когда местонахождение обвиняемого не установлено по иным причинам, при этом он не скрывается и нет оснований полагать, что он стремился скрыться от органа уголовного преследования, не знает о том, что его разыскивают, срок давности привлечения лица к уголовной ответственности по такому делу не приостанавливается, при его истечении производство по уголовному делу подлежит прекращению, за исключением совершения преступления, за которое может быть назначено наказание в виде пожизненного заключения или смертной казни, поскольку согласно ч. 5 ст. 83 УК вопрос о применении сроков давности в данном случае разрешается судом.

В этой связи перед принятием решения о приостановлении предварительного следствия по указанному основанию следователь должен установить сам факт отсутствия обвиняемого по месту жительства и работы, у близких родственников и знакомых, допросить этих и иных лиц о предполагаемом местонахождении, собрать информацию о разыскиваемом по учетным данным подразделений по гражданству и миграции, военкоматов, спецприемников, приемников-распределителей, моргов, лечебных и иных учреждений, уточнить, не применена ли такая мера пресечения, как заключение под стражу, по другому уголовному делу, принять иные меры к получению сведений, которые могут способствовать обнаружению и задержанию обвиняемого.

Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда лицо, совершившее преступление, скрывается от органа уголовного преследования, являясь по делу только подозреваемым. В этом случае следователь не может приостановить предварительное следствие до тех пор, пока не соберет достаточных доказательств, указывающих на то, что именно это, а не иное лицо совершило преступление, и этих доказательств достаточно для предъявления обвинения на основании ч. 1 ст. 240 УПК. В результате только после вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (т.е. с момента, когда скрывшийся подозреваемый

приобретает статус обвиняемого) следователь может вынести постановление о приостановлении предварительного следствия.

Таким образом, для приостановления предварительного следствия на основании п. 2 ч. 1 ст. 246 УПК необходимо, чтобы в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, было вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, истекли сроки предварительного следствия, выполнены все следственные действия, проведение которых возможно в отсутствие обвиняемого, приняты все меры по его розыску.

3. В качестве третьего основания приостановления предварительного следствия уголовно-процессуальный закон рассматривает случаи, когда местонахождение обвиняемого известно, однако отсутствует реальная возможность его участия в производстве по уголовному делу в связи с рассмотрением вопроса о выдаче иностранным государством, а также в связи с невозможностью по объективным причинам прибыть к месту производства предварительного следствия. В п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК также, по сути, определено два разных основания, которые объединяет то, что местонахождение обвиняемого известно. Разница состоит лишь в том, что в одном случае обвиняемый находится на территории иностранного государства и уклоняется от явки, поэтому вопрос о его выдаче решается в рамках международных договоров Республики Беларусь и в соответствии с положениями раздела XV УПК; во втором случае обвиняемый может находиться как за пределами Республики Беларусь, так и на ее территории, при этом он не уклоняется от явки, однако прибыть к месту производства предварительного следствия не может.

В итоге приостанавливать предварительное следствие в первом случае допустимо после составления в установленной главой 52 УПК либо соответствующими международными договорами форме просьбы о выдаче лица. Данный документ является юридическим основанием для возбуждения процедуры экстрадиции и обязательным условием приостановления предварительного следствия по п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК.

Вместе с тем могут возникать определенные вопросы в случае отказа иностранного государства в выдаче обвиняемого. По смыслу закона такое решение влечет возобновление предварительного следствия, поскольку законодатель не ставит наличие основания приостановления предварительного следствия в зависимость от варианта решения вопроса о судьбе обвиняемого. Важно, чтобы он был рассмотрен, после чего основание для приостановления отпадает.

Если же иностранным государством отказано в выдаче обвиняемого для привлечения его к уголовной ответственности, а собранных доказательств достаточно для передачи уголовного дела прокурору для направления в суд, следователю надлежит возобновить производство по уголовному делу и приступить к процедуре окончания предварительного расследования с передачей уголовного дела прокурору для направления в суд, а по завершении указанной процедуры – направить дело прокурору. Суд, в свою очередь, рассматривает его в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 294 УПК в отсутствие обвиняемого.

Применительно ко второй ситуации, когда обвиняемый не может прибыть к месту производства предварительного следствия, закон не раскрывает, что конкретно следует понимать под объективными причинами, предоставляя следователю полномочие самому принимать решение по этому вопросу. Такими

причинами могут являться дальняя и продолжительная командировка, туристическая поездка, нахождение в дальнем плавании, экспедиции, труднодоступных в определенное время года местах либо на территории, временно изолированной в результате стихийного бедствия, а также обстоятельства, указанные в качестве уважительных причин неявки обвиняемого по вызову следователя, перечисленные в ч. 5 ст. 242 УПК. При этом обвиняемому необходимо сообщить следователю о месте своего нахождения и причине невозможности прибытия по его вызову.

Таким образом, приостановление предварительного следствия по основанию, закрепленному в п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК, допускается до окончания срока предварительного следствия, но при этом в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, должно быть вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, выполнены все следственные действия, проведение которых возможно в отсутствие обвиняемого, а также при решении вопроса о выдаче обвиняемого иностранным государством должна быть начата процедура выдачи.

4. Четвертое основание приостановления предварительного следствия связано с невозможностью участия обвиняемого в производстве процессуальных действий вследствие его временного психического расстройства (заболевания) или иного заболевания. Приостанавливая расследование по данному основанию, необходимо иметь в виду, что уголовно-процессуальный закон не содержит конкретного перечня расстройств и заболеваний, которые влекут приостановление следствия. В то же время в УПК указано, что психическое расстройство (заболевание) должно быть временным (не хроническим, а излечимым в будущем), его течение должно препятствовать участию обвиняемого в производстве процессуальных действий и это должно быть удостоверено врачом, работающим в государственной организации здравоохранения.

Под временным психическим расстройством (заболеванием) в данном случае следует понимать имеющее различную продолжительность расстройство душевной деятельности обвиняемого, когда он не может сознавать значение своих действий или руководить ими, что и препятствует его участию в процессуальных действиях. Еще раз подчеркнем, что в законе указано, что психическое расстройство (заболевание) должно быть временным, то есть должна оставаться возможность выздоровления лица, а следовательно, и перспектива возобновления предварительного следствия, а затем и его окончания. Это следует учитывать, поскольку при хронической, неизлечимой форме расстройства возникают основания для производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения.

Психическое расстройство в широком смысле – состояние психики, отличное от нормального/здорового. Оно может влечь для обвиняемого самые различные последствия: от неспособности самостоятельно осуществлять свое право на защиту до невозможности вообще участвовать в производстве следственных действий. Исходя из этого уголовно-процессуальное законодательство предусматривает различные варианты действий следователя.

Так, психические заболевания обвиняемого, не сопряженные с утратой им способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, рассматриваются в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сентября 2009 г. № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном

процессе» как психические недостатки и не требуют приостановления следствия. Расследование в этом случае может быть продолжено в обычном порядке при условии обязательного обеспечения участия защитника обвиняемого (п. 4 ч. 1 ст. 45 УПК).

В связи с этим вопрос о приостановлении следствия по п. 4 ч. 1 ст. 246 УПК может ставиться только при наличии у обвиняемого психического расстройства (заболевания), которое лишает его возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими (которым это лицо заболело после совершения преступления). Такие заболевания, по мнению законодателя, могут быть временными (ст.ст. 246, 280, 302, 447 УПК) и хроническими (ст.ст. 353, 442–447 и др. УПК).

В судебной психиатрии в качестве временных психических расстройств выделяются имеющие различную продолжительность психопатологические состояния, которые заканчиваются выздоровлением. При этом Клинический протокол оказания медицинской помощи пациентам с психическими и поведенческими расстройствами, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 1387, практически не оперирует понятием «выздоровление». Оно применяется лишь к отдельным случаям шизофрении и шизотипических и бредовых расстройств, различного рода адаптационным расстройствам и тикам. Во всех остальных случаях речь идет о купировании, редукции или нивелировании симптоматических проявлений, компенсации патологических состояний, ремиссии, т.е. о полном выздоровлении лица речь не идет.

Вследствие этого в настоящее время отсутствует объективная возможность выделения категории временных психических расстройств как конкретной устойчивой группы заболеваний психики, в связи с наступлением которых следствие (как и судебное разбирательство) должно быть приостановлено.

На основании изложенного следователю при принятии решения о приостановлении следствия по п. 4 ч. 1 ст. 246 УПК целесообразно исходить из того, что наличие и характер психического расстройства у обвиняемого устанавливаются судебно-психиатрической экспертизой. Поскольку данное действие является следственным, то до получения заключения экспертной комиссии приостановление расследования недопустимо. После же его получения следователем в силу указанных выше причин может быть принято решение об окончании производства предварительного следствия одним из постановлений, перечисленных в ч. 1 ст. 191 УПК.

Иное заболевание, обозначенное в п. 4 ч. 1 ст. 246 УПК (не являющееся психическим заболеванием или расстройством), будет являться основанием приостановления предварительного следствия только в том случае, если оно препятствует участию обвиняемого в процессуальных действиях, при этом срок и виды болезни значения не имеют. Среди заболеваний общего характера можно выделить такие, которые сами по себе являются тяжкими, например туберкулез, стенокардия, гепатит и др., однако при соответствующих показаниях и отсутствии острого периода в их развитии они не рассматриваются в качестве основания приостановления предварительного следствия. В то же время даже неопасные, на первый взгляд, для жизни расстройства здоровья при определенных формах их течения могут быть положены в основу приостановления производства по уголовному делу.

В любом случае как временный характер психического расстройства (заболевания), так и наличие иного заболевания обвиняемого, которые препятствуют участию в производстве процессуальных действий, должен подтвердить работающий в государственной организации здравоохранения врач.

Как правило, следователь при получении достаточных данных, в том числе непосредственно от обвиняемого, его защитника, других участников уголовного процесса, свидетельствующих о наличии у обвиняемого психического расстройства (заболевания) или иного заболевания, характер течения которого может препятствовать его участию в производстве процессуальных действий, обязан обратиться в государственную организацию здравоохранения с запросом о возможности участия этого обвиняемого в производстве следственных и иных процессуальных действий. В свою очередь, государственная организация здравоохранения на основании имеющейся медицинской документации представляет справку о возможности или невозможности участия обвиняемого в производстве следственных и иных процессуальных действий, в которой должны быть отражены реквизиты государственной организации здравоохранения (официальный бланк организации, штампы, печати), сведения о характере заболевания (вид заболевания, предположительное время продолжительности лечения до наступления возможности участия обвиняемого в производстве процессуальных действий), должность, фамилия, имя, отчество врача, выдавшего документ, и его подпись. Если обвиняемый находится в лечебном учреждении по поводу психического расстройства (заболевания) или иного заболевания, справка о возможности или невозможности его участия в производстве процессуальных действий может быть выдана лечащим врачом. Выданная справка приобщается к уголовному делу.

Главой 7 Указа Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 «Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан» установлен перечень организаций здравоохранения, в которые необходимо обращаться за выдачей соответствующих заключений врачебно-консультационной комиссии, листков нетрудоспособности (справок о временной нетрудоспособности), медицинских справок о состоянии здоровья и т.п., среди которых обозначены больница, госпиталь, медико-санитарная часть, диспансер, родильный дом, центр, дом ребенка, хоспис, поликлиника, амбулатория, организация скорой медицинской помощи, санитарно-эпидемиологическая организация, орган Государственного комитета судебных экспертиз и др.

В свою очередь, при исследовании случаев, связанных с необходимостью подтверждения работающим в государственной организации здравоохранения врачом невозможности участия обвиняемого в производстве процессуальных действий вследствие наличия у последнего заболевания, следует обратиться к Инструкции о порядке выдачи и оформления листков нетрудоспособности и справок о временной нетрудоспособности, утвержденной постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь и Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 9 июля 2002 г. № 52/97.

Кроме того, считаем целесообразным обратить внимание на постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 9 июля 2010 г. № 92 «Об установлении форм «Медицинская справка о состоянии здоровья», «Выписка из медицинских документов» и утверждении Инструкции о порядке их

заполнения», исходя из смысла которого можно сделать вывод о том, что медицинская справка, подтверждающая наличие заболевания, препятствующего участию обвиняемого в производстве следственных и иных процессуальных действий, заполняется государственными учреждениями здравоохранения по месту жительства (месту пребывания) граждан, а при наличии ведомственных организаций здравоохранения – по месту работы (учебы, службы). Медицинская справка о состоянии здоровья, подтверждающая наличие (отсутствие) психиатрического и наркологического учета, заполняется соответствующими учреждениями здравоохранения.

Помимо следователя обратиться в государственную организацию здравоохранения для удостоверения наличия у обвиняемого заболевания, препятствующего его участию в производстве следственных и иных процессуальных действий, могут непосредственно сам обвиняемый, его защитник или законный представитель. Выданная им государственной организацией здравоохранения справка по их ходатайству также приобщается следователем к уголовному делу. При этом в случае возникновения сомнений в достоверности информации, содержащейся в справке, предоставленной указанными лицами, в том числе в наличии заболевания, препятствующего участию обвиняемого в производстве процессуальных действий, следователь должен обратиться в государственную организацию здравоохранения по месту жительства (месту пребывания) обвиняемого, а при наличии ведомственной организации здравоохранения – по месту его работы (учебы, службы) с запросом о необходимости подтверждения наличия или отсутствия возможности участия этого обвиняемого в производстве следственных действий.

Важность основания, закрепленного в п. 4 ч. 1 ст. 246 УПК, обусловлена тем, что участие обвиняемого может препятствовать его скорейшему выздоровлению, ухудшить течение болезни либо создать угрозу для других участников процессуальных действий ввиду характера заболевания. Это также может поставить под сомнение доказательственное значение сведений, полученных при проведении процессуальных действий с участием этого обвиняемого.

Таким образом, при приостановлении предварительного следствия, связанном с наличием у обвиняемого психического расстройства (заболевания) или иного заболевания, которому присущи указанные выше признаки, также должны быть выполнены все следственные действия, проведение которых возможно в отсутствие обвиняемого.

5. Невозможность производства следственных действий, без которых не может быть принято решение об окончании предварительного следствия, является основанием приостановления предварительного следствия, предусмотренным п. 5 ч. 1 ст. 246 УПК. В данном случае речь может идти, например, о следственном эксперименте, при проведении которого погодные условия не позволяют точно воспроизвести обстановку и иные обстоятельства определенного события, уточнить маршрут и место, где совершались преступные деяния, при проверке показаний на месте и др.

Законодатель не раскрывает, без проведения каких именно следственных действий не может быть принято решение об окончании предварительного следствия, в связи с чем на практике может возникнуть вопрос о правомерности приостановления предварительного следствия по указанному основанию, например, в случае заболевания потерпевшего, что, в свою очередь, лишает

следователя возможности провести следственные действия с его участием, или ввиду длительного отсутствия свидетеля (свидетелей), чьи показания имеют существенное значение для уголовного дела, и т.п. Полагаем, что к решению этой проблемы необходимо подходить избирательно, исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела. В данном случае следователю предоставляется право принимать решение по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств дела в их совокупности. Главное, чтобы это не приводило к злоупотреблениям, когда указанное основание применяется при отсутствии необходимости, по надуманным мотивам.

Приостановление предварительного следствия по данному основанию может быть осуществлено до окончания срока предварительного следствия. Кроме того, исходя из формулировки п. 5 ч. 1 ст. 246 УПК предварительное следствие может быть приостановлено и в случаях, когда лицо по уголовному делу является подозреваемым, т.е. привлечение лица в качестве обвиняемого как условие приостановления предварительного следствия по этому основанию не обязательно.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что до приостановления предварительного следствия должны быть выполнены все следственные действия, для проведения которых не имеется препятствий и результаты которых имеют существенное значение для принятия решения об окончании предварительного следствия, если обстоятельства совершенного преступления невозможно установить иным способом.

6. Приостановление предварительного следствия в случае необнаружения безвестно исчезнувшего лица, предусмотренном п. 6 ч. 1 ст. 246 УПК, имеет место, когда уголовное дело было возбуждено на основании п. 2 ст. 167 УПК, при этом все предпринятые органами уголовного преследования меры к обнаружению лица не дали положительных результатов. Приостановление предварительного следствия по данному основанию возможно только по истечении срока его производства.

7. Для того, чтобы решение о приостановлении предварительного следствия было законным и обоснованным, необходимо не только установить наличие оснований к приостановлению, изложенных в ч. 1 ст. 246 УПК, но и соблюдать ряд условий, предусмотренных законом. Одним из таких условий является выполнение всех следственных действий, производство которых возможно в отсутствие обвиняемого, принятие всех мер по его розыску, а равно по установлению лица, совершившего преступление, либо по обнаружению безвестно исчезнувшего лица (ч. 5 ст. 246 УПК). Это условие касается приостановления дела по любому из оснований.

Второе условие связано с возможностью приостановления предварительного следствия до или после истечения срока предварительного следствия. Так, согласно ч. 4 ст. 246 УПК предварительное следствие приостанавливается только по истечении срока его производства в случаях, предусмотренных пп. 1, 2 и 6 ч. 1 статьи 246 УПК, а в случаях, предусмотренных пп. 3, 4 и 5 ч. 1 ст. 246 УПК, оно может быть приостановлено и до окончания срока предварительного следствия. Таким образом, по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2 и 6 ч. 1 ст. 246 УПК, предварительное следствие может быть приостановлено в последний день окончания срока следствия.

8. При наличии одного из охарактеризованных выше оснований и необходимых условий следователь выносит мотивированное постановление, копию которого направляет прокурору.

По общему правилу постановление состоит из трех частей: вводной, описательно-мотивировочной (описательной) и резолютивной.

Вводная часть содержит название документа (постановления), место и время его вынесения, должность, звание (классный чин), фамилию и инициалы лица, его составившего, номер уголовного дела, по которому принимается решение.

В описательно-мотивировочной (описательной) части, начинающейся после слова «установил», излагаются обстоятельства совершенного общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, послужившие основанием для возбуждения уголовного дела, квалификация преступления по статье УК, данные о привлечении лица в качестве обвиняемого, если таковой имеется, фактические обстоятельства дела, указывающие на наличие оснований и выполнение условий приостановления, ссылки на конкретные пункты, части и статьи УПК, предусматривающие основания приостановления предварительного следствия. Следует также иметь в виду, что в постановлении о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 6 ч. 1 ст. 246 УПК (в связи с необнаружением безвестно исчезнувшего лица), статья УК не указывается.

В резолютивной части, которая начинается после слова «постановил», по пунктам отражаются принятые решения: о приостановлении предварительного следствия по конкретному уголовному делу; об объявлении розыска обвиняемого; о поручении розыска органу дознания; о мере пресечения; об этапировании; о направлении копии постановления прокурору; о сообщении участникам уголовного процесса, указанным в ч. 1 ст. 247 УПК, о принятом решении и о праве и порядке его обжалования. Если по уголовному делу наложен арест на имущество в соответствии с ч. 2 ст. 132 УПК, в резолютивной части постановления излагается также указание об отмене ареста на имущество.

Постановление подписывается лицом, его составившим.

Срок для направления прокурору копии постановления о приостановлении предварительного следствия в законодательстве не установлен. Вместе с тем на основании общих подходов в целях своевременного реагирования в случае установления нарушений закона представляется, что этот срок не должен превышать 24 часов с момента вынесения постановления.

9. Кроме того, необходимо иметь в виду, что согласно ст. 165 УПК орган уголовного преследования вправе выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении отдельных обвиняемых по уголовным делам по обвинению нескольких лиц. Частью 3 ст. 246 УПК как раз и предусмотрены особенности приостановления, если по делу привлечено несколько обвиняемых, а основания для приостановления относятся не ко всем обвиняемым. УПК допускает возможность выделить в отношении их уголовное дело в отдельное производство, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного следствия и не будет препятствовать его завершению в отношении остальных обвиняемых. Вместе с тем можно приостановить производство по всему делу, если по нему не может быть продолжено предварительное следствие без участия всех обвиняемых.

Закрепленные в ч. 3 ст. 246 УПК требования распространяются на случаи приостановления предварительного следствия по основаниям, предусмотренным пп. 1–4 ч. 1 ст. 246 УПК, когда по уголовному делу привлечены два или несколько обвиняемых. Следует также иметь в виду, что исходя из содержания п. 1 ч. 1 ст. 165 УПК уголовное дело может быть выделено и по нему приостановлено предварительное следствие в случаях, когда общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, совершено в соучастии и в ходе предварительного следствия не представилось возможным установить всех соучастников совершенного преступления. В сложившейся ситуации уголовное дело в отношении неустановленных лиц выделяется в отдельное производство, которое приостанавливается по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК.

10. Уголовное дело, предварительное следствие по которому приостановлено, в архив не сдается и хранится у следователя.

По истечении срока давности привлечения лица к уголовной ответственности, определенного ст. 83 УК, если по делу нет сведений о приостановлении либо перерыве срока давности, за исключением уголовных дел о преступлениях, за которые может быть назначено наказание в виде пожизненного заключения или смертной казни, когда вопрос о применении сроков давности согласно ч. 5 ст. 83 УК решается судом, следователем в соответствии с ч. 6 ст. 246 УПК принимается решение о прекращении производства по уголовному делу, предварительное следствие по которому приостанавливалось.

При прекращении производства по уголовному делу применяются нормы, закрепленные в главе 29 УПК.

Действия следователя после приостановления предварительного следствия

1. Характер действий следователя после приостановления предварительного следствия непосредственно зависит от оснований приостановления. Однако во всех случаях на нем лежит обязанность письменно уведомить о принятом решении участников уголовного процесса, указанных в ч. 1 ст. 247 УПК, разъяснив им, в том числе, возможность обжалования постановления о приостановлении предварительного следствия прокурору.

Несмотря на то, что в ч. 1 ст. 247 УПК предусмотрена возможность обжалования постановления о приостановлении предварительного следствия только прокурору, тем не менее, полагаем, что данный документ может быть обжалован не только прокурору, но и начальнику следственного подразделения с учетом полномочий последнего, закрепленных в ст. 35 УПК, и положений об обжаловании, изложенных в главе 16 УПК.

Так, о приостановлении предварительного следствия письменно уведомляются потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, а в случае приостановления предварительного следствия по основаниям, предусмотренным пп. 3–5 ч. 1 ст. 246 УПК, об этом уведомляются также обвиняемый, его защитник и законный представитель.

Приостанавливая производство по уголовному делу по основанию, предусмотренному в п. 5 ч. 1 ст. 246 УПК, следует учитывать, что лицо еще может быть не привлечено в качестве обвиняемого и находиться в статусе подозреваемого. В УПК обязанности следователя по информированию

подозреваемого, его защитника и законного представителя о приостановлении производства по уголовному делу не предусматривается. Вместе с тем представляется, что указанные лица также должны быть письменно уведомлены о приостановлении производства по уголовному делу в целях обеспечения защиты их прав и свобод.

Если дело было возбуждено по факту исчезновения лица, о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 6 ч. 1 ст. 246 УПК, должны быть письменно уведомлены заявители с учетом того, что к моменту приостановления предварительного следствия по таким делам потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков, а также подозреваемых и обвиняемых не имеется.

2. Закон непосредственно не предусматривает, в какой форме (помимо того, что она должна быть письменной) и в какой срок следователь уведомляет указанных выше лиц о приостановлении предварительного следствия и разъясняет порядок обжалования принятого решения. Тем не менее, учитывая назначение данного документа, представляется, что в нем необходимо указать следующие сведения: кому и куда оно адресуется, ссылка на ч. 1 ст. 247 УПК, в соответствии с которой оно направляется; по какому уголовному делу; основание, по которому приостановлено предварительное следствие, разъяснение права и порядка обжалования постановления о приостановлении предварительного следствия, предусмотренных УПК; кем и когда приостановлено предварительное следствие; дата направления уведомления. Необходимо также обратить внимание на то, что копии уведомлений должны быть приобщены к уголовному делу в подтверждение выполнения следователем процессуальной обязанности уведомлять участников уголовного процесса о приостановлении предварительного следствия и разъяснять им права и порядок обжалования принятого решения. При этом необходимо иметь в виду, что жалоба на решение следователя может быть подана в течение всего периода приостановления предварительного следствия до его возобновления либо до прекращения производства по делу за истечением сроков давности.

Уведомление вручается следователем лично (под расписку), с нарочным (курьером) или с использованием современных средств связи (почты). В случае временного отсутствия лица, которому адресовано уведомление, оно вручается совершеннолетнему члену его семьи либо передается администрации по месту работы, администрации организации здравоохранения, если это лицо находится на излечении, которые, в свою очередь, обязаны передать это уведомление лицу, которому оно адресовано. Если речь идет о необходимости уведомления обвиняемого, находящегося на территории другого государства, в отношении которого решается вопрос о его выдаче, то оно осуществляется через компетентные органы страны, которые приняли документы для рассмотрения вопроса о выдаче обвиняемого для осуществления уголовного преследования. В том случае, когда предварительное следствие приостанавливается в связи с психическим расстройством (заболеванием) обвиняемого (на основании п. 4 ч. 1 ст. 246 УПК) и характер заболевания обвиняемого не позволяет уведомить его о приостановлении предварительного следствия, об этом уведомляются только его защитник и законный представитель, участвующие в уголовном процессе. Если же речь идет просто о болезни обвиняемого (а не о психическом расстройстве (заболевании), то о приостановлении предварительного следствия он все же уведомляется лично следователем или, что менее предпочтительно, по его

поручению главным врачом либо администрацией лечебного учреждения, в котором обвиняемый находится на лечении.

Кроме того, согласно п. 14 ч. 1 ст. 50, п. 11 ч. 1 ст. 53, п. 12 ч. 1 ст. 55, п. 15 ч. 1 ст. 57 УПК потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, а также законные представители потерпевшего, гражданского истца помимо письменного уведомления вправе получить копию постановления о приостановлении предварительного следствия. В связи с этим, если от указанных лиц поступила просьба о вручении им копии постановления, она должна быть им вручена следователем, о чем делается запись в оригинале постановления или на отдельном листе, удостоверяемая подписью лица, ее получившего. В таком случае надобность в направлении участнику уголовного процесса письменного уведомления о приостановлении предварительного следствия отпадает. В то же время не следует забывать о необходимости разъяснения указанным лицам их прав и порядка обжалования принятого решения.

3. Приостановление предварительного следствия не является формой окончания расследования. Законодатель требует, чтобы после принятия решения о приостановлении производства по уголовному делу следователь как непосредственно, так и через органы дознания принимал меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого; установлению местонахождения и розыску скрывшегося обвиняемого или обнаружению безвестно исчезнувшего лица (ч. 2 ст. 247 УПК). Однако одновременно в ч. 3 ст. 247 УПК законодатель закрепил запрет на производство по уголовному делу, расследование по которому приостановлено, чем создал неопределенность в вопросе о виде и содержании деятельности на данном этапе досудебного производства.

4. Учитывая содержание абз. 3 п. 31 ст. 6 УПК, где разъясняется, что производство по уголовному делу – это совокупность процессуальных действий и процессуальных решений, совершаемых и выносимых по конкретному уголовному делу, необходимо отметить, что по уголовному делу, следствие по которому приостановлено, не могут быть произведены процессуальные действия и не могут быть приняты процессуальные решения, предусмотренные УПК, а именно: не могут быть проведены любые следственные действия, истребованы предметы и документы, имеющие значение для дела, проведены по требованию следователя ревизии и проверки, рассмотрены и разрешены ходатайства по делу, лица признаны подозреваемыми, потерпевшими, гражданскими истцами и гражданскими ответчиками, применены меры процессуального принуждения и т.д. В случае производства следственных и иных процессуальных действий после приостановления предварительного следствия полученные в их результате доказательства признаются недопустимыми.

5. Задачи уголовного процесса после приостановления производства по уголовному делу решаются иными методами посредством применения мер, направленных на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, установление местонахождения и розыск скрывшегося обвиняемого или обнаружение безвестно исчезнувшего лица.

К таким мерам могут относиться: организация взаимодействия с органами дознания (обмен информацией, составление планов совместных мероприятий и т.п.); установление и изучение уголовных дел с однородными способами совершения преступлений, как расследуемых, так и приостановленных или

рассмотренных судами и находящихся в архивах; анализ данных различных оперативно-справочных и криминалистических учетов; организация проверки лиц, возможно причастных к совершению преступления, являющихся подозреваемыми или обвиняемыми по другим делам; ознакомление с материалами об отказе в возбуждении уголовного дела.

Конкретные организационные мероприятия следователя по приостановленному производством уголовному делу определяются в зависимости от основания его приостановления. Например, в случае приостановления предварительного следствия в связи с временным психическим расстройством (заболеванием) или иным заболеванием обвиняемого, препятствующим его участию в производстве процессуальных действий, необходимо систематически получать информацию о состоянии его здоровья от лечащего врача.

6. Аналогичные меры принимаются и в случаях, предусмотренных п. 2 и п. 6 ч. 1 ст. 246 УПК: при установлении места нахождения обвиняемого, которое не представилось возможным установить до приостановления предварительного следствия, розыске скрывшегося обвиняемого либо обнаружении безвестно исчезнувшего лица. Кроме того, следователь может непосредственно направить запросы в органы внутренних дел по месту возможного нахождения обвиняемого, собирать информацию о его родственниках и иных лицах, с которыми он может поддерживать связь, и т.д.

Таким образом, весь комплекс мер, предпринимаемых следователем, чтобы установить лицо, совершившее преступление, должен быть направлен на получение необходимой дополнительной или новой информации, позволяющей уточнить проверявшиеся следственные версии и выдвинуть новые. Деятельность следователя по установлению местонахождения обвиняемого в основном носит проверочный характер.

В результате многие специалисты считают, что после приостановления расследования процессуальные действия не совершаются, а деятельность следователя носит непроцессуальный характер (т.е. изменяются формы и методы работы, направленной на устранение препятствий, послуживших основаниями для приостановления предварительного следствия). Меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, – это действия следователя по розыску, а также оперативно-розыскные и иные обусловленные спецификой административно-властных полномочий действия органа дознания. При этом меры, принимаемые следователем по приостановленному производством уголовному делу, не должны носить оперативно-розыскной характер, поскольку следователь в соответствии с Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 года «Об оперативно-розыскной деятельности» субъектом оперативно-розыскной деятельности не является. По общему правилу, установленному в ч. 7 ст. 36 УПК, в случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий следователь должен давать указания об их проведении органу дознания.

С учетом изложенного следует иметь в виду, что для принятия законного решения о приостановлении предварительного следствия необходимо тщательно проанализировать весь собранный доказательный материал по уголовному делу и убедиться в том, что обстоятельство, способствовавшее приостановлению предварительного следствия, в данный момент неустранимо, а также соблюдены все условия для приостановления предварительного следствия. Эти рекомендации

являются гарантией не только правильности принимаемого следователем решения, но и законности и обоснованности выносимого в связи с этим постановления.

Розыск обвиняемого

1. Исходя из смысла ч. 2 ст. 247 УПК приостановление предварительного следствия не означает полного прекращения работы по уголовному делу, особенно если производство приостановлено ввиду того, что обвиняемый скрылся или по иным причинам неизвестно его местопребывание, а также в случае неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Если место нахождения обвиняемого неизвестно, следователь поручает производство розыска органу дознания.

Розыск в контексте ст. 248 УПК – это деятельность, направленная на установление места нахождения обвиняемого. В связи с этим необходимо принимать во внимание, что если лицо не привлечено в качестве обвиняемого, то меры по его установлению не входят в понятие розыска.

2. Основная работа по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, и розыску скрывшегося подозреваемого или обвиняемого ложится на органы дознания, располагающие оперативно-розыскными возможностями. В связи с этим ст. 248 УПК специально устанавливает, что если место нахождения обвиняемого неизвестно, то следователь поручает его розыск органам дознания, о чем указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление.

3. В целях надлежащего взаимодействия и обеспечения органов дознания необходимой информацией о разыскиваемом лице представляется целесообразным наряду с постановлением об объявлении розыска (или постановлением о приостановлении следствия и объявлении розыска) направлять в орган дознания также справку о личности, копию постановления о возбуждении уголовного дела в отношении скрывшегося лица, копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого, копию постановления об избрании меры пресечения, если она избиралась.

4. Как правило, отдельное постановление об объявлении розыска выносится, когда такое решение принимается до приостановления предварительного следствия. Традиционно постановление об объявлении розыска обвиняемого состоит из трех частей: вводной, описательной и резолютивной.

Во вводной части указываются название документа, место и время его вынесения, должность, звание (классный чин), фамилия и инициалы лица, его составившего, номер уголовного дела, по которому принимается решение.

В описательной части после слова «установил» излагаются обстоятельства совершенного обвиняемым общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, указываются квалификация преступления по статье УК, данные о привлечении лица в качестве обвиняемого, о применении меры пресечения, не связанной с лишением свободы, либо взятии письменного обязательства о явке, если таковые применялись, данные о том, что обвиняемый скрылся либо его местонахождение неизвестно по иным причинам, ссылки на конкретные пункты, части и статьи УПК, на основании которых принято решение об объявлении розыска обвиняемого.

Резолютивная часть начинается после слова «постановил», отдельными пунктами отражает принятые решения: об объявлении розыска обвиняемого с

указанием его фамилии, имени, отчества и других данных о его личности, указанных в ч. 3 ст. 244 УПК, необходимых для его розыска; о поручении розыска органу дознания и о направлении ему постановления для исполнения.

При вынесении общего постановления о приостановлении предварительного следствия и об объявлении розыска обвиняемого в нем отражаются также вопросы, касающиеся приостановления предварительного следствия.

5. Кроме данных об обвиняемом, указанных в постановлении об объявлении розыска, рекомендуется также предоставлять органу дознания справку с указанием данных о последнем и предшествующих местах жительства, работы и учебы обвиняемого, об отношении к воинской службе, наличии у него транспортных средств, оружия, сведения о состоянии здоровья (имеющиеся у него хронические заболевания и места лечения), особые приметы обвиняемого, его привычки и наклонности, связи, данные о лицах, которые оказали или могли оказать содействие обвиняемому, и т.п. К справке представляется необходимым прилагать дактилокарты при их наличии или их копии, фотографию, а при ее отсутствии – подробное описание внешности разыскиваемого.

6. Розыск обвиняемого может быть объявлен как во время производства предварительного следствия, так и одновременно с его приостановлением. Розыск обвиняемого не только можно, но и целесообразно объявлять ранее, чем будет закончен срок предварительного следствия и оно будет приостановлено, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 247 УПК после приостановления предварительного следствия производство по уголовному делу не допускается, в связи с чем никакие процессуальные действия не могут быть произведены, как и не могут быть приняты никакие процессуальные решения, предусмотренные УПК. Поэтому до вынесения постановления о приостановлении предварительного следствия следователь должен произвести все необходимые процессуальные действия, в частности вынести постановления о задержании обвиняемого, о применении в отношении его меры пресечения, в том числе в виде заключения под стражу, т.к. все эти действия после приостановления предварительного следствия уже не могут быть произведены.

7. Объявляя розыск обвиняемого или подозреваемого, следователь не решает вопрос о виде розыска. Какой вид розыска объявлять, решает орган дознания. Как правило, начинается местный розыск. Если он не дал результата, орган дознания объявляет республиканский (государственный) розыск. Если и он не дал результата, то при наличии основания объявляется межгосударственный и международный розыск. Особенности правомочий на проведение розыска обвиняемых органами дознания и порядок его проведения устанавливаются соответствующими нормативными правовыми актами, в частности Инструкцией о порядке взаимодействия органов внутренних дел Республики Беларусь, органов прокуратуры, подразделений Следственного комитета Республики Беларусь, следственных подразделений органов государственной безопасности Республики Беларусь, подразделений Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь при осуществлении розыска (поиска) лиц и о порядке ведения розыскных дел органами внутренних дел, а также Инструкцией об обеспечении информационного взаимодействия в рамках Интерпола, предназначенных для служебного пользования.

8. Согласно ч. 3 ст. 248 УПК при наличии законных оснований, закрепленных в ст. 117 УПК, в отношении разыскиваемого обвиняемого может

быть избрана мера пресечения, в том числе в виде заключения под стражу, в случаях, предусмотренных ст. 126 УПК, с санкции прокурора или его заместителя. Особенности применения мер пресечения содержатся в главе 13 УПК.

9. Частью 4 ст. 248 УПК предусмотрено положение, в соответствии с которым в случае, если у разыскиваемого обвиняемого без попечения родителей остаются дети, для обеспечения государственной защиты детей о его розыске не позднее следующего дня после принятия решения уведомляется управление (отдел) образования районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе по его месту жительства. Представляется, что, если у разыскиваемого обвиняемого остаются без попечения не только дети, но и престарелые родители, другие иждивенцы, следователь обязан принять меры, указанные в ч. 4 ст. 248 УПК, а также меры по передаче престарелых родителей и других иждивенцев на попечение или под опеку родственникам либо другим лицам и учреждениям. Меры попечения о детях, иждивенцах также закреплены в ст. 197 УПК.

10. Если отпала необходимость в розыске обвиняемого, следователь выносит постановление о прекращении розыска, копия которого направляется органу дознания, осуществляющему розыск. Эта копия для органа дознания является основанием для прекращения розыскного дела. Структура и содержание постановления следователя о прекращении розыска аналогичны структуре и содержанию постановления об объявлении розыска, только в резолютивной части постановления о прекращении розыска должно быть отражено решение следователя о прекращении розыска обвиняемого и направлении копии постановления органу дознания, которому розыск был поручен.

Сами случаи, при которых может отпасть необходимость в розыске обвиняемого, не указываются. В то же время очевидно, что необходимость в розыске обвиняемого отпадает, если было установлено место нахождения разыскиваемого лица (например, он был разыскан органом дознания, которому его розыск был поручен, либо иным органом дознания по поручению, ориентировке инициатора розыска); обвиняемый, объявленный в розыск, добровольно явился в орган уголовного преследования; был обнаружен труп разыскиваемого лица либо были получены документально подтвержденные сведения о его смерти; прекращено предварительное расследование по уголовному делу либо уголовное преследование в отношении разыскиваемого лица и т.п.

Возобновление приостановленного предварительного расследования

1. Приостановление предварительного следствия является вынужденной процессуальной мерой, которая вследствие своего функционального предназначения должна приводить к возобновлению производства по уголовному делу. В связи с этим после того, как отпали основания для приостановления или возникла необходимость производства следственных действий, которые могут быть осуществлены без участия обвиняемого, следствие возобновляется мотивированным постановлением того же самого должностного лица, в производстве которого данное уголовное дело находилось на момент приостановления (если, конечно, оно на законном основании не передано другому должностному лицу).

2. Отпадение оснований заключается в том, что обвиняемый, который скрылся от органа уголовного преследования или местонахождение которого было

неизвестно по иным причинам, разыскан; заболевший или страдавший психическим расстройством (заболеванием) обвиняемый выздоровел; лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, установлено; безвестно исчезнувшее лицо обнаружено и др.

3. Необходимо принимать во внимание, что если по приостановленному производством уголовному делу обнаружено безвестно исчезнувшее лицо, то, в любом случае независимо от причины исчезновения предварительное расследование возобновляется, в том числе в случаях, когда в отношении этого лица не совершались деяния криминального характера. В подобной ситуации следователь, возобновив производство по уголовному делу, выносит постановление о прекращении предварительного расследования по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК, за отсутствием общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом.

4. В постановлении о возобновлении предварительного следствия следователь обосновывает принятое решение, указывая обстоятельства, в связи с которыми возобновляется предварительное следствие, и должна быть дана ссылка на тот пункт ст. 249 УПК, на основании которого принимается это решение. Структура постановления о возобновлении предварительного следствия аналогична структуре постановления о приостановлении предварительного следствия.

5. В случае, если производство по уголовному делу было приостановлено по истечении сроков предварительного следствия, одновременно с возобновлением предварительного следствия должен быть поставлен вопрос о продлении сроков расследования.

6. Следует также иметь в виду, что ч. 2 ст. 249 УПК уполномочивает прокурора, начальника следственного подразделения или их заместителей отменять постановления следователя о приостановлении предварительного следствия, в связи с чем приостановленное предварительное расследование может быть возобновлено мотивированным постановлением указанных лиц.

7. После возобновления производства по приостановленному делу предварительное следствие ведется в общем порядке.

8. Производство по приостановленному делу по истечении сроков давности, предусмотренных в ч. 1 ст. 83 УК, подлежит прекращению, о чем выносится мотивированное постановление. Однако прекращение производства по уголовному делу за истечением сроков давности исключается, если имеются сведения о перерыве либо приостановлении срока давности.

На основании ч. 3 ст. 83 УК течение сроков давности прерывается, если до истечения указанных в ч. 1 ст. 83 УК сроков лицо совершит новое умышленное преступление. Исчисление сроков давности в этом случае начинается со дня совершения нового преступления по каждому преступлению отдельно.

В соответствии с ч. 4 ст. 84 УК течение сроков давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, скроется от органа уголовного преследования или суда. Течение сроков давности возобновляется со дня задержания лица или явки его с повинной.

Вместе с тем в ч. 4 ст. 83 УК закреплена императивная норма о том, что лицо, скрывшееся от следствия или суда, не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со времени совершения преступления прошло пятнадцать лет и течение сроков давности не было прервано совершением нового

умышленного преступления. Исключения составляют вопросы применения сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которые может быть назначено наказание в виде пожизненного заключения либо смертной казни. Данные вопросы разрешаются судом.

На основании изложенного за истечением сроков давности могут быть прекращены как уголовные дела, приостановленные вследствие неустановления лиц, подлежащих привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого, так и уголовные дела, приостановленные на том основании, что обвиняемый скрылся от органа уголовного преследования либо когда по иным причинам не установлено его местонахождение. При этом в случае, если производство предварительного следствия было приостановлено по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 246 УПК, максимальным сроком давности является пятнадцать лет. По истечении этого срока в соответствии с ч. 4 ст. 83 УК лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности при условии, если оно в указанный период не совершило нового умышленного преступления, то есть течение сроков давности не прерывалось.

Несмотря на то, что в ч. 3 ст. 29 УПК предусмотрено получение согласия подозреваемого или обвиняемого на прекращение уголовного дела по п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК, данная норма не может быть реально применена на практике в случае, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено и соответственно получить его согласие на прекращение уголовного дела невозможно.

9. В ч. 3 ст. 249 УПК предусмотрена необходимость сообщить обвиняемому, его защитнику и законному представителю, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям о возобновлении предварительного расследования. Вместе с тем полагаем, что копия постановления о возобновлении предварительного следствия помимо перечисленных лиц должна быть направлена и надзирающему прокурору. Данная позиция представляется логичной, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 246 УПК следователь направляет прокурору копию постановления о приостановлении предварительного следствия, учитывая в том числе обязанность прокурора осуществлять надзор за расследованием этого уголовного дела.

Действия прокурора при осуществлении надзора за законностью приостановления и возобновления предварительного расследования

К организации надзора за исполнением законов при приостановлении предварительного следствия прокурор обязан подходить с позиции его процессуального статуса, а также требований нормативных правовых актов Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, направленных на обеспечение соблюдения прав и законных интересов участников процесса.

Согласно подп. 1.7 п. 1 приказа Генерального прокурора Республики Беларусь от 2 марта 2017 г. № 8 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов на стадиях досудебного производства» прокурору в течение одного месяца с момента поступления в орган прокуратуры уголовного дела необходимо проверять законность и обоснованность вынесенных по нему постановлений о приостановлении предварительного следствия и о прекращении предварительного расследования. Не допускать немотивированное возобновление производства по прекращенному уголовному делу, реализуя имеющиеся

полномочия только в случае необходимости установления обстоятельств, без оценки которых невозможно принять законное процессуальное решение.

При согласии с указанными процессуальными решениями необходимо делать отметку на копии соответствующего постановления, помещаемого в надзорное производство (наряд органа прокуратуры). Прокурорскому работнику, учинившему отметку, ставить подпись, указывать дату проверки законности принятого решения, свои должность и фамилию. При принятии по уголовному делу решения о приостановлении предварительного следствия и в случае согласия с ним материалы уголовного дела необходимо направлять в вышестоящий орган прокуратуры. Копии процессуальных решений направляются в вышестоящие органы прокуратуры в течение 3 суток с момента их поступления прокурору.

Таким образом, объектами прокурорского надзора при проверке законности и обоснованности приостановления уголовного дела являются процессуальные и иные действия следователя, направленные на обеспечение должной полноты установления обстоятельств предмета доказывания. Прокуроры должны выяснять вопросы о том, соблюдены ли следователем требования, предусмотренные ст. 246 УПК, о принятии всех мер по установлению события преступления, изобличению виновных лиц, а также принято ли следователем решение по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законом, и с соблюдением условий принятия такого решения. Кроме того, прокурорский надзор на данном участке должен быть направлен на проверку и обеспечение соблюдения законов органами дознания в их деятельности по розыску обвиняемых или установлению лиц, которые совершили преступление.

Прокурорский надзор за исполнением закона при приостановлении предварительного следствия предусматривает личное изучение прокурором каждого приостановленного производством уголовного дела, а также систематическое обобщение прокурором совместно с начальником следственного подразделения практики приостановления предварительного следствия с целью выявления ошибок, допускаемых следователями, при осуществлении мер, направленных на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, местонахождения обвиняемого, а также мер по розыску скрывшегося обвиняемого или обнаружению безвестно исчезнувшего лица.

При этом прокурор осуществляет проверку как законности, так и обоснованности принятого решения о приостановлении предварительного следствия. Соблюдение требования законности предполагает, что решение следователя о приостановлении производства по уголовному делу принято с соблюдением норм уголовно-процессуального закона. При проверке законности постановлений о приостановлении предварительного следствия по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2 и 6 ч. 1 ст. 246 УПК, необходимо применять комплексный подход к оценке полноты расследования и оперативно-розыскной деятельности, изучая материалы приостановленных уголовных дел одновременно с соответствующими делами оперативного учета.

Незаконным постановление следователя о приостановлении предварительного следствия признается в случаях, если:

1) процессуальное решение принято в отсутствие оснований, перечисленных в ч. 1 ст. 246 УПК;

2) постановление о приостановлении следствия вынесено должностным лицом органа предварительного расследования, не принявшим уголовное дело к своему производству;

3) постановление вынесено после истечения срока предварительного следствия, предусмотренного УПК, либо если по основаниям, предусмотренным пп. 1, 2 и 6 ч. 1 ст. 246 УПК, предварительное следствие приостановлено до истечения срока его производства;

4) о приостановлении предварительного следствия не уведомлены лица, указанные в ч. 1 ст. 247 УПК.

Под обоснованностью понимается установление наличия совокупности фактов, сведений, обстоятельств, убедительных доводов и т.д., т.е. данных, свидетельствующих о необходимости приостановления производства по уголовному делу. Необоснованным приостановление предварительного следствия признается, если:

1) материалами уголовного дела не подтверждается наличие предусмотренных в ч. 1 ст. 246 УПК оснований принятия такого решения;

2) в случае приостановления производства по основаниям, предусмотренным в пп. 1, 2 и 6 ч. 1 ст. 246 УПК, не выполнены все следственные действия, проведение которых возможно в отсутствие лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого;

3) при приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному в п. 3 ч. 1 ст. 246 УПК, не приняты меры к установлению фактического места нахождения подозреваемого или обвиняемого и не выяснена обоснованность вывода о реальной невозможности его участия при производстве следственных действий;

4) при приостановлении предварительного следствия на основании п. 4 ч. 1 ст. 246 УПК не проверена достоверность сведений о временном психическом расстройстве (заболевании) или ином заболевании обвиняемого, препятствующем его участию в производстве процессуальных действий, хоть следователю и представлено медицинское заключение о наличии у названного лица такого заболевания.

Прокурор должен проверить, насколько мотивировка следователем решения о приостановлении следствия является убедительной, объективной и обоснованной, она должна быть конкретной и не сводиться к общим фразам.

В случае прекращения производства по уголовному делу в соответствии с ч. 6 ст. 246 УПК прокурору надлежит проверять точность исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности, установленных в ст. 83 УК, а также отсутствие оснований для перерыва или приостановления их течения.

С целью предупреждения и устранения нарушений закона в деятельности органов предварительного следствия по приостановлению производства по уголовным делам прокурор на основании п. 5 ч. 5 ст. 34 и ч. 2 ст. 249 УПК может отменить незаконное и необоснованное постановление следователя о приостановлении предварительного следствия и возобновить производство по делу. При этом представляется, что прокурор, отменяя постановление следователя, должен указать не только конкретные недостатки предварительного расследования, но и указать необходимые для их устранения действия.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Следственного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 13 дек. 2011 г. № 325-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 200 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 04.07.2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6 Об организации прокурорского надзора за исполнением законов на стадиях досудебного производства [Электронный ресурс] : приказ Генерального прокурора Респ. Беларусь от 2 марта 2017 г. № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 24 сентября 2009 г. № 7 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

8. О клиническом протоколе оказания медицинской помощи пациентам с психическими и поведенческими расстройствами [Электронный ресурс] : приказ Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 31 дек. 2010 г. № 1387 : в ред. приказа Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 26.05.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

9. Об установлении форм «Медицинская справка о состоянии здоровья», «Выписка из медицинских документов» и утверждении Инструкции о порядке их заполнения [Электронный ресурс] : постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 9 июля 2010 г. № 92 : в ред. постановления Министерства здравоохранения Респ. Беларусь от 12.02.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

10. Об утверждении Инструкции о порядке выдачи и оформления листков нетрудоспособности и справок о временной нетрудоспособности [Электронный ресурс] : постановление Министерства здравоохранения Респ. Беларусь и Министерства труда и социальной защиты Респ. Беларусь от 9 июля 2002 г. № 52/97 : в ред. от 21.03.2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

11. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.]; под науч. ред. М. А. Шостака; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.

12. Данько, И. В. Приостановление и возобновление предварительного расследования: лекция / И. В. Данько; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. – 19 с.

13. Исаенко, В. Н. Процессуальные и криминалистические аспекты оценки прокурором законности и обоснованности приостановления предварительного расследования: пособие / В. Н. Исаенко, А. М. Кустов, А. Е. Шарихин; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2013. – 84 с.

14. Крюков, В. Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора / В. Ф. Крюков. – М. : Норма, 2010. – 480 с.

15. Дмитриева, Т. Б. Судебная психиатрия: учеб. пособие / Т. Б. Дмитриева, А. А. Ткаченко, Н. К. Харитонова, С. Н. Шишков. – М. : ООО «Медицинское информационное агентство», 2008. – 752 с.

16. Маджаров, Р. В. Приостановление предварительного следствия ввиду временного психического расстройства обвиняемого [Электронный ресурс] : [по состоянию на 25.09.2012 г.] / Р. В. Маджаров // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

НАШИ АВТОРЫ

Артеменков Владимир Константинович – старший научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Афонченко Татьяна Петровна – доцент кафедры права и экономических теорий УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», кандидат юридических наук, доцент.

Безбородов Дмитрий Анатольевич – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Бильдейко Алексей Александрович – начальник отдела прокуратуры Брестской области по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов.

Богданович Наталья Александровна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Бодакова Ольга Витальевна – доцент кафедры гражданского и хозяйственного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Бойко Павел Анатольевич – аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Бурый Виталий Евгеньевич – заместитель начальника кафедры правовых дисциплин учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Винокуров Александр Юрьевич – директор НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Головко Ирина Ивановна – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Диканова Татьяна Александровна – заведующий отделом НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Добрецов Денис Григорьевич – ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Дубко Михаил Анатольевич – следователь по особо важным делам управления анализа практики и методического обеспечения предварительного

расследования центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь.

Дытченко Геннадий Владимирович – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Ережипалиев Дамир Ильдарович – старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Ескендиров Айдос Абдрахманович – начальник Института послевузовского и дополнительного образования Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. генерал-майора милиции М. Есбулатова, кандидат юридических наук.

Жидких Анатолий Александрович – ведущий научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Залужный Александр Гаврилович – профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Игнатюк Андрей Здиславович – доцент кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск УО «Военная академия Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Ильина Анастасия Николаевна – аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Исламова Эльнара Рафисовна – доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Каратаев Турдалы Жаксылыкович – старший преподаватель Учебного центра МВД Республики Казахстан им. Б. Момышулы, кандидат юридических наук.

Катушонок Ольга Валерьевна – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики Полоцкого государственного университета.

Колевич Станислав Сергеевич – помощник судьи суда Минского района.

Колесников Вадим Вячеславович – заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор.

Коротич Елена Алексеевна – доцент кафедры теории и истории государства и права УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук.

Кузьменкова Светлана Валерьевна – адъюнкт УО «Академия МВД Республики Беларусь».

Кукштель Виктория Александровна – аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Куница Егор Владимирович – старший прокурор управления по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Лосев Владимир Владимирович – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Любавина Марина Александровна – профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Маков Борис Васильевич – доцент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат философских наук.

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор.

Мелешко Денис Анатольевич – научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Нечаев Алексей Дмитриевич – научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Никитин Евгений Львович – профессор кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Павловская Надежда Владимировна – старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Полящук Наталья Анатольевна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Протасевич Алексей Викторович – инспектор государственного предприятия «Минский метрополитен».

Резюк Вадим Иванович – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Рыцерски Мариуш – советник по экономическим вопросам департамента порядка и внутренней безопасности Высшей контрольной палаты Польши.

Сасенов Айдар Балтабекович – директор Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

Семенов Андрей Сергеевич – научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Сенько Анатолий Степанович – начальник управления аналитической и правовой работы Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Серова Елена Борисовна – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Скобелев Владимир Петрович – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Ступаченко Евгений Викторович – старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Тюнин Владимир Александрович – заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в гражданском, арбитражном и административном процессе Крымского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Федышина Полина Викторовна – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Филипец Оксана Борисовна – доцент кафедры специальных юридических дисциплин Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук.

Халиуллин Адель Ильфатович – научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Хватик Юлия Александровна – доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук.

Хиревич Марина Леонидовна – консультант управления аналитической и правовой работы Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь.

Хлус Александр Михайлович – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Хомич Владимир Михайлович – заведующий информационно-методическим кабинетом ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Шакель Надежда Валентиновна – заместитель начальника управления центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Швед Андрей Иванович – Председатель Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Швед Надежда Александровна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Шекк Елена Александровна – старший научный сотрудник НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Шобухин Владимир Юрьевич – прокурор отдела прокуратуры Свердловской области, кандидат юридических наук, доцент.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ

Объем материалов научной статьи, представленной к опубликованию, должен составлять не менее 14 000 и не более 20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т.д. Материалы научных статей должны быть напечатаны на русском и белорусском языках в редакторе Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, 14 пт, межстрочный интервал 1,5, абзацный отступ 1,25 и включать следующие элементы:

Фамилию и инициалы автора (авторов) статьи, ее название.

Основную часть, включающую графики и другой иллюстративный материал (при их наличии).

Список цитированных источников.

Фамилия и инициалы автора (авторов) и название статьи набираются полужирным шрифтом по центру строки без переноса и без отступа. Название статьи должно отражать основную идею выполненного исследования, быть по возможности кратким, содержать ключевые слова.

Основная часть статьи должна содержать описание методики, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть сформулированы с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Цитированные источники приводятся по тексту в квадратных скобках и нумеруются согласно порядку цитирования.

Список использованных источников оформляется по правилам, указанным в Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации. Список располагается в конце текста и набирается шрифтом Times New Roman размером 12 пт.

Дополнительно представляемые материалы. Вместе со статьей автором (авторами) должны быть представлены:

аннотация на **русском** и **английском** языках (100–150 слов), которую необходимо изложить так, чтобы она была пригодна для опубликования в аннотациях к журналам отдельно от статьи;

сведения об авторе (авторах) статьи: фамилия, имя и отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, контактные данные (телефон, адрес, e-mail);

рецензия доктора или кандидата юридических наук для авторов, не имеющих ученой степени.

Научное издание

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 10

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. Г. Щербакова*

Подписано в печать 18.12.2017. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 23,02. Уч.-изд. л. 30,24.
Тираж 100 экз. Заказ 704.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.